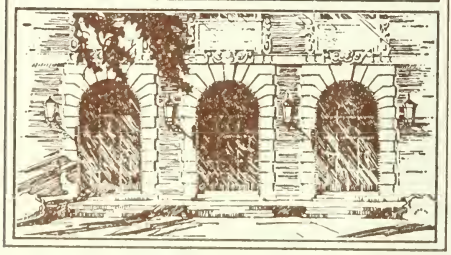
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

057
OT
1878
no.4



The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 30 1984

L161—O-1096

Digitized by the Internet Archive
in 2015

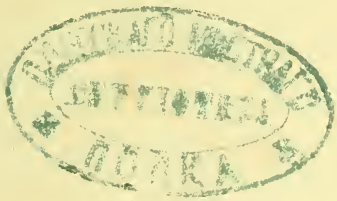
https://archive.org/details/otechestvennyiaz1878unse

Отд. I № 47.
5883/4

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

1878

№ 4 АПРѢЛЬ



САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).

СТРАН.

I. — ЗА ДУНАЕМЪ. (Изъ воспоминаній о войнѣ). **Н. Максимова**. 247
II. — ИЗЪ ИСТОРІИ МОЕГО ХОЗЯЙСТВА. (*Окончаніе*). **А. Энгельгардта**. 286
III. — ОБРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. IV. **Герберта Спенсера**. 323
IV. — ТРИ ПИСЬМА. (Изъ воспоминаній Долбежникова). (*Окончаніе*). **Г. Иванова**. 349
V. — ПИРЪ ДРУЗЕЙ. (*Стихотвореніе*). **Александра Арсеньева**. 368
VI — ДИТЯ ГОСУДАРСТВА. Разсказъ. Изъ американской жизни 371
VII. — ПІЙ IX, какъ папа, государь и человѣкъ. . . . 391
VIII. — ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ Н. А. НЕКРАСОВА. «Великое чувство! у каждыхъ дверей». — С — ву. — Отрывокъ. — Старость. 417
IX. — ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ — ДОМА. (Изъ записокъ провинціальнаго адвоката). **В. Кроткова**. 419
X. — ИСТОРІЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ. Соч. Виктора Гюго. (*Окончаніе перваго тома*) 459
XI. — СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛІЯ. VII—IX. **Н. Щедрина**. 517

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XII. — КРЕСТЬЯНСКІЕ НАДѢЛЫ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. (Нѣсколько замѣчаній на книгу князя Васильчикова «Землевладѣніе и земледѣліе» и на его отвѣтъ критикамъ и рецензентамъ) **П. Костычева**. 171
XIII. — НА СЛАВЯНСКОМЪ РАСПУТЬѢ. (Мотивы и выводы). **П. Боборыкина** 193
XIV — ОТВѢТЪ ГГ. БѢЛОВУ, КОСТОМАРОВУ И МИЛЛЕРУ. **Е. Карновича** 223
XV. — Г-нъ КОСТОМАРОВЪ ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАДАЧѢ. **С. К—о**. 239
XVI. — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Выборы 3—17-го марта.—Два главныхъ охранительныхъ законопроэкта и противодѣйствіе реакціонеровъ.—Принятіе сенатомъ закона о разносной продажѣ произведеній печати.—Продолженіе провѣрки полномочій въ палатѣ.—Выходка Поля де Касаньяка, скандалы и дуэли за ней воспослѣдовавшіе. — Дѣло Жанта.—Недовольство и раздоры конституціоналистовъ.—Пренія въ сенатѣ объ осадномъ положеніи.—

(*См. страницу 3-ю*).

057
OT
1878
no.4

ЗА ДУНАЕМЪ.

(Изъ воспоминаній о войнѣ).

Вотъ пошелъ уже третій годъ со времени начала славянской распри. Мы дождались конца кровавой драмы. Всѣ мы находимся подъ свѣжими впечатлѣніями минувшаго кровопролитія... Ужасъ и смерть — повсюду смерть и ужасъ!.. ужасъ и смерть впродолженіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ!.. Голова кружится, грудь сдавлена, духъ захватило, въ вискахъ стучитъ, въ ушахъ барабанный бой, гудящая въ воздухѣ граната, вопли разоренныхъ болгаръ и нашихъ вдовъ и сиротъ, дикій шумъ, ревъ, пальба, звяканье штыковъ, сабель, ржанье лошадей, стоны, крики, команда, восклицанія, предсмертный хрипъ — и все это сливается въ одинъ общій хаосъ. Въ разстроенномъ воображеніи рисуется рядъ ужаснѣйшихъ картинъ: то намъ кажутся полуобнаженные люди, разбросанные по полямъ битвы, надъ которыми носятся свинцовыя тучи... человѣческія руки, ноги валяются, какъ щепки, и лакомятъ собою хищныхъ птицъ и собакъ; то намъ представляются на Балканахъ фигуры окоченѣвшихъ людей; то мы видимъ на Шипкѣ обезглавленные трупы, съ конвульсивно застывшими руками въ тотъ моментъ, когда раненому хотѣлось вырвать ножъ изъ рукъ убійцы; то отрѣзанныя головы, съ багровыми пятнами на щекахъ и на лбу, катятся какъ мячики, внизъ подъ шипкинскую гору...

Таковы впечатлѣнія войны, таковы ея ужасы.

Въ дополненіе этой картины: моръ гуляетъ по лазаретамъ и коситъ жизнь тѣхъ людей, которые еще, благодаря счастливому случаю, избѣгли смерти или увѣчій на полѣ битвы. Этотъ моръ уже дерзко ворвался въ предѣлы нашего отечества.

Утомленные и иступленные послѣдствіями войны, мы окончательно теряемъ подъ собою почву, и одна только мысль коломъ засѣла въ наши головы: когда же наступитъ конецъ?.. Спустится ли къ намъ съ небесъ, хотя на время, та миѳическая дѣва, съ масличной вѣткой въ рукахъ, которая удалилась на небо, въ концѣ царствованія Сатурна, и которая, рано или поздно, по сознанію всѣхъ народовъ, должна вернуться на землю и воцарить миръ, ясный, вѣчный и чистый, какъ свѣтъ?

Но божество «Миръ»—такъ же таинственно, какъ таинственна и самая война. Мы бродимъ, какъ во тьмѣ: пробуемъ, испытываемъ, щупаемъ и все-таки оступаемся.

Мы обращаемся за объясненіемъ причинъ войны къ печати, но и она, кромѣ противорѣчій, ничѣмъ себя не заявила и во всякомъ случаѣ стояла ниже того факта, которымъ она хотѣла руководить.

«Основный принципъ настоящей войны есть принципъ великій, принципъ освобожденія славянъ изъ подъ ига деспота».

Кто нашептываетъ намъ эти слова? Это нашептываютъ публицисты, цѣль жизни которыхъ заключается въ томъ, чтобы попирать всякую свободную мысль, всякую свободную иниціативу.

Гдѣ тутъ логика? гдѣ правда? гдѣ искренность?

Другая часть публицистовъ, болѣе логичныхъ, болѣе правдивыхъ и независимыхъ, отличалась въ этомъ вопросѣ разладомъ мнѣній. Одни доказывали намъ, что въ русскомъ народѣ никогда не существовало традицій славянофильства, что даже мысль освобожденія славянъ заимствована отъ Запада. Другіе отдѣлывались намеками и охлаждали шовинистовъ; ссылались на факты, взятые изъ самой войны, изъ отношеній русскихъ къ болгарамъ, изъ образа жизни болгаръ, изъ экономическаго состоянія Болгаріи, и заимствовали эти факты, ради бо̀льшей аргументаціи, изъ о̀рганов самихъ же шовинистовъ. Но прямого отвѣта и они не даютъ.

Очевидно, мы переживаемъ такое время, когда много русскихъ людей потеряли головы въ мозговомъ хаосѣ нашихъ дней. Въ лабиринтѣ всевозможныхъ противорѣчій здравомыслящій человѣкъ можетъ найти положительнаго только одно: что для здраваго смысла тутъ нѣтъ ни дороги, ни выхода. Оглянитесь вокругъ себя и посмотрите, какое броженіе умовъ происходитъ во всѣхъ слояхъ нашего общества; представьте всю славянскую эпопею отъ начала и до конца; вспомните всѣхъ дѣйствующихъ лицъ ея и всѣ ея перипетіи—и вы поймете, что «броженіе»—вотъ главный источникъ, изъ котораго оно вышло.

напутственное слово: — «освободили Израиль отъ тяжкаго египетскаго рабства; провели его по дну Чермнаго Моря, потопили египтянъ въ пучинѣ морской; побѣдили Амаликову силу въ пустынѣ; сокрушили твердыни Іерихона; истребили нечестивые народы ханаанскіе, повелѣвъ даже солнцу стати»... И мы, имѣя передъ собою столь убѣдительный примѣръ побѣжденія амаликовой силы въ пустынѣ, пошли храбро и увѣренно сокрушать и истреблять нечестивыхъ турокъ...

А въ толпѣ, благоговѣйно взиравшей въ сторонкѣ на величественную поступь блестящаго и сіяющаго кружка красивыхъ офицеровъ, стояли въ это время фабричные и чесали себѣ затылки, не зная куда имъ идти на работу, по случаю закрытія нѣкоторыхъ обанкротившихся фабрикъ и заводовъ.

— Куда вы отправляетесь? спросилъ я офицера изъ штаба.

— Мы отправляемся прямо въ Бухарестъ... Музыканты поѣхали впередъ, туда же, какъ кажется, ѣдетъ эшелонъ съ конвоемъ. Смотрите, не опаздывайте, иначе вы прозѣваете видѣть картину торжественнаго въѣзда въ румынскую столицу.

— А что скажутъ румыны?...

— Тамъ, батюшка, двигается такая сила, что имъ и подумать страшно...

Но какъ ни была величественна сама по себѣ картина отъѣзда, сколько утѣшительныхъ надеждъ она ни внушала кишиневской публикѣ, тѣмъ не менѣе послѣдняя какъ-то молчаливо расползалась по своимъ норкамъ и зажила своею вялой апатичною, провинціальною жизнію.

— Вы, Марья Дмитріевна, щиплете корпію?

— Щиплю, батюшка, каждый день щиплю...

— Щиплите. матушка, щиплите, да вотъ надо-бы маскарадикъ съ танцами устроить въ пользу краснаго креста...

— До маскарадовъ-ли теперь!

— Нѣтъ, отчего-же?.. современемъ, развлеченіе будетъ, раненыхъ подвезутъ, плѣнныхъ турокъ тоже, а пока, знаете, хотя маскарадомъ что-ли поразвлечься... ужь больно скучно стало!

Какъ будто сто-пудовая гиря свалилась съ груди моей, когда я выѣхалъ изъ этого мертваго Кишинева: такое подавляющее впечатлѣніе способны производить только наши города; они заражаютъ убійственнымъ сплиномъ самаго нервнаго человѣка, вырабатывая въ немъ невозможное равнодушіе ко всему и ко всѣмъ, даже въ такую минуту, когда тутъ же подъ бокомъ начинаются событія первостепенной, европейской важности.

Въ послѣдній разъ пробѣжали мимо оконъ вагона низенькіе, широко разбросанные домишки городскаго предмѣстья, и локомо-

тивъ вынесъ меня на зеленый просторъ, окаймленный на юго-западной сторонѣ хребтомъ невысокихъ горъ. Грудь широко вздохнула; ароматическая струя весенняго воздуха ворвалась въ отворенное окно вагона; сначала бѣжали мимо зеленыя поля, потомъ потянулось болото вдоль полотна желѣзной дороги; поѣздъ подъѣхалъ, наконецъ, къ крутому обрыву горы. Мы достигли пограничной станціи Унгены, проѣхали шлагбаумъ; таможенный солдатъ отдалъ поѣзду честь своимъ кистенемъ и этого русскаго стараго, сѣраго, неповоротливаго таможеннаго инвалида съ гладко обстриженною головою и щетинистыми усами, смѣнилъ молоденькій румынскій полицейскій, необыкновенно подвижной и развязный, щегольски одѣтый, смуглый господинчикъ, съ предупредительными манерами и съ англійскимъ проборомъ на головѣ.

Еще нѣсколько часовъ путешествія и мы подъѣзжали къ городу Яссы. Онъ видѣнъ изъ далека. На скатѣ довольно высокаго холма, покрытаго ковромъ сочной молодой, весенней травки, раскинулся небольшой городокъ Яссы и производитъ самое лучшее впечатлѣніе на путешественника. Подъѣзжая къ дебаркадеру, вы видите городъ въ правой сторонѣ; среди массы тѣсно сгрупированныхъ городскихъ зданій, насчитываютъ до тридцати куполовъ церквей, которые рѣзко выдѣляются темнотою и стариною своихъ закоптѣлыхъ стѣнъ среди веселыхъ, яркихъ красокъ въ общемъ колоритѣ. Маленькіе дома рѣзко бьютъ въ глаза своею бѣлизною, несмотря на то, что они такъ тщательно стараются закутаться въ густой зелени садовъ. Кругомъ города раскинулись черноземныя поля, засѣянныя хлѣбомъ, кукурузою и виноградниками. При видѣ этой благодатной почвы становится совершенно понятнымъ, почему этотъ черномазый молдаванинъ, съ длинными, черными, какъ смоль, густыми кудрями, небрежно раскинувшимися по его плечамъ изъ подъ черной, войлочной шляпы съ широкими полями, одѣтый въ бѣлую рубаху и такія же шаровары, въ черную бурку, такъ вяло двигается и почему онъ лѣниво пашетъ свою землю, апатично поглядываетъ на поѣздъ и поминутно отходитъ отъ сохи, ложась на землю и закусывая «мамалыгой».

Наши войска застали румынскій народъ за полевыми работами.

— Чудно̀й народъ! говорили солдатики.

— Почему чудно̀й?

— Потому бѣгутъ!.. какъ нашихъ съ поля увидятъ, что мы по дорогѣ идемъ—такъ сейчасъ въ разсыпную, въ разныя стороны... Мы имъ въ слѣдъ: «погоди!.. погоди!.. мамалыга есть?» а у нихъ только пятки сверкаютъ... чего они бѣгутъ?..

— Боятся!

— Чего бояться?.. Мы ихъ не тронемъ, зачѣмъ баловаться!

И дѣйствительно, солдаты не трогали румынскій народъ. Онъ бѣжалъ отъ солдатъ, памятуя прошлые переходы русскихъ черезъ Румынію, когда наше войско, по словамъ очевидцевъ, держало себя въ Румыніи довольно непринужденно.

Въ сущности, чудного не было въ бѣгствѣ народа, при видѣ приближавшейся массы ярко блестѣвшихъ на солнцѣ штыковъ; чудно было видѣть выраженіе необыкновеннаго удивленія на лицахъ нетолько крестьянъ, но и интелигентныхъ гражданъ, хотя бы города Яссы, когда первый эшелонъ нашихъ войскъ появился на границѣ. Появленіе войска въ предѣлахъ Румыніи было для нихъ такъ неожиданно, что они рѣшительно не знали, какъ отнестись къ гостю.

Дождь лилъ какъ изъ ведра, когда первый эшелонъ пришелъ въ Румынію. Слухъ о появленіи русскихъ войскъ въ предѣлахъ Румыніи съ быстротою молніи облетѣлъ городъ Яссы, и многіе горожане ринулись на станцію желѣзной дороги, несмотря на проливной дождикъ. Вышло замѣшательство.

— Я протестую! могъ только заявить пограничный стражъ и съ этими словами воткнуть свое ружье штыкомъ въ землю и отвернуться въ сторону.

Въ точно такомъ-же курьёзномъ положеніи очутился и весь румынскій народъ. Ясскіе жители сошлись на станціи желѣзной дороги и, видя, какъ дождь пронизывалъ нашихъ солдатъ до костей подъ миніатюрными палатками, раскинутыми по обѣ стороны полотна дороги, соболѣзновали объ ихъ участи въ ту минуту; но никто, однако, не рѣшился пригласить ихъ въ городъ и укрыть подъ кровлею теплаго жилья. «Какъ еще отнесется къ нежданному гостю наше правительство?» думали румыны. И въ этой ихъ думѣ заключалась, конечно, вся курьёзная сторона отношенія народа къ правительству и «народнаго» правительства къ народу вообще. Правда, что въ это время по румынскимъ дорогамъ двигалась такая военная сила, для которой могли быть святы только права болѣе сильнаго, тѣмъ не менѣе это нисколько не измѣняетъ значенія личной политики князя Карла и его министровъ.

Русскій консулъ въ Яссахъ, г. Якобсонъ, послалъ депешу въ Бухарестъ, черезъ генеральнаго консула въ Бухарестѣ, барона Стюарта, въ которой онъ внушительнымъ образомъ требовалъ отъ румынскаго правительства немедленныхъ распоряженій относительно пропуска русскихъ войскъ въ виду состоявшагося приказанія: «вступить въ предѣлы Турціи». Въ депешѣ значился

категорическій намекъ на то, что еслибы румынское правительство вздумало воспрепятствовать движенію русскихъ войскъ, то этимъ войскамъ ничего болѣе не остается, какъ прибѣгнуть къ силѣ оружія. Войска появились въ 4 часа утра. Къ четыремъ часамъ пополудни полученъ былъ отвѣтъ отъ Братіано, согласно которому русскимъ войскамъ предоставлялась полная свобода движенія къ берегамъ Дуная. Румынская армія, предварительно расположенная на всѣхъ важныхъ стратегическихъ пунктахъ Румыніи, предупредительно попятилась назадъ, а мѣста этой арміи заступили русскіе отряды. Части 8, 9, 11 и 12 корпусовъ двинулись 12-го апрѣля къ румынской границѣ изъ Унгенъ на Яссы, изъ Гаштемака на Леово и изъ Болграда на Чесме, Рени и Галацъ. Князь Карлъ и министръ Когольничану выдерживали роли до конца. Обмѣнявшись депешами съ русскимъ консуломъ, князь Карлъ соблюлъ, въ глазахъ Европы, видъ удивленнаго и пораженнаго и созвалъ немедленно народныхъ представителей. Но прежде, чѣмъ эти представители собрались въ Бухарестѣ, онъ былъ атакованъ турецкимъ визиремъ. Вслѣдъ за переходомъ русскихъ войскъ черезъ рѣку Прутъ, князь Карлъ получилъ депешу отъ великаго визиря приблизительно слѣдующаго содержанія: «Въ виду концентрированія русскихъ войскъ на берегу Прута и другихъ признаковъ очевиднаго приготовленія русскихъ къ открытію военныхъ дѣйствій, предлагаемъ вашему высочеству войти въ соглашеніе съ Портою и выработать немедленно мѣры, вмѣстѣ съ пашею Абдуль-Керимомъ, ради огражденія границъ княжества и интересовъ государства, согласно парижскому трактату». Князь Карлъ ничего на отвѣчалъ на эту депешу великаго визиря, а румынскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Михаилъ Когольничану, отвѣтилъ въ Константинополь такимъ образомъ: «Княжеское правительство приняло къ свѣдѣнію депешу вашего высочества, адресованную на имя князя румынскаго. Такъ какъ содержаніе этой депеши требуетъ отъ насъ немедленнаго единства дѣйствій, ради оттѣсненія непріятеля, то удовлетвореніе подобнаго требованія не зависитъ отъ нашего личнаго произвольнаго распоряженія и отъ нашихъ личныхъ силъ. 14-го (26-го) апрѣля созовется парламентъ въ чрезвычайное общее собраніе; политическое положеніе дѣлъ будетъ выяснено передъ лицомъ законодательнаго корпуса и предстоящее рѣшеніе нашего правительства будетъ немедленно мною сообщено вашему высочеству; министерство конституціоннаго государства, каковымъ является въ настоящее время Турція, не можетъ требовать отъ румынскаго правительства пренебреженія основами конституціи, признанной всей Европой, и румынское

министерство, очевидно, не можетъ высказываться категорически по поводу столь важнаго вопроса, какъ настоящій, безъ особаго на то уполномочія цѣлой націи».

Забавно было слышать этотъ упрекъ о «пренебреженіи основами конституціи», увѣреніе, что удовлетвореніе требованія «не зависитъ отъ личнаго произвольнаго распоряженія» — въ виду отвѣта г. Когольничану, уже адресованнаго на имя нашего консула въ Яссахъ и въ виду удивленія конституціоннаго народа, съ которымъ онъ встрѣтилъ наши первые эшелоны.

Коренные соотечественики князя Карла румынскаго писали въ это время, ссылаясь на прокламацію главнокомандующаго, изданную румынскому народу: «Русскіе вошли друзьями въ предѣлы Румыніи и *обѣщаютъ* щедро платить румынамъ за всѣ ихъ потребности и нужды.» Такого рода извѣстія жадно перепечатывались во всѣхъ оффиціальныхъ, оффиціозныхъ и независимыхъ органахъ румынской печати (исключая туркофильствующихъ), и вызывали весьма ощутительныя повышенія цѣнъ на хлѣбъ и мясо. Евреи, проживавшіе въ предѣлахъ Румыніи и нахлынувшіе туда со вступленіемъ русскихъ войскъ, закопошились и скупали хлѣбъ массами, почему цѣны быстро возвысились и ударили по карманамъ мѣстныхъ жителей. Справедливость заставляетъ замѣтить, что мы чрезвычайно какъ деликатно отнеслись къ румынамъ на первыхъ порахъ. Когда фактъ повышенія цѣнъ дошелъ, напримѣръ, до слуха корпуснаго командира, находившагося въ авангардѣ, генерала Ванновскаго, то послѣдній поспѣшилъ заявить мѣстной администраціи, что народонаселеніе платится напрасно, что его войска ни въ чемъ не нуждаются, потому что имѣютъ при себѣ все, что имъ полагается. Наша деликатность доходила до такой степени, что мы смотрѣли сквозь пальцы на то, какъ румыны и евреи обирали нашего солдата. Были случаи, что евреи и румыны размѣнивали солдату 20 франковъ за 16, да кромѣ того брали 1 или 2 франка за размѣнъ этой монеты. При размѣнѣ золота на серебро евреи взимали съ солдатъ 5% и 6% заработка. Желая отплатить деликатностью за деликатность, румынское правительство, безъ всякаго ходатайства, само обнародовало курсъ, согласно которому, русскій полуимперіалъ стоилъ 20 фр. и 40 сант., серебряный рубль шелъ за 4 фр., а бумажный за 2 фр. 60 сант.

Тѣмъ не менѣе, румыны, почуявъ время, обрадовались ловлѣ золотой рыбки въ мутной водѣ. Извѣстно, что въ Бессарабіи существовали имѣнія, которыя недавно принадлежали русскому правительству. Эти имѣнія составляли когда-то собственность молдаванскихъ монастырей и были признаны княземъ Кузою соб-

ственностью Румынскаго Княжества. Вопросъ о правахъ собственности на эти имѣнія былъ всегда самымъ животрепещущимъ вопросомъ для всѣхъ румынъ вообще. При началѣ войны, эти имѣнія были переданы въ собственность Румыніи. Независимо отъ передачи правъ на эти имѣнія, Россія передала Румыніи нѣсколько милліоновъ франковъ дохода съ нихъ за прошлое время. Ясскіе жители видѣли шкатулочку въ рукахъ русскаго консула, барона Стюарта, на станціи желѣзной дороги, когда онъ выѣзжалъ на встрѣчу Государю. Всѣ газеты печатали объ этомъ извѣстіи, румыны были въ восторгѣ и деньги были очень кстати въ ту минуту, потому что въ сундукахъ румынской государственной кассы не было ни гроша. Это не подлежитъ сомнѣнію, потому что въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій палаты, если вы помните, былъ возбужденъ вопросъ о выпускѣ кредитныхъ денегъ. Въ палатѣ нашлись благоразумные люди, которые опровергли тогда эту ненужную мѣру, и эти благоразумные люди имѣли при этомъ въ виду главнымъ образомъ россійскую казну. Они, конечно, не ошибались въ своихъ разсчетахъ.

Слѣдуетъ ли говорить о томъ, что, подъ вліяніемъ этого исключительнаго «разсчета», дѣйствовали рѣшительно всѣ заинтересованныя въ дѣлѣ лица. «Разсчетъ» былъ совершенно ясенъ и осязателенъ для каждаго изъ нашихъ союзниковъ. Подъ вліяніемъ этого «разсчета» находился князь Карлъ, обмѣниваясь депешами наканунѣ дня своего рожденія и провозглашенія его королемъ румынскимъ; подъ вліяніемъ этого «разсчета» находились всѣ истинные горячіе патріоты своего отечества, вся молодая, сильная, либеральная, интеллигентная Румынія наканунѣ провозглашенія независимости страны; подъ вліяніемъ матеріальнаго «разсчета» находилось все народонаселеніе румынскихъ городовъ, черезъ которые проходили наши войска и подъ вліяніемъ прелести предвкушенія плодовъ при «разсчетѣ»—собрались народные депутаты на первое засѣданіе палаты въ бухарестскомъ университетѣ.

Залъ палаты былъ переполненъ массою публики. Громадная толпа народа, весь Бухарестъ, толпился на улицѣ противъ зданія университета; затаивъ дыханіе, съ чувствомъ самаго глубокаго интереса и душевнаго волненія—народъ ждалъ рѣшающаго слова изъ устъ своихъ уполномоченныхъ. «Т-с-с-ъ!» пронеслось въ толпѣ, когда князь Карлъ появился среди своего народа; слова застыли на устахъ, улеглось волненіе толпы, умолкли разговоры, всѣ обратились въ слухъ и зрѣніе, и князь Карлъ твердою поступью вошелъ въ палату: окинувъ смѣлымъ, прямымъ взоромъ всѣхъ собравшихся въ залѣ депутатовъ, онъ сказалъ

имъ тронную рѣчь: «Гг. нейтралитетъ не принятъ!»... Какой?... Гдѣ?... Почему?... объ этомъ никто не зналъ?... Но, это было совершенно безразлично для народа въ ту минуту... «Мы обязаны защищать наши интересы»! сказалъ князь Карлъ, и эти слова нашли себѣ отголосокъ въ сердцахъ каждаго румына, потому что всѣ, безъ различія пола, возраста, положенія и развитія—всѣ сразу поняли вѣрный и глубокій смыслъ этой фразы. «Русскіе вступили въ предѣлы нашего отечества; укажите мнѣ путь политики, по которому я долженъ слѣдовать»... «Къ чему указывать? думали депутаты:—это такъ ясно, такъ очевидно!»... «Къ чему указывать?» думалъ и самъ князь Карлъ, обмѣнявшись депешами заранѣе. «Надѣюсь, что ненависть политическихъ партій, сказалъ онъ:—эта вѣчная вражда ихъ между собою, наконецъ, прекратится въ виду столь важныхъ и серьёзныхъ событій настоящаго дня». И громъ рукоплесканій потрясъ своды переполненнаго зала. Князь Карлъ воодушевился и замѣтилъ депутатамъ: «Что касается меня, будьте увѣрены, гг. сенаторы и депутаты, что я свято исполню свои обязанности. Съ того дня, какъ я вступилъ на эту землю—я сталъ румыномъ; съ того дня, какъ я возсѣлъ на престолъ, украшенный великими и славными предшественниками (?)—ваши мысли стали моими мыслями, ваши желанія стали моими желаніями. Возвышеніе Румыніи, наши задачи на устьяхъ Дуная—выше всего: удержаніе нашихъ правъ—вотъ наши цѣли! Пусть страна будетъ увѣрена, что ради этихъ святыхъ цѣлей — я съумѣю встать во главѣ моей арміи!»

И вотъ, послѣ всего того, что пережито и перечувствовано въ Кишиневѣ, я пріѣхалъ въ Бухарестъ въ день провозглашенія румынской независимости.

Фіакръ еле-еле двигался со станціи желѣзной дороги по улицамъ румынской столицы. Ликующая толпа расфранченныхъ мужчинъ, дамъ, блузниковъ и простого народа въ праздничномъ нарядѣ, двигалась по улицамъ, образуя шпалеры. Всюду былъ порядокъ, всюду торжественная тишина и спокойствіе. День былъ солнечный, ясный, веселый. Зданія были украшены флагами, коврами. Кончилась обѣдня въ соборѣ. Князь Карлъ скромно ѣхалъ изъ церкви въ свой двухэтажный дворецъ. Его окружала свита. За нимъ не было блестящаго войска; за нимъ ѣхали въ извощичьихъ фіакрахъ министры, сенаторы, депутаты, журналисты, ораторы, нѣсколько генераловъ и небольшая свита офицеровъ; всѣ во фракахъ, всѣ въ бѣлыхъ галстухахъ, меньшинство украшено регаліями; процессія двигалась медленно, толпа разступалась. Простой народъ, съ чувствомъ глубокаго уваженія, смотрѣлъ на эту групу статскихъ людей; дамы бросали букеты изъ живыхъ

цвѣтовъ, махали платками. Всѣми фибрами своего существа, я чувствовалъ, какъ вся народная масса радовалась, ликовала вокругъ меня спокойно и торжественно. Народное счастіе полонило меня.

Вечеромъ городъ иллюминовался; всѣ высыпали на улицы, всѣ были веселы, шутливы, разговорчивы; хватали газеты, читали, покупали телеграммы. Гулъ общаго говора несся въ воздухѣ съ одного конца города на другой. Энтузіазмъ, патріотизмъ, увлеченія давали о себѣ знать на каждомъ шагу. Рѣчь Карла, посвященная войску, была у каждаго на устахъ: «Гг. офицеры, унтеръ-офицеры, капралы и солдаты!... знамя нашей страны находится въ вашихъ рядахъ; деритесь храбро съ непріятелемъ—и зелень побѣдоносныхъ лавровъ увѣнчаетъ и украситъ горы и поляны румынской земли!» Эти поэтическія слова съ быстротою молніи неслись отъ одного конца города на другой. Они всѣмъ нравились, всѣхъ воодушевляли...

Вдругъ, среди этого общаго ликующаго волненія массы раздалось вдали пѣніе народнаго гимна... Гдѣ это поютъ? И куда хлынулъ вдругъ этотъ счастливый народъ?.. Пѣніе неслось отъ зданія университета; оно все ближе у ближе подходило къ главной улицѣ Бухареста; толпа росла и росла и все громче и громче раздавались аккорды народной пѣсни; прелестные, страстные звуки очаровательной для народа пѣсни охватили всю уличную массу; блузники стремительно окружили студентовъ; студенты, молодёжь, эта сила, эта надежда, эта радость, это упованіе и будущность румынскаго народа—шла торжествующею, съ факелами въ рукахъ. Вотъ они подошли ко дворцу. Карлъ вышелъ на балконъ... смолкло все!... замеръ духъ народной толпы. Карлъ улыбался, онъ гордился молодёжью въ эту минуту, онъ сіялъ отъ радости; онъ былъ веселъ, доволенъ и счастливъ; выслушавъ привѣтствіе депутатовъ, онъ отвѣтилъ имъ теплымъ словомъ благодарности; спокойный воздухъ весенней ночи моментально огласился громкимъ и неудержимымъ крикомъ: «да здравствуетъ независимая Румынія!»...

И все это ликованіе было совершенно понятно, потому что каждый дѣйствовалъ въ видахъ интересовъ страны. Глубокая ночь легла на землю; и въ то время, когда румыны-крестьяне, преисполненные самыхъ свѣтлыхъ чувствъ и сознательностей радости переживаемаго событія, кончали праздникъ въ тавернахъ неуклюжею пляскою съ бабами, тамъ, въ сторонѣ отъ торжества, по холмамъ и долинамъ Румыніи, пѣшечкомъ тянулись баталіоны нашихъ русскихъ солдатиковъ, обливаясь потомъ, изнемогая отъ усталости и выкидывая изъ ранцевъ все, ради облег-

ченія себя: рубашки, тряпки—все, заведенное ими на послѣдній грошъ, выбрасывая даже лишнюю порцію сухарей, безъ которыхъ они завтра могли быть голодными.

— Не отставай, братцы!.. говорили имъ: — за святое дѣло идемъ!.. идемъ мы за братьевъ-славянъ... освобождать!!..

Раздѣляли ли румыны чувства нашего великодушія въ ту минуту?

IV.

Взрывъ монитора.

Главный штабъ выѣхалъ изъ Кишинева въ Плоешты. Войска вступили въ Румынію, и нѣкоторыя изъ дивизій проходили черезъ этотъ городъ. Не взирая на усталость, несмотря на то, что солдатамъ приходилось дѣлать форсированнымъ маршемъ по 400 и по 500 верстъ, они смотрѣли очень бодро; запыленные и обремененные солдатскою ношею и утомленные благодаря зною (до 35°)—они едва спасались въ палаткахъ или подъ брезентами, во время остановокъ. Но, превозмогая всѣ трудности похода, терпѣливая и выносливая физическая сила двигалась все впередъ и впередъ.

Румынію заняла масса нашихъ войскъ, хотя далеко не въ такомъ количествѣ, какое предполагали, основываясь отчасти на офиціальныхъ, отчасти на частныхъ свѣденіяхъ (500,000); при началѣ кампаніи было всего около 200,000. Проѣзжая по желѣзнымъ дорогамъ Румыніи, являясь на берега Дуная, рѣшительно нигдѣ нельзя было встрѣтить русскихъ войскъ. Проходя проселочными дорогами, наши главныя силы двигались черезъ Баніашъ, отстоящій отъ Бухареста на 6 верстъ, и сосредоточивались около Александріи. Впечатлѣніе совершеннаго отсутствія войскъ въ Румыніи было очень выгодно для насъ въ то время. Армія прталась до поры, до времени, и въ этой таинственности заключалась, конечно, лучшая сторона исполненія задуманнаго плана: перехода черезъ Дунай.

Переходъ черезъ Дунай представлялся всѣмъ и каждому однимъ изъ самыхъ труднѣйшихъ маневровъ послѣдней кампаніи. Въ дѣйствительности, это такъ и было. При современномъ вооруженіи турокъ, при сосредоточеніи турецкихъ войскъ вдоль береговъ широкой и быстрой по теченію рѣки, при защитѣ этихъ береговъ вооруженными рѣчными мониторами, канонерскими лодками и пароходами и при совершенномъ отсутствіи равно-

сильныхъ средствъ съ нашей стороны—переходъ черезъ Дунай занималъ умы всей Европы и считался поводомъ къ громадной потерѣ людей съ нашей стороны. Ходили слухи, что генеральный штабъ разсчитывалъ на убыль при переходѣ въ 25,000 человѣкъ.

Первая забота съ нашей стороны свелась къ миннымъ загражденіямъ Дуная. Это дѣло было предоставлено нашимъ морякамъ, какъ спеціалистамъ миннаго искуства, и нѣкоторымъ изъ минеровъ сапернаго вѣдомства.

Минныя загражденія должны были запереть турецкія суда въ ихъ гаваняхъ. Будь на мѣстѣ турокъ любая держава Европы — намъ бы они обошлись не такъ дешево, какъ случилось. Минныя загражденія были сдѣланы около Рени, у Мачинскаго Пролива и у деревни Парапанъ. Я не буду разсказывать въ этомъ бѣгломъ очеркѣ всѣхъ подробностей этихъ работъ. Мнѣ хочется передать лишь подробности геройскаго подвига гг. Шестакова и Дубасова. Легко можетъ быть, что подробный разсказъ этого подвига, согласно тѣмъ даннымъ, которыя мнѣ удалось собрать на мѣстѣ и за правдивость которыхъ я не могу не ручаться, такъ какъ я ихъ слышалъ изъ устъ весьма компетентныхъ свидѣтелей этого подвига, представитъ его въ нѣсколько иномъ свѣтѣ сравнительно съ тѣмъ представленіемъ, которое у насъ получилось, благодаря разсказамъ и донесеніямъ за прошлое время.

На сколько мнѣ помнится, этотъ случай взрыва моряками на водѣ судна миною былъ вторымъ случаемъ въ морской исторіи всѣхъ народовъ вообще. Первый случай относится ко времени американской войны. Принимая это во вниманіе, каждый изъ насъ имѣетъ полное право сказать, что наша морская исторія дѣйствительно украсилась подвигомъ, который никогда не умретъ въ умахъ и сердцахъ какъ современниковъ, такъ и нашихъ потомковъ. Страничка исторіи, на которую будетъ внесенъ этотъ подвигъ Шестакова и Дубасова, будетъ свѣтлой страничкой въ объемистыхъ томахъ исторіографіи нашихъ дней; она будетъ очень свѣтло отражаться среди остального матеріала, если принять во вниманіе скудость текущихъ матеріаловъ по морскому дѣлу [1].

Когда касались подвига Шестакова и Дубасова, до сихъ поръ всякій разъ говорили: «подвигъ Дубасова и Шестакова». Я говорю: «подвигъ Шестакова и Дубасова». Этимъ я нисколько не желаю

---

[1] Этимъ я вовсе не желаю умалять значенія подвиговъ нашихъ черноморскихъ моряковъ за время прошлой восточной войны. Я имѣю въ виду матеріалы морской исторіи нашей эпохи.

умалять значенія Дубасова въ этомъ дѣлѣ. Сохрани меня Богъ! Но я оставляю за собою право относиться къ этимъ героямъ совершенно безпристрастно. Будучи свидѣтелемъ историческаго событія, каждый изъ насъ имѣетъ въ то же время полное право и быть судьею этого событія, согласно своему внутреннему убѣжденію, основанному на данныхъ самаго событія. Передавая разсказъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ переданъ мнѣ людьми, неразрывно связанными съ событіемъ геройскаго поступка нашихъ первыхъ героевъ на Дунаѣ—я, конечно, предоставляю каждому опровергать меня, если только этотъ «каждый» будетъ видѣть за собою фактическое подтвержденіе и чувствовать нравственное право на то. Не буду распространяться о томъ, что всякій истинный герой только тогда и будетъ «*истиннымъ* героемъ», когда онъ хладно и безпристрастно отнесется къ самому себѣ. Правда, иногда это бываетъ очень трудно; человѣчество привыкло превозносить героевъ до небесъ, а иногда и кружить имъ головы. Но въ этомъ-то случаѣ и при такомъ-то развращающемъ вліяніи массы и обнаруживается истинный герой, когда онъ сохраняетъ самообладаніе, какъ по отношенію къ другимъ, на благо которымъ онъ служитъ, такъ и по отношенію къ самому себѣ. Честность и истинный героизмъ—это два неразрывныя свойства въ одномъ человѣкѣ; это два синонима.

Отрядъ моряковъ, находившійся въ Браиловѣ, состоялъ въ то время подъ начальствомъ капитана 1 ранга Рагули [1]. Для работы на рѣкѣ необходимы были средства. Нашлись два небольше буксирные парохода, старые, собственно говоря, гнилые, уже отслужившіе свою службу; но, за неимѣніемъ лучшихъ, и эти были пригодны для насъ. Какъ мнѣ передавали, за одинъ пароходъ мы заплатили 15,000 р.; за другой—20,000 р.; одинъ назвали: «Загражденіе», другой окрестили именемъ «Взрывъ». Независимо отъ этого, румынское правительство предложило въ наше распоряженіе княжескую яхту, находившуюся подъ командою румынскаго моряка Мурженко, одну канонерскую лодку и одинъ небольшой пароходъ, употреблявшійся прежде для черныхъ работъ. Канонерская лодка была вооружена однимъ орудіемъ, и хотя она построена по образцу простыхъ рѣчныхъ канонерскихъ лодокъ, но румыны придали ей типъ броненоснаго судна съ тараномъ, утѣшая себя мыслью, что они имѣютъ судно, хотя и не броненосное, но похожее на такое по внѣшнему своему виду. Такимъ образомъ, наша экскадра образовалась изъ этихъ жалкихъ судовъ. Къ экскадрѣ присоедини-

[1] Въ настоящее время, г. Рагуля находится въ Кронштадтѣ.

лись четыре минныя шлюпки. Это—обыкновенные паровые катера, употребляемые на судахъ нашей броненосной экскадры. Они только приспособлены для употребленія минъ, согласно практикѣ, выработанной нашей кронштадтской минной школою и минною эскадрою, плавающею ежегодно подъ командою контръ-адмирала Пилкина и занимающеюся практически миннымъ дѣломъ. Обыкновенный паровой катеръ носитъ вдоль своихъ бортовъ минные шесты въ 40 фут. длины. Въ концѣ такого шеста насаживается цилиндрическая мина, равная по силѣ своего дѣйствія ста фунтамъ пороха. Каждая паровая шлюпка вооружена двумя такими шестами и, слѣдовательно, двумя минами, независимо отъ кормового шеста, вооруженнаго также миною. Кормовая мина можетъ дѣйствовать на случай неуспѣха носовой при поворотахъ около непріятельскаго судна, хотя за носовыми минами остается большее вѣроятіе на успѣхъ. Мина взрывается двумя способами: путемъ автоматическаго проводника, причемъ мина воспламеняется при ударѣ о непріятельское судно, или путемъ проводника обыкновеннаго, по желанію. Спеціалисты спорятъ, который изъ этихъ двухъ проводниковъ лучше для употребленія. Лейтенантъ Шестаковъ увѣрялъ меня, что обыкновенный проводникъ онъ всегда предпочтетъ автоматическому. Минная шлюпка покрыта металлическимъ зонтомъ, а вдоль бортовъ къ этому зонту прикладываютъ мѣшки съ толченымъ каменнымъ углемъ, которые предохраняютъ людей, сидящихъ въ шлюпкѣ, отъ дѣйствія непріятельскихъ пуль. Во всемъ остальномъ шлюпка ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго парового баркаса. Простота минныхъ приспособленій дала намъ возможность вооружить такими же шестами и такими же минами, только въ большихъ размѣрахъ, рѣчную румынскую канонерскую лодку. Типъ такихъ минъ выработанъ въ нашей кронштадской минной школѣ, въ которой много трудились горячо преданные этому дѣлу професора: Петрушевскій, Боресковъ и покойный (убитый въ Сербіи) капитанъ-лейтенантъ Шпаковскій. Эти лица усовершенствовали мину и примѣнили ее къ шлюпкѣ, тогда какъ изобрѣтеніе такой мины принадлежитъ всецѣло штабсъ-капитану морской артиллеріи Трумбергу. Устройствомъ такой мины и приспособленіемъ ея къ шлюпкѣ въ южной дѣйствующей арміи занимались впродолженіи декабря, января и февраля мѣсяцевъ лейтенанты: Ломинъ и баронъ Штакельбергъ. Минныя шлюпки, послѣ нѣкоторыхъ перемѣщеній, поступили въ окончательное вѣденіе лейтенантовъ Дубасова и Шестакова, мичмановъ Персина и Баля.

Когда черноморскій отрядъ прибылъ на берега Дуная, моряки раздѣлились и каждый занялся своимъ дѣломъ. Я уже говорилъ, что вначалѣ была заграждена минами рѣка Серетъ, для предохраненія моста желѣзной дороги, затѣмъ сдѣлали загражденіе у Рени, потомъ покончили съ загражденіями выше Браилова, наконецъ, приступили къ загражденію Мачинскаго Пролива. Какъ разъ къ этому времени подоспѣлъ профессоръ минной школы, генералъ маіоръ Боресковъ, подъ руководствомъ котораго и были окончены минныя работы въ Мачинскомъ Проливѣ.

Покончивъ съ загражденіями, у гг. Дубасова и Шестакова родилась мысль попробовать взорвать турецкій мониторъ, стоявшій въ Мачинскомъ Проливѣ и безпокоившій ихъ во время производства работъ, когда они заграждали проливъ. Но прежде, чѣмъ перейти къ разсказу самого взрыва, необходимо познакомить васъ съ положеніемъ мѣстности.

Въ первыхъ числахъ іюня я прибылъ въ Браиловъ (уже послѣ взрыва монитора). Это было не задолго до нашей переправы. Душно было въ воздухѣ; спиралось дыханіе въ груди; гроза шла, шла, и такъ вотъ и чувствовалось, что она скоро и быстро разразится на берегахъ Дуная.

Путешествіе въ Браиловъ и въ Галацъ умаляло это подавляющее впечатлѣніе. Галацъ и Браиловъ и вообще весь лѣвый берегъ какъ будто находился на мирномъ положеніи. Здѣсь не было перестрѣлокъ, здѣсь не видно было даже пикетовъ. Течетъ рѣка Дунай между низменнымъ турецкимъ берегомъ и возвышеннымъ румынскимъ, и по этой рѣкѣ, между Браиловымъ и Галацемъ, русскіе пароходы поддерживали сообщеніе такъ же спокойно и безпрепятственно, какъ по рѣкѣ Невѣ.

Прелестными видами любовались мы у Браилова. Этотъ городъ, равно какъ и Галацъ, построенъ на высокихъ и обрывистыхъ берегахъ Дуная. У подошвы этихъ обрывовъ несутся мутныя воды этой быстрой рѣки, а на другомъ берегу тянется нѣчто въ родѣ шхеръ мачинскаго архипелага. Тамъ далеко далеко, противъ Браилова, кончаются эти зеленыя шхеры турецкими, конусообразными горами темно-коричневаго цвѣта. Дунай разлился ужасно, хотя фарватеръ его, можно сказать, даже узокъ. Мачинскій Проливъ такой же узкій. Съ правой стороны, когда смотришь изъ Браилова, при входѣ въ Мачинскій Проливъ, раскинулись отдѣльные острова различныхъ формъ и величинъ. Во время разлива Дуная, всѣ эти острова бываютъ обыкновенно залиты водою, такъ что съ возвышеннаго мѣста вы видите одинъ

сплошной, густой лиственный лѣсъ, какъ бы ростущій изъ воды, да различаете еще, среди густой зелени этого лѣса, отдѣльные узенькіе проливчики. Густая, тучная, сочная зелень манитъ васъ къ себѣ; но горе вамъ, если вы пробьетесь на шлюпкѣ внутрь архипелага и останетесь тамъ лишній часъ: страшную лихорадку схватите вы въ этомъ архипелагѣ зеленыхъ острововъ. Мачинскій Проливъ тянется неправильной линіей: сначала онъ идетъ вправо, потомъ заворачиваетъ влѣво и т. д. Съ лѣвой стороны пролива вы видите такую же зелень, затопленную на громадномъ пространствѣ поперекъ и внизъ по рѣкѣ. Но это—не острова; это—низменный берегъ, громадная поляна, густо заросшая кустарникомъ и сплошь затопляемая Дунаемъ каждый разъ, когда разливается эта рѣка. Во время моей бытности тамъ, вода спадала довольно быстро; почва этой поляны, равно какъ и всѣ возвышенные острова мачинскаго архипелага, постепенно выходили изъ воды, какъ будто выростали все выше и выше надъ водою и образовывали нѣчто въ родѣ громаднаго сплошного болота. Лиственница путается съ камышемъ, среди котораго растутъ болотныя травы. Вездѣ, по всему пространству, цапли перелетаютъ съ мѣста на мѣсто. Сейчасъ же, при входѣ въ Мачинскій Проливъ, съ лѣвой стороны, выступаетъ остроконечный мысъ на рѣку Дунай. На этомъ мысѣ, окруженномъ сплошною водою или, вѣрнѣе, водою спереди и сплошнымъ болотомъ сзади, стоитъ небольшая деревня Гечидъ. Она разрушена въ настоящее время, стѣны домовъ ея превратились въ развалины. Почва этого мыса идетъ одною полосою вдоль по проливу на нѣкоторое, недальнее разстояніе и снова обрывается въ воду. Вы минуете этотъ мысъ, плывете далѣе вдоль по Мачинскому Проливу и видите домъ, залитый водою. На крышѣ этого брошеннаго дома съ утра до ночи и съ ночи до утра покоилась вѣрная собака, предпочитавшая голодную смерть измѣнѣ своему жилью. Мучительнымъ воемъ голоднаго пса оглашался воздухъ Мачинскаго Пролива.

Мы плыли по Мачинскому Проливу на пароходѣ «Загражденіе». Лейтенантъ-черноморецъ Турнулъ любезно предложилъ намъ эту небольшую прогулку. Пароходъ взялъ на буксиръ баржу съ ротою солдатъ, которая должна была смѣнить другую роту, занимавшую пикеты на противоположномъ мысѣ, у деревни Гечидъ. Надо замѣтить, что послѣ вторичнаго взрыва монитора мы хозяйничали у Браилова, нетолько на нашемъ берегу, но и на турецкомъ. Солдаты располагались вокругъ костровъ и несли аванпостную службу. Турки нисколько не препятствовали намъ — до того у страха были глаза велики. Болгаре-пастухи, узнавъ о

томъ, что деревня Гечидъ и окружающій ее небольшой кусокъ территоріи былъ занятъ русскими войсками, пригоняли сюда черезъ болота цѣлыя стада быковъ и лошадей мѣстныхъ жителей и спасали ихъ, такимъ образомъ, отъ грабежа баши-бузуковъ.

При выходѣ изъ Мачинскаго Пролива, прямо круто подымался обрывистый берегъ Румыніи; на высотѣ этого берега кутался въ зелени очень хорошенькій городокъ Браиловъ, съ его красиво высматривавшими домами и бѣлыми куполами церквей. Сзади тянулась болотистая, громадная поляна, а еще далѣе высились горы Турціи, какъ-будто совершенно необитаемыя человѣчествомъ. Даже при помощи бинокля вы съ трудомъ различаете турецкія деревни у подножья этихъ горъ, а самый Мачинъ прячется въ зелени мачинскаго архипелага. Вотъ въ общихъ чертахъ внѣшній видъ этой мѣстности, которой суждено было стать исторической, благодаря подвигу Шестакова и Дубасова.

Мысль о взрывѣ монитора давно занимала умы этихъ моряковъ, но осуществленіе ея встрѣчало препятствіе, главнымъ образомъ, потому, что никто изъ начальствующихъ лицъ не бралъ на себя отвѣтственности за результаты такого рискованнаго предпріятія. Дубасову и Шестакову было сказано, что сначала нужно покончить съ загражденіями, а потомъ уже можно будетъ подумать и о нападеніи. Когда окончились работы по загражденію, начальникъ отряда, капитанъ 1-го ранга Рагуля, уѣхалъ въ Плоешты. Во время его отсутствія, моряки задумали осуществить свой проэктъ. Между ними назначенъ былъ только день нападенія. Ходили слухи, что начальство категорически не запрещало Шестакову и Дубасову взрывать мониторъ, но что оно показывало видъ, что ничего не знаетъ о намѣреніи двухъ лейтенантовъ. Шестаковъ и Дубасовъ твердо рѣшили исполнить задуманное предпріятіе. Вы понимаете ту отвѣтственность, которую брали они на себя на случай неуспѣха, въ особенности Дубасовъ, какъ старшій въ чинѣ между ними.

Эскадра составилась изъ четырехъ минныхъ шлюпокъ. Планъ былъ составленъ: слѣдовать другъ за другомъ и нападать послѣдовательно, оканчивая, въ случаѣ неуспѣха, дѣло предъидущаго. Катера должны были слѣдовать въ такомъ порядкѣ: во главѣ долженъ былъ идти Дубасовъ, какъ старшій въ чинѣ, за нимъ Шестаковъ, затѣмъ мичманъ Персинъ и, наконецъ, мичманъ Баль долженъ былъ завершать атакующій кортежъ.

Турецкія суда уходили на ночь въ глубину Мачинскаго Пролива и становились на якорь вблизи самаго Мачина.

Наступила темная ночь, сырая, тихая іюньская ночь. Съ ве-

чера развели пары, приготовили все необходимое, собрали команду, причемъ приняты были всевозможныя мѣры для того, чтобы не обнаруживать своего намѣренія. Когда наступила окончательная темнота, катера, одинъ за другимъ, въ условномъ порядкѣ отвалили отъ браиловской пристани.

— Съ Богомъ! проводили ихъ товарищи.

Это была ужасная ночь... Эта ночь никогда не изгладится изъ воспоминаній героевъ; эта ночь заставила ихъ жить новою жизнью... Знаете ли вы, что значитъ встать лицомъ къ лицу съ опасностью?.. Знаете ли вы, что значитъ сознательно идти противъ силы, которая во сто кратъ сильнѣе? Герои подвига такъ же рѣдки, какъ рѣдки и геніи, какъ рѣдки и высокіе таланты изъ области отвлеченнаго міра. Легко заразиться недугами массы, но какъ трудно и какъ тяжко бороться съ ними и какъ чрезмѣрно великодушно ставить свою жизнь на карту во благо человѣчества!

Въ моментъ рѣшимости Шестакова и Дубасова, когда отъ нихъ отвернулись всѣ, на пользу которыхъ они жертвовали жизнію, ихъ одушевляла одна божественная искра, которая, равнымъ образомъ, воодушевляетъ поэта, мыслителя и художника-творца! Эта божественная искра зардѣлась въ образѣ свѣтлой звѣздочки, которая ласково манила ихъ къ себѣ: «Сюда!.. за мной идите!.. Тамъ... тамъ вы найдете цѣль вашей жизни!»

Герои забывали все въ мірѣ и увѣренно шли по указанію своего миѳическаго лоцмана.

Какъ только катеръ Шестакова отвалилъ отъ пристани, онъ прежде всего заснулъ... онъ былъ очень утомленъ предварительными работами.

— Шурка, что ты спишь! сказалъ ему удивленный его товарищъ, лейтенантъ Петровъ.

Лейтенантъ Петровъ пошелъ съ нимъ охотникомъ. Его обязанность заключалась въ томъ, чтобы рвать мину по приказанію Шестакова.

На катерѣ Дубасова находился другой охотникъ—морякъ румынской службы, Муржеско.

Катера переплыли Дунай. Дубасовъ вошелъ первымъ въ Мачинскій Проливъ. Архипелагъ Зеленыхъ Островов сливался въ одну общую массу таинственнаго сада. Вокругъ было пустынно, дико и темно. Берега пролива обрисовывались смутной контурной линіей, а впереди, за поворотомъ пролива еле-еле виднѣлась темная масса турецкихъ судовъ. Невозмутимая тишина царила въ воздухѣ, только невольный паръ иногда нарушалъ эту тиши-

ну, вырываясь изъ трубы катера, и досаждая доблестнымъ пловцамъ.

— Мониторы показались! сказали Шестакову на катерѣ.

Дремоту какъ рукой сняло. Шестаковъ ободрился, пришелъ въ себя и напрягъ всѣ силы своего зрѣнія и слуха для того, чтобы слѣдить за передовымъ движеніемъ катера Дубасова.

Они подходятъ все ближе и ближе... Силуэты турецкихъ судовъ яснѣе и яснѣе обрисовываются въ глубинѣ темнаго фона... Вотъ они видятъ часового, неподвижно стоящаго на палубѣ монитора... вотъ они слышатъ его окликъ.

Дубасовъ отвѣтилъ. Отвѣтилъ разъ, отвѣтилъ два (вы знаете его отвѣтъ)... Сверкнулъ огонь... послышался выстрѣлъ... На мониторѣ забѣгали и человѣческія фигуры начали выростать, какъ изъ земли.

Ужасная минута наступила вслѣдъ затѣмъ. Эта была минута начала отчаянной борьбы силы съ видимымъ ничтожествомъ! По сигналу часового, поднялась тревога на всѣхъ турецкихъ судахъ. Ихъ было три. Турки открыли огонь изъ орудій, изъ ружей, съ берега и съ судовъ. Демоническій гулъ гранатъ оглушилъ моряковъ; пронизывающій свистъ турецкихъ пуль послышался со всѣхъ сторонъ.

Это былъ моментъ необходимости атаки. Нельзя было зѣвать. Вдругъ громадный столбъ воды поднялся въ воздухѣ, катеръ Дубасова черпнулъ воды... всѣмъ показалось, смерть скосила въ одинъ мигъ и Дубасова, и Муржеско, и всѣхъ матросовъ, находящихся съ ними.

Шестаковъ даетъ полный ходъ впередъ. Онъ видитъ, что Дубасовъ цѣлъ; онъ не знаетъ, терпитъ онъ, или нѣтъ.

— Все ли благополучно? кричитъ онъ Дубасову.

— Все благополучно!.. Мониторъ не тонетъ... Хотите—идите, взрывайте!

Огонекъ блестѣлъ еще въ илюминаторахъ (окнахъ) судовой каюты; масса монитора не двигалась на водѣ. Это видѣлъ матросъ Стенинъ.

Шестаковъ бросился на мониторъ.

— Смотри, Шурка, раньше уменьши ходъ! [1]

— Знаю! отвѣтилъ Шестаковъ.

— Ну, смотри, хоть умремъ, а взорвемъ мониторъ! крикнулъ Петровъ.

---

[1] Слова Петрова.

*

— Неужьто-жь? пошутилъ въ эту минуту Шестаковъ. Это была его обычная поговорка.

Петровъ хотѣлъ рвать мину автоматическимъ проводникомъ.

— Брось! приказалъ ему Шестаковъ. Онъ хотѣлъ рвать мину по желанію.

Не доходя до монитора сажени на 3, на 4, съ монитора раздался выстрѣлъ изъ 9-ти дюймоваго орудія.

Они только поклонились этому выстрѣлу. Весь катеръ обдало дымомъ, граната пронеслась надъ головами. Дубасовъ подумалъ въ эту минуту, что ихъ уже болѣе не существуетъ.

— Стопъ машина! крикнулъ Шестаковъ, когда носъ его катера коснулся борта монитора. Тогда онъ былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что мина, высунутая на шестѣ, подошла подъ самый мониторъ. Ему хотѣлось подвести ее подъ машинное отдѣленіе.

— Ванюха, рви! крикнулъ онъ Петрову.

Получился взрывъ и цѣлый столбъ всевозможныхъ щепъ и осколковъ обдалъ катеръ Шестакова со всѣхъ сторонъ. Какая-то дверь (должно быть, отъ каюты) упала на катеръ между Шестаковымъ и матросомъ.

Мониторъ началъ медленно опускаться въ воду.

— Задній ходъ! крикнулъ Петровъ сейчасъ-же послѣ взрыва. Между ними было условлено ранѣе дать задній ходъ сейчасъ-же, какъ только получится взрывъ.

Наступилъ слѣдующій моментъ, котораго никакъ не ожидали наши герои. Машинѣ дали задній ходъ, но винтъ ея отказался дѣйствовать, вѣроятно, вслѣдствіе того, что онъ засорился въ щепахъ и осколкахъ, плававшихъ на водѣ. Наконецъ, какіе то тали (лопари) съ монитора, вѣроятно, отъ шлюпбалокъ, на которыя подымаютъ обыкновенно шлюпки на суда, захлестнули за что-то на носу катера Шестакова. Положеніе его было критическое. Унтеръ-офицеръ Нечипуренко кинулся на бакъ (на носъ) съ цѣлью очистить катеръ отъ лопаря. Турки продолжали стрѣлять и пуля ударила въ катеръ около самаго Нечипуренки, коснувшись воды.

— Ишь ты, стерва!.. глаза запорошила! сказалъ Нечипуренко.

Мониторъ продолжалъ тонуть. Согласно условленному заранѣе плану, Шестаковъ сдѣлалъ сигналъ свистомъ, что должно было означать, что онъ проситъ помощи. Никто не отвѣтилъ ему на этотъ сигналъ. Вдругъ Шестаковъ увидѣлъ, что на него шелъ турецкій катеръ на веслахъ съ гребцами и стрѣлками. Силуэтъ бѣлаго катера ясно очертился на водѣ.

— Ваше бл-діе, что дѣлать? крикнулъ одинъ изъ матросовъ Шестакова.

У Шестакова было всего лишь 4 стрѣлка.

— Катай, ребята! крикнулъ Шестаковъ, и стрѣлки открыли огонь по турецкому катеру. Штыки были отомкнуты, но было приказаніе взять ихъ съ собой на всякій случай. Самъ Шестаковъ выпустилъ изъ револьвера 9 пуль. Матросы выстрѣлили около 30 пуль.

Петровъ въ это время давалъ передній и задній ходъ, ради очищенія винта катера. Турецкій катеръ, къ счастію, повернулъ назадъ.

— На катерахъ! крикнулъ Шестаковъ, начиная отчаяваться.— Дайте помощь!

На зовъ Шестакова не было отвѣта. Но въ этотъ моментъ машина на катерѣ начала дѣйствовать и дала задній ходъ. Шестаковъ и Нечипуренко обрѣзали концы талей съ утопающаго монитора и Шестаковъ крикнулъ: «возьми весла!» Матросы: Ржепа и Лисагорскій взяли весла и начали выводить ими катеръ изъ обломковъ съ носа. Нечипуренко и Шестаковъ, при помощи такихъ же веселъ, дѣйствовали на кормѣ. Въ это время матросы на катерѣ увидали барахтавшагося турку на водѣ. Матросъ Ржепа крикнулъ съ бака:

— Ваше бл-діе!.. брать турку?

— Погоди, дай очистить винтъ, послѣ возьмемъ, отвѣтилъ ему Шестаковъ. Когда вышли изъ обломковъ, машинѣ дали задній ходъ и потомъ полный передній. Пройдя нѣкоторое пространство, Шестаковъ приказалъ застопорить машину и кричать «ура!» Команда крикнула: «ура» и всѣ матросы, какъ одинъ человѣкъ, бросились цѣловать Шестакова. Здѣсь нервы Шестакова не выдержали... онъ зарыдалъ, какъ малый ребенокъ.

Катеръ направился вверхъ по Мачинскому Проливу. Мониторъ окончательно погружался въ воду.

Пройдя саженей 150, Шестаковъ нагналъ катеръ мичмана Персина. Его мѣсто было третьимъ въ ряду при движеніи катеровъ къ мониторамъ.

— Есть-ли раненые? спросилъ Персинъ.

— Раненыхъ нѣтъ, но меня вы ранили сердечно, отвѣтилъ ему Шестаковъ:—я былъ въ самомъ критическомъ положеніи.

И съ этими словами онъ поплылъ дальше. Рыданія душили его грудь. Истерика не прекращалась. Петровъ началъ утѣшать своего товарища.

— Ваше бл-діе, ласково сказалъ унтеръ-офицеръ Нечипурен-

1) Корчевка производится въ заросляхъ пароваго поля лѣтомъ до покоса, въ маѣ и іюнѣ, слѣдовательно, скотъ во время корчевья ходитъ по разработываемому мѣсту, утаптываетъ землю, выѣдаетъ траву, выбиваетъ и выѣдаетъ отростокъ и мелкій невыкорчеванный, забытый кустикъ. Если заросль состоитъ изъ одного березняка, то послѣ корчевки она не даетъ отростковъ отъ корней; но если заросль состоитъ изъ ольхи, осины, лозы, то отростокъ идетъ сильно. Послѣ вырубки каждаго ольховаго деревца, если это сдѣлано не въ жаркое время и земля не вытаптывается скотомъ, изъ оставшихся длинныхъ, стелющихся по поверхности корней выростаетъ множество побѣговъ, которые въ тотъ же годъ достигаютъ значительныхъ размѣровъ и потомъ мѣшаютъ подъему нови. Поэтому, корчевку ольхи, осины, лозы необходимо производить въ жаркое время, чтобы корни тотчасъ засыхали, и въ то же время пускать скотъ, чтобы онъ утаптывалъ землю и выбивалъ отростокъ.

2) Корчевку, въ особенности крупныхъ зарослей, выгодно производить, когда поле въ пару еще, и потому, что въ слѣдующемъ году, когда выкорчеванная облога будетъ находиться въ ржаномъ полѣ, она дастъ хорошій укосъ—отъ 10 до 20 копъ, смотря по качеству земли—превосходнаго метлистаго сѣна.

3) За два года корни, остающіеся въ землѣ, подгниваютъ, что много облегчаетъ подъемъ облоги.

4) Если корчевка производится заблаговременно, то является еще та выгода, что можно употребить выкорчеванный березнякъ на дрова. Лѣтомъ, во время корчевки, выкорчеванныя деревца только сносятся въ груды; зимою изъ грудъ выбираются дрова, а сучья весною, по просухѣ, сожигаются; лѣтомъ облога косится, осенью на зиму подымается и на слѣдующую весну засѣвается по пласту льномъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда видно, что въ слѣдующее за корчевкой лѣто нельзя будетъ получить удовлетворительный укосъ травы, не слѣдуетъ корчевать заблаговременно, потому что за лѣто выростетъ такой отростокъ, что его осенью передъ подъёмомъ облоги придется скосить. Узнать, будетъ ли послѣ корчевки трава, не трудно: если облоги заросли ровнымъ, хорошимъ, притомъ довольно рѣдкимъ березнякомъ съ примѣсью или безъ примѣси ольхи, осины, если между деревьями и по лужайкамъ ростетъ высокая трава, попадается жимолость, орѣшникъ, но мало лозы, если преобладаютъ черные грибы, то можно навѣрно ожидать хорошей травы. Напротивъ, если облоги покрыты рѣдкимъ березнякомъ, если березки принизисты, корявы, если на облогѣ много лозняку, если трава плоха между деревьями, и по старымъ канавамъ

преобладаетъ мохъ, лишаи, если чернаго гриба мало, а попадается больше волвянка, бѣлянка, то нельзя ожидать хорошей травы на слѣдующій послѣ корчевки годъ. Въ такомъ случаѣ, корчевку нужно производить, когда облоги находятся во ржаномъ полѣ, стараясь по возможности устроить прогонъ скота по корчуемымъ мѣстамъ; осенью придется уже, не выбирая дровъ, сжечь грудки и передъ подъёмомъ скосить отростокъ тамъ, гдѣ онъ поднялся на значительную высоту. Скосить отростокъ необходимо, потому что хотя при подъемѣ облоги онъ и будетъ заваленъ пластомъ, но если длиненъ, на слѣдующій годъ все-таки пробьется между швами пластовъ и будетъ потомъ мѣшать при выборкѣ льна и дальнѣйшей обработкѣ земли.

Пока мѣстные крестьяне не ознакомились съ корчевкой, я нанималъ для этой работы поденно граборовъ, которые весною (до 29-го іюня) и осенью (съ 17-го августа) нанимаются артелями и согласны дѣлать какую угодно работу—хотя спеціальность ихъ копать канавы, пруды и т. п.—по условленной поденной платѣ. Граборы обыкновенно берутъ весною 50 до 60 коп., а осенью 45 до 50 копеекъ, за поденщину. Мѣстные крестьяне, впрочемъ, скоро ознакомились съ этой работой и нашли ее для себя выгодной, потому что корчевку можно производить весною, между дѣломъ, въ свободное отъ полевыхъ работъ время и употреблять для этого всѣхъ рабочихъ въ семействѣ, т. е. женщинъ, которыя корчуютъ топоромъ на ряду съ мужчинами, и ребятъ для подчистки мелкихъ кустиковъ. Мѣстные крестьяне стали брать корчевку на отрядъ, съ платой среднимъ числомъ по 10 рублей за хозяйственную десятину. Ближайшая деревня обыкновенно беретъ все количество назначенныхъ къ корчевкѣ десятинъ за одну общую плату отъ десятины; взятый участокъ крестьяне дѣлятъ по своему, на нивки, уравнивая нивки такъ, чтобы каждому досталась и трудная и легкая корчевка. Потомъ каждый корчуетъ свою нивку отдѣльно.

При корчевкѣ мѣсто раздѣлывается на чисто: всѣ деревья и кусты вырубаются съ корнемъ, какъ выше было сказано, точно также вырубаются пенушки, оставшіеся отъ прежней случайной срубки деревцевъ на метлы, май и т. п.; мелкіе кустики и отростокъ подсѣкаются у корня въ землѣ, чтобы ничто не мѣшало косьбѣ. Выкорчеванныя деревца, по обивкѣ земли отъ корней, складываются въ груды комлями въ одну сторону, чтобы легко было повѣрить работу и видѣть, что деревца именно выкорчеваны, т. е. вырублены съ корнями, а не срублены подъ корень. Тѣмъ и кончается работа перваго лѣта.

Груды остаются до осени и за лѣто просыхаютъ. Осенью, по

окончаніи полевыхъ работъ, изъ грудъ выбираютъ дрова, причемъ обсѣкаютъ сучья и макушки, а палки, не отсѣкая комлей съ корнями, складываютъ въ полѣницы. Дрова получаются хотя и тонкіе, но хорошіе, сухіе, для хозяйства удобные, потому что ихъ не нужно колоть и легко перерубать. Крестьяне охотно берутъ выбирать дрова съ половины и слѣдующую на долю владѣльца часть доставляютъ по первой зимней дорогѣ къ дому.

Слѣдующую весну, какъ только сгонитъ снѣгъ, нужно собрать въ груды сучья, оставшіеся на мѣстахъ, гдѣ выбирали дрова и подгрести все такъ, чтобы ничто не мѣшало покосу. Работа эта производится поденщиками мальчиками и дѣвочками всѣхъ возрастовъ—плата 3 копейки 5, 10, 15 въ день—и обходится не болѣе рубля съ десятины. По просухѣ, грудки сожигаются и зола тщательно раскидывается, потому что иначе на мѣстахъ, гдѣ сожжены грудки, земля будетъ слишкомъ жирна и ленъ на нихъ потомъ поляжетъ. Иногда на нагорѣвшихъ мѣстахъ мы сѣемъ позднюю разсаду, которая хорошо удается, если погода благопріятствуетъ, иногда рѣпу—для удовольствія дѣтей, иногда овесъ съ горохомъ, который скашивается на сѣно во время покоса.

Такъ какъ при сожиганіи грудокъ земля сильно перегораетъ, причемъ сгораютъ всѣ находящіеся въ землѣ корни и сѣмена сорныхъ травъ, то, если не засѣять выжженныя мѣста, они остаются голыми и первый годъ ничего на нихъ, кромѣ моху, не выростаетъ. Между тѣмъ, если на такихъ мѣстахъ посѣять овесъ, горохъ, рѣпу, то все это родится превосходно—такъ, какъ никогда не родится на хорошо удобренныхъ поляхъ. Это служитъ прекраснымъ нагляднымъ доказательствомъ, что при обиліи въ почвѣ минеральныхъ питательныхъ веществъ могутъ получаться великолѣпные урожаи, хотя бы въ почвѣ и вовсе не было перегнойныхъ веществъ, какъ въ данномъ случаѣ, когда она сильно пережжена. Это указываетъ какое огромное значеніе можетъ имѣть *удобреніе искуственными минеральными туками.*

На слѣдующій годъ послѣ корчевки, облоги даютъ укосъ превосходнаго метлистаго сѣна, отлично поѣдаемаго скотомъ. Среднимъ числомъ съ хозяйственной десятины получается 15 копенъ сѣна и крестьяне охотно бы взялись косить облоги съ половины, но я обыкновенно кошу ихъ въ свою пользу. Если считать только половину, то сѣна получится по меньшей мѣрѣ на восемь рублей. Поэтому, сѣно и дрова—рубить невыкорчеванный березнякъ на дрова съ половины никто не согласится—окупаютъ корчевку, и подготовка облогъ ничего не стоитъ хозяйству.

Въ туже осень въ сентябрѣ мы подымаемъ облоги, потому что весною трудно было бы успѣть это сдѣлать, такъ какъ каждая

десятина требуетъ отъ 8 до 10 дней работы, да къ тому же я считаю, что за зиму пласты промерзнутъ, вывѣтрятся и лучше будутъ раздѣлываться. Впрочемъ, иногда случалось нѣкоторыя десятины подымать весною. Разницы въ урожаѣ льна на десятинахъ поднятыхъ весною и осенью, я не замѣчалъ. Мы подымаемъ облоги желѣзнымъ шведскимъ одноконнымъ плугомъ № 29, въ который однако запрягаемъ для этой работы пару лошадей, получающихъ—каждая—по 2 гарнца овса въ день. Пашутъ батраки или сосѣдніе крестьяне съ платой поденно или отъ десятины. За вспашку десятины моимъ плугомъ и на моихъ лошадяхъ я плачу 4 рубля. Считая за лошадей, сбрую и плугъ еще 8 рублей, подъемъ одной хозяйственной десятины облоги обойдется 12 рублей. Если сдать подъемъ облогъ подесятинно крестьянамъ съ ихъ лошадьми и орудіями—соха съ отрѣзомъ—то возьмутъ не болѣе 8 рублей за десятину, но за то работа будетъ произведена хуже и вспашка будетъ мельче. Понятно, что 12 рублей обойдется подъемъ такихъ облогъ, на которыхъ росъ 15 лѣтній березнякъ и гдѣ слѣдовательно много толстыхъ кореньевъ, которые приходится перерубать при вспашкѣ; чистую облогу, гдѣ нѣтъ кореньевъ, можно поднять въ 4—5 дней и, слѣдовательно, подъемъ ея обойдется въ 6 рублей. Поднятыя облоги остаются зиму, и слѣдующею весною, по просухѣ, незадолго до посѣва—между 5 и 25 мая—боронуются вдоль пластовъ желѣзными боронами такъ, чтобы распушитъ пласты—надрать пуху, какъ у насъ говорится, по крайней мѣрѣ на одинъ вершокъ. Во время бороньбы мальчики-поденщики собираютъ корни, выволакиваемые боронами и сносятъ ихъ въ кучи на межи. Ленъ сѣется прямо по распушеннымъ пластамъ, въ количествѣ 6 до 8 мѣръ на десятину, и тотчасъ послѣ посѣва слегка задѣлывается боронами. Взошедши, ленъ ростетъ, и до выборки за нимъ нѣтъ никакой работы, потому что при посѣвѣ на облогахъ по пластамъ сорныхъ травъ не бываетъ и полоть ленъ не приходится. Когда ленъ поспѣетъ, мы его выбираемъ, сушимъ, обиваемъ головки, стелемъ и мнемъ. Въ продажу поступаетъ—льняное сѣмя и мятый ленъ сырецъ; остается—костра, которая идетъ на кормъ скоту и свиньямъ. Вотъ результаты за 5 лѣтъ:

Съ 1 хозяйственной десятины получено:

Въ	1872 г.	18	копъ,	которыя	дали	4 к.	4 м.	сѣмени	и	32 п.	льну
»	1873 »	22	»	»	»	4 »	5 »	»	»	35 »	»
»	1874 »	22	»	»	»	4 »	4 »	»	»	30 »	»
»	1875 »	18	»	»	»	4 »	»	»	»	31 »	»
»	1876 »	20	»	»	»	5 »	»	»	»	43 »	»
Среднее за 5 лѣтъ		20	копъ			4 к.	4 м.	сѣмени	и	34 п.	льну.

Средняя цѣна на ленъ сырецъ 2 руб. за пудъ, а на сѣмя 9 рублей за куль; слѣдовательно съ десятины получается на 68 рублей льну и на 40 рублей сѣмени, всего на 108 рублей.

Сочтемъ теперь расходы 1 десятину:

Поднять облогу.....	12	рублей.
Пробороновать и засѣять....	5	»
7 мѣръ сѣменъ.....	8	»
Выбрать 20 копъ по 25 к. ..	5	»
Обмолотить	5	»
Постлать и поднять	2	» 80 к.
Смять 34 пуда по 30 к.	10	» 20 к.
Итого	48	рублей.

Слѣдовательно, каждая хозяйственная десятина льна даетъ 60 рублей чистаго дохода.

Въ иныхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне не имѣютъ другихъ заработковъ, а лѣть 10 тому назадъ и повсемѣстно, за полную обработку одной десятины льна крестьяне брали по 25 руб.; чистаго дохода отъ десятины льна хозяину приходилось тогда 83 рубля. Въ настоящее время крестьяне уже начали сами заниматься льномъ и мѣстами снимаютъ облоги подъ ленъ, платя отъ 15 до 20 рублей за десятину; но обыкновенно послѣ льна десятина запускается и заростаетъ лѣсомъ.

Получить 60 рублей доходу отъ десятины, *не употребляя навоза*, надѣюсь, не дурно. Видя кругомъ массу запущенныхъ полей, удивляешься только неразсчетливости хозяевъ, болтающихъ земли для того, чтобы получить скудные урожаи хлѣба и оставляющихъ заростать облоги, которыя однимъ урожаемъ льна окупили бы свою цѣнность.

Отъ многихъ хозяевъ я слышалъ, что они потому будто не сѣятъ ленъ, что онъ истощаетъ землю. Но земля у насъ стоитъ 30 рублей за десятину, а ленъ даетъ 60 рублей доходу, слѣдовательно, еслибы даже ленъ и истощалъ землю, то все-таки его выгодно было бы сѣять. Но это совершенно невѣрно, что ленъ истощаетъ землю болѣе, чѣмъ другіе хлѣба.

Ленъ беретъ изъ земли никакъ не болѣе, даже менѣе, чѣмъ другіе хлѣба; при продажѣ продуктовъ льноводства, изъ имѣнія почвенныя частицы вывозятся только съ сѣменемъ, съ волокномъ же ихъ вывозится лишь незначительное количество, потому что растворимыя частицы остаются на лугахъ, гдѣ разстилается ленъ, а нерастворимыя — въ кострѣ, которая идетъ на подстилку.

Я изъ опыта убѣдился, что послѣ льна, посѣяннаго по облогамъ, рожь, по перелому, родится отлично и при меньшемъ ко-

личествѣ навоза даетъ лучшіе урожаи, чѣмъ на старопахатныхъ земляхъ.

Такъ какъ у меня поднятыя подъ ленъ облоги, послѣ льна, не бросаются, но поступаютъ подъ хлѣбопашество, то я разработываю ихъ такъ: послѣ выборки льна по лнищамъ ходитъ скотъ, который выѣдаетъ пробившуюся между пластами траву; осенью подымаютъ лнище тѣми же плугами № 29, но въ перерѣзъ пластовъ, и притомъ стараясь при вспашкѣ забирать плугомъ глубже противъ перваго подъема подъ ленъ, такъ чтобы сверхъ повернутыхъ пластовъ было на вершокъ или хотя на 1/2 вершка матерой земли. Вспаханное, такимъ образомъ, льнище, которое у насъ называется *«переломомъ»*, остается на зиму. Весною слѣдующаго года, въ іюнѣ, по управѣ съ работами въ яровомъ полѣ, переломы боронуются желѣзными боронами очень тщательно, чтобы хорошо разбить, значительно уже перепрѣвшую, дернину. Дальнѣйшая обработка производится обыкновеннымъ порядкомъ крестьянами, которые взялись обработывать круги на своихъ лошадяхъ съ своими орудіями: въ іюнѣ вывозятъ навозъ, запахиваютъ его сохами, боронуютъ деревянными боронами, мѣшаютъ, сѣктъ рожь и задѣлываютъ. Я уже сказалъ выше, что урожаи ржи по переломамъ получаются замѣчательные, гораздо лучшіе, чѣмъ урожаи на старопахатныхъ земляхъ, хотя навозу на тѣ земли кладется болѣе, чѣмъ на переломы. Уже съ осени замѣчается большая разница—на переломахъ, зелень гораздо сильнѣе, перистѣе, темнозеленаго цвѣта, густая, стелющаяся. На слѣдующій годъ разница еще сильнѣе; рожь на переломахъ выходитъ чистая, безъ метлы, василька и костеря, вообще безъ всякихъ сорныхъ травъ; солома прямая, ядреная, рожь стоитъ стѣной, не полегаетъ, колосъ длинный, полный, зерно тяжелое. Ужиномъ на переломахъ рожь выходитъ немногимъ лучше, чѣмъ на хорошо удобренныхъ старопахатныхъ земляхъ, но умолотомъ замѣчательно хороша.

Вотъ данныя за три года:

Навозъ вывозится обыкновенными крестьянскими возами, всегда одинаково накладываемыми. Посѣвъ—1 1/2 куля на хозяйственную десятину. Расчетъ сдѣланъ на 1 хозяйственную десятину.

Въ 1874 году (восточное поле).

Навозу положено на десятину *перелома* 104 воза.

Навозу положено на десятину старой пахатной земли 140 возовъ.

Ржи получено съ десятины *перелома* 18 кулей 7 мѣръ (самъ 12 1/2). Ржи получено съ десятины старой пахатной земли 10 кулей (самъ 6 2/3).

Слѣдовательно, *десятина перелома дала на 8 кулей 7 мѣръ* или на 62 рубля болѣе.

Въ 1875 году (западное поле).

Навозу положено на десятину *перелома* 146 возовъ.

Навозу положено на десятину старой пахатной земли 186 возовъ.

Ржи получено съ десятины *перелома* 18 кулей (самъ 12).

Ржи получено съ десятины старой пахотной земли 11 кулей 6 м. (самъ 8).

Слѣдовательно, *десятина перелома дала на 6 кулей 2 мѣры ржи, или на 44 руб. болѣе.*

Въ 1876 году (южное поле. Повсемѣстно у насъ *очень плохой урожай ржи*).

Навозу положено на десятину *перелома* 143 воза.

Навозу положено на десятину старой пахатной земли 184 воза.

Ржи получено съ десятины *перелома* 13 кулей (самъ $8^2/_3$).

Ржи получено съ десятины старой пахатной земли 7 кулей 6 м. (самъ 5).

Слѣдовательно, *десятина перелома дала на 5 кулей 2 м. или на 37 рублей болѣе.*

Трехлѣтній опытъ показываетъ, что земли *отдохнувшія*, будучи подняты подъ ленъ, который даетъ 60 рублей чистаго доходу съ десятины, даютъ потомъ отъ 5 до 8 четвертей ржи болѣе, чѣмъ старопахатныя земли—и это *при тратѣ меньшаго количества навоза.*

Каждый хозяинъ, *даже ослѣпленный ненавистію къ нововведеніямъ, напоминающимъ ему объ уничтоженіи крѣпостного права*, согласится, что получить отъ 5 до 8 четвертей ржи лишняго съ десятины, не увеличивая количества навоза, вывозимаго на десятину—очень выгодно. Сколько нужно класть удобренія, сколько лѣтъ его нужно класть, чтобы достигнуть на старопахатныхъ земляхъ урожая самъ 12 въ хорошіе года и урожая самъ 9 въ худые! Каждый хозяинъ знаетъ, какъ трудно удобреніемъ и хорошей обработкой достигнуть того, чтобы урожаи на старопахатныхъ земляхъ поднялись выше самъ 8.

Нѣкоторые изъ моихъ ближайшихъ сосѣдей тоже занялись разработкой облогъ: сѣютъ по облогамъ ленъ и потомъ по переломамъ рожь. Результаты получаются тѣ же, какъ и у меня.

Но это дѣлаютъ очень и очень немногіе; большинство же болтаетъ старопахатныя земли, получаетъ скудные урожаи хлѣба, а запущенныя послѣ «Положенія» земли заростаютъ лѣсомъ, который все болѣе и болѣе тѣснитъ хозяина и заставляетъ его уменьшать запашку, пока хозяйство не достигнетъ того резуль-

тата, что доходомъ съ имѣнія покрывается только уплата повинностей и содержаніе старосты—столба, обозначающаго, что земля, дескать, принадлежитъ такому-то, не тронь. Да и это еще хорошо: есть множество имѣній, въ которыхъ владѣльцы приплачиваютъ за *удовольствіе* имѣть хозяйство.

Многіе не вводятъ посѣвъ льна по облогамъ потому, что ленъ требуетъ заботъ при обработкѣ и легко можетъ пропасть. Старосты—особенно старозавѣтные—тоже обыкновенно противъ введенія льна, потому что за льномъ много «возжанія», какъ они говорятъ.

Эти опасенія слишкомъ преувеличиваются, потому что если даже ленъ неудастся—подъ снѣгъ попадетъ, не вылежится, перележится, то одно сѣмя уже окупитъ обработку. Но, не сѣя даже льна, все-таки выгодно раздѣлывать облоги подъ хлѣба. Крестьяне часто такъ и поступаютъ, и обработываютъ прямо подъ рожь какъ запольныя земли своихъ надѣловъ, такъ и вновь купленныя ими у помѣщиковъ земли. На этихъ «присѣвкахъ» рожь всегда родится хорошо и въ сосѣднемъ уѣздѣ, гдѣ крестьяне скупили много земель у помѣщиковъ, количество производимой ржи сильно увеличилось, вслѣдствіе введенія крестьянами этой системы «присѣвковъ» на новыхъ земляхъ.

Разработка облогъ прямо подъ рожь производится такимъ образомъ: дерутъ облогу, боронуютъ, перепахиваютъ въ перерѣзъ, боронуютъ, мѣшаютъ и сѣютъ. На такихъ «присѣвкахъ», даже и безъ навоза, рожь родится хорошо.

При разработкѣ запущенныхъ послѣ «Положенія» земель, я подымалъ десятины подъ рядъ, безъ всякаго выбора, и съ хорошей почвой, и съ худой, и высокія, и низкія, и чистыя, которыя все время послѣ запуска косились, и заросшія однимъ только лозникомъ, и наконецъ такія, на которыхъ березнякъ былъ въ оглоблю. На всѣхъ десятинахъ, и ленъ по облогамъ, и рожь по переломамъ, удавались одинаково хорошо—большая разница только была въ количествѣ сѣна, получаемаго съ облогъ на другой годъ послѣ корчевки: наилучшіе укосы давали облоги съ крупнымъ рѣдкимъ березнякомъ. Когда я сталъ подымать, въ западномъ полѣ, десятины, не слишкомъ давно еще запущенныя, заросшія плохимъ корявымъ березнякомъ, лозой и мхомъ, то сосѣдніе крестьяне говорили, что я напрасно это дѣлаю, что ни льна, ни хлѣба на этихъ десятинахъ не будетъ, потому что на нихъ и прежде, въ крѣпостное время, хлѣбъ не раживался. Однако, предсказанія крестьянъ не сбылись: ленъ уродился хорошо (см. выше урожай льна 1873 года) и рожь затѣмъ уродилась отлично самъ 12 (см. урожай ржи по *перелому* 1875 г.).

Объяснить высокіе урожаи ржи по переломамъ можно тѣмъ, что земля во время отдыха обогатилась питательными веществами, что перепрѣвшая дернина служитъ хорошимъ удобреніемъ, разрыхляя почву, увеличивая количество перегноя и питательныхъ веществъ, усиливая дѣйствіе навоза, наконецъ, тѣмъ, что свѣжія земли *не содержатъ тѣхъ паразитовъ*, которые могутъ вредно вліять на растенія, постоянно разводимыя на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ.

Введеніе посѣва льна по облогамъ и увеличеніе запашки черезъ присоединеніе распаханныхъ облогъ къ полямъ, неминуемо повлекло за собою различныя измѣненія въ прежней системѣ хозяйства. Прибавляя ежегодно по 8 десятинъ облогъ, я долженъ былъ, чтобы не увеличить количество десятинъ, засѣваемыхъ рожью, запускать соотвѣтственное количество десятинъ старой пахатной земли; но запускать землю такъ, какъ ее запускали, уменьшая послѣ «Положенія» запашки, было бы безрасудно, потому что запущенныя земли не приносили бы никакого дохода и скоро заросли бы березнякомъ, *разведеніе котораго нельзя признать выгоднымъ для хозяйства*. Поэтому, ежегодно я засѣвалъ 8 десятинъ старой пахатной земли, по ржи, клеверамъ съ тимоѳеевкой.

Такимъ образомъ, посѣвъ ржи у меня оставался все тотъ же — 24 десятины; въ яровомъ 8 десятинъ овса замѣнялись 8 ю десятинами льна; изъ 24 десятинъ пара, 8 было перелому, который не требуетъ такого сильнаго удобренія. Такъ какъ я могъ въ каждомъ изъ трехъ полей прибавить по 16 десятинъ облогъ, прибавляя ежегодно 8 десятинъ облогъ, и въ то же время засѣвая 8 десятинъ клеверомъ съ тимоѳеевкой, я долженъ былъ оставлять травы 6 лѣтъ, чтобы на седьмой годъ по нимъ сѣять ленъ.

Такимъ образомъ, явилась изложенная мною выше 15-ти-польная система полеводства съ посѣвомъ льна и травъ на 6-тилѣтній срокъ.

Изъ всего количества обрабатываемой земли я могу сдать на обработку крестьянамъ сдѣльно, безъ покоса и молотьбы, 15 круговъ, то есть 15 десятинъ ржи, 15 яроваго и 15 пара. Обработку круговъ крестьяне производятъ обыкновеннымъ порядкомъ, такимъ же способомъ, какъ у себя и у другихъ помѣщиковъ: весною сѣютъ яровое, въ іюнѣ вывозятъ навозъ, и т. д.; пашутъ сохами, боронуютъ деревянными боронами. Изъ десятинъ, сдаваемыхъ на круги, особенной обработкѣ подвергаются только переломы, которыя я самъ, т. е. мои батраки, пашу на зиму плугами и бороную желѣзными боронами весною до вывозки крестьянскаго навоза.

Своими батраками я обработываю 9 десятинъ подъ рожь, 8 десятинъ льну, 1 десятину яроваго, убираю клеверъ и луга, молочу хлѣбъ, подготовляя переломы для крестьянъ. Навозъ на десятины, обработываемыя ботраками, я *вывожу зимою,* что составляетъ существенное измѣненіе въ порядкѣ работъ, потому что у насъ навозъ обыкновенно вывозится лѣтомъ. И у меня крестьяне, обработывающіе круги, навозъ вывозятъ лѣтомъ, въ іюнѣ, для чего они выставляютъ 30 человѣкъ съ 30 лошадьми, работу производятъ огульно и кончаютъ въ одну, много въ полторы недѣли. Чтобы мнѣ со своими батраками и на своихъ лошадяхъ также быстро управиться съ этой работой, пришлось бы содержать много лишнихъ лошадей и людей. Поэтому, я вывожу навозъ зимою, что представляетъ еще слѣдующія выгоды: 1) лошади зимою постоянно работаютъ, до половины января возятъ дрова и потомъ навозъ возить зимою легче, въ особенности на дальнія десятины, спѣшить возкой нечего, и дѣло дѣлается исподволь тремя рабочими на шести лошадяхъ, которыя перемѣняются черезъ недѣлю, потому что я имѣю 12 рабочихъ лошадей, число, достаточное для моихъ лѣтнихъ работъ; 2) накладывать навозъ въ сани гораздо легче, чѣмъ на телеги, и каждый работникъ накладываетъ свой возъ отдѣльно самъ; и 3) соломистый навозъ, вывезенный зимою и запаханный весною за лѣто успѣваетъ разложиться и земля подъ рожь приготовляется превосходно. Но, кромѣ того, вслѣдствіе вывозки навоза зимою, обработка пара оканчивается рано, что очень важно при посѣвѣ клевера, потому что клеверъ поспѣваетъ къ покосу рано, когда еще не окончилась обработка пара при лѣтней вывозкѣ навоза. Наконецъ, мнѣ необходимо вывозить навозъ зимою еще и потому, что, увеличивъ количество скота, я долженъ былъ бы построить другой скотный дворъ, еслибы навозъ вывозился одинъ разъ въ годъ лѣтомъ. Размѣстить скотъ на прежнемъ скотномъ дворѣ я могъ только потому, что скотъ у меня теперь привязанъ, вслѣдствіе чего въ той же постройкѣ я могу помѣстить болѣе скота, но навозъ не могъ бы помѣститься, еслибы я его не вывозилъ зимою. Скотный дворъ у меня обыкновеннаго устройства, на столбахъ, но мшоный. Хлѣвы на зиму тщательно укупориваются, въ окна вставлены рамки со стеклами, потолковъ деревянныхъ нѣтъ, но на балки положены очень часто жерди, на которыя наваливается ржаная солома, употребляемая потомъ, весною и лѣтомъ, на подстилку. Такой соломенный потолокъ хорошо удерживаетъ теплоту въ морозы, тѣмъ болѣе, что отдѣляемые скотомъ и навозомъ пары садятся въ промежутки охлажденной соломы и тамъ замерзаютъ, дѣлая по-

толокъ болѣе непроницаемымъ; въ случаѣ уменьшенія холода, въ особенности подъ весну, когда бываютъ оттепели, соломенный потолокъ отлично служитъ для вентиляціи, потому что теплый сырой воздухъ проходитъ сквозь солому, и сырость не садится на нее, какъ на сплошные деревянные потолки, которые зимою бываютъ покрыты сыростію и плѣсенью, такъ что съ нихъ даже капаетъ. Скотъ стоитъ на привязи у стѣнъ, и навозъ изъ подъ скота, ежедневно, во время выгонки скота на водопой, откидывается на средину хлѣва, гдѣ онъ лежитъ до вывозки и, разлагаясь, служитъ источникомъ теплоты для хлѣва. Навозъ въ хлѣвахъ не мерзнетъ и его можно вывозить въ теченіи цѣлой зимы; въ хлѣвахъ достаточно тепло и температура понижается ниже 0^0 только въ большіе морозы. Для того, чтобы удобно было выбирать навозъ зимою, имѣется запасный хлѣвъ, куда скотъ переводится съ того мѣста, гдѣ выбирается навозъ.

Вывозка навоза начинается съ половины января и продолжается до тѣхъ поръ, пока не будутъ навезены всѣ десятины, обработываемыя подъ рожь батраками—9, иногда 10 десятинъ. Навозъ вывозится на тѣ десятины, которыя послѣ ржи пойдутъ подъ овесъ, потому что на эти десятины кладется болѣе навозу, чѣмъ на тѣ, которыя идутъ подъ клеверъ. Десятины съ осени обозначаются вѣшками и навозъ раскидывается небольшими кучками, по 5—6 съ воза, на такомъ разстояніи одна отъ другой, чтобы на десятину помѣстилось столько возовъ, сколько по соображенію будетъ назначено. Навозъ кладется на снѣгъ и тотчасъ замерзаетъ. Весною снѣгъ между кучками таетъ, но подъ кучками снѣгъ долго остается, такъ что навозъ лежитъ на снѣговыхъ островкахъ и потому весенней водой нисколько не уносится. Потеря въ навозѣ, вывезенномъ зимою, конечно, есть, именно теряются летучія газообразныя вещества; но эта потеря не велика, тѣмъ болѣе, что мы не вывозимъ зимой мелкій, перепрѣвшій овечій и конскій навозъ, но, по преимуществу, соломистый, коровій и телячій.

Я полагаю, что если зимою нѣтъ особенной работы для лошадей, навозъ необходимо вывозить зимой, а съ развитіемъ хозяйства зимняя вывозка навоза непремынно должна войти во всеобщее употребленіе. *Лѣто у насъ такъ коротко, что употреблять лѣтніе рабочіе дни для такихъ работъ, которыя можно сдѣлать зимой, въ высшей степени не разсчетливо.*

Весною, когда снѣгъ сгонитъ, какъ только можно приступить къ работѣ, вывезенный зимой навозъ разбиваютъ, на-чисто очищая отъ навоза тѣ мѣста, на которыхъ лежали кучки. Разбитый навозъ лежитъ до тѣхъ поръ, пока не окажется возможнымъ его запахать.

Такъ какъ облоги подъ ленъ поднимаются на зиму, боронoвать же подъ ленъ приходится позднѣе, то запахиваніе навоза есть первая полевая работа—и я ее обыкновенно начинаю ранѣе, чѣмъ начинается вспашка подъ яровое крестьянами. Навозъ запахивается тѣмъ же плугомъ № 29, которымъ подымаются облоги, но въ плугъ запрягается одна лошадь. Вспашка производится загонами и для того, чтобы навозъ не забивалъ плугъ впереди плуга идетъ мальчикъ поденьщикъ съ граблями, который подгребаетъ навозъ въ борозду. Запаханный навозъ остается до тѣхъ поръ, пока не окончатся работы въ яровомъ полѣ, и отлично перепрѣваетъ.

Послѣ запашки навоза идетъ обработка яроваго: боронуютъ облоги, сѣютъ и задѣлываютъ ленъ, обработываютъ десятину подъ яровое и огороды. Послѣ посѣва льна, главная полевая работа—бороньба запаханнаго съ навозомъ пара и переломовъ. Всю весну бороньбою заняты шесть паръ лошадей при шести работникахъ. Обыкновенно, на бороньбу ставится только два своихъ батрака—по одному на десятину, а четыре человѣка берется поденщиковъ, которые стоютъ дешевле—20 копеекъ за рабочій день. Остальные же батраки занимаются чисткой покосовъ и рощей, или при постройкахъ. Бороньбы у меня много: приходится выборанивать 8 десятинъ облогъ подъ ленъ, 1 яровую, 9 десятинъ пара, на который вывезенъ навозъ зимой, 8 десятинъ переломовъ, всего 26 десятинъ, а иногда и болѣе, если прибавить лишнюю десятину подъ ленъ; это я дѣлаю когда вижу, что зелень не обѣщаетъ хорошаго урожая ржи, или будетъ вспаханъ на зиму паръ, не поступающій подъ зимнюю кладку навоза, или вспахано на зиму подъ яровое, что я иногда дѣлаю на низкихъ десятинахъ. Весенняя бороньба обыкновенно продолжается до іюня, когда крестьяне, обрабатывающіе круги, окончивъ мои и свои работы въ яровомъ, приступаютъ къ вывозкѣ навоза на обработываемыя ими десятины пара. Когда крестьяне возятъ навозъ, батраки перепахиваютъ въ пару десятины, на которыя вывезенъ навозъ зимою и затѣмъ ихъ боронуютъ.

Въ 20-хъ числахъ іюня, я приступаю къ покосу и начинаю его съ клевера; такъ какъ клеверъ зацвѣтаетъ послѣдовательно 3-хъ лѣтній, 2 хъ-лѣтній, а позднѣе всѣхъ клеверъ одного года, то и покосъ идетъ въ такомъ же порядкѣ. Если погода благопріятствуетъ, то въ это же время косятся лучшіе лужки съ сладкой травой, чтобы заготовить меженное сѣно для телятъ. Съ 1-го іюля начинается покосъ на лугахъ, сданныхъ на уборку сдѣльно или изъ части. Во время уборки, сѣно при кладкѣ

въ сараи, сортируется по качеству травъ, на четыре сорта: *конское*, *коровье*, *телячье*, *овечье*, съ подраздѣленіями по качеству уборки. Напримѣръ, зеленое меженное, хорошо убранное конское сѣно, кладется въ одинъ сарай, а бывшее подъ дождемъ, подвалявшееся—въ другой. Это представляетъ большое удобство потомъ зимою, потому что хозяину точно извѣстны всѣ кормы и онъ можетъ сообразоваться съ обстоятельствами: нѣтъ работы—лошадямъ дается худшее сѣно, и т. п. При уборкѣ сѣна, я хлопочу о томъ, чтобы заготовить сѣна какъ можно *болѣе*, хотя бы и не особенно хорошаго качества. Только бы для телятъ и старыхъ коровъ было хорошее меженное сѣно, а затѣмъ пусть сѣно будетъ невысокаго качества, лишь бы только его было побольше.

«Зима все приберетъ»; «у зимы ротъ большой». Дѣйствительно, зима у насъ длинная, холодная; для прокормленія скота требуется *огромная масса* корма, требуется огромное количество грубыхъ—клѣтчатка и проч.—составныхъ частей пищи. Концентрированные кормы—жмаку, муку—всегда можно имѣть въ достаточномъ количествѣ и за дешевую относительно цѣну, тогда какъ грубые кормы относительно дороги, да и купить ихъ невозможно: ржи по желѣзной дорогѣ привезутъ изъ степи сколько угодно, а ржаной соломы не привезутъ. Поэтому, хозяинъ долженъ обратить все стараніе на заготовку большой массы всякаго корма и никогда не жертвовать количествомъ качеству, не выжидать погоды, чтобы получить хорошее зеленое сѣно. И бывшее подъ дождемъ, и подвалявшееся—лишь бы въ сараяхъ не сгорѣлось—сѣно, и солома, и мякина, при содѣйствіи соли, муки, жмака, все сойдетъ зимою.

При достаточной дачѣ жмаки, муки, овса, скотъ и лошадей—за исключеніемъ молодежи и старыхъ, для которыхъ необходимо нѣжное меженное сѣно—можно кормить одной ржаной соломой; если же, при этомъ, давать хотя одну дачу сѣна въ день, то кормъ будетъ очень хорошій.

То обстоятельство, что у насъ концентрированные кормы всегда можно купить, а грубые кормы купить нельзя, объясняетъ то, повидимому, странное явленіе, что въ неурожайные на кормы годы, грубые кормы часто бываютъ дороже концентрированныхъ. Такъ, не рѣдкость, что при цѣнѣ конопляной жмаки 25—30 копеекъ за пудъ, овса 40—50 копеекъ за пудъ, ржи 60—70 коп. за пудъ, сѣно нельзя купить дешевле 30—40 копеекъ за пудъ, солому дешевле 15—20 коп. за пудъ. Но, мало того, часто бываетъ, что весною сѣна и соломы вовсе нельзя купить, ни за какія деньги.

Начавъ разъ покосъ, я кошу безостановочно, какая бы ни была погода; подкошенная трава и въ дождливую погоду сохнетъ—выболиваетъ, какъ говорятъ крестьяне, а разъ наступила хорошая погода, подкошенное въ дожди сѣно быстро убирается. Если же въ дожди не косить, поджидая хорошей погоды, *то останешься безъ сѣна*. Начатый въ концѣ іюня покосъ, мы продолжаемъ до сентября: сначала косимъ клеверъ, потомъ лучшіе луга, потомъ рвы и заканчиваемъ косьбою ржаного жнитва съ клеверомъ. Не тотъ, такъ другой закосъ удается, такъ что безъ хорошаго сѣна не останешься. Покосъ прерывается въ началѣ августа посѣвомъ озими и кончается въ концѣ августа, чтобы возобновиться урывками въ сентябрѣ, когда мы косимъ жнитво съ клеверомъ.

Съ половины августа всѣ силы употребляются на молотьбу и разстилку льна. Затѣмъ, всю осень идетъ молотьба хлѣба и пахота: подымаемъ облоги подъ ленъ будущаго года, перепахиваемъ льнища, пашемъ, если нужно, подъ яровое. Къ 15 ноября лѣтніе рабочіе распускаются, а небольшое число остающихся на зиму рабочихъ до января занимаются вывозкой дровъ. Въ тоже время сдѣльно—отъ пуда, отъ куля, отъ сажени—идетъ мятье льна, молотьба хлѣба и рѣзка дровъ.

Теперь я разработалъ уже облоги, и поля приведены въ тотъ размѣръ, который они имѣли до «Положенія». Обработывается 120 хозяйственныхъ десятинъ; сѣвооборотъ 15-ти-польный (по 8 десятинъ въ клину) и травы остаются на 6 лѣтъ. Я недолго, впрочемъ, удержу этотъ экстенсивный сѣвооборотъ и какъ только количество покосовъ и выгоновъ, вслѣдствіе разработки лѣсовъ и пустошей, увеличится, перейду къ болѣе интенсивному сѣвообороту. Оставлять клеверъ съ тимоѳеевкой на 6 лѣтъ нѣтъ разсчета, потому что уже на 4-й годъ получается плохой укосъ сѣна; 4, 5, 6-тилѣтнія травы не стоитъ косить, а лучше пустить подъ выгонъ, что, однако, не всегда удобно по расположенію полей. Чтобы сдѣлать полеводство болѣе интенсивнымъ, нужно сократить время оставленія земли подъ травами на три года и подымать подъ ленъ трехлѣтній клеверъ. Въ нынѣшнемъ году, видя, что рожь не обѣщаетъ хорошаго урожая, потому что вслѣдствіе дождливой осени прошлаго года зелени пострадали, я увеличилъ посѣвъ льна, чтобы на льнѣ добрать, чего не выберу на ржи. Для этого я поднялъ подъ ленъ 5 десятинъ 3-хъ-лѣтняго клевера. Несмотря на неблагопріятный нынче для льна годъ—холодная весна, поздній сѣвъ, поздній всходъ, засуха въ началѣ лѣта—ленъ по клеверу вышелъ очень хорошъ, гораздо лучше, чѣмъ по облогамъ.

При посѣвѣ льна по 3-хъ-лѣтнему клеверу сѣвооборотъ изъ 15-ти-польнаго перейдетъ въ 12-ти-польный.

Въ 3-хъ поляхъ 120 десятинъ. Въ каждомъ полѣ 40 десятинъ, раздѣленныхъ на 4 клина по 10 десятинъ. Слѣдовательно, 12 клиньевъ, на которыхъ такой сѣвооборотъ:

1.	Паръ	5.	Рожь	9.	Клеверъ 1 годъ.
2.	Рожь	6.	Овесъ	10.	» 2 »
3.	Овесъ	7.	Паръ	11.	» 3 »
4.	Паръ	8.	Рожь	12.	Ленъ.

Слѣдовательно, ежегодно будетъ:

3 участка пара 30 десятинъ.
3 участка ржи 30 десятинъ.
2 участка овса 20 десятинъ.
1 участокъ льна 10 десятинъ.
3 участка клеверу 30 десятинъ.

Такъ какъ ленъ очень выгоденъ, то чтобы увеличить посѣвъ льна, продолжая все-таки его сѣять по пласту, можно отъ 12-ти-польнаго сѣвооборота перейти къ 9-ти-польному (по 13-ти десятинъ въ клину).

1.	Паръ	4.	Паръ	7.	Клеверъ 2 г.
2.	Рожь	5.	Рожь	8.	Клеверъ 3 г.
3.	Овесъ	6.	Клев. 1 г.	9.	Ленъ.

или, наконецъ, къ 6-ти-польному сѣвообороту — по 20 десятинъ въ клеверѣ:

1.	Паръ	3.	Клеверъ 1 г.	5.	Клеверъ 3 г.
2.	Рожь	4.	Клеверъ 2 г.	6.	Ленъ.

Такой 6-ти-польный сѣвооборотъ только съ посѣвомъ въ 6-мъ полѣ овса, вмѣсто льну, уже примѣняется въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ хозяйствахъ, оставившихъ прежнюю трехпольную систему и обратившихъ вниманіе на скотоводство.

Для своихъ условій я нахожу болѣе удобнымъ 12 ти-польный сѣвооборотъ, потому что при немъ я имѣю 30 десятинъ ржи, которая въ нашыхъ мѣстахъ есть самый вѣрный хлѣбъ при хорошемъ удобреніи. Кромѣ того, при этомъ сѣвооборотѣ получается много яровой и ржаной соломы, отъ которой я при молотьбѣ отрѣзаю $^1/_3$ сверху и эту, такъ называемую, колосовину употребляю въ кормъ; единственный недостатокъ этого сѣвооборота, что въ немъ мало льну, если ленъ сѣять по пластамъ послѣ клеверу. Но если ленъ сѣять по мягкой землѣ, то и при этомъ сѣвооборотѣ можно имѣть 20 десятинъ льну, именно: 10 десятинъ сѣять по 3-хъ-лѣтнему клеверу, а 10 десятинъ вмѣсто овса по ржи на 3-мъ клину. Сѣвооборотъ тогда будетъ такой:

1. Паръ	5. Рожь	9. Клеверъ 1 года.
2. Рожь	6. Овесъ	10. Клеверъ 2 »
3. Ленъ	7. Паръ	11. Клеверъ 3 »
4. Паръ	8. Рожь	12. Ленъ.

Всего же будетъ ежегодно:

30 десятинъ пара.
30 ржи.
20 льну.
10 овса.
30 клеверу.

Я сказалъ уже, что такой сѣвооборотъ будетъ хорошъ, когда вслѣдствіе раздѣлки лѣсовъ и пустошей, увеличится количество сѣна и выгоновъ, но до тѣхъ поръ лучше держаться установленнаго 15-ти-польнаго сѣвооборота. Этотъ сѣвооборотъ можно вообще рекомендовать при переходѣ отъ 3-хъ польнаго сѣвооборота, когда притомъ есть возможность увеличить запашку, придирая новыя земли.

До сихъ поръ, я увеличивалъ поля, прибавляя къ нимъ ежегодно по 8 десятинъ изъ земель, запущенныхъ послѣ «Положенія» и уже заросшихъ. Теперь у меня уже всѣ зàросли подняты и все, что можно было прибавить къ полямъ изъ запущенныхъ земель, прибавлено.

Раздѣлывая до сихъ поръ земли, неприносящія дохода, зàросли и отчасти лѣса, я не трогалъ такихъ земель, которыя приносили хотя какой-нибудь доходъ, напримѣръ, покосы, которые брали на скосъ съ части, хотя бы съ 1/3 въ мою пользу. Теперь я намѣренъ приступить къ разработкѣ другихъ земель и вести ее такъ, чтобы сначала тоже воздѣлывать земли, приносящія наименѣе дохода, именно выгоны, старыя выродившіяся пустоши, давно раздѣланные изъ подъ лѣсовъ покосы, на которыхъ пни уже достаточно выгнили. Разработку такихъ земель я буду производить тѣмъ же порядкомъ, какъ производилъ разработку облогъ, а именно: очистивъ пустошь отъ кустовъ и пней, я буду подымать ее подъ ленъ, потомъ по перелому буду сѣять рожь, безъ удобренія и по ней клеверъ съ тимоѳеевкой. Я ожидаю, что на хорошихъ земляхъ, дающихъ теперь плохіе укосы травъ потому только, что земля сильно одернѣла, загрубѣла, уплотнилась, при подобной разработкѣ, получатся прекрасные урожаи льна, ржи и травъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ чего земля опять можетъ быть поднята подъ ленъ. Сѣвооборотъ на такихъ запольныхъ запашахъ будетъ такой:

1. Ленъ	4. Клеверъ	7. Клеверъ.
2. Паръ	5. »	8. »
3. Рожь	6. »	9. »

Когда же земля выпашется, то буду ее, вспаханную, запускать, т. е. просто бросать, чтобы она обсѣменилась березнякомъ. Что же касается пространствъ съ дурною подзолистою почвой, покрытыхъ теперь кочками, бѣлоусомъ, мхомъ, такихъ пространствъ, которыя даже выгоны представляютъ дурные, то я намѣренъ ихъ *воздѣлывать подъ лѣса.*

Кочковатыя бѣлоусныя мѣста, теперь уже поросшія мелкимъ березнякомъ, ельникомъ и сосенникомъ я вовсе не буду трогать, напротивъ, буду даже оберегать отъ порубовъ для того, чтобы на нихъ выросъ лѣсъ. Тѣ же бѣлоусныя мѣста, которыя не поросли березнякомъ, я предполагаю поднимать, засѣвать по пласту льномъ, затѣмъ по перелому рожью, и потомъ оставлять, чтобы заросли березнякомъ. Такимъ образомъ, пустыри, не приносящіе теперь никакой пользы, даже какъ выгоны, превратятся въ березовыя рощи.

Когда это будетъ выполнено, тогда все будетъ на своемъ мѣстѣ: гдѣ нужно быть лѣсу, будетъ лѣсъ; гдѣ нужно быть лугу, будетъ лугъ; гдѣ нужно быть полю, будетъ поле. Тогда исполнится моя завѣтная мысль: привести въ Батищевѣ всю землю въ культурное состояніе такъ, чтобы каждый клочокъ земли приносилъ пользу, чтобы всѣ 615 десятинъ земли были производительны.

Въ хозяйствѣ, да и во всемъ другомъ, успѣхъ зависитъ отъ правильности принятой системы. Неопытность, частныя ошибки, неудачи—нипочемъ, если система хозяйства хороша, если основанія, на которыхъ оно ведется, вѣрны. Напротивъ, если система неправильна, если она сама въ себѣ несетъ залогъ неуспѣха, то никакія старанія не помогутъ, никакая опытность ничего не сдѣлаетъ. Нужно смотрѣть въ корень.

Еслибы я остался при той системѣ хозяйства, которую нашелъ въ Батищевѣ, еслибы я продолжалъ пахать землю, которая пахалась, косить тѣ луга, которые косились — какого бы я достигъ результата? Положимъ, мои старанія, мои труды не пропали бы даромъ: болѣе тщательная обработка, увеличеніе количества удобрительныхъ средствъ и проч., принесли бы свои плоды—хлѣбъ сталъ бы родиться лучше; но это увеличеніе урожаевъ едвали бы окупило затраты, и хозяйство никакъ бы не стало на прочную ногу. За примѣромъ ходить не далеко: есть и помѣщичьи хозяйства, гдѣ прилагается и трудъ, и стараніе, и экономія, но дѣло не спорится, потому что основы хозяйства не вѣрны; еще лучшій примѣръ представляетъ крестьянское хозяйство: ужь крестьянинъ ли не старается? сколько труда прилагаетъ онъ и на обработку земли, и на то, чтобы добыть кормовыя средства, и увеличить количество навоза; а все не впрокъ.

Хлѣба никогда не хватаетъ на прокормленіе, и чуть неурожайный годъ, крестьяне уже съ декабря начинаютъ покупать хлѣбъ. А между тѣмъ дайте въ мои руки ту же землю, тотъ же трудъ, то же количество скота — и въ нѣсколько лѣтъ я поставлю хозяйство на такую ногу, что хлѣба нетолько хватитъ для прокормленія, но еще и продать будетъ что. Стòитъ только для этого уничтожить нивьи, раздѣлить землю на десятины и *обработывать землю съобща*. Это главное—одно это уже тотчасъ подыметъ урожаи хлѣба. Но если притомъ измѣнить систему полеводства, ввести травосѣяніе, посѣвъ льна, и дѣлать все съобща, на сколько это можно безъ стѣсненія индивидуальной жизни каждаго, какого бы благосостоянія можно достигнуть!

Несмотря на всю мою неопытность, на множество ошибокъ и неудачъ, полеводство у меня пошло отлично выгодно, успѣхъ превзошелъ даже ожиданія; въ 6 лѣтъ имѣніе стало неузнаваемымъ и хозяйство стало на прочную ногу. Этимъ я обязанъ тому, что сразу попалъ на вѣрную точку, ввелъ правильную систему хозяйства. Главныя основы системы состоятъ въ томъ, что я *перенесъ хозяйство съ старыхъ земель на новыя*: на новыхъ земляхъ и хлѣбъ, и травы стали родиться лучше, а старыя земли, получивъ другое назначеніе, для котораго онѣ болѣе пригодны, не стали менѣе производительны.

Разработка заросшихъ, запущенныхъ полей подъ ленъ дала огромныя выгоды. Ленъ нетолько окупалъ разработку, но и давалъ значительный доходъ, а главное, давалъ доходъ *безъ затраты навоза на удобреніе*. Непроизводительныя до того времени пустаки принесли мнѣ за 5 лѣтъ значительную сумму и принесли ее сами *изъ себя*, потому что, повторяю, давали доходъ безъ затраты навоза.

Такъ:

Въ 1872	году	получено	18	кулей	сѣмени	и 128	п.	льна.
» 1873	»	»	36	»	»	» 279	»	»
» 1874	»	»	38	»	»	» 248	»	»
» 1875	»	»	30	»	»	» 235	»	»
» 1876	»	»	45	»	»	» 390	»	»

Всего за 5 лѣтъ получено 167 кулей сѣмени и 1280 п. льна.

Ничего прежде не приносившіе заросли и пустаки, которые только мѣшали хлѣбопашеству, дали, безъ затраты навоза, въ пять лѣтъ 1280 пудовъ льну и 167 кулей льняного сѣмени, всего на сумму 4063 рубля, изъ коихъ половина, 2030 рублей составляютъ чистый доходъ.

Но этого мало: вслѣдствіе разработки зарослей, съ нихъ получалось передъ льномъ еще сѣно, чтò увеличивало количество

кормовъ; послѣ льна рожь на новыхъ земляхъ, съ затратой меньшаго количества навоза, родилась лучше, чѣмъ на старыхъ земляхъ, и каждая десятина новой земли давала на 5 до 8 кулей ржи болѣе, чѣмъ давала десятина старой земли, при большей затратѣ на нее навоза. Въ тоже время старыя земли не оставлялись пустовать, но засѣвались клеверомъ съ тимоѳеевкой, вслѣдствіе чего увеличивалось количество кормовыхъ средствъ.

Вслѣдствіе разработки земель изъ подъ лѣсовъ, очистки луговъ и пустошей, прекращенія сдачи покосовъ въ уплату за работу и проч., количество кормовъ увеличилось, и я скоро достигъ того, что пересталъ прикупать сѣно и обезпечилъ имѣніе грубыми неконцентрированными кормами и прикупаю только концентрированные кормы: жмаку, но продаю овесъ.

Такъ:

Въ	1871	году	накошено	552	копы	сѣна.
»	1872	»	»	560	»	»
»	1873	»	»	833	»	»
»	1874	»	»	1273	»	»
»	1875	»	»	838	»	»
»	1876	»	»	1173	»	»
»	1877	»	»	1265	»	»

Въ 1871 году я прикупалъ сѣно по мелочамъ, но такъ какъ собрать, такимъ образомъ, много сѣна было невозможно, то пришлось стравить много ржаной соломы на рѣзку.

Въ 1872 году я предварительно закупилъ около 300 копенъ сѣна, а въ 1873 году я снялъ на Днѣпрѣ луга, съ которыхъ получилъ 500 копенъ сѣна. Съ 1874 года я уже не прикупаю сѣна, но только жмаку, и стравливаю весь овесъ скоту и лошадямъ, а въ 1875 году, когда былъ неурожай сѣна, которое достигло 40 копеекъ за пудъ, но урожай ржи былъ отличный и ржаной соломы было вдоволь, я стравилъ лошадямъ и скоту много ячменя и ржи.

Вслѣдствіе увеличенія количества кормовыхъ средствъ и подстилки увеличилось количество молока и навоза, а отъ употребленія въ кормѣ жмаки, овса, муки и лучшаго приспособленія скотнаго двора—качество его улучшилось.

Такъ:

Въ	1872	г.	получено	2397	ведеръ	молока.
»	1873	»	»	3041	»	»
»	1874	»	»	3725	»	»
»	1875	»	»	3414	»	»
»	1876	»		4059	»	»
»	1877	»	»	4057	»	»

Тоже видно и относительно количества вывезеннаго навоза.

Въ 1871	году	вывезено	2677	возовъ	навозу.
» 1872	»	»	2571	»	»
» 1873	»	»	3259	»	»
» 1874	»	»	5262	»	»
» 1875	»	»	4791	»	»
» 1876	»	»	5972	»	»
» 1877	»	»	5394	»	»

Обращеніе подъ пашню новыхъ *отдохнувшихъ* земель, увеличеніе кормовыхъ средствъ, увеличеніе навоза и улучшеніе его качества неминуемо отразилось на увеличеніи урожаевъ ржи.

Такъ:

Въ 1872 г.	(западное поле)	съ	22	х. десят.	получ.	202	кул.	ржи.
» 1873 »	(южное »)	»	25	» »	»	259	»	»
» 1874 »	(восточное »)	»	24	» »	»	262	»	»
» 1875 »	(западное »)	»	24	» »	»	313	»	»
» 1876 »	(южное »)	»	27	» »	»	251	»	»
» 1877 »	(восточное »)	»	24	» »	»	240	»	»

Всего за 6 лѣтъ. . . . съ 146 х. десят. получ. 1533 кул. ржи.

Въ среднемъ 1 десятина давала $10^1/_2$ кулей ржи, то есть самъ 7, при посѣвѣ $1^1/_2$ куля на хозяйственную десятину. Слѣдовательно, въ послѣднее шестилѣтіе урожай ржи возвысился противъ урожая въ прежнее шестилѣтіе на 3 куля съ десятины. Такое возвышеніе произошло, конечно, отъ увеличенія количества удобренія, но не малое вліяніе оказало здѣсь и то обстоятельство, что ежегодно часть ржи сѣялась по отдохнувшей землѣ, т. е. по переломамъ послѣ льна. Такъ, за послѣдніе три года (1875, 1876 и 1877) съ 20-ти десятинъ перелома получено 276 кулей ржи, слѣдовательно, 13 кулей 6 мѣръ съ десятины; за то же время съ 55 десятинъ старой пахатной земли получено 528 кулей ржи, что составляетъ 9 кулей 4 мѣры съ десятины. Изъ приведенныхъ чиселъ видно, что переломы даютъ на 6 кулей ржи съ десятины болѣе противъ того, сколько давала десятина до 1872 года, а старыя пахатныя земли стали теперь давать всего на 2 куля съ десятины болѣе. Слѣдовательно, навозъ не дѣлаетъ еще такъ много и *однимъ навозомъ, безъ измѣненія системы полеводства, я не достигъ бы такихъ результатовъ.*

Другая отрасль хозяйства—скотоводство—шла у меня далеко не такъ успѣшно, какъ полеводство. Главною причиною неуспѣха было то, что, относительно скотоводства, я принялъ *ошибочную систему.*

Опредѣливъ совершенно вѣрно, что для меня можетъ быть

выгодно только *молочное хозяйство,* я сдѣлалъ огромную ошибку въ томъ, что вздумалъ вести молочное хозяйство съ *простымъ* скотомъ *навозной породы.* Вмѣсто того, чтобы продать простой навозный скотъ, который я получилъ съ имѣніемъ, и завести породистый молочный скотъ, я оставилъ простой скотъ. Я думалъ, что если я буду хорошо кормить такой скотъ, то онъ будетъ давать молоко; я думалъ, что если я буду хорошо воспитывать телятъ отъ такого скота, то выращу молочный скотъ. Въ этомъ-то и состояла моя ошибка. Теперь я пришелъ къ убѣжденію: 1) что простой навозный скотъ хотя и даетъ болѣе молока при хорошемъ кормленіи, но гораздо хуже платитъ за кормъ, чѣмъ породистый молочный скотъ; 2) что, при хорошемъ воспитаніи телятъ отъ простого навознаго скота, хотя и получается болѣе крупный скотъ, но, какъ молочный, онъ еще хуже платитъ за кормъ, чѣмъ дурно воспитанный простой скотъ. Поэтому, если и можетъ быть выгодно хорошо кормить *подобранный по молочности*, простой скотъ—экземпляры съ порядочною молочностію и между простымъ скотомъ попадаются—то никакъ не можетъ быть выгодно выращивать приплодъ отъ такого скота.

Конечно, я не хочу этимъ сказать, чтобы изъ нашего простого навознаго скота невозможно было выработать молочный скотъ. Затративъ много времени, труда и денегъ, тщательнымъ уходомъ и подборомъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, можно и изъ простого навознаго скота вывести скотъ молочный, точно также какъ и обратно можно молочный скотъ превратить въ навозный. При измѣняющихся условіяхъ нашего хозяйства, когда непремѣнно должно развиваться у насъ молочное хозяйство, несомнѣнно, что, съ теченіемъ времени, у насъ и сами собою выработываются свои молочныя породы скота.

Но я говорю здѣсь не о возможности вырабатывать изъ простого скота молочный, а о *выгодности.* Я вполнѣ уважаю дѣятельность людей, которые занимаются разрѣшеніемъ подобныхъ вопросовъ, не жалѣя ни трудовъ, ни денегъ для достиженія своихъ цѣлей, подобно тому, какъ другіе занимаются, для пользы общей, наукой, не жалѣя ни трудовъ, ни здоровья. Это совсѣмъ другой вопросъ. Я говорю о томъ, какъ поставить скотоводство, чтобы оно тотчасъ же было выгодно.

Однако, необходимо объяснить, что я понимаю подъ *простымъ навознымъ* скотомъ. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ *функція рогатаго скота состоитъ въ переработкѣ грубаго корма въ навозъ.*

Крестьянинъ всѣ усилія свои употребляетъ на то, чтобы заготовить лѣтомъ въ покосъ какъ можно болѣе сѣна. Но, заготовляя сѣно, выбиваясь изъ силъ въ трудное страдное время,

онъ вовсе не думаетъ о своемъ рогатомъ скотѣ. Онъ готовитъ сѣно, онъ отбираетъ сѣно лучшаго закоса для лошадей—*всѐ для лошадей*. Почти все заготовленное крестьяниномъ сѣно идетъ для лошадей и лишь небольшая часть его стравливается овцамъ и телятамъ. Рогатый скотъ всю зиму кормится ржаною и яровою соломой, подколоскомъ, мякиной (послѣ отёла), и если получаетъ сѣно, когда его заготовлено въ избыткѣ, то самое худшее, подвалявшееся, подъосёнокъ—обыкновенно это сѣно дается смѣшаннымъ съ яровой соломой, въ видѣ, такъ называемой, *стряски*. Эта *стряска* считается уже отличнымъ кормомъ. Понятно, что, при такомъ кормѣ, когда еще притомъ хозяинъ считается хорошимъ, если онъ *умѣетъ* и такого корма стравить мало, скотъ ничего не продуцируетъ. Да никто объ продуктивности скота зимою и не думаетъ—лишь бы только скотъ прожилъ зиму и вышелъ весной на траву. Все такъ и подведено: телятся коровы поздно—подъ весну, около Благовѣщенія; зимою кормъ задается поздно утромъ, чтобы не будить скотъ, чтобы онъ болѣе спалъ, оставался, по возможности, болѣе въ состояніи, подобномъ *зимней спячкѣ* животныхъ, проводящихъ зиму во снѣ. Помѣщается скотъ въ темномъ холодномъ хлѣвѣ, и хозяинъ заботится только о томъ, чтобы въ сильные морозы скотъ не отморозилъ ноги; грѣется онъ кормомъ и, переваривая огромную массу соломы, извлекаетъ изъ нея, что̀ нужно для существованія. Просуществовавъ на такомъ кормѣ зиму, скотъ ранней весною выходитъ въ поле, гдѣ и остается до самой глубокой осени, пока земля не замерзнетъ и не покроется снѣгомъ. Въ это время, на травѣ, онъ даетъ молоко. Если при такихъ условіяхъ корова даетъ 20 ведеръ молока—а это нужно считать среднимъ удоемъ отъ навозныхъ коровъ—то, считая молоко по 35 копеекъ за ведро, она выручитъ 7 рублей. Такъ какъ маленькая крестьянская коровенка потребитъ за зиму не болѣе 100 пудовъ корму, то выходитъ, что она заплатитъ за кормъ по 7 копеекъ за пудъ.

Конечно, не вездѣ крестьянинъ такъ относится къ рогатому скоту; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ большинство крестьянъ отправляется на заработки въ отхожіе промыслы, гдѣ менѣе занимаются хлѣбопашествомъ, не держатъ много лошадей, скотъ кормятъ лучше и порода скота тамъ сформировалась болѣе молочная.

Какъ содержится теперь скотъ у крестьянъ, такъ содержался онъ и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. И у помѣщиковъ тоже лучшее сѣно шло лошадямъ, которыхъ содержалось много «для выѣзда», и такъ, неизвѣстно для чего. Давалось сѣно овцамъ,

телятамъ и молодежи, которой всегда выращивалось много. Коровы же получали солому и много если «стряску». Что это дѣйствительно было такъ, доказательствомъ служитъ, что средній, такъ сказать нормальный, скопъ масла отъ коровы былъ 20 фунтовъ, а если получали 1 пудъ съ коровы, то это считалось уже хорошимъ скопомъ. Полное понятіе о такомъ скотоводствѣ даютъ скотники прежняго времени. Между этими старыми скотниками можно найти превосходныхъ пастуховъ, которые отлично умѣютъ держать стадо въ послушаніи, прогонять его безъ потравъ около хлѣбовъ, нагуливать, вытравливать до чиста все, что разрѣшено травить; но послушайте же того стараго скотника относительно зимняго содержанія скота и вы услышите отъ него, что отёлъ нужно подгонять къ веснѣ, потому что дойный скотъ зимою болѣе ѣстъ, что не нужно будить скотъ и кормить рано утромъ, потому что иначе онъ болѣе съѣстъ, что не нужно часто давать зимою кормъ, потому что иначе выйдетъ много корму и т. д.—вся забота о томъ, чтобы корму вышло какъ можно менѣе, чтобы съ даннымъ количествомъ корма перекормить зиму наибольшее количество скота. Такой скотникъ вполнѣ убѣжденъ, что вся задача кормленія скота зимою состоитъ въ поддержаніи только его жизни; ничѣмъ его разубѣдить нельзя, и если вы хотите вести хозяйство на иныхъ основаніяхъ, въ особенности молочное хозяйство, то никогда не берите такихъ опытныхъ скотниковъ иначе какъ для пастьбы скота.

Я называю *простымъ*, *навознымъ* скотомъ вотъ такой крестьянскій и помѣщичій скотъ, подборомъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, выработавшій въ себѣ способность превращать въ теченіи нашей длинной, холодной зимы, грубые кормы въ навозъ, не вырабатывая изъ нихъ ни молока, ни жиру, а только поддерживая свою жизнь.

Я утверждаю, что такой скотъ выгодно содержать только для тѣхъ цѣлей, для которыхъ его держатъ крестьяне, и при тѣхъ же условіяхъ, что онъ худо оплачиваетъ хорошіе дорогіе корма—что, хорошо воспитывая приплодъ отъ такого скота, нельзя вывести молочный скотъ, что телята отъ самыхъ молочныхъ коровъ навозной породы, при хорошемъ воспитаніи, хотя и перегоняютъ въ ростѣ своихъ матокъ, но относительно молочности даже рѣдко достигаютъ ихъ. Хорошая на молоко, напримѣръ, дающая при отличномъ кормѣ 100 ведеръ молока, корова навозной породы есть случайный выродокъ, и потомство ея рѣдко достигаетъ той же молочности.

Мнѣ попался *настоящій* простой навозный скотъ. Дѣйстви-

тельно, я его получилъ изъ мѣстности, небогатой хорошими лугами, изъ мѣстности, гдѣ не было ни сыроварень, ни большихъ богатыхъ имѣній, ни любителей скота, выписывавшихъ въ крѣпостное время скотъ изъ-за границы. На хорошемъ корму этотъ скотъ быстро прибавилъ молока и сталъ давать вдвое — *сорокъ* ведеръ, но дальнѣйшее увеличеніе количества молока, при отличномъ кормленіи жмаками, сѣномъ, клеверомъ, шло очень медленно. Изъ всего стада не было ни одной коровы, которая бы давала 100 ведеръ въ годъ, всего 4% коровъ, дававшихъ отъ 80 до 90 ведеръ, и затѣмъ вся масса состояла изъ коровъ, дающихъ 50 до 70 ведеръ. Очевидно, тутъ и подбирать не изъ чего. Не забраковать же 95%? Хорошо воспитанные телята отъ этихъ коровъ ростомъ обгоняли матокъ, но молочность ихъ была таже 50—70, слѣдовательно, они платили за кормъ еще хуже, чѣмъ матки, потому что, давая столько же молока, при большомъ ростѣ, жрали болѣе.

Поэтому, если и можно еще, пока не сформировано породистое молочное стадо, держать для молока простыхъ коровъ, то ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ выращивать ихъ приплодъ; гораздо выгоднѣе употребить тотъ же кормъ на выращиваніе телятъ отъ породистыхъ молочныхъ коровъ.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, по долинѣ Днѣпра, гдѣ существуютъ хорошія условія для содержанія скота, гдѣ есть пастбища, гдѣ находятся большія имѣнія богатыхъ владѣльцевъ, гдѣ изстари существовали сыроварни, гдѣ жили баре, которые, изъ моды или по охотѣ, выписывали различный породистый молочный скотъ, можно найти простой скотъ, носящій въ себѣ хорошіе задатки. Вблизи такихъ имѣній, и у помѣщиковъ, и у крестьянъ, въ особенности у старыхъ дворовыхъ, у поповъ, содержателей постоялыхъ дворовъ, прасоловъ и т. п. можно найдти превосходные экземпляры молочнаго скота. Я самъ имѣю происходящую изъ крестьянскаго стада корову, которая даетъ болѣе 200 ведеръ молока и по своимъ статьямъ, по тонкости кожи, короткости волоса, не уступаетъ лучшимъ коровамъ петербургскаго стада.

Не говоря уже объ отдѣльныхъ экземплярахъ, въ которыхъ ясно выраженъ иной, иностранный типъ, въ вышеупомянутыхъ мѣстностяхъ и простой крестьянскій скотъ не есть уже настоящій навозный скотъ, но содержитъ въ себѣ нѣкоторую примѣсь крови иного скота. Такой скотъ представляетъ гораздо болѣе разнообразія; онъ менѣе устойчивъ, болѣе податливъ къ измѣненіямъ подъ вліяніемъ подбора, хорошаго ухода и корма. Съ та-

кимъ скотомъ, въ которомъ есть иная кровь, гораздо скорѣе можно достигнуть хорошихъ результатовъ.

Въ такихъ мѣстностяхъ, если поискать, можно купить отличныхъ молочныхъ и даже породистыхъ коровъ. Скупая коровъ, не только отличающихся большой молочностію, но и хорошимъ складомъ, подбирая притомъ экземпляры одного типа, можно составить небольшое стадо и повести отъ него породу, которая для данной мѣстности можетъ оказаться лучше иностранныхъ, какъ освоившаяся съ мѣстнымъ климатомъ и кормами.

Затѣмъ и гуртовой помѣщичій, даже крестьянскій скотъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ прежде держали породистый выписной скотъ, при тщательномъ уходѣ, хорошемъ кормленіи, станетъ выказывать хорошія качества, присущія его породѣ.

Конечно, нельзя кормомъ измѣнить складъ уже вырощеннаго скота, но на телятахъ хорошій уходъ и кормъ отразится уже улучшеніемъ склада, и если къ этому присоединить тщательную подборку, то можно скоро достигнуть хорошихъ результатовъ.

Вотъ изъ такого-то помѣщичьяго или крестьянскаго скота, называемаго тоже *простымъ русскимъ скотомъ*, хотя это есть только выродившійся голландскій или иной породистый скотъ, и можно уходомъ и кормомъ скоро вывести молочный скотъ, но никакъ не изъ настоящаго простого навознаго скота.

Выведенный такимъ образомъ скотъ, конечно, будетъ того же типа, какъ и тотъ скотъ, который когда-то былъ употребленъ для улучшенія мѣстнаго скота; видя такой скотъ, знатоки сейчасъ же укажутъ основную породу, отъ которой онъ произошолъ, и чѣмъ лучше будетъ уходъ за скотомъ и подборъ, тѣмъ рѣзче будетъ выражаться основной типъ.

Такой путь для составленіи молочнаго стада, конечно, есть путь и болѣе трудный, и болѣе дорогой, чѣмъ прямая покупка иностраннаго породистаго скота, но нельзя не согласиться, что это путь вѣрный, могущій дать прочные результаты, потому что такой возвратившійся къ прежнему типу скотъ долженъ быть болѣе проченъ, какъ пріученный къ мѣстному климату, корму, водѣ. Понятно только, что при воспитаніи такого скота нужно ставить его въ условія нашего хозяйства, а не въ какія-нибудь *исключительныя*.

Я говорилъ уже, что скотоводство у меня не шло такъ успѣшно, какъ полеводство, потому что я не сразу сталъ на вѣрную точку. Въ настоящее время я, кажется мнѣ, понимаю, что̀ долженъ былъ сдѣлать, и считаю небезполезнымъ сообщить это. Начиная хозяйничать въ имѣніи, гдѣ имѣется только простой навозный скотъ, слѣдуетъ на первый разъ оставить только *выро-*

шенный скотъ, именно дойныхъ коровъ, кормить ихъ хорошо, не употребляя, однако, концентрированныхъ кормовъ, *если они не окупаются*, и пользоваться молокомъ, уничтожая тотчасъ же всѣхъ рождающихся телятъ. *Не слѣдуетъ тратить кормъ на выращиваніе телятъ отъ простого скота.* Затѣмъ, слѣдуетъ пріобрѣсти сколько можно по силѣ — хотя бы только на ту сумму, которая выручится отъ продажи забракованнаго скота — породистаго, молочнаго скота, кормить этотъ скотъ наилучшимъ образомъ и воспитывать приплодъ отъ него. Такимъ образомъ, простыя коровы будутъ перерабатывать кормъ и давать молоко, а для подмѣны ихъ будетъ вырощенъ новый хорошій молочный скотъ.

Кстати будетъ сказать здѣсь, что скотоводство есть самая трудная часть въ хозяйствѣ, потому что, разъ оно ставится на новую ногу—а иначе и быть не можетъ—хозяинъ долженъ все сдѣлать *самъ* и выработать себѣ помощниковъ, потому что готовыхъ помощниковъ онъ не найдетъ. Напротивъ, ему придется постоянно бороться со вкоренившимися понятіями, совершенно противоположными тѣмъ, которыя онъ долженъ проводить. Если хозяинъ не будетъ самъ поить телятъ, самъ кормить скотъ, самъ доить коровъ и предоставитъ все это захребетникамъ, то у него *ничего не выйдетъ*. Въ такомъ случаѣ, выгоднѣе, пожалуй, будетъ оставаться при старой системѣ скотоводства, выращивать лошадей, а скотъ содержать, только для переработки грубыхъ кормовъ въ навозъ.

Если я говорю, что хозяинъ долженъ самъ заниматься скотомъ, то это вовсе не значитъ, чтобы я предполагалъ, что ему нечему будетъ учиться у мужика.

Учиться у мужика есть чему, мужикъ обладаетъ громадною опытностью и знаніями, только эта опытность и знанія не освѣщены наукой. Въ каждомъ суевѣріи, въ каждой примѣтѣ лежитъ въ основѣ фактъ вѣрный, но, за невозможностію естественнаго объясненія явленія, мужикъ объясняетъ его темными сверхестественными силами и въ своей безпомощности прибѣгаетъ къ умилостивленію этихъ сверхъестественныхъ силъ. Громадная масса знаній и опытности, но мало анализа и мало обобщеній. Опытная деревенская старуха отлично выпоитъ теленка, двухъ. у нея можно превосходно научиться пойкѣ телятъ, но разъ вы научились, поняли и объяснили все, вы лучше выпоите партію въ 30 телятъ, чѣмъ ваша учительница старуха. И такъ во всемъ.

Въ хозяйствѣ, въ особенности въ скотоводствѣ, убѣжденіе, что *все совершается по неизмѣннымъ непреложнымъ естественнымъ законамъ* имѣетъ неизмѣримо бо̀льшее значеніе, чѣмъ знаніе мас-

сы фактовъ и опытность, и даетъ вамъ въ руки такое оружіе, при помощи котораго, вы чрезвычайно скоро изъ ученика превращаетесь въ учителя. Но эти убѣжденія никогда не должны заставлять васъ относиться съ презрѣніемъ къ кажущимся суевѣріямъ. Какъ бы нелѣпо ни казалось какое нибудь понятіе — не проходите мимо, не оставляйте его безъ анализа. И относительно скота мужикъ подмѣтилъ множество фактовъ, о которыхъ вы ничего не найдете въ книгахъ, такихъ фактовъ, которые даютъ совершенно новое освѣщеніе дѣлу. Такъ, факты сообщенные мнѣ мужиками, навели меня на мысль, что всѣ животныя зимою находятся въ состояніи спячки, и разница между различными животными въ этомъ отношеніи только количественная.

Я объяснилъ уже выше сущность системы скотоводства, которой до сихъ поръ держатся крестьяне, которой держались до «Положенія», а въ большинствѣ имѣній, и теперь еще держатся помѣщики. Не выгоднѣе ли оставаться при этой системѣ? Нѣтъ, и вотъ почему. Крестьянинъ тратитъ сѣно на лошадей, овецъ и телятъ, а коровъ кормитъ исключительно соломой. Для него, при существующихъ теперь условіяхъ, такая система единственная возможная и его способъ содержанія скота, при данныхъ условіяхъ, можетъ быть самый раціональный. Будь у крестьянина достаточно сѣна, и онъ сталъ бы кормить коровъ сѣномъ, но ужь *навѣрно завелъ бы хорошихъ молочныхъ коровъ*, потому что разъ скотъ получаетъ хорошій кормъ, *невыгодно* будетъ держать простой навозный скотъ. Мы видимъ это и теперь у тѣхъ людей, которые не держатъ лошадей, но только коровъ: у мельниковъ, содержателей постоялыхъ дворовъ и кабаковъ; у безземельныхъ деревенскихъ мастеровыхъ можно найти превосходныхъ молочныхъ коровъ, точно также какъ въ городахъ, монастыряхъ.

При настоящихъ условіяхъ, въ помѣщичьихъ хозяйствахъ нѣтъ разсчета содержать много лошадей; гораздо выгоднѣе нанимать лошадей у крестьянъ. Своихъ лошадей слѣдуетъ содержать лишь столько, сколько нужно дла выполненія такихъ работъ, которыя трудно сдать сдѣльно крастьянамъ, да еще выгодно содержать лошадей въ томъ случаѣ, когда въ имѣніи есть сѣно такого качества, что оно негодно для кормленія скота. Содержать овецъ выгодно лишь въ томъ размѣрѣ, сколько это необходимо для домашняго употребленія.

Поэтому, теперь въ хозяйствахъ всегда будетъ оставаться сѣно для рогатаго скота, особенно со введеніемъ травосѣянія, *безъ котораго немыслимо измѣненіе системы полеводства*. Что же дѣлать съ этимъ сѣномъ? Продавать сѣно и держать скотъ на со-

ломѣ, но тогда пострадаетъ полеводство. Ясно, что сѣно нужно стравливать скоту и стравливать его *наивыгоднѣйшимъ* образомъ. Но спрашивается, какой же способъ пользованія скотомъ будетъ выгоднѣе? Заниматься ли выращиваніемъ скота, заниматься-ли молочнымъ хозяйствомъ или откармливаніемъ?

Выращиваніе скота есть наименѣе выгодный способъ пользованія. При выращиваніи скота, кормъ и уходъ оплачивается чрезвычайно низко, навозъ обходится очень дорого, и хозяинъ несетъ потерю еще въ томъ, что, при продажѣ выращеннаго скота, онъ продаетъ съ нимъ самыя драгоцѣнныя частицы своей почвы, усвоенныя изъ корма скотомъ во время выростанія. Выращивать скотъ можетъ быть выгодно только тогда, когда выращивается породистый племенной молочный скотъ; но и тогда выращиваніе скота можно допустить какъ спеціальное занятіе лишь въ томъ случаѣ, если есть вѣрный сбытъ по высокимъ цѣнамъ племенныхъ телятъ или подростковъ. Въ противномъ случаѣ, выращивать скотъ слѣдуетъ лишь въ такомъ количествѣ, какое нужно для ремонта собственнаго стада.

Выращиваніе простого скота и даже хорошаго мясного скота всегда чрезвычайно невыгодно и нѣтъ ничего убыточнѣе этого въ скотоводствѣ. У насъ всѣ выращиваютъ скотъ: въ степяхъ выращивается превосходный черкасскій скотъ, который гораздо выгоднѣе откармливать, чѣмъ простой—крестьяне, помѣщики, ведущіе хозяйство по старому, тоже всѣ выращиваютъ скотъ.

У крестьянъ коровы телятся обыкновенно въ великій постъ, когда молоко не потребляется. Родившихся телятъ не уничтожаютъ, но всѣхъ выпаиваютъ. Поятъ теленка сначала молокомъ, но скоро начинаютъ прибавлять воды, муки, дѣлаютъ болтушку; если теленокъ не околѣетъ, что обыкновенно приписывается глазу, то его пускаютъ на лѣто. Лѣтомъ телята ходятъ съ овцами, питаются подножнымъ кормомъ и много, если получаютъ какую-нибудь болтушку. Осенью теленка бьютъ, иногда продаютъ рубля за два, такъ что мясо идетъ почти даромъ, а если сѣна достаточно, оставляютъ зимовать. Первую зиму теленокъ, называемый у насъ лѣтошникомъ, стоитъ съ овцами на сѣнѣ. На слѣдующее лѣто онъ ходитъ въ поле, зимою кормится соломой и т. д.

У насъ крестьяне продаютъ скотъ вѣсною—преимущественно дойныхъ коровъ, въ Петровки — преимущественно яловокъ, и осенью. Крестьяне продаютъ скотъ почемъ дадутъ, обыкновенно, очень дешево, особенно осенью, такъ что говядина приходится покупщику отъ 50 ти копеекъ до 2-хъ рублей за пудъ. Выра-

щивать скотъ на продажу и крестьянину невыгодно: это—самая дешевая оплата корма.

Тоже самое мы видимъ у большинства помѣщиковъ. Одни—во избѣжаніе хлопотъ съ молочнымъ хозяйствомъ, пускаютъ телятъ сосать матокъ, съ которыми они и ходятъ цѣлое лѣто. При такомъ способѣ выращиванія, телята выростаютъ отлично, скотъ получается рослый, хорошо отъѣдающійся и потому болѣе цѣнный. Другіе занимаются молочными скопами и оставляютъ телятъ подъ матками только 6 недѣль, а потомъ матокъ доятъ, телятъ же поятъ овсяной болтушкой. Третьи, наконецъ, тотчасъ по рожденіи отнимаютъ телятъ, поятъ ихъ не болѣе шести недѣль молокомъ, а потомъ овсяной болтушкой. Телятъ бо̀льшею частію оставляютъ всѣхъ, сколько ихъ ни родилось, во всякомъ случаѣ, всѣхъ поятъ до шести недѣль. Много телятъ околѣваетъ при выпойкѣ, но много и остается въ живыхъ. Слѣдующую зиму лѣтошники стоятъ на хорошемъ сѣнѣ, потомъ еще зиму получаютъ кормъ получше, а затѣмъ уже стоятъ на обыкновенномъ кормѣ. Изъ множества оставляемыхъ, такимъ образомъ, ежегодно телятъ, телки поступаютъ для ремонтированія своего стада—для пополненія убыли отъ падежа и брака, бычки же выращиваются на продажу. Продаются эти бычки обыкновенно на шестомъ году, а если неурожай на травы, то и въ болѣе молодомъ возрастѣ. Смотря по обстоятельствамъ, вырощенные и нагулявшіеся бычки продаются по такимъ цѣнамъ, что говядина обходится покупателю отъ 75 коп. до 2 руб. 50 коп. за пудъ. Годовое содержаніе бычковъ въ средней сложности оплачивается хорошо, если 5-ю рублями.

Совершенно инымъ представляется *откармливаніе* уже вырощеннаго скота. Это дѣло несомнѣнно выгодное, хорошо окупаетъ кормъ, и даетъ навозъ *даромъ*. Достигнуть же того, чтобы скотъ окупалъ кормъ, чтобы навозъ обходился даромъ—это наивысшее, чего можетъ желать хозяинъ. Что дѣйствительно откармливаніе скота—дѣло выгодное, доказательствомъ можетъ служить то, что занимающіеся откармливаніемъ скупленнаго скота, скотопромышленники никакой цѣны навозу не придаютъ. Скотопромышленники, ставящіе свой скотъ на откормъ на винокуренные заводы, платятъ за барду, за сѣно и солому, нанимаютъ на свой счетъ рабочихъ для ухода за откармливаемымъ скотомъ и навозъ оставляютъ владѣльцу имѣнія. Точно также и при лѣтней откормкѣ скота на пастбищахъ, скотопромышленники платятъ и за пастбища, и пастухамъ, а навозъ оставляютъ хозяину. При несомнѣнной выгодѣ откармливанія скота, дѣло это, однако, для хозяина неподходящее, потому что для этого онъ долженъ сдѣлаться

скотопромышленникомъ и вести торговлю скотомъ, т. е. постоянно скупать, откармливать и продавать скотъ. Для всего этого нуженъ особенный капиталъ, масса знаній совершенно спеціальныхъ и возможность постояннаго передвиженія для торговли скотомъ.

Однако, и хозяину, который занимается молочнымъ хозяйствомъ, всегда приходится продавать скотъ, поступающій въ бракъ, напримѣръ, ненужныхъ для хозяйства быковъ, заяловѣвшихъ коровъ, и т. п. Весь этотъ бракъ *слѣдуетъ откармливать* и продавать весною, когда цѣны на говядину стоятъ болѣе высокія.

Молочное хозяйство есть дѣло самое подходящее для сельскаго хозяина; при этомъ самое удобное продавать молоко спеціалисту, который будетъ передѣлывать его на сыръ и масло, оставляя при этомъ хозяину всѣ отбросы, получаемые при технической обработкѣ молока.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и при молочномъ хозяйствѣ самое выгодное было бы держать только доящихся коровъ, пріобрѣтая ихъ уже дойными, съ опредѣленною молочностію и продавая, какъ только онѣ перестаютъ давать требуемое количество молока. При такихъ условіяхъ, скотный дворъ представлялъ бы фабрику молока, и я нисколько не сомнѣваюсь въ возможности обставить дѣло такъ, что на такой фабрикѣ молока нетолько навозъ будетъ получаться даромъ, но и самое производство дастъ значительныя выгоды. Однако, такое фабричное молочное хозяйство можно устроить только при исключительныхъ условіяхъ, напримѣръ, вблизи большого города, куда пригоняется на продажу много дойныхъ коровъ.

При обыкновенныхъ условіяхъ хозяйства, нельзя поставить молочное дѣло на такую фабричную ногу: всегда придется и выращивать скотъ для ремонта собственнаго стада, и откармливать бракуемый скотъ, и кормить коровъ межъ молокъ, когда онѣ не доятся. Но хозяинъ долженъ стараться приблизиться къ идеалу—къ тому, чтобы его скотный дворъ представлялъ фабрику молока, и потому не долженъ жадничать, не держать лишняго скота, не пускать лишняго числа телятъ, какъ бы они хороши ни были, убивать ненужныхъ телятъ тотчасъ по рожденіи, не держать яловокъ, лишнихъ быковъ, старыхъ коровъ и т. п., вообще стараться, *чтобы на его скотномъ дворѣ кормъ, главнымъ образомъ, переработывался въ молоко.* Весьма важно при этомъ хорошее распредѣленіе корма, такъ чтобы концентрированные корма шли молодежи и дойному скоту, а скотъ межъмолокъ получалъ болѣе скудный кормъ и не закармливался со-

вершенно безполезно. Точно также важно, чтобы и отёлъ былъ ранній, чтобы коровы какъ можно менѣе времени ходили межъ молокъ, чтобы нетели телились, по возможности, ранѣе и послѣ перваго отёла получали самый лучшій концентрированный кормъ, потому что они должны въ это время и рости, и давать молоко.

Въ заключеніе, скажу нѣсколько словъ въ частности о моемъ скотоводствѣ.

Въ 1871 году у меня было слѣдующее количество разнаго скота: 4 быка, 33 дойныя коровы, 10 большихъ нетелей, 17 двухгодовыхъ телокъ, 20 телокъ лѣтошницъ, всего 84 штуки рогатаго скота, 3 лошади, нѣсколько штукъ овецъ и свиней.

Прежде всего о свиньяхъ, лошадяхъ и овцахъ.

Заниматься въ большомъ размѣрѣ свиноводствомъ, собственно для продажи получаемыхъ отъ откормленной свиньи продуктовъ, у насъ, при дороговизнѣ хлѣба, невыгодно, если не имѣется въ имѣніи какихъ-нибудь отбросовъ, напримѣръ, барды, сыворотки. Да и въ такомъ случаѣ, не знаю, не выгоднѣе ли отдавать эти отбросы дойному скоту. Но если хозяинъ самъ живетъ съ семействомъ въ деревнѣ и ведетъ батрачное хозяйство, то содержать нѣсколько штукъ свиней необходимо. Свиное сало у насъ составляетъ важный продуктъ для пищи, особенно лѣтомъ въ покосъ, потому что въ это время нельзя имѣть ни говядины, ни солонины, да и продукты эти недостаточно жирны, а между тѣмъ, при усиленной работѣ, пища требуется непремѣнно жирная. Замѣнить свинное сало въ щахъ и супѣ коровьимъ масломъ нельзя, а потому для харчей нужно имѣть значительное количество свиного сала. Держать свиней для того только, чтобы имѣть сало, пожалуй бы, и не стоило, потому что домашнее сало обойдется дороже, чѣмъ покупное, привозимое изъ степей; но свинья, кромѣ сала, даетъ еще другой важный продуктъ—ветчину. Хорошо просоленная и прокопченая ветчина отъ доморощенныхъ, хорошо воспитанныхъ свиней, съ малолѣтства сидѣвшихъ въ загороди и откормленныхъ хлѣбомъ, составляетъ незамѣнимый для деревни продуктъ, потому что можетъ сохраняться безъ порчи очень долго. Если считать ветчину въ такой цѣнѣ, по какой можно купить хорошую вестфальскую ветчину, а домашняя ветчина ей не уступитъ, и принять въ разсчетъ, что сало получается лучшаго качества, что, кромѣ подкожнаго сала, свинья даетъ еще внутренностное сало, которое употребляется въ кашу, и очень жирное мясо, которое можно прибавлять къ тощей говядинѣ и солонинѣ, то нельзя не признать, что въ хозяйствѣ всегда слѣдуетъ содержать нѣсколько штукъ свиней для собственнаго потребленія.

Точно также заниматься въ большомъ размѣрѣ овцеводствомъ невыгодно, но нельзя не держать въ хозяйствѣ небольшое стадо простыхъ овецъ для собственнаго употребленія. Конечно, овецъ слѣдуетъ содержать только въ такомъ случаѣ, если они, какъ у насъ говорятъ, идутъ хозяину на руку, то есть приносятъ ежегодно по парѣ ягнятъ, не подвергаются падежамъ и хорошо отъѣдаются къ осени. Овцы идутъ хозяину на руку, когда хорошъ уходъ за ягнятами и въ имѣніи есть годныя для овецъ возвышенныя пастбища, что̀ составляетъ очень важное условіе, потому что есть мѣстности, въ которыхъ овцы подвергаются падежамъ. Въ этомъ отношеніи Батищево очень благопріятствуетъ овцеводству, и, при хорошемъ уходѣ за ягнятами, овцы здѣсь идутъ хорошо. Въ теченіи 7 лѣтъ, у меня овцы ни разу не падали, хотя падежи овецъ—явленіе очень обыкновенное въ окрестныхъ деревняхъ, и съ тѣхъ поръ, какъ я понялъ, въ чемъ заключается суть ухода за ягнятами, нетолько двойни, но даже тройни выростаютъ хорошо.

Пастбища у меня большею частію возвышенныя, сухія, по полямъ, оврагамъ и сухимъ пустошамъ; низменныхъ, болотистыхъ луговъ мало, да и тѣ, когда находятся въ пару, травятся лошадьми; послѣ скоса луговъ по Вержѣ, отавы тоже стравливаются моими и крестьянскими лошадьми, скотъ на этихъ лугахъ ходитъ мало и подгоняется къ рѣкѣ только для водопоя, да скотъ и не жалуетъ эти пастбища. Овцы, вмѣстѣ со скотомъ, пасутся по пустошамъ, клевернымъ отавамъ и жнивьямъ, куда лошади не допускаются. Сѣно для овецъ отбирается пустошное, листоватое, съ высокихъ, хорошо освѣщенныхъ мѣстъ; три раза въ недѣлю овцамъ, какъ и всему скоту, дается соль.

Достигнуть того, чтобы овцы приносили по парѣ ягнятъ не трудно: это дѣлается подборомъ, бракуя овецъ, приносящихъ по одиночкѣ и не пуская на племя одиночныхъ барановъ. Чтобы овцы не котились во всякое время года, я поступаю какъ крестьяне, то есть не держу постоянно барановъ и пускаю на племя ежегодно молодыхъ барановъ, родившихся въ декабрѣ, январѣ, которыхъ и убиваю осенью. Для того, чтобы ягнята росли хорошо, необходимо имѣть теплое помѣщеніе, въ которомъ бы каждая овца съ своими ягнятами помѣщалась отдѣльно, хотя бы на первое только время, пока ягнята окрѣпнутъ. Для этого у меня въ избѣ, гдѣ грѣется вода для мытья посуды и приготовленія пойла для телятъ, устроены небольшія клѣтушки, въ которыя котившіяся овцы помѣщаются съ своими ягнятами. Овцы съ ягнятами кормятся самымъ лучшимъ сѣномъ и *конопляной жмакой*, за которую скоро принимаются и ягнята.

Какъ только весной показалась травка, овцы съ ягнятами идутъ въ поле и уже не требуютъ никакого корма. Осенью всѣ, за исключеніемъ племенныхъ, овцы и бараны продаются или убиваются. Продать барановъ осенью можно по 2 до 2 р. 50 к. за штуку, но правильнаго требованія на нихъ нѣтъ. Я рѣдко продаю барановъ и бо̀льшею частію потребляю ихъ въ своемъ хозяйствѣ, потому что держу не много матокъ—всего штукъ 15. Въ своемъ хозяйствѣ овцы еще лучше оплачиваются, потому что отъ каждой штуки получается овчина, которая сто̀итъ 75 коп., 30 фунтовъ баранины, которую нельзя цѣнить дешевле 6 копеекъ за фунтъ, слѣдовательно всего на 1 р. 80 коп. Сало, буторъ, сто̀итъ 50 копеекъ. Слѣдовательно, каждая штука даетъ на 3 р., не считая еще весенней и осенней шерсти, которая продается по 9 рублей за пудъ. Главное же удобство въ томъ, что, содержа овецъ, можно имѣть свѣжую баранину въ такое время, когда не разсчетъ бить большую штуку.

Въ 1871 году у меня было всего 3 лошади, и этого было тогда достаточно, потому что всѣ работы производились сдѣльно крестьянами на ихъ лошадяхъ. Со введеніемъ батрачнаго хозяйства, число лошадей пришлось увеличить, и я держу теперь 18 лошадей, что̀ соотвѣтствуетъ количеству получаемаго съ низменныхъ луговъ конскаго сѣна, негоднаго для кормленія рогатаго скота.

Въ 1871 году, я имѣлъ 84 штуки рогатаго скота. Какъ я теперь понимаю дѣло, мнѣ слѣдовало тогда продать бо̀льшую часть этого скота, оставивъ только дойныхъ коровъ. На вырученныя же отъ продажи скота деньги купить нѣсколько штукъ породистаго молочнаго скота, напримѣръ, голландскаго, холмогорскаго или иного, и воспитывать телятъ отъ этихъ породистыхъ коровъ. Въ случаѣ невозможности пріобрѣсти породистыхъ коровъ, слѣдовало купить породистаго бычка и воспитывать метисовъ отъ этого бычка и простыхъ коровъ. Вмѣсто того, я оставилъ весь имѣвшійся у меня скотъ и сталъ воспитывать простыхъ телятъ, разсчитывая, что на хорошемъ корму коровы будутъ давать много молока, а изъ хорошо воспитанныхъ простыхъ телятъ выйдутъ молочныя коровы. Я поступилъ такъ, между прочимъ, и оттого, что видѣлъ примѣръ одного изъ мѣстныхъ владѣльцевъ, большого любителя скота, который, отличнымъ кормомъ и воспитаніемъ довелъ простой скотъ до высокой продуктивности. Но я не зналъ тогда, что мой скотъ былъ настоящій простой навозный скотъ, а скотъ этого любителя былъ не настоящій простой, но скотъ, несущій въ себѣ кровь породистаго скота, который когда-то выписывался мѣстными охотниками до скота богатыми барами.

Кормилъ я свой скотъ хорошо и, пока достигъ, что, вслѣдствіе травосѣянія и расчистки пустошей, Батищево стало давать достаточно сѣна, постоянно прикупалъ хорошее днѣпровское сѣно; что же касается жмакъ, то и до сихъ поръ я прикупаю ихъ ежегодно въ значительномъ количествѣ.

Разумѣется, количество молока отъ хорошаго корма увеличилось, можно сказать, утроилось, противъ того, что даютъ коровы въ крестьянскомъ и старомъ помѣщичьемъ хозяйствѣ, но все-таки оно не велико сравнительно съ тѣмъ, что̀ нужно получить для того, чтобы кормъ окупался и навозъ приходился даромъ. По моему разсчету, для этого необходимо, чтобы корова давала на кругъ 145 ведеръ молока въ годъ, а между тѣмъ, 30 штукъ простыхъ коровъ прежняго завода—коровъ, разумѣется, подобранныхъ—дали мнѣ, въ 1876 году, всего 2,137 ведеръ молока, слѣдовательно, по 70 ведеръ отъ коровы.

Еще худшіе результаты дали телята отъ простыхъ коровъ. Воспитывалъ я этихъ телятъ хорошо, кормилъ отлично и на первомъ, и на второмъ году, но молочность черезъ это не увеличилась, даже уменьшилась, не достигла средней молочности—70 ведеръ—старыхъ коровъ. Такъ какъ ростъ молодыхъ коровъ сильно превзошелъ ростъ ихъ матокъ, то, давая, при большемъ ростѣ, даже столько молока, сколько ихъ матки, онѣ хуже бы оплачивали кормъ. Большую часть выращенныхъ мною коровъ я долженъ былъ забраковать и продать на убой. Еслибы я не воспитывалъ простыхъ телятъ, не выращивалъ полученной мною молодежи, а прикупилъ бы для переработки корма простыхъ дойныхъ коровъ, то скотоводство доставило бы мнѣ болѣе выгодъ.

Въ 1872 году я пріобрѣлъ въ сосѣднемъ имѣніи двухъ телятъ, бычка и телочку голландской помѣси, и воспитывалъ ихъ у себя. Изъ телочки вышла хорошая молочная корова, которая въ прошедшемъ году дала 145 ведеръ молока. Отъ бычка и простыхъ коровъ получились телята, о которыхъ я не могу еще сказать ничего. Этого бычка я держалъ не долго, потому что въ 1873 году поспѣлъ для случки бычекъ холмогорской породы, полученный мною теленкомъ изъ Петербурга. Отъ этого бычка я оставилъ всѣхъ телятъ 1874 и 1875 годовъ, а въ 1875 году быка, сдѣлавшагося слишкомъ грузнымъ для моихъ маленькихъ простыхъ коровъ, я продалъ сосѣду, у котораго скотъ крупный. Въ концѣ 1873 года, мнѣ удалось сдѣлать хорошее пріобрѣтеніе для моего стада. У одного изъ мѣстныхъ владѣльцевъ, о которомъ я говорилъ, что онъ вывелъ отличный молочный скотъ изъ *такъ называемаго* простого скота—при небольшомъ имѣніи

былъ скотъ, о молочности котораго я много слышалъ. Владѣлецъ, переселяясь въ Петербургъ, продалъ свое имѣніе одному бывшему дворовому человѣку. Узнавъ, что новый владѣлецъ не прочь продать скотъ, я отправился къ нему и, не долго думая, купилъ у него 7 коровъ за 415 руб., слѣдовательно, по 60 руб. за корову. Это небольшое стадо послужило основаніемъ для моего новаго скотоводства. Двухъ старыхъ коровъ я продалъ на убой, какъ только дождался отъ нихъ телятъ, которые обѣщаютъ быть хорошими молочными коровами—одна изъ телокъ, теливщаяся нынче первый разъ, дала 72 ведра. Третью, молодую и прекрасную на молоко, тоже продалъ, потому что она, принеся телочку—телка уже телилась и дала 64 ведра—заяловѣла. Всѣ эти три коровы проданы откормленными, и я взялъ за нихъ безъ малаго ту цѣну, которую заплатилъ. Изъ оставшихся у меня четырехъ коровъ, одна дала въ 1876 году 221 ведро, телка отъ нея дала за лѣто 1877 года 76 ведеръ, другая — 113 ведеръ, третья 82 ведра и четвертая всего 53 ведра. Всѣ эти коровы были разныхъ типовъ и, очевидно, возвратились къ типу своихъ предковъ, породистыхъ быковъ и коровъ, когда-то выписанныхъ любителями, владѣльцами богатыхъ имѣній по долинѣ Днѣпра.

Въ настоящее время, за выпродажей большей части простого скота, мое стадо, состоящее изъ коровъ и нетелей отъ холмогорскаго быка, имѣетъ довольно однообразный видъ и хотя сколько-нибудь напоминаетъ молочное стадо.

Я дорого поплатился за свои ошибки по скотоводству, но опытъ не прошелъ даромъ, и въ отношеніи скотоводства у меня выработалась система, которая, надѣюсь, дастъ въ будущемъ хорошіе результаты, хотя, можетъ быть, и не такіе блестящіе, какіе дала система полеводства.

Не оставлять землю пустовать непроизводительно, не выращивать скота—вотъ основы моего хозяйства.

Земли у насъ много, слишкомъ много, земля хороша, но она мало производитъ, потому что не разработана. Хозяйство ведется на небольшихъ клочкахъ истощенной, выпаханной земли, а огромныя пространства пустуютъ и остаются непроизводительными. Каждый хозяинъ долженъ стремиться сдѣлать всю свою землю производительною, а лишнюю землю, что̀ ему не подъ силу, сдать другимъ. Уничтоженіе лѣсовъ, за исключеніемъ тѣхъ пространствъ, на которыхъ невозможна иная культура, кромѣ лѣсной, разработка пустырей и зарослей, приведеніе всѣхъ земель въ культурное состояніе, присоединеніе пустующихъ теперь земель къ пахатнымъ землямъ, со введеніемъ на всемъ простран-

ствѣ имѣній экстенсивной многопольной системы полеводства, съ посѣвомъ или самосѣвомъ лѣсныхъ породъ, такъ чтобы такіе искуственные лѣса вошли въ составъ сѣвооборота [1]—вотъ основы правильной системы полеводства.

Что касается скотоводства, то я совѣтую каждому не гнаться за тѣмъ, чтобы скота было много, но кормить скотъ хорошо. Тратить какъ можно менѣе корма на выращиваніе скота, выращивать лишь такое количество молодого скота, какое нужно для ремонта своего стада, не выращивать простого навознаго скота, а только породистый. Эксплуатація скотнаго двора должна быть поставлена такъ, чтобы кормъ переработывался—и притомъ самымъ выгоднымъ образомъ—въ молоко и сало, а не въ мускулы, кости и кожу.

Насколько важно уничтоженіе плохихъ лѣсовъ, кустарниковъ зарослей, для полеводства и луговодства — настолько же важно уничтоженіе простого скота [2] для скотоводства и замѣна его продуктивнымъ породистымъ.

Мы ничего не можемъ создать въ хозяйствѣ, но мы можемъ заставить силу солнечнаго луча работать въ томъ направленіи, какъ намъ требуется. Все искуство хозяина заключается въ томъ, чтобы заставить эту силу производить предметы для него полезные. Самый лучшій огородъ, доставляющій, при уходѣ, капусту, огурцы, свеклу, будучи заброшенъ, заростаетъ крапивой, репейникомъ, бѣленой, дурманомъ и превращается въ пустырь, не производящій ничего полезнаго.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ я смотрю на будущее нашего хозяйства.

Я достигъ въ своемъ хозяйствѣ, можно сказать, блестящихъ результатовъ; но будущее не принадлежитъ такимъ хозяйствамъ, какъ мое. Будущее принадлежитъ хозяйствамъ тѣхъ людей, которые будутъ *сами обработывать* свою землю и вести хозяйство не единично, каждый самъ по себѣ, но *съобща*.

Если я достигъ хорошихъ результатовъ въ своемъ хозяйствѣ, то потому только, что я веду хозяйство фабрично, такъ сказать, при помощи артели людей, работающихъ *съобща* и харчующихъ

---

[1] При избыткѣ земель и недостаткѣ удобренія, на плохихъ земляхъ, выродившихся пустошахъ, несомнѣнно хороша будетъ такая система: 1) ленъ по пласту; 2) паръ; 3) рожь; 4—18) залежь на 15 лѣтъ, при чемъ она заростетъ березнякомъ; 19) корчевка березняка на дрова; 20) покосъ; 21) ленъ; 22) паръ; 23) рожь; 24) овесъ; 25) и т. д. залежь.

[2] Я допускаю содержаніе простого скота въ хозяйствѣ только какъ крайнюю необходимость въ то переходное время, пока будетъ выращенъ для замѣны его породистый скотъ. Но такой простой скотъ должно содержать *только* для переработки кормовъ въ молоко и сало.

ся изъ *общаго* котла. Хотя каждый изъ работающихъ въ моемъ хозяйствѣ работаетъ по неволѣ—что же, какъ не нужда, заставляетъ идти въ батраки? — совершенно механически, не влагая души въ работу, не будучи заинтересованъ въ ней, и потому производитъ менѣе, безполезно растрачиваетъ много силы; но, такъ какъ всѣ работаютъ съобща, въ одномъ направленіи, то въ результатѣ производится болѣе, чѣмъ сколько производятъ люди, работающіе на себя, на своей землѣ, но работающіе отдѣльно каждый, въ одиночку, ведущіе каждый отдѣльное хозяйство, причемъ часто хозяйствомъ приходится заниматься и тому, кто къ этому дѣлу неспособенъ.

Когда люди, обработывающіе землю собственнымъ трудомъ, додумаются, что имъ выгоднѣе вести хозяйство съобща, то и земля, и все хозяйство неминуемо перейдетъ въ ихъ руки.

Вотъ тогда мы узнаемъ, какія несметныя богатства лежатъ въ нашей землѣ и до какой громадной производительности она можетъ быть доведена.

Хозяйство наше находится теперь въ переходномъ состояніи. Оно не можетъ оставаться въ такомъ положеніи и должно вылиться въ новыя формы. Я убѣжденъ, что оно не можетъ вылиться въ тѣ формы, какія приняло западно-европейское хозяйство. Нѣтъ основанія предполагать, что мы непремѣнно должны пройти именно тѣ формы, какія прошелъ западный міръ, хотя я не хочу этимъ сказать, чтобы можно было сдѣлать скачокъ въ развитіи. Все должно пройти всѣ стадіи развитія, но развитіе это будетъ иное, свое, самостоятельное.

Въ настоящее время, хозяйство, сельская жизнь, отъ которой убѣжалъ нашъ интеллигентный классъ, вновь начинаетъ привлекать людей, людей молодыхъ, новыхъ. Да позволено будетъ мнѣ, старику, дать совѣтъ идущимъ въ хозяйство молодымъ людямъ: если вы не ходите остаться *не у дѣлъ*, то непремѣнно научитесь работать — пахать, косить, молотить; выработайте себѣ руки, ноги, глаза, уши; выработайте въ себѣ способность обходиться безъ мужика.

А. Энгельгардтъ.

Батищево, 25-го декабря 1877 г.

ОБРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

IV.

Подарки.

Когда мы читаемъ, какъ Кукъ «подарилъ королю (таитянъ) два большіе топора, нѣсколько нитокъ блестящихъ бусъ и гвоздей, зеркало и ножъ», и какъ Спикъ, описывая пріемъ, оказанный ему королемъ Уганда, разсказываетъ: «Я сказалъ тогда, что привезъ съ собою лучшее въ мірѣ ружье, винтовку Уитворта, и просилъ короля принять его въ подарокъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими бездѣлушками»—мы вспоминаемъ, что всѣ путешественники вообще, приходя въ сношенія съ чуждыми народами, умилостивляютъ ихъ помощью даровъ. А отсюда и два сопутствующія слѣдствія: во-первыхъ, самая цѣнность подносимыхъ вещей возбуждаетъ непосредственно чувство удовольствія въ умилостивляемомъ лицѣ и приводитъ его къ дружественному расположенію духа; во-вторыхъ, дѣйствіе поднесенія даровъ является молчаливымъ выраженіемъ желанія нравиться, которое также располагаетъ въ пользу дарящаго. Въ этомъ послѣднемъ фактѣ и слѣдуетъ искать начало развитія поднесенія даровъ, какъ обряда.

Связь, существующая между изувѣченіями и дарами, между предложеніемъ части тѣла и предложеніемъ чего-либо иного, выказывается весьма ясно въ одномъ разсказѣ Гарсиляссо о древнихъ перуанцахъ; приводимый имъ фактъ показываетъ въ то же время, какъ поднесеніе даровъ обращается въ умилостивительное дѣйствіе, при которомъ цѣнность дара не берется въ разсчетъ. Описывая носильщиковъ тяжестей по горнымъ проходамъ, Гарсиляссо говоритъ, что они, достигнувши вершины го-

ры, снимаютъ съ себя свою ношу и произносятъ нѣсколько разъ слѣдующія слова, обращенная къ богу Пачакамакъ:

«Благодарю за то, что перенесъ эти вещи!» и затѣмъ въ видѣ жертвы вырываютъ изъ своихъ бровей волосокъ или вынимаютъ изо рта траву, называемую *сиса*, какъ даръ изъ числа самыхъ цѣнныхъ вещей, принадлежащихъ имъ. За недостаткомъ же чего лучшаго, они предлагаютъ небольшую палочку или кусочекъ соломы, или даже кусокъ камня или земли. На вершинахъ горныхъ проходовъ встрѣчаются нерѣдко громадныя груды, состоящія изъ такого рода жертвоприношеній».

Хотя подобныя жертвоприношенія частей своего тѣла или цѣнныхъ вещей, или вещей, не имѣющихъ даже никакой цѣны, жертвоприношенія, принимающія такія необычныя для насъ формы, кажутся намъ съ перваго взгляда въ высшей степени странными, но эта странность ихъ значительно уменьшится, если мы вспомнимъ, что во Франціи, у подножія крестовъ, красующихся по сторонамъ дорогъ, можно видѣть иногда цѣлыя кучи небольшихъ крестиковъ, сдѣланныхъ часто изъ двухъ только тонкихъ кусочковъ дерева, скрѣпленныхъ гвоздемъ. Цѣнность этихъ крестиковъ нисколько не превосходитъ цѣнности соломы, палочекъ и камней, предлагаемыхъ перуанцами и, подобно послѣднимъ дарамъ, они указываютъ на ту истину, что дѣйствіе поднесенія даровъ переходитъ въ обрядъ, выражающій желаніе расположить въ свою пользу. До какой степени естественна подобная замѣна дѣйствительнаго дара номинальнымъ тамъ, гдѣ дѣйствительный не можетъ имѣть мѣста, это видно изъ дѣйствій нѣкоторыхъ интелигентныхъ животныхъ. Собака, дрессированная для носки, и пріученная доставлять удовольствіе своему господину поносскою убитыхъ птицъ, и т. д., усвоиваетъ привычку приносить и всякія другія вещи въ тѣхъ случаяхъ, когда хочетъ выказать свое желаніе нравиться. Увидѣвши впервые по утру или послѣ его возвращенія лицо, къ которому она дружески расположена, собака подбѣгаетъ къ нему съ обычными выраженіями радости, неся во рту увядшій листочекъ, вѣтку или какую нибудь другую удобоносимую вещь, лежащую по близости, которую ей удалось найдти. Приведенный нами примѣръ, указывая на естественное происхожденіе этой умилостивительной церемоніи, показываетъ въ то же время, на какой низкой ступени развитія начинается процессъ символизаціи и, какъ съ самаго начала, символическое дѣйствіе является не инымъ чѣмъ, какъ по возможности точнымъ повтореніемъ символизованнаго дѣйствія.

Итакъ, мы уже слегка прослѣдили развитіе принесенія даровъ въ обрядъ; обратимся теперь къ разсмотрѣнію разновидно-

стей этого обряда и тѣхъ соціальныхъ явленій, которыя изъ него вытекаютъ.

Поднесеніе даровъ не существуетъ, какъ установленный обычай, ни у племенъ, не имѣющихъ вовсе правительства, ни у тѣхъ, у которыхъ существуетъ правительство, но съ властію не установившеюся или установившеюся слабо.

Австралійцы, тасманійцы и огнеземельцы представляютъ въ этомъ отношеніи наилучшее доказательство; а читая отчеты о дикихъ американскихъ племенахъ, лишь въ слабой степени организованныхъ, каковы эскимосы, чинуки, змѣи, команча, чиппеусы, и т. д., или организованныхъ демократическимъ образомъ, каковы, напримѣръ, ирокезы и крики, мы, рядомъ съ полнымъ отсутствіемъ сильной личной власти, не встрѣчаемъ почти никакого упоминовенія о поднесеніи даровъ, какъ о политическомъ обрядѣ.

Прямо противуположны предъидущимъ описанія обычаевъ тѣхъ американскихъ племенъ, которыя достигли въ давнопрошедшія времена значительной степени цивилизаціи подъ деспотическимъ правленіемъ. По словамъ Торквемады, «каждый мексиканецъ, отправлявшійся съ поклономъ къ королю или господину, бралъ съ собою цвѣты и дары». То же читаемъ мы и о чибчасахъ: «являясь съ дарами для того, чтобы договориться о чемъ-либо или вообще поговорить съ кацикомъ (ибо никто не посѣщалъ его безъ подарковъ), они входили, наклонивъ голову и все тѣло»; а когда «древніе юкатаны охотились или ловили рыбу, или варили соль, они всегда отдавали извѣстную часть добычи вождю». Тотъ же обычай встрѣчаемъ мы и у народовъ другого типа, у малайо-полинезійскихъ племенъ, находящихся на одинаковой ступени общественнаго развитія съ предъидущими и подчиняющихся неограниченной власти вождей. Говоря о вещахъ, которыя они вымѣнивали у таитянъ за пищу, туземныя ткани, и т. д., Форстеръ разсказываетъ слѣдующее: «Однако, мы замѣтили, что нѣсколько времени спустя, все это пріобрѣтенное богатство перешло, то въ видѣ даровъ, то добровольныхъ уступокъ, въ собственность различныхъ вождей; эти вожди сдѣлались вскорѣ единственными обладателями всѣхъ топоровъ и сѣкиръ». То же и на Фиджи: «кто желаетъ попросить милости у вождя или частнымъ образомъ переговорить съ нимъ, долженъ принесть съ собою подарокъ».

Изъ только что разсказанныхъ нами случаевъ легко можно замѣтить, какъ это поднесеніе даровъ вождю изъ добровольнаго умилостивленія переходитъ въ понудительное: читая, какъ «таитянскіе вожди грабятъ, когда имъ то вздумается плантаціи своихъ поддан-

ныхъ», какъ на Фиджи «вожди силою присвоиваютъ себѣ и собственность, и самую личность жителей», мы не можемъ ни прійти къ тому, очевидному, заключенію, что поднесеніе подарковъ обратилось въ средство предотвратить потерю цѣлаго отдачею части. Подаркомъ достигаются одновременно двѣ цѣли: удовлетворяется жадность и выражается подчиненіе. «Малагазы, какъ рабы, такъ и свободные, по временамъ дѣлаютъ подарки съѣстными припасами своимъ вождямъ, выражая тѣмъ свои вѣрноподданическія чувства». Понятно, что соразмѣрно съ увеличеніемъ власти вождей, усиливается и желаніе нравиться имъ—предупреждая ихъ алчныя желанія и выставляя на показъ свою преданность».

Впрочемъ, если въ простомъ племени поднесеніе даровъ вождю и развивается въ установленный обычай, то это бываетъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Въ началѣ вождь мало чѣмъ отличается отъ подчиненныхъ ему лицъ. Вокругъ него не толпятся лица, готовыя подкрѣпить его волю своею помощью, и онъ не наводитъ на остальныхъ членовъ племени страхъ, достаточный для того, чтобы обратить поднесеніе даровъ въ обычный обрядъ. Только въ сложныхъ обществахъ, образовавшихся путемъ покореніи нѣсколькихъ племенъ однимъ побѣдоноснымъ племенемъ, принадлежавшимъ той или какой либо иной расѣ возникаетъ впервые правящій классъ, изъ старшихъ и младшихъ вождей, классъ, въ значительной степени отличающійся отъ другихъ и достаточно могущественный, чтобы возбудить требуемый страхъ. Всѣ примѣры, приведенные выше, заимствованы изъ обществъ, у которыхъ правительство приняло уже форму королевской власти.

Въ то же время, обрядъ этотъ принимаетъ и болѣе расширенную форму. Тамъ, гдѣ рядомъ съ подчиненными вождями существуетъ старшій вождь, его умилостивляютъ какъ народъ, такъ и подчиненные правители. А отсюда и два вида поднесенія даровъ.

Въ Тимбукту обычай поднесенія подарковъ удерживаетъ еще свой первобытный характеръ. Здѣсь «король не налагаетъ податей ни на своихъ подданныхъ, ни на иностранныхъ купцовъ, за то получаетъ подарки». Но Каллье прибавляетъ:—«У нихъ нѣтъ правильнаго правительства. Король напоминаетъ собою отца, управляющаго своими дѣтьми!» Когда возникаетъ споръ, «онъ собираетъ совѣтъ старѣйшинъ». Другими словами, поднесеніе подарковъ все еще совершается добровольно тамъ, гдѣ королевская власть не велика. У другого африканскаго народа, у каффровъ, подарки перестаютъ быть добровольными. «Доходъ короля

состоитъ изъ ежегодной подати, уплачиваемой скотомъ, первыми плодами, и т. д. «Когда Кусса (каффръ) открываетъ свой амбаръ, онъ обязанъ послать нѣсколько зеренъ хлѣба сосѣдямъ, значительную же часть ихъ—королю». Въ Абиссиніи мы встрѣчаемся съ подобнымъ же смѣшеніемъ взиманій и добровольныхъ дареній: кромѣ установленной подати, уплачиваемой кусками тканей и хлѣбомъ, князь Тигре получаетъ, сверхъ того, и ежегодные подарки. Подобнаго рода податная система, состоящая изъ установленныхъ, а отчасти и изъ неустановленныхъ дареній народа королямъ, обще всѣмъ жителямъ Восточной Африки. Если мы вспомнимъ, что тамъ, гдѣ королевская власть получаетъ большое значеніе, подданные удерживаютъ за собою свою собственность только на основаніи позволенія, попущенія — мы поймемъ, какимъ образомъ рядомъ съ подарками, утратившими, вслѣдствіе своей принудительности, характеръ умилостивленія, существуетъ стремленіе дѣлать подарки другого рода, подарки добровольные, которые имѣютъ умилостивительное значеніе потому, что они неожиданны. Изъ показанія Бэртона о томъ, какъ «мало побужденій накоплять богатства существуетъ въ Дагомэ, потому что накопившаго, навѣрное, ровно столько разъ «выжмутъ», сколько онъ окажется въ силахъ вынести подобнаго рода операцію», а изъ разсказа о древникъ короляхъ Богота, которые, «получая обыкновенныя дани, уплачиваемыя по нѣскольку разъ въ годъ и другіе безчисленные дары, кромѣ того, считаются полновластными господами надъ собственностью и жизнью своихъ подданныхъ», не трудно замѣтить, вслѣдствіе какихъ причинъ, рядомъ съ дарами, превратившимися изъ добровольныхъ и неправильныхъ въ принудительные и правильные, возникаетъ стремленіе къ новымъ добровольнымъ дареніямъ.

Если уже одно поднесеніе частнымъ лицомъ даровъ королю или вождю считается дѣйствіемъ, выражающимъ подчиненіе, то поднесеніе даровъ верховному правителю правителемъ подчиненнымъ далжно было выражать это подчиненіе еще съ большею силою: въ послѣднемъ случаѣ, невѣрность, измѣна внушаютъ бо̀льшій страхъ, слѣдовательно, и значеніе церемоніи, доказывающей преданность, имѣетъ бо̀льшій вѣсъ. Отсюда подарки получаютъ значеніе формальнаго признанія господства верховной власти. Въ древнемъ Вера-Пасъ, тотчасъ по избраніи короля... всѣ вожди племенъ являлись къ нему или посылали своихъ родственниковъ... съ дарами... Они объявляли (при провозглашеніи короля) свое согласіе на его избраніе и на признаніе его королемъ». У чибчасовъ, по восшествіи новаго короля на престолъ, «вожди приносили присягу въ томъ, что будутъ его вѣр-

ными и послушными вассалами, и, въ доказательство своей преданности, каждый изъ нихъ давалъ ему по драгоцѣнному камню и по нѣскольку кроликовъ, и т. д.» А о мексиканцахъ Торибіо говорятъ слѣдующее:—«Каждый годъ, во время нѣкоторыхъ празднествъ, тѣ изъ индѣйцевъ, которые не платили податей, даже вожди... дѣлали подарки государямъ... въ знакъ своего подчиненія имъ». То же происходило и въ Перу. «Никто не приближался къ Атачуаллпа безъ подарка, служившаго знакомъ подчиненія; и хотя многіе изъ приходившихъ были знатнаго происхожденія, всѣ они входили къ нему, неся подарки на своихъ плечахъ и босикомъ». Значеніе поднесенія даровъ, какъ выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ, вполнѣ выясняется сопоставленіемъ двухъ мѣстъ изъ библіи. О Соломонѣ говорится, что «онъ владѣлъ всѣми царствами отъ рѣки Евфрата до земли Филистимской и до предѣловъ Египта»; а также, что «всѣ цари на землѣ искали видѣть Соломона... и они подносили ему, каждый отъ себя, въ даръ: серебряные и золотые сосуды» и т. д... каждый годъ». Наоборотъ, когда Саулъ былъ избранъ царемъ, «негодные люди говорили: ему ли спасать насъ? И презрѣли его и не поднесли ему даровъ». На всемъ отдаленномъ Востокѣ поднесеніе даровъ старшему вождю имѣетъ одно и тоже значеніе. Въ Японіи «каждый начальникъ обязанъ былъ разъ въ годъ посѣтить императорскій дворъ заплатить дань своего уваженія, и въ то время приподнести дары»; далѣе, «свѣтскій государь обязанъ былъ разъ въ годъ выразить свое уваженіе и подчиненность микадо... торжественнымъ посольствомъ и дорогими подарками». Въ Китаѣ значеніе поднесенія даровъ, какъ выраженія подчиненія, выказывается съ особенною рѣзкостью. При церемоніи «вступленія великаго хана на престолъ присутствовало четыре тысячи пословъ и представителей отъ разныхъ лицъ; всѣ они были нагружены дарами». Далѣе мы читаемъ, что монгольскіе чиновники спрашивали францисканцевъ, посланныхъ Иннокентіемъ IV: «знаетъ ли папа, что великій ханъ—сынъ неба, что ему по праву принадлежитъ власть надъ всею землею; какіе подарки прислалъ онъ великому хану?» Не менѣе многозначительно и то толкованіе, которое придаютъ поднесенію даровъ въ Бирмѣ. По словамъ Юла, жители всячески убѣждали «иностранныя посольства участвовать вмѣстѣ съ вассалами и данниками имперіи въ качествѣ просителей въ церемоніяхъ дней испрашиванія прощенія: подносимые подарки разсматриваются, въ этихъ случаяхъ, какъ умилостивительныя приношенія, помощью которыхъ желаютъ отвратить отъ себя заслуженныя наказанія за проступки противъ верховнаго государя».

Ранняя исторія Европы представляетъ также не мало случаевъ поднесенія даровъ съ цѣлью общаго или частнаго умилостивленія, или для выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ. Въ эпоху Меровинговъ, разъ въ годъ, въ одинъ опредѣленный день, народъ, согласно древнему обычаю, подносилъ королямъ дары на майскомъ полѣ. «Этотъ обычай продолжалъ существовать и во времена карловинговъ. Подарки были въ высшей степени разнообразны: и съѣстные припасы, и напитки, и лошади, и золото, и серебро, и драгоцѣнности, и одежды. Ихъ подносили какъ частныя, отдѣльныя лица, такъ и общины; помощью ихъ города выражали свою преданность. Со времени Гонтрана, котораго жители Орлеана закидали дарами при въѣздѣ его въ городъ, города въ теченіи долгаго времени продолжали снискивать этимъ путемъ милость посѣщавшихъ ихъ монарховъ, пока, наконецъ, такого рода дары не приняли обязательнаго, принудительнаго характера. То же встрѣчаемъ мы и въ древней Англіи: приношеніе даровъ при посѣщеніи какого либо города монархомъ, вначалѣ добровольное, а впослѣдствіе принудительное, влекло за собою такіе значительные расходы, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ «на проѣздъ королевской семьи или двора смотрѣли, какъ на великое несчастье». На основаніи всѣхъ изложенныхъ фактовъ, каждый читатель самъ легко можетъ прійти къ тому заключенію, что умилостивительные дары, превращающіеся мало по малу изъ добровольныхъ и исключительныхъ въ менѣе добровольные и болѣе общіе, даютъ начало всеобщимъ и принудительнымъ контрибуціямъ—установленной дани; а съ возникновеніемъ монеты, дань переходитъ въ обложеніе налогами. До какой степени сильно повсюду стремленіе къ такому превращенію и какіе мотивы руководятъ имъ и обращаютъ добровольные дары въ принудительные, ясно видно изъ отчета Малькольма о персидскихъ обычаяхъ. Говоря о «неправильныхъ и тяжелыхъ налогахъ, которые во всякую данную минуту могутъ обрушиться на персіянъ», онъ замѣчаетъ:—«Первые изъ этихъ сверхъ-штатныхъ налоговъ могутъ быть названы обыкновенными и чрезвычайными дарами. Обыкновенные дары, подносимые царю, тѣ, которые вручаютъ ему ежегодно губернаторы провинцій и округовъ, вожди племенъ, министры и всѣ другіе высокопоставленные сановники въ день празднованія Нуруза или весенняго равноденствія... Количество этихъ даровъ опредѣляется обычаемъ; кто принесетъ меньше назначеннаго, рискуетъ потерять мѣсто; кто принесетъ больше—заслужитъ бо̀льшую королевскую милость».

Что подъ вліяніемъ подобнаго рода давленія изъ неправиль-

ныхъ даровъ возникли правильныя дани—доказывается какъ самою природою подносимыхъ вещей, такъ и все болѣе и болѣе усиливающейся періодичностью въ поднесеніи даровъ. Дарятъ обыкновенно такія вещи, которыя въ извѣстной странѣ считаются наилучшими и въ тоже время находятся въ ней въ изобиліи, при предположеніи, само собою разумѣется, что они могутъ быть приняты. Отсюда происходитъ то, что когда въ какомъ либо обширномъ государствѣ поднесеніе даровъ производится правильнымъ образомъ, дары представляютъ собою главныя произведенія каждаго изъ дарящихъ округовъ; такъ было въ древнемъ Перу, гдѣ изъ одной провинціи народъ посылалъ благоуханныя деревья, изъ другой—хлопчатую бумагу, изъ третьей—золото и изумруды, изъ четвертой—попугаевъ, медъ и воскъ; тоже происходило и въ древней Мексикѣ, гдѣ города, за отсутствіемъ монеты, платили дань «тѣмъ, что давала страна, напримѣръ, рыбою, мясомъ, хлѣбомъ, хлопчатою бумагой, золотомъ и т. д.» Въ другихъ случаяхъ, при менѣе правильно установленныхъ порядкахъ, дары, присылаемые изъ одного и того же мѣста, носятъ болѣе смѣшанный характеръ, какъ, напримѣръ, тѣ, которые подносили города первымъ французскимъ королямъ; тутъ были и волы, и овцы, и вино, и овесъ, и дичь, и восковыя свѣчи, и варенья, и лошади, и оружіе, и золотая и серебряная посуда, и т. д. Ясно, что коль скоро поднесеніе даровъ переходитъ въ дань натурою, непремѣннымъ слѣдствіемъ является разнообразіе этихъ даровъ, обусловливаемое въ нѣкоторыхъ случаяхъ характеромъ мѣстности, въ другихъ—способностями и дарованіями ея жителей.

Переходъ поднесенія даровъ въ періодически уплачиваемую дань очень хорошо объясняется обычаями нѣкоторыхъ сравнительно небольшихъ обществъ, обладающихъ прочно установленною правительственною властью. На о-вѣ Тонга «старшіе вожди обыкновенно приблизительно разъ въ двѣ недѣли дѣлаютъ королю подарокъ, состоящій изъ свиней или ямовыхъ корней: въ свою очередь, они получаютъ дары отъ своихъ подчиненныхъ, а эти послѣдніе отъ лицъ, стоящихъ еще ниже ихъ, и т. д., до простого народа». Древняя Мексика, состоявшая изъ провинцій, покоренныхъ въ разныя времена и находящихся на разныхъ степеняхъ зависимости, представляетъ и разныя ступени перехода отъ даровъ къ дани. Говоря о времени Монтезумы I, Дюранъ говоритъ:—«Въ списокъ даней были включены всевозможныя вещи. Провинціи... уплачивали такого рода контрибуціи... со времени завоеванія, съ тою цѣлью, чтобы доблестные мексиканцы... щадили ихъ и перестали ихъ грабить». Изъ этого ясно видно,

что дани были вначалѣ умилостивительными дарами. Далѣе мы читаемъ, что «въ Мецтитланѣ дань платили не въ опредѣленное время, а по первому требованію властелина... Они не посылали дань всю и сразу, а спрашивали, какого рода вещи въ данную минуту потребны для храмовъ, празднествъ и владѣтелей». О даняхъ, платимыхъ страною Монтезумѣ и состоявшихъ изъ «съѣстныхъ припасовъ, одеждъ, и большого количества самыхъ разнообразныхъ предметовъ», мы читаемъ, что нѣкоторыя изъ нихъ выплачивались ежегодно, другія—въ шестимѣсячные сроки, а треть и каждые восемь дней. А о дарахъ, подносимыхъ по праздникамъ «въ знакъ подчиненія», Торибіо говоритъ слѣдующее:— «Очевидно, такимъ образомъ, что вожди, купцы и землевладѣльцы не были обязаны платить податей, но дѣлали это добровольно».

Переходъ отъ добровольныхъ даровъ къ понудительнымъ данямъ можно прослѣдить и въ ранней исторіи Европы. Исчисляя источники доходовъ королей меровингской династіи, Вайцъ упоминаетъ о добровольныхъ дарахъ, подносимыхъ народомъ при разныхъ обстоятельствахъ (особенно во время бракосочетаній), о ежегодныхъ дарахъ, которые вначалѣ давались во время майскихъ собраній, а впослѣдствіи и въ другіе періоды времени, приблизительно въ началѣ года. При своемъ возникновеніи, дары эти были добровольны; но, мало по малу, они превратились въ установленный, опредѣленный налогъ. Затѣмъ, говоря о тѣхъ же самыхъ дарахъ, ежегодно подносимыхъ народомъ въ карловингскую эпоху, тотъ же писатель замѣчаетъ, что они съ давнихъ поръ утратили свой добровольный характеръ, и что уже Гинкмаръ говоритъ о нихъ, какъ о налогахъ. Въ нихъ включены были лошади, золото, серебро и драгоцѣнности, (одежды изъ женскихъ монастырей) и съѣстные припасы для королевскихъ дворцовъ. Вайцъ прибавляетъ, что эти подати или *tributa* носили болѣе или менѣе частный характеръ: хотя они были понудительны, обязательны, тѣмъ не менѣе, ихъ нельзя было назвать податью въ буквальномъ значеніи этого слова. Очевидно, что добровольные дары, подносимые городами при посѣщеніи ихъ королями, подобнымъ же образомъ изъ добровольныхъ обратились въ обязательные. Согласно словамъ Лебера, необходимъ былъ именной приказъ короля, чтобы заставить Парижъ сдѣлать подарки герцогу Анжуйскому въ 1584 г., а также посламъ и иностраннымъ государямъ при разныхъ другихъ случаяхъ.

По мѣрѣ того, какъ денежная валюта получала бо̀льшую опредѣленность, и уплата деньгами сдѣлалась болѣе удобною и ле-

кою,—произошло и новое измѣненіе; примѣры того въ карловингскую эпоху представляетъ «такъ называемая *inferenda*—повинность, уплачиваемая вначалѣ скотомъ, а потомъ деньгами» а въ исторіи Англіи—поднесеніе городами денегъ, вмѣсто разнаго рода вещей, королю и его свитѣ при проѣздѣ черезъ городъ. Серію доказательствъ можно заключить слѣдующею цитатою изъ Стёббса:

«Обыкновенный доходъ англійскаго короля получался имъ исключительно изъ королевскихъ помѣстій и изъ произведеній земли или такъ называемаго *folkland*; сюда присоединялись тѣ платежи, *foormfultum* или провизіи натурою, которые получили теперь новыя формы и представляли либо удержанныя ренты съ прежнихъ владѣній короны, либо quasi добровольную дань, уплачиваемую народомъ избранному имъ главѣ».

Въ этомъ отрывкѣ указывается одновременно на переходъ добровольныхъ даровъ въ обязательную дань, и на превращеніе дани въ подать.

Если добровольные дары, приносимые для умилостивленія лицъ, обладающихъ верховною властью, превращаются мало по малу въ дань и, наконецъ, получаютъ форму вполнѣ установленнаго дохода, то не вправѣ ли мы ожидать, что тоже произойдетъ и съ дарами, приносимыми тѣмъ подчиненнымъ лицамъ, которыя обладаютъ нѣкоторою долею власти и помощь которыхъ въ данномъ какомъ либо случаѣ оказывается желательною, и что и они превратятся подобнымъ же образомъ въ обычные дары и, наконецъ, получатъ прочное установленіе? Тотъ процессъ развитія въ поднесеніи даровъ, который замѣчается относительно верховныхъ государственныхъ сановниковъ, не повторится ли и по отношенію къ низшимъ? Дѣйствительность даетъ на наши вопросы утвердительный отвѣтъ.

Прежде всего нужно замѣтить, что, кромѣ періодическихъ и обыкновенныхъ даровъ, предлагаемыхъ правителю въ видѣ умилостивленія или какъ знакъ признанія его верховной власти, на раннихъ ступеняхъ общественнаго развитія онъ получаетъ еще особые подарки въ тѣхъ случаяхъ, когда его просятъ употребить свою власть для защиты обиженнаго подданнаго или для оказанія ему помощи. «У чибчасовъ никто не смѣетъ приблизиться къ королю, кацику или лицу, старшему по положенію, безъ даровъ, которые должны быть вручены прежде, чѣмъ будетъ передано прошеніе». На о-вѣ Суматра вождь не собираетъ налоговъ и не имѣетъ другихъ доходовъ... или выгодъ отъ своихъ подданныхъ, кромѣ тѣхъ, которые доставляютъ ему рѣшенія судебныхъ дѣлъ. Подобный же обычай существуетъ и въ

сѣверозападной Индіи. Вотъ что говоритъ Дрью о Гулабъ Сингъ, покойномъ правителѣ Юмму:—«Безъ предложенія рупіи въ видѣ *nazar* (подарка), нѣтъ возможности заставить его выслушать просьбу; даже въ толпѣ можно привлечь его вниманіе, поднявъ къ верху рупію и крича... «Магарая, прошеніе!» Онъ какъ ястребъ бросается тогда на деньги и терпѣливо выслушиваетъ просителя». Мы имѣемъ доказательства, что и у насъ въ древнее время дѣла находились въ такомъ же положеніи. «Мы смѣло можемъ утверждать, говоритъ Брумъ по поводу одного замѣчанія Лингарда:—что въ его время (англо-сакскую эпоху) лишь немногіе государи при исполненіи своихъ обязанностей были вполнѣ свободны отъ вліянія своихъ любимцевъ, отъ искушеній, представляемыхъ подкупомъ, или отъ стимула скупости и жадности». Изъ разсказа о томъ, какъ въ раннюю норманнскую эпоху лицо, желавшее получить вознагражденіе за нанесенную ему обиду, обязано было прежде всего выпросить или купить по заранѣе установленной цѣнѣ «собственноручное королевское предписаніе (*writ*) отвѣтчику явиться передъ судомъ, можно предположить' что установленная плата за этотъ документъ была не инымъ чѣмъ, какъ подаркомъ, подносимымъ въ прежнее время королю въ видѣ умилостивленія и съ цѣлью побудить его оказать требуемую судебную помощь. Предположеніе это можно подкрѣпить слѣдующими доказательствами. Блэкстонъ говоритъ:—«Теперь истребованіе даже королевскихъ *writs* совершается на основаніи общаго права по уплатѣ установленныхъ пошлинъ, «что указываетъ на существованіе такого времени, когда выдача подобныхъ предписаній считалась королевской милостью, которую можно было получить помощью умилостивленія».

Естественно, что когда отправленіе судебныхъ и другихъ обязанностей начинаютъ переводить въ руки особыхъ, назначенныхъ для этого сановниковъ, то и подарки подобнымъ же образомъ приподносятся этимъ послѣднимъ. Вначалѣ добровольные, они впослѣдствіе переходятъ въ обязательные. Исторія Востока представляетъ въ этомъ отношеніи массу доказательствъ. Такъ изъ слова пр. Амоса, II, 6, можно заключить, что судьи получали подарки, какъ получаютъ ихъ и въ настоящее время турецкіе чиновники въ тѣхъ же областяхъ. Какъ пророкъ, такъ и современный наблюдатель, предполагали, что обычай этотъ возникъ благодаря испорченности нравовъ; и тотъ, и другой принимали переживаніе низшаго состоянія общественнаго развитія за упадокъ высшаго. Въ раннія времена во Франціи судьи получали такъ называемыя *spices* (пряности) въ знакъ благодарности отъ лицъ, выигравшихъ дѣло. Около 1369 г., если не ранѣе того, вмѣсто

spices подносили деньги; а въ 1402 г. деньги обратились въ пошлины. Обычай этотъ продолжался вплоть до революціи. Въ исторіи Англіи дѣло Бэкона выражаетъ собою не особый обычай, возникшій въ болѣе позднее время, а переживаніе древняго и вполнѣ обыкновеннаго обычая: мѣстныя лѣтописи указываютъ на обычай подносить дары судьямъ и ихъ приближеннымъ; а всѣ эти факты подразумѣваются въ слѣдующемъ замѣчаніи: «къ высокопоставленнымъ лицамъ, сановникамъ и придворнымъ приближались не иначе, какъ съ дарами—слѣдуя въ этомъ восточнымъ нравамъ». Что въ прошедшія времена умилостивительные дары, подносимые государственнымъ чиновникамъ, составляли, въ иныхъ случаяхъ, единственный ихъ доходъ, видно изъ того, что въ XII в. высшія должности двора продавались. Отсюда ясно, что цѣнность подарковъ была достаточно велика, и вознаграждала за затрату капитала на покупку мѣста. Россія, въ первыя времена своего существованія, можетъ служить примѣромъ государства, въ которомъ приближенные и чиновники правителя жили преимущественно, если не вполнѣ, на счетъ даровъ. Карамзинъ «повторяетъ замѣчанія путешественниковъ, посѣщавшихъ московское царство въ XVI в. «Можно ли удивляться, говорили эти иностранцы, тому, что великій князь богатъ. Онъ не платитъ ни своимъ войскамъ, ни своимъ посламъ; онъ даже отбираетъ у послѣднихъ всѣ тѣ драгоцѣнныя вещи, которыя они привозятъ изъ чужихъ краевъ... И, несмотря на то, эти люди не жалуются». Отсюда необходимо заключить, что должностныя лица, не получая жалованья отъ правительства, жили дарами, приносимыми народомъ. Болѣе того: вышеприведенный фактъ бросаетъ свѣтъ и на существующее положеніе дѣлъ въ Россіи. Ясно, что такъ называемыя въ настоящее время взятки, которыя чиновники, получающіе плохое жалованіе, требуютъ прежде исполненія своихъ обязанностей—не иное что, какъ переживаніе тѣхъ подарковъ, которые составляли единственное средство ихъ существованія въ тѣ времена, когда жалованья не выдавали. То же можно сказать и относительно Испаніи. Розъ говоритъ о ней слѣдующее: «Отъ судьи до констэбля—вездѣ встрѣчаемъ мы преобладаніе взятокъ и подкупа... Но есть нѣчто, извиняющее бѣднаго испанскаго чиновника: правительство не даетъ ему никакого вознагражденія, а ожидаетъ отъ него всего».

Привычка платить нѣкоторую опредѣленную сумму за различнаго рода услуги до того вошла въ нашу плоть и кровь, что мы, по обыкновенію, предполагаемъ, что такъ было и всегда. Но такого рода фактъ, какъ тотъ, что въ слабо организованныхъ обществахъ, напр. у бехуановъ, вожди даютъ своимъ приближен

нымъ лишь небольшую порцію пищи и молока, а затѣмъ предоставляютъ имъ дополнять необходимое для жизни охотою и выкапываніемъ дикихъ корней, или, что даже въ несравненно болѣе развитыхъ обществахъ, каковы, напр., Дагомэ, ни одному правительственному чиновнику не выдается жалованья»—вполнѣ ясно показываетъ намъ, что первоначально подчиненные вожди не поддерживались правительствомъ, а потому должны были сами искать средствъ для своего существованія. А коль скоро ихъ положеніе давало имъ возможность приносить пользу или вредъ лицамъ, стоящимъ ниже ихъ, коль скоро, наконецъ, нельзя было иногда приблизиться къ верховному правителю иначе, какъ черезъ ихъ посредство—естественно, что тѣ же мотивы, какіе существовали по отношенію къ верховнымъ правителямъ, дѣйствовали и по отношенію къ нисшимъ правителямъ и порождали обычаи умилостивлять ихъ помощью даровъ. Отсюда параллельное развитіе этого источника дохода. Наше заключеніе, что политическіе чиновники поддерживаютъ первоначально свое существованіе именно этимъ способомъ, находитъ новое подтвержденіе въ полномъ совпаденіи его съ другимъ заключеніемъ, болѣе легкимъ для установленія, а именно, что церковно-служители живутъ исключительно на счетъ даровъ.

Коль скоро существуетъ вѣра въ то, что двойника умершаго можно видѣть и ощущать наравнѣ съ живымъ, что этотъ двойникъ подверженъ, не менѣе живого существа, страданію, холоду, голоду, жаждѣ, то отсюда естественнымъ образомъ вытекаетъ предположеніе, что онъ также чувствуетъ потребность въ ѣдѣ, питьѣ, одеждѣ, и т. д., и что, слѣдовательно, его можно умилостивить, снабдивъ его ими. Однимъ словомъ, дары, подносимые мертвымъ, не отличаются отъ даровъ, подносимыхъ живымъ ни по руководящимъ ими мотивамъ, ни по значенію.

На всемъ земномъ шарѣ, въ нисшихъ обществахъ всѣхъ возможныхъ видовъ, и прежде, какъ и теперь, вездѣ мертвымъ предлагаютъ одинаковые дары съ живыми. Папуанцы, таитяне, жители Сандвичевыхъ Острововъ, малананы, бадагасы, карены, древніе перуанцы, бразильцы, и т. д., кладутъ рядомъ съ не погребенными тѣлами пищу и питье. Пищу же и питье кладутъ на могилу послѣ погребенія въ Африкѣ жители Шербро, Лоанго, внутренніе негры, дагомейцы, и т. д.; въ Индіи горныя племена билы, санталы, кукисы, и т. д.; въ Америкѣ—карибы, чибчасы, мексиканцы; подобный же обычай былъ общераспространенъ среди древнихъ народовъ Востока. Въ извѣстныя времена эскимосы дарятъ мертвымъ платье. Патагонцы ежегодно открываютъ склепы и облекаютъ мертвеца въ новыя одежды; тоже

дѣлали и древніе перуанцы. По смерти какого-нибудь вождя, у жителей Конго, количество одеждъ, приносимыхъ въ даръ, бываетъ иногда до того велико, что «первое помѣщеніе, куда кладутъ тѣло, оказывается слишкомъ малымъ, такъ что становится необходимымъ устраивать второе, третье, и, наконецъ, даже шестое помѣщеніе, все бо̀льшихъ и ба̀льшихъ размѣровъ». Причина, почему стремятся дѣлать угодное мертвому, та же, которая руководитъ подобными же поступками по отношенію къ живому существу. Изъ разсказа о томъ, какъ вождь у ново-каледонійцевъ говоритъ духу своего предка: «Милосердный отецъ, вотъ тебѣ пища, вкуси отъ нея, и будь за то добръ къ намъ»; или какъ веддахъ, называя по имени умершаго родственника, восклицаетъ: «Прійди и раздѣли это съ нами! Поддержи насъ, и теперь, какъ поддерживалъ ты насъ при жизни!» намъ не трудно вывести заключеніе, что одареніе умершаго имѣетъ то же значеніе, какъ и одареніе живого лица, съ тою единственною разницею, что одаряемый невидимъ.

Замѣтимъ, что совершенно та же причина руководитъ и подобнаго же рода умилостивленіемъ сверхъестественныхъ существъ, которыхъ первобытный человѣкъ видитъ повсюду вокругъ себя, все равно въ какомъ бы видѣ это умилостивленіе ни являлось, въ видѣ ли кусковъ хлѣба и пироговъ, оставлявшихся нашими скандинавскими предками въ сторонѣ для эльфовъ, и т. д., кушаній и напитковъ, которые дайяки ставили во время пировъ на крышахъ домовъ, для прокормленія духовъ, или небольшихъ количествъ выбрасываемой для духа пищи и выпиваемыхъ напитковъ, какъ-то дѣлаютъ на всемъ пространствѣ земного шара многіе народы передъ началомъ ѣды.

Обратимся теперь къ изслѣдованію обычая приносить дары сверхъестественнымъ существамъ. Даримыя вещи и причины, обусловливающія дареніе — тѣже, какъ и въ разсмотрѣнныхъ нами выше случаяхъ, хотя однородность ихъ затемняется различіемъ словъ: жертвоприношенія богамъ и подарки людямъ. Первоначальная тождественность ихъ выступаетъ весьма рѣзко какъ въ слѣдующихъ словахъ Гуля относительно грековъ: «Дары, какъ говоритъ старинная пословица, опредѣляютъ дѣйствія боговъ и людей», такъ и въ одномъ стихѣ псалма (LXXV, 12):—«Дѣлайте и воздавайте обѣты Господу Богу вашему; всѣ которые вокругъ него, да принесутъ дары Страшному». Болѣе того: мы находимъ и въ высшей степени замѣчательное сходство въ частностяхъ.

Пища и напитки, составлявшіе наиболѣе раннiй видъ умилостивительныхъ даровъ, подносимыхъ живымъ лицамъ, а также

и духамъ, являются въ тоже время и существенными составными частями жертвоприношенія божествамъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ только начинается развитіе власти, дары, посылаемые сначала неправильно, а затѣмъ правильно, вождямъ, состоятъ, главнымъ образомъ изъ съѣстныхъ припасовъ; въ тѣхъ, гдѣ возникаетъ почитаніе предковъ, гдѣ это почитаніе превращаетъ духа въ бога, жертвоприношенія, обращаясь въ обычай, состоятъ также по бо̀льшей части во всѣхъ мѣстахъ и во всѣ времена изъ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ. Что это справедливо по отношенію къ низшимъ обществамъ—на то не требуется и доказательствъ; что же касается до высшихъ, то это тоже фактъ общеизвѣстный, хотя его игнорируютъ именно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ имѣетъ наиболѣе важное значеніе. Когда зулусъ убиваетъ вола для снисканія милости своего умершаго родственника, жаловавшагося ему во снѣ на голодъ; когда у тѣхъ же зулусовъ это частное дѣйствіе обращается въ общественное, при которомъ періодически предается закланію бычокъ «въ видѣ умилостивительнаго жертвоприношенія духу ближайшаго королевскаго предка»—мы можемъ не безъ основанія спросить: не тѣ ли же самыя причины обусловливаютъ и возникновеніе такихъ дѣйствій, какъ закланіе однимъ египетскимъ царемъ ста быковъ въ угожденіе духу его обожествленнаго отца? Читая, какъ у грековъ существовалъ обычай оказывать богамъ всѣ тѣ услуги, какія оказываются живымъ людямъ: храмы считались домами боговъ, жертвоприношенія—пищею ихъ, алтари — столами, позволяется указать на аналогію происхожденія даровъ съѣстными припасами, предлагаемыми богамъ, съ подобными же дарами, приносимыми на могилы умершихъ, такъ какъ и тѣ и другіе возникли изъ даровъ, подносимыхъ живымъ людямъ... Но признавъ параллельность этихъ явленій, мы должны прибавить, что въ позднѣйшую эпоху еврейской исторіи, первоначальное грубое толкованіе жертвоприношеній и измѣнилось, и, хотя такимъ образомъ первобытная теорія постепенно разсѣялась, однако, форма ихъ пережила. Наша (англиканская) церковь до сихъ поръ сохранила слова: «Пріими наши подаянія и наши жертвы»; а во время своей коронаціи, королева Викторія, произнеся молитву о принятіи «этихъ жертвъ» положила на алтарь, руками архіепископа, «золотую напрестольную пелену и слитокъ золота», мечъ, хлѣбъ и вино для причастія и кошелекъ съ золотомъ.

Отбросивъ въ сторону всякіе предразсудки, мы, на основаніи доказательствъ, представляемыхъ намъ всѣми странами свѣта, должны будемъ признать, что жертвы были въ началѣ не инымъ чѣмъ, какъ подарками, въ буквальномъ значеніи этого слова.

Животныхъ дарятъ правителямъ, убиваютъ на могилахъ, приносятъ въ жертву въ храмахъ, вареную пищу подносятъ вождямъ, кладутъ на могилы и на алтари; первые плоды предлагаютъ какъ живымъ правителямъ, такъ и мертвымъ, и богамъ; въ одномъ мѣстѣ пиво, въ другомъ вино, въ третьемъ *chica* посылаютъ видимому властелину и проливаютъ въ видѣ возліянія передъ невидимымъ божествомъ; ѳиміамъ, который курятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передъ высокопоставленными лицами, въ многихъ другихъ курятъ передъ богами; кромѣ того, какъ въ сокровищницахъ царей, такъ и въ храмахъ, нагромождаютъ цѣлыя кучи вещей, служащихъ для потребленія, и драгоцѣнности всякаго рода, которыми пробуютъ снискать милость одаряемыхъ.

Не мѣшаетъ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Мы видѣли уже, какъ дары, подносимые видимому правителю, умилостивляли вначалѣ лишь на основаніи присущей имъ цѣнности, и какъ впослѣдствіи цѣнность перестали принимать въ разсчетъ, и дары начали имѣть умилостивительное значеніе только какъ выраженія преданности. Подобнымъ же образомъ и дары, подносимые невидимому правителю цѣнятся вначалѣ изъ-за ихъ непосредственной полезности, а впослѣдствіи—изъ-за выражаемаго ими повиновенія. Это послѣднее значеніе ихъ и придаетъ жертвоприношеніямъ тотъ церемоніальный характеръ, переживаніе котораго мы можемъ наблюдать и въ наше время.

Мы прямо приходимъ теперь къ слѣдующему, замѣчательному выводу: подобно тому какъ дары, приносимые свѣтскому правителю, развиваются въ государственные доходы, дары, приносимые богамъ, развиваются въ доходы церковные.

Обратимся къ той ранней ступени цивилизаціи, когда не существовало еще никакой организаціи, ни политической, ни церковной, когда представителями церковной организаціи являлись знахари, обязанность которыхъ заключалась скорѣе въ изгнаніи злыхъ духовъ, нежели въ умилостивленіи добрыхъ. Въ ту эпоху, даръ, приносимый сверхъестественному существу, часто дѣлился между нимъ и умилостивляющимъ его лицомъ, при чемъ обыкновенно предполагалось смутно и неопредѣленно, что сверхъестественное существо либо пользуется вещественною частью предлагаемой пищи, либо питается лишь ея духовною эссенціею, между тѣмъ, какъ покланяющійся ему поѣдаетъ ея матеріальную оболочку. Значеніе этого факта, указаннаго уже при изслѣдованіи нѣкоторыхъ раннихъ обычаевъ, разсмотрѣнныхъ выше, состоитъ въ томъ, что въ то время, какъ сверхъестественное существо умилостивляется подношеніемъ пищи, совмѣстная ѣда устанавливаетъ между нимъ и его умилостивителями связь, подъ кото-

рою подразумѣвается съ одной стороны покровительство, съ другой—покорность. Источникомъ столь распространеннаго обычая съѣдать часть дара, состоящаго изъ съѣстныхъ припасовъ и подносимаго духу или богу, служитъ извѣстное уже намъ первобытное понятіе, а именно—что свойства извѣстной вещи, присущія въ равной степени всѣмъ ея частямъ, могутъ перейти къ лицамъ, съѣвшимъ ее, и что, слѣдовательно, два лица, поѣдающія двѣ какія либо части одного и того же предмета, могутъ совмѣстно унаслѣдовать отъ этого предмета одни и тѣ же свойства, создающія между ними нѣкоторую связь. Это то же понятіе, которое даетъ начало обычаю брататься посредствомъ выпусканія другъ у друга крови, порождаетъ похоронный обрядъ предложенія крови, внушаетъ разные пріемы колдунамъ и подтверждаетъ собою предположеніе о взаимной связи, которая образуется вслѣдствіе участія въ одной и той же ѣдѣ. Въ нѣкоторыхъ странахъ весь народъ участвуетъ въ жетвоприношеніи, въ другихъ—лишь одни знахари или жрецы, въ третьихъ, наконецъ, послѣднее явленіе обыденно, первое же происходитъ лишь случайно; какъ, напримѣръ, въ Мексикѣ, гдѣ «лица, участвовавшія въ ѣдѣ священной пищи, обязаны были прослужить богу въ теченіи всего послѣдующаго года».

Мы должны теперь обратиться непосредственно къ разсмотрѣнію того, какъ изъ подобнаго употребленія даровъ возникаетъ содержаніе для священниковъ. Разсказъ о томъ, что чиппевейскіе жрецы живутъ добровольными приношеніями, состоящими изъ съѣстныхъ припасовъ, а жрецы у хондовъ имѣютъ кое-какіе посторонніе доходы и получаютъ дары, лишь смутно показываетъ намъ, какъ въ этихъ грубыхъ обществахъ возникаетъ обычай содержать духовенство на счетъ жертвоприношеній; зато изъ разсмотрѣнія другихъ случаевъ мы вполнѣ можемъ ясно подмѣтить процессъ этого развитія. У кукисовъ жрецъ, для умиротворенія разгнѣвавшагося божества, нанесшаго кому-либо изъ нихъ вредъ, беретъ, напримѣръ, птицу, обладать которою, по словамъ жреца, пожелалъ богъ, льетъ на землю ея кровь въ видѣ жертвы, произнося въ тоже время молитву, «затѣмъ торжественно садится, жаритъ и ѣстъ птицу, бросаетъ негодныя части въ кустарникъ, и возвращается домой». Подобнымъ же образомъ баттасы на островѣ Суматрѣ приносятъ въ жертву богамъ лошадей, буйволовъ, козъ, собакъ, птицъ «и всякое другое какого бы то ни было рода животное, которое въ тотъ день расположенъ съѣсть колдунъ». Далѣе мы читаемъ, что у племени бустаръ въ горахъ Магадева, каждое новоприходящее лицо обязано поклониться богу Кодо Пену передъ небольшою кучкою

камней и принесть ему въ даръ живность, яица, хлѣбъ въ зернѣ и нѣсколько мѣдныхъ монетъ; все это затѣмъ превращается въ собственность служащаго священника. Въ болѣе цивилизованныхъ обществахъ Африки встрѣчается подобный же порядокъ вещей. Бэртонъ говоритъ, что въ Дагомэ «тѣ, кто обязанъ «пещись о душахъ», не получаютъ правильнаго, опредѣленнаго жалованья, а живутъ приношеніями молящихся»; а Форбесъ выражается еще яснѣе: «въ храмахъ набожные люди ежедневно дѣлаютъ небольшія приношенія, которыя обращаются въ собственность жрецовъ?» Подобнымъ же образомъ, въ сосѣднемъ королевствѣ ашантіевъ, «доходъ жрецовъ зависитъ отъ щедрости народа. Половина жертвоприношеній, приносимыхъ идоламъ, принадлежитъ жрецамъ». Тоже происходитъ и въ Полинезіи. Эллисъ, описывая таитянскихъ лекарей, говоритъ, что они всегда почти играютъ и роль жрецовъ и передъ началомъ операцій получаютъ плату, часть которой считается принадлежащею богамъ. То же находимъ мы и въ древнихъ государствахъ Америки. Приведемъ слѣдующій отрывокъ изъ разговора, передаваемаго Овіедо:

«*Воп.* Предлагаете ли вы что либо иное въ вашихъ храмахъ?

«*Отв.* Каждый приноситъ изъ дому то, что желаетъ предложить, напримѣръ, птицъ, рыбы, или кукурузы, и т. д., а прислужники берутъ все это и несутъ во внутренность храма.

Воп. Кто же потребляетъ предлагаемыя вещи?

«*Отв.* Ихъ съѣдаетъ отецъ храма, а остатки доѣдаютъ прислужники».

Въ Перу, гдѣ поклоненіе мертвымъ составляло главное занятіе живыхъ и гдѣ церковная система была тщательно выработана, изъ даровъ, приносимыхъ въ громадномъ количествѣ богамъ и духамъ, образовались многочисленныя и богатыя церковныя помѣстья, изъ которыхъ всевозможнаго рода жрецы и получали свое содержаніе. Параллельное явленіе встрѣчается у древнихъ историческихъ народовъ. У грековъ «остатки жертвоприношеній отдавались жрецамъ въ уплату за службу», и всѣ служащія богамъ содержались на счетъ жертвоприношеній и благочестивыхъ подаяній. То же происходило и у евреевъ. Въ кн. Левитъ, II, 10, мы читаемъ: «А остатки приношенія хлѣбнаго Аарону и сынамъ его» (назначеннымъ исполнять должность жрецовъ). Въ другомъ мѣстѣ библіи сказано, что священникамъ дано право брать кожу *жертвы всесожженія* и всякаго рода испеченныя и изжаренныя приношенія. То же явленіе представляетъ намъ и исторія первыхъ временъ христіанства. «Въ первые годы церкви тѣ *deposita pietatis*, о которыхъ упоминаетъ Тертулліанъ, были просто добровольными приношеніями.» Впослѣдствіи «оказалось

необходимымъ назначить духовенству болѣе опредѣленное содержаніе; но въ то же время продолжались и приношенія со стороны народа... Эти приношенія (опредѣляемыя такъ: «все, что набожные христіане приносили Богу и церкви»), вначалѣ были добровольными, а впослѣдствіи, благодаря постояннымъ платежамъ, обычай обратилъ ихъ въ обязательныя. «Средніе вѣка представляютъ новую ступень развитія въ приношеніи даровъ: сверхъ необходимаго для причащенія священниковъ и свѣтскихъ лицъ и предназначавшагося для св. даровъ, существовалъ еще обычай предлагать всякаго рода дары, которые въ послѣднее время даже не вносили въ церковь, а прямо отправляли въ епископскій домъ». Затѣмъ, вслѣдствіе повторенія и расширенія подобныхъ приношеній, принявшихъ даже форму завѣщаній, номинально Богу, а на самомъ дѣлѣ церкви, стали возникать правильные церковные доходы.

Безъ сомнѣнія, многіе, прочитавши все сказанное нами, не замедлятъ критически отнестись къ положеніямъ, установленнымъ выше. Всѣ эти положенія, скажутъ они, относятся лишь къ подаркамъ, подносимымъ лицами, занимающими низшее общественное положеніе, для умилостивленія высшихъ; а между тѣмъ, далеко не всѣ подарки имѣютъ это значеніе: часто высшія лица дѣлаютъ ихъ низшимъ. Хотя подобные подарки и не входятъ въ понятіе о томъ, что можетъ быть названо обрядовымъ правительствомъ, тѣмъ не менѣе ихъ нельзя оставить безъ вниманія. Контрастъ въ значеніи этихъ двухъ видовъ подарковъ рельефнѣе всего проявляется въ тѣхъ странахъ, гдѣ поднесеніе даровъ особенно выработано, напримѣръ, въ Китаѣ. «Во время визитовъ, которыми размѣниваются начальники и ихъ подчиненные, или послѣ этихъ визитовъ, происходитъ и обмѣнъ подарковъ; но тѣ, которые дѣлаетъ начальникъ, называются *дарами*, тѣ же, которые подноситъ подчиненный, *приношеніями*; такія же выраженія употребляютъ китайцы и для обозначенія подарковъ, которыми ихъ императоръ обмѣнивается съ иностранными государями».

Съ теченіемъ времени власть политическаго главы все болѣе и болѣе развивается, пока не наступаетъ, наконецъ, такой моментъ, когда, преодолѣвъ всѣ препятствія, глава обращается въ собственника всего, ему подвластнаго; тогда естественно, возникаетъ, какъ слѣдствіе, такое положеніе дѣлъ, при которомъ властитель считаетъ необходимымъ отдать своимъ слугамъ и подданнымъ часть того, что̀ онъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ, какъ монополію. Слуги и подданные, вначалѣ подчиняемые обязанностью давать, теперь подчиняются до нѣкоторой степени въ силу получаемыхъ ими даровъ. Такіе народы, какъ кукисы, о

которыхъ можно сказать, что «они владѣютъ своею собственностью лишь на основаніи дозволенія раджи», или дагомейцы, которые сами лично и со всѣми своими владѣніями составляютъ полную собственность ихъ владыки, находятся, очевидно, въ такомъ положеніи, при которомъ вся собственность, сосредоточившись въ слишкомъ большомъ количествѣ у политическаго центра, должна, за недостаткомъ потребленія въ центрѣ, возвращаться обратно къ народу. Отсюда происходитъ, что хотя въ Дагомэ, напримѣръ, государственныя должностныя лица и не получаютъ жалованья, однако, король надѣляетъ своихъ министровъ и чиновниковъ наградами. Но намъ не зачѣмъ ходить такъ далеко за доказательствами. Достаточно указать на тѣ отношенія между причинами и слѣдствіями, которыя съ давнихъ поръ и до настоящаго времени существуютъ въ Европѣ. Вотъ что̀ говоритъ Тацитъ о древнихъ германцахъ:—«Вождь обязанъ выказывать свою щедрость; его дружинникъ разсчитываетъ на нее. Въ одинъ день онъ требуетъ боевого коня, въ другой—побѣдоносное копье, обагренное непріятельскою кровью. Столъ вождя, хотя и не блестящій, долженъ отличаться изобиліемъ: это—единственная плата его сподвижникамъ». Т. е. за монополизованіемъ верховной власти слѣдуютъ, по необходимости, дары или награды подчиненнымъ лицамъ. Средніе вѣка характеризуются проявленіемъ той же системы, но только въ видоизмѣнной формѣ. Въ XIII в., король, желая, чтобы внѣшность принцевъ крови, всѣхъ членовъ королевскаго дома, высшихъ сановниковъ короны и всѣхъ королевскихъ слугъ согласовалась съ ихъ достоинствомъ, раздавалъ имъ одежды, сообразуясь съ ихъ званіемъ и съ временемъ года, когда происходили торжественные пріемы. Эти одежды носили названіе *liveries*, потому что ихъ выдавали (*delivered*), въ видѣ добровольнаго королевскаго подарка. А это показываетъ самымъ очевиднымъ образомъ, что принятіе подобныхъ подарковъ обозначало подчиненіе. Вплоть до XV в., герцогъ бургундскій дарилъ въ праздники рыцарямъ и дворянамъ своего двора «драгоцѣнности или дѣлалъ другіе богатые подарки... согласно обычаямъ того времени»; эти подарки, вмѣстѣ съ содержаніемъ, квартирою и парадными одеждами для нихъ и ихъ слугъ, составляли, повидимому, единственное вознагражденіе за оказываемыя ими услугами. Врядъ ли нужно прибавлять, что, на всѣхъ ступеняхъ европейской цивилизаціи, надѣленіе народа *largesse* или щедротами со стороны королей, герцоговъ и дворянъ, сопутствовало тому рабскому положенію, при которомъ плата, получаемая подчиненными за ихъ трудъ, принимала скорѣе форму милости, подарка, чѣмъ заработной платы. Этого мало: даже те-

перь, въ наше время, подарки и рождественскіе, и праздниковые, даваемые у насъ слугамъ и т. д., представляютъ остатки старой системы дополненія опредѣленнаго вознагражденія подарками—системы, которая сама является слѣдствіемъ другой, болѣе ранней, когда подарки служили единственнымъ вознагражденіемъ.

Отсюда ясно, что въ то время, какъ изъ даровъ, предлагаемыхъ подчиненнымъ лицамъ, развиваются постепенно дани, налоги и пошлины—изъ подарковъ, дѣлаемыхъ представителями, развивается жалованье.

Слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ и о дарахъ, которыми обмѣниваются лица, не находящіяся по отношенію другъ къ другу въ положеніи начальниковъ и подчиненныхъ. Изслѣдованіе этого рода подарковъ заставляетъ насъ вернуться къ первобытной формѣ поднесенія даровъ, имѣющаго мѣсто между иностранцами или членами чуждыхъ другъ другу обществъ. При разсмотрѣніи нѣкоторыхъ изъ этихъ фактовъ, возбуждается весьма интересный вопросъ: умилостивительные дары, приносимые при подобныхъ обстоятельствахъ, не даютъ ли начало какому либо другому важному соціальному явленію? Мѣновой торгъ, вопреки существующему мнѣнію, понятенъ далеко не для всѣхъ народовъ. Кукъ, разсказывая о неудачѣ, которую онъ испыталъ, желая обмѣнить у австралійцевъ нѣкоторыя вещи, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: — «Они не имѣютъ рѣшительно никакого понятія о торговлѣ». Изъ другихъ отчетовъ путешественниковъ можно заключить, что, при возникновеніи обмѣна, имѣется лишь весьма смутное понятіе о взаимной цѣнности обмѣниваемыхъ вещей. Белль, говоря объ остякахъ, снабжавшихъ его «въ изобиліи рыбою и дичью», замѣчаетъ:—«Дайте имъ маленькую щепотку табаку и рюмку водки, и они не спросятъ у васъ ничего болѣе, такъ какъ они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія объ употребленіи денегъ». Вспомнивъ, что вначалѣ не существовало никакого мѣрила цѣнности и что понятіе объ эквивалентѣ цѣнности выработалось лишь путемъ долгаго опыта, мы не будемъ находить невозможнымъ то предположеніе, что мѣновой торгъ возникъ изъ взаимнаго умилостивленія дарами: постепенно и малу по малу установилось понятіе, что даваемый подарокъ долженъ представлять одинаковую цѣнность съ получаемымъ; въ то же время и обмѣниваемые предметы стали терять характеръ даровъ. И въ самомъ дѣлѣ, не трудно замѣтить такую связь, существующую между мѣновымъ торгомъ и обмѣномъ подарковъ въ разсказахъ, какъ приведенныхъ нами выше, такъ и массы другихъ, о поднесеніи подарковъ европейскими путешественниками туземнымъ вождямъ. Такъ, напримѣръ, Мунго Паркъ пишетъ

слѣдующее: — «Я подарилъ Манза Куссану (вождю Юлифунда) немного амбры, кораловъ и кусочекъ красной ткани; онъ остался этимъ, повидимому, очень доволенъ и прислалъ мнѣ, въ свою очередь, бычка». Подобныя дѣйствія указываютъ намъ, какъ на первоначальное значеніе раннихъ подарковъ—значеніе умилостивленія, такъ и на то, что отвѣтный подарокъ долженъ имѣть приблизительно равную цѣнность, что означаетъ собою присутствіе еще не опредѣлившагося вполнѣ мѣнового торга.

Оставивъ въ сторонѣ эти умозрѣнія, обратимъ теперь вниманіе на то, какимъ образомъ умилостивительный даръ превращается въ соціальный обрядъ. Подобно всѣмъ другимъ обрядамъ, возникающимъ изъ стараній и усилій пріобрѣсть милость какого-либо страшнаго существа, видимаго или невидимаго, дѣланіе даровъ проходитъ въ своемъ развитіи рядъ послѣдовательныхъ ступеней, пока, наконецъ, не обращается въ обмѣнъ учтивостей между лицами, которыя на самомъ дѣлѣ не подчинены другъ другу, но принимаютъ на себя маску подчиненности для того, чтобы больше понравиться. Что рядомъ съ первоначальной формою приношенія даровъ, обозначавшей вѣрность вождю или королю, произошло распространеніе дароприношенія, какъ средства обезпечить дружбу могущественныхъ лицъ вообще—указаніе на то мы находимъ въ Перу, гдѣ, какъ мы уже говорили, никто не приближается къ Атагуальпѣ безъ подарка, служившаго знакомъ подчиненія, «и гдѣ также индѣйцы... не смѣютъ подойти къ начальнику безъ подарка». Въ Юкатанѣ обычай приношенія даровъ распространяется и на равныхъ. «Посѣщая кого-либо, индѣйцы всегда приносятъ съ собою подарки, соотвѣтствующіе званію посѣщаемыхъ лицъ; послѣднія отвѣчаютъ имъ также подарками». Въ Японіи, гдѣ церемоніалъ былъ такъ сильно выработанъ и гдѣ его такъ строго придерживались, ступени перехода весьма замѣтны: здѣсь мы находимъ и поднесеніе микадо періодическихъ даровъ, выражающихъ вѣрность, преданность; и слѣдующій фактъ, переданный Митфордомъ: «поднесеніе подарковъ подчиненными начальникамъ въ обычаѣ», и еще слѣдующій, разсказанный имъ же: «существуетъ обычай, при первомъ посѣщеніи какого-либо дома, привозить съ собою подарокъ его владѣльцу; послѣдній, отдавая визитъ, отвѣчаетъ обыкновенно равноцѣннымъ подаркомъ». У другихъ народовъ это взаимное умилостивленіе между равными принимаетъ иныя формы. Маркгэмъ пишетъ о жителяхъ гималайскихъ горъ: обмѣнъ шляпъ «считается въ горахъ знакомъ дружбы, подобно тому, какъ въ долинахъ вожди обмѣниваются тюрбанами». А Марганъ говоритъ (главнымъ образомъ объ ирокезахъ), слѣдующее: «послѣ за-

ключенія мира, индѣйскіе народы всегда обмѣниваются поясами, которые служатъ нетолько ратификаціей, но и памятнымъ знакомъ мирнаго договора».

Исторія Европы представляетъ намъ немало указаній на то, какъ поднесеніе даровъ, развившись первоначально въ обрядъ вслѣдствіе страха передъ правителемъ, получило, постепенно, большое расширеніе изъ-за страха передъ вліятельными и могущественными лицами и, наконецъ, сдѣлалось общераспространеннымъ вслѣдствіе боязни равныхъ, которые могутъ обратиться въ враговъ, если на нихъ не обратятъ вниманія въ то время, какъ другихъ умилостивляютъ. Такъ, «въ Римѣ всѣ дѣлали или получали подарки на новый годъ». Кліенты подносили ихъ своимъ патронамъ; всѣ римляне приносили ихъ Августу. «Онъ садился у входа своего дома; всѣ граждане проходили мимо него, и каждый держалъ въ рукахъ свое приношеніе, которое клалъ у ногъ этого земного бога. Дары эти состояли изъ серебрянной монеты; монархъ давалъ, въ свою очередь, сумму, равную по цѣнности ихъ дарамъ или бо̀льшую». Вслѣдствіе связи, существовавшей между этимъ обычаемъ и языческими учрежденіями, въ эпоху христіанства церковь стала осуждать его. Въ 578 г., оксеррскій соборъ запретилъ дѣлать подарки на новый годъ, отозвавшись о нихъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. Ивъ Шартрскій говоритъ: — «Существуютъ такія лица, которыя сами даютъ и получаютъ дьявольскіе новогодніе подарки». Въ XII вѣкѣ Морисъ, епископъ парижскій, громилъ въ своихъ проповѣдяхъ злыхъ людей, «которые вѣрятъ въ дары и говорятъ, что тотъ не будетъ богатъ въ теченіи года, кто не получилъ подарка на новый годъ». Но, несмотря на церковыя запрещенія, обычай пережилъ черезъ всѣ средніе вѣка до настоящаго времени, когда священники, на ряду съ другими лицами, принимаютъ участіе въ этомъ взаимномъ умилостивленіи. Даже болѣе: одновременно съ этимъ обычаемъ развились и другіе, сходные періодическіе обряды: таково, напримѣръ, обыкновеніе во Франціи дарить пасхальныя яйца. И этотъ видъ поднесенія даровъ претерпѣлъ измѣненія, подобныя тѣмъ, которыя мы уже прослѣдили въ другихъ видахъ дароприношенія: вначалѣ умѣренные и добровольные дары обратились впослѣдствіи въ очень дорогіе и до нѣкоторой степени обязательные.

Такимъ образомъ, дары, подносимые среди первобытнаго человѣчества самопроизвольно однимъ членомъ племени другому или чужеземцу, расположеніе котораго желаютъ снискать, съ теченіемъ времени, вмѣстѣ съ развитіемъ общества, порождаютъ многія явленія общественной жизни.

*

По мѣрѣ развитія власти политическаго главы, поднесеніе даровъ обусловливается отчасти внушаемымъ имъ страхомъ, отчасти же потребностью въ его помощи; дары, сначала умилостивительные лишь въ случаѣ представляемой ими цѣнности, дѣлаются впослѣдствіи умилостивительными благодаря выражаемой ими вѣрности, преданности; изъ послѣдняго развивается приношеніе даровъ, какъ обряда, изъ перваго — приношеніе даровъ, сначала какъ дани, а затѣмъ, какъ подати. Одновременно съ этимъ, обыкновеніе класть на могилу умершаго съѣстные припасы для умилостивленія его духа—обыкновеніе, развившееся въ обычай дѣлать бо̀льшія и чаще повторяемыя приношенія на могилы важныхъ лицъ и, наконецъ, превращающееся въ жертвоприношенія на алтарь божества—дифференцируются подобнымъ же образомъ. Подношеніе мяса, напитковъ или одежды, которое вначалѣ считаютъ умилостивительнымъ на томъ основаніи, что оно приноситъ дѣйствительную пользу духу или богу, служитъ, впослѣдствіи, обозначеніемъ подчиненія. Отсюда поднесеніе даровъ развивается въ дѣйствіе, выражающее почитаніе, вполнѣ независимо отъ цѣнности подарка; между тѣмъ, какъ самая эта цѣнность, доставляя содержаніе священникамъ, дѣлаетъ возможнымъ существованіе посредниковъ, помощью которыхъ совершается поклоненіе божеству: жертвоприношенія даютъ начало церковнымъ доходамъ.

Итакъ, мы неожиданно пришли къ новому доказательству того, что обрядовый контроль предшествуетъ политическому и церковному; такъ какъ изъ предъидущаго явствуетъ, что изъ дѣйствій, порождаемыхъ первымъ видомъ контроля, образуются основы, помощью которыхъ поддерживаются другіе виды его.

Если мы разсмотримъ теперь, какое отношеніе имѣетъ поднесеніе подарковъ къ различнымъ общественнымъ типамъ, то замѣтимъ, что, во-первыхъ, оно мало развито въ простыхъ обществахъ, гдѣ правительственная власть либо не существуетъ, либо еще не упрочилась. У бродячихъ племенъ, не имѣющихъ вождей, обычай этотъ не могъ установиться, не могъ быть приведенъ въ систему такъ же, какъ и у тѣхъ простыхъ осѣдлыхъ племенъ, гдѣ вожди пользуются лишь номинальнымъ значеніемъ. Напротивъ, въ обществахъ сложныхъ или двойной сложности мы видимъ сильное преобладаніе этого обычая: напримѣръ, въ полуцивилизованныхъ государствахъ Африки, Полинезіи, древней Америки и т. д., гдѣ существованіе прочно установленной правительственной власти, и высшей, и низшей, доставляетъ какъ случай, такъ и стимулъ для развитія обычая приносить дары. Признавъ эту истину, мы принуждены будемъ признать

и другую, болѣе важную, а именно—что обычай поднесенія подарковъ, находящійся лишь въ косвенной связи съ простымъ или сложнымъ соціальнымъ типомъ, имѣетъ прямое отношеніе къ болѣе или менѣе воинственной организаціи общества. Желаніе умилостить должно быть тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе страхъ къ умилостивляемому лицу; благодаря этому, вождь-завоеватель, и особенно король, самъ, силою оружія, покорившій своей власти многихъ вождей, является такимъ лицомъ, пріобрѣсть благорасположеніе котораго, помощью дѣйствій, одновременно удовлетворящихъ его жадность и выражающихъ подчиненіе, составляетъ предметъ сильнаго желанія. Отсюда обрядъ принесенія даровъ правителю болѣе всего преобладаетъ и теперь въ тѣхъ обществахъ, гдѣ воинственный духъ преобладаетъ или гдѣ его преобладаніе въ прошедшіе вѣка породило деспотическое правительство, свойственное ему. Отсюда, во всѣхъ странахъ Востока, гдѣ только и существуетъ этотъ общественный типъ, поднесеніе подарковъ лицамъ, сосредоточивающимъ въ своихъ рукахъ власть, считается обязательнымъ. Отсюда же, въ раннія времена европейской исторіи, когда соціальныя отправленія и соотвѣтствующія имъ строенія отличались воинственнымъ характеромъ, частныя лица и корпораціи подносили повсемѣстно королямъ дары въ доказательство своей преданности; а высшія лица давали *largesses*, щедрыя подаянія, низшимъ—одно изъ слѣдствій состоянія полной зависимости, сопутствующей воинственному духу.

То же соотношеніе представляетъ и обычай подносить дары божествамъ. Въ исчезнувшихъ воинственныхъ государствахъ Новаго Свѣта богамъ дѣлались постоянно приношенія, и ихъ алтари не переставали обогащаться все новыми и новыми драгоцѣнными дарами. Рукописи, стѣнная живопись и скульптурные памятники древнихъ народовъ Востока, высоко-воинственныхъ по дѣятельности и строеніямъ, показываютъ, что у этихъ народовъ приношеніе даровъ божествамъ было непрестанно и совершалось въ обширныхъ размѣрахъ и что для украшенія и возвеличенія мѣстъ ихъ поклоненія накоплялись громадныя богатства. Подобнымъ же образомъ и въ Европѣ дары Богу и церкви были болѣе обширны и болѣе многочисленны въ раннія воинственныя времена, нежели въ болѣе позднюю промышленную эпоху. Замѣчательно также, что даже теперь тотъ видъ первобытнаго жертвоприношенія, который сохранялся до сихъ поръ въ видѣ хлѣба и вина, мессы и причастія (предлагаемыхъ Богу прежде вкушенія ихъ причащающимися), повторяется менѣе часто въ Англіи, нежели въ католическихъ обществахъ, относительно болѣе воинственныхъ по типу и организаціи; предложеніе ѳиміама, ко-

торое составляетъ также одну изъ первобытныхъ формъ жертвоприношенія среди многихъ народовъ, живетъ до сихъ поръ въ католическомъ богослуженіи, между тѣмъ какъ изъ англиканскаго оно уже давно исчезло. Даже въ англійскомъ обществѣ мы найдемъ слѣды подобнаго противоположенія: въ господствующей церкви, составляющей часть регулятивнаго строенія, развившагося подъ вліяніемъ воинственнаго духа, обряды жертвоприношеній продолжаютъ существовать; у квакеровъ же, диссидентовъ, отличающихся наименѣе церковнымъ духомъ, они давно исчезли; въ тоже время, квакеры, характеризиющіеся также полнымъ отсутствіемъ воинственности, отсутствіемъ установленнаго духовенства и демократическимъ образомъ правленія, представляютъ типъ общественной организаціи, наиболѣе далекой отъ воинственнаго духа и наиболѣе близкой къ промышленности.

Все, сказанное нами, можно примѣнить и къ обычаю подносить дары съ цѣлью общественнаго умилостивленія. Это легко замѣтить, сравнивая между собою нѣкоторые европейскіе народы, почти равные по степени цивилизаціи, но различные по степени преобладанія промышленнаго духа надъ воинственнымъ. Въ Германіи, гдѣ періодическій обмѣнъ подарковъ между друзьями и родственниками считается обязательнымъ для всѣхъ, и во Франціи, гдѣ расходы, причиняемые этими подарками, до такой степени велики, что на Рождество и Пасху нерѣдко многіе оставляютъ свои дома, чтобы избѣжать ихъ, этотъ общественный обычай преобладаетъ съ гораздо большею силою, нежели въ Англіи—странѣ, менѣе воинственной по организаціи.

Итакъ, и объ этомъ видѣ обрядовъ мы можемъ сказать то же, что говорили раньше о другихъ, а именно: что, возникая вмѣстѣ съ установленіемъ политической власти, совершающимся подъ вліяніемъ воинственнаго духа, принесеніе даровъ развивается одновременно съ развитіемъ воинственнаго типа соціальнаго строенія и падаетъ съ развитіемъ промышленности.

Гербертъ Спенсеръ.

ТРИ ПИСЬМА.

(Изъ воспоминаній Долбежникова).

IV.

Съ величайшимъ недоумѣніемъ принялся я за чтеніе письма, въ которомъ «иностранецъ» извѣщалъ меня о своемъ невѣроятномъ бракѣ, стараясь поскорѣе добраться до уясненія себѣ причинъ такого, по истинѣ, неблагообразнаго союза.

«Пишу вамъ, говорилось въ письмѣ:—объ этомъ событіи такъ подробно потому, что, кромѣ васъ, у меня теперь нѣтъ человѣка, который бы могъ понять и безпристрастно посмотрѣть на этотъ поступокъ. Ни мать, ни сестра, естественно, не могутъ смотрѣть на это дѣло иначе, какъ на мою собственную гибель, и, разумѣется, напиши я имъ подробно «о всемъ», я заставлю ихъ только плакать и ужь не знать покоя... Вы не повѣрите, какъ я опечаленъ этимъ для матери и сестры «несчастіемъ», какъ мнѣ нужно теперь постороннее, разумное, доброе слово, не одобреніе, нѣтъ, а просто словечко сочувствія. Это мнѣ необходимо для того, чтобы оправдать въ моихъ собственныхъ глазахъ то жестокое дѣло, которое я сдѣлалъ съ матушкой, и укрѣпить во мнѣ вѣру въ трудное дѣло, за которое я взялся. А дѣло точно трудное; надо много воли, надо много терпѣнія, терпѣнія окаменѣлаго, не на день, не на мѣсяцъ, а на десятки лѣтъ, т. е. до старости, до конца жизни... Вы пишите мнѣ. Поддержите, будьте другомъ; пишите, бога ради, побольше о служеніи, о презрѣніи къ мелочамъ жизни — мнѣ дорого имѣть теперь катихизисъ самопожертвованія, я выдолблю его низусть,

наполню имъ и умъ, и сердце—отдамъ всего себя... А вы такъ много и такъ складно разсуждали на эту тэму... Вы можете написать мнѣ хорошее письмо... и вы его напишите скорѣе, какъ можно скорѣй... Я буду его постоянно хранить при себѣ, какъ спиртъ, для тѣхъ минутъ, когда закружится голова... А она у меня часто кружится; но покуда я еще не падалъ въ обморокъ, покуда держусь на ногахъ и продержусь еще долго. потому что надо...

«Трудное дѣло это я взвалилъ на свои плечи все потому же, почему, думая бѣжать съ дороги, не могъ это сдѣлать и остался, пріѣхалъ въ глушь—т. е. потому, что ко мнѣ привязались покинутыя, одинокія, одичалыя дѣти. Въ этомъ все. Съ каждымъ днемъ, по пріѣздѣ въ деревню, я убѣждался, что только во мнѣ они находятъ вниманіе къ ихъ безчисленнымъ дѣтскимъ нуждамъ и интересамъ, и что только отъ меня зависитъ не погубить ихъ. Я могу ихъ оставить; у меня есть къ этому всѣ основанія—я долженъ помогать матери, сестрѣ; кромѣ того, я не виноватъ, что на свѣтѣ есть тысячи взбалмошныхъ отцовъ и матерей, не сознающихъ своихъ обязанностей къ роднымъ дѣтямъ; наконецъ, я. какъ живой человѣкъ, долженъ жить и для себя, мнѣ тоже хочется больше знать, любить, хочется выработать себѣ нѣкоторыя удобства жизни, хочется имѣть возможность оплачивать моими трудовыми деньгами такой уголокъ, гдѣ бы я могъ отдохнуть отъ труднаго дня, гдѣ бы мнѣ было тепло... И, безъ всякаго сомнѣнія, я могу все это сдѣлать, всего этого достигнуть. Для этого стоитъ только нанять лошадей за полтора цѣлковыхъ до города, подождать тамъ денегъ отъ матери (на это освобожденіе она, навѣрное, достанетъ необходимую сумму) — и вновь быть свободнымъ... Однако, могъ ли я это сдѣлать? Могъ ли уѣхать? Чтобы сдѣлать это — я долженъ бы былъ оставить на произволъ судьбы три человѣческія существа, три человѣческія души... Я долженъ былъ ихъ бросить, сказавъ имъ, примѣрно, слѣдующее: «Милые мои ребятки! Я долженъ васъ оставить, но вы на меня не сердитесь; я не виноватъ, что судьба послала вамъ такихъ безумныхъ родителей, что вамъ грозитъ въ будущемъ нищета, невѣжество, и что единственнымъ спутникомъ и пособникомъ вашимъ въ жизни будетъ только громадная лѣнь, воспитанная въ васъ примѣромъ вашихъ родителей. Не виноватъ я также въ томъ, что вы ничему никогда не выучитесь, что будете праздными ртами и что, можетъ быть, желаніе и привычка жить не трудясь доведутъ васъ и до преступленій. Очень можетъ случиться, что вотъ ты, Ѳедя, въ трудную минуту, не задумаешься стянуть у калаш-

ника калачъ, у пьянаго—деньги, что ты Вася, способный сообразительный мальчикъ, быть можетъ, станешь шулеромъ, поддѣлывателемъ чужихъ подписей, а ты Лиза... Во всемъ этомъ, милые друзья мои, я не виноватъ; обвиняйте въ этомъ вашихъ родителей, но меня пустите; у меня есть матушка, которой я долженъ помогать; я хочу жить для себя, учиться, больше знать. Посудите вы сами, за что-жь я отдамъ вамъ мою жизнь? А чтобы спасти васъ, чтобы оградить васъ отъ угрожающей вамъ праздной, а быть можетъ, и позорной жизни—нужна моя жизнь, жизнь не виноватаго ни въ чемъ человѣка...» Не правда ли, что я могъ бы въ оправданіе своего удаленія привести множество самыхъ вѣскихъ доводовъ? Вѣдь весь же свѣтъ живетъ повинуясь правилу: «Я иду мимо твоихъ страданій потому, что не я причинилъ ихъ тебѣ», отчего жь мнѣ-то не поступить бы такимъ же точно образомъ, тѣмъ болѣе, что вѣдь я прохожу мимо чужой бѣды, нетолько во имя собственнаго спокойствія, но, главнымъ образомъ, во имя спокойствія моей старухи матери, во имя необходимости дать покой ея больнымъ костямъ? Вѣдь эта старушка трудилась всю жизнь, ѣла трудовой хлѣбъ; каждый кусокъ булки, каждая ленточка на ея изломанной шляпкѣ — вѣдь это все добыто варварскимъ трудомъ учительницы, которой нужно было всю жизнь бѣгать по купеческимъ домамъ и, въ тоже время, вскармливать, учить, выводить въ люди троихъ собственныхъ дѣтей. Могу ли я пожертвовать ею для этой семьи дармоѣдовъ, праздныхъ ртовъ, людей лѣни, желудка и животныхъ удовольствій?.. Моя труженница—старушка—не чета этимъ расхлябаннымъ, развинченнымъ, безсодержательнымъ людямъ; она—живой, любящій человѣкъ, а это—грибы на крѣпостной кучѣ, и, кромѣ погибели вмѣстѣ съ кучей, на которой они выросли, имъ ничего не предстоитъ въ будущемъ, да и не можетъ предстоять... Такія соображенія, какъ видите, вполнѣ основательныя, да и не соображенія даже, а искреннія движенія сердца, исполненнаго глубокой любви къ моей дорогой старушкѣ, однако, разбивались въ дребезги при мысли о томъ, что точно ли «не можетъ» выйдти ничего путнаго. Я ясно видѣлъ, ясно какъ на ладони, что «не можетъ» выйдти только тогда, когда я уйду. Я видѣлъ, что я буду причиною гибели трехъ человѣческихъ существъ, которыя только на меня и надѣются, только во мнѣ одномъ и чаютъ спасеніе. Я видѣлъ, что, повинуясь движенію собственнаго сердца и покидая ребятъ — я, съ минуты отъѣзда изъ деревни, дѣлаю сразу трехъ человѣкъ, могущихъ быть честными людьми—людьми праздными и вредными; эти три несчастныя существа стали на моей дорогѣ, загородили мнѣ путь, и я долженъ бы былъ спихнуть ихъ,

отогнать отъ себя, чтобы открыть себѣ путь туда, куда мнѣ надо... Мнѣ такъ представилось это: я отрываю отъ себя ихъ тоненькія рученки, вцѣпившіяся въ меня изъ страха упасть въ бездну, отрываю потому, что мнѣ тяжело отъ нихъ, что я самъ могу упасть вмѣстѣ съ ними; и вотъ, одинъ за другимъ, плача и жалуясь, падаютъ и безъ звука исчезаютъ въ темной безднѣ, эти маленькіе люди, мое иго и бремя... И тогда я, облегченный отъ ноши крестной, безпрепятственно продолжаю «мою» дорогу. Можно ли было сдѣлать это? Хватило ли бы у васъ, у кого хотите, духу сдѣлать такую жестокость, и что̀ же бы была тогда моя жизнь, мои труды для спокойствія старушки матери, если каждый мигъ, каждый часъ я долженъ бы былъ чувствовать на душѣ тяжесть трехъ смертей? А что это были бы дѣйствительно три нравственныя смерти, три невинно убіенныхъ — это я зналъ, видѣлъ. И вотъ отчего я не уѣхалъ. Не правда ли, какъ все это странно, удивительно. Что̀ мнѣ они? Чужіе, не мной рожденные, не мной испорченные люди... Надо бы идти мимо, пожалѣть, посочувствовать и уйти... А поглядите поближе и окажется, что если въ васъ есть стыдъ — не уйдете, потому что «нельзя» уйти, нельзя уходить, потому что на эти-то чужія дѣла, несчастія, ошибки и надо отдавать свою жизнь... Вѣдь такъ? Вѣдь правда это? Вотъ вы меня тутъ-то и поддержите! Напишите мнѣ объ этомъ что-нибудь сильное, что-нибудь такое, что бы высоко поднимало душу надъ всѣмъ человѣческимъ муравейникомъ... Пришлите, если можете, мнѣ книгъ о мученикахъ, о самоистязателяхъ, о людяхъ, которые не пикнутъ, если ихъ жгутъ каленнымъ желѣзомъ, загоняютъ имъ подъ кожу деревянныя занозы, о людяхъ, которые умираютъ за другихъ, которые за чужое благо томятся въ тюрьмахъ десятки лѣтъ, о людяхъ, отъ которыхъ остались скелеты, прикованные къ стѣнѣ тюрьмы цѣпями... все это мнѣ надо, все это меня укрѣпитъ и все это умно, хорошо, все это нужно... Я вѣдь вамъ разсказалъ только цвѣточки моей теперешней жизни, т. е. только мою привязанность къ дѣтямъ — и вы не поймете, почему я говорю о каленомъ желѣзѣ, до тѣхъ поръ, покуда я не разскажу вамъ другихъ обязательствъ, которыя я уже «долженъ» былъ принять на себя, разъ у меня не хватило духа скинуть съ моей дороги троихъ ребятишекъ. Вотъ про эти-то другія, болѣе трудныя обязательства я и поведу теперь рѣчь.

Шли дни за днями, и моя личная жизнь все болѣе и болѣе переполнялась заботами о чужихъ людяхъ и о чужихъ интересахъ. Мнѣ выяснились характеры моихъ тюремщиковъ-ребятъ, ихъ желанія и нужды, и мысль моя незамѣтно, но послѣдова-

тельно стала работать надъ этими желаніями и нуждами. Сегодня, напримѣръ, меня огорчаетъ какая-нибудь звѣрская, дурная привычка въ томъ, или другомъ питомцѣ и я думаю о томъ, какъ мнѣ выбить ее изъ него. Завтра я обрадованъ открытіемъ необыкновенной наблюдательности въ Лизѣ и также не могу пройти молча мимо этого открытія... А чего стоитъ любовь къ вамъ дѣтей и ихъ взаимная ревность! Право, бываютъ минуты, когда стòитъ подумать, и подумать крѣпко о равновѣсіи ихъ душъ, не дать одному заѣдать другого, не дать ихъ дѣтской хитрости, дѣтской практичности пользоваться моимъ вліяніемъ во вредъ своему товарищу. Все это заботы, тревоги, все это требуетъ наблюденія и напряженной внимательности. Какъ доктору надо помнить лекарство, которое онъ далъ больному мѣсяцъ тому назадъ, такъ и мнѣ надо помнить каждое свое слово, потому что иначе меня обличатъ три свидѣтеля, которые отлично помнятъ каждое мое слово.

«Такихъ заботъ, такихъ тонкихъ, едва замѣтныхъ, но крѣпко опутывавшихъ меня нитей, прибавлялось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, такъ какъ все больше и больше я и дѣти оставались одни, безъ всякаго вмѣшательства родителей. Отецъ былъ близокъ къ смерти, и мать—можетъ быть, и не изъ одного только приличія, была при немъ почти всегда; Нееловъ, собственно умиралъ или старался умереть со дня возвращенія въ деревню; единственной силы, которая давала ему жизнь — денегъ—не было и не предвидѣлось. А безъ нихъ — онъ былъ пустъ и холоденъ и только водка держала его на ногахъ и поддерживала кой-какія надежды, конечно, фантастическія, и только въ пьяномъ видѣ возможныя. Но мѣсяца черезъ три-четыре по пріѣздѣ, онъ слегъ, съ нимъ сталось что-то въ родѣ бѣлой горячки, не бѣшеной и шумной, а тихой, жалобной, съ робкимъ, безмолвнымъ выраженіемъ грусти въ глазахъ. Необычайно жалокъ былъ онъ въ эти минуты, жалокъ, какъ умирающее кроткое животное. Оно не понимаетъ, почему оно прожило жизнь такъ, а не иначе, оно не раскаявается и не жалѣетъ жизни, потому что навѣрное чуетъ смерть... Быстротѣ приближенія смертнаго часа, въ особенности, помогъ мѣстный врачъ, человѣкъ холостой, пожилой, давно утратившій вѣру въ науку и признававшій только водку, которая его, однако, никогда не была въ силахъ свалить съ ногъ, хотя онъ употреблялъ ее безпрерывно. Его паціенты, купцы, чиновники, прикащики и т. д., особенно любили его за то, что онъ, несмотря ни на какую болѣзнь, позволялъ все!? «Вотъ-такъ докторъ,—ужь прямо сказать ха-арошій человѣкъ! Поди-ко вотъ къ нѣмцу, онъ тебѣ ни рыбы, ни грибовъ, ни квасу, ни

капусты,—ни боже мой! Постъ ни постъ, онъ вниманія не обращаетъ,—ѣшь скоромное, пакости душу! Ну, этотъ не то! У этого «все можно», все позволяетъ... «А капусты можно в. б-діе?»—Можно! Жри, говоритъ, все, что хочешь! Вотъ это такъ... Ну, конечно, что рубликъ лишній надо ужь наддать за позволеніе, ужь безъ этого нельзя, за то—все вѣдь можно, ни въ чемъ нѣтъ остановки!» Такую же систему леченія онъ примѣнилъ и къ Неелову. Онъ лечилъ его отъ пьянства, давалъ лекарство, но самъ же при каждомъ визитѣ требовалъ водки и приглашалъ принять въ ней участіе своего паціента.—«Да не вредно ли ему? спроситъ жена. — Ну вотъ! съ докторомъ-то вредно! Вѣдь я тутъ! Пей, любезный другъ, непрерывай. Обрывать хуже!—«Обрывать хуже!» шепчетъ умирающій и слѣдуетъ совѣту. Визитъ оканчивался только по опустошеніи всего, что бывало въ домѣ питейнаго, спиртнаго. Умирающій, не поднимавшійся съ кровати, засыпалъ свинцовымъ тяжелымъ сномъ, а румяный съ налитыми водкой щеками докторъ уѣзжалъ лечить какого-нибудь другого больного, тѣмъ же самымъ способомъ. Въ утѣшеніе на прощанье онъ обыкновенно прибавлялъ что-нибудь успокоительное.—«Пусть спитъ, это хорошо!.. Испарина... Накройте потеплѣе, а потомъ лекарства дайте... Ничего! Завтра я заѣду». А завтра опять спаивалъ больного.

Нееловъ умеръ послѣ одного изъ такихъ визитовъ, умеръ во время тяжелаго, пьянаго сна... Похороны его раскрыли для меня новый, невѣдомый міръ,—народное пониманье, народную доброту... Кажется, чѣмъ бы, кромѣ худого, помянуть этого барина, который съумѣлъ все расточить, все проѣсть, который буквально только «проѣдалъ», — сначала души, потомъ выкупныя свидѣтельства, оброки, земли и лѣса... Кажется, чѣмъ помянуть, какъ не худымъ, человѣка, который, имѣя въ рукахъ бездну средствъ, не сдѣлалъ ближнему ни капли добра, и только подъ пьяную руку давалъ на водку и то тоже пьянымъ. А между тѣмъ, вышло все иначе, вся деревня нетолько не негодовала на него, но жалѣла, понимала, что этотъ уродъ-баринъ не могъ прожить жизни какъ-нибудь не такъ, какъ прожилъ. Всѣ жалѣли, что «на роду» этому человѣку было написано такое праздное существованіе. Но праздная, безтолковая, безпутная жизнь — не никѣмъ не ставилась ему въ вину, какъ калѣкѣ, или слѣпому не ставится въ вину слѣпота и хромота. «Крестъ», «несчастье» — вотъ какъ опредѣляли они причину и смыслъ существованія покойнаго барина. Не было во всей деревнѣ ни одного мужика, ни одной бабы, ни одного подростка, который бы не пришелъ проститься съ нимъ, и простить его. Мнѣ кажется даже, что они

и приходили, уже простивъ его: такъ тихи и добры были ихъ лица, такъ усердно они молились у гроба, какъ бы стараясь помочь своими молитвами этому несчастному человѣку на томъ свѣтѣ... Нѣчто глубоко-умное и доброе было внесено толпами простого народа, приходившими на панихиды, въ пустыя комнаты барскаго дома, въ которыхъ до сей поры не жило ни одной, ни доброй, ни худой мысли... Вопросы о наслѣдствѣ, объ имуществѣ, о томъ, кому достанется столъ, кому сани и т. д., обыкновенно цѣлой тучей возникающіе вокругъ всякаго мало-мальски не нищенскаго гроба, и наполняющіе, кажется, самый воздухъ комнаты гдѣ лежитъ покойникъ, какимъ-то трудно-сдерживаемымъ злостнымъ и жаднымъ раздраженіемъ,—эти мелочные вопросы были подавлены, уничтожены тѣми глубокими философскими и религіозными мыслями, которыя вносили безмолвныя толпы простыхъ крестьянъ. Ихъ усердныя молитвы заставляли всѣхъ задумываться надъуродливою жизнью покойника, заставляли думать о жизни вообще, напоминали о прощеніи, о невольности прегрѣшеній, словомъ заставляли думать не о саняхъ, не о стульяхъ и лошадяхъ, а о чемъ-то высшемъ, хватающимъ за душу, и развивающемъ ее.

Я не знаю, сумѣлъ ли бы я и не въ такое время, какъ три-четыре дня панихидъ и похоронъ, заставить ребятъ съ такою серьёзностью задуматься надъ словами и понятіями: «жизнь», «хорошая жизнь», «жизнь худая, неугодная», «доброе», «злое», какъ это безъ всякихъ усилій сдѣлали крестьяне въ эти короткіе три-четыре дня. Ребята мои, послѣ смерти отца, замѣтно стали серьёзнѣй, задумчивѣй, да и лично въ моемъ сознаніи съ этихъ поръ народъ сталъ занимать почти такое же мѣсто, какъ и ребята. Не обязанъ ли я, стало приходить мнѣ въ голову, измѣнить отношеніе будущихъ господъ къ этимъ умнымъ, трудящимся въ потѣ лица людямъ? Это было только начало тѣхъ идей, къ осуществленію которыхъ, какъ увидите впослѣдствіи, привела сама жизнь, обстоятельства и притомъ самыя-самыя будничныя, простыя... Теперь же, въ виду смерти человѣка, безплодно и неумно пользовавшагося положеніемъ, мы, то есть дѣти, только задумывались надъ предстоящею намъ задачею жизни, хотя уже и сознавали свое сравнительное безсиліе и начинали стыдиться.

Обстоятельства, однако, скоро разсѣяли это неопредѣленное ощущеніе стыдливости за свое мало-содержательное существованіе, потому что очень скоро представился случай думать о своихъ отношеніяхъ вполнѣ опредѣленно. По смерти отца моихъ ребятъ, надо всѣмъ имѣніемъ назначена была опека и

опекуномъ былъ сдѣланъ дядя покойнаго помѣщика, одинъ изъ сосѣднихъ владѣльцевъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова дѣлецъ, крѣпостникъ, не баринъ, а скорѣй кулакъ, человѣкъ, умѣющій молотить рожь на обухѣ. Собственное его имѣніе процвѣтало, то-есть онъ получалъ много доходу, и не растрачивалъ этотъ доходъ, а копилъ и копилъ, хотя былъ человѣкъ вдовый и имѣлъ отъ покойной жены только одну дочь, дѣвушку не менѣе его практическую и холодную. Народъ звалъ ихъ антихристами, и жидоморами, господа считали примѣрными хозяевами. Я видѣлъ въ немъ несомнѣнную любовь къ труду, впрочемъ, только къ такому, въ результатѣ котораго непремѣнно получался доходъ, деньги. По виду это былъ человѣкъ—громаднаго роста, громадной силы, съ краснымъ съ синими веснушками, лицомъ, маленькими веселыми глазами, съ бѣлыми тараканьими рѣсницами, съ грузнымъ, но крѣпкимъ корпусомъ и тяжелой поступью. Онъ явился въ наше имѣніе на другой же день по назначеніи его въ опекуны, и тотчасъ принялся за дѣло, то-есть съ 6-ти часовъ утра въ разныхъ концахъ деревни сталъ раздаваться его хриплый, перерываемый свистящимъ кашлемъ голосъ, грозившій, прикрикивавшій, обрывавшій, распекавшій, и т. д. Буквально цѣлый день онъ пробылъ на вѣтру и дождѣ въ своей демикотоновой шинели, осматривая сараи, конюшни, погреба, чердаки, отдирая доски отъ дому и, ударомъ топора въ бревно сруба, удостовѣряясь въ прочности постройки, опредѣлялъ сколько простоитъ и т. д. Вечеромъ, за чаемъ, онъ тѣмъ же сиплымъ голосомъ, съ неподдѣльнымъ негодованіемъ разругалъ всѣхъ и вся: покойника, его вдову, мужиковъ, приказчиковъ, безцеремонно указывалъ на глупость хозяевъ, на подлость подчиненныхъ и т. д. Мы почувствовали, что это настоящій хозяинъ и баринъ, что этотъ человѣкъ принимается за дѣло «серьёзно», невольно подчинились его строгому на всѣхъ насъ взгляду и притихли. Очень скоро и насъ, и мужиковъ онъ взялъ въ ежевыя рукавицы. Величайшихъ трудовъ стоило вытребовать отъ него самое незначительное количество денегъ на самыя необходимыя нужды, но, къ удивленію нашему, онъ съумѣлъ изъ имѣнія, въ которомъ, казалось, ничего не оставалось не проѣденнымъ, извлекать доходы, въ размѣрахъ, по истинѣ, неожиданныхъ. Онъ «приструнилъ» мужиковъ, потянулъ съ нихъ недоплаченные оброки, возстановилъ забытыя обязательства, откопалъ и разузналъ о такихъ участкахъ, которые принадлежали Неелову и, по нерадѣнію послѣдняго, находились въ пользованіи у крестьянъ, завелъ десятки процессовъ о порубкѣ, о потравѣ и выигрывалъ всѣ до одного и притомъ въ самые короткіе сроки. Въ два-три мѣсяца

такого управленія, крестьяне оказались, на законномъ основаніи, почти неплатными должниками, людьми закабаленными; на каждомъ, кромѣ долговъ денежныхъ, лежали долги рабочихъ дней, и на иномъ доходили до громадной цифры 100, 150, даже до 200. Наложивъ, такимъ образомъ, на все населеніе медвѣжью лапу, опекунъ дѣлалъ все, что хотѣлъ, и доходы полились къ нему.

И крестьяне, и мы—«господскій домъ»—очутились въ однихъ и тѣхъ же ежовыхъ рукавицахъ, одинаково чувствовали надъ собою хозяйскую власть и волей-неволей сближались, входили въ положеніе другъ друга. И дѣлалось все это, какъ видите, безъ всякихъ предвзятыхъ идей насчетъ «сближенія». Дѣло происходило совершенно просто: мужики стали посѣщать насъ съ жалобами, разсказывали про то, какъ онъ ихъ раззоряетъ, просили защиты. Защиты мы, конечно, дать не могли, напротивъ, мы сами жаловались мужикамъ на этого же самаго кровопивца, но, не дѣлая раззоряемымъ людямъ добра, мы—по крайней мѣрѣ, я и дѣти—на самомъ дѣлѣ, узнавали исторію того куска хлѣба, который мы ѣдимъ. Все, что мы видѣли — всѣ эти описи имуществъ и распродажи крестьянскаго добра, всѣ эти моментальныя рѣшенія въ пользу нашу разныхъ судовъ и инстанцій, и годовыя, десятками лѣтъ тянущіяся дѣла, затѣянныя крестьянами, словомъ, вся эта процедура хозяйства — все это невольно, но неотразимо доказывало намъ, что такъ жить и дѣлать, какъ дѣлали до насъ хорошіе и не хорошіе хозяева, нельзя. Я, по крайней мѣрѣ, а за мной и дѣти, не могли себѣ представить, не могли понять, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ человѣскаго сердца можетъ находиться источникъ той хозяйственной жадности, которою, напримѣръ, обладалъ нашъ опекунъ? Мы не понимали—совершенно не понимали, что̀ за соображенія, что̀ за логика руководитъ всѣми этими хорошими хозяевами въ ихъ неусыпныхъ трудахъ по притѣсненію и озлобленію постороннихъ имъ людей? Что̀ поддерживаетъ въ нихъ, въ этихъ хорошихъ хозяевахъ, неутомимость во всѣхъ этихъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ? Однимъ словомъ, и я, и дѣти, мы одинаково недоумѣвали, какъ можно всю жизнь быть сердитымъ; вставая въ 6 часть часовъ утра тотчачъ же, начинать злиться, жаловаться, притѣснять, для того, чтобы вечеромъ, съ ругательствами выпить рюмку водки, и съ сознаніемъ тяготѣющей надъ тобою непріязни сотенъ людей, тревожно заснуть до 5 ти часовъ другого дня, чтобы и его ознаменовать такою же самою изобрѣтательностію всякихъ непріятностей для ближняго.

Намъ такъ была ясна безсмысленность, глупость, а главное пошлость такого рода отношеній къ людямъ, что мы не имѣли надобности ни въ какихъ гуманныхъ книгахъ, ни въ какихъ «печатанныхъ» доказательствахъ несправедливости подобныхъ порядковъ. Убѣжденіе въ этомъ вошло въ меня и въ ребятъ также просто и залегло въ душѣ также прочно, какъ входитъ въ понятія ребенка убѣжденіе въ томъ, что зимой нуженъ снѣгъ, а лѣтомъ цвѣты, что собаки не ходятъ въ птичьихъ перьяхъ, что рыба не бываетъ покрыта шерстью. Словомъ, сознаніе неизбѣжности, съ нашей стороны, прекратить все это, залегло въ самую глубину чувства, родилось и стало жить безъ разговоровъ, безъ доказательствъ, безъ опредѣленій и разъясненій...

Интересы, надежды и радости деревни до такой степени оказались важными и дѣйствительно, правдивыми интересами, что, въ самомъ непродолжительномъ времени, отодвинули на самый задній планъ всѣ интересы нашего господскаго дома. Наровнѣ со всей деревней мы сегодня ожидали сходки и съ такимъ же нетерпѣніемъ интересовались ея рѣшеніемъ по какому-нибудь деревенскому дѣлу; наровнѣ со всей деревней мы желали, чтобъ начатой деревней процессъ противъ опекуна былъ выигранъ мужиками. Мы, вмѣстѣ съ деревней, тосковали наканунѣ описи и продажи, перебирая и разбирая характеры и натуры разныхъ кулаковъ, которые нахлынутъ завтра на мужиковъ, дѣлали предположенія, кому что достанется, кто что купитъ... Словомъ, мы жили тѣмъ же самымъ, чѣмъ жила и деревня. Благодаря ей, получилась совершенно опредѣленная цѣль, и для нашихъ учебныхъ занятій. Мы стали учиться уже не просто для того, что нужно быть граматнымъ и вообще нужно знать, а для того, чтобы, выучившись, сдѣлаться мировымъ судьей и рѣшать дѣла по справедливости; мы учились для того, чтобы поступить въ адвокаты и защищать, а денегъ за это не брать; Лиза должна была выйти замужъ за министра и сослать опекуна въ Сибирь. Это были самые первообразные планы; въ моихъ ребятахъ еще не угасло сознаніе своего привилегированнаго положенія, и при полномъ сочувствіи чужой бѣдѣ, они полагали, въ качествѣ барчатъ, помогать этой бѣдѣ какъ-то со стороны, и вовсе еще не подозрѣвали, что червь любви къ ближнему, разъ онъ сталъ точить сердце человѣческое, насквозь проточитъ его, и докажетъ, что сочувствіе со стороны — не вся правда. Во всякомъ случаѣ, я вѣрю, да вы и сами видите, что зародышъ любви къ ближнему въ ребятахъ моихъ не выдуманный, не напускной, и онъ будетъ рости, хочешь не хочешь, какъ и всякое зерно...

Пишу вамъ такое громадное подробное письмо, потому что мнѣ надо, для самого себя надо и необходимо объяснить крупный фактъ моей жизни, мой бракъ, а этого сдѣлать нельзя безъ всѣхъ изложенныхъ подробностей. Постараюсь, однако, разсказывать покороче. Наши отношенія съ госпожой Нееловой все время были самыя обыкновенныя отношенія чужихъ, хоть и знакомыхъ другъ съ другомъ людей. Такъ, по крайней мѣрѣ, относился я къ ней; я живу у нея для дѣтей, живу потому, что не могу бросить ихъ; она понимала это, не мѣшалась и, казалось, была очень довольна и покойна. Но «мужчина» — не семья, не любовь—а именно представленіе, понятіе «мужчины» — игралъ въ ея міросозерцаніи и жизни значительную роль: повдовѣвъ мѣсяцевъ шесть, семь, она стала по временамъ заводить рѣчь со мной на ту тэму, что-молъ вся прошлая жизнь ея былъ какой-то дурной сонъ, а теперь вотъ начинается нѣчто новое, «новая жизнь». Выходило даже такъ, что теперь только и начинается собственно жизнь, а прежде было богъ вѣсть что. Разсказывала она въ такихъ случаяхъ о своемъ бракѣ, о томъ, какой молоденькой дѣвочкой выдали ее за покойнаго мужа, который не смотрѣлъ на нее иначе, какъ на молодое животное. Оказывалось, что и самъ покойникъ не былъ ничѣмъ инымъ, какъ животнымъ... Вотъ теперь, оставшись безъ этого дурного вліянія дурного мужа, она только начинаетъ жить, понимать жизнь, сознавать свои обязанности; она съ ужасомъ видитъ, что ничего не знаетъ, ничему не училась и не разъ говорила мнѣ, что теперь бы она охотно сѣла за книжку вмѣстѣ съ своими дѣтьми... Все это было справедливо, вѣрно, и я бы охотно сочувствовалъ ей, еслибы не видалъ, что начало «новой жизни» она связываетъ не столько съ «книжкой», сколько съ «новымъ» мужчиной. Она «сейчасъ будетъ другая» — такъ можно было понять, зная ея натуру,—но только рука объ руку съ другимъ новымъ мужчиной. И это бы все ничего, но, за неимѣніемъ мужчинъ, ни новыхъ, ни старыхъ, въ нашихъ глухихъ мѣстахъ, я видѣлъ, что она не прочь была пойдти въ путь и со мной... Однажды, какъ-то вышло такъ, что она нашла предлогъ придти ко мнѣ въ комнату, когда я ужъ собирался спать, завела рѣчь о своей горькой долѣ, и заплакала; потомъ съ ней сдѣлалась истерика, потомъ обморокъ, среди котораго она, однако, могла еще сдѣлать мнѣ указаніе и слабо произнесла: «разстегните!» Я разстегнулъ ей платье, но почему-то придалъ всему этому иное толкованіе, которое и она должно быть поняла, потому что сердилась и не говорила нѣсколько дней кряду. Въ виду всѣхъ этихъ

обстоятельствъ, я, хотя и понималъ ея положеніе и прошлое, и настоящее, но держался отъ нея въ сторонѣ, былъ съ нею чужой; жажда личной свободы, хоть въ этомъ-то отношеніи, какъ-то особенно была сильна во мнѣ, послѣ того, какъ я отдался чужимъ интересамъ. Именно это-то право также, въ свою очередь, идти съ кѣмъ нибудь рука объ руку, я и хранилъ за собой, какъ единственное, что осталось отъ моего *я*. Въ довершеніе всего, она мнѣ не нравилась, была физически мнѣ непріятна, не говоря о несимпатичности, которою вѣяло отъ ея душевной изломанности. Въ самомъ дѣлѣ, чего-чего не было пережито этимъ празднымъ существомъ въ эти праздные и разстлѣнные годы замужества! Еслибы кто нибудь сказалъ мнѣ, что обстоятельства *заставятъ* меня быть мужемъ этой женщины, что я долженъ буду жениться на ней, — увѣряю васъ, я бы только засмѣялся, такъ это было невѣроятно, глупо и подло. «Ужъ этого то я не сдѣлаю никогда! Что̀ бы со мною ни случилось»... Да я и представить не могъ, чтобы кто нибудь или что нибудь могло «отдать» меня въ мужья?... Ну возможно ли это, посудите сами?

А вѣдь «отдали!» И опять все тѣ же ребята!

И отдали такъ скоро, что я и до сихъ поръ еще не опомнился!.. И какъ все просто вышло!

Опекунъ сталъ ухаживать за вдовой. Два или три раза онъ пріѣхалъ «такъ», не по дѣламъ, разговаривалъ со вдовой о «постороннемъ», даже—представьте себѣ! «о Парижѣ». Волчье лицо его улыбалось ровно полчаса; полчаса губы у него были сдвинуты на сторону, это онъ желалъ понравиться. И какъ ни покажется это невѣроятнымъ, а онъ имѣлъ успѣхъ у вдовы... Волкъ этотъ дѣлалъ, конечно, «свое же дѣло»: онъ добирался до имѣнія, желалъ быть полнымъ хозяиномъ; отчего-жъ не повѣнчаться на этой дурѣ, которую, конечно, онъ съумѣетъ привести къ одному знаменателю? И любительница идти рука объ руку съ первымъ встрѣчнымъ ни мало не возмутилась мыслью о подобномъ бракѣ. Посредники между опекуномъ и ею, явившіеся немедленно вслѣдъ затѣмъ, какъ самъ опекунъ обнаружилъ свои намѣренія получасовой улыбкой, съумѣли выставить на видъ, что дѣти, при такомъ хорошемъ хозяинѣ, будутъ обезпечены на всю жизнь, что сама она вновь вступитъ въ свѣтъ, который отворачивался отъ нея, помня ея заграничныя экскурсіи, но, главное, что выставлялось на видъ, было то, что опекунъ мужчина свѣжій, и что, живя съ нимъ, она, по прежнему, «ничего не будетъ знать»... Отсутствіе всякой сообразительности и благоговѣніе предъ словомъ «мужчина», стали быстро

укрѣплять въ пустой головѣ моей будущей жены мысль о бракѣ съ волкомъ... И я съ ужасомъ увидѣлъ, что мнѣ необходимо разрушить этотъ планъ, этотъ бракъ, но я не могъ иначе этого сдѣлать, какъ женившись на ней самъ.

Что я не уживусь съ опекуномъ, когда онъ женится на моей теперешней женѣ—это было ясно; онъ начнетъ все по своему и прогонитъ меня. Что онъ поведетъ дѣтей иначе—это также было ясно. Ясно было, что онъ ихъ заброситъ, вмѣстѣ съ матерью; что деревня, мужики будутъ раззоряемы свободной рукой—также не подлежало сомнѣнію. Какъ тутъ быть?

Добрыя сѣмена, посѣянныя въ сердцахъ моихъ ребятъ — онъ непремѣнно будетъ «искоренять», онъ будетъ имъ отцомъ, передъ которымъ «не смѣй пикнуть», онъ «пристроитъ ихъ къ мѣсту» и покараетъ непокорныхъ... Представьте себѣ, что̀ можетъ сдѣлать такой волкъ съ дѣтьми, что онъ сдѣлаетъ съ мужиками, съ деревней, сдѣлавшись «полнымъ» хозяиномъ?

И опять мнѣ представился случай уйдти; теперь ужь я бы могъ уйдти съ полнымъ сознаніемъ моей невинности: я не могъ давать ложной клятвы въ любви... Не правда ли, какъ честно и благородно? А честно оставлять на съѣденіе трехъ честныхъ людей, честно обрывать начавшее пробуждаться въ нихъ сознаніе любви къ ближнему? Честно покидать этого ближняго, для котораго на моихъ рукахъ растутъ три добрыя существа?

— Подумайте!

Я подумалъ и женился. Чего мнѣ это стоило и какъ случилось—я въ подробности разсказывать не буду. Я женился съ тѣмъ, чтобы самому быть опекуномъ (теперь я ужъ добился этого) и также быть полнымъ хозяиномъ въ тѣхъ добрыхъ отношеніяхъ, которыя установились между мною, дѣтьми и деревней... Но могильный холодъ оковалъ мою душу... Я зарѣзалъ себя, и меня теперь нѣтъ на свѣтѣ... Когда я стоялъ подъ вѣнцомъ, и когда услыхалъ слова «разстоящая соединивый», я думалъ о соединеніи не себя съ моей женой, людей видимо «разстоящихъ» другъ отъ друга, а о чемъ-то другомъ—и радовался умомъ, хотя самъ былъ мертвъ и даже зябъ отъ внутренняго холода... Я радовался тому, что умирая, соединяю «разстоящая»—моихъ ребятъ и деревню, въ общей симпатіи другъ къ другу, въ сознаніи общаго труда, общей жизни... Въ самомъ дѣлѣ—зачѣмъ имъ быть «разстоящими?» Развѣ это справедливо? Развѣ не въ этомъ вся неправда, все зло?

А вѣдь они были-бы разстоящими, еслибы я не зарѣзалъ самого себя... Теперь этого не будетъ... Вотъ этимъ сознаніемъ

и живу я, и радуюсь, и веселюсь всякій разъ, когда только представлю себѣ, сколько бы было сдѣлано зла, еслибы я пожалѣлъ самого себя...

Не велика бѣда, что меня нѣтъ въ живыхъ, — за то, сколько растетъ живого, хорошаго на моей могилѣ...

Однако, Бога ради, Бога ради, пишите...

Вашъ...

P. S. Дѣлаю небольшую приписку о томъ, какимъ образомъ, пошли наши дѣла, когда сталъ опекуномъ *я*. На другой же день моего вступленія въ должность—имѣніе перестало давать доходъ. Совершенно перестало. Съ Ивана Абрамова слѣдуетъ получить оброку 32 р.—но у Ивана Абрамова всего на всего 1 р. денегъ и онъ долженъ лавочнику 8—съ полтиной, а рессурсовъ на уплату, того и другого — корова и телушка. Точно также во всѣхъ дворахъ... Вмѣсто 5 тысячъ рублей, которые, въ теченіи одного года, съумѣлъ «извлечь» прежній опекунъ, мы теперь получаемъ рублей 15 въ мѣсяцъ, и то когда 1 р., когда полтинникъ... Однажды, я цѣлый вечеръ шлепалъ по грязи, просилъ во всѣхъ дворахъ тридцать копеекъ—«нѣту»! говорятъ. Такъ и воротился ни съ чѣмъ... Вообще я вижу, что «хорошая доходность» имѣній находится въ прямой связи со строгостію. Чтобы былъ доходъ, необходимо ежеминутно кому нибудь и объ чемъ нибудь «жаловаться». Хорошо также и судиться»—тогда урожаи получаются самъ 100. Но все это, къ сожалѣнію, намъ съ ребятами «не подходитъ». Такимъ образомъ, видя невозможность и притомъ самую полную, получать какіе нибудь мало мальски опредѣленные доходы, мы уже не фантазируемъ ни объ адвокатурѣ, ни о замужествѣ съ министромъ.

Мы не можемъ ужь и мечтать о гимназіи—нѣтъ денегъ! Волей-неволей приходится выбирать профессія попроще.

V.

«Не выдержитъ!» рѣшилъ я, дочитавъ письмо до конца, а спустя нѣсколько дней, написалъ «иностранцу» отвѣтъ, въ которомъ старался доказать всю трудность и, съ моей точки зрѣнія, безполезность жертвы, взятой имъ на себя. Я изложилъ эту мысль, по возможности, въ самыхъ мягкихъ, не обидныхъ выраженіяхъ, такъ какъ не могъ не слышать, читая второе письмо, что иностранцу моему крѣпко трудно, крѣпко больно... Мнѣ не хотѣлось дѣлать ему еще больнѣй. Я разсчитывалъ только дать

ему возможнось придти въ себя, очувствоваться, посмотрѣть на вещи здраво. Доказательства безполезности единичныхъ жертвъ, приводимыя мною, были все больше аллегорическія: необходимо измѣнить порядки, а съ ними измѣнятся и люди; измѣнять людей, не измѣняя порядковъ, все равно, что на каменистой почвѣ сѣять рожь и т. д. Безплодность иностранцевой жертвы была доказана самымъ явственнымъ образомъ, и, въ концѣ-концовъ, я рекомендовалъ ему, предварительно расхваливъ его душу, его сердце—отдать себя общественному дѣлу.

Отвѣта на письмо я не получилъ... Теперь я знаю, что иностранецъ ожидалъ отъ меня не такого письма, не такой поддержки. Теперь я знаю, что онъ, «въ самомъ дѣлѣ», не могъ разорвать естественно возникавшихъ въ его сердцѣ связей и привязанностей, именно потому, что онъ былъ живой человѣкъ. Тогда же мнѣ казалось, что онъ просто запутался, «втюрился», такъ какъ я самъ не понималъ еще достаточно того, что лично мнѣ присущая легкость жертвовать «мелкими» интересами людей, съ которыми сталкиваетъ меня судьба, во имя интересовъ общихъ — есть несовершенство, неразработанность моей нервной системы, моего человѣческаго достоинства, а вовсе не признакъ высшаго развитія, высшаго порядка моихъ убѣжденій... Я охотно бы облагодѣтельствовалъ весь родъ человѣческій, но только подъ условіемъ, чтобы онъ безпрекословно повиновался моимъ повелѣніямъ, чтобы онъ не пикнулъ не сталъ со мной торговаться, жалѣть чего-нибудь такого, что̀ я считаю вздоромъ... Вся русская исторія научила меня ни во что не ставить отдѣльную личность и ея мелкіе человѣческіе интересы. Во мнѣ самомъ, таже исторія воспитала и отсутствіе уваженія къ самому себѣ съ моими «ничтожными» интересами, и отсутствіе нетолько уваженія, но даже терпимости къ тому же въ другихъ: мы привыкли сливаться въ плотную массу обыкновенно разрозненныхъ, безсодержательныхъ атомовъ — только въ какой-нибудь посторонней, не отъ насъ пришедшей заботѣ, въ родѣ ига, въ родѣ войны, голода и т. д. Но какъ только такая подавляющая, со стороны нахлынувшая тяжесть событій переставала давить насъ, переставала возбуждать въ насъ дѣятельность ума и сердца, какъ только мы оставались «сами по себѣ» — прекращался всякій интересъ жить на свѣтѣ, наставала пустота, тоска, самогрызеніе и нетерпѣливое ожиданіе вновь какого-нибудь удара, какой-нибудь бѣды и тяжести, чтобы чувствовать, что, свергая ее, живешь... У такихъ людей, какъ я, еще нѣтъ нравовъ, нѣтъ разработки своей личности...

А между тѣмъ, время все болѣе и болѣе идетъ къ «человѣческому образу жизни», все болѣе требуетъ, чтобы человѣкъ-то былъ хорошъ, чтобы личность-то берущагося за дѣло человѣка была хороша... Увы!.. подобныхъ личностей оказывается, покуда, вовсе не такое количество, какое бы требовалось даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ; откуда они возьмутся — я не знаю, но знаю навѣрное, что мое личное несовершенство (подобное такому же несовершенству множества моихъ двойниковъ) было причиною того, что мы, начавъ за здравіе всеобщее здравіе, кончали упокоемъ собственнымъ своимъ въ банкахъ, въ желѣзнодорождыхъ правленіяхъ и во всякаго рода учрежденіяхъ, приносящихъ пользу... только ужь не знаю кому?

Иностранецъ былъ не таковъ, и онъ «выдержалъ» вопреки твердой увѣренности моей въ противномъ. Я и мемуары-то эти принялся писать именно потому только, что иностранецъ «выдержалъ» и заставилъ меня задуматься, и о немъ, и о себѣ... Убѣдило меня въ этомъ третье письмо иностранца, полученное мною уже здѣсь, въ г. N, на мѣстѣ новаго моего служенія отечеству, или, вѣрнѣе, наживающему деньгу купечеству.

Нѣсколько дней назадъ, возвратясь изъ «должности» домой, я нашелъ коротенькую записочку, на сѣрой бумагѣ:

«Нашъ деревенскій мужикъ, бывающій по дѣламъ въ вашемъ банкѣ, сообщилъ мнѣ вашу фамилію, говоритъ, «служитъ». Вы ли тотъ самый (слѣдуютъ мое имя, отечество и фамилія), съ которымъ мы когда-то жили, помните на Живодеркѣ? Если вы, то я очень, очень этому радъ и счастливъ... Какъ намъ повидаться? Въ городѣ я бываю рѣдко. Не пріѣдете ли въ свободный денекъ, посмотрѣть на наше житье-бытье?.. Надоѣстъ вѣдь сидѣть въ банкѣ-то... А до нашего обиталища близко — третья станція и отъ станціи семь верстъ, деревня Залѣсье..

Вашъ N. N.»

Какъ онъ могъ попасть сюда? Чѣмъ «кончился» этотъ бракъ? Гдѣ дѣти?—всѣ эти вопросы невольно возникли по прочтеніи этой записки, и желаніе видѣть «иностранца» овладѣло мною въ самой сильной степени. Я рѣшилъ непремѣнно съѣздить, въ первое же воскресенье, но не выдержалъ и уѣхалъ въ субботу вечеромъ.

Часовъ въ одиннадцать ночи лошади привезли меня въ бѣдную нищенскую деревушку, къ бѣдному низенькому въ одно окно крестьянскому дому. И деревня, и домишко, спали мертвымъ сномъ.

— Кто тамъ? на стукъ въ дверь, низенькую и квадратную, отозвался молодой, басистый голосъ.

Я назвалъ себя и произнесъ фамилію иностранца.

— Здѣсь, здѣсь!.. Я его сейчасъ разбужу... Подождите въ сѣняхъ я вынесу свѣчку, а то вы тутъ спотыкнетесь...

Огарокъ освѣтилъ сѣни, заставленныя досками, только что сдѣланными ящиками; вся стѣна, у которой стоялъ верстакъ была увѣшана разными столярными инструментами; рубанки, пилы, шеробели, навертки и т. д. Молодой парень, босикомъ, одѣтый въ парусинную блузу, сонно и молодо улыбаясь, проговорилъ, указывая на всю обстановку сѣней:

— Все хламъ!

И провелъ меня въ избу.

«Боже мой! Это-ли тотъ иностранецъ, молодой, приличный, разсудительный, здоровый!» Я не вѣрилъ глазамъ, увидавъ передъ собой совершеннаго старика. Въ красной полосатой фуфайкѣ, какія носятъ дворники, плотно обхватывавшей его станъ, онъ походилъ на скелетъ, такъ былъ онъ худъ; длинныя худыя ноги, худыя руки, рѣдкіе волосы съ сильною сѣдиной и длинная, узкая также съ значительной сѣдиной борода, все это говорило о томъ, что человѣкъ былъ сломленъ и разбитъ, что прожитые имъ годы были мучительно трудны...

Тихимъ, ослабѣвшимъ, но такимъ же мягкимъ, женскимъ, какъ и въ старые годы, голосомъ, онъ говорилъ мнѣ, какъ онъ радъ меня видѣть, какъ хорошо, что мы встрѣтились; радость непритворная свѣтилась въ его добрыхъ, простыхъ глазахъ, слышалась въ голосѣ.

— Гдѣ же ваши дѣти? спросилъ я.

— А вотъ одинъ изъ нихъ, указалъ онъ на парня, который отворялъ мнѣ дверь.

— Это Ѳедя прибавилъ онъ. — А Василій учительствуетъ... Дѣвочка Лиза учится въ фельдшерскихъ курсахъ... И потомъ— сюда.

— Въ земствѣ будетъ служить?

— Нѣтъ, просто будетъ сама... Нельзя брать неисполнимыя обязанности только потому, что даютъ жалованье. Будетъ жить съ нами и дѣлать что возможно...

— А средства?

— Ну, что дадутъ... Яйцо, курицу...

Ѳедоръ, оставаясь по прежнему босикомъ, возился около самовара...

— А вы съ Ѳедей?

— А мы вотъ видите... столярничаемъ... Есть тутъ крахмальный заводъ, мы поставляемъ ящики...

И затѣмъ онъ разсказалъ, какъ попали они сюда.

— Мы разошлись, сказалъ онъ коротко: — съ женою... Нельзя было жить тамъ, не было подходящихъ заработковъ... Мы продали крестьянамъ что можно было, и вотъ я вздумалъ вернуться въ наши края... Отсюда вѣдь близко до города, гдѣ мы съ вами когда-то учились... Вотъ мнѣ тамъ и посовѣтовалъ одинъ человѣкъ арендовать лоскутокъ земли — здѣсь земли немного, только самимъ хлѣба, правда, хватаетъ, но мало всего другого. Лизѣ надо, Василью не всегда хватаетъ... Да и намъ...

Я не рѣшился разспрашивать его о супругѣ, такъ какъ въ этомъ преждевременномъ старчествѣ, одряхлѣніи человѣка, бракъ его несомнѣнно игралъ большую роль... Впослѣдствіи, я узналъ, что она живетъ у богатыхъ родственниковъ. Не рѣшился я разспрашивать иностранца и о томъ, какъ онъ находитъ свою теперешнюю жизнь, но не потому, чтобы находилъ эти вопросы нескромными для него, а потому что не было въ нихъ надобности: въ самомъ иностранцѣ, теперь походившемъ на стараго русскаго крестьянина, не было никакой тѣни сомнѣнія въ томъ, что положеніе его могло бы быть какое-нибудь иное, чѣмъ то, въ которомъ онъ находился; къ этому положенію привела его жизнь, его убѣжденія и необходимость, а какъ же противиться необходимости? Не было ни въ немъ, ни въ Ѳедѣ и мысли о какомъ-либо иномъ образѣ жизни... Глядя на эту спокойную покорность результатамъ, къ которымъ привела самая жизнь, не было никакой возможности завести какихъ-нибудь теоретическихъ разговоровъ.

Неудивительно поэтому будетъ, если я скажу, что послѣ нѣсколькихъ минутъ перваго свиданія, наполнившихъ насъ оживленіемъ и радостію, я скоро сталъ ощущать нѣкоторую скуку. Съ большими промежутками молчанія, пили мы чай, говорили о мелкихъ ежедневныхъ трудахъ... и, увы! опять припомнилась мнѣ мелочность иностранца! Ничего ни смѣшного, ни остроумнаго, ни громкаго. Нѣтъ, все однообразно, блѣдно и такъ неинтересно, какъ неинтересно заказчику платья или сапоговъ быть долгое время въ кругу портныхъ и сапожниковъ, долгое время слушать ихъ портновскіе разговоры. Такъ и мнѣ неинтересно было сидѣть со столярами, потому что иностранецъ и Ѳедя были въ самомъ дѣлѣ столяры... *только* столяры!

«Чужіе мы другъ другу»! рѣшилъ я. На другой день, я съ трудомъ дотянулъ до вечера, когда надо было уѣзжать... Вся ве-

ликость подвига этого человѣка утратилась для меня, когда я увидалъ тѣ скудныя формы, въ которыя вылился этотъ подвигъ... «И все-таки тутъ ограниченность!» опять рѣшилъ я, уѣзжая... Но когда на меня нападаетъ гложущая, самобичующая тоска, я невольно опять склоняюсь предъ сердцемъ и дѣлами иностранца и стараюсь помнить только одно: «Онъ возвратилъ въ трудовую массу троихъ человѣкъ, которые приготовлялись быть дармоѣдами».

Г. Ивановъ.

ПИРЪ ДРУЗЕЙ.

I.

О, юность, юность! божій міръ
Ты убрала цвѣтами!..
Ты въ жизнь идешь, какъ будто въ пиръ,
Не вѣришь ты, что нагъ и сиръ,
И залитъ міръ слезами!..

II.

Друзья пируютъ; рюмокъ звонъ
Смѣшался съ голосами;
Какъ скроменъ пиръ, какъ веселъ онъ,
Какъ пылокъ, честенъ и уменъ
Здѣсь каждый межъ друзьями!..

III.

То споръ идетъ, то хоръ поетъ —
Всѣ вторятъ пѣсни звуку...
Но вотъ одинъ изъ нихъ встаетъ,
Чтобъ замолчали знакъ даетъ,
Поднявъ съ бокаломъ руку.

IV.

«Я пью, чтобъ въ жизненномъ пути
Звѣздою путеводной
Была намъ честность!.. и пройти
Нашъ путь, о Боже, допусти
И честно, и свободно!..»

V.

За нимъ другой бокалъ вознесъ:
«Чтобъ въ сердцѣ человѣка
Источникъ горькихъ, *честныхъ* слёзъ,
Что̀ много въ міръ добра принесъ,
Не изсякалъ до вѣка!..

VI.

«Чтобъ память лучшихъ изъ людей,
Пожертвовавшихъ кровью
Для блага родины своей,
Покрылась ярче и сильнѣй
Почетомъ и любовью!..

VII.

«Чтобъ, видя наглаго лжеца,
Торгующаго честью,
Страдать могли мы, и сердца
Къ нему пылали бъ до конца
Презрѣніемъ и местью!..

VIII.

«Чтобъ міръ уснувшій пробудилъ
Мужъ правды грознымъ словомъ
И чтобъ надъ царствомъ темныхъ силъ
Свѣтъ знанья Богъ распространилъ
Блистающимъ покровомъ!..

IX.

«За царство грезъ, за міръ мечты,
Гдѣ сердце отдыхаетъ
Отъ злобы дня и суеты,
Гдѣ праздникъ вѣчной красоты,
Гдѣ правда обитаетъ!..»

X.

Взнесу послѣдній я бокалъ:
«Чтобъ эти всѣ желанья

Всякъ честный въ сердцѣ воспиталъ,
Чтобъ ихъ дѣлами оправдалъ
Потомству въ назиданье!..»

XI.

Друзья пируютъ; рюмокъ звонъ
Смѣшался съ голосами...
Какъ скроменъ пиръ, какъ веселъ онъ,
Какъ пылокъ, честенъ и уменъ
Здѣсь каждый межъ друзьями!..

XII.

О, юность, юность! божій міръ
Ты убрала цвѣтами!..
Ты въ жизнь идешь, какъ будто въ пиръ,
Не вѣришь ты, что нагъ и сиръ,
И залитъ міръ слезами!..

Александръ Арсеньевъ.

ДИТЯ ГОСУДАРСТВА.

РАЗСКАЗЪ.

ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ [1].

I.

Мать Джоси Вельчь была бѣдная вдова, работница на хлопчато-бумажной фабрикѣ. Джоси было шесть лѣтъ, а ея брату Томми восемь. Изъ этого слѣдуетъ, что мистриссъ Вельчь вставала въ пять часовъ утра, разводила огонь, пила въ торопяхъ чай, приготовляла на столѣ ломти хлѣба съ масломъ и уходила поспѣшно на фабрику, оставивъ дѣтей спящими.

Спустя часъ или два, Томми, очень методичный мальчикъ, вставалъ и потомъ поднималъ свою сестру, и оба набрасывались на хлѣбъ съ масломъ, который уничтожали въ одно мгновеніе. Одѣвшись и умывшись, на что требовалось немного времени, Томми относилъ матери на фабрику ея завтракъ: кусокъ хлѣба съ масломъ и оловянную чашку съ похлебкой, приготовленной наканунѣ. Мистриссъ Вельчь ставила чашку на паропроводную трубу фабрики, и въ двѣнадцать часовъ, дѣти, отправившись на фабрику, раздѣляли съ ней этотъ скромный обѣдъ, такъ какъ вдова не имѣла времени возвращаться домой. Зимой, одна изъ сосѣдокъ поддерживала огонь въ печи послѣ полудня, чтобъ дѣти могли погрѣться по возвращеніи изъ школы. Томми и Джоси аккуратно ходи-

---

[1] Разсказъ этотъ напечатанъ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ лучшаго американскаго журнала Atlantic Monthly безъ подписи автора.

ли въ школу, особливо зимой, потому что въ ней было гораздо теплѣе, чѣмъ въ ихъ комнатѣ, гдѣ огонь, разведенный матерью, часто потухалъ прежде появленія доброй сосѣдки. Не имѣя достаточно силъ, чтобъ принести дрова изъ подвала, они собирали хворостъ въ ближнемъ лѣсу или иногда похищали мелкія полѣнья изъ грудъ дровъ, наваленныхъ при входѣ въ американское селеніе, въ которомъ жило это маленькое семейство.

Сосѣди вообще были люди сострадальные, и въ большіе холода, несчастныя дѣти находили отъ стужи пріютъ въ тѣхъ счастливыхъ семействахъ, въ которыхъ мать или старшая сестра могли оставаться дома.

Съ наступленіемъ ночи, мистриссъ Вельчь возвращалась домой, давала ужинать дѣтямъ и, занявшись хозяйствомъ, ложилась спать, хотя на ея долю доставалось только нѣсколько часовъ тяжелого сна.

Томми и Джоси вели себя настолько хорошо, насколько можно было ожидать при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они находились. Впрочемъ, характеръ Джоси отличался нервной раздражительностью. Въ болѣе благопріятной обстановкѣ эта особенность ея натуры могла бы, подъ хорошимъ руководствомъ, привести къ добру, но теперь Джоси дозволяла себѣ многочисленныя продѣлки, и ее трудно было сдерживать какъ въ школѣ, такъ и дома.

Послѣ двухъ или трехъ лѣтъ подобной жизни, мистриссъ Вельчь скоропостижно умерла, и братъ ея мужа взялъ къ себѣ бѣдныхъ дѣтей. Томми, благодаря своему добродушному характеру, вскорѣ, привыкъ къ новой жизни, и когда онъ достигъ установленнаго возраста, то получилъ черезъ дядю работу на фабрикѣ. Джоси, напротивъ, никакъ не могла ужиться съ теткой. Она не любила няньчить маленькихъ дѣтей и чувствовала сильное отвращеніе къ домашнимъ хлопотамъ. Послѣ свободной уличной жизни, которою она такъ наслаждалась при матери, ограниченія ея воли, встрѣчавшіяся на каждомъ шагу, казались ей невыносимыми.

Джоси отличалась стремленіями, которыя въ верхнихъ слояхъ общества называются «цыганскими инстинктами» и для которыхъ американская цивилизація представляетъ вполнѣ благоприличный исходъ. Но въ низшихъ слояхъ эти инстинкты, подъ бременемъ жизненныхъ условій, часто увлекаютъ людей къ проступкамъ и даже къ преступленіямъ. Мужчины и женщины, которые работаютъ одинадцать часовъ въ сутки въ вредной фабричной атмосферѣ, не пользуются полной свободой воли. У мужчинъ едва хватаетъ свободнаго времени на ѣду и сонъ, а у женщинъ на необходимыя домашнія заботы. Имъ некогда и нечѣмъ разнообра-

зить свою жизнь полезными развлеченіями. Напряженность нервовъ разрѣшается у нихъ только физическими наслажденіями.

Поэтому неудивительно, что Джоси въ своей новой обстановкѣ вела себя дурно и ея дѣтскій умъ только мечталъ о свободѣ. Она была такъ мало развита нравственно, что не чувствовала благороднаго желанія работать для своего пропитанія или для поддержки многочисленнаго семейства дяди. Она часто уходила изъ дома и пропадала по цѣлымъ часамъ, что̀ приводило въ безпокойство всѣхъ домашнихъ. Наконецъ, она, въ одно прекрасное утро совершенно исчезла, и ее нашли только черезъ два дня. Конечно, во всемъ этомъ не было ничего особенно дурного, но бѣдный ребенокъ находился на опасной, пагубной дорогѣ.

Тетка Джоси, выведенная изъ терпѣнья подобнымъ скандаломъ, жаловалась на нее въ судъ. Бѣдную дѣвочку арестовали и подвергли, по судебному приговору, заключенію въ исправительномъ пріютѣ. Такимъ образомъ, не достигнувъ десяти лѣтъ, эта несчастная представителница подонковъ современной жизни, сдѣлась дѣтищемъ государства.

II.

Въ исправительномъ пріютѣ, гдѣ находилась Джоси, было сто мальчиковъ и отъ тридцати до пятидесяти дѣвочекъ, различнаго возраста, отъ семи до двадцати лѣтъ. Въ то время, не заботились о классификаціи заключенныхъ и не отдѣляли взрослыхъ, часто очень развращенныхъ, отъ маленькихъ дѣтей, которыхъ скорѣе несчастье, чѣмъ преступленіе, привело въ это государственное учрежденіе. Нѣсколько позже, было введено правило сосредоточивать въ одномъ спеціальномъ пріютѣ всѣхъ малолѣтнихъ арестантокъ ниже шестнадцати лѣтъ, заключенныхъ за извѣстные проступки. Но когда Джоси Вельчь поступила въ пенитенціарную школу, всѣ заключенныя находились вмѣстѣ, несмотря на возрастъ и степень своей порочности, развитой въ юныхъ созданіяхъ, благодаря отсутствію всякаго воспитанія и несчастнымъ условіямъ жизни.

Джоси была только непослушнымъ ребенкомъ, когда она попала въ этотъ разсадникъ зла. Какими средствами располагало государство въ этомъ спеціальномъ учрежденіи для исправленія бѣдныхъ, порочныхъ дѣтей? Описавъ ежедневную жизнь въ пріютѣ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ разскажемъ и жизнь Джоси въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Воспитанницы вставали въ пять часовъ утра. Устройство дортуаровъ было не дурно, такъ какъ въ каждой отдѣльной комнатѣ спало не болѣе двухъ дѣвочекъ, а иногда и одна. Къ сожалѣнію, нельзя съ такой же похвалой отнестись къ опрятности воспитанницъ, потому что въ заведеніи вовсе не было ваннъ.

Отъ пяти до шести съ половиной часовъ, дѣвочки, сонныя и голодныя, учили уроки. Лѣтомъ, еще блестящіе лучи солнца поддерживали въ нихъ бодрость, но зимой, сидя въ нетопленныхъ залахъ, онѣ едва могли побороть сонъ, одолѣвавшій ихъ отъ мрака, холода и голода. Въ семь часовъ, онѣ завтракали, а въ восемь принимались за работу. У директора прислуживали только двѣ служанки, а вся остальная работа въ домѣ производилась старшими воспитанницами, конечно, за исключеніемъ отдѣленія мальчиковъ. Меньшія дѣвочки и тѣ изъ большихъ, которыя не занимались по хозяйству, шили и вязали.

Такъ какъ по выходѣ изъ пенитенціарныхъ школъ, воспитанницы не находятъ себѣ порядочныхъ мѣстъ, то государство не учитъ ихъ никакимъ ремесламъ, а дѣлаетъ изъ нихъ лишь служанокъ; шитью ихъ учатъ только самому грубому, такъ что оно не можетъ служить имъ средствомъ пропитанія и орудіемъ для борьбы съ жизнью. Хотя мальчики выходятъ изъ этихъ школъ хорошими ремесленниками, но дѣвочекъ выпускаютъ до того невѣжественными и безнравственными существами, что порядочныя семейства, особливо гдѣ есть дѣти, не могутъ безопасно взять ихъ въ домъ.

Но возвратимся къ ежедневной рутинѣ. Около полудня, давалась непродолжительная рекреація, во время которой воспитанницы успѣвали лишь немного промяться или выбѣжать на воздухъ. Въ двѣнадцать часовъ обѣдали, потомъ работали до четырехъ, затѣмъ ужинали, въ пять часовъ шли въ классъ, а въ семь ложились спать. Такимъ образомъ, на ученье посвящалось короткое время до завтрака и послѣ ужина, а весь остальной день употреблялся на ручную работу.

Джоси плохо училась. Она ненавидѣла и классную комнату, и корридоры съ выбѣленными стѣнами, и узкій дворъ, въ которомъ развѣшанное на веревкахъ бѣлье мѣшало рѣзвиться дѣвочкамъ.

Напротивъ, мальчикамъ для игръ было отведено большое, свободное пространство, которое было видно Джоси чрезъ небольшое, круглое отверстіе въ деревянномъ заборѣ, отдѣлявшемъ оба двора. Это отверстіе, случайно найденное бѣдной дѣвочкой, составляло для нея драгоцѣнное сокровище, и она сохраняла его въ глубокой тайнѣ, пользуясь имъ очень рѣдко изъ боязни,

чтобъ его не задѣлали. Оно было отчасти прикрыто одной изъ подпорокъ забора, и Джоси очень гордились своей находкой.

Она также очень не любила медленную поступь, которою дѣвочки обязаны были выступать, какъ дома, такъ и во дворѣ. Онѣ почти никогда не бѣгали; по другую сторону забора, на половинѣ мальчиковъ, постоянно слышалась бѣготня, крики, смѣхъ. Ея же товарки были всегда безмолвны и мрачны, за исключеніемъ рѣдскихъ ссоръ. Несмотря на свою дѣтскую неопытность, Джоси замѣчала грустное выраженіе на лицахъ всѣхъ воспитанницъ пріюта, словно надъ ними тяготѣла какая-то роковая судьба.

Однажды, школу посѣтила дама, съ маленькой, граціозной дочерью. Это было во время рекреаціи, и Джоси случайно вошла въ пріемную залу.

Обѣ дѣвочки съ любопытствомъ посмотрѣли другъ на друга; дитя государства съ обритой головой, дикими чорными глазами, надутыми губами, невольно поразило баловня домашняго очага съ завитыми русыми кудрями. Чрезъ минуту, хорошенькое граціозное созданіе со страхомъ и отвращеніемъ повернулось спиной къ несчастному ребенку, лицо котораго гнѣвно исказилось.

Тогда мать нагнулась къ своей дочери, поцѣловала ее и сказала ей что-то на ухо. Она улыбнулась, побѣжала къ маленькой арестанткѣ и сунула ей въ руки неодѣтую фарфоровую куклу.

Джоси застѣнчиво приняла подарокъ, съ восторгомъ впилась въ него глазами и пришла въ себя только тогда, когда смотрительница приказала ей поблагодарить добрую душу. Тогда маленькая дикарка быстро убѣжала изъ комнаты, крѣпко прижимая куклу къ своей груди. Смотрительница хотѣла послѣдовать за нею и привести ее силой, но дама просила оставить ребенка въ покоѣ. Однако, послѣ этого Джоси была въ немилости нѣсколько дней и получила строгій выговоръ за неприличное обращеніе съ доброй дамой и ея дочерью. Бѣдная дѣвочка, въ глубинѣ своего сердца, признавала себя виноватой и утѣшалась только тѣмъ, что, играя съ куклой, старалась научить ее хорошимъ манерамъ, столь недостававшимъ ей самой.

Она очень боялась, что кукла простудится безъ платья, и, оторвавъ кусокъ отъ своей шерстянной юпки, старательно обернула имъ свое дѣтище. Но вполнѣ счастливой она почувствовала себя только тогда, когда наступилъ день разборки тряпья.

Однажды въ году, въ классную комнату, служившую вмѣстѣ съ тѣмъ и мастерской, приносили изъ кладовой мѣшки со всевозможнымъ тряпьемъ, накопившимся въ теченіи года. На полъ сваливали груды тряпокъ, и воспитанницы разбирали ихъ по сор-

тамъ. Имъ очень нравилось это занятіе, составлявшее пріятное развлеченіе въ ежедневной рутинѣ. На лицахъ бѣдныхъ дѣвочекъ показывалась веселая улыбка, и посторонній посѣтитель, увидавъ ихъ въ эту минуту, могъ бы подумать, что онѣ ведутъ самую счастливую жизнь.

Цыганскіе инстинкты Джоси просыпались въ виду этой рухляди, среди которой она дѣлала удивительныя находки, доступныя только прозорливому дѣтскому глазу. Она отыскивала то лоскутокъ новаго ситца, составлявшаго паразительный контрастъ съ ея полинявшимъ, столько разъ мытымъ платьемъ, то обрѣзокъ красной шелковой матеріи, то конецъ голубой ленты, то остатки сукна, изъ которого мальчикамъ шили платья.

На этотъ разъ сердце Джоси билось сильнѣе обыкновеннаго. Она думала о своей бѣдной голой куклѣ и о томъ, какъ легко ей было бы сшить куклѣ платье изъ лоскутковъ. Эта мысль придавала ей храбрость, и она рѣшилась попросить позволенія у смотрительницы отобрать для себя нѣсколько тряпокъ Смотрительница, по счастью, не знала, что Джоси изорвала для куклы свою юпку, и, тронутая деликатностью ребенка, согласилась на ея просьбу, только подъ условіемъ, чтобъ она показала ей отобранные ею лоскутки. Джоси принесла такую кучу тряпокъ, что смотрительница, не желая сдѣлать дѣвочку слишкомъ счастливой, разрѣшила ей оставить себѣ только шесть лоскутковъ на вывыборъ, а остальные приказала положить обратно въ кучу.

Сколько времени потребовалось бѣдной дѣвочкѣ на этотъ трудный выборъ. Наконецъ, тяжелая задача была разрѣшена и она легко вздохнула, смотря съ удовольствіемъ на свое сокровище, хотя не могла удержаться отъ сожалѣнія, что приходилось разставаться со столькими драгоцѣнными тряпками. Въ эту минуту, она вдругъ услышала громкій голосъ и, поднявъ голову, со страхомъ увидѣла передъ собою директора пріюта. Это былъ человѣкъ громаднаго роста, съ вѣчно сладкой улыбкой на устахъ, далеко не выражавшей доброты. Но ея страхъ тотчасъ прошелъ, когда она убѣдилась, что говорившій голосъ принадлежалъ не директору, а дамѣ, не имѣвшей ничего отталкивающаго.

Дама нагнулась къ дѣвочкѣ и нѣжно спросила, что̀ она хочетъ дѣлать изъ лоскутковъ. Джоси промолвила что то о своей куклѣ, а смотрительница замѣтила, что она очень плохо шьетъ и должна прежде хорошо научиться шить, а потомъ уже одѣвать куклу.

Бѣдный ребенокъ грустно поникъ головою и продолжалъ разбирать груду тряпокъ.

Посѣтительница посмотрѣла на Джоси съ сожалѣніемъ и про-

должала осмотръ пріюта. Когда она дошла до маленькаго дворика, которымъ воспитанницы не могли пользоваться вслѣдствіе массы висѣвшаго тамъ бѣлья, то къ ней подошелъ директоръ и спросилъ:

— Вы теперь видѣли все заведеніе, мистрисъ Кейзъ, какое же вы вынесли впечатлѣніе?

— Очень плохое, отвѣчала посѣтительница:—вотъ уже десять лѣтъ, какъ я изучаю наши пенитенціарныя учрежденія, и пришла только къ тому грустному заключенію, что существующая въ нихъ система некуда нигодна. Я увѣрена, что вы вполнѣ раздѣляете это мнѣніе. Помилуйте, вы берете на исправленіе дѣтей преступныхъ родителей, пріученныхъ съ колыбели къ злу, и подвергаете ихъ такой педагогической системѣ, которая развратила бы самыя чистыя натуры.

Директоръ широко раскрылъ глаза отъ удивленія, но черезъ минуту произнесъ съ своей обычной, сладкой улыбкой:

— Вы ошибаетесь. Мальчики, выходящіе изъ этой школы, дѣлаются очень хорошими людьми и честно вырабатываютъ себѣ пропитаніе.

— А дѣвочки?

— О дѣвочкахъ я не говорю; вы сами знаете, что женщины гораздо хуже мужчинъ, когда онѣ разъ собьются съ истиннаго пути.

— Это значитъ, что вы и не стараетесь ихъ исправить.

— Къ чему стараться, когда нѣтъ надежды на успѣхъ! Нашъ пріютъ служитъ для нихъ только мѣстомъ заключенія; если мы помѣшаемъ имъ дѣлать зло впродолженіе извѣстнаго числа лѣтъ, то и этимъ принесемъ большую пользу обществу.

— Нечего сказать, прекрасный результатъ! воскликнула съ негодованіемъ мистрисъ Кейзъ:—значитъ, вы не думаете исправлять этихъ бѣдныхъ существъ, и возвращаете ихъ обществу столь же дурными, какими они поступили къ вамъ, а быть можетъ и еще хуже. Знаете ли вы, почему воспитаніе мальчиковъ вамъ болѣе удается? Потому что вы лучше обращаетесь съ ними и внушаете имъ чувство самоуваженія. Вы учите ихъ полезному ремеслу и даете возможность играть въ свободные часы на большомъ, просторномъ дворѣ. Но къ какимъ средствамъ вы прибѣгаете для исправленія дѣвочекъ? Благодаря вашему воспитанію, онѣ ведутъ здѣсь скучную, мрачную жизнь, ни чему не учатся и, выходя, не имѣютъ никакой будущности. Вы говорите, что женщины одержимы бѣсомъ, но помните, что въ Священномъ Писаніи сказано, что изгнанные бѣсы возвратятся въ еще бо̀льшемъ числѣ, если ихъ мѣсто не будетъ занято. Возьми-

те, напримѣръ, эту дѣвочку, отбирающую тряпки для своей куклы. Всякій пойметъ, что это существо нервное, впечатлительное, даже раздражительное. Что же вы сдѣлали для обращенія ея на путь истинный? Естественно, что, при такой жизни, скучной, тяжелой, монотонной, ея инстинкты увлекутъ ее ко злу.

— Это одна изъ самыхъ непокорныхъ воспитанницъ, сказалъ директоръ, поблѣднѣвъ отъ злобы.

— Совершенно понятно, отвѣчала мистрисъ Кейзъ:—за что ее посадили въ пріютъ?

— За побѣгъ изъ дому.

— Бѣдная дѣвочка! Отчего вы, мистеръ Брюстеръ, не доставляете вашимъ воспитанницамъ какихъ-нибудь развлеченій? Напримѣръ, ихъ можно было бы, въ награду за хорошее поведеніе, водить гулять по улицамъ. Вы тотчасъ увидали бы благодѣтельный результатъ этой мѣры или всякой другой, имѣющей цѣлью возвысить ихъ въ собственныхъ глазахъ.

Гнѣвъ директора, быть можетъ, наконецъ, одержалъ бы верхъ надъ его учтивостью, но тутъ его позвали къ другимъ посѣтителямъ, и онъ простился съ мистрисъ Кейзъ.

Однако, черезъ нѣсколько времени, онъ возвратился въ классную и приказалъ Джоси положить отобранные ею лоскутки въ общую груду. Она не послушалась, и Брюстеръ, бросившись на нее, отнялъ всѣ тряпки, которыя могъ только найти въ ея карманѣ и потомъ заперъ несчастную на цѣлый день въ темную комнату. Впрочемъ, ей удалось скрыть отъ него голубую ленту и два обрѣзка ситца, которыми она и одѣла куклу, когда ее выпустили на свободу.

Спустя нѣсколько дней, въ гардеробѣ ея куклы нашли кусокъ, который она оторвала у своей юпки, и она не могла болѣе скрыть этой продѣлки. Но, несмотря на тяжелое наказаніе, которому ее подвергли, она съумѣла сохранить свое дорогое сокровище. Конечно, ея характеръ отъ всего этого только болѣе и болѣе озлоблялся.

III.

Проведя два года подъ надзоромъ мистера Брюстера, Джоси Вельчь была взята въ услуженіе женою фермера, мистрисъ Фэберъ, которая оставила за собою право отдать ее обратно въ пріютъ, когда вздумаетъ. Теперь наступала счастливая эпоха въ жизни бѣдной сиротки. Она ухаживала за маленькими дѣтьми своей хозяйки, мыла посуду, гуляла, когда хотѣла, вокругъ фер-

мы и вообще пользовалась такой свободой, что ни разу ей не приходила въ голову мысль о бѣгствѣ. Это счастливое существованіе, однако, продолжалась только полтора года, и мистрисъ Фэберъ ей отказала, когда изъ пансіона вышла ея старшая дочь, которая могла помогать матери въ хозяйствѣ и уходѣ за дѣтьми.

Джоси нашла себѣ тотчасъ другое мѣсто въ городѣ, но она не была тамъ счастлива. Мистрисъ Фэберъ обращалась съ нею, какъ съ дочерью, а въ глазахъ новой хозяйки она была только служанка, да еще самая подозрительная, какъ воспитанница исправительнаго пріюта. Мало-по-малу, она своимъ поведеніемъ оправдала эти подозрѣнія и, черезъ шесть мѣсяцевъ, ее возвратили въ пріютъ съ такимъ аттестатомъ, который навлекъ на нее еще болѣе строгую кàру.

Пятнадцати лѣтъ, наша героиня начала вновь жизнь. Она поступила опять служанкой на ферму. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ: ферма Джекобса находилась въ безплодной, горной мѣстности Новой Англіи, гдѣ плохія пастбища даютъ скудный кормъ стадамъ, лѣниво странствующимъ по каменистымъ холмамъ, коегдѣ покрытымъ тощимъ кустарникомъ. Вдали, за фермой, тянулся рядъ синеватыхъ горъ, залитыхъ мягкимъ свѣтомъ осенняго солнца. Ухабистая дорога, миновавъ долину, извивалась среди пожелтѣвшихъ деревьевъ и поднимаясь въ гору, исчезала на горизонтѣ, какъ бы теряясь въ небесахъ.

Самъ фермеръ Джекобсъ привезъ Джоси на ферму въ своей тележкѣ, а мистрисъ Джекобсъ ждала ее въ кухнѣ, приготовляя ужинъ. Въ ту самую минуту, какъ новая служанка вошла въ наружную дверь, вслѣдъ за фермеромъ, на порогѣ другой, внутренней двери, появился статный, красивый юноша. Онъ пристально посмотрѣлъ на Джоси, которая, въ свою очередь, взглянула на него, но тотчасъ же опустила глаза, а фермеръ, его жена и молодой человѣкъ подвергли бѣдную дѣвушку самому безцеремонному осмотру. Впрочемъ, не получивъ воспитанія въ свѣтской школѣ, она ни мало не оскорбилась смѣлыми взглядами Чарли Мартона; они только смущали ее и въ тоже время пріятно щекотали ея самолюбіе.

Намъ нечего разсказывать, какъ прошелъ мѣсяцъ, проведенный Джоси на новомъ мѣстѣ. Дочь фермера, Флосси, приторная блондинка, любила Чарли Мартона, и полагала, что онъ ей отвѣчаетъ тѣмъ же. Быть можетъ, это и было справедливо до появленія маленькой воспитанницы исправительнаго пріюта.

Чарли Мартонъ, сынъ бѣднаго сельскаго пастора, нанялся изъ-за куска хлѣба простымъ работникомъ къ мистеру Джекобсу. Ему

было только восьмнадцать лѣтъ, но онъ уже довольно пожилъ на свѣтѣ, и его эгоистичная, хотя энергическая и чарующая натура, влекла его ко злу. Минутное увлеченіе голубыми глазками Флосси Джекобсъ побудила его честно работать впродолженіе нѣсколькихъ недѣль, но теперь это уже ему надоѣло, и онъ сталъ мечтать о путешествіи въ Калифорнію или Мексику.

Я видѣлъ лишь однажды Джоси Вельчь въ эту эпоху ея жизни. Она была небольшого роста и не отличалась особой красотой, но у нея была граціозная талія, длинные, волнистые, черные волосы, правильныя черты, пухлыя щеки и подбородокъ, полныя румяныя губы. Ея почти дѣтское лицо озаряли такіе грустные, нѣжные и дикіе черные глаза, какихъ я никогда не видывалъ. Годами чудились мнѣ эти бѣдные глаза, которые, повидимому, ничего не понимали и всего жаждали. Когда же впослѣдствіи я узналъ исторію Джоси Вельчь, то они приняли совершенно иной характеръ, и, казалось, въ нихъ свѣтилось что-то страшное, что-то обвинявшее все общество въ ея несчастіяхъ.

Флосси Джекобсъ естественно возненавидѣла Джоси, и бѣдную дѣвушку вскорѣ отправили обратно въ исправительный пріютъ. Утромъ въ день отъѣзда, Флосси не отходила отъ нея, чтобы помѣшать ей проститься на свободѣ съ Чарли Мартономъ. Однако, смѣлый юноша прямо подошелъ къ двери, гдѣ стояли обѣ молодыя дѣвушки въ ожиданіи тележки, которую закладывалъ фермеръ.

Бѣдная сиротка дрожала всѣмъ тѣломъ не столько отъ холода, сколько отъ злобы и горя. Чарли взглянулъ на Флосси и грубо сказалъ:

— Принесите вашу шаль и одолжите ее на дорогу Джоси. Она пришлетъ вамъ ее обратно съ тележкой. Довольствуйтесь тѣмъ, что вы ее выжили отсюда; къ чему еще ее морозить? Ступайте, слышите! прибавилъ онъ, возвышая голосъ.

Его взглядъ и тонъ были такъ повелительны, что молодая дѣвушка не посмѣла ослушаться. Когда же она ушла, то Чарли подошелъ къ Джоси и взялъ ее за руку.

— Бѣдное, несчастное созданіе, сказалъ онъ съ горькой улыбкой:—вамъ здѣсь не видать свѣтлыхъ дней. Постарайтесь бѣжать изъ пріюта, и я васъ возьму съ собою въ Мексику.

Съ этими словами, онъ нагнулся и обнялъ бѣдняжку. Въ эту минуту возвратилась Флосси и, гнѣвно сверкая глазами, бросила шаль на полъ. Чарли только усмѣхнулся, поднялъ шаль и нѣжно укуталъ ею Джоси.

Излишне прибавлять, что, по пріѣздѣ мистера Джекобса изъ

города, гдѣ находился исправительный пріютъ, онъ объявилъ Чарли, что болѣе не нуждается въ его услугахъ.

Такимъ образомъ, Джоси возвратилась еще разъ въ пріютъ и попрежнему стала ненавидѣть длинные корридоры съ выбѣленными стѣнами, безмолвные обѣды, утренніе и вечерніе классы, монотонную, душившую ея юную натуру рутину ежедневной жизни.

Однако, среди своего мрачнаго отчаянія, бѣдная дѣвушка была ближе къ спасенію, чѣмъ когда-либо. Любовь очищала своимъ живительнымъ пламенемъ все, что было въ ней дурного. Въ сущности, она и не была дурной дѣвушкой; она только, по несчастью, жила въ порочной средѣ и съ дѣтства осквернила свои мысли разговорами съ развратными и преступными существами. Но теперь въ ней произошла спасительная реакція. Она прочла у мистрисъ Джекобсъ нѣсколько хорошихъ романовъ, и голова ея была полна идеальными стремленіями. Она мечтала сдѣлаться женою Чарли Мартона и жить съ нимъ въ отдаленной, чудной странѣ. Бѣдная дѣвушка съ радостью отдала бы за него свою жизнь, а покуда она отдала ему свое сердце и хотѣла, чтобъ оно было чисто, незапятнанно. Чарли, какъ сынъ пастора, былъ въ ея глазахъ какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ, такъ что ей казалось очень труднымъ сдѣлаться достойной его. Повидимому, лучшимъ для этого путемъ было бы возстановить свое доброе имя хорошимъ поведеніемъ и строгимъ исполненіемъ своего долга, но, при ея низкомъ нравственномъ развитіи, ей никогда и въ голову не входило, что на ней лежали какія-нибудь обязанности. Она никогда не преклоняла головы передъ тѣмъ, что ей было непріятно, и одинаково ненавидѣла директора, смотрительницъ, своихъ товарокъ и обычную жизнь пріюта. Поэтому, часто, по окончаніи тяжелаго дня, впродолженіи котораго она до изнеможенія работала въ прачешной и навлекала на себя брань и наказанія упорнымъ неповиновеніемъ, бѣдная Джоси цѣлыми часами горько плакала, уткнувъ голову въ подушку, чтобъ арестантка, жившая съ ней въ одной комнатѣ, не видала ея горя.

IV.

Церковь пріюта состояла изъ большой, длинной залы, въ одномъ концѣ которой находилась эстрада для проповѣдника, а въ другомъ—трибуна, закрытая рѣшеткой въ три или четыре фута вышины. На этомъ пространствѣ стояли лавки для мальчиковъ, а дѣ-

вочки помѣщались въ закрытой трибунѣ, откуда можно было видѣть мальчиковъ только сидя на первой скамьѣ и стоя во время пѣнія гимновъ. Кромѣ того, дѣвочекъ приводили, когда уже мальчики сидѣли на мѣстахъ, и имъ строго запрещалось смотрѣть на нихъ.

Однажды въ воскресенье, во время пѣнія гимновъ, Джоси Вельчь замѣтила въ залѣ Чарли Мартона. Она не могла видѣть лица молодого человѣка, но узнала его по затылку и широкимъ плечамъ. Ея сердце тревожно забилось, она поблѣднѣла и едва не упала въ обморокъ. По счастью, никто не обратилъ вниманія на бѣдное существо. Она перестала пѣть и вся превратилась въ зрѣніе. Даже когда она сѣла на скамью, съ которой не видно было залы, Джоси пристально смотрѣла въ томъ направленіи, гдѣ показалось неожиданное явленіе. Тысячи чудовищныхъ мыслей и мечтаній наполняли ея голову. Но всего болѣе ее занималъ вопросъ: какимъ образомъ ея идеалъ, Чарли Мартонъ, сынъ пастора, могъ попасть въ исправительный пріютъ?

А дѣло было очень просто. Чарли Мартонъ, придя въ городъ, чтобъ отыскать себѣ работу, былъ арестованъ за какую-то незначительную кражу. Судья, разбиравшій его дѣло, приговорилъ его къ заключенію въ исправительномъ пріютѣ, хотя онъ былъ старше положеннаго возраста для принятія его въ это заведеніе. Судья поступилъ такимъ образомъ изъ уваженія къ отцу молодого человѣка и въ надеждѣ, что, избавивъ его отъ позора тюремнаго заключенія, онъ, быть можетъ, доставитъ ему возможность одуматься, покинуть роковую дорогу, которая могла привести его къ крупнымъ преступленіямъ. Чарли, вѣроятно, помнилъ, что въ этомъ пріютѣ находилась Джоси Вельчь, но не сдѣлалъ никакой попытки, чтобъ войти съ нею въ сношенія.

Джоси, напротивъ, сгорала желаніемъ его увидѣть и поговорить съ нимъ, а потому прибѣгла къ помощи того отверстія въ деревянномъ заборѣ на дворѣ, которое она открыла нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Пользуясь каждой минутой, когда она могла избѣгнуть надзора смотрительницъ или вниманія своихъ товарокъ, она смотрѣла въ отверстіе, надѣясь, что увидитъ Чарли въ дворѣ мальчиковъ. Однако, день проходилъ за днемъ, и ея ожиданія все были тщетны. Наконецъ, судьба ей улыбнулась. Молодой человѣкъ случайно очутился одинъ по другую сторону забора, и Джоси, прильнувъ губами къ отверстію, тихо промолвила:

— Чарли!

Сынъ пастора съ удивленіемъ посмотрѣлъ по сторонамъ и, подходя къ забору, спросилъ:

— Кто вы?

— О! вы меня не узнаете! Я—Джоси.

— Я такъ и думалъ. Къ сожалѣнію, я не могу ни пожать вамъ руки, ни поцѣловать васъ, но все же я очень радъ, что вы тутъ. Я ждалъ уже давно отъ васъ какого-нибудь знака.

Молодая дѣвушка вздрогнула отъ радости. Нѣсколько минутъ влюбленные шопотомъ разговаривали между собою и порѣшили, что они будутъ впредь бесѣдовать черезъ это отверстіе или писать другъ другу, когда свиданія будутъ невозможны. Джоси возвратилась послѣ этого въ прачешную, чувствуя себя самой счастливой женщиной на свѣтѣ.

Спустя нѣсколько дней, директоръ, отличавшійся тихой, неслышной походкой, несмотря на свою громадную фигуру, неожиданно подошелъ въ мастерской къ Чарли Мартону, стоявшему къ нему спиной, и выхватилъ у него изъ рукъ письмо, которое юноша читалъ съ полуудовольствіемъ и съ полуироніей.

Съ проклятіемъ на устахъ, Чарли обернулся и хотѣлъ броситься, какъ тигръ, на похитителя, но директоръ саркастически взглянулъ на него и сталъ спокойно читать письмо.

— А! воскликнулъ онъ:—это отъ Джоси Вельчь; я уже давно замѣчаю, что въ ней сдѣлалась большая перемѣна. Говорятъ, что вы встрѣчались съ ней въ прошломъ году на фермѣ у мистера Джекобса. Эта любовная интрига меня нисколько не удивляетъ. Такъ вы ухаживаете за нею?

— Да, отвѣчалъ Чарли съ презрительной улыбкой:—здѣсь и это хорошо, а на свободѣ я не дозволилъ бы ей чистить себѣ сапоги.

Директоръ знаменательно усмѣхнулся и, положивъ письмо въ карманъ, продолжалъ свой обходъ пріюта. Когда онъ ушелъ, Чарли громко свистнулъ и промолвилъ сквозь зубы:

— Вы думаете, что дѣло этимъ и кончится; увидимъ.

Вотъ что̀ писала, довольно безграматно, бѣдная Джоси:

«Милый Чарли!

«Я сохраню ваши картинки. Благодарю за нихъ. Я проплачу всю ночь, если неудастся васъ видѣть чрезъ отверстіе забора, но надо быть осторожными: директоръ слѣдитъ за нами. Я невольно краснѣю каждый разъ, когда его вижу, и съ ужасомъ думаю, что̀ будетъ, если онъ узнаетъ о нашихъ сношеніяхъ. Вѣдь онъ изобьетъ васъ до смерти, а я не хочу, чтобъ вы страдали изъ-за меня. Но все же я васъ люблю, Чарли. Прощайте.

Ваша Джоси».

Съ этимъ письмомъ въ карманѣ, директоръ прямо отправился въ прачешную. При видѣ его, молодая дѣвушка вздрогнула, но

продолжала гладить рубашки. Директоръ прошелся раза два по комнатѣ, сказалъ что-то на ухо смотрительницѣ и потомъ произнесъ громко, повелительно:

— Джоси, идите за мною.

Бѣдная дѣвушка была ни жива, ни мертва. Она со страхомъ взглянула на смотрительницу и почувствовала, что у ней подкашиваются ноги. Въ одно мгновеніе она поблѣднѣла, какъ полотно, и потомъ вся вспыхнула. Наконецъ, собравшись съ силами, она послѣдовала за директоромъ.

Онъ повелъ ее въ комнату, гдѣ обыкновенно лежали дрова, и, затворивъ дверь, произнесъ строго:

— Дайте мнѣ письмо, которое вы получили отъ Чарли Мартона.

— У меня нѣтъ никакихъ писемъ.

— А! отвѣтилъ съ улыбкой директоръ: — вы, можетъ быть и не знаете Чарли Мартона?

— Нѣтъ, я знала человѣка этого имени, когда была въ услуженіи.

— А вы не знаете, что онъ теперь здѣсь?

— Не знаю.

— Не притворяйтесь и отдайте мнѣ его письмо.

— Я не получала отъ него никакихъ писемъ.

— И вы его не видали, вы съ нимъ не говорили?

— Нѣтъ.

— Вы смѣете это утверждать?

— Да, я утверждаю! воскликнула Джоси, съ дикимъ упорствомъ.

Директоръ выхватилъ изъ-за пазухи короткій хлыстъ и ударилъ имъ нѣсколько разъ молодую дѣвушку по плечамъ. Она поблѣднѣла отъ боли, но не вскрикнула. Что же касается до директора, то онъ заскрежеталъ зубами, и глаза его налились кровью. Онъ былъ, по природѣ, очень жестокій человѣкъ.

— Я знаю, что вы получили письмо отъ Чарли Мартона, воскликнулъ онъ, схвативъ за руку Джоси:—у меня въ карманѣ вашъ отвѣтъ. Если вы мнѣ тотчасъ не отдадите этого письма, то я велю васъ высѣчь до крови.

Джоси вынула изъ-за пазухи небольшой пакетъ; директоръ поспѣшно схватилъ его. Это были крашенныя картинки, завернутыя въ чистый листъ бумаги. Если Чарли ей писалъ, то она далеко спрятала его письма. Директоръ презрительно посмотрѣлъ на картинки самаго невиннаго содержанія и, изорвавъ ихъ въ мелкіе куски, спряталъ въ карманъ. Джоси въ эту минуту съ удовольствіемъ убила бы его.

— Я вамъ совѣтую не увлекаться этимъ молодымъ человѣ-

комъ, прибавилъ директоръ:—онъ о васъ и не думаетъ. Онъ мнѣ самъ признался, что внѣ этого пріюта онъ не дозволилъ бы вамъ чистить ему сапоги.

— Я вамъ не вѣрю, произнесла Джоси съ жаромъ.

Директоръ взглянулъ на нее съ презрѣніемъ, поднялъ съ полу хлыстъ и, выходя изъ комнаты, сказалъ:

— Ступайте въ прачешную и помните, что я за вами слѣжу.

Спустя нѣсколько времени, судья, помѣстившій Чарли Мартона въ исправительный пріютъ, добился отъ прилежащихъ властей, чтобъ его выпустили на болѣе снисходительныхъ условіяхъ, чѣмъ обыкновенно. Благодаря общему уваженію къ его отцу, онъ получилъ мѣсто на фабрикѣ, находившейся невдалекѣ отъ города, и поселился на хлѣбахъ въ честномъ семействѣ.

Бѣдная Джоси осталась въ исправительномъ пріютѣ, гдѣ ее еще болѣе прежняго подвергали всевозможнымъ преслѣдованіямъ и страданіямъ физическимъ и нравственнымъ.

V.

Былъ мартъ мѣсяцъ, и погода стояла очень холодная. Однажды утромъ, Джоси принесла въ прачешную цвѣтокъ, который Чарли Мартонъ подарилъ ей еще на фермѣ. Горшокъ, въ которомъ находился цвѣтокъ, былъ слишкомъ для него малъ, и молодая дѣвушка хотѣла пересадить его въ небольшой ящикъ, найденный ею на дворѣ. Смотрительница была почему-то въ дурномъ расположеніи духа и, выхвативъ изъ рукъ бѣдняшки цвѣтокъ, бросила его въ печку. Съ быстротою молніи и зарычавъ, какъ дикій звѣрь, Джоси кинулась къ печкѣ, выхватила изъ огня полусгорѣвшій цвѣтокъ и продолжала свою работу. Смотрительница снова выхватила его изъ рукъ молодой дѣвушки и выбросила вмѣстѣ съ ящикомъ за окно.

— Принимайтесь за стирку, сказала хладнокровно смотрительница.

Выведенная изъ терпѣнья этой жестокостью, Джоси поддалась, наконецъ, своей вспыльчивой натурѣ; ея гнѣвъ не зналъ границъ, и она разразилась страшными проклятіями и бранью. На ея крики прибѣжалъ директоръ и, вмѣсто того, чтобъ ее успокоить, началъ обливать ее холодной водой. Тутъ произошла неописанно жестокая сцена. Бѣдная Джоси, едва переводя дыханіе, вся мокрая и дрожа отъ холода, упала въ отчаянныхъ судорогахъ на тазъ съ водой, и, разбивъ его, нанесла себѣ раны.

Несмотря на то, что она истекала кровью, ее унесли въ отдѣльную комнату и заперли на нѣсколько дней.

Прежде, чѣмъ выпустить ее изъ этого карцера, директоръ приказалъ двумъ смотрительницамъ обрѣзать ей косы. Никакія обѣщанія вести себя хорошо не могли предотвратить этого жестокаго наказанія, и Джоси выплакала всѣ свои слёзы, видя, какъ ея чудные, черные волосы усѣяли полъ. Однако, эта перемѣна въ ея внѣшности внушила ей смѣлый планъ побѣга.

Съ этого дня, Джоси думала только объ одномъ—о пріобрѣтеніи мужской одежды. Мало по малу, она ловко похитила различные предметы мужского костюма и запрятала ихъ въ нарочно распоротый для того тюфякъ. Всего важнѣе было достать панталоны и она долго не могла ихъ добиться. Наконецъ, она нашла подходящую пару въ грудѣ мужского платья, назначеннаго для починки. Теперь все было готово, и она рѣшилась не откладывать долѣе исполненія своего плана. По счастью, она жила тогда въ отдѣльной комнатѣ.

Въ полночь, Джоси встала и поспѣшно одѣлась. Всякій, увидѣвъ ее въ этомъ костюмѣ при свѣтѣ луны, принялъ бы ее за тщедушнаго юношу. Прежде всего, она выбросила въ отверстіе надъ дверью простыни, потомъ завернула башмаки въ рубашку и, нагромоздивъ одинъ столъ на другой, влѣзла на нихъ и такимъ образомъ проникла чрезъ отверстіе въ корридоръ, такъ какъ дверь была заперта на замокъ. Очутившись внѣ своей комнаты, она тихонько добралась по корридору до окна и взглянула въ него.

Крыша параднаго подъѣзда находилась на шестнадцати футахъ подъ окномъ, и необходимо было спуститься на нее. Джоси связала тогда длинную веревку изъ нарванныхъ длинными полосами простынь, и, привязавъ одинъ конецъ къ окну, благополучно опустилась по веревкѣ. Во время этого воздушнаго путешествія, она должна была пройти мимо окна директора. При слабомъ свѣтѣ, мерцавшемъ въ его спальнѣ, она увидала его громадную фигуру, лежавшую на постелѣ. Онъ тревожно метался по сторонамъ, вѣроятно, полуразбуженный неожиданнымъ шумомъ. Джоси погрозила кулакомъ своему заклятому врагу и благополучно опустилась на крышку подъѣзда. Теперь оставалось только достигнуть земли. Но какъ было это сдѣлать? Веревка изъ простынь колыхалась надъ ея головой и некому было сбросить ее сверху... По счастью, она замѣтила рядомъ водосточную трубу и спустилась по ней съ такой быстротой, что едва не сломала шеи.

Только начинало разсвѣтать, когда бѣдная дѣвушка, послѣ

четырехъ часовъ утомительной ходьбы, вошла въ большой, мануфактурный городъ, находившійся вблизи исправительнаго пріюта. Страхъ, волненіе и усталость, а также холодъ и голодъ почти истощили ея силы. Она сѣла на столбикъ у панели и горько зарыдала.

Вдругъ подлѣ нея раздались шаги. Она подняла голову: это былъ Чарли Мартонъ. Съ крикомъ радости она бросилась къ нему на шею.

— Это что значитъ? воскликнулъ онъ съ удивленіемъ.

Но она молча прижалась къ нему.

— Славная штука! Вы убѣжали изъ тюрьмы въ мужской одеждѣ! Дайте-ка на васъ посмотрѣть, прибавилъ онъ, грубо отталкивая Джоси:—но не думайте, что вы походите на мальчика. Это неудачный маскарадъ. Вы никого не проведете. Зачѣмъ вы бросили юпки, бѣдный ребенокъ?

— Я хочу работать и уѣхать куда нибудь, гдѣ бы меня не отыскали, сказала Джоси, стараясь очень неловко принять скромный видъ.

Бѣдная дѣвушка, какъ ей было научиться скромности въ той средѣ, въ которой она всегда жила!

— Работать? отвѣчалъ Чарли:—хорошо, но прежде всего вамъ надо женское платье. Вы не достанете мѣста въ этомъ костюмѣ; вы и сутки никого не обманете.

— Я отправлюсь къ дядѣ.

— А гдѣ онъ? Неужели вы думаете, что тётка вамъ обрадуется? Она ни разу не подумала о васъ впродолженіи шести лѣтъ.

— У меня есть братъ.

— Да, я знаю вашего брата; мы работали съ нимъ на одной фабрикѣ; но онъ поступилъ въ матросы и уже мѣсяцъ, какъ ушелъ въ море.

— Вамъ это извѣстно? Вы, вѣроятно, знаете, гдѣ и мой дядя?

— Вашъ дядя умеръ, Джоси, а тётка вышла вторично замужъ.

— Зачѣмъ же вы сразу мнѣ этого не сказали?

— Я хотѣлъ прежде узнать ваши намѣренія.

— О! Чарли, что̀ будетъ со мною? воскликнула молодая дѣвушка со слёзами на глазахъ.

— Не отчаявайтесь, Джоси. Пойдемте со мною. Я буду печься о васъ.

— Я послѣдую за вами только подъ однимъ условіемъ.

— Подъ какимъ?

— Вы не отгадываете? Я не дурная дѣвушка, Чарли. Вы вѣдь

знаете это сами и вы, конечно, меня не любили бы, еслибъ думали, что я въ состояніи вести себя дурно.

— Но вы не будете дурной дѣвушкой, если пойдете со мной. Ну, не упрямьтесь.

— Нѣтъ, не хочу. Я буду работать.

— Это очень трудно. Вы выходите изъ исправительнаго пріюта, васъ никто не возьметъ.

— На фабрикахъ не спросятъ, откуда я.

— Такъ вы знаете фабричную работу?

— Нѣтъ, но я научусь.

— Вы поступите на фабрику женщиной или мужчиной?

Джоси не отвѣчала. О! зачѣмъ она не захватила своей женской одежды? Теперь она чувствовала, какая эта была большая ошибка.

— Вы знаете, что̀ васъ ожидаетъ, если васъ найдутъ и возвратятъ въ пріютъ?

Несчастная сиротка вздрогнула отъ ужаса при одной мысли о хлыстѣ мистера Брюстера. Кто могъ предвидѣть, какой пыткѣ подвергнетъ ее этотъ звѣрь, если она снова попадетъ въ его когти? Ей казалось, что легче умереть, чѣмъ вернуться въ пріютъ.

— Такъ пойдемте же со мною, продолжалъ молодой человѣкъ:—я васъ спрячу отъ всѣхъ. Отчего вы упрямитесь? Развѣ я не лучшій вашъ другъ?

Его взглядъ и голосъ волновали душу Джоси. Она подняла на него свои чудные, черные глаза и застѣнчиво промолвила:

— Вы женитесь на мнѣ?

— Можетъ быть, отвѣчалъ онъ, смѣясь:—но надо торопиться. Городъ просыпается, и черезъ четверть часа улицы будутъ полны народомъ.

Она тяжело вздохнула и послѣдовала за нимъ.

VI.

Прошло семь лѣтъ. Однажды, мистрисъ Фэберъ посѣтила рабочій домъ въ сосѣднемъ городѣ. Было воскресенье и всѣ арестанты, мужчины и женщины, находились въ церкви. Добрая фермерша съ сожалѣніемъ смотрѣла на грустное зрѣлище, которое представляли всѣ эти бродяги, пьяницы и преступники. Вдругъ ея вниманіе остановилось на одномъ лицѣ, показавшемся ей знакомымъ. Два большіе, черные глаза пристально смотрѣли на нее, возбуждая въ ея головѣ какое-то отдаленное воспоминаніе.

Во время перерыва церковной службы, она подозвала проходящаго мимо сторожа и спросила:

— Какъ зовутъ брюнетку съ красной лентой на шеѣ, которая сидитъ на первой скамьѣ?

— Она себя называетъ Джоси Барнсъ, отвѣчалъ онъ:—но я подозрѣваю, что это не настоящее ея имя.

— Вы знаете ея прошедшее?

— Не совсѣмъ. По ея словамъ, она воспитывалась въ исправительномъ пріютѣ ***. Здѣсь на нее жаловаться нельзя; она ведетъ себя хорошо, только по временамъ выходитъ изъ себя. Это вообще вспыльчивая, озлобленная натура. У нея есть ребенокъ, котораго она очень любитъ. Она увѣряетъ, что хочетъ жить для него, но вѣрно это ложь. Арестанткамъ никогда нельзя вѣрить.

— Ребенокъ? воскликнула мистрисъ Фэберъ:—но что же будетъ съ нимъ?

— Ничего хорошаго; эти женщины рожаютъ только преступниковъ.

— На сколько она посажена?

— На шесть мѣсяцевъ, но три уже прошло.

— А за что она здѣсь?

— О! это цѣлый романъ. Она бросилась на рельсы желѣзной дороги, но машинистъ успѣлъ остановить поѣздъ. Не знали, что дѣлать съ несчастной, и запрятали ее сюда.

— А гдѣ ея ребенокъ?

— Не знаю. Она говоритъ, что въ вѣрныхъ рукахъ. Она вамъ знакома?

— Ея лицо мнѣ напоминаетъ дѣвочку, которую я однажды взяла въ услуженіе изъ названнаго вами пріюта. Я могу съ нею поговорить?

— Конечно, по окончаніи церковной службы.

Когда арестанты выходили изъ церкви, мистрисъ Фэберъ подошла къ заинтересовавшей ее молодой дѣвушкѣ и сказала:

— Вы—Джоси Вельчь, не правда ли?

— Да. А вы—мистрисъ Фэберъ, отвѣчала арестантка:—я васъ тотчасъ узнала. Вы всегда были добры ко мнѣ.

— О! Джоси! произнесла со слёзами на глазахъ мистрисъ Фэберъ:—мнѣ очень жаль видѣть васъ здѣсь. Вѣдь вы, живя у меня, вели себя прекрасно. Что васъ довело до этого?

Джоси молчала. Она уже давно перестала плакать, и даже чужія слёзы объ ея горѣ не могли ее тронуть.

— Благодарю васъ, сударыня, сказала она, наконецъ:—зачѣмъ

я не осталась навсегда у васъ! Это было лучшее время моей жизни.

— Я тоже сожалѣю, что не оставила васъ у себя, отвѣчала добрая женщина.

Джоси горько улыбнулась. Увы! сожалѣть объ этомъ было поздно.

— Вы, говорятъ, бросились подъ поѣздъ желѣзной дороги? правда это? спросила мистрисъ Фэберъ.

— Я была пьяна, отвѣчала несчастная съ мрачнымъ отчаяніемъ:—и надѣялась, что Чарли узнаетъ когда-нибудь объ этомъ.

ПІЙ IX.

КАКЪ ПАПА, ГОСУДАРЬ И ЧЕЛОВѢКЪ.

III.

17-го іюня 1846 года, въ свѣтлое, ясное утро, подъ голубымъ, безоблачнымъ небомъ Рима. кардиналъ камерленгъ провозглашаетъ съ балкона Квиринала *Urbi et Orbi* радостную вѣсть объ избраніи новаго папы. Затѣмъ появляется на этомъ балконѣ и красивая фигура новаго папы; съ величественнымъ достоинствомъ простираетъ онъ свои руки надъ несметной толпой, покрывающей площадь, и его звучный, мелодичный голосъ раздается съ такой силой, къ которой Римъ не пріучили его престарѣлые первосвященники. «Конечно, замѣчаетъ Троллопъ, очевидецъ этой театрально-блестящей сцены:—внезапный переходъ изъ мрака конклавной залы къ лучезарному свѣту дня, къ торжественному привѣтствію земнымъ богомъ, со стороны цѣлаго народа, должна быть такой минутой, которую рѣдкому смертному приводилось пережить. И, вѣроятно, ни одинъ человѣкъ не могъ, по своему характеру и натурѣ, такъ всецѣло насладиться упоительными ощущеніями этой минуты, какъ вышедшій тогда впервые на міровую сцену Пій IX. Триста лѣтъ тому назадъ, надѣвая папскую тіару, подъ именемъ Льва X, веселый Медичи воскликнулъ: «Если Господь далъ намъ папскую власть, то позабавимся вволю». Но тогда времена были языческія, а теперь католическій міръ ожидаетъ отъ вновь избраннаго папы проявленія совершенно иныхъ трогательныхъ, хотя быть можетъ и не искреннихъ чувствъ, форма которыхъ строго опредѣлена церковнымъ этикетомъ. Впрочемъ, Пій IX, художественно исполняя свою новую роль, до того вошелъ въ нее, какъ всякій хорошій актеръ, что напримѣръ, бросаясь на колѣни и заливаясь слезами по требованію этикета, онъ нетолько выказывалъ сценическій талантъ, но и дѣйствительно ощущалъ все то, что человѣкъ

съ пламеннымъ воображеніемъ можетъ ощущать въ подобную минуту».

Однако, первое появленіе Пія IX, въ качествѣ намѣстника Христа, возбудило въ немъ только грустное разочарованіе. Его не встрѣтили крики радости и шумныя рукоплесканія, которыхъ онъ такъ жаждалъ, толпа была безмолвна и холодна. Это происходило не отъ личнаго нерасположенія къ новому повелителю, свѣтскому и духовному, но, главнымъ образомъ, отъ неизвѣстности его имени въ Римѣ и отъ неудовольствія толпы, что не былъ избранъ ея излюбленный кандидатъ, кардиналъ Гицци. Но быстро имя новаго папы пріобрѣло популярность. Вездѣ стали говорить объ его прежнихъ либеральныхъ дѣйствіяхъ въ Имолѣ, о его теперешнихъ щедротахъ, о безвозмездномъ возвращеніи бѣднымъ людямъ изъ государственной кассы ссудъ залоговъ на сумму менѣе 50 *baiocchi* (около 60—70 коп.), о выдачѣ пятидесяти тремъ бѣднымъ дѣвушкамъ Рима и тысячѣ провинціальнымъ приданаго отъ 10—50 золотыхъ и т. д. Кромѣ того, новый папа сталъ появляться на улицахъ одинъ, безъ блестящей свиты, и совершалъ пѣшкомъ богомолья по важнѣйшимъ церквамъ. Толпа мало по малу начала слѣдовать за нимъ и устраивать демонстраціи, среди которыхъ, однако, все громче и громче раздавались крики: «Амнистія! Амнистія!» Вкусивъ эти, такъ сказать, цвѣточки популярности, Пію IX захотѣлось еще болѣе ягодокъ. Онѣ не заставили себя долго ждать. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ его восшествія на престолъ св. Петра, была обнародована прокламація объ амнистіи, въ силу которой освобождались 394 политическихъ арестанта, содержавшихся въ тюрьмахъ Рима, и были возвращены изъ изгнанія 605 гражданъ. Особливо замѣчателенъ и откровененъ мотивъ этой либеральной мѣры: «любовь, которую нашъ добрый народъ постоянно выказываетъ къ нашей особѣ и знаки глубокаго уваженія къ святому престолу, въ лицѣ нашемъ, убѣдили насъ въ безопасности помилованія». На улицахъ Рима было выставлено оффиціальное объявленіе объ этой амнистіи въ 6 часовъ вечера. Не прошло и часа, какъ жажда популярности Пія IX была вполнѣ удовлетворена.

«Громадная толпа, разсказываетъ Троллопъ: — явилась на площадь *Monte Cavallo* и восторженные крики: *Viva Pio Nono!* раздались въ воздухѣ. Папа вышелъ на балконъ, благословилъ толпу и она разошлась. Къ 9-ти часамъ, нахлынула новая толпа, еще болѣе многочисленная и шумная. Опять папа вышелъ на балконъ и произнесъ свое апостольское благословеніе. Толпа разошлась и громадная площадь осталась пустынной, безмолвной. Но еще черезъ часъ она была уже буквально залита вол-

нующимися массами мужчинъ и женщинъ, наводнявшими и всѣ сосѣднія улицы. Многіе изъ нихъ держали въ рукахъ зажженные факелы, впереди шелъ оркестръ музыки, заглушаемый неумолкаемыми криками: *Viva il Papa! Viva Pio Nono!* Снова появился намѣстникъ Христа, снова благодарилъ, и благословлялъ свою паству направо и налѣво. Уходя отъ Квиринала, народъ продолжалъ по всему Корсо громкими криками выражать свою радость. Таже самая сцена произошла и на второй день, только уже весь городъ былъ иллюминованъ и толпы, привѣтствовавшія папу, все росли, и росли. На этотъ разъ, онъ долго заставилъ себя ждать, потому ли, что уже началъ пугаться чудовища, пробужденнаго имъ отъ сна, или что желалъ довести народный энтузіазмъ до послѣднихъ границъ. Какъ бы то ни было, прошло три часа, прежде чѣмъ святый отецъ вышелъ на балконъ благодарить свой народъ за преданную къ нему любовь. Но все же онъ вышелъ и благословилъ толпу и толпа разошлась. На третій день 19-го іюня, папа служилъ обѣдню въ церквѣ *San Vincenzo de Paoli* на *Monte Citorio*. Народъ восторженно толпился по всѣмъ улицамъ, оглашая воздухъ нескончаемыми криками, а на возвратномъ пути мостовая была усѣяна цвѣтами, и толпа выпрягла лошадей изъ золотой кареты и отвезла въ Квириналъ папу на своихъ плечахъ.

«Первый актъ либеральной комедіи былъ съигранъ и быстро послѣдовали другіе все въ томъ же духѣ. Пій IX представилъ міру удивительное, невиданное дотолѣ зрѣлище популярнаго папы. Въ теченіи второго полугодія и первыхъ мѣсяцевъ 1847 года, ликованіямъ въ Римѣ не было конца. По словамъ Троллопа, вѣроятно, не передъ кѣмъ на свѣтѣ не расточали такой пламенной лести, не курили такого ѳиміама, какъ передъ Піемъ IX въ эту эпоху. Повидимому, народъ самъ упивался своимъ восторгомъ; всѣ обнимались, называли другъ друга братьями. Старинныя ненависти и вражды были забыты. Наступала новая эпоха счастья, благоденствія и любви ко всѣмъ, даже къ католическимъ патерамъ. Дозволялъ ли папа учредить дѣтскій пріютъ, это дѣйствіе превозносилось, какъ необыкновенное доказательство его премудрости и милосердія; разрѣшалъ ли онъ открытіе публичной библіотеки или промышленной ассоціаціи, и весь Римъ приходилъ въ неописанный восторгъ. Въ атмосферѣ преобладалъ розовый цвѣтъ, окрашивавшій все. И при всякомъ такомъ случаѣ, почти каждый вечеръ, громадныя толпы собирались съ музыкой и знаменами въ одномъ изъ предмѣстьевъ города, торжественно шли по Корсо къ Квириналу, распѣвая вновь сочиненную итальянскую марсельезу и, выстроившись пе-

редъ дворцемъ папы, требовали его благословенія. По дорогѣ всѣ окны мгновенно освѣщались, на домахъ выставляли транспаранты, съ балконовъ сыпались цвѣты, мужчины махали шляпами, женщины платками. При появленіи папы на балконѣ, во всѣхъ углахъ громадной площади зажигались бенгальскіе огни, толпа преклоняла колѣна и съ умиленіемъ принимала апостольское благословеніе. Потомъ тушили факелы, складывали знамена и всѣ молча, въ порядкѣ, расходились по домамъ.

Это восторженное поклоненіе передъ *Моисеемъ папства*, *Мессіей Италіи*, *новымъ Александромъ III*, какъ называли тогда Пія IX, не ограничивалось однимъ Римомъ, а распространялось по всей Папской Области и остальнымъ государствамъ Италіи. Всюду, въ городахъ и селеніяхъ, на домахъ, стѣнахъ, заборахъ и деревьяхъ виднѣлась одна и таже нескончаемая надпись: *Viva Pio Nono!* Мало этого: энтузіазмъ, возбужденный либеральной политикой римскаго первосвященника, перешелъ за границы Италіи и распространился по всему міру. Франція рукоплескала папскимъ реформамъ и парижскій архіепископъ говорилъ въ своемъ пасторскомъ посланіи: «Умы, самые предубѣжденные, смотрѣвшіе на папство и церковную іерархію, какъ на враговъ законной свободы народовъ, теперь принуждены сознать, что свобода нашла самую вѣрную гарантію, самое славное будущее въ реформахъ Пія IX, подающаго собою примѣръ всѣмъ государямъ Италіи». Сѣверо-Американскіе Штаты просили о заключеніи союза съ Римомъ; республики новой Гренады, Чили и Перу выражали подобные же желанія. Никогда не было такого движенія въ католическомъ мірѣ и не существовало границъ для политическихъ и религіозныхъ надеждъ. Наступалъ золотой вѣкъ, о которомъ мечталъ Джіоберти въ своемъ знаменитомъ «*Primato*», гдѣ онъ представлялъ воскресшую, объединенную Италію во главѣ человѣчества, на вершинѣ цивилизаціи и прогресса, подъ высшей властью идеальнаго, истинно христіанскаго папы, прямого наслѣдника восемнадцати вѣковъ папской славы, очищенной отъ всѣхъ ея смрадныхъ пятенъ, въ горнилѣ современной мысли. И нетолько послѣдователи этого умѣреннаго либерала и фантастическаго мечтателя привѣтствовали въ Піѣ IX основателя новой эры политической и религіозной, но самъ первосвященникъ революціонныхъ идей, Мадзини, обращался къ Пію IX со словами «*Abbiate fede, Santo Padre, siate credente*» и побуждалъ его нетолько объединить Италію, но и соединить въ одно святое, могучее цѣлое такъ долго разъединенныя понятія: Богъ и народъ. По свидѣтельству многихъ вполнѣ добросовѣстныхъ очевидцевъ, мы не можемъ теперь себѣ предста-

вить какой безумный восторгъ овладѣлъ всей либеральной Европой, въ которой тогда тайно работали силы, выразившіяся впослѣдствіи въ революціи 1848 года. Знаменитый англійскій историкъ Карлайль, краснорѣчивый сторонникъ теоріи поклоненія героямъ, восклицалъ, что «старая химера вновь помолодѣла» и всѣ ждали нетолько свободы и независимости Италіи, но общаго примиренія, уничтоженія всѣхъ ересей, созданія новой, всеобщей церкви, однимъ словомъ, обновленія всего міра, душей котораго будетъ добрый, либеральный папа. Въ простыхъ трехъ словахъ «Viva Pio Nono», Европа видѣла какой-то чудесный, могучій талисманъ. Портреты папы, статуэтки и медали съ его изображеніемъ стали домашними пенатами во дворцахъ и бѣдныхъ хижинахъ; невѣрующіе и атеисты стали появляться въ церквахъ, а съ другой стороны, самые отсталые поборники отжившихъ католическихъ преданій одинаково прославляли новаго папу и генералъ іезуитовъ восклицалъ: «Любить, почитать, благословлять и защищать папу Пія IX, ему повиноваться во всемъ, сочувствовать его реформамъ и улучшеніямъ есть долгъ совѣсти и справедливости для всѣхъ іезуитовъ».

Всѣмъ извѣстно, какъ быстро разсѣялось это радужное настроеніе Италіи и всей Европы, какой роковой результатъ имѣли всѣ эти свѣтлыя надежды, замѣнившіяся мрачнымъ разочарованіемъ, ненавистью, проклятіями, какъ освободитель Италіи сталъ ея злѣйшимъ врагомъ, какъ земной богъ римскаго народа сталъ ватиканскимъ узникомъ, какъ либеральный папа сдѣлался творцемъ *Силабуса*, проклявшаго все, что дорого и свято девятнадцатому вѣку, какъ новый Мессія, долженствовавшій соединить церковь и народъ, по идеи Мадзини, превратился въ непогрѣшимаго намѣстника Христа, по идеалу іезуитовъ! Что же значитъ эта непонятная перемѣна, это поразительное превращеніе! Италія и радикалы долго клеймили и будутъ еще клеймить Пія IX позорными кличками измѣнника, отступника, ренегата; католическая церковь видитъ сверхъестественное чудо въ возвращеніи папы на путь истинный, и готовится признать его святымъ, умѣренные либералы взваливаютъ всю вину роковой неудачи либеральнаго папства на демагоговъ и революціонную анархію! Но, смотря издали и трезво на эту чудовищную траги-комедію либеральнаго папства, становится страннымъ и непонятнымъ не печальный, роковой ея исходъ, а тотъ безумный восторгъ, который могъ овладѣть цѣлой Европой при видѣ такой съ перваго взгляда бьющей въ глаза аномаліи, тѣмъ болѣе, что даже эта аномолія никогда фактически не существовала. Какъ вѣрно говоритъ Петручелли-делла-Гатина, «либеральныя эпоха

Пія IX, только *чудовищная мистификація*; Италія и Европа создали себѣ какого-то идеальнаго, фантастическаго Пія IX, не имѣвшаго ничего общаго съ жившимъ въ Римѣ папой, перешедшимъ въ исторію подъ этимъ именемъ. Какая-то баснословная галлюцинація овладѣла всѣми, изъ чурбана сдѣлали бога Пріапа, и, наконецъ, очнувшись отъ сна, стали упрекать добродушнаго, слабохарактернаго Джіованни Мастаи въ измѣнѣ высокому идеалу, созданному лишь разстроеннымъ воображеніемъ мечтателей. Нѣтъ въ исторіи примѣра болѣе всеобщаго и страннаго заблужденія. «Я камень, сказалъ Пій IX:—я остаюсь на мѣстѣ или падаю». И онъ правъ: несмотря на всѣ его колебанія, на всю его слабохарактерность, онъ никогда не былъ измѣнникомъ и всегда оставался вѣренъ себѣ и живому своему олицетворенію *Силабусу*. Онъ вѣчно былъ папой, то есть антитезой Италіи, цивилизаціи и прогресса».

Но, быть можетъ, еще замѣчательнѣе, что самъ Пій IX не былъ намѣреннымъ соучастникомъ этой чудовищной мистификаціи; конечно, повинуясь своей всегдашней жаждѣ рукоплесканій, онъ предавался всласть опьяняющему ѳиміаму и мелочными уступками стараясь поддерживать народный восторгъ, никогда не скрывалъ настоящихъ своихъ далеко не либеральныхъ стремленій, по крайней мѣрѣ, отъ дипломатическихъ представителей тѣхъ европейскихъ дворовъ, которые всего болѣе опасались свободы и реформъ. Тотчасъ послѣ избранія Пія IX, неополитанскій посланникъ Людольфъ успокоивалъ короля Бомбу, испуганнаго слухами о реформахъ, говоря, что все это либеральныя бредни. 12 сентября 1846 года, когда вся Италія и Европа пѣли восторженные гимны Моисею папства, онъ писалъ: «Грубо ошибаются тѣ, которые вѣрятъ въ либеральное направленіе, я не говорю папы, это было бы немыслимо, но даже его государственнаго секретаря Гицци; еслибъ папа предвидѣлъ результатъ амнистіи, хотя она и была необходима, онъ поступилъ бы иначе и послѣдовалъ совѣтамъ людей, желавшихъ ее болѣе ограничить». Далѣе въ депешѣ 26 октября, тотъ же Людольфъ говоритъ: «Его святѣйшество далекъ, очень далекъ отъ поддержки безумныхъ надеждъ, возлагаемыхъ на него; въ этомъ отношеніи, бояться нечего. Упорное желаніе объяснять всѣ дѣйствія и даже слова папы въ либеральномъ смыслѣ—нелѣпость и неправда. Герцогъ Канино, съ его обычнымъ нахальствомъ, явился па научномъ конгрессѣ въ Генуѣ, какимъ-то выразителемъ мнѣній Пія IX, который только сказалъ ему на прощаніе: «Папы всегда покровительствовали наукамъ и искуствамъ, я послѣдую ихъ примѣру». Канино преувеличилъ эти слова до невозможности и

всѣ повѣрили либерализму главы церкви? Это вѣчная болтовня о всеобщемъ братствѣ и благоденствіи Италіи, это сосредоточеніе всѣхъ надеждъ на новомъ папѣ, нетолько его компрометируетъ, но и придаетъ всѣмъ его дѣйствіямъ такую важность, которая не соотвѣтствуетъ истинѣ и отеческимъ попеченіямъ папы о благѣ своихъ подданныхъ».

Такимъ образомъ даже очевидцы, хладнокровно смотрѣвшіе на происходившія въ Римѣ событія, видѣли ясно, что Пій IX далеко не соотвѣтствовалъ тому идеальному, либеральному папѣ-королю, которымъ его провозглашали съ такимъ пламеннымъ восторгомъ римляне, а за ними вся Европа. Но какъ объяснить это непонятное съ перваго взгляда заблужденіе? Отвѣтъ не труденъ. Съ одной стороны, надо вспомнить то ужасное положеніе, въ которомъ находилась, какъ мы видѣли, Папская Область при предшественникахъ Пія IX и потому неудивительно, что всякое малѣйшее ослабленіе тяготившаго народъ ига, казалось великимъ благодѣяніемъ и залогомъ еще бо̀льшаго благополучія въ будущемъ; а съ другой стороны, самый восторгъ, которымъ такъ дружно, повидимому, всѣ окружали новаго папу, былъ далеко не столь искрененъ, какъ казалось. Конечно, были люди, чистосердечно смотрѣвшіе въ розовыя очки на всѣ его дѣйствія и къ этому числу, главнымъ образомъ, принадлежали поклонники Пія, внѣ Рима, заглазно ослѣпленные миражемъ либеральнаго папы и не имѣвшіе возможности видѣть въ очію, чѣмъ въ сущности были его прославленныя, либеральныя мѣры. Точно также нельзя отрицать, чтобъ толпы римлянъ, ежедневно устраивавшія папѣ столь дорогія его сердцу оваціи, не чувствовали искренней благодарности къ государю, который дозволялъ имъ собираться публично, ходить по улицамъ, кричать и рукоплескать безъ боязни какихъ бы то ни было непріятностей отъ полиціи. Но въ тоже время несомнѣнно, что либеральная партія, особливо Юная Италія, съ ея главою Мадзини, расточая восторженныя хвалы папѣ и руководя народными демонстраціями въ его честь, нисколько не вѣрила въ его величіе и либеральность, а лишь пользовалась его жаждой рукоплесканій для достиженія цѣлей, совершенно противоположныхъ свѣтской власти папъ. Лучшимъ доказательствомъ этого факта служитъ знаменательная инструкція «Друзьямъ Италіи», составленная самимъ Мадзини и приводимая Троллопомъ въ дословномъ переводѣ.

Считая возможнымъ обновленіе Италіи только путемъ ея объединенія, Мадзини указываетъ на лучшее къ тому средство, именно на пріобрѣтеніе либеральной партіи содѣйствія государей, аристократіи, духовенства и народа. «Въ большомъ государствѣ,

говоритъ онъ:—обновленіе должно совершиться народомъ, но въ Италіи оно можетъ придти лишь отъ государей, и ихъ необходимо къ этому побудить. Народъ, находящійся въ рабствѣ, не требуетъ своихъ правъ, а только можетъ распѣвать о своихъ нуждахъ, не причиняя тѣмъ слишкомъ большихъ непріятностей своимъ владыкамъ. Пользуйтесь всякой мелкой уступкой, чтобъ собрать народныя массы хотя бы для выраженія благодарности. Публичное ликованіе, пѣніе гимновъ, скученіе народа, соединеніе людей различныхъ мнѣній—ведетъ къ распространенію идей, къ убѣжденію народа въ его силѣ и къ внушенію ему вѣры въ себя. Содѣйствіе аристократіи необходимо для введенія реформъ въ феодальномъ обществѣ; если за васъ будетъ стоять только народъ, то съ перваго шага возбудится сомнѣніе и все погибнетъ; а, напротивъ, аристократія, которую легко привлечь, дѣйствуя на ея самолюбіе, ставъ во главѣ движенія, будетъ служить вывѣской для народа. Мирабо и Лафайеты необходимы. Духовенство сильно въ Италіи своимъ богатствомъ и вѣрою народа, поэтому необходимо воспользоваться его вліяніемъ; еслибъ въ столицѣ всякаго итальянскаго государства можно было создать Саванороллу, то мы пошли бы впередъ гигантскими шагами. Главное, не нападайте на духовенство ни съ его матерьяльной, ни съ его духовной стороны. Обѣщайте ему свободу и оно будетъ за васъ. Народъ въ Италіи надо еще создать, но онъ готовъ вылущиться изъ окружающей его шелухи. Лѣстница прогресса длинна; необходимо время и терпѣніе для достиженія ея вершины. Самый скорый путь взбираться по одной ступени за разъ, а не по нѣсколькимъ. Принимайте всякую предлагаемую вамъ помощь, какъ бы она мала ни казалась. Напримѣръ, король издастъ нѣсколько либеральный законъ—благодарите, рукоплещите и просите дальнѣйшаго, логическаго его развитія; министръ выразитъ стремленіе къ прогрессу, превозносите его, ставьте всѣмъ въ образецъ; аристократъ обнаружитъ несочувствіе къ своимъ привилегіямъ—становитесь подъ его знамя. А, главное, соединяйтесь, соединяйтесь. Все заключается въ этомъ одномъ словѣ».

Все сказанное, кажется, ясно указываетъ на два главные элементы траги-комедіи, разыгрывавшейся въ Римѣ, въ такъ называемую либеральную эпоху Пія IX: съ одной стороны на желаніе папы популярными мѣрами или лучше полумѣрами снискать рукоплесканія толпы и отсутствіе въ немъ серьёзныхъ либеральныхъ стремленій, а съ другой—намѣренное побужденіе его народными оваціями, устраиваемыми тайными руководителями, идти все далѣе по тому пути, который долженъ былъ привести его наконецъ, къ изгнанію и къ провозглашенію въ Римѣ республи-

ки. Если, придерживаясь этой руководящей нити, мы теперь взглянемъ на всѣ событія прославленной либеральной эпохи Пія IX, то она дѣйствительно покажется намъ чудовищной, хотя и совершенно понятной мистификаціей.

Первыя слова Пія IX въ энцикликѣ, возвѣщавшей католическому міру объ его избраніи, были повтореніемъ нелѣпыхъ жалобъ Григорія XVI на раціонализмъ, невѣріе, хладнокровіе къ церкви, прогрессъ, прессу и т. д. Онъ прямо провозгласилъ себя, прежде всего католическимъ папой, отцомъ нетолько итальянцевъ, но и всѣхъ вѣрныхъ католиковъ, незыблемымъ оплотомъ правъ и привилегій церкви. Первыя же его дѣйствія, какъ свѣтскаго государя, обнаруживали странный правительственный эклектизмъ и двуличную нерѣшительность. Отложивъ выборъ государственнаго секретаря, который, въ сущности, всегда руководитель папскаго правительства, онъ назначилъ временную, совѣщательную комиссію, въ которой, рядомъ съ любимыми народомъ либеральными кардиналами, Аматомъ и Гицци, засѣдали самые непопулярные ретрограды, Ламбрускини и Марини, жестокій губернаторъ Рима при Григоріѣ XVI. Точно также, онъ откладывалъ со дня на день и объявленіе амнистіи, которую нетолько громко требовалъ народъ, но и считали необходимостью самые ярые консерваторы, а пока удивлялъ міръ мелкими реформами, ограничивалъ роскошь папскаго двора, раздавалъ милостыни, сталъ самъ заниматься общественными дѣлами и прекратилъ политическія преслѣдованія. Наконецъ, ждать долѣе было опасно и послѣ цѣлаго мѣсяца колебаній, была обнародована пресловутая амнистія. Въ глазахъ римлянъ, такъ долго согбенныхъ подъ игомъ самаго отвратительнаго деспотизма, амнистія не имѣла характера помилованія, а, напротивъ, должна была явиться дѣломъ правосудія, залогомъ измѣненія всей системы папскаго правительства. На дѣлѣ же эта амнистія была не общей, не полной; она не распространялась на духовныхъ лицъ, правительственныхъ чиновниковъ и военныхъ, принимавшихъ участіе въ заговорахъ, а главное ее ограничивало условіе, по которому всякій, кто желалъ ею воспользоваться, долженъ былъ подписать отреченіе отъ своего прошедшаго и клятву быть впредь преданнымъ вѣрноподданнымъ. Подобному условію, конечно, не могли подчиниться лучшіе, благороднѣйшіе политическіе дѣятели, какъ Маміани, Канути, Пеполи и проч. Чтобъ поправить сдѣланную ошибку, папское правительство сдѣлало другую, не менѣе важную. Оно стало допускать въ Римъ изгнанниковъ, не требуя отъ нихъ установленной клятвы. Нерѣшительная, двуличная мѣра исполнялась на практикѣ съ такой же слабостью

и непослѣдовательностью. «Между тѣмъ, по словамъ Петручелли-делла-Гатина, народъ недоумѣвалъ, какъ принять странную амнистію, оканчивающуюся угрозой: «Если какимъ нибудь образомъ наши надежды не сбудутся, то хотя съ глубокимъ прискорбіемъ, но все же мы должны будемъ вспомнить, что милосердіе одно изъ пріятнѣйшихъ принадлежностей верховной власти, а правосудіе—ея первый долгъ». Народъ не зналъ хвалить или проклинать новое правительство, возставать или благодарить. Тогда-то, человѣкъ, хорошо знавшій Пія съ дѣтства, посовѣтовалъ окружить его лестью и опьянить ѳиміамомъ».

Но среди всеобщихъ восторговъ, рукоплесканій толпы и вызововъ папы на балконъ Квиринала, какъ моднаго актера, люди трезвые понимали, что, выйдя разъ, хотя и не рѣшительно на дорогу реформъ, надо было идти по ней. «Амнистія не все, а только первый шагъ, писалъ Росси своему правительству:—я надѣюсь, что новая дорога проложена и что святый отецъ станетъ продолжать ее несмотря на всѣ препятствія». Какъ же поступилъ этотъ новый мессія, этотъ великій либеральный папа? 8-го августа, онъ, наконецъ, назначилъ государственнымъ секретаремъ народнаго любимца Гицци. Но этотъ выборъ, повидимому, удовлетворявшій общественному мнѣнію, былъ, въ сущности, очень несчастный. Главнымъ недостаткомъ Пія IX была нерѣшительность, а его новый государственный секретарь былъ еще нерѣшительнѣе его, и они вдвоемъ основали ту политику проволочекъ и колебаній, которая, не удовлетворяя, ни либераловъ, ни консерваторовъ, только озлобляла всѣхъ и подготовляла революцію. Въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ тогда находились Римъ и вся Италія, необходимъ былъ руководитель энергичный, который, сознавъ необходимость реформъ, имѣлъ бы достаточно силы, чтобъ ихъ осуществить. Но Пій IX и Гицци боялись быстрыхъ преобразованій и думали надеждами обольстить либераловъ, а проволочками успокоить консерваторовъ. Вслѣдствіе этого, оставляя законы, финансы, общественное образованіе, администрацію, армію, торговлю, гражданскія и муниципальныя учрежденія въ прежнемъ варварскомъ положеніи, новое правительство учреждало только всевозможныя комиссіи, для разработки предполагаемыхъ реформъ и въ составъ ихъ назначались, рядомъ съ свѣтскими юристами, самые отсталые ненавистные народу прелаты. Естественно, что всѣ эти комиссіи были мертво-рожденными и не привели ни къ чему, хотя онѣ занимались и составленіемъ системы народнаго образованія, и изобрѣтеніемъ новой администраціи, и розысканіемъ лучшаго способа назначать министерство, и сочиненіемъ новыхъ гражданскихъ и уголовныхъ кодек-

совъ, и отысканіемъ средствъ воспрепятствовать молодымъ людямъ вести праздную жизнь. «Странно, что не было комиссіи объ изобрѣтеніи хлѣба для голодавшаго въ то время народа», справедливо замѣчаетъ Дьего Соріа [1], одинъ изъ лучшихъ историковъ этой смутной эпохи.

Если же Пій IX и принималъ дѣйствительно какія либо мѣры, то онѣ въ сущности, были далеко не либеральны. Такъ въ мартѣ 1847 года былъ обнародованъ такъ называемый законъ о свободѣ печати, по которому сохранена предварительная цензура и дозволялось выражать печатно свои мнѣнія по вопросамъ современной исторіи и администраціи только подъ условіемъ ни прямо, ни косвенно, не осуждать дѣйствій правительства. Но даже подобные полумѣры принимались послѣ долгихъ колебаній и только въ виду крайней необходимости. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить назначеніе Піемъ IX перваго министерства 14-го іюня 1847 года, ровно черезъ годъ по вступленіи на папскій престолъ. Конечно, образованіе министерства въ европейскомъ смыслѣ, было нововведеніемъ для Рима, но Пій IX съумѣлъ сдѣлать эту новинку самой старой и нелѣпой. Онъ назначилъ министрами только кардиналовъ и прелатовъ, бо̀льшею частью реакціонеровъ или псевдолибераловъ, какъ оказался первый министръ Гицци, Долгимъ и терпѣливымъ надеждамъ народа былъ такимъ образомъ, нанесенъ тяжелый ударъ и впервые проявилось неудовольствіе, которое находили вполнѣ законнымъ и основательнымъ даже такіе люди, какъ Росси, котораго, конечно, нельзя упрекнуть въ радикализмѣ. «До сихъ поръ ничего не сдѣлано, кромѣ обѣщаній и предположеній, писалъ онъ: — ничего не создано, кромѣ бездѣйствующихъ комиссій. Потому и не удивительно, что страна начинаетъ выражать недовѣріе и безпокойство. Она обвиняетъ папу не въ двуличности, а въ слабости. Теперь болѣе, чѣмъ когда, необходимо успокоить общественное мнѣніе, доказавъ разумными мѣрами, что обѣщанія св. отца не обманчивы и что нѣтъ никакихъ препятствій къ ихъ исполненію. Я откровенно сказалъ его святѣйшеству, что всякая дальнѣйшая проволочка будетъ причиною смутъ и что, напротивъ, еслибъ фактическія реформы успокоили умы, то, я убѣжденъ, что ему дали бы время совершить ихъ съ необходимой умѣренностью и послѣдовательностью». Но на эти благодѣтельные совѣты, Пій IX отвѣчалъ: «Я не хочу губить себя изъ угожденія господамъ либераламъ». А его Министръ Гицци не желалъ

---

[1] «Общая Исторія Италіи съ 1846 года по 1850 годъ. Соч. Дьего Соріа, С.-Петер. 1863.

и слышать о какихъ бы то ни было реформахъ, кромѣ административныхъ, и даже видя, что уличныя демонстраціи принимаютъ характеръ рѣзкихъ требованій давно обѣщанныхъ преобразованій, воспретилъ эти сборища, подъ предлогомъ, что они мѣшаютъ молодымъ людямъ учиться, взрослымъ работать, а чиновникамъ исполнять свои служебныя обязанности. Замѣчательно, что въ прокламаціи, изданной по этому поводу, перечислялось все, что новый папа сдѣлалъ въ одинъ годъ на благо своихъ вѣрноподданныхъ и указывалось, что онъ съ сожалѣніемъ видитъ усилія злонамѣренныхъ людей возбудить въ народѣ надежды на такія реформы, которыя переходятъ границы, опредѣленныя необходимыми условіями свѣтской власти главы католической церкви. Конечно, подобная мѣра не могла прекратить народныя демонстраціи, а только озлобляла толпу противъ правительства, которое она уже начала отдѣлять отъ личности папы. Заблужденіе народа, полагавшаго, что Пій IX искренно желаетъ реформъ, а ему мѣшаютъ гнусные совѣтники, повидимому, подтвердилось вскорѣ выходомъ въ отставку Гицци, который прямо объявилъ, что благоразумный и благонамѣренный министръ не можетъ служить такому государю, какъ Пій IX. Ближайшей причиной къ удаленію Гицци было учрежденіе въ Папской Области, по примѣру другихъ итальянскихъ государствъ, національной гвардіи, чему онъ, какъ опасной мѣрѣ, старался всячески воспрепятствовать, предписывая губернаторамъ даже послѣ изданія папскаго эдикта замедлять какъ можно болѣе выдачу оружія народу.

Первымъ министромъ сдѣлался кардиналъ Феретти, родственникъ папы, человѣкъ безъ дарованій и знанія, но энергичный, искренній, не самолюбивый. Онъ вызвалъ къ себѣ на помощь своего брата, который былъ торговцемъ въ Неаполѣ и пользовался довѣріемъ либераловъ, но говорилъ о Піи IX: «Этотъ государь имѣетъ доброе сердце, но онъ непостояннѣе всякой женщины и потому никогда нельзя разсчитывать на исполненіе его обѣщаній». Естественно, что при такомъ составѣ правительство стало еще не рѣшительнѣе и слабѣе, а политическія партіи, надѣясь лишь на себя, начали дѣйствовать энергичнѣе. Около этого времени, реакціонеры, имѣя во главѣ нѣсколькихъ кардиналовъ, прелатовъ и губернатора Рима Грасселини, составили заговоръ, съ цѣлью схватить папу, заключить его въ тюрьму и уничтожить всѣ его, такъ называемыя, реформы. Народъ возсталъ, всѣ граждане вооружились и національная гвардія, созывъ которой дотолѣ все откладывался, фактически образовалась нетолько въ Римѣ, но и во всей Церковной Области. Одни изъ заговорщи-

ковъ были перехвачены, другіе бѣжали и, послѣ двухъ-дневнаго обладанія Римомъ, народъ успокоился и сложилъ съ себя безмолвно уступленную ему правительствомъ власть, доказавъ, съ одной стороны, что онъ способенъ не на однѣ пустыя демонстраціи, а съ другой, что готовъ защитить папу отъ настоящихъ его враговъ. Но спокойствіе продолжалось не долго. Внезапное вѣроломное занятіе австрійскими войсками Феррары въ мирное время, подъ предлогомъ усмиренія не существовавшихъ безпорядковъ, снова заставило римлянъ взяться за оружіе въ защиту папы, права котораго, какъ независимаго государя, были такъ дерзко нарушены. Ферретти гордо протестовалъ противъ австрійскаго насилія и, видя, что народныя страсти возбуждены до послѣдней крайности, поощрялъ его воинственный духъ и самъ способствовалъ его вооруженію. Но, въ сущности, какъ впослѣдствіе доказали депеши англійскаго посланника, виконта Понсонби, Австрія рѣшилась занять Феррару только съ согласія и даже по просьбѣ Пія IX, опасавшагося политическаго движенія ея Церковной Области. Наконецъ, въ то самое время, когда онъ открыто протестовалъ противъ нарушенія австрійцами международнаго права, онъ тайно писалъ императору: «Его святѣйшество не можетъ проникнуть въ мракъ будущаго, но онъ знаетъ, что есть люди, которые сѣютъ плевела на полѣ добраго отца и потому онъ можетъ предугадать, что ему нужна будетъ помощь въ высшей рукѣ, чтобъ вырвать съ корнемъ эти уже огромные плевелы». Такимъ образомъ, этотъ новый Мессія одной рукой благословлялъ народъ, возстававшій на его защиту, отъ чужестраннаго вторженія, а другой писалъ униженныя мольбы къ тѣмъ самымъ чужестранцамъ, которые открыто нарушали его права, о помощи противъ своего народа.

Между тѣмъ, въ ноябрѣ созвана была давно обѣщанная государственная консульта, то есть нѣчто въ родѣ совѣщательнаго собранія изъ 24-хъ членовъ, назначенныхъ самимъ папой изъ списка, указанныхъ губернаторами достойныхъ преданныхъ святому престолу лицъ. Антонелли, только-что произведенный въ кардиналы и отличавшійся тогда демократическими стремленіями, былъ назначенъ предсѣдателемъ. Открытіе этого псевдопарламента сопровождалось необыкновеннымъ великолѣпіемъ и народными ликованіями, но, въ торжественной рѣчи къ своимъ новымъ совѣтникамъ, папа прямо указалъ на то, что онъ ни мало не намѣревался уменьшить папскую власть, «которую онъ обязанъ передать своимъ предмѣстникамъ столь же полной и неприкосновенной, какъ принялъ отъ Бога и своихъ предшественниковъ». «Очень заблуждаются тѣ, прибавилъ онъ:—которые

полагаютъ, что обязанности новаго совѣта заключаются въ чемъ-либо другомъ, кромѣ выраженія своихъ мнѣній, когда его о томъ спросятъ, сильно ошибаются тѣ, которые видятъ въ немъ осуществленіе утопій и зерно учрежденій, несовмѣстныхъ съ папской властью». Кажется, слова эти были ясны и должны были открыть глаза тѣмъ римлянамъ, которые искренно устроивали оваціи въ честь либеральнаго папы; но чудовищная мистификація продолжалась съ прежними процессіями, рукоплесканіями, восторженными криками, вызовами на квиринальскій балконъ и благословеніями толпы.

Впрочемъ, въ послѣднее время, папа, не переставая услаждать свое мягкое сердце столь дорогой для него популярностью, сталъ смотрѣть съ нѣкоторымъ опасеніемъ на публичныя демонстраціи, которыя могли привести къ серьёзнымъ результатамъ, какъ въ дѣлѣ реакціоннаго заговора. Поэтому онъ задумалъ наложить узду на народные восторги и когда, 1-го января 1848 года, толпа, по обыкновенію, явилась къ квириналу, то дворецъ былъ оцѣпленъ солдатами, которымъ приказано было разогнать сборище. Привыкнувъ къ полной свободѣ, по крайней мѣрѣ, въ дѣлѣ оваціи, народъ пришелъ въ пламенное негодованіе, но, по обычаю, сталъ обвинять въ непопулярной мѣрѣ полицію, министровъ, іезуитовъ, всѣхъ, кромѣ Пія IX, отъ котораго лично шло это распоряженіе. Послѣ долгихъ усилій, старому сенатору Рима, нѣчто въ родѣ мэра, князю Корсини удалось примирить толпу съ правительствомъ; солдаты были удалены и воздухъ потрясся знаменательными криками: «Viva Pio Nono solo!» Чтобъ загладить непріятное впечатлѣніе этой сцены, вызванной имъ же самимъ, папа на другой день вечеромъ поѣхалъ кататься въ коляскѣ по улицамъ Рима. Весь городъ принялъ праздничный видъ, окна домовъ были роскошно драпированы, экипажъ папы едва подвигался среди ликующаго народа. Вдругъ изъ толпы выдѣлился здоровенный, красивый римлянинъ, знаменитый, въ то время, трактирщикъ Чичерваккіо, поставленный Мадзини во главѣ народнаго движенія и руководившій всѣми публичными демонстраціями; вскочивъ на запятки, онъ махалъ надъ папой знаменемъ, съ надписью: «Святой отецъ, довѣрься своему народу». Папа отвѣчалъ на это утвердительно кивая головой. Тогда раздались со всѣхъ сторонъ такіе оглушительные крики преданности къ его особѣ и ненависти къ полиціи, римскому губернатору и реакціонерамъ, что Пій IX упалъ въ обморокъ отъ страха или умиленія, какъ увѣряли вожди либеральной партіи.

Между тѣмъ, Ферретти, видя, что папское правительство обязано, для своей безопасности, идти отъ уступки къ уступкѣ и

что вскорѣ придется Пію IX, по примѣру другихъ итальянскихъ государей, даже короля Бомбы, дать конституцію, предпочелъ удалиться отъ дѣлъ и его мѣсто занялъ Антонелли. Впервые тогда въ составъ министерства вошло большинство свѣтскихъ лицъ, между которыми былъ умѣренный либералъ, адвокатъ Стербинетти и любимый ораторъ римской толпы, представитель крайнихъ демократовъ, докторъ Галетти. Свѣтское министерство было, конечно, большой уступкой со стороны духовнаго государя, но народъ, привыкшій къ безплоднымъ результатамъ всѣхъ, доселѣ введенныхъ папою либеральныхъ реформъ, явился, по обыкновенію, на Квиринальскую Площадь и, благодаря Пія IX за удовлетвореніе столь давнихъ просьбъ о свѣтскомъ правительствѣ, требовалъ бо̀льшаго. Среди восторженныхъ криковъ, громко слышалось: «Конституцію! Конституцію! Долой патеровъ! Долой іезуитовъ!» Тутъ впервые Пій IX усумнился въ своей громадной популярности; страхъ за личную безопасность овладѣлъ имъ и въ головѣ его мелькнула мысль, не лучше ли бѣжать отъ пробужденнаго имъ самимъ чудовища, чѣмъ напрасно стараться его побороть. Прежде чѣмъ выйти на балконъ, онъ созвалъ начальниковъ національной гвардіи и своихъ тѣлохранителей, объяснивъ имъ, что поручаетъ свою особу ихъ защитѣ и потомъ прибавилъ знаменательныя слова: «Я надѣюсь, что спокойствіе не будетъ нарушено; большинство народа мнѣ предано, а агитаторовъ не много. Но, въ противномъ случаѣ, я буду принужденъ уѣхать и тихо выжидать болѣе спокойныхъ дней. Я знаю, что меня упрекаютъ въ томъ, что я не исполнилъ всѣ требованія. Но я назначу комиссію для разсмотрѣнія того, что̀ уже сдѣлано и какія уступки я еще могу сдѣлать. Но, если будутъ у меня просить то, что противно принципамъ святой церкви и моимъ святымъ обязанностямъ, я рѣшился пролить свою кровь до послѣдней капли у подножія распятія, но не уступить». Потомъ онъ явился народу, какъ всегда, исполнилъ съ театральнымъ эффектомъ свою роль, но, благословляя, просилъ быть вѣрнымъ папѣ и не требовать ничего противнаго церкви и религіи.

Таже идея была еще опредѣленнѣе высказана въ прокламаціи, обнародованной на слѣдующій день, въ которой папа грозилъ, «въ случаѣ безпорядковъ и заявленія требованій, несогласныхъ съ нашимъ долгомъ и вашимъ благосостояніемъ, мы будемъ готовы открытой силой оказать сопротивленіе и уничтожить дарованныя реформы». Не ясно было только одно—чего именно воспрещалъ требовать папа; многіе усумнились, не находитъ ли онъ конституцію противной религіи. Народное движеніе грозило принять опасный характеръ тѣмъ болѣе, что вся

Италія была взволнована извѣстіемъ о февральской революціи въ Парижѣ. Для успокоенія умовъ было немедленно напечатано въ оффиціальной газетѣ, что комиссія, назначенная для составленія конституціи, работаетъ успѣшно и вскорѣ Римъ получитъ такія же парламентскія учрежденія, какъ въ другихъ странахъ.

На этотъ разъ, папа, повидимому, отказался отъ своей всегдашней политики проволочекъ и 14 марта была обнародована конституція или такъ называемый гражданскій статутъ. Вовсе не сознавая необходимости представительнаго правленія, котораго такъ жаждалъ народъ, Пій IX не понималъ даже сущности конституціонной системы, и совершенно искренно полагалъ, что конституціонныя учрежденія европейскихъ государствъ были лишь сколкомъ съ древнихъ папскихъ учрежденій. «Ихъ нижняя палата, говорилъ онъ:—наша комиссія консисторскихъ адвокатовъ, а верхняя—подражаніе нашей коллегіи кардиналовъ». Понятно, поэтому, что въ предисловіи къ декрету, которымъ обнародывался статутъ, между прочимъ, было сказано: «Въ даруемыхъ учрежденіяхъ нашимъ подданнымъ, мы воспроизвели только нѣкоторыя древнія постановленія, которыя издавна были зеркаломъ мудрости нашихъ предшественниковъ и которые, въ примѣненіи къ настоящему положенію дѣлъ, нуждались лишь въ измѣненіяхъ для того, чтобъ возвратить жизнь тому величественному зданію, которое они когда-то поддерживали». Ничто лучше этихъ словъ не доказываетъ, что Пій IX никогда и не думалъ объ истинныхъ, современныхъ нововведеніяхъ, а старался только возобновить то, по его мнѣнію, счастливое время, когда весь міръ безъ горя и бурь повиновался могущественному папѣ, въ которомъ хранился божественный источникъ нетолько религіозной, но и политической власти. «Не имѣя въ виду будущаго прогресса, не помышляя о дарованіи народу свободы, онъ хотѣлъ, по меткому выраженію Дьего Соріи, подчинить его забытому игу древняго рабства, и потому конституція своимъ явленіемъ была обязана призраку прошедшаго, который и далъ ей свою инвеституру».

Созданная на такихъ странныхъ, противорѣчащихъ современнымъ идеямъ основахъ, римская конституція, конечно, имѣла много своеобразнаго, невстрѣчающагося ни въ какой другой хартіи. Священная коллегія составлала верховный сенатъ, а вмѣсто палатъ былъ верхній совѣтъ изъ пожизненныхъ членовъ, назначаемыхъ папой, и совѣтъ депутатовъ, избираемыхъ по одному на 30,000 избирателей, владѣющихъ собственностью въ 300 ефимковъ или платящихъ 12 ефимковъ прямого налога. Государственный совѣтъ подготовлялъ законы, которые получали силу

только по разсмотрѣніи ихъ обѣими палатами и папою въ тайной консисторіи кардиналовъ, имѣвшей безапелляціонное *veto* во всѣхъ вопросахъ. Папа предоставлялъ себѣ неограниченное право рѣшать дѣла духовныя и совѣтамъ было воспрещенно дѣлать какія бы то ни было предложенія относительно вопросовъ смѣшанныхъ или противорѣчащихъ каноническому праву и католической нравственности. Это постановленіе подрывало всякое значеніе совѣтовъ, потому что въ такомъ государствѣ, какъ Папская Область, почти невозможно провести границу между свѣтскими и духовными, а тѣмъ болѣе смѣшанными дѣлами. Точно также и въ отношеніи финансовъ, папа предоставилъ себѣ пользованіе суммою въ 600,000 ефимковъ и нѣкоторыми церковными доходами безъ всякаго отчета депутатамъ. Если къ этому мы прибавимъ, что сохранена была цензура и что только католики имѣли право на государственныя и общественныя должности, мы увидимъ, что новая конституція давала полную возможность папѣ управлять страною по старому.

Впрочемъ, римская конституція не была хуже и безобразнѣе другихъ итальянскихъ конституцій и римляне благоразумно удовлетворились ею на время въ ожиданіи общаго либеральнаго движенія всей Италіи. Но не такъ понималъ Пій IX минутное затишье и новый взрывъ народнаго восторга, овладѣвшій всѣмъ Римомъ. «Я думаю, народъ теперь доволенъ, сказалъ онъ муниципалитету, явившемуся его благодарить:—во всякомъ случаѣ, я сдѣлалъ все, что могъ, и не могу даровать ничего болѣе».

Римляне пока не требовали ничего болѣе въ смыслѣ внутреннихъ реформъ; теперь на очереди стоялъ вопросъ внѣшній, самый животрепещащій для всей Италіи и самый щекотливый для папы—вопросъ о войнѣ съ Австріей за независимость Аппенинскаго Полуострова. Миланъ и Венеція сбросили съ себя иноземное иго и звали на помощь всю Италію, пьемонтскій король Карлъ-Альбертъ сталъ во главѣ движенія и побѣдоносно дошелъ до Минчіо; даже король Бомба, хотя и не охотно, но повелъ свою армію и флотъ на общаго врага .Римляне и вся Папская Область рвались за По, гдѣ рѣшалась судьба общаго отечества но Пій IX, въ качествѣ главы католической церкви, не хотѣлъ сражаться съ католической державой. А вмѣстѣ съ тѣмъ, его побуждали двѣ могущественныя причины послать военную экспедицію: во первыхъ, опасно было сопротивляться военному пылу, овладѣвшему всей Италіей, а во-вторыхъ, можно было надѣяться удалить этимъ путемъ на поля Ломбардіи всѣ горячія головы и, по крайней мѣрѣ, пользоваться спокойствіемъ въ Римѣ. Лучшимъ выходомъ изъ этого затруднительнаго положенія, папа нашелъ,

какъ всегда—нерѣшительную, двуличную мѣру, именно послать армію, или скорѣе отрядъ волонтеровъ на По, воспретивъ начинать военныя дѣйствія, пока Австрія не вторгнется въ предѣлы Папской Области. Министры, не посвященные въ тайные замыслы Пія и, отличаясь, особливо Антонелли, военнымъ азартомъ, немедленно вооружили четыре пѣхотныхъ полка и два кавалерійскихъ, всего 17,000 человѣкъ, подъ начальствомъ пьемонтскаго генерала Дурандо. 21-го марта эти *Crociati* (крестоносцы), какъ ихъ прозвалъ народъ, двинулись въ путь и, достигнувъ По, главнокомандующій издалъ прокламацію, въ которой заявилъ, «что папа святой, справедливый, и милосердый сознавалъ, однако, что *ultima ratio* оружія было единственнымъ справедливымъ и возможнымъ средствомъ противъ враговъ, попирающихъ всѣ законы человѣческіе и божественные, а потому его святѣйшество благословилъ ваши мечи. которые, соединясь съ мечами Карла-Альберта, уничтожатъ враговъ Бога и Италіи». Эти слова были слишкомъ рѣшительны, слишкомъ ясны и папа тотчасъ въ оффиціальной римской газетѣ отказался отъ всякой съ ними солидарности, а когда Дурандо, видя невозможность сдерживать долѣе воинственный пылъ своей арміи, просилъ разрѣшенія перейти По, папа велѣлъ ему отвѣчать, что «онъ долженъ среди настоящихъ важныхъ обстоятельствъ поступать какъ самъ найдетъ лучшимъ для обезпеченія спокойствія и безопасности страны». Подобное положеніе главнокомандующаго, особливо Дурандо, не отличавшагося ни энергіей, ни военнымъ геніемъ, было очень трудно. Хотя Пій IX и говорилъ, что «Дурандо съ его простоватымъ монашескимъ лицомъ меня не безпокоитъ», но воинственный пылъ тѣхъ самыхъ либераловъ, удаленіе которыхъ изъ Рима такъ его радовало, вынудилъ все же Дурандо, 20 го апрѣля, перейти По. Въ то же время и въ Римѣ осталось достаточно горячихъ головъ, чтобы тревожить спокойствіе папы, требуя открытой войны съ Австріей. «Меня увѣряли, что всѣ революціонеры въ лагерѣ», говорилъ наивно Пій IX, удивляясь, что всѣ, даже его собственные министры, съ Антонелли во главѣ, считали войну необходимостью, когда онъ нисколько этого не желалъ.

Наконецъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ требованіями высказаться прямо за войну, онъ произнесъ свою знаменитую рѣчь 29-го апрѣля въ консисторіи кардиналовъ. На этотъ разъ онъ отступилъ отъ своей всегдашней привычки дѣйствовать нерѣшительно, говорить неясно. «Такъ какъ многіе, сказалъ онъ: —желаютъ, чтобы мы съ другими народами и государями Италіи пошли войной на Австрію, то мы считаемъ необходимымъ ска-

зать прямо и опредѣлительно, что подобное дѣйствіе противоположно нашимъ желаніямъ, такъ какъ мы въ качествѣ отца католиковъ не можемъ сражаться съ своими дѣтьми». Далѣе онъ отказался отъ всякой солидарности съ тѣми, которые одерживали побѣды надъ австрійцами въ Сѣверной Италіи и заявилъ, что онъ послалъ своихъ солдатъ къ границѣ только для защиты Церковной Области. «Мы не можемъ, наконецъ, прибавилъ онъ:—не отвергнуть публично ложные совѣты, даваемые намъ въ газетахъ и въ различныхъ сочиненіяхъ, чтобъ мы, намѣстникъ Христа, стали во главѣ всѣхъ народовъ Италіи, для образованія чего то въ родѣ новой республики; напротивъ, движимые любовью къ народамъ Италіи, мы совѣтуемъ имъ остерегаться подобныхъ вредныхъ замысловъ и остаться преданными своимъ государямъ, милости которыхъ они не разъ испытывали».

Невозможно себѣ представить панику, объявшую всѣмъ Римомъ, когда эта рѣчь, произнесенная по латыни, сдѣлалась извѣстной въ итальянскомъ переводѣ. Министерство тотчасъ подало въ отставку въ полномъ своемъ составѣ. «Наконецъ то онъ заговорилъ, какъ папа», воскликнулъ Ламбрускини. Можетъ быть, эти слова и были достойными главы католической церкви, но они были крайне неполитичны въ устахъ итальянскаго государя. Отрядъ въ 17,000 человѣкъ могъ имѣть значеніе, присоединившись къ пьемонтской арміи, но онъ не былъ въ состояніи удержать австрійцевъ отъ вторженія въ Церковную Область. Поэтому, очевидно, предлогъ, выставленный папою для отправки арміи на границу, былъ вымышленный и още очень неловко. «Пію IX, по словамъ Росси, предстояло рѣшиться на одно изъ двухъ, на мирное вмѣшательство или на войну; первое соотвѣтствовало его положенію, какъ папы, второе было бы достойно итальянскаго государя, но онъ не съумѣлъ сдѣлать ни того, ни другого – ни объявить войны, ни предотвратить ея».

Ближайшимъ результатомъ рѣчи папы, какъ мгновенно поняли съ ужасомъ всѣ классы римскаго населенія, было то, что солдаты и волонтеры папской арміи явятся въ глазахъ австрійцевъ разбойниками, а слѣдовательно, съ ними станутъ поступать, какъ съ лицами, стоящими внѣ закона. И этотъ страхъ отцовъ, матерей и женъ былъ не напрасный. Какъ нарочно, въ тотъ же самый день, получилось въ Римѣ мрачное извѣстіе, что австрійцы, взявъ въ плѣнъ римскаго солдата, повѣсили его съ надписью на висѣлицѣ: *«вотъ какъ обращаются съ солдатами Пія IX»*, а вслѣдъ затѣмъ, австрійскій генералъ Вельденъ объявилъ всю папскую армію разбойничьей шайкой, стоящей внѣ закона и подлежащей къ поголовному истребленію. Эта роковая

рѣчь 29-го апрѣля 1848 г. и ея логическія послѣдствія всегда считались даже людьми, сочувствовавшими Пію IX, мрачной, позорной страницей его исторіи, и самъ Троллопъ, вѣрящій въ искренность либеральныхъ стремленій папы въ первую эпоху его царствованія и приписывающей неудачу всѣхъ его благихъ предначертаній безумной агитаціи либераловъ признаетъ, что «справедлива была горькая ненависть многихъ несчастныхъ семействъ къ государю, который, благодаря своей слабости, нерѣшительности и самолюбію, довелъ подданныхъ до такого положенія».

Впродолженіи нѣсколькихъ дней, политическая буря свирѣпствовала въ Римѣ, народъ негодовалъ и волновался, громадныя толпы ходили по улицамъ, но уже не съ криками: «*via Pio Nono!*», а съ угрозами противъ кардиналовъ и патеровъ; національная гвардія, взявшись за оружіе, браталась съ народомъ, въ клубахъ, которые въ послѣднее время пріобрѣли важное руководящее значеніе, народные вожди Чичервакіо, Маміани, Стербинетти, Галлети и другіе требовали новаго исключительно свѣтскаго министерства и, главное, войны съ Австріей. Папа не могъ понять, почему его рѣчь надѣлала такой переполохъ, обвинялъ римлянъ въ неблагодарности, увѣрялъ, что не откажется отъ своихъ словъ и уѣдетъ, предоставивъ Римъ его несчастной судьбѣ. Но исполненіе этого плана было еще преждевременно, ему оставалось сдѣлать еще много уступокъ. Дѣйствительно, въ концѣ-концовъ онъ объявилъ, что если самъ не хочетъ сражаться съ Австріей, то не мѣшаетъ своимъ подданнымъ бороться съ нею, а 4-го мая согласился на министерство Маміани, на котораго уже давно указывалъ ему народъ.

Пламенный патріотъ, изгнанный изъ Рима Григоріемъ XVI и возвратившійся послѣ амнистіи Пія IX безъ подписи установленной клятвы, Маміани былъ умѣренный либералъ, противникъ Мадзини, философъ и авторъ сочиненій, воспрещенныхъ папской цензурой, скорѣе ораторъ и ученый, чѣмъ государственный дѣятель. Но онъ принялся за трудное дѣло управленія Римомъ въ такую смутную эпоху, съ самыми лучшими намѣреніями. Его планъ, единственно разумный и практическій, состоялъ въ томъ, чтобъ оставить папѣ всю духовную власть, а политическую сосредоточить въ своихъ рукахъ, какъ конституціоннаго министра, или какъ онъ самъ говорилъ: «Пій IX, возвысившись въ мирную область догматовъ, будетъ молиться, благословлять и прощать, а дѣла предоставитъ парламенту». Но, поддерживаемый всѣми либералами, даже крайними приверженцами Мадзини и народной толпой, онъ съ самаго начала встрѣчалъ на каждомъ шагу сопротивленіе со стороны папы. Впослѣдствіи Пій IX объ-

явилъ прямо въ консисторіи кардиналовъ, что Маміани былъ ему навязанъ бунтовщиками, что его принципы вполнѣ противорѣчили всѣмъ намѣреніямъ и обязанностямъ святого отца, что, помимо воли и безъ благословенія папы, онъ хотѣлъ вести войну и даже осмѣлился предложить отдѣленіе свѣтской власти папы отъ духовной. Естественно, что при такомъ противодѣйствіи всѣ усилія Маміани возстановить упавшее въ общественномъ мнѣніи правительство оставались безплодны.

Въ первой своей прокламаціи онъ выразилъ, что главной заботой министерства будетъ торжество святого дѣла итальянской независимости; на другой же день, папа въ оффиціальной газетѣ заявилъ, что эти слова не имѣли значенія министерской программы, и потомъ написалъ австрійскому императору письмо, въ которомъ уговаривалъ его прекратить войну, предлагая, чтобъ всѣ государства остались въ своихъ границахъ подъ благословеніемъ Всевышняго. Въ отвѣтъ на это, Маміани отъ имени всего министерства подалъ папѣ адресъ, въ которомъ говорилось, что Италія только и желаетъ возстановить свои естественныя границы и что если нѣмцы уйдутъ за Альпы, то итальянцы будутъ питать къ нимъ христіанскія, братскія чувства, какъ учитъ святый отецъ. Но открытая распря между папой и его министромъ произошла по случаю открытія парламента послѣ долгихъ проволочекъ, 5-го іюня. Маміани приготовилъ тронную рѣчь, краткую и очень умѣренную; однако, папѣ не понравилась фраза объ Италіи, какъ отдѣльной націи, и онъ написалъ свою рѣчь, на которую не могъ согласиться Маміани, который тотчасъ подалъ въ отставку. Хотя это очень разсердило Пія, не привыкшаго къ такому стойкому противодѣйствію, но онъ понималъ, что отставка министерства въ такую минуту произведетъ скандалъ, и согласился, чтобъ кардиналъ Альтьери, открывъ отъ его имени парламентъ, произнесъ только нѣсколько незначительныхъ словъ, и затѣмъ уже Маміани отъ имени министерства могъ прочитать свою программу съ нѣкоторыми измѣненіями. Дѣйствительно, министерская программа была составлена очень умѣренно, и въ ней повторялось только, что всѣ усилія будутъ направлены къ тому, чтобъ исторгнуть изъ рукъ иностранцевъ каждую пядь итальянской земли. Эти слова были встрѣчены общимъ одобреніемъ, но папа, принимая адресъ на тронную рѣчь, отнесся весьма рѣзко къ министерской программѣ и заявилъ, чтобъ не питали пустыхъ надеждъ на войну. Тогда Маміани подалъ вторично въ отставку. Папа снова ея не принялъ, а народъ устроилъ ему восторженную овацію, прося упорно стоять на своей политикѣ. Вскорѣ ему пришлось подать въ отставку и

въ третій разъ, по поводу отказа папы раздѣлить министерство иностранныхъ дѣлъ на двѣ отрасли, свѣтскую и духовную, что онъ считалъ необходимымъ согласно своему основному плану. Пій IX не согласился еще разстаться съ популярнымъ министерствомъ и просилъ его временно сохранить свою власть. Но власть эта была естественно не твердая и не полная, такъ какъ папа дѣйствовалъ, когда хотѣлъ, безъ его согласія и даже противъ его желанія. Такъ, помимо министровъ, онъ поручилъ Антонелли написать письмо къ Карлу-Альберту, и, безъ вѣдома Маміани, приказалъ доминиканскому монаху Бутаони составить новый законъ о печати. Съ другой стороны, въ парламентѣ непривыкшіе къ дѣлу депутаты предавались празднымъ словопреніямъ, да и самъ Маміани, видя, что папа никогда не согласится на энергичное веденіе войны и заключеніе союза съ Пьемонтомъ, Тосканой и Неаполемъ, терялъ драгоцѣнное время на полезныя, но не важныя, въ такую смутную эпоху, мѣропріятія, какъ, напримѣръ, устройство телеграфовъ, введеніе десятичной системы мѣры вѣсовъ, установленіе рабочихъ книжекъ и т. д.

Наконецъ, послѣ побѣды австрійцевъ при Кустоццѣ и болѣе чѣмъ когда шумной манифестаціи народа въ пользу войны, при крикахъ «смерть кардиналамъ и патерамъ!» «Да здравствуетъ конституціонное правительство!» Маміани окончательно настоялъ на своей отставкѣ и удалился отъ дѣлъ, ненавидимый папскимъ дворомъ и подозрѣваемый въ измѣнѣ крайними демократами.

Преемникомъ Маміани былъ семидесяти-лѣтній графъ Фабри, не долго занимавшій свое министерское мѣсто и также обнаружившій, несмотря на всю преданность папѣ, воинственныя стремленія, когда австрійцы вѣроломно напали на Болонью, которая мужественно защищалась четыре дня и принудила непріятеля отступить. Папа довольствовался одними протестами, но если онъ говорилъ: «Не я сражаюсь съ вами, а мои подданные», то австрійцы отвѣчали: «Мы сражаемся не съ святымъ отцемъ, а съ его подданными, которые его притѣсняютъ». Не имѣя возможности вести войну вопреки волѣ папы, Фабри вышелъ въ отставку, и мѣсто его занялъ графъ Пелегрино Росси.

Уроженецъ Каррары, политическій изгнанникъ въ 1814 году, профессоръ уголовнаго права въ Болоньѣ, Женевѣ и Парижѣ, пэръ Франціи и французскій посланникъ въ Римѣ, Росси послѣ революціи 1848 года, оставилъ дипломатическую службу и, сдѣлавшись снова итальянцемъ, жилъ въ Римѣ. Понуждаемый папой нѣсколько разъ принять министерскій портфёль, онъ постоянно отказывался, увѣряя, что отвыкъ отъ Италіи и итальянцевъ, но теперь папа настоялъ на своемъ, на горе себѣ и бѣд-

ному Росси. Такъ же какъ Маміани, онъ скорѣе былъ ученый профессоръ и замѣчательный публицистъ, чѣмъ государственный человѣкъ. Доктринеръ школы Гизо, искренно преданный парламентаризму, онъ отличался, какъ всѣ доктринеры, слишкомъ узкими, теоретическими, непреклонными воззрѣніями. Врагъ республиканскихъ и демократическихъ идей, онъ хотѣлъ управлять съ помощью буржуазіи и вдохнуть новую силу въ древній папскій феодализмъ. Желая сохранить свѣтскую власть папы, которая оказалась столь противорѣчащей интересамъ Италіи, онъ стремился учредить союзъ всѣхъ итальянскихъ государствъ, неисключая Австріи, подъ верховнымъ главенствомъ папы, такъ какъ, по его мнѣнію, «папство было единственнымъ живымъ величіемъ, оставшимся въ Италіи». Естественно, что такая теорія, проповѣдуемая Росси въ длинныхъ статьяхъ въ оффиціальной газетѣ дѣлали его въ глазахъ крайнихъ либераловъ врагомъ Италіи и представителемъ анти-національной политики, а строгія, безтактныя мѣры противъ народныхъ сборищъ, преслѣдованіе Гарибальди, только-что возвратившагося изъ Америки, заключеніе въ тюрьму демократическаго проповѣдника, патера Гавацци, возбуждали противъ него ненависть народа. Кромѣ того, онъ возстановилъ противъ себя клерикаловъ распространеніемъ налоговъ на церковное имущество, умѣренныхъ либераловъ своимъ гордымъ, суровымъ обращеніемъ, чиновниковъ неблагоразумною строгостью; однимъ словомъ, онъ съумѣлъ возстановить противъ себя всѣхъ. Наконецъ, какъ бы нарочно гоняясь за непопулярностью, онъ водилъ по улицамъ Рима отряды солдатъ, думая внушить этимъ страхъ толпѣ, а въ сущности только поддерживая слухи о государственномъ переворотѣ. Дорого суждено было ему заплатить за это презрѣніе къ популярности, которое столь же пагубно, какъ и погоня за нею во что бы то ни стало.

Передъ открытіемъ парламента 15-го ноября, Росси предупреждали со всѣхъ сторонъ, что подготовляется противъ него какая-то демонстрація, которая можетъ кончиться печально, въ виду постоянно усиливавшагося народнаго волненія. Но онъ, приказавъ окружить солдатами дворецъ, въ которомъ собирался парламентъ и гордо презирая личную опасность, отправился въ положенный часъ съ генераломъ Ригетти. Выходя изъ кареты, онъ видѣлъ громадную толпу, едва сдерживаемую горстью солдатъ, и слышалъ грозные крики: «Долой Росси!—Смерть Росси!». Онъ отвѣчалъ на это холодной, презрительной улыбкой, которая окончательно взбѣсила его враговъ, и въ то время, какъ онъ поднимался по лѣстницѣ, кто-то сзади ударилъ его кинжаломъ въ

затылокъ. Кровь хлынула ручьемъ и онъ упалъ произнося: «Убійцы!» Черезъ нѣсколько минутъ его уже не стало въ живыхъ.

Убійца не былъ пойманъ и остался невѣдомымъ, хотя нѣкоторые авторы, и въ томъ числѣ Троллопъ, называютъ его по имени и разсказываютъ, какъ демократы подготовили это убійство, какъ бросили жребій, кому быть убійцей и прочія драматическія, но очевидно вымышленныя реакціонерами сцены. Какъ бы то ни было, это преступленіе принесло пользу только реакціонерамъ, набросивъ тѣнь на демократовъ.

Это внезапное, ничѣмъ не оправдываемое и въ сущности ничѣмъ не вызванное со стороны Росси преступленіе послужило развязкой траги-комедіи либеральнаго папства. Послѣдній актъ начался. Но Пій IX не сознавалъ невозможности пассивнаго дальнѣйшаго сопротивленія, не понималъ, что въ эту критическую минуту надо было или уступить и стать во главѣ національнаго итальянскаго движенія, или вооруженной рукой потушить то пламя, которое онъ самъ разжегъ. Первое онъ считалъ невозможнымъ, несоотвѣтственнымъ достоинству главы католической церкви, а второе было фактически невозможно по недостатку средствъ, такъ какъ армія и національная гвардія, потерявъ всякое терпѣнье, перешли на сторону народа, жаждавшаго войны съ врагами Италіи, и даже военный министръ, швейцарскій полковникъ Лентулусъ, объявилъ, что онъ никогда не прикажетъ солдатамъ стрѣлять въ народъ. Находясь въ подобной диллемѣ, папа поступилъ, какъ нельзя было хуже: онъ назначилъ министрами, на мѣсто товарищей Росси, тотчасъ подавшихъ въ отставку, людей неизвѣстныхъ, непопулярныхъ, и издалъ прокламацію, въ которой, напоминая о своихъ прежнихъ благодѣяніяхъ, торжественно заявлялъ, что «скорѣе перенесетъ всякое насиліе, соединенное съ преступленіемъ, чѣмъ подчинитъ свою волю тому, на что не можетъ и не долженъ согласиться, какъ противорѣчащее правамъ святой церкви». Чаша переполнилась.

Утромъ 16 ноября, громадныя толпы народа, въ числѣ которыхъ виднѣлись солдаты и офицеры, двинулись къ палатѣ депутатовъ, а оттуда, имѣя во главѣ своихъ представителей, въ Квириналъ съ требованіемъ, чтобъ папа, наконецъ, образовалъ настоящее либеральное министерство и принялъ національную итальянскую политику. Пій IX, окруженный иностранными дипломатами, отвѣчалъ Галетти, Стербинетти и другимъ народнымъ вождямъ, передавшимъ ему желаніе римлянъ, рѣзкимъ отказомъ. Тогда Галетти выходитъ на балконъ, съ котораго такъ часто папа благословлялъ восторженно привѣтствовавшій его народъ,

и объявляетъ, что глава католической церкви непреклоненъ. Раздраженная толпа волнуется и тѣснитъ швейцарскихъ тѣлохранителей папы, стоящихъ на часахъ у дверей дворца; тѣ приходятъ въ ярость и начинаютъ стрѣлять. Происходитъ невыразимая схватка, со всѣхъ сторонъ раздаются выстрѣлы, льется кровь, поджигаютъ одну изъ дверей дворца, шальная пуля убиваетъ на мѣстѣ монсиньора Пальму, секретаря папы, стоявшаго у окна, а другія пули свистятъ въ передней собственныхъ покоевъ Пія IX; наконецъ, солдаты привозятъ пушку и направляютъ ее на дворецъ. Въ виду такой неожиданной для него трагической сцены, папа уступаетъ народному желанію и назначаетъ первымъ министромъ Галетти, впрочемъ, протестуя передъ иностранными послами противъ насилія и объявляя не дѣйствительными всѣ принятыя мѣры. Галетти выбираетъ себѣ въ товарищи популярныхъ представителей всѣхъ оттѣнковъ либеральной партіи, начиная отъ Маміани, и заявляетъ народу объ уступкѣ папы. Радостные крики оглашаютъ воздухъ; все стихаетъ и толпа расходится по домамъ.

Черезъ два дня, новые министры представляютъ папѣ основательно обдуманную и очень умѣренную программу, какъ признаютъ даже враги Галетти; онъ принимаетъ ихъ очень любезно, но отказывается говорить о государственныхъ дѣлахъ. Эта странная выходка вскорѣ объясняется. За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, Пій IX получилъ отъ какого то французскаго епископа золотой медальонъ, въ который Пій VII положилъ св. тайны, когда его насильственно увезли изъ Рима во Францію. Всегда суевѣрный, а теперь еще перепуганный, папа увидалъ въ этомъ подаркѣ указаніе свыше и согласился на совѣтъ французскаго, испанскаго и баварскаго посланниковъ—немедленно покинуть Римъ. Но и тутъ онъ не могъ отрѣшиться отъ своей обычной двуличности и не выразилъ прямо, чей совѣтъ онъ принимаетъ, то есть куда поѣдетъ—во Францію черезъ Чивита-Веккію, на Балеарскіе Острова или въ Гаэту, такъ что когда это бѣгство совершилось, то французскій посолъ понапрасну прокатился въ Чивита-Веккію, въ то время, когда уже папа былъ въ Гаэтѣ.

Конечно, и эта послѣдняя сцена была обставлена драматически. 25-го ноября вечеромъ Пій IX вышелъ по задней лѣстницѣ изъ Квиринала, переодѣтый, простымъ патеромъ, въ круглой шляпѣ съ большими полями, и отправился въ каретѣ одного изъ своихъ придворныхъ въ отдаленное предмѣстье Рима, гдѣ пересѣлъ въ другую карету баварскаго посланника, графа Спаура, который его ожидалъ. Быстро покатился экипажъ по албанской

дорогѣ и, въ двухъ или трехъ миляхъ отъ городка Аричіи, его встрѣтилъ четырехъ-мѣстный дормезъ, окруженный жандармами, подозрѣвавшими что-то недоброе. Это была графиня Спауръ, подготовившая всю драматическую обстановку бѣгства; съ нею были ея сынъ и наставникъ іезуитъ. «Графъ, вы опоздали, *cara abbate*, это вы», восклицаетъ графиня. Папа садится въ карету, графъ на козлы и экипажъ отправляется къ неаполитанской границѣ, гдѣ снова останавливаетъ бѣглецовъ жандармъ, увѣряя, что аббатъ очень походитъ на портреты папы, но дѣло объясняется и на слѣдующій день Пій IX уже въ Гаэтѣ, гдѣ его ждалъ Антонелли, путешествовавшій въ свѣтской одеждѣ.

Занавѣсъ опускается, траги-комедія либеральнаго папства окончена.

ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ Н. А. НЕКРАСОВА.

Великое чувство! у каждыхъ дверей,
Въ какой сторонѣ не заѣдемъ,
Мы слышимъ, какъ дѣти зовутъ матерей
Далекихъ, но рвущихся къ дѣтямъ.

Великое чувство! Его до конца
Мы живо въ душѣ сохраняемъ,
Мы любимъ сестру и жену, и отца,
Но въ мукахъ мы мать вспоминаемъ!

С—ву.

(При отъѣздѣ за границу).

* * *

О нашей родинѣ унылой
Въ чужомъ краю не позабудь.
И возвратись, собравшись съ силой,
На оный путь—журнальный путь...

На путь, гдѣ шагу мы не ступимъ
Безъ сдѣлокъ съ совѣстью своей,
Но гдѣ мы снисхожденье купимъ
Трудомъ у мыслящихъ людей.

* * *

Трудомъ и безкорыстной цѣлью...
Да! будемъ лучше рисковать,
Чѣмъ безопасному бездѣлью
Остатокъ жизни отдавать.

Отрывокъ.

... Я сбросила мертвящія оковы
Друзей, семьи, родного очага,
Ушла туда, гдѣ чтутъ пути Христовы,
Гдѣ стерегутъ оплошнаго врага.

Въ бездѣйствіи застала я дружины;
Окончивъ день, безпечно шли ко сну
И женщины, и дѣти, и мужчины,
Лишь межъ собой вожди вели войну...

Слова... слова... красивые разсказы
О подвигахъ... но гдѣ же ихъ дѣла?
Иль нѣтъ людей, идущихъ дальше фразы?
А я сюда всю душу принесла!...

Старость.

Проситъ отдыха слабое тѣло,
Душу тайная жажда томитъ.
Горько ты, стариковское дѣло!
Жизнь смѣется,—въ глаза говоритъ:

Не лелѣй никакихъ упованій,
Передъ разумомъ сердце смири,
Въ созерцаньи безмѣрныхъ страданій
И въ сознаньи безсилья—умри...

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ—ДОМА.

(Изъ записокъ провинціальнаго адвоката).

---

1. Мировой съѣздъ.

30-го апрѣля 1877 г., у насъ въ Z, утромъ—засѣданіе съѣзда мировыхъ судей, а вечеромъ—общее собраніе членовъ только-что учрежденнаго мѣстнаго комитета общества попеченія о раненныхъ и больныхъ воинахъ. Предсѣдатель комитета, онъ же и предсѣдатель съѣзда, нарочно назначилъ общее собраніе комитета въ день засѣданія съѣзда, чтобы не заставить жившихъ въ уѣздѣ членовъ комитета, почетныхъ и участковыхъ мировыхъ судей, лишній разъ таскаться въ городъ.

Мировые судьи пріѣхали изъ уѣзда, какъ всегда они дѣлали, наканунѣ засѣданія съѣзда и, по давно заведенному порядку, вечеръ кануна провели въ общественномъ клубѣ за картами. Сказавши, что наши судьи провели вечеръ кануна въ клубѣ за картами, я долженъ оговориться: во первыхъ, они просидѣли въ клубѣ нетолько вечеръ кануна, но и всю ночь, и все утро передъ засѣданіемъ до одиннадцати часовъ, словомъ,—до пріѣзда товарища прокурора, Шрапса, изъ Губернска; а во вторыхъ, судьи провели находившееся въ ихъ распоряженіи свободное до засѣданія время, собственно говоря, не въ «общественномъ клубѣ». а въ помѣщеніи съѣзда, занимаемомъ клубомъ, потому что эти два, столь различныя по духу и цѣли учрежденія были тѣсно связаны между собою тѣмъ, что, съ самаго перваго дня открытія въ Z-скомъ уѣздѣ мировыхъ установленій, имѣли одну и ту же квартиру.

Земская управа занимала нижній этажъ лучшаго въ городѣ большого каменнаго дома, бель-этажъ котораго лѣтъ пятнадцать сряду сдавался домовладѣльцемъ «подъ клубъ». По постановленію земскаго собранія, наемъ помѣщенія для съѣзда лежалъ на обязанности земской управы, члены которой были, вмѣстѣ съ

тѣмъ, и старшинами клуба [1]. Находя, что одна изъ залъ клуба можетъ съ удобствомъ служить и судебной камерой съѣзда, земская управа, за небольшую надбавку къ арендной платѣ, выговорила у домохозяина право «брать помѣщеніе клуба разъ въ мѣсяцъ подъ мировой съѣздъ». Канцелярія съѣзда получила въ свое распоряженіе для дневныхъ занятій дамскую уборную, небольшую комнату съ особымъ ходомъ по черной лѣстницѣ. Мировые судьи, сами—тоже старшины клуба, нашли, что «экономія никогда и нигдѣ не мѣшаетъ», а потому не обращали вниманія на маленькія неудобства «общаго и нераздѣльнаго» съ клубомъ пользованія однимъ и тѣмъ же помѣщеніемъ. Какъ бы то ни было, а вотъ уже скоро минетъ десять лѣтъ, какъ клубъ и съѣздъ мирно живутъ на одной квартирѣ. По введеніи общихъ судебныхъ мѣстъ, мировой съѣздъ уступалъ съ бою камеру четыре раза въ годъ и «подъ сессію окружного суда».

Съ 1-го іюня, на лѣтнее время, до 1-го сентября клубъ закрывался, и потому къ концу сезона посѣщался усерднѣе обыкновеннаго. «Вечера съ танцами» прекратились еще на масляницѣ и со второй недѣли поста до конца сезона, за исключеніемъ страстной недѣли, клубъ четыре раза въ недѣлю открывалъ свои двери для такъ называемыхъ «карточныхъ вечеровъ». Дамы въ это время посѣщали клубъ рѣдко, развѣ только по праздникамъ, и то если заранѣе сговорятся съѣхаться на стуколку. Вообще, кромѣ картъ и билліарда, клубъ не давалъ никакихъ развлеченій своимъ членамъ; картежная игра велась въ большую, и старшины, несмотря на запреты устава, нетолько допускали азартныя игры, но и сами участвовали въ нихъ, нерѣдко засиживаясь въ клубѣ до утра, а иногда и до вечера слѣдующаго дня. Разумѣется, никакихъ штрафовъ приэтомъ не взыскивалось, потому что самимъ же старшинамъ пришлось бы первымъ платить ихъ. Такъ, изо дня въ день, изъ года въ годъ, «развлекалась» оффиціальная интеллигенція.

Участковые мировые хотя и числились старшинами клуба, но, живя въ уѣздѣ, въ своихъ усадьбахъ, гдѣ у нихъ были камеры, не могли, конечно, посѣщать клубъ наравнѣ съ городскими членами, однако, все-таки разъ или два въ мѣсяцъ пріѣзжали въ городъ «провѣтриться» и «отвести душу за зеленымъ полемъ», что въ особенности удавалось имъ «передъ съѣздомъ», такъ какъ на этотъ разъ они, обыкновенно, всѣ бывали въ сборѣ.

По нѣкоторымъ порученнымъ мнѣ дѣламъ, бывшимъ у миро-

---

[1] Въ провинціальныхъ общественныхъ клубахъ старшинами избираются только «служащіе», какъ лица уже облеченныя общественнымъ или начальственнымъ довѣріемъ.

выхъ судей въ производствѣ, мнѣ нужно было сдѣлать справки; поэтому, я отправился въ съѣздъ раньше обыкновеннаго, часовъ въ десять утра. Я зналъ, что тотъ промежутокъ времени, иногда весьма незначительный, когда клубъ, такъ сказать, передаетъ свое помѣщеніе съѣзду, будетъ самымъ удобнымъ временемъ для объясненій. Начнется засѣданіе — получить аудіенцію будетъ трудно или даже вовсе невозможно, потому что судьи не очень-то долюбливали, чтобы ихъ безпокоили въ то время, когда они «отжаривали» дѣла. Послѣ засѣданія, когда всякій спѣшилъ на вокзалъ обѣдать, дѣловой разговоръ, разумѣется, былъ опять-таки неумѣстенъ, тогда какъ до засѣданія я могъ разсчитывать, что хоть кого-нибудь изъ нихъ найду въ клубной билліардной, превращавшейся, съ началомъ разбирательства, въ совѣщательную, входъ въ которую съ этого момента для постороннихъ лицъ воспрещался по закону.

Когда я подходилъ къ клубу, у воротъ его и около крыльца уже собралась большая толпа крестьянъ, пріѣхавшихъ на съѣздъ изъ уѣзда, и городскихъ жителей изъ бѣднаго мѣщанства. Въ мартѣ очередного засѣданія съѣзда не было, отчасти потому, что оно приходилось на святой недѣлѣ, отчасти и потому, что, за половодьемъ, судьямъ трудно было выбраться «изъ своихъ норъ», какъ они называли свои усадьбы. Разумѣется, за два мѣсяца, не рѣшенныхъ дѣлъ въ съѣздѣ накопилось много, и тяжущихся, и свидѣтелей явилось къ разбирательству гораздо болѣе обыкновеннаго, а обыкновенно съѣздъ рѣшалъ за присѣстъ въ одно засѣданіе отъ 20-ти до 25-ти дѣлъ.

— Не пущаютъ! закричали мнѣ изъ толпы, когда я всходилъ на крыльцо.—Еще «глубъ» не прикончился! Сверхъ сроку заигрались!

Но не пустить меня въ неприкончившійся клубъ не было основанія: я былъ членомъ, хотя и рѣдко посѣщалъ его.

— Исправникъ здѣсь? тревожнымъ, запыхавшимся голосомъ спросилъ кто-то позади меня. Я оглянулся. Знакомый мнѣ старшина Тулуповской Волости, въ синей поддевкѣ, съ медалью на шеѣ, за нимъ—волостной писарь, въ рыжемъ, сильно вылинявшемъ пальто, со связкою книгъ подъ мышкой, завязанныхъ въ грязный коричневый, клѣтками, платокъ, и человѣкъ двадцать сельскихъ старостъ, въ старенькихъ, заплатанныхъ полушубкахъ съ должностными знаками на груди, протискивались къ крыльцу сквозь густую толпу столпившейся здѣсь публики. Волоса на головѣ и бородѣ и костюмъ ихъ были всѣ въ сѣнѣ, что доказывало, что люди только-что сейчасъ съ дороги.

— Тутъ всѣхъ найдешь, кого надобно! съ усмѣшкой отвѣтилъ

одинъ изъ городскихъ.—Аль случилось что важное? Набилизація, что ль? тревожно спросилъ онъ.

Въ провинціи въ это время всѣ ожидали организаціи ополченія.

— Про набилизацію-то вы прежде нашего знали бъ!.. Мнѣ вотъ отъ «самого» приказъ пришелъ, чтобы нынче въ девять часовъ съ податными списками да со старостами къ нему явиться, а мы запоздали... И то всю ночь сломя голову ѣхали! А вчера до вечера на оцѣнкѣ со становымъ провозились: евдокейскую половину начисто очистили! не безъ гордости похвалился онъ.— Сейчасъ вотъ приходимъ мы къ барину, а его дома нѣту, сказали: на мировомъ съѣздѣ ищите...

— «Клубъ» еще не прикончился! какой тутъ мировой съѣздъ! перебилъ его обыватель.

— Ну, и слава тебѣ, Господи! А я это бѣгу сюда, да и думаю: ужь быть мнѣ за просрочку семь денъ подъ арестомъ— чай, знаешь, какой онъ съ нашимъ братомъ строгій?—Бѣгу, да и молю Бога, чтобъ хоть на три-то денечка! весело проговорилъ онъ. — Ребята, ступай въ казначейство! приказалъ онъ старостамъ.—Теперь раньше вечера къ нему, видно, не попадешь!.. Сдадите подати, съ квитанцами подходите къ бариновой квартирѣ, я тамъ у воротъ дождусь: мнѣ все таки прямымъ лицомъ къ нему отъявиться надо!.. Объявленія-то, кто сколько вносить будетъ, ты всѣмъ имъ роздалъ? спросилъ онъ у писаря.

— Получили, получили, Егоръ Алексѣичъ! въ нѣсколько голосъ отвѣтили старосты.

— Ну, идетъ! торопилъ ихъ староста.—А ты около полиціи покарауль, да прибѣги мнѣ сказать, потому неравно онъ туда проѣдетъ! наказывалъ онъ писарю.

— Куда гонишь-то! Еще и казначей, надо быть, здѣсь! Я на дворѣ сейчасъ его лошадь видѣлъ! остановилъ его обыватель.

На дворѣ, дѣйствительно, стоялъ цѣлый рядъ «собственныхъ» и извощичьихъ тарантасовъ, въ которыхъ спали или дремали возницы.

— Въ трактиръ бы намъ, Егоръ Алексѣичъ, чайку... заикнулся одинъ изъ старостъ, видя, что старшина удостовѣрился въ справедливости словъ обывателя.

— Такова я вамъ задамъ чайку, что своихъ не узнаете! полушутя, полусерьёзно оборвалъ тотъ говорившаго. — Чаевникъ какой выискался: у меня у самого со вчерашняго дня маковой росинки во рту не было, да и то терплю... Забавитесь въ трактирѣ, какъ въ прошлый разъ, а мнѣ за васъ глазами свѣтить, да своими боками отдуваться! Ступайте, ступайте! У казначейства, смотри, дожидайся! настрого приказалъ старшина!—Приду,

провѣрю, коли кого на мѣстѣ не найду, у меня—знаешь: по свойски!.. добавилъ онъ, вылѣзая изъ толпы.—Нѐшто узнать, съ выигрышемъ, аль съ проигрышемъ? пріостановился онъ на минуту въ раздумьѣ. — Теперь Иваныча-то, чай, не найдешь! Къ съѣзду, небось, присутствіе готовитъ! Ну, идемъ, идемъ! толкнулъ онъ въ шею пріостановившагося-было въ хвостѣ своей гурьбы сторожа.

— Ишь она, служба-то! замѣтилъ одинъ изъ стоявшихъ въ толпѣ тяжущихся крестьянъ.—Въ городъ пріѣхали и чайку напиться нельзя!

— Мнѣ вотъ и не служба, а тоже поболѣ полсутокъ не пивши, не ѣвши, потому просрочить очень боялся. Дорога—грязь. Бился, бился, ну, просто изъ силъ выбился, верстъ десятокъ пѣшкомъ шелъ, потому, вижу, лошадь пустую тележку насилу тащитъ! А какъ ввалился въ городъ, кинулъ ее, не выпрягавши, у Ермилъ Павлыча на постояломъ, да сейчасъ сюда, а здѣсь еще и судомъ, вишь, не пахнетъ! разсказывалъ другой. — За десять лѣтъ привелъ Господь засудиться впервые — не знаешь, что и какъ!

— Да вотъ! Часъ назадъ, сюда на двухъ телегахъ, «пàрами», подъѣзжали, надо быть, со свидѣтелями своими, да народъ-то, должно, бывалый, заворотили оглобли назадъ, говорятъ: «коли глубъ не прикончился, то пообѣдать, да выспаться успѣешь, пока гражданскія дѣла рѣшать начнутъ!» прибавилъ третій.

— На все привычка! заговорилъ съ крестьянами мѣщанинъ.— Я вотъ, къ примѣру, и здѣшній, и знаю, что раньше полдёнъ не начнутъ, а все оно на сердцѣ-то скребочетъ, коли не въ срокъ по повѣсткѣ явишься, все думается: какъ бы не «спросили», да какъ бы безъ себя-то вѣрнаго дѣла не проиграть!

Его обступили.

— А что, милый человѣкъ, не знаешь ли, скоро кружной судъ пріѣдетъ? пристала къ нему крестьянка.—Сказывали: объ эту пору завсегда наѣзжаетъ!

— Не слыхать, чтобы притаманно когда именно, а безпремѣнно въ будущемъ мѣсяцѣ будетъ! поспѣшилъ онъ ей отвѣтить.—Нѐшто у тебя дѣла какія уголовныя?

— Мужъ въ острогѣ сидитъ! коротко и сквозь слезы отвѣтила она.

— Ну, что таперь про турку слышно? спросилъ все у того же горожанина обыватель деревни.—Чай, здѣсь по городу все больше нашего, деревенскаго, извѣстно?.. Англичанка-то съ австріякомъ не влипаютъ?

Мѣщанинъ началъ разсказывать тѣсно столпившимся вокругъ

него крестьянамъ про текущія политическія и военныя событія.

Мнѣ пришлось быть невольнымъ свидѣтелемъ описанной сцены, потому что я все это время стоялъ на крыльцѣ и пробѣгалъ вывѣшанный на наружныхъ дверяхъ клуба списокъ дѣлъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію съѣзда на нынѣшній день. Всѣхъ дѣлъ было назначено къ слушанію пятьдесатъ два: тридцать два уголовныхъ, восемнадцать гражданскихъ и двѣ частныя жалобы. Особенное вниманіе мое обращало на себя то обстоятельство, что, по крайней мѣрѣ, съ десятокъ уголовныхъ и дѣлъ шесть гражданскихъ принадлежали братьямъ Еферію и Петру Иванычамъ Прощекальниковымъ, зажиточнымъ Z скимъ торговцамъ, имѣвшимъ въ общемъ и нераздѣльномъ владѣніи домъ и жившимъ между собою въ крайне враждебныхъ отношеніяхъ. Круглымъ числомъ, ежемѣсячно у нихъ возникало по десяти дѣлъ, и все больше уголовныхъ. Еферій Иванычъ, который не даромъ слылъ въ Z за «перваго по городу кляузника», заводилъ и обставлялъ дѣла съ такимъ искуствомъ, что почти всегда выигрывалъ ихъ, хотя, говоря по справедливости, едва ли изъ трехъ дѣлъ одно имѣлъ правое.

Въ числѣ уголовныхъ дѣлъ, какъ болѣе интересное, можно было отмѣтить дѣло по обвиненію содержателя постоялаго двора, мѣщанина Ермила Петрова, въ допущеніи въ заведеніи своемъ непотребства и объ оскорбленіи имъ же, Павловымъ, городового «на словахъ», а между гражданскими — дѣло по иску священника села Благовѣщенска, Ивана Рождественскаго, съ Х-скаго мѣщанина Ечеистова «дочери сего послѣдняго, или стоимости ея воспитанія въ размѣрѣ 400 руб.».—Моихъ дѣлъ стояло въ спискѣ четыре, въ томъ числѣ и дѣло Ечеистова, съ котораго судья присудилъ ко взысканію въ пользу истца 330 руб. и который поручилъ мнѣ веденіе этого дѣла въ съѣздѣ.

— Павелъ Николаичъ! Что-жь это вы здѣсь? услыхалъ я свое имя и громкій, хорошо мнѣ знакомый голосъ «губернскаго» частнаго повѣреннаго, Юрія Степановича Кутырина.

Мы поздоровались.

— Что̀ это значитъ: вся публика—на улицѣ?.. Вѣроятно, при закрытыхъ дверяхъ что нибудь пикантное, а? Давно началось засѣданіе? закидалъ онъ меня вопросами. — Дайте-ка заглянуть въ списокъ.

— Да! говорю я.—Какъ видите: пока при закрытыхъ...

— Еще клубъ не прикончился! поспѣлъ поправить меня стоявшій на крыльцѣ обыватель.

— Ахъ, да! Мнѣ разсказывали, а я и забылъ, что у васъ

клубъ со съѣздомъ на одной квартирѣ!.. Однако, дожидаться здѣсь на улицѣ, пока закроется клубъ и откроется съѣздъ—это тоже имѣетъ свою пріятность!.. Положимъ, что сегодня погода еще ничего, ну, а въ дождь, въ снѣгъ, въ нѐпогодь какъ? Неужели все тутъ же на улицѣ?

— Кто—тутъ, а у кого деньги есть—тотъ въ питейный, аль въ трактиръ идетъ, тамъ и ждетъ!

— Это пре-красно! вытянулъ на распѣвъ Кутыринъ. — Пойдемте же на верхъ. Клубъ вѣдь на верху, да? А мнѣ очень интересно посмотрѣть, какъ тамъ у васъ все это! обратился онъ ко мнѣ.

— Вамъ, пожалуй, придется записаться гостемъ и заплатить полтинникъ за входъ, предупредилъ я его.—Хотите, я запишу? Я—членъ.

— Это въ съѣздъ-то записаться гостемъ и заплатить полтинникъ за входъ? Слуга покорный! При заключеніи условій съ моимъ довѣреннымъ, подобнаго расхода не предвидѣлось, и я не вправѣ его дѣлать! Ни гроша не дамъ! Моего довѣрителя вызвали въ съѣздъ, всѣхъ ихъ, указалъ онъ на публику у крыльца:—вызвали въ съѣздъ, и пожалуйте намъ съѣздъ! Намъ клуба не надо. Виноватъ ли я, если, идя въ съѣздъ, попадаю въ клубъ! Я потребую, чтобы мнѣ указали, гдѣ «съѣздъ», непремѣнно потребую! харахорился Кутыринъ, поднимаясь вслѣдъ за мною по лѣстницѣ на второй этажъ, въ помѣщеніе клуба и съѣзда.

— Вы по какому дѣлу и давно ли пріѣхали? спросилъ я его, перемѣняя разговоръ.

— Нелегкая съ утреннимъ поѣздомъ принесла-съ! А могъ бы пріѣхать въ 11 часовъ и попасть вò время.

— Товарищъ прокурора всегда съ одиннадцатичасовымъ и прямо къ засѣданію.

— А если опоздаетъ поѣздъ, тогда что?

— Разумѣется—ждемъ!

— Вы, кажется, спрашивали, по какому я дѣлу пріѣхалъ? Вы лучше спросите, по сколькимъ дѣламъ я пріѣхалъ! По четырнадцати дѣламъ-съ купца Петра Прещекальникова съ, обиженнаго своимъ кляузнымъ братцемъ, Еферіемъ! Вотъ артистъ-то, этотъ Еферій! Ну, да вы, вѣроятно, хорошо его знаете?.. Отчего вы не взялись защищать дѣлà этого Петра? Вамъ вѣдь предлагалъ онъ?

— Оттого, что не разсчитывалъ ихъ выиграть.

— Пустое! Его дѣла всѣ должны рѣшиться въ нашу пользу!.. Чудакъ этотъ Петръ! Пріѣзжаетъ, на прошлой нѣдѣлѣ, ко мнѣ, въ Губернскъ: «У меня, говоритъ, съ роднымъ братомъ четыр-

надцать дѣлъ тридцатаго числа на Z-скомъ съѣздѣ рѣшаться будетъ; сколько, говоритъ, чёхомъ, возьмешь за всѣ?» — Я загнулъ полтораста, а онъ по рукамъ. Пятьдесятъ выбросилъ впередъ, а остальные по пріѣздѣ, и очень ужь упрашивалъ, «для своего спокойствія», чтобы я пріѣхалъ съ утреннимъ поѣздомъ. — Ну, думаю себѣ, отчего человѣка не уважить!

Въ передней вся вѣшалка была занята верхнимъ платьемъ засидѣвшихся игроковъ. У свободной стѣны этой комнаты, на широкой скамьѣ, растянувшись въ длину ея, лежалъ ничкомъ швейцаръ или, лучше сказать, сторожъ клуба, Иванычъ, и храпѣлъ во всю ивановскую. Его-то именно и желалъ видѣть тулуповскій старшина, чтобы выспросить о состояніи кармана и, въ зависимости отъ того, о расположеніи духа своего непосредственнаго начальника.

Кутыринъ насилу растолкалъ его.

— Что ты спишь? пѣлъ онъ ему надъ ухомъ. — «Встань, проснись, подымись, на себя погляди, ужь сосѣди твои работаютъ давно!..»

Тотъ лѣниво приподнялся и сѣлъ на лавкѣ.

— Прими-ка, голубчикъ, пальто и покажи мнѣ, гдѣ у васъ съѣздъ? спросилъ у него Кутыринъ: — здѣсь, что-ли? указалъ онъ на полупритворенныя двери игральной залы клуба, откуда доносился громкій хохотъ игравшихъ.

— Пожалуйте пятьдесятъ копеекъ и распишитесь въ книгѣ! не понявъ въ чемъ дѣло и все еще сидя съ просонья на лавкѣ, потребовалъ съ него Иванычъ.

— Чуда-акъ! Мнѣ не въ клу-убъ! Ты покажи мнѣ, какъ на мировой съѣздъ пройти!

— А на съѣздъ еще рано! грубо отвѣтилъ ему сторожъ. — Еще присутствіе не сготовлено!

— Десять часовъ одиннадцатый — это, по твоему, рано? спросилъ Кутыринъ.

Иванычъ такъ и подпрыгнулъ на скамейкѣ.

— Де-есять!.. Ай, батюшки, вотъ разоспался-то!.. Чертогоновъ-то своихъ сейчасъ повыгоню и, живой рукой, присутствіе составлю.

Въ игральной комнатѣ опять взрывъ хохота. Кто-то звонилъ въ колокольчикъ и требовалъ Иваныча.

— Иванычъ, а Иванычъ! Свѣжую игру картъ подай!

Иванычъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ въ игральную, а вслѣдъ за нимъ, вошли туда и мы.

Три стола стояли пустыми, а за четверьмя сидѣли еще игроки: на двухъ играли въ стуколку, по полтора ставка, въ шестеромъ за каждымъ, и на двухъ же — въ банчокъ, «по трешницѣ на за-

кладку», за однимъ восемь, за другимъ девять человѣкъ. Правду сказалъ старшинѣ обыватель, что здѣсь можно было найти «кого хочешь»: всѣ представители провинціальной чиновничьей іерархіи были здѣсь на лицо. Не было только предводителя: онъ не любилъ картъ. Купцовъ и вообще нечиновныхъ обывателей города вы нашли бы здѣсь меньше, чѣмъ на половину, такъ что клубъ, хотя и назывался «общественнымъ», но, правильнѣе, долженъ былъ бы носить названіе «чиновничьяго». Исправникъ, его помощникъ, казначей, акцизный надзиратель, директоръ банка, бухгалтеръ и два купца, изъ которыхъ одинъ выглядѣлъ совсѣмъ еще мальчишкой, вели постоянную игру въ банчокъ, по трешницѣ ставка. Это была «своя партія».—На другомъ столѣ тоже играли въ банчокъ: городской голова, два участковыхъ мировыхъ, предсѣдатель съѣзда и комитета «Краснаго Креста», надзиратель за питомцами воспитательнаго дома, членъ земской управы, фельдшеръ съ желѣзной дороги, ревизоръ движенія от туда же и, наконецъ, частное лицо: мѣстный землевладѣлецъ, бывшій въ клубѣ въ качествѣ гостя. У него были дѣла на съѣздѣ, и онъ потому и пріѣхалъ въ клубъ, какъ я послѣ узналъ, чтобы «по дружески» разсказать, «какъ было дѣло», за которое его кучеръ, «каналья, какихъ, повѣрьте совѣсти, еще свѣтъ не родилъ, притянулъ меня, своего бывшаго помѣщика, къ суду и недоволенъ вѣдь тѣмъ, что судья постановилъ оправдательный приговоръ, а вздумалъ еще съѣздъ безпокоить—апелляцію, извольте видѣть, въ съѣздъ подалъ, поступить со мною по всей строгости уголовныхъ законовъ, за какіе-то побои просить».—Изъ некупцовъ, за двумя остальными столами со стуколкой сидѣли двое участковыхъ, одинъ почетный, судебный приставъ съѣзда и другой членъ съѣзда земской управы.

Довольно обширная, высокая зала, съ большими окнами, была точно въ туманѣ: такъ сильно въ ней было накурено. Несмотря на настежь раскрытыя въ гостиную и большую билліардную двери, испорченная атмосфера этого будущаго присутствія съѣзда, лишь только мы вошли сюда, такъ и обдала насъ тѣмъ противнымъ, промозглымъ запахомъ сыри, кислятины, какой-то псины, какой можно встрѣтить только въ трактирахъ низшаго разбора и кабакахъ. Кутыринъ даже съ непривычки чихнулъ: «Чортъ знаетъ что здѣсь такое!» выругался онъ.

Яркими до боли глазъ, синеватыми полосами врывались въ эту залу длинные лучи высоко поднявшагося солнышка и освѣщали всю эту картину: и эти лоснящіяся, неумытыя лица съ напухшими отъ безсонной ночи глазами, и эти исписанные мѣломъ столы съ обсыпанными пепломъ подсвѣчниками, въ которыхъ

догорали оставленныя «для закурки» свѣчи, и этотъ полъ, весь загаженный пепломъ и растоптаннымъ мѣломъ, повсюду усѣянный окурками папиросъ, обрывками картъ и недоѣденными кусочками хлѣба, подававшагося на закуску къ выпивкѣ, и, въ довершеніе всего — залитый около столовъ водкою и пивомъ, полузасохшія пятна котораго такъ ярко блистали на солнцѣ.

— Казна, ставь ремизъ! ха, ха, ха, ха!... Ставь, казна, ставь! гоготали за первымъ, ближайшимъ къ намъ столомъ, за которымъ сидѣли исправникъ съ помощникомъ и казначей, и гоготали такъ громко, что игравшіе за другими столами бросили на минуту свою игру и подбѣжали сюда, чтобы узнать, въ чемъ дѣло.

— Что такое? Что такое?

— Казнѣ во второй разъ на трехъ короляхъ ремизъ! покатываясь со смѣху и хохоча какъ-то особенно, «въ себя», «внутрь». съ взвизгиваніями выкрикнулъ молодой купчикъ.

— Казнѣ нынче и на короляхъ не везетъ! хохоча подтвердилъ исправникъ.

— Да замолчите вы, собаки!... Оборвали всего, и зубы еще скалите, псы! разсерженнымъ голосомъ закричалъ одинъ изъ игроковъ, увеличивая тѣмъ всеобщую веселость.

Кутыринъ въ недоумѣніи вскинулъ на меня глазами.

— Что это значитъ? спросилъ онъ.

— Развѣ вы не знаете игры въ банчокъ, сдаютъ на три карты...

— Знаю, знаю! перебилъ онъ меня.—Нѣтъ, я не то! Что такое «казна», скажите?

— Прозвище уѣзднаго казначея.

Кутыринъ, показалось мнѣ, былъ очень смущенъ.

— Неужели это у васъ всегда такъ? спросилъ онъ, показывая рукою не то на лежащую на полу гадость, не то на всю честную компанію опять разсѣвшихся по мѣстамъ игроковъ.

— Почти.

— Какъ мало еще мы, русскіе, «консервативны!» Заведемъ что-нибудь хорошенькое—сейчасъ же и изгадимъ! Не утерпимъ, сію-жъ минуту испортимъ и даже испакостимъ! Такъ-таки сами своими руками и изгадимъ! Возьмите, напримѣръ, земство! Возьмите, провинціальные окружные суды! На что они стали теперь похожи?.. Ужъ хапенъ-тевезенъ началось въ видѣ займа у адвокатовъ, безъ процентовъ и, разумѣется, безъ отдачи! Имѣю несомнѣннѣйшія данныя. Ну, а возьмите, наконецъ, этотъ вашъ клубъ-съѣздъ или съѣздъ-клубъ,—не знаю ужъ какъ и назвать! Ну, развѣ возможно хотя бы въ мысляхъ допустить существованіе такого безобразія? Мнѣ разсказывали, я не вѣрилъ, а теперь во-очію...

Что безобразіе, на которое указывалъ мнѣ Кутыринъ, долѣе терпимо быть не могло, прежде всего, кажется, понялъ Иванычъ.

Онъ подбѣжалъ къ игравшимъ въ стуколку и, ухватившись обѣими руками за столъ, сталъ тащить его къ себѣ.

— Позвольте потревожить!

— Что ты, ошалѣлъ, что ли? остановилъ его членъ земской управы, ударивъ кулакомъ по рукѣ. — У тебя карты спрашиваютъ, а ты за столъ хватаешься? Давай новую игру! Ну, живо!

— Кончать надо, не дамъ вамъ картъ и эти отберу! Мнѣ столъ пожалуйте! Пора присутствіе устраивать!

— Дай поиграть еще съ полчасика!

— Завяжетесь—больше часу проиграете! Лучше бросьте! уговаривалъ Иванычъ, держась за столъ.

— Да, отстань же ты! закричалъ членъ управы, еще разъ и шибче прежняго ударилъ Иваныча кулакомъ по рукамъ.—И безъ тебя тошно, а тутъ ты еще пристаешь: весь вечеръ бьетъ безъ пощады карта, хоть ты что хошь! раздраженнымъ, нервнымъ голосомъ сталъ онъ объяснять Иванычу о своемъ несчастіи.—Видишь, три пустыхъ стола стоятъ, ну, и возьми ихъ пока, а нашъ оставь! На вотъ, бери себѣ все, что тутъ подъ подсвѣчникомъ лежитъ: это мы тебѣ за ночь съ большихъ ремизовъ на чай собрали! Получилъ? Ну, и уходи ты къ чо орту! бросая съ отчаяніемъ въ жестѣ вновь сданныя ему карты, крикнулъ онъ на сторожа, отпихивая его отъ стола.

Тотъ получилъ деньги и куда то скрылся.

Между тѣмъ, стоявшая около крыльца публика, соскучившись дожидаться закрытія клуба и открытія присутствія съѣзда, забралась въ переднюю. Нѣсколько крестьянъ простерли свою дерзость до того, что ворвались въ залу. Съ шумомъ растворивъ двери и увидя эту прелестную, представившуюся ихъ глазамъ картину, они въ изумленіи остановились на порогѣ.

Мы съ Кутыринымъ усѣлись въ сторонѣ, около бикса, стоявшаго въ углу, и, быть можетъ, благодаря нашей скромности и тому, что мы «не лѣзли на глаза», остались незамѣченными. Дѣло и при насъ шло такъ же, какъ и безъ насъ. Впрочемъ, вѣдь едва ли бы кто изъ игравшихъ сталъ стѣсняться присутствіемъ посторонняго человѣка: провинціалы у себя дома безцеремонны и беззастѣнчивы.

Первый, кто обратилъ вниманіе на дерзновенныхъ, это—судебный приставъ. Хотя клубъ не уступалъ еще своего помѣщенія съѣзду, но членъ клуба вступилъ уже въ права судебнаго пристава и закричалъ на вошедшихъ:

— Вы чего прилѣзли? Пошли вонъ!

— Мы чаяли, разборка дѣловъ, можетъ, началась... отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, пятясь назадъ.

— Пошли вонъ! закричалъ онъ на нихъ во второй разъ. — Куда жъ это нашъ старый дуракъ исчезъ? И двери не заперъ, сѣдой чортъ! обругалъ онъ Иваныча.

— Господа-то, должно, еще не вполнѣ! —проговорилъ все тотъ же крестьянинъ, прячась за дверь.—Идемъ вонки (вонъ)! скомандовалъ онъ въ передней.—Еще «глубъ» не прикончился!

Привилегированная публика, члены клуба, входила въ залу безъ запрета. Явился нотаріусъ и въ тоже время частный повѣренный, за нимъ въ слѣдъ вошли еще двое частныхъ повѣренныхъ и помощникъ надзирателя за питомцами. Еще моментъ—и всѣ они сидѣли за картами въ числѣ играющихъ.

— Подкрѣпленіе пришло вò-время, шепнулъ мнѣ Кутыринъ.

Минуту спустя, съ эффектомъ влетѣлъ въ залу агентъ страхованія. Остановившись посреди залы и поднявши руки къ небу, онъ съ паѳосомъ произнесъ:

— Черти вы, черти! Безобразники вы, безобразники! Окаянные вы, окаянные! Бить-то васъ некому! Колотить-то васъ нечѣмъ! Ну, за что вы полтораста или двѣсти человѣкъ народу-то мучаете, безбожники!

Всѣ разсмѣялись. «Вò, чудотворъ нашъ пришелъ!» сказалъ директоръ банка, смѣясь пуще другихъ. Онъ былъ очень смѣшливъ, и выходки агента всегда потѣшали его до слёзъ.

— Теперь тепло! За пріятность на воздухѣ побыть! отвѣтилъ агенту, какъ бы въ свое оправданіе, купецъ.

— Сейчасъ кончаемъ, кончаемъ, господа! для очищенія совѣсти предложилъ предсѣдатель съѣзда.

— Ну, вотъ, кончаемъ! Поиграемъ еще чуточку! уперся казначей.—Эй ты, чудотворъ, присаживайся-ка къ намъ! крикнулъ онъ агенту.

— А за тобой, казна, нынче сколько разъ присяжные то изъ казначейства прибѣгали? спросилъ у него агентъ.

— Ни разу! конфузливо отвѣтилъ казначей и, быстро оправляясь, прибавилъ:—Ну, тебя, садись что ли!

— Врешь ты, казна, врешь! Мимо казначейства сейчасъ шелъ: народищу принесло страсть что!.. Деньгу, должно, приволокли! Иди-ка ты, лучше, огребай!

— Тебѣ хорошо говорить: ты сытъ и выспался! Забралъ двѣ сотни, да и уѣхалъ, съ полночи домой!.. Смѣяться-то можно!.. Ну, садись, чортовъ сынъ, что ли! На, бери карты!

— Игра кончается, а онъ—«садись»! дурака нашелъ!,. Ты-то

чего къ игрѣ прилипъ? Иль возжа подъ хвостъ попала? спросилъ при всеобщемъ хохотѣ у казначея агентъ.—А! попала?

— Однако, господа, не пора-ли и въ самомъ дѣлѣ бросить? замѣтилъ одинъ изъ участковыхъ мировыхъ.—Сейчасъ долженъ товарищъ прокурора пріѣхать.

— Ну, ужъ вовсе не сейчасъ, а, по крайней мѣрѣ, черезъ полчаса! сказалъ ему, посмотря на часы, другой мировой, очень бойкій на языкъ.—А намъ плевать!—Въ прошлый разъ онъ покипятился, покипятился, да и остылъ. Разошелся было передо мной: помилуйте, говоритъ, господа, на что жъ это у васъ похоже? публика васъ ждетъ, а вы въ карты играете! — А я ему въ отвѣтъ:—а, позвольте, говорю, спросить: есть гдѣ-нибудь въ законѣ, чтобы публика впускалась въ залу засѣданія за столько-то именно времени до открытія онаго?—Онъ мнѣ: — «по здравому смыслу—говорить—чѣмъ раньше, тѣмъ лучше».—А я ему такую пулю отлилъ, что онъ у меня теперь ужь и не заикнется!—По здравому-то, говорю, смыслу, вы должны бы въ нашемъ городѣ жить, а вы въ Губернскѣ живете, изъ-за нѣсколькихъ сотъ верстъ за слѣдствіами-то наблюдаете! Живя у насъ, вы разъѣздныхъ то не получали бы! По здравому-то, говорю, смыслу, вамъ бы еще вчера нужно было къ намъ пожаловать, да съ дѣлами хорошенько познакомиться, а вы къ намъ передъ самымъ засѣданіемъ жалуете, да не выспавшись и не читавши дѣлъ заключенія даете!»... Ну, и смолкъ мой прокуроръ. — И то вѣдь правда! Извольте-ка всю ночь въ вагонѣ провести, да потомъ по двадцати уголовнымъ, да по нѣсколькимъ гражданскимъ дѣламъ заключеніе дать... Стойте, стойте! остановилъ онъ сдающаго. — Иду на весь банкъ! Контру иду!.. А! контру ужь идутъ! Ну, переконтру иду!.. Ну, вскрывай, что-ль, не мучь! Ахъ, подлецъ! Четвертую масть открылъ. Вы посмотрите-ка, господа, у меня что за игра-то была! Три туза! Никто не убилъ? Ну, казна, забралъ ты съ насъ денегъ кучу! сколько мнѣ ставить: восемьдесятъ рублей?.. Ахъ, чортъ возьми! у меня не хватитъ... Эй, земская управа, нѣтъ ли у тебя двухъ четвертныхъ, сегодня жъ, при полученіи жалованья, вычтемъ!

— А сегодня жалованья никому платить не придется! объявилъ членъ земской управы. — Въ ящикѣ всего только шестьсотъ пятьдесятъ рублей: на управу, и то не хватитъ! съоткровенничалъ онъ.

— Вы сами-то не получайте, да намъ дайте!.. Казна, я не плачу, потому что земство мнѣ жалованья не платитъ!

— Больше ста тысячъ за крестьянами въ недоимкѣ! оправдывался членъ управы.

— Мнѣ что за дѣло! азартно накинулся мировой.—Взыскивайте! Примите мѣры!

— Господа! Играть, такъ играть, а ругаться, такъ ругаться! остановилъ спорившихъ казначей.—Вы у меня спросили бы, будетъ ли земская управа жалованье выдавать, и я сказалъ бы вамъ, что будетъ, потому что вчера было внесено по счету уѣздныхъ земскихъ суммъ тысячу девятьсотъ сорокъ рублей съ копейками. Сегодня управа и вѣдомость объ этомъ получитъ!

— Душка! чего-жь ты раньше то намъ не сказалъ! вскакивая и обнимая казначея, вскричалъ мировой.

Игра пошла своимъ чередомъ. Только и было слышно: «пасъ», «безъ насъ», «иду», «стукнулъ», «иду на все!»

Однако, сейчасъ эта зала—не больше, какъ «игральная» клуба, а черезъ полчаса или много черезъ часъ она должна быть присутственною камерой съѣзда. И какъ живо на нашихъ глазахъ, на глазахъ всѣхъ игроковъ, превратилась она подъ руками волшебника Иваныча въ присутствіе съѣзда. Пропавъ куда-то на минутку, какъ сторожъ клуба, онъ явился снова уже не въ черномъ замасляномъ сюртукѣ, а въ мундирѣ отставнаго унтеръ-офицера, умытый, причесанный, какъ бы показывая этимъ, что съ перемѣной костюма онъ пересталъ существовать для клуба и превратился въ вахтера съѣзда.

— Наконецъ-то я уловилъ моментъ, когда клубъ передастъ свои права на эту залу съѣзду! сказалъ мнѣ Кутыринъ, увидя Иваныча въ мундирѣ.

Быстро, почти моментально, подъ руками Иваныча выросъ присутственный столъ. Поставивъ три ломберныхъ стола въ рядъ параллельно широкой стѣнѣ залы, онъ накрылъ ихъ большимъ кускомъ зеленаго сукна, отороченнаго мишурнымъ позументомъ, спустилъ его до полу, и передъ нами—длинный, какъ надо быть, присутственный столъ.

— Мѣлъ-то стеръ бы! замѣтилъ ему одинъ изъ участковыхъ, оглянувшись въ его сторону, когда онъ задвигалъ столами.—Ну, господа, Иванычъ ужъ одѣлся—пора кончать!

— А подъ сукномъ-то развѣ что видно? грубо спросилъ у него Иванычъ, устанавливая позади стола три кресла съ высокими стѣнками для состава присутствія. Теперь ужъ не время прибираться! Опосля вычищу!

Онъ подошелъ къ игравшимъ въ стуколку.

— Теперь позвольте васъ ужъ окончательно потревожить! сказалъ онъ игравшимъ.

— Что тебѣ, что? спросилъ у него кто-то.—Давеча ты получилъ съ нашего стола рубля полтора и будь доволенъ!

— Да нешто я на счетъ получки! Столъ нуженъ! Вотъ что!.. Да еще вотъ это кресло подъ товарища прокурора! указалъ Иванычъ на кресло, на которомъ сидѣлъ мировой.

— Убирайся ты отъ насъ къ чорту! азартно закричалъ на него одинъ изъ участковыхъ, бывшій, какъ можно было замѣтить по безпокойному и недовольному выраженію его лица, въ большомъ проигрышѣ.

— Уберусь я къ чорту, а кто-жъ присутствіе-то сготовитъ? Само собою оно не сдѣлается! Видите: два стола мнѣ нужны: одинъ товарищу прокурора, другой—секретарю!.. Одинъ-то я въ гостинной возьму, на которомъ свечера барыни въ стуколку играли, а другой-то вы пожалуйте!

— Отчего-жъ ты у тѣхъ вонъ не берешь? указалъ ему на другой столъ со стуколкой.

— Ростомъ не подходитъ! У меня всѣ пять столовъ подъ ростъ подобраны! Ну, пожалуйте-съ! Добромъ не дадите, карты отыму! Сами-жъ вы всѣ такое мнѣ дозволенье дали, такъ прошу не серчать! Позвольте! Позвольте-съ!

— Судебный приставъ! Да прогони ты его къ чорту! закричалъ приставу судья, отпихивая Иваныча отъ стола ногою.

Служитель съѣзда такъ ужъ привыкъ ко всѣмъ этимъ выходкамъ, что не обращалъ на нихъ никакого вниманія, и простеръ свою дерзость до того, что ухватился за край стола обѣими руками и довольно-таки сильно дернулъ его изъ-подъ играющихъ. Начавъ свою службу въ клубѣ съ самаго введенія мировыхъ учрежденій въ дѣйствіе, онъ считалъ себя въ правѣ обращаться съ игроками, какъ съ дѣтьми, и тѣ, въ особенности мировые судьи, нетолько не были на него за то въ претензіи, но даже всегда дѣлали ему впослѣдствіи выговоръ, если онъ дѣйствовалъ не настойчиво.

— Не отстану, пока не отдадите! Лучше отдайте по чести! уговаривалъ онъ играющихъ. — Э-эхъ! Набилизацію бы на васъ напустить еще разъ, какъ въ прошломъ году!,. Она-бъ васъ, матушка, живо по своимъ мѣстамъ разставила! Забыли, что̀ съ вами было?..

Всѣ захохотали. Хитрый старикъ зналъ, на что билъ. Игроки любили вспоминать о переполохѣ, произведенномъ въ нашемъ Z-скомъ клубѣ въ ночь на 2-е ноября 1876 года, а Иванычъ умѣлъ о немъ разсказывать и зналъ, что ему перепадетъ за то рубликъ сверхъ всего. Въ первое время, онъ почти каждый клубный день угощалъ этимъ публику.

— Разскажи-ка, разскажи! закричали среди всеобщаго смѣха съ разныхъ сторонъ.—Это на счетъ слѣдователей-то!

— Ну, и на счетъ васъ всѣхъ, господа!.. Да не бось вы уже и на память все знаете! Сколько разъ было говорено—со счету сбился!

— Ну-у! Разсказывай, разсказывай! Давно не разсказывалъ! На вотъ, получай съ нашего стола! подалъ голова Иванычу рублевку, которую тотъ не замедлилъ съ благодарностію взять.

— Тутъ все: и «на чай» съ нашего стола!

— Не смѣй! крикнулъ Иванычу исправникъ.—Я тебѣ сколько ужь разъ говорилъ, чтобы ты не лѣзъ со своею мобилизаціей!

— Мнѣ все равно! съ смиреніемъ отвѣтилъ ему Иванычъ.—Я это только потому, что васъ, окромя этого, ничѣмъ не прохватишь!

— Да вѣдь тутъ нѣтъ «ничего такого»! вступился человѣкъ и, обращаясь къ Иванычу, прибавилъ: — Ну, начинай, начинай!.. Ха, ха, ха!.. «Насъ, говоритъ, мобилизаціей прохватить можно, ну, а слѣдователей чѣмъ?.. Ха, ха, ха!»

— Что-жъ? и они—господа хорошіе, только, конечно, никого, окромя своихъ супругъ, да товарища прокурора, не боятся! объяснилъ старикъ.

Публика расхохоталась.

— Отчего ихъ нынче не было въ клубѣ? спросилъ предсѣдатель съѣзда.

— Въ ожиданіи товарища-прокурора супруги не пустили! поспѣшилъ отвѣтить Иванычъ.

Хохотъ увеличился.

Слѣдователи были членами клуба и часто посѣщали его, но въ отношеніи остальныхъ членовъ вели себя высокомѣрно и никакого «кампанства» съ ними не вели и въ карты не играли.—«Всегда парочкой пріѣдутъ, по дюжинѣ бутылокъ пива на брата выпьютъ, партій нѣсколько на биліардѣ съиграютъ и парочкой домой!» разсказывалъ про нихъ клубный сторожъ.—Какъ ни «грузны», а всегда въ своей компаніи.

— Ну, говори же, говори! пристали съ разныхъ сторонъ къ Иванычу.

— На вотъ тебѣ съ нашего стола цѣлкачъ! крикнулъ ему почетный судья, сидѣвшій за мушкой.—Я давно не слыхалъ, ужь на половину и забылъ!

Иванычъ откашлянулся, приготовляясь разсказывать. Игра пріостановилась.

— Я, господинъ исправникъ, про васъ нынче полегче разскажу! предупредилъ онъ нахохлившагося исправника.—Господа просятъ, нельзя не уважить!.. Ну-съ! Хорошо-съ!.. Перваго ноября, сами, чай, помните, былъ у насъ въ клубѣ бальный вечеръ. Музыка полковая была. Народищу страсть что навалило, и не

то, что вотъ теперь все больше одинъ мужской полъ, а почитай женскаго на половину было, потому въ то время офицерство и все такое!.. Полкъ ужь въ сборѣ на самыхъ тѣсныхъ квартирахъ по деревнямъ вокругъ города стоялъ, а штабъ и офицеры всѣ въ городѣ проживали. Въ карты тогда, не то, что теперь, посереди залы, въ гостинной играли, а здѣсь танцы шли! На восьми столахъ играли. Комната не очень вѣдь, чтобы большая, а народищу — пропасть, ну, просто пролѣзть возможности нѣтъ. Кто въ уголъ забился, тотъ за весь вечеръ и вылѣзть не могъ! Одинъ только господинъ, помощникъ объѣзднаго, подъ столами какъ-то ухитрился пролѣзть! Ну-и! Хорошо. Я за оффиціанта прислуживалъ, потому буфетчикова прислуга вся съ ногъ сбилась, и старшины приказали мнѣ быть имъ въ подмогу. Мнѣ хошь и не понравилось, а ослушаться начальства было нельзя. Дѣло шло по череду, и времени было ужь два часа третій. Ужь въ билліардной кой-кому и ужинъ начали подавать. Комната большая, и едва-едва въ ней повернуться было можно. По стѣнамъ это постели для присяжныхъ засѣдателей стоятъ. Въ одномъ концѣ — билліардъ, въ другомъ — столъ, а съ одного боку—буфетъ. Вотъ хорошо! Сталъ я ужинъ подавать и забылъ, кто-то изъ военныхъ порцію жаренаго зайца мнѣ заказалъ. Пошелъ это я въ кухню, внизъ, и маленечко тамъ позабавился: сказать правду, не хотѣлось лишній разъ на верхъ идти и опять внизъ спускаться, такъ я ужь дождался на кухнѣ, пока зайца сготовятъ. И ждалъ-то я минутъ съ двадцать не больше. Вотъ иду я съ зайцемъ наверхъ, отворяю дверь — тихо! Только въ билліардной шарами щелкаютъ: это, знаю, два слѣдователя съ начала вечера сцѣпились, на пиво играли и по дюжинѣ бутылочекъ на брата, свою всегдашнюю порцію, роспили! Иду это я съ зайцемъ по корридору — тихо! Что, думаю себѣ, это такое значитъ? Ужь не пожаръ ли гдѣ, что народъ-то разбѣгся! Остановился, прислушался—ничего не слышно; еслибы пожаръ, думаю, то безпремѣнно ужь въ набатъ бы били! Иду это я въ билліардную и, сказать правду, струхнулъ! Вхожу, смотрю—пусто! Никого нѣтъ! Буфетъ весь убранъ; только три непочатыя бутылки пива, что слѣдователи сверхъ своего положенія потребовали, на прилавкѣ стоятъ, да два слѣдователя около билліарда возятся и, должно быть, ихъ очень ужь отъ пива-то разморило, потому что нетолько-что въ шары, а, кажется, въ овинъ головой не попадутъ. Поставилъ это я зайца на столъ, прошелся по всѣмъ комнатамъ—души живой нѣтъ! Пусто! А ужь что я увидалъ — того, кажись, и при землетрясеніи не было! Въ гостинной одинъ столъ вверхъ ножками стоитъ и другой на боку ле-

житъ, а остальные въ кучу сдвинуты и кресло на одномъ. Вотъ думаю была свалка, а все еще понять ничего не могу! А какъ глянулъ на полъ, такъ и обомлѣлъ! И карты-то по всему полу разсыпаны, и подсвѣчники, и свѣчи, и розетки разбитыя валяются, и даже чья-то папиросница, вижу, лежитъ серебрянная. Господинъ исправникъ за ней на другой день присылали! Въ залѣ, вотъ въ этой самой, стулья тоже въ кучу сбимши, да три посереди комнаты стоятъ. И все это при полномъ освѣщеніи, потому лампы и люстры всѣ на мѣстѣ и горятъ!.. Иду это я въ переднюю, а тамъ даже всѣ вѣшалки со стѣнъ сорваны, поломанные валяются, и въ углу, какъ дрова, музыкантскіе станки, исковерканные, брошены, и тутъ же двѣ дамскія калоши и двѣ мужскія, и всѣ съ разныхъ ногъ, и поверхъ всего на станкахъ испачканная слѣдовательская одежа лежитъ. Я это опять назадъ къ слѣдователямъ.—«Куды-жъ, спрашиваю, народъ то подѣвался?—«Набилизація!»—говорятъ. «Какая такая набилизація?» — спрашиваю. — «А такая, говорятъ, что исправникъ и воинскій начальникъ, и полковой командиръ сейчасъ депешу получили, чтобы все живой рукой къ войнѣ было сготовлено! Ну, и кинулись сготовлять!» — Говорятъ это они мнѣ, а у самихъ ужь и слюни текутъ. — «А вы-то что же?» спрашиваю. — «А до насъ, говорятъ, это не кас-сается, не кас-сается, не кас-сается!» — Твердятъ, а сами и лыка не вяжутъ. А на грѣхъ у клуба, какъ есть ни одного извощика не было, всѣхъ разобрали!.. Ну, и славно жъ они у меня выспались на этихъ самыхъ постеляхъ, что въ билліардной для присяжныхъ стоятъ!.. А на утро ужь ихнія барыни за ними изволили пріѣхать, и обоихъ я имъ съ рукъ на руки сдалъ!

Въ поясненіе разсказа Иваныча слѣдуетъ прибавить, что клубная билліардная, во время сессій окружнаго суда, дѣлалась камерою совѣщанія присяжныхъ засѣдателей и на случай, еслибы послѣднимъ пришлось, при разсмотрѣніи какого нибудь важнаго дѣла, заночевать въ зданіи суда, предусмотрительная земская управа устроила для нихъ постели и въ количествѣ четырнадцати штукъ разставила вдоль стѣнъ билліардной. Эти постели такъ круглый годъ и стояли на своихъ мѣстахъ, безъ подушекъ, конечно, покрытыя малиновыми байковыми одѣялами и съ удобствомъ служили для отдохновенія «нагрузившихся» чрезъ мѣру членовъ клуба.

— Постой, постой! остановилъ голова, собиравшагося подойти къ столу Иваныча. — Ты вѣдь еще не все! Ты разскажи еще, какъ вотъ самая депеша-то была получена!

— Этого я не видалъ, а потомъ ужъ отъ господъ членовъ

слышалъ!—снова началъ Иванычъ.—И говорили, что въ третьемъ часу съ телеграфной станціи самъ начальникъ прибѣжалъ къ намъ въ клубъ, да и суетъ господину исправнику, господину воинскому начальнику и господину полковому командиру по депешѣ. Господинъ исправникъ изволилъ въ то время въ стуколку играть! — Извините, ваше благородіе, обратился онъ къ нахохлившемуся исправнику:—можетъ вамъ и не нравится, только я правду говорю.—А господинъ воинскій начальникъ съ своей супругой молодой кадрель танцовалъ, а господинъ полковой командиръ съ госпожею подполковницею въ углушкѣ сидѣлъ, разговоромъ занимался. Ну, извѣстно, сейчасъ публика всполошилась!.. Что? что?—Анъ, глядь, солдатская и лошадиная набилизація!.. Ждали всѣ этого съ часу на часъ, и можно сказать очень даже того желали, что бы ужъ поскорѣе, а тутъ встрепенулись всѣ, какъ одинъ человѣкъ, перекрестились, закричали всѣ въ одинъ голосъ: «ура, на турку идемъ!» и вонки!.. Ужь и не до клуба! Въ одинъ мигъ, окромя слѣдователей, ни души! Всякій къ своему дѣлу поспѣшалъ! Кабы почаще напускать на васъ эту набилизацію то—шолковые вы были-бъ у меня!.. Какъ себя помню, въ первый разъ еще до свѣту клубъ окончился!.. А теперь, для васъ и война ни почемъ! Ну, отдавайте-жъ мнѣ столъ-то скорѣй!

Возражать было невозможно. Игроки поднялись со своихъ мѣстъ, и требуемые Иванычемъ столъ и кресло поступили въ его распоряженіе. Человѣкъ десять, потягиваясь, встали изъ-за другихъ столовъ.

— Мнѣ не сдавайте! Когда же нибудь кончать надо! объявилъ прежде другихъ фельдшеръ съ желѣзной дороги, отходя къ окну съ большими пачками денегъ въ обѣихъ рукахъ.

— Тебѣ хорошо кончать, ста четыре забравши! со злостью отпустилъ ему въ слѣдъ казначей.—Не смѣй выходить: талія еще не окончена!..

Исправникъ, а вслѣдъ за нимъ и помощникъ, тоже кончили игру. Эта никогда почти не разлучавшаяся парочка всегда вызывала улыбку тѣхъ, кто видѣлъ ее вмѣстѣ.

— Вотъ контрастъ-то! Не скоро нарочно подберешь! смѣясь сказалъ мнѣ Кутыринъ.

И въ самомъ дѣлѣ, на сколько исправникъ былъ высокъ и тученъ, даже до безобразія тученъ, потому что животъ у него висѣлъ, какъ туго набитый мѣшокъ, на столько же помощникъ былъ малъ и жидокъ. Отталкивающая, вся заплывшая жиромъ, физіономія исправника умѣрялась миловиднымъ, добродушнымъ личикомъ не стараго еще помощника. Исправникъ хрипло ба-

силъ, помощникъ, напротивъ того, говорилъ жиденькимъ теноркомъ.

— Вы куда-жъ? Полиція, а, полиція! кричалъ вслѣдъ уходившимъ казначей.—Я вѣдь еще талію не кончилъ...

— Въ присутствіе пора! сердито прохрипѣлъ сквозь зубы исправникъ, выходя изъ залы.—Въ присутствіе пора! какъ эхо повторилъ тоненькимъ голоскомъ помощникъ.

— И давно пора! подтвердилъ Иванычъ, приводя въ порядокъ столъ для товарища прокурора.—И за вами, господинъ казначей, присяжный изъ казначейства приходилъ и требовалъ васъ къ службѣ, потому изъ трехъ волостей старосты съ податьми наѣхали.

Казначей пріостановился-было сдавать и въ нерѣшительности перебиралъ лежавшую передъ нимъ на столѣ кучу кредитокъ.

— Ну, казна! Что призадумался-то! Доставай колоду-то! крикнулъ ему сидѣвшій рядомъ бухгалтеръ банка, толкая его кулакомъ въ бокъ. Такія любезности были въ ходу между игроками.

— Тише ты, чортъ!.. Надо бросить!.. Почти отыгрался! Не хочу больше играть, потому что трое бросили, недождавшись конца! порѣшилъ-было казначей.

— А мы тебѣ не позволимъ! Дотягивай талію! Ну, сдавай, казна, не спи! настаивалъ бухгалтеръ, накрывая рукою «банкъ».

— Да сдайте колоду-то! Всѣ сейчасъ бросимъ! предложилъ предсѣдатель съѣзда.—Теперь, того и гляди, товарищъ прокурора привалитъ.

Казначей началъ сдавать.

Минута тишины, и громкій взрывъ хохота. Кончившіе игру обступили игравшихъ.

— Казну оборвали! Ха, ха, ха!.. О-хо, хо, хо!.. Колпашниковъ на весь банкъ, на тузѣ съ десяткой, пошелъ и взялъ! объяснилъ кто-то изъ игравшихъ.

— Еслибъ зналъ, лучше бы схватить деньги, да убѣжать отъ васъ, разбойниковъ! вскакивая изъ-за стола и посылая своимъ партнерамъ потокъ самыхъ отборныхъ ругательствъ, закричалъ казначей, еще болѣе увеличивая тѣмъ всеобщій хохотъ.

— Что, казна, разобрали до фундамента? спросилъ у него, хохоча, фельдшеръ.

— Ты первый меня, разбойникъ, обобралъ, а вы всѣ, разбойники, ему помогали!.. Никогда больше съ вами, съ грабителями, играть не стану! заругался казначей, точно угорѣлый выбѣгая изъ залы.

— Стой, стой, казна, стой! побѣжалъ за нимъ и, догоняя у дверей, остановилъ его предсѣдатель мироваго съѣзда.—Ты не

забудь, что у насъ нынче засѣданіе комитета. Мнѣ съ тобой нужно кой о чемъ переговорить.

— Некогда мнѣ теперь говорить! Раньше-то ты что-же думалъ!

— Ну, приходи часовъ въ семь! Передъ засѣданіемъ побесѣдуемъ!

— А гдѣ будетъ? Здѣсь или внизу?

— Да хотя бы и здѣсь! Все равно!

— Нѣтъ, не все равно! Сюда я ни за что, потому что опять за карты усадите и оберете! Оборвали нынче всего—видно, мало!

— Что вы его такъ упрашиваете! закричалъ предсѣдателю фельдшеръ.—Сюда-то онъ скорѣй всего примчится, потому что непремѣнно отыгрываться станетъ!

— Кромѣ шутокъ, намъ безъ тебя нельзя! Ну, посуди самъ! Станутъ вносить деньги, а тебя, комитетскаго казначея, не будетъ! Приходи! уговаривалъ казначея предсѣдатель.

— И отъ комитета откажусь, если такъ обыгрывать будете!.. Рублей больше ста продулъ, а если все со святой счесть—на пятьсотъ не помиришься!

Игра кончилась. Публика, прежде, чѣмъ расходиться, стала, по обыкновенію, сводить счеты выигрыша и проигрыша. Не сошлось на много! Оказалось, что проигрыша заявлено на тысячу сто двадцать рублей, а въ выигрышѣ было всего только пятьсотъ восемьдесятъ. Спорили минутъ съ пять.

— Не отнимутъ вѣдь у васъ! Не отнимутъ, если даже вы и правду скажете! приставалъ къ фельдшеру проигравшійся судья, требуя, чтобы тотъ сказалъ ему вѣрную цифру его выигрыша.

— Сто своихъ было, а теперь у меня двѣсти сорокъ пять—значитъ: сто сорокъ пять я и выигралъ! объяснялъ фельдшеръ.

— Гдѣ-жъ деньги-то? Гдѣ-жъ выигрышъ-то? допытывался судья.

— А вамъ полегчаетъ, если узнаете гдѣ? спросилъ у него акцизный надзиратель. — Рублей побольше полутораста я взялъ!

— А можетъ быть, и триста! Вы во всѣхъ карманахъ считали?

— Сколько ни выигралъ, все мое! назадъ не отдамъ! Колпашниковъ взялъ больше сотни! Городской голова въ выигрышѣ и, должно быть, въ хорошемъ выигрышѣ, потому что заставилъ Иваныча про мобилизацію разсказывать, а это онъ ужь всегда, когда хочетъ, чтобы игра не затягивалась...

Споръ продолжался бы, быть можетъ, и долѣе, еслибы не вступился въ него Иванычъ, появившійся среди залы со щеткою въ рукахъ, обвязанною тряпкой.

— Ну, чего спорите изъ-за пустаго мѣста! И всякій день, и

всякій разъ все объ одномъ и томъ же. Извѣстное дѣло, кто проигралъ—тотъ прибавилъ къ проигрышу, а кто выигралъ, тотъ сбавилъ со своего выигрыша! Вотъ вамъ и вся подостача! Сами же вы это хорошо понимаете, а всегда только понапрасну себя тѣшите! Вы лучше всего у меня спросите, кто выигралъ, кто проигралъ. я ужь не ошибусь, вѣрно скажу!.. Казначей, вотъ, какъ бѣшеный сунулся вонки—значитъ, проигралъ! Исправникъ надулся,—Иванычъ запрокинулся назадъ, высоко поднялъ голову, раздулъ щеки и далеко оттопырилъ нижнюю губу — значитъ, тоже не въ выигрышѣ, а помощникъ зашибъ копейку, потому что идетъ впередъ и словно передъ нимъ танцуетъ! Идите-ка вы лучше въ билліардную свои счеты сводить, а мнѣ дайте хоть немножко присутствіе то убрать!..

Однако, убирать присутствіе еще не пришлось. Публика, узнавши, что «господа кончили клубъ и стали разъѣзжаться», съ такою силою и натискомъ хлынула въ залу, что Иванычъ, сколько ни размахивалъ щеткой, принуждая тяжущихся къ отступленію, ничего не могъ сдѣлать и, въ концѣ концовъ, долженъ былъ отступить самъ.

Уже больше половины залы заняла ворвавшаяся въ присутствіе публика, а сзади еще напирали. Когда передніе ряды тяжущихся пододвинулись на разстояніе трехъ шаговъ къ присутственному столу, то крики «будетъ! некуда больше!»—остановили дальнѣйшій приливъ толпы.

Разумѣется, вся эта публика помѣщалась на своихъ собственныхъ ногахъ. Иванычъ убралъ изъ залы нетолько столы, на которыхъ играли, но и всѣ «клубскіе» стулья, за исключеніемъ тѣхъ двухъ, на которыхъ мы сидѣли, и еще одного, поставленнаго имъ позади кресла секретаря, «для священника»; мы съ Кутыринымъ едва-едва могли пробраться сквозь толпу и прошли въ гостинную, черезъ которую былъ ходъ въ билліардную.

Большая часть игроковъ разъѣхалась. Иванычъ, не безъ затрудненій, добывалъ имъ изъ прихожей верхнее платье и черезъ присутствіе проносилъ его въ билліардную, откуда и выходили по черной лѣстницѣ. Въ билліардной или, вѣрнѣе сказать, «совѣщательной», Иванычемъ уже было приготовлено все, что было необходимо для камеры этого рода: въ сторонѣ отъ билліарда стоялъ раскрытый ломберный столъ, на немъ принадлежности для письма, судебные уставы, десятый томъ и нѣсколько судейскихъ знаковъ, разложенныхъ въ порядкѣ, рядкомъ. На разставленныхъ вокругъ стола стульяхъ, висѣли судейскіе мундиры, всегда находившіеся у Иваныча на храненіи. Судьи, предсѣдатель съѣзда и судебный приставъ, лишь только добра-

лись до совѣщательной, такъ и кинулись на постели «для присяжныхъ». — Послышались вздохи и оханья. Постороннихъ, не принадлежавшихъ къ самому присутствію, здѣсь было членовъ восемь и въ томъ числѣ помѣщикъ, не перестававшій передавать судьямъ все новыя и новыя подробности своего дѣла съ кучеромъ и, какъ кажется, надоѣвшій имъ хуже горькой рѣдьки; городской голова, дожидавшійся прихода буфетчика, за которымъ послали—чтобы выпить «полдюжинки сельтерской», надзиратель за питомцами съ помощникомъ—повидимому, безъ всякой цѣли, лишь бы убить время, и адвокаты, игравшіе «въ пирамиду». Послѣднимъ, впрочемъ, предложено «или оставить игру, или играть самымъ тихимъ штосомъ».

Считая эти минуты самымъ удобнымъ временемъ для объясненій, я пошелъ къ судьямъ за полученіемъ справокъ и отъ всѣхъ получилъ одну и ту же: «ахъ, не приставайте, пожалуйста! голова кругомъ идетъ!» — Разумѣется, все это сопровождалось очень любезною улыбкою и крѣпкимъ пожатіемъ руки.— «Безполезно было и требовать!» сказалъ мнѣ Кутыринъ, когда я вернулся къ нему съ пустыми руками.—«Вы должны понять, послѣ всего, что̀ видѣли, что они теперь находятся почти въ состояніи невмѣняемости!..»

— Хороши же мы сегодня будемъ! какъ бы въ отвѣтъ Кутырину, сказалъ, въ видѣ общаго замѣчанія, мировой судья 3 го участка, никогда не бывавшій хорошъ.

— Н-да! Голова ужасно трещитъ, а тутъ еще, какъ на грѣхъ, пятьдесятъ два дѣла!.. Не выпить ли лимонаду съ коньякомъ, для освѣженія головы? предложилъ мировой судья 2-го участка:—чего жь это буфетчикъ долго не идетъ! Судебный приставъ, будь другъ, пошли еще кого нибудь за нимъ!

— Вы пейте, а по моему—это хуже! замѣтилъ мировой судья 4 го участка.—Лицо всполоснуть и голову окатить холодной водой—вотъ что̀ необходимо въ нашемъ положеніи... Чего же это Иванычъ то, старый чортъ, забываетъ свои прямыя обязанности! Эй, Иванычъ, Иванычъ! Тащи въ дамскую ведро холодной воды! Забылъ? Напоминать надо! Умывальникъ тамъ есть? Не убранъ? Ну, хорошо!.. Живо!

— Сейчасъ съ! На одной ногѣ, съ подбѣжкой! отвѣчалъ Иванычъ и бѣгомъ пустился исполнять приказаніе.

— А что, у насъ есть серьёзныя, сложныя дѣла? спросилъ предсѣдатель у мирового судьи 1-го участка, исполнявшаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанности непремѣннаго члена съѣзда.

— Особенно сложныхъ нѣтъ! Такъ, дребедень только! Если

что и займетъ много времени, такъ это—дѣла братьевъ Прощекальниковыхъ, отвѣчалъ тотъ.

— Ну, а дѣло, какъ его! Да-а! Ермила Петрова? спросилъ предсѣдатель.—Я и забылъ вамъ разсказать, что вчера, только-что я въѣхалъ въ городъ и ввалился вотъ къ нему въ домъ—указалъ онъ на судебнаго пристава—является ко мнѣ этотъ самый Ермилъ Петровъ, рекомендуется здѣшнимъ трактирщикомъ или содержателемъ постоялаго двора—ужь не помню—и подаетъ мнѣ двѣ сторублевыхъ. — «Возьмите-ка, говоритъ, съ моей доли на больницу!»—Я, знаете, смотрю на него и не беру.—«Мало, говоритъ, что ли, такъ еще набавимъ!» — Я молчу. — Вытаскиваетъ еще сотенную, даетъ. — «Получите!» говоритъ!—Беру.—«Знайте, говоритъ, что изо всѣхъ здѣшнихъ гражданъ больше Ермилъ Петрова никто еще не далъ, а меня подъ арестъ сажать хотятъ».—«Какъ, спрашиваю, такъ?»—«Да вотъ, говоритъ, господинъ мировой судья 1-го участка меня на мѣсяцъ забрякалъ, и завтра въ съѣздѣ мое дѣло рѣшаться будетъ. Виновнымъ меня нашли, что будто я въ заведеніи своемъ пакости завожу и, къ тому же, полицейскаго десятскаго въ грудь ударилъ, а я его не ударилъ, а маленечко отодвинулъ отъ себя».—Есть у насъ что-нибудь въ этомъ родѣ?

— Да. Это въ моемъ участкѣ! отвѣчалъ судья 1-го участка.—Кругомъ виноватъ! Свидѣтели подтвердили обвиненіе.

— Ну, можно было бы ему ужь какъ-нибудь полегче! Впрочемъ, мы тамъ увидимъ! А много пустья, безъ свидѣтелей? допытывался предсѣдатель.

— Что-то не очень много. Дѣлъ пятнадцать, кажется, не больше!

— Это чортъ возьми! А тутъ еще, если адвокаты станутъ распространяться... Нѣтъ, намъ сегодня не кончить! съ грустью говорилъ предсѣдатель.—Господа! обратился онъ къ частнымъ повѣреннымъ:—не брешите вы много! все равно, слушать васъ не будемъ!.. И все-таки не успѣемъ!..

— Пустяки. Отжаримъ!.. Помните, въ прошломъ году у насъ не меньше этого дѣлъ то было, кажется, сорокъ восемь или девять, такъ что-то, и что же? Къ четыремъ часамъ все готово. Главное дѣло—«ты, кума Матрена—не задумывайся»!

— Намъ хотя бы къ пяти часамъ кончить! Часъ на обѣдъ, часика два соснуть, а тамъ и за «красный крестъ» примемся! разсчитывалъ вслухъ предсѣдатель.—Господинъ градскій голова! я слышалъ у васъ въ думѣ сегодня засѣданіе для назначенія цифры пожертвованія?

— Кажется, что такъ.

— Смотри-жь, больше назначай! Помни, что подписывались: «всѣмъ достояніемъ».., Такъ и гласнымъ скажи!

— Маху не дадимъ!

— Ну, и отлично! Жертвуйте прямо намъ на больницу! Слышалъ ты, что мы хотимъ здѣсь больницу для раненыхъ устроить? Земство уступаетъ намъ помѣщеніе своей больницы и даетъ денегъ на устройство! Пусть и городъ участвуетъ!

— Ладно, ладно! согласился голова.—А какъ теперь на счетъ поставки? Что «сватья»?..

— Нейтралитетъ!

— Ну-у!... Теперь и толковать нечего! Съ туркой сладимъ!.. У насъ всѣ по городу говорятъ, что коли «сватья» въ это дѣло не влипнетъ, то турку мы побьемъ!.. А австріякъ ничего?

— Нейтралитетъ, тоже.

— Ну, и отлично! воскликнулъ голова, подпрыгивая отъ восторга.—Одинъ на одинъ.! Кабы Константинополь-то подобрать къ рукамъ! Кажется, тую-жь минуту открылъ бы тамъ торговлю и вывѣску такую заказалъ бы: «торговля въ Z. и Константинополѣ!» смѣясь, прибавилъ онъ и потомъ, быстро мѣняя тонъ на серьёзный, прибавилъ: — Нечего о томъ и думать и голову забивать! не дадутъ! завистниковъ много, а кусокъ одинъ...

Вошелъ Иванычъ съ фаянсовымъ кувшиномъ въ рукѣ и перебилъ разговоръ.

— Господа, пожалуйте умываться! предложилъ онъ.—Только поскорѣй, у меня зерцало еще не поставлено!

Иванычъ подалъ умыться и затѣмъ внесъ въ присутствіе зерцало и аналой съ крестомъ и евангеліемъ для приводъ свидѣтелей къ присягѣ, хранившіеся у него подъ ключемъ въ кладовой.

— Теперь хошъ товарищъ-прокурора пріѣзжай — ничего! У насъ все готово! доложилъ онъ предсѣдателю, приведя присутственную камеру съѣзда «въ окончательную форму».

Легкій на поминѣ, пріѣхалъ и товарищъ прокурора въ сопровожденіи «исправлявшихъ должность» судебныхъ слѣдователей, всегда выѣзжавшихъ къ нему на вокзалъ на встрѣчу. Онъ прошелъ въ совѣщательную билліардную по черной лѣстницѣ. Съ приходомъ его, адвокаты бросили игру и перешли къ намъ въ гостиную. Поздоровавшись, они справились, давно ли я съ Кутыринымъ сюда пришли, и очень удивились, узнавши, что мы здѣсь давно.

— Извините, господа, я, кажется, нѣсколько задержалъ васъ! Поѣздъ на двадцать минутъ опоздалъ! извинялся товарищъ прокурора, здороваясь съ судьями.—Что это вы всѣ точно выкупа-

ные?—Э-э! Опять всю ночь рѣзались! Ну, послушайте, господа! Это, наконецъ, изъ рукъ вонъ! нѣсколько возвышая голосъ, началъ онъ «объясняться» съ ними.—Разъ, два—это можно снести, но постоянно—воля ваша! я не могу! Я донесу!

— И мы донесемъ...

Тутъ двери въ билліардную кто-то съ сердцемъ захлопнулъ, и дальнѣйшаго разговора мы не слыхали, хотя, по шуму и по возвышенному голосу «объяснявшихся», можно было судить, что дѣло доходило до крупнаго.

Наконецъ, къ намъ въ гостиную выскочилъ судебный приставъ.—«У другихъ вы видите въ глазу спицу, а у себя бревна не хотите замѣтить!» — донесся до насъ въ эту минуту, чрезъ растворенную дверь, голосъ мирового судьи 2-го участка.

Судебный приставъ былъ уже умытъ, причесанъ, въ мундирѣ и съ должностной цѣпью на шеѣ.

— Господа, будьте кратки, но выразительны! Отъ себя васъ прошу! обратился онъ къ намъ.—Буфетчикъ только сейчасъ пришелъ, «исправиться» не удалось, отпустите вы хоть мою-то душу на покаяніе! Цѣлую ночь вѣдь на пролетъ.

Не успѣли мы размѣститься поудобнѣе, конечно, стоя за кресломъ секретаря, какъ въ залу вошелъ предсѣдатель, мировой судья 4-го участка и прокуроръ. Такъ какъ вся публика въ залѣ была на ногахъ, судебный приставъ провозгласилъ только «судъ идетъ», опустивъ не имѣвшее значенія «прошу встать».

Предсѣдатель сѣлъ, какъ водится, на среднее мѣсто.

— Приставъ! Гдѣ-жь Петръ Николаичъ? спросилъ онъ судебнаго пристава, называя по имени недостающаго до комплекта мироваго судью 2-го участка. Мировой судья 1-го участка не могъ присутствовать, потому что разсмотрѣнію подлежали рѣшенныя имъ дѣла.

Съѣздъ всегда дѣлился на два отдѣленія, причемъ второе состояло изъ двухъ почетныхъ судей, подъ предсѣдательствомъ временныхъ предсѣдателей, участковыхъ судей 1-го или 3-го участковъ, смотря по тому, чьи были дѣла.

Судебный приставъ пріотворилъ дверь и заглянулъ въ гостиную, двери въ которую изъ совѣщательной, очевидно, не были притворены, потому что намъ очень уже ясно слышно было щелканье шаровъ. Билліардъ стоялъ какъ разъ противъ дверей и потому былъ виденъ изъ залы. Заглянувъ въ дверь, судебный приставъ сдѣлалъ полъ-оборота къ засѣдавшимъ, мотнулъ головой и воспроизвелъ при этомъ рукою и всѣмъ корпусомъ такое движеніе, какъ будто онъ, играя на билліардѣ, ударилъ кіемъ въ шара.

— Позовите-жь его! приказалъ предсѣдатель.

Приставъ ушелъ, оставивъ дверь непритворенною.

Въ залѣ—тишина, а изъ совѣщательной такъ и влетали къ намъ штосъ за штосомъ.

— Извините-съ! Съ карамболемъ-съ! — Это восемнадцать очковъ! услыхали мы звонкій голосъ мирового судьи 2 го участка.

— Какъ партія-то? У васъ сколько? Да-а! Тридцать два только!.. У меня сорокъ девять, помните!.. Желтаго въ уголъ на право!

— Петръ Николаичъ! идите же! Васъ ждутъ! Послѣ можете доиграть! уговаривалъ приставъ судью и, кажется, недождавшись отъ него отвѣта, вернулся въ залу и доложилъ предсѣдателю, что «судья сейчасъ придетъ!»—«Сейчасъ партію окончитъ!» въ полголоса добавилъ онъ.

Судья 4-го участка потупился, предсѣдатель закрылся дѣломъ въ синей оберткѣ, а прокуроръ покраснѣлъ и пригнулся къ лежавшимъ передъ нимъ судебнымъ уставамъ. Въ публикѣ хихиканье.

— Какую «желѣзную» натуру нужно имѣть человѣку, чтобы, просидѣвши цѣлую ночь, не разгибая спины, за картами, сыграть нѣсколько партій на билліардѣ и потомъ разрѣшить, по крайней мѣрѣ, двадцать пять самыхъ разнообразныхъ дѣлъ! шепнулъ мнѣ Кутыринъ.

Минуты съ двѣ три прошло въ ожиданіи окончанія партіи. Наконецъ, въ залу почти влетѣлъ запыхавшійся, раскраснѣвшійся судья въ мундирѣ и съ цѣпью.

Предсѣдатель провозгласилъ засѣданіе съѣзда открытымъ и объявилъ, что «разсмотрѣнію подлежитъ дѣло о крестьянинѣ Иванѣ Максимовѣ, обвиняемомъ въ кражѣ лошади и разнаго имущества». Вяло, съ трудомъ разбирая слова и безпрестанно заминаясь, началъ онъ читать обжалованный приговоръ судьи, изъ котораго мы узнали, что обвиняемый присужденъ къ восьмимѣсячному тюремному заключенію. Принявшись за апелляціонный отзывъ подсудимаго, предсѣдатель не одолѣлъ его и до половины.

— Секретарь, читайте! Вотъ отсюда! передалъ онъ дѣло секретарю, указывая, откуда тому слѣдовало начать.

Секретарь всталъ и прочелъ жалобу до конца.

— А свидѣтели по этому дѣлу есть? спохватился предсѣдатель!—Ахъ, да, гдѣ-жь подсудимый? Приставъ, гдѣ подсудимый? Какъ его зовутъ? Тимоѳей Тимоѳеевъ! Гдѣ Тимоѳей Тимоѳеевъ?—засуетился онъ.

— Здѣсь я! раздалось изъ публики.

— Иди сюда!

— Не пролѣзешь!

— Пропустите! Эй, вы!

Подсудимый вылѣзъ на свободу и сталъ возлѣ присутственнаго стола.

— Свидѣтели есть?

— Какъ не быть!.. Только я самъ не могу вашему здоровью никакого отвѣта отъ себя дать.

— Это почему?

— Адвоката за себя говорить нанялъ!

— Кого именно?

Подсудимый назвалъ.

— Секретарь, запишите въ протоколъ. Гдѣ-жь твои свидѣтели?

— Здѣсь мы! Здѣсь! послышалось опять изъ толпы тяжущихся.

— Что-жь вы тамъ мнетесь? Лѣзьте сюда!

— Мы думали, что коли занадобимся, то насъ спросятъ, а самимъ что-жь за неволя подъ присягу лѣзть?

Повѣренный обвинителя вздумалъ-было предложить противъ этихъ свидѣтелей отводъ, на томъ основаніи, что они находились въ залѣ засѣданія во время чтенія приговора и отзыва обвиняемаго, но защитникъ подсудимаго очень дѣльно замѣтилъ, что неудаленіе свидѣтелей изъ залы суда во время чтенія приговора и отзыва его кліента, хотя и составляетъ нарушеніе формъ и обрядовъ судопроизводства, но не настолько существенное, чтобы могло влечь за собою отмѣну приговора, тѣмъ болѣе, что оно и исправлено быть не можетъ, а потому невозможно, изъ угожденія обвинителю, лишать обвиняемаго средствъ къ оправданію и оставить выставленныхъ имъ свидѣтелей безъ спроса.

Свидѣтели были допущены съѣздомъ къ показанію и приведены священникомъ къ присягѣ. Оставивъ одного изъ нихъ въ залѣ для допроса, судебный приставъ удалилъ трехъ остальныхъ въ гостиную, игравшую роль «камеры для свидѣтелей».

— Что знаешь по этому дѣлу?

— Ничего не знаю.

— Такъ-таки и ничего?

— Коротко и ясно! Иванъ Максимовъ! ты его зачѣмъ выставлялъ?

— А вы, батюшка, спросите его! Онъ вамъ все скажетъ! У меня въ бумагѣ все писано!

— Онъ говоритъ, что ничего не знаетъ.

— Этотъ свидѣтель выставленъ для доказательства «алиби» Ивана Максимова.—Позвольте предложить ему вопросъ!

— Сдѣлайте одолженіе! съ сердцемъ разрѣшилъ предсѣдатель. Онъ не любилъ, чтобы адвокаты спрашивали свидѣтелей: «всегда чрезъ это «только» затягиваются дѣла и больше ничего»!

— Скажи мнѣ, пожалуйста: гдѣ ты былъ вотъ съ нимъ въ ту ночь, когда у твоего сосѣда пропала лошадь? спросилъ у свидѣтеля защитникъ, указывая на своего кліента.

— Въ рощу за дровами ѣздили.

— Когда вернулись?

— Совсѣмъ ободняло.

— А когда лошадь пропала?

— Мы ужь этого дѣла не знаемъ; надо быть, она безъ насъ сведена!

— Вы всѣ изъ одной деревни: и Максимовъ, и ты, и потерпѣвшій?

— А какъ же! Всѣ изъ одной!

— Ступай! Приставъ! другого свидѣтеля!

Остальные свидѣтели показали слово въ слово тоже.

— Защитникъ! что вы скажете въ подкрѣпленіе отзыва вашего кліента? Не вдавайтесь въ подробности! Говорите короче!

— На основаніи доказаннаго свидѣтелями «алиби», я прошу съѣздъ моего кліента оправдать.

Повѣренный обвинителя, которому, по убѣдительной просьбѣ, было предоставлено слово, перечислилъ вкратцѣ рядъ уликъ, по мнѣнію его, доказывавшихъ, «несмотря на алиби», полную виновность подсудимаго, а именно: «лошадиный слѣдъ въ ночь кражи отъ дома потерпѣвшаго «мимо дома» обвиняемаго и показанія свидѣтелей, удостовѣрившихъ на разбирательствѣ у мирового судьи, что на другой день кражи они видѣли человѣка, «похожаго» на подсудимаго, ѣхавшаго на лошади, «похожей» на пропавшую лошадь потерпѣвшаго, и еще что-то не помню.

— Г. прокуроръ! ваше заключеніе?

Публика насторожила уши. Тяжущіеся по опыту знаютъ, что съѣздъ всегда дѣлаетъ «какъ скажетъ прокуроръ».

Прокуроръ всталъ и закрылъ глаза. Открывъ на мгновеніе, онъ опять закрылъ ихъ.—«Соображаетъ мотивы»—шепнулъ мнѣ Кутыринъ. Простоявъ съ минуту зажмуренный, какъ бы въ глубочайшемъ раздумьи, товарищъ прокурора вдругъ широко раскрылъ глаза и точно выпалилъ, сказавши скороговоркой:

— Я полагалъ бы (сильное удареніе на «бы») приговоръ судьи утвердить и жалобу Максимова оставить безъ послѣдствій.— Сказалъ и сѣлъ.

— Защитникъ! ваше послѣднее слово?

— Доказанное «алиби» исключаетъ всякую... началъ было онъ.

— Довольно-съ! Съѣздъ удаляется на совѣщаніе.

Тотчасъ по уходѣ перваго отдѣленія, вошло второе.

— Дѣло о крестьянинѣ Василіѣ Ивановѣ, обвиняемомъ въ кражѣ дровъ изъ склада купца Калашникова. Подсудимый! Свидѣтели! Гдѣ вы тамъ?

— Я здѣсь, а одного моего свидѣтеля нѣту! отвѣчалъ подсудимый.—Боленъ оченно!

— Откладываю дѣло до слѣдующаго съѣзда! объявилъ предсѣдательствующій.

— Допросили бы хотя меня-то! напрашивался явившійся свидѣтель.—Итакъ второй разъ сюда являюсь!

— Сказалъ, что дѣло откладывается до будущаго съѣзда! строго повторилъ предсѣдательствующій.

— Такъ пожалуйте мнѣ за два раза «на прохожалое»! За тридцать пять верстъ! потребовалъ свидѣтель вознагражденія за отвлеченіе отъ занятій.

— Секретарь! запишите въ протоколъ его требованіе! Ступай! Тебѣ послѣ присудимъ что слѣдуетъ!

Три дѣла, одно за другимъ, были отложены по разнымъ причинамъ: то не всѣ свидѣтели были на лицо, то потому что не являлся подсудимый и за невозвращеніемъ обратнаго «экземпляра» нельзя было судить, вручена ли ему повѣстка и слѣдуетъ ли подвергнуть его за неявку приводу. Неявившіеся безъ законныхъ причинъ свидѣтели приговаривались къ штрафу въ размѣрѣ одного рубля.

Наконецъ, съѣздъ попалъ на дѣло, которое можно было разбирать. Это было дѣло крестьянъ подгородной деревни Позняково, Ильи Петрова и Николая Федорова, обвиняемыхъ въ кражѣ конины, принадлежащей г-ну Малкерову.

Обстоятельства дѣла были забавны. Г. Малкеровъ, Z-скій землевладѣлецъ, за недѣлю до заговѣнья передъ масляницею, послалъ своего разсыльнаго въ городъ за провизіей и, между прочимъ, приказалъ ему купить у лошадниковъ тушу конины «для собакъ». Исполнивъ всѣ порученія, разсыльный выѣхалъ изъ города, когда уже совсѣмъ стемнѣло. Не доѣзжая до деревни Позняково, на большомъ ухабѣ у него сломалась оглобля. Ни запасной оглобли, ни веревки, чтобы какъ нибудь связать сломанную, у него не было: поэтому онъ вынужденъ былъ, оставивши возъ на дорогѣ, дойти до деревни Позняково, чтобы попросить у кого либо изъ крестьянъ оглоблю взаймы. Вернувшись съ оглоблею къ возу и справивши дѣло, онъ поѣхалъ дальше и, только когда прибылъ въ усадьбу г. Малкерова, хватился, что на возу нѣтъ большого куля съ кониною. Г. Мал-

керовъ, предполагая, что куль свалился съ воза гдѣ нибудь по дорогѣ на ухабѣ, послалъ тотчасъ же его отыскивать, но посланный проѣхалъ до самаго города и куля не нашелъ. На первой недѣлѣ поста до г. Малкерова дошли слухи, что крестьяне деревни Позняково всю недѣлю до самаго заговѣнья ѣли говядину, «которую имъ Богъ послалъ на дорогѣ; тверда только была да неувариста»; къ тому же, разсыльный вспомнилъ, что въ тотъ день, когда онъ былъ въ городѣ, онъ видѣлъ тамъ нѣсколькихъ позняковскихъ крестьянъ, собиравшихся выѣзжать изъ города вслѣдъ за нимъ и даже просившихъ его нѣсколько обождать, чтобы вмѣстѣ ѣхать, и что, идя изъ деревни къ возу съ оглоблею, онъ встрѣтилъ этихъ самыхъ крестьянъ почти на въѣздѣ въ деревню. Эти данныя дали г. Малкерову поводъ подозрѣвать кого либо изъ крестьянъ деревни Позняково въ кражѣ его конины, вслѣдствіе чего онъ рѣшился произвести въ деревнѣ этой, съ помощью старшины и старосты, обыскъ. По обыску оказалось, что на дворѣ у крестьянъ Ильи Петрова и Николая Федорова подъ навозомъ были запрятаны двѣ большія, перерубленныя пополамъ берцовыя кости. На спросъ г. Малкерова, откуда они взяли эти кости, обвиненные отвѣчали, что мясниковъ въ городѣ много, что для заговѣнья самый послѣдній крестьянинъ раздобывается говядиной и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если у нихъ на дворѣ найдены говяжьи кости; а когда г. Малкеровъ объявилъ, что эти кости коневыя, то сперва бабъ, женъ и невѣстокъ обвиняемыхъ, а потомъ и самихъ обвиняемыхъ, стало сильно тошнить и рвать. Послѣ увѣщаній со стороны старшины, объвиняемые тутъ же сознались, что куль съ говядиной украли съ воза они. Принимая во вниманіе чистосердечное разкаяніе обвиняемыхъ, судья приговорилъ ихъ къ самому меньшему наказанію – къ тюремному заключенію на полтора мѣсяца.

Обвиняемые, въ отзывѣ, доказывали, что они могутъ быть признаны виновными лишь въ присвоеніи находки, такъ какъ они не знали кому принадлежитъ возъ, стоящій въ полѣ на дорогѣ.

Товарищъ прокурора, послѣ нѣсколькихъ зажмуриваній, далъ заключеніе объ оставленіи приговора судьи въ силѣ. Мотивовъ опять не высказывалось.

Второе отдѣленіе удалилось для постановки приговора, и на смѣну ему явилось первое. Предсѣдатель провозгласилъ приговоръ, которымъ апелляціонный отзывъ крестьянина Ивана Максимова оставлялся безъ послѣдствій, а приговоръ судьи — въ своей силѣ.

— Ничего не подѣлаешь! Хотя полное алиби и было дока-

зано, но другія улики были очень сильны! сказалъ защитникъ обвиняемаго, подходя къ намъ.

Началось разсмотрѣніе дѣла Ермила Петрова. Онъ явился въ съѣздъ, уже порядочно выпивши. На вопросъ предсѣдателя, «есть ли у него защитникъ», онъ громкимъ голосомъ возопилъ, что у него «есть одинъ защитникъ всѣхъ обиженныхъ—Господь Богъ на небеси». — Обстоятельства этого несложнаго дѣла уже достаточно извѣстны изъ разсказа предсѣдателя, чтобы повторять ихъ. Дѣло разсматривалось безъ свидѣтелей. На предложеніе предсѣдателя прибавить къ отзыву что либо въ свое оправданіе, Петровъ сказалъ, что онъ не можетъ отвѣчать за всякаго постояльца, который тайкомъ приведетъ къ себѣ кого-нибудь, что городовой возбудилъ это дѣло потому, что онъ ему мало далъ «объ праздникѣ», что раньше онъ всѣмъ городовымъ на подметки давалъ, да только избаловалъ ихъ и они стали ужь на всѣ сапоги просить, а ему кажется, что «это какъ будто не зачто». Въ заключеніе, онъ прибавилъ, что «городоваго онъ не билъ, въ грудь не толкалъ, а только слегка отъ себя посунулъ».

Прокуроръ, послѣ трехъ-четырехъ зажмуриваній, объявилъ, что онъ «полагалъ бы приговоръ судьи утвердить и отзывъ подсудимаго оставить безъ послѣдствій». Судъ удалился на совѣщаніе. Предсѣдательствующій втораго отдѣленія провозгласилъ приговоръ по дѣлу крестьянъ деревни Познякова. Съѣздъ утвердилъ приговоръ судьи.

Мнѣ нѣтъ надобности перечислять всѣ слушавшіяся въ это засѣданіе дѣла. По приведеннымъ образцамъ читатель можетъ судить о томъ, какъ они рѣшались. — По дѣлу Ермилы Петрова съѣздъ смягчилъ наказаніе и подвергъ обвиняемаго, вмѣсто мѣсячнаго ареста, штрафу въ десять рублей. Радость Ермилы Петрова трудно было описать:—«Сейчасъ отдавать деньги-то?» присталъ онъ къ предсѣдателю и настоялъ таки на томъ, чтобы тотъ взялъ штрафъ.

Въ часъ было разрѣшено десять дѣлъ, изъ которыхъ отложено четыре.

— Въ два-то кнута бойко стегаютъ! говорили въ толпѣ тяжущихся.

Дѣло помѣщика съ кучеромъ и на съѣздѣ было рѣшено въ пользу обвиняемаго, несмотря на то, что со стороны обвинителя были выставлены свидѣтели, сильно уличавшіе барина въ нанесеніи кучеру побоевъ палкою. Свидѣтели, выставленные со стороны барина, показали, что кучеръ «бывалъ дерзокъ на языкъ». Судья и съѣздъ признали взаимность обидъ: выходъ очень простой и обыкновенный.

Въ третьемъ часу пришли къ намъ, черезъ совѣщательную и

гостиную, «снизу» секретарь управы и дѣлопроизводитель уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Они пришли искать четвертаго для преферанса по четвертухѣ.

— У васъ, кромѣ ночнаго, есть и денной клубъ? спросилъ у меня Кутыринъ.—Гдѣ-жь его помѣщеніе?

— Въ одной изъ пустыхъ комнатъ земской управы.

— А сколько разъ въ недѣлю собираются члены?

— Ежедневно. Если хотите удостовѣриться въ справедливости моихъ словъ, пойдемте! я васъ сведу и покажу, что тамъ играютъ не менѣе, какъ на двухъ столахъ. Игра дешевая, поэтому новыя карты тамъ не въ употребленіи. Играютъ больше на игранныхъ. Такія стоятъ въ клубѣ двадцать копеекъ игра.

— И кто же играетъ?

— Вы видѣли составъ игроковъ. Иногда дѣлаютъ партію и члены земской управы, и мировые судьи, когда «рано» пріѣдутъ въ городъ.

— Господи! когда же они спятъ? когда же они дѣло дѣлаютъ?

— Дѣла, требующія экстренныхъ мѣръ, разрѣшаются тутъ же за картами! Вотъ все, что я могу вамъ сказать!

Началась серія дѣлъ братьевъ Прощекальниковыхъ, и Кутыринъ долженъ былъ «выйти» въ качествѣ защитника Петра. Защитникомъ Еферія выступилъ одинъ изъ нашихъ частныхъ повѣренныхъ. Довѣренные того и другого были тутъ же на судѣ. Такъ какъ Кутыринъ не имѣлъ свидѣтельства отъ нашего Z—скаго съѣзда на веденіе дѣлъ и потому больше трехъ дѣлъ защищать не могъ (за исключеніемъ тѣхъ, въ которыхъ подсудимые приговаривались къ тюремному заключенію, а такихъ у Прощекальниковыхъ еще не было), то чтобы быть допущеннымъ къ защитѣ по всѣмъ дѣламъ Петра Прощекальникова, онъ представилъ въ съѣздъ общую довѣренность этого послѣдняго на управленіе домомъ, дѣлами, съ правомъ ходатайствовать по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ и проч.

Сущность всѣхъ этихъ дѣлъ «между братьями», заключалась въ слѣдующемъ: Еферій и Петръ имѣли подъ общимъ и нераздѣльнымъ домомъ, доставшимся имъ года два тому назадъ, по наслѣдству отъ тетки, каждый отдѣльную лавку и вели независимо одинъ отъ другого торговлю хлѣбомъ. Петръ подалъ просьбу о судебномъ раздѣлѣ, и скоро долженъ былъ кончиться двухгодичный срокъ, предоставленный судомъ обоимъ братьямъ для полюбовнаго дѣлежа. Еферій, какъ человѣкъ — по аттестаціи роднаго брата—«неспокойнаго характера и, къ тому же, большой руки кляузникъ», никакъ не могъ прійти къ «миролюбивому» соглашенію и не сдавался ни на какія предлагаемыя ему братомъ условія въ отношеніи раздѣла наслѣдственнаго имѣнія.

Чтобы вынудить брата «выйти изъ дома» и взять «выходныхъ тысячи съ двѣ», тогда какъ каменный двухэтажный домъ, стоящій на видномъ, торговомъ мѣстѣ города, стоитъ на худой конецъ десять, онъ вздумалъ выживать брата изъ дома довольно оригинальными способами. То придетъ къ нему въ лавку и, на томъ основаніи, что домъ общій, недѣленый и, значитъ, и лавка, въ которой торгуетъ Петръ, общая, равно какъ и товаръ въ ней, станетъ за прилавокъ и начнетъ распродавать покупателямъ товаръ, составлявшій, разумѣется, исключительную собственность Петра. Если Петръ прикажетъ работнику вывести Еферія изъ лавки силой, онъ тотчасъ же отправлялся къ мировому судьѣ съ жалобою на причиненное ему братомъ насиліе и оскорбленіе словами и дѣйствіемъ. То ночью навѣситъ на двери братниной лавки свои замки и сдѣлаетъ скандалъ на всю площадь, если Петръ станетъ сбивать ихъ. То самъ собьетъ замки съ амбаровъ и сараевъ, въ которыхъ хранится движимость Петра, требуя, «по праву общаго владѣнія», половину этихъ сараевъ и амбаровъ въ свое распоряженіе и умалчивая о томъ, что надворныя постройки были давно распредѣлены между братьями по ровну. Словомъ, Еферій допекалъ Петра чуть ли не на каждомъ шагу, и этотъ послѣдній давно бы бросилъ все свое наслѣдство «до раздѣла его судомъ», еслибы этому не противилась жена его. Несмотря на то, что оба брата жили въ одномъ и томъ же домѣ, торговали въ стоявшихъ рядомъ лавкахъ, Еферій не иначе сносился съ братомъ, какъ черезъ нотаріуса. Бѣдняга Петръ, человѣкъ ограниченныхъ умственныхъ способностей и мало свѣдущій въ законахъ, всегда сильно трусилъ, получая «письмо отъ брата съ гербовою маркою на боку», изъ рукъ нотаріуса адвоката, совѣтами и услугами котораго всегда пользовался Еферій. Эти нотаріальныя заявленія писались всѣ по одной формѣ и были приблизительно такого содержанія: «Я, нижеподписавшійся, симъ удостовѣряю: во-первыхъ, что такого-то года, мѣсяца и числа, въ «такомъ то» часу, по порученію явившагося ко мнѣ «такому то», Z—скому нотаріусу, въ контору мою, находящуюся «тамъ-то», Z — скаго купца Еферія Иванова Прощекальникова, я заявлялъ брату его Z—скому же купцу Петру Иванову Прощекальникову, жительствующему вмѣстѣ съ братомъ своимъ Еферіемъ Прощекальниковымъ, въ общемъ домѣ ихъ, Прощекальниковыхъ, находящемся въ Z, на Большой Торговой Площади, въ мѣстѣ жительства означеннаго Петра Прощекальникова, о нижеслѣдующемъ: владѣя вмѣстѣ съ братомъ своимъ Петромъ Прощекальниковымъ, означеннымъ выше нераздѣльнымъ домомъ, въ каждой части котораго по закону обоимъ братьямъ совладѣльцамъ при-

надлежитъ одинако-ровное право владѣнія, пользованія и распоряженія, онъ, Еферій Прощекальниковъ, не желая доводить домъ до полнаго разстройства, признаетъ необходимымъ для поддержанія онаго въ исправномъ видѣ»... — далѣе слѣдовало изложеніе предъявляемаго къ Петру каждый разъ особаго требованія, такъ, напримѣръ: — «переслать полъ въ занимаемой Петромъ Прощекальниковымъ лавкѣ, а потому онъ, Еферій Прощекальниковъ, требуетъ, чтобы братъ его, Петръ, въ теченіи трехъ сутокъ со дня полученія сего заявленія, очистилъ занимаемую имъ лавку и предупреждаетъ, что, буде онъ, Петръ, сего не исполнитъ, то подлежитъ обязанности уплатить всѣ убытки имъ, Еферіемъ, понесенные отъ заготовки матеріала и найма плотниковъ».

— Научите, что мнѣ дѣлать! приставалъ ко мнѣ, получивши такое заявленіе, Петръ: — судовъ-то видно не хватило ему, такъ ужъ съ натрàусомъ сталъ бумаги ко мнѣ присылать? Въ прошломъ году, я отдѣлалъ на свой счетъ всю лавку и настлалъ полъ новыми досками! Что ему еще хочется? Если выбраться изъ лавки—мнѣ ужъ больше ея не видать. Какъ тутъ быть?

Я посовѣтовалъ ему дать отвѣтъ, что, такъ какъ полъ въ лавкѣ былъ исправленъ въ прошломъ году, то онъ, Петръ Прощекальниковъ, не находитъ нужнымъ удовлетворить требованію брата.

Часа черезъ два, Петръ привозитъ ко мнѣ новое заявленіе, въ которомъ Еферій все-таки настаивалъ на очищеніи лавки, потому что находитъ нужнымъ перемѣнить подъ поломъ «давно не перемѣнявшійся и потому сопрѣвшій накатъ».

— А накатъ-то я оставилъ прежній, объяснялъ мнѣ со слезами на глазахъ Петръ: — потому что онъ очень еще здоровъ былъ!.. Ну, что теперь намъ дѣлать!..

— Вы имѣете право оставить это заявленіе даже совсѣмъ безъ отвѣта, сказалъ я.

— Нѣтъ, какъ же это такъ—безъ отвѣта! Все, небось, надо что-нибудь сказать!.. Натрàусъ требуетъ—нельзя!

— Напишите, что «накатъ еще крѣпокъ».

— Я ужь и хотѣлъ, а онъ вынимаетъ изъ кармана новую бумагу отъ брата и требуетъ, чтобы я поднялъ полъ, да показалъ брату, что накатъ крѣпкій! Я только-что въ лавкѣ десять вагоновъ муки сложилъ! Ну, куда я теперь этакую аграмаду товару дѣну!..

— Въ такомъ случаѣ, вы могли бы отвѣтить, что онъ въ своей лавкѣ можетъ поднять полъ и узнать, крѣпокъ ли накатъ! Вѣдь накатъ долженъ быть одинаковый подъ обѣими лавками.

— И то правда!.. Только боюсь я, чего не было бы мнѣ за это! Я ужь къ нему и не лѣзу, въ его-то лавку! Богъ съ нимъ!

Такихъ заявленій Петръ получалъ иной разъ по три и болѣе на день. Разумѣется, силы для борьбы были далеко не равны, и Петръ часто въ слезахъ пріѣзжалъ ко мнѣ просить совѣта и помощи. Я попробовалъ-было принять его подъ свое покровительство, но послѣ двухъ трехъ дѣлъ, проигранныхъ мною у судьи и въ съѣздѣ, несмотря на очевидную правоту ихъ, я отказался отъ веденія его дѣлъ, посовѣтовавши ему обратиться за помогой къ такому же адвокату-нотаріусу, который такъ часто бомбардировалъ его заявленіями отъ брата. Отказа со стороны этого господина не послѣдовало, и Петръ скоро отучилъ брата отъ предъявленія заявленій. За то Еферій сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе, и чаще прежняго сбивалъ или навѣшивалъ замки на лавкѣ и сараяхъ, состоявшихъ въ пользованіи Петра. И, что всего замѣчательнѣе, за всѣ свои продѣлки Еферій никогда не подвергался никакой отвѣтственности. Мировой судья 1-го участка, вѣденію котораго подлежалъ городъ, всегда оправдывалъ его по жалобамъ, поданнымъ Петромъ. Всѣ удивлялись этому, и по городу ходили слухи, что «даже самъ судья очень боится этого Еферія и потому всегда рѣшаетъ дѣла въ его пользу, а ужь извѣстно, что какъ судья рѣшилъ, такъ и съѣздъ сдѣлаетъ, потому что отмѣнка очень рѣдко бываетъ!» Какъ бы то ни было, но судья, разбирая жалобы Петра на самоуправство Еферія, по бо̀льшей части признавалъ этого послѣдняго по суду оправданнымъ, не находя въ его дѣяніи признаковъ уголовнаго проступка, или прекращалъ возбужденное въ уголовномъ порядкѣ обвиненіе на основаніи 27 ст. уст. угол. суд. до разрѣшенія вопроса о правѣ собственности на недвижимость. Такимъ образомъ, у Еферія, что̀ бы онъ ни натворилъ, только и оправданій было, что домъ общій, а потому онъ, Еферій, можетъ по всему дому, а значитъ и по лавкѣ, въ которой торгуетъ Петръ, ходить и тоже торговать; что онъ имѣетъ право принимать мѣры къ охраненію общаго имущества, т. е. навѣшивать замки на братнину лавку, которая въ то же самое время принадлежитъ и ему; что онъ имѣетъ право распоряжаться въ общемъ и недѣленомъ домѣ «во всѣхъ частяхъ одинаково», а потому, желая помѣстить, напримѣръ, дрова, именно въ томъ сараѣ, въ которомъ складываетъ дрова его братъ, онъ, послѣ отказа Петра добровольно дать ему требуемое помѣщеніе, счелъ себя въ правѣ сбить замки со своего же, въ сущности, сарая, а потому и не подлежитъ за то никакой отвѣтственности, кромѣ развѣ вознагражденія въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства за испорченные пробои и сломанные замки.

Первое, подлежавшее разсмотрѣнію въ съѣздѣ дѣло между Прощекальниковыми возникло «по жалобамъ Петра Прощекальникова на брата о самоуправствѣ и Еферія Прощекальникова на оскорбленіе его дѣйствіемъ при удаленіи изъ лавки Петра Прощекальникова». Мировой судья призналъ Петра виновнымъ въ оскорбленіи Еферія дѣйствіемъ и приговорилъ его къ аресту при земскомъ арестантскомъ домѣ на недѣлю, а въ дѣяніи Еферія, по обыкновенію, не нашелъ признаковъ преступленія или проступка и потому приговорилъ: считать его по обвиненію въ самоуправствѣ отъ суда свободнымъ.

Обѣ стороны обжаловались въ съѣздѣ. Жалоба Еферія, въ которой онъ просилъ объ увеличеніи брату наказанія, была написана страницахъ на пяти и состояла въ описаніи небывалыхъ притѣсненій и оскорбленій, наносимыхъ ему братомъ Петромъ. Многіе изъ обывателей, зная хорошо положеніе дѣлъ и смирный характеръ Петра, ушамъ своимъ не вѣрили, слушая отзывъ Еферія, читаемый секретаремъ.

— Бумага-то все стерпитъ! говорили они между собой. — Ну, и начередилъ же этотъ Еферій чорта въ стулѣ!.. И все свидѣтелями подтверждаетъ! Знаемъ мы этихъ свидѣтелей: пьяница работникъ, да старуха нянька!..

Тѣмъ не менѣе, мировой судья далъ этимъ свидѣтелямъ полную вѣру и приговорилъ Петра, за то, что тотъ приказалъ работнику своему вывести Еферія вонъ изъ лавки и «пихнулъ его при этомъ», къ аресту.

Предсѣдатель, соскучась слушать жалобу Еферія, предложилъ было апеллятору изложить содержаніе ея на словахъ, но Еферій не согласился, и жалоба его была дочитана до конца.

Кутыринъ, въ подкрѣпленіе жалобы своего кліента, цѣлымъ рядомъ кассаціонныхъ рѣшеній доказывалъ, что для признанія въ дѣяніи Еферія Прощекальникова признаковъ самоуправства нѣтъ никакой надобности входить въ разсмотрѣніе того обстоятельства, кому «должно» принадлежать право собственности на спорное имущество: необходимо только установить, у кого это имущество находилось въ данный моментъ въ фактическомъ обладаніи. А такъ какъ лавка и товаръ въ ней находились въ фактическомъ обладаніи Петра Прощекальникова, то виновность этого Еферія Прощекальникова не подлежитъ никакому сомнѣнію, ибо онъ, войдя въ лавку брата и ставши за прилавокъ, получилъ съ нѣсколькихъ покупателей деньги за товаръ, принадлежавшій его брату, и сдѣлалъ все это въ присутствіи фактическаго владѣльца.

— Сводя высказанныя мною общія разсужденія къ одному

выводу, продолжалъ свою защитительную рѣчь Кутыринъ: — я нахожу, что, во 1-хъ, по показаніямъ свидѣтелей и согласно признанію самого Еферія Прощекальникова, лавка находилась во владѣніи Петра Прощекальникова, равно какъ и лежащій въ ней товаръ, и во 2-хъ, что Еферій Прощекальниковъ, войдя въ лавку Петра Прощекальникова и получа съ покупателей деньги за принадлежащій ему товаръ, вопреки ясно выраженнаго желанія Петра Прощекальникова, учинилъ самоуправство и насиліе, такъ какъ онъ ударилъ этого послѣдняго палкою по головѣ, когда тотъ предложилъ ему удалиться изъ лавки. Что же касается до дѣянія моего кліента, то я въ его-то именно дѣяніи и не нахожу состава преступленія, именуемаго самоуправствомъ, потому что «удаленіе силою лица, остающагося противъ воли хозяина въ принадлежащемъ ему помѣщеніи, не можетъ даже считаться и самоуправствомъ, ибо нельзя требовать, чтобы хозяинъ терпѣлъ у себя въ квартирѣ или иномъ помѣщеніи всякаго, пришедшаго къ нему...

— Позвольте-съ, г. защитникъ! Вы злоупотребляете нашимъ терпѣніемъ! рѣзко перебилъ Кутырина предсѣдатель. — Мы просимъ васъ не лекцію читать, а говорить суть дѣла!

— Суть дѣла заключается въ оправданіи моего кліента! отвѣтилъ, въ замѣшательствѣ, Кутыринъ.—Позвольте мнѣ, г. предсѣдатель, ко всему сказанному добавить еще словъ десять!

— Вы говорили, говорили!... Неужели еще мало?...

— Я хотѣлъ только просить съѣздъ объ оправданіи моего кліента! отвѣчалъ сбитый съ толку и переконфуженный Кутыринъ.

— Съѣздъ будетъ имѣть ваше заявленіе въ виду! Г. прокуроръ, ваше заключеніе? обратился онъ къ товарищу прокурора.

Я замѣтилъ, что товарищъ прокурора употребляетъ большія усилія, чтобъ не задремать во время длинной рѣчи Кутырина. Послѣ нѣсколькихъ помаргиваній и гримасъ, онъ объявилъ, что «полагалъ бы приговоръ судьи утвердить».

Предсѣдатель и мировой судья 4-го участка подпялись со своихъ мѣстъ и уже порядкомъ отошли отъ стола, а мировой судья 2-го участка все еще сидитъ, облокотившись на столъ и закрывши лицо руками. Онъ спалъ.

— Мы идемъ, толкнулъ его предсѣдатель.—А вы что же?

Тотъ встрепенулся.

— Нѣтъ, я пасъ! съ просонья отвѣтилъ онъ, махая руками, какъ это всегда дѣлалъ, когда хотѣлъ показать, что «у него ничего нѣтъ» и чтобы «играли безъ него», и потомъ, быстро сообразивъ въ чемъ дѣло, вскочилъ съ мѣста и прежде другихъ проскользнулъ въ совѣщательную.

— Ну, ужъ съѣздъ!.. Товарищъ прокурора дремлетъ, одинъ

изъ судей совсѣмъ спитъ, а предсѣдатель съѣзда не приказываетъ злоупотреблять его терпѣніемъ!... Извольте послѣ этого добросовѣстно защищать дѣла!... Гм! Злоупотреблять терпѣніемъ! Ну, а нашимъ-то не злоупотреблялъ онъ? приставалъ ко мнѣ Кутыринъ, когда судьи удалились на совѣщаніе. — Скажите: у васъ всегда такъ, или это я, по особенному своему несчастію, попалъ именно на такой сонный съѣздъ?

— Почти всегда такъ.

Согласно заключенію товарища прокурора, рѣшеніе судьи было утверждено.

Обѣ стороны заявили неудовольствіе. «Въ сенатъ, непремѣнно въ сенатъ!» твердилъ Кутыринъ. Какъ я предсказывалъ, онъ проигралъ всѣ дѣла Петра Прощекальникова, такъ какъ, «согласно заключенію товарища прокурора», всѣ приговоры мироваго судьи были утверждены. Петръ Прощекальниковъ съ горя заплакалъ.

— Если по всѣмъ дѣламъ въ сенатъ, то безъ малаго полтораста рублей залогу придется платить! Видно придется отсиживать! говорилъ онъ.

Два мои дѣла были отложены, одно за неврученіемъ повѣстки противной сторонѣ, другое—по неявкѣ свидѣтелей, вызванныхъ моими противниками; два остальныхъ я выигралъ и въ томъ числѣ дѣло «о взысканіи священникомъ Рождественскимъ съ мѣщанина Ечеистова его дочери, или стоимости ея воспитанія.» Такъ какъ четвертый часъ былъ уже на исходѣ, то товарищъ прокурора упросилъ предсѣдателя «пустить» частныя жалобы, слушавшіяся въ Z—скомъ съѣздѣ то же съ заключеніемъ товарища прокурора, прежде остальныхъ гражданскихъ дѣлъ, «потому что одинъ изъ слѣдователей просилъ его къ себѣ на обѣдъ и неловко будетъ заставлять хозяйку дожидаться». Разумѣется, просьба была немедленно исполнена.

Освободившійся товарищъ прокурора по дорогѣ въ совѣщательную, гдѣ у него лежали пальто и шляпа, забѣжалъ къ намъ, въ кучку адвокатовъ, и предложилъ подписаться «на красный крестъ». Мы дали по рублю, записавши наши пожертвованія въ выданную г. Шрапсъ для сбора книжку. Не избѣжалъ общей участи и Кутыринъ, несмотря на возраженіе, что онъ уже вписалъ въ эту самую книжку въ Губернскѣ три рубля.

— Потрудитесь и вы вписать что-нибудь въ мою! Я тоже собираю на «красный крестъ!» предложилъ онъ товарищу прокурора, вынимая изъ бокового кармана своего сюртука такую же точно книжку для сбора пожертвованій.—Самое вѣрное средство, чтобы никто не приставалъ со сборомъ, это—запастись самому

подобной книжицей!.. Тогда кто и сунется—самъ попадетъ на крючокъ! смѣясь говорилъ Кутыринъ.

Шрапсъ вписалъ ему рубль.

— Мы ужь не будемъ размѣниваться рублями! сказалъ Кутыринъ, видя, что тотъ полѣзъ въ карманъ.—Мы внесемъ въ кассу каждый свой рубль!

— У насъ въ Губернскѣ почти весь городъ съ книжками, разсказывалъ онъ мнѣ, пользуясь свободной минутой, пока Шрапсъ прощался съ судьями:—дамы по улицамъ съ кружками ходятъ, а мужчины съ книжками!.. Я платилъ, платилъ, да и думаю себѣ, дай-ка схлопочу книжечку для сбора—авось подѣйствуетъ! И точно: какъ узнали, что у меня книжка есть—перестали приставать, а то прежде отбою не было!..

Проигравши всѣ дѣла Петра Прощекальникова, Кутыринъ обозлился.

— Сколько разъ я давалъ себѣ зарокъ не брать дѣлъ ни у мировыхъ судей, ни въ съѣздахъ! Нѣтъ, на этотъ разъ, клятву даю и ни за какія тысячи въ съѣзды въ эти ни ногой!.. Петръ Иванычъ! обратился онъ къ своему плачущему кліенту.—Берите примѣръ со съѣзда! Вы съ братомъ въ одномъ домѣ ужиться не можете, а здѣсь вотъ съѣздъ съ клубомъ или клубъ со съѣздомъ мирно и безмятежно живутъ, да поживаютъ!.. Мнѣ такъ понравился вашъ клубъ-съѣздъ, что я рѣшаюсь остаться въ вашемъ Z на сегодняшній вечеръ, съ условіемъ, чтобы вы дали мнѣ возможность участвовать на вашемъ вечернемъ засѣданіи комитета «краснаго креста!» Для этого нужно внести десять рублей, кажется? Да!.. Я плачу и дѣлаюсь членомъ вашего комитета! Засѣданіе должно быть очень интересно, а мнѣ все равно до утренняго поѣзда придется пробыть здѣсь... Однако, «господинъ прокурорскій надзоръ» отправился обѣдать. Не худо бы и намъ послѣдовать его примѣру!..

Я пригласилъ его къ себѣ.

— Вотъ и отлично! Пообѣдаемъ, отдохнемъ, а вечеромъ отправимся въ вашъ клубъ-съѣздъ на засѣданіе!.. Не правда ли, я былъ очень кратокъ по всѣмъ остальнымъ дѣламъ Прощекальникова: «прошу уважить апелляцію моего кліента!» И только! Предсѣдателю это очень понравилось! За то мнѣ не понравилось, что я проигралъ всѣ пятнадцать дѣлъ! Это случается со мной въ первый разъ въ жизни! А каковы заключенія товарища прокурора? болталъ Кутыринъ дорогою къ моей квартирѣ.—Встать. Зажмуриться. Постоять и разомъ выпалить: «Я полагалъ-бы оставить приговоръ въ силѣ, а жалобу безъ послѣдствій!!»... Я думаю, что Петръ Прощекальниковъ могъ бы быть отличнымъ товарищемъ прокурора! Ха, ха, ха!..

В. Кротковъ.

ИСТОРІЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

СОЧ. ВИКТОРА ГЮГО.

III.

Сентъ-Антуанская баррикада.

Вотъ что произошло.

Въ эту самую ночь, де-Флоттъ, съ четырехъ часовъ утра, находился въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ. Онъ хотѣлъ, чтобъ тамъ былъ представитель народа, на случай, еслибъ до разсвѣта обнаружилось какое-нибудь движеніе; онъ былъ изъ числа тѣхъ, которые, въ минуту возстанія за право, закладываютъ камни первой баррикады.

Но ничто не тронулось. Одинъ среди безлюднаго и спящаго предмѣстья, де-Флоттъ цѣлую ночь бродилъ изъ улицы въ улицу.

Въ декабрѣ свѣтаетъ поздно. Ранѣе перваго утренняго мерцанія, де-Флоттъ уже былъ на назначенномъ мѣстѣ противъ Ленуаровскаго рынка.

Пунктъ этотъ лишь слабо охранялся. Въ окрестностяхъ не было войскъ, кромѣ поста на самомъ рынкѣ и, на небольшомъ разстояніи, другого поста на углу предмѣстья и Монтрельской улицы, около стараго дерева свободы, посаженнаго въ 1793 году Сантерромъ. Ни тѣмъ, ни другимъ постами не командовали офицеры.

Де-Флоттъ осмотрѣлъ позицію, нѣкоторое время ходилъ взадъ и впередъ по троттуару; потомъ, видя, что никто не идетъ и боясь возбудить вниманіе, удалился въ поперечныя улицы предмѣстья.

Обри (изъ Сѣвернаго Департамента), съ своей стороны, поднялся въ пять утра. Пришедши изъ улицы Попенкуръ домой поздно ночью, онъ спалъ всего три часа. Портьѐ сообщилъ ему въ

предостереженіе, что какіе-то подозрительные люди спрашивали его вечеромъ 2-го числа, и что въ эту же улицу Расина, въ домъ № 12, противъ Обри, приходили арестовать Гюгенена. Обри рѣшился выйти изъ дому до зари.

Онъ пошелъ пѣшкомъ въ Сентъ-Антуанское предмѣстье. Приближаясь къ условленному мѣсту, онъ встрѣтилъ Курнѐ и другихъ изъ кружка улицы Попенкуръ. Вслѣдъ за этимъ къ нимъ присоединился Маардье.

Свѣтало. Предмѣстье было пустынно. Они шли, не обращая вниманія на окружавшее и тихо говоря между собой. Вдругъ около нихъ мелькнула грубая и странная кучка людей.

Они повернули головы. Это былъ пикетъ уланъ, окружавшій нѣчто, въ чемъ они сквозь полумракъ, распознали тюремную карету. Она безъ шума катилась по макадаму.

Они спрашивали себя, что̀ это могло значить. Показалась вторая група, подобная первой, затѣмъ третья, затѣмъ четвертая. Такъ проѣхало десять арестантскихъ каретъ, слѣдуя одна за другой, на такомъ близкомъ разстояніи, что онѣ почти соприкасались.

«Да это наши товарищи!» закричалъ Обри.

Дѣйствительно, черезъ предмѣстье слѣдовалъ послѣдній транспортъ депутатовъ, взятыхъ на набережной Орсѐ. Было около семи часовъ утра. Кое-какія лавки отпирались; онѣ были освѣщены внутри; кое-какія лица изъ домовъ выходили на улицу.

Запертыя, охраняемыя стражей, мрачныя, безмолвныя, кареты эти слѣдовали одна за другой; изъ нихъ не слышалось ни говора, ни возгласа, ни дыханія. Среди шпагъ, сабель и пикъ, онѣ съ яростною быстротой вихря уносили нѣчто, погруженное въ молчаніе; и это нѣчто, со своимъ зловѣщимъ молчаніемъ, представляло собой разрушенную трибуну, верховную власть собраній, источникъ, откуда идетъ просвѣщеніе, слово, несущее въ себѣ будущность вселенной, слово свободной Франціи!

Подъѣхала послѣдняя карета; не знаю, какая случайность ее задержала. Отъ главнаго конвоя она отстала метровъ на триста, на четыреста; сопровождали ее всего три улана. Эта была не арестантская карета, а омнибусъ, единственный во всемъ транспортѣ. За кондукторомъ, должность котораго исправлялъ полицейскій агентъ, ясно можно было разглядѣть депутатовъ, тѣсно набитыхъ въ карету. Казалось, легко было ихъ освободить.

Курнѐ обратился къ прохожимъ. «Граждане, закричалъ онъ: — вѣдь это вашихъ представителей везутъ! Вы сейчасъ видѣли ихъ, запертыхъ въ кареты, назначенныя для преступниковъ! Бо-

напартъ арестовалъ ихъ вопреки всякому праву. Освободимъ ихъ! Къ оружію!»

Собралась кучка блузниковъ и рабочихъ, шедшихъ на работу. Изъ этой кучки послышался крикъ: «Да здравствуетъ республика!» Нѣсколько человѣкъ ринулись-было къ омнибусу. Омнибусъ и уланы пустились галопомъ.

«Къ оружію!» повторилъ Курнѐ.

«Къ оружію!» отвѣтила толпа.

Была минута одушевленія. Кто знаетъ, что тогда могло бы произойти? Любопытно было бы, еслибъ для первой же баррикады противъ государственнаго переворота послужилъ этотъ омнибусъ, еслибъ онъ, бывши орудіемъ преступленія, пригодился на дѣло возмездія. Но въ то мгновеніе, когда народъ бросился на карету, изъ нея нѣсколько человѣкъ депутатовъ стали дѣлать знаки руками, чтобы воздержались отъ покушенія. «Да они сами не хотятъ!» сказалъ одинъ рабочій.

Другой прибавилъ: «Имъ свободы не нужно!»

Третій сказалъ: «Они не хотѣли свободы для насъ, теперь и для себя не желаютъ».

Этимъ все было сказано; омнибусу дали свободно проѣхать. Минуту спустя, подоспѣлъ арьергардъ конвоя и пронесся крупною рысью, и толпа, собравшаяся около Обри, Малардье и Курнѐ, разошлась.

Кафе Руазенъ только-что открылся. Читатель помнитъ, что зала этого кафе послужила для засѣданій одного клуба, знаменитаго въ 1848 году. Онъ помнитъ также, что свиданіе было назначено именно въ этомъ кафе.

Въ кафе Руазенъ входятъ черезъ корридоръ, открывающійся на улицу, затѣмъ надо пройти сѣни, въ нѣсколько метровъ длиной, и вы вступаете въ залу, довольно большую, съ высокими окнами и зеркалами вдоль стѣнъ; въ срединѣ, нѣсколько бильярдовъ; столики съ мраморными досками, стулья и скамейки обиты бархатомъ. Вотъ эта-то зала, впрочемъ, неудобная для совѣщательнаго засѣданія, была залой руазенова клуба. Курне, Обри и Малардье въ ней усѣлись. Они не скрывали, кто они такіе; ихъ приняли хорошо и на всякій случай показали выходъ черезъ садъ.

Де-Флоттъ только-что присоединился къ нимъ. Было восемь часовъ, когда начали собираться депутаты. Брюкнеръ, Мень и Брилье сначала, потомъ одинъ за другимъ Шарамоль, Кассаль, Дюлакъ, Бурза, Мадье де-Монжо и Боденъ. По случаю грязи, Бурза, согласно своему обыкновенію, былъ въ деревянныхъ башмакахъ. Кто принялъ бы Бурза за крестьянина, тотъ впалъ бы

ошибку: это бенедиктинскій монахъ. Бурза, этотъ южный умъ, живой, тонкій, носилъ въ головѣ «Энциклопедію», а на ногахъ деревянные башмаки. Онъ былъ, въ одно и тоже время, представителемъ духа и народа. Бывшій членъ учредительнаго собранія Бастидъ пришелъ вмѣстѣ съ Мадье-де-Монжо. Боденъ горячо жалъ руку всѣмъ, но не говорилъ. Онъ былъ задумчивъ. «Что съ вами, Боденъ? спросилъ его Обри. — Вы грустны?» — «Я? отвѣчалъ Боденъ, подымая голову: — я никогда не былъ такъ доволенъ!»

Или онъ уже чувствовалъ себя избранникомъ? Когда стоишь такъ близко къ смерти, сіяющей лучами славы, — быть можетъ, ужь видишь ее.

Нѣсколько человѣкъ, непринадлежащихъ къ національному собранію, не менѣе полныхъ рѣшимости, какъ и сами депутаты, сопровождали и окружали ихъ.

Во главѣ ихъ былъ Курнѐ. Между ними были рабочіе, но блузъ не было. Чтобы не запугать буржуазіи, нарочно посовѣтовали рабочимъ, особенно отъ Дерона и Кайля, придти въ сюртукахъ.

Боденъ захватилъ съ собой копію съ прокламаціи, которую я ему продиктовалъ наканунѣ, Курнѐ развернулъ и прочелъ ее. «Распорядимтесь сейчасъ же прибить ее къ стѣнамъ въ предмѣстьѣ», сказалъ онъ. — «Пусть народъ узнаетъ, что Луи Бонапартъ—внѣ закона». Тутъ былъ рабочій литографъ—онъ вызвался немедленно напечатать ее. Всѣ присутствовавшіе представители подписали прокламацію и прибавили мою фамилію къ своимъ подписямъ. Обри въ заголовкѣ поставилъ: «Національное собраніе». Рабочій унесъ прокламацію и сдержалъ слово. Нѣсколько часовъ спустя, Обри, а позже одинъ пріятель Курнѐ, нѣкто Гѐ, видѣлъ въ предмѣстьи Тампль этого рабочаго, какъ онъ, съ горшечкомъ клея въ рукѣ, прилаживалъ прокламацію къ стѣнамъ и на всѣхъ перекресткахъ. Онъ приклеивалъ ее какъ разъ рядомъ съ афишой Мона, грозившей смертною казнью всякому, кого найдутъ приклеивающимъ къ стѣнѣ воззваніе къ оружію. Сбиравшіяся кучки людей читали обѣ афиши заразъ. Вотъ подробность, достойная замѣчанія: армейскій сержантъ въ мундирѣ, и съ ружьемъ на плечѣ, сопровождалъ рабочаго, служа ему охраной. Безъ сомнѣнія, это былъ солдатъ, возвращавшійся съ поста.

Время, назначенное наканунѣ для сходки, было между девятью и десятью часами утра. Выбрали этотъ часъ для того, чтобъ успѣть дать знать всѣмъ членамъ лѣвой стороны. Надлежало выждать, пока соберутся представители, такъ чтобы група имѣла видъ общаго собранія и чтобы ея заявленія получили бо́льшую внушительность для предмѣстья.

Многіе изъ прибывшихъ уже депутатовъ не имѣли при себѣ шарфовъ. На-скоро, въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ, имъ смастерили шарфы изъ полосъ краснаго, бѣлаго и синяго коленкора. Боденъ и де-Флоттъ были изъ числа облеченныхъ въ эти импровизированные шарфы.

Однако, не было еще и девяти часовъ, какъ вокругъ депутатовъ уже начались выраженія нетерпѣнія. [1]

Многіе раздѣляли этотъ великодушный порывъ.

Боденъ хотѣлъ выждать.

— Не станемъ начинать ранѣе срока, говорилъ онъ:—дадимъ товарищамъ собраться.

Но вокругъ него въ полголоса говорили: «Нѣтъ, начинайте, дайте сигналъ, выходите. Предмѣстье возстанетъ, какъ только завидитъ ваши шарфы. Васъ мало, но здѣсь знаютъ, что ваши друзья прибудутъ на подкрѣпленіе. Довольно и этого. Начинайте».

Послѣдствія показали, что эта поспѣшность могла лишь породить неудачу. Но они разсуждали, что представители народа должны прежде всего подавать примѣръ личнаго мужества. Не дать угаснуть ни одной искрѣ, идти въ бой первыми, идти впередъ—это былъ ихъ долгъ. Кажущееся колебаніе, дѣйствительно, было бы даже пагубнѣе безумной отваги.

Шёльхеръ рожденъ героемъ: въ немъ живетъ доблестная жажда опасности.

— Впередъ, закричалъ онъ:—друзья поспѣютъ. Выйдемъ.

Оружія у насъ не было.

— Отберемъ оружіе у этого караула», сказалъ Шёльхеръ.

Они вышли изъ залы Руазена въ порядкѣ, по два въ рядъ, подъ руку. Человѣкъ пятнадцать или двадцать изъ народа шли позади. Они подвигались впередъ съ крикомъ: «Да здравствуетъ республика! Къ оружію!»

Впереди и позади шло небольшое число дѣтей, которыя кричали: «Да здравствуетъ Гора!»

---

[1] Было также и недоразумѣніе на счетъ условленнаго момента. Нѣкоторые ошиблись и думали, что надо было прибыть въ девять. Пришедшіе первыми нетерпѣливо ждали своихъ товарищей. Въ половинѣ девятаго ихъ было на лицо, какъ сказано, отъ двѣнадцати до пятнадцати человѣкъ. Одинъ изъ нихъ только-что пришелъ, какъ воскликнулъ: «Время теряется, надѣнемъ шарфы, покажемъ народу его представителей, воздвигнемъ вмѣстѣ съ нимъ баррикады. Мы спасемъ, быть можетъ, страну, а навѣрное, честь партіи. За дѣло! построимъ баррикады». Всѣ тутъ же согласились съ нимъ; только одинъ, гражданинъ Боденъ, возобновилъ страшное возраженіе: «Мы здѣсь не въ достаточномъ числѣ для принятія подобнаго рѣшенія». Но увлеченный остальными, онъ присоединился къ общему мнѣнію; онъ облегчилъ совѣсть, оговорившись относительно принципа, а затѣмъ былъ не послѣднимъ изъ надѣвшихъ шарфы. Шёльхеръ, Histoire des crimes du 2 décembre, стр. 130—131.

Запертыя лавки отворялись. Нѣсколько человѣкъ показалось на порогѣ дверей, нѣсколько женщинъ—у оконъ. Кучки рабочихъ, шедшихъ на дневную работу, глядѣли на проходившихъ депутатовъ. Кричали: «Да здравствуютъ наши представители! Да здравствуетъ республика!»

Вездѣ было сочувствіе, нигдѣ не было возстанія. Дорогою шествіе росло мало.

Какой-то человѣкъ, ведшій осѣдланную лошадь, присоединился къ шествію. Неизвѣстно было, ни кто онъ, ни откуда у него лошадь. Словно онъ предлагалъ ее тому, кто захочетъ бѣжать. Депутатъ Дюлакъ приказалъ ему удалиться.

Такимъ образомъ они дошли до караула на улицѣ Монтрейль. Завидя ихъ, часовой призвалъ солдатъ къ оружію. Они выскочили толпой.

Шёльхеръ, спокойный, невозмутимый, въ бѣломъ галстухѣ и манжетахъ, въ черной одеждѣ, какъ всегда, застегнутый наглухо въ своемъ плотно прилегавшемъ сюртукѣ, прямо пошелъ имъ на встрѣчу, имѣя видъ неустрашимаго и любвеобильнаго квакера.

— Товарищи, сказалъ онъ имъ:—мы—представители народа, и именемъ народа пришли отобрать у васъ оружіе для защиты конституціи.

Караулъ далъ себя обезоружить. Только сержантъ сдѣлалъ видъ, что сопротивляется, но ему сказали: «Вы одни», и онъ сдался. Представители роздали ружья и патроны небольшой безстрашной кучкѣ, окружавшей ихъ.

Нѣкоторые солдаты закричали: «Зачѣмъ вы отнимаете у насъ ружья? Мы сражались бы съ вами за васъ».

Депутаты посовѣтовались, принять ли имъ это предложеніе. Шёльхеръ былъ за него. Но одинъ изъ депутатовъ замѣтилъ, что нѣсколько мобилей сдѣлали такое же предложеніе іюньскимъ инсургентамъ и потомъ обратили оружіе, оставленное имъ возстаніемъ, противъ него же.

И такъ, ружей не отдали.

Отобравъ оружіе, принялись его считать. Было пятнадцать ружей.

— Насъ полтораста человѣкъ, сказалъ Курнѐ:—у насъ не хватитъ ружей.

— Такъ гдѣ же еще караулъ? спросилъ Шёльхеръ.

— На рынкѣ Ленуаръ.

— Возьмемъ и тамъ.

Съ Шёльхеромъ во главѣ и въ сопровожденіи пятнадцати вооруженныхъ человѣкъ, депутаты пошли на рынокъ. Тамошній караулъ выдалъ оружіе еще охотнѣе, чѣмъ монтрейль-

скій. Солдаты поворачивались задомъ, чтобъ у нихъ брали патроны изъ сумокъ.

Ружья тотчасъ же зарядили.

— Теперь, закричалъ де Флоттъ:—у насъ тридцать ружей, выберемъ перекрестокъ и устроимъ баррикаду.

Ихъ было человѣкъ двѣсти.

Они поднялись по улицѣ Монтрейль. Сдѣлавъ шаговъ пятьдесятъ, Шёльхеръ сказалъ:—«Куда мы идемъ? Мы повернулись спиной къ Бастиліи; это значитъ, повернулись спиной къ битвѣ». Они возвратились въ предмѣстье. Они кричали: къ оружію! Имъ отвѣчали: да здравствуютъ наши представители! Но лишь нѣсколько молодыхъ людей присоединилось къ нимъ. Очевидно было, что вѣтеръ возстанія не дулъ еще.

— Что за дѣло! говорилъ де-Флоттъ:—завяжемъ борьбу. Пусть намъ достанется слава пасть первыми.

Когда они поровнялись съ тѣмъ пунктомъ, гдѣ улицы S-te Marguerite и de Cotte сходятся одна съ другой и пересѣкаютъ предмѣстье, крестьянская телега съ навозомъ въѣзжала въ улицу S-te Marguerite.

— Сюда! закричалъ де-Флоттъ.

Они остановили телегу съ навозомъ и опрокинули ее посреди улицы Сент-Антуанскаго предмѣстья.

Проѣзжала молочница. Они опрокинули телегу молочницы.

Булочникъ ѣхалъ въ своей тележкѣ, нагруженной хлѣбами; увидавъ, что̀ тутъ дѣлается, онъ хотѣлъ обратиться въ бѣгство, и пустилъ лошадь свою галопомъ. Двое или трое уличныхъ мальчиковъ—этихъ парижскихъ гаменовъ, которые храбры, какъ львы, и проворны, какъ кошки—побѣжали за булочникомъ, обогнали его лошадь, продолжавшую скакать, остановили ее и воротили назадъ. Тележку съ хлѣбами опрокинули.

Появился омнибусъ, ѣхавшій отъ Бастиліи.

— Ладно! сказалъ кондукторъ.—Я вижу въ чемъ дѣло.

Онъ добровольно слѣзъ и высадилъ пассажировъ; потомъ, кучеръ отпрягъ лошадей и уѣхалъ на нихъ. Омнибусъ опрокинули также.

Три телеги и омнибусъ, поставленные въ рядъ, едва загораживали улицу, очень широкую въ этомъ мѣстѣ. Разставляя ихъ, люди баррикады говорили: «Не надо слишкомъ портить экипажей». Баррикада вышла плохенькая, довольно низкая, довольно короткая, и оставлявшая троттуары свободными съ обѣихъ сторонъ.

Въ эту минуту проѣзжалъ офицеръ генеральнаго штаба, въ сопровожденіи ординарца; увидавъ баррикаду, онъ помчался во весь опоръ.

Шёльхеръ спокойно осматривалъ опрокинутыя телеги. Поровнявшись съ телегой крестьянина, возвышавшейся надъ всѣми другими, онъ сказалъ: «Только эта одна и годится».

Баррикада подвигалась. Набросали еще нѣсколько корзинъ, отъ которыхъ она стала больше и выше—но которыя не усиливали ее.

Ее продолжали воздвигать, когда прибѣжалъ ребенокъ, крича: солдаты! И дѣйствительно, двѣ роты бѣглымъ шагомъ шли отъ Бастиліи, черезъ предмѣстье. Раздѣленные на взводы съ небольшими промежутками, они загораживали всю улицу. Двери и окна поспѣшно запирались.

Въ это время, у баррикады, гдѣ то въ углу, невозмутимый Бастидъ съ серьёзнымъ видомъ, разсказывалъ Мадье де-Монжо анекдотъ.—«Мадье! говорилъ онъ:—около двухъ сотъ лѣтъ назадъ, принцъ Конде, готовясь дать битву, въ этомъ самомъ предмѣстьѣ, гдѣ мы теперь находимся, спрашивалъ состоявшаго при немъ офицера: «Видалъ ли ты когда нибудь проигранное сраженіе?»—«Нѣтъ, ваша свѣтлость».— Ну, такъ ты увидишь сейчасъ».—Я, Мадье, говорю вамъ сегодня: Вы сейчасъ увидите взятую баррикаду».

Однакожъ, всѣ, у кого было оружіе, заняли боевую позицію, позади баррикады. Рѣшительная минута приближалась.

— Граждане! вскричалъ Шёльхеръ:—не дѣлайте ни одного выстрѣла. Когда битва происходитъ между арміей и предмѣстьемъ, то съ обѣихъ сторонъ течетъ кровь народа. Дайте намъ сначала говорить съ солдатами.

Онъ влѣзъ на одну изъ корзинъ; другіе представители стали рядомъ съ нимъ, на омнибусѣ. Малардье и Дюлакъ находились по правую сторону отъ него. Дюлакъ сказалъ ему:—Вы едва меня знаете, гражданинъ Шёльхеръ, но я васъ люблю. Позвольте мнѣ оставаться при васъ. Я въ собраніи на второмъ планѣ; но въ битвѣ хочу быть на первомъ.

Въ эту минуту, нѣсколько блузниковъ, изъ тѣхъ, которыхъ завербовали 2-го декабря, находились на углу улицы S-te Marguerite, около самой баррикады и закричали: Долой двадцатипяти франковиковъ!

Боденъ, уже выбравшій себѣ постъ и стоявшій на баррикадѣ, пристально посмотрѣлъ на этихъ людей и сказалъ:—Вы увидите, какъ умираютъ за двадцать пять франковъ!

На улицѣ послышался шумъ.—Послѣднія двери, остававшіяся отпертыми, захлопнулись. Обѣ колонны, предназначенныя къ аттакѣ, появились въ виду баррикады. Далѣе, смутно виднѣлись другіе ряды штыковъ. Это были тѣ, которые загородили мнѣ дорогу.

Шёльхеръ, повелительно поднявъ руку, сдѣлалъ знакъ капитану, командовавшему первыми взводами, остановиться.

Капитанъ сдѣлалъ своей шпагой отрицательное движеніе. Все 2-е декабря сказалось въ этихъ двухъ жестахъ.—Законъ говорилъ: Остановитесь! Сабля отвѣчала—нѣтъ!

Обѣ роты продолжали двигаться впередъ, но медленно, и сохраняя свои интервалы.

Шёльхеръ сошелъ съ баррикады, на улицу. Де-Флоттъ, Дюлакъ, Малардье, Бриллье, Мень, Брюкнеръ послѣдовали за нимъ.

Тогда представилось прекрасное зрѣлище.

Семь представителей народа, ничѣмъ не вооруженные, кромѣ своихъ шарфовъ, т. е. облеченные въ законъ и право, шли прямо къ солдатамъ, которые ожидали ихъ, прицѣлившись.

Другіе представители, остававшіеся на баррикадѣ, дѣлали послѣднія приготовленія къ битвѣ. Бойцы имѣли отважный видъ. Морской лейтенантъ Курнѐ превосходилъ ихъ всѣхъ своимъ ростомъ. Боденъ все еще стоялъ на опрокинутомъ омнибусѣ, до половины выставившись изъ-за баррикады.

При видѣ семи представителей, солдаты и офицеры на мгновеніе оцѣпенѣли. Однакожъ, капитанъ сдѣлалъ представителямъ знакъ остановиться.

Они останавились дѣйствительно, и Шёльхеръ сказалъ торжественнымъ голосомъ:

— Солдаты! мы—представители самодержавнаго народа; мы—ваши представители; мы избранные, посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, во имя конституціи, во имя всеобщей подачи голосовъ, во имя республики — мы, въ которыхъ олицетворяется національное собраніе, олицетворяется законъ, приказываемъ вамъ присоединиться къ намъ, требуемъ, чтобъ вы намъ повиновались. Ваши начальники — мы. Армія принадлежитъ народу, и представители народа—вожди арміи. Солдаты! Луи Бонапартъ нарушаетъ конституцію, мы объявили его внѣ закона. Повинуйтесь намъ. Офицеръ, командовавшій отрядомъ, — капитанъ, по имени Пети,—не далъ ему докончить.

— Господа! сказалъ онъ.—Мнѣ даны приказанія. Я изъ народа, я республиканецъ, какъ и вы, но я только орудіе.

— Вы знаете конституцію? спросилъ Шёльхеръ.

— Я знаю только данное мнѣ приказаніе.

— Есть приказаніе, стоящее выше всѣхъ другихъ, продолжалъ Шёльхеръ:—обязывающее одинаково и солдата, и гражданина—это законъ.

Онъ снова обратился-было къ солдатамъ, но капитанъ закричалъ ему:

— Ни слова болѣе. Вы не будете продолжать. Если вы прибавите хоть слово, то я велю стрѣлять.

— Намъ все равно! сказалъ Шёхьхеръ.

Въ эту минуту подъѣхалъ офицеръ верхомъ. Это былъ батальонный командиръ. Онъ о чемъ-то пошептался съ капитаномъ.

— Господа представители! началъ снова капитанъ, махая шпагой:—удалитесь, или я велю дать залпъ.

— Стрѣляйте! вскричалъ де-Флоттъ.

Представители сняли свои шляпы и приготовились встрѣтить ружейные выстрѣлы. Шёльхеръ одинъ оставался въ шляпѣ и ожидалъ, скрестивъ руки на груди.

— Въ штыки! скомандовалъ капитанъ.

— Да здравствуетъ республика! вскричали представители.

Штыки опустились; и солдаты бѣглымъ шагомъ двинулись на неподвижно-стоявшихъ представителей.

Это была ужасная и величественная минута.

Семь представителей видѣли, какъ штыки приближались къ нимъ, и не произнесли ни одного слова, не сдѣлали ни жеста, ни шага назадъ. Но если въ душѣ ихъ не было колебанія—оно было въ сердцахъ солдатъ.

Солдаты сознавали ясно, что тутъ былъ двойной позоръ для мундира: посягательство на представителей народа, т. е. измѣна; и убійство безоружныхъ людей, т. е. подлость. Это—пара эполетъ, съ которой иногда уживается генералъ, но солдатъ—никогда.

Штыки были такъ близко отъ представителей, что касались ихъ; но вдругъ они сами собой отклонились; и солдаты, повинуясь единодушному движенію, прошли между представителями, не сдѣлавъ имъ никакого вреда. У одного Шёльхера сюртукъ былъ прорванъ въ двухъ мѣстахъ; но, по его собственному убѣжденію, это произошло скорѣй вслѣдствіе неловкости, нежели вслѣдствіе дурного намѣренія. Одинъ солдатъ, стоявшій противъ него, хотѣлъ отстранить его отъ капитана и задѣлъ штыкомъ его платье. Остріё штыка встрѣтило книжку адресовъ представителей, которую Шёльхеръ носилъ въ карманѣ, и только прорвало одежду.

Одинъ солдатъ сказалъ де-Флотту: «Гражданинъ, мы не хотимъ дѣлать вамъ никакого зла».

Однакожъ, другой солдатъ прицѣлился въ Брюкнера.

— Ну, что-жъ, стрѣляйте! сказалъ Брюкнеръ.

Солдатъ, растроганный, опустилъ ружье и пожалъ руку Брюкнера.

Явленіе поразительное, что обѣ роты, одна за другой, послѣ-

довательно приближались къ представителямъ, скрещивали штыки и отворачивались. Инстинктъ бралъ верхъ надъ приказаніями; въ приказаніи таилось преступленіе; въ инстинктѣ — честь. Батальонный командиръ говорилъ впослѣдствіи: намъ сказали, что мы будемъ имѣть дѣло съ разбойниками, а мы нашли героевъ.

Однакожъ, на баррикадѣ тревожились. Видя представителей окруженными, хотѣли помочь имъ; и кто-то выстрѣлилъ изъ ружья. Этотъ несчастный выстрѣлъ убилъ солдата, между де-Флоттомъ и Шёльхеромъ.

Офицеръ, командовавшій вторымъ взводомъ, проходилъ мимо Шёльхера, когда бѣдный солдатъ упалъ. Шёльхеръ, указывая офицеру на лежавшаго, произнесъ:—«Посмотрите, поручикъ!»

Офицеръ отвѣчалъ съ жестомъ отчаянія:—«Что же намъ дѣлать»!

Обѣ роты отвѣчали на выстрѣлъ общимъ залпомъ, и бросились на приступъ, оставивъ позади себя семерыхъ представителей, которые не могли понять, какъ они еще цѣлы.

Съ баррикады сдѣлали также залпъ, но она не могла держаться. Ее взяли. Боденъ былъ убитъ. Онъ оставался на своемъ мѣстѣ, на омнибусѣ. Три пули попали въ него. Одна поразила его снизу вверхъ, около праваго глаза, и проникла въ мозгъ. Онъ упалъ, и уже не пришелъ въ сознаніе. Полчаса спустя, онъ умеръ. Его трупъ отнесли въ госпиталь св. Маргариты,

У Бурза, стоявшаго подлѣ Бодена вмѣстѣ съ Обри (изъ Сѣвернаго Департамента), пуля пробила плащъ.

Еще подробность, которую нужно отмѣтить: солдаты никого не брали въ плѣнъ на этой баррикадѣ. Защитники ея разбрелись по улицамъ предмѣстья или нашли убѣжище въ сосѣднихъ домахъ. Представитель Мень, оттиснутый испуганными женщинами за ворота одного дома, очутился тамъ съ однимъ изъ солдатъ, бравшихъ баррикаду. Минуту спустя, представитель и солдатъ вышли оттуда вмѣстѣ. Представители могли свободно оставить это первое поле битвы.

При этомъ торжественномъ началѣ борьбы, еще свѣтился послѣдній лучъ права и справедливости, и воинская честность отступала, съ какимъ-то безмолвнымъ страхомъ передъ преступленіемъ, въ которое ее старались вовлечь. Есть что-то упоительное въ добрѣ и что-то опьяняющее въ злѣ. Посреди такого опьяненія, впослѣдствіи, погибла совѣсть арміи.

Французская армія не создана для совершенія преступленій. Когда борьба завязалась и нужно было повиноваться дикимъ приказаніямъ, у солдатъ закружилась голова; они повиновались.

но не съ холодностью, что было бы ужасно, а съ гнѣвомъ, что послужитъ имъ извиненіемъ передъ судомъ исторіи. У многихъ, можетъ быть, въ этомъ гнѣвѣ сказывалось отчаяніе.

Убитый солдатъ оставался на мостовой. Его поднялъ Шёльхеръ. Нѣсколько сострадательныхъ женщинъ, въ слезахъ, вышли изъ одного дома; пришло нѣсколько солдатъ; отнесли его сначала къ одной продавщицѣ фруктовъ, потомъ въ госпиталь св. Маргариты, куда былъ уже отнесенъ Боденъ. Шёльхеръ поддерживалъ ему голову.

Это былъ рекрутъ. Пуля попала ему въ бокъ. На его сѣрой шинели, застегнутой до верху, виднѣлось окровавленное отверстіе. Голова его склонялась къ плечу; лицо, обрамленное чешуей кивера, было блѣдно; взглядъ потускнѣлъ; во рту запеклась кровь. Ему было на видъ около 18 лѣтъ. Еще ребенокъ—и ужь солдатъ! Онъ былъ мертвъ.

Этотъ несчастный солдатъ былъ первой жертвой переворота. Боденъ былъ второю.

Прежде, чѣмъ Боденъ попалъ въ національное собраніе, онъ былъ учителемъ. Онъ принадлежалъ къ этой энергической, интеллигентной семьѣ школьныхъ учителей, постоянно преслѣдуемыхъ, на которыхъ обрушиваются то законъ Гизо, то законъ Фаллу, то законъ Дюпанлу. Преступленіе школьнаго учителя состоитъ въ томъ, что онъ держитъ раскрытую книгу. Этого довольно для того, чтобъ клерикализмъ осудилъ его. Во Франціи, теперь въ каждой деревушкѣ есть зажженный свѣточъ—школьный учитель, и есть губы, задувающія этотъ свѣточъ—попъ. Французскіе школьные учителя, умѣющіе умирать съ голоду за истину и науку, были достойны того, чтобъ одинъ изъ нихъ палъ за свободу.

Я въ первый разъ увидалъ Бодена въ національномъ собраніи, 13-го января 1850. Я хотѣлъ говорить противъ закона Фаллу объ обученіи. Я не былъ записанъ. Боденъ былъ записанъ вторымъ Онъ уступилъ мнѣ свою очередь. Я принялъ, и получилъ возможность говорить на другой день, 15-го.

Боденъ служилъ господину Дюпену мишенью для призывокъ къ порядку и всяческихъ оскорбленій. Онъ раздѣлялъ эту честь съ представителями Міо и Валантеномъ.

Боденъ нѣсколько разъ испытывалъ свои силы на трибунѣ. Его рѣчь, нѣсколько нерѣшительная по формѣ, всегда была энергична по существу. Онъ сидѣлъ на верху горы. Онъ отличался твердымъ умомъ и застѣнчивыми манерами. Отсюда, во всей его личности, какая-то смѣсь колебанія и рѣшимости. Это былъ человѣкъ средняго роста. Его полное, румяное лицо,

высокая грудь, широкія плечи, обличали въ немъ человѣка мощнаго, школьнаго учителя-земледѣльца, мыслителя-крестьянина. Онъ походилъ въ этомъ отношеніи на Бурза̀. Боденъ, склонивъ голову къ плечу, слушалъ умно, говорилъ серьёзно и тихо. У него былъ грустный взглядъ и горькая улыбка человѣка, которому на роду написана ранняя гибель.

2-го декабря, вечеромъ, я спросилъ его: Сколько вамъ лѣтъ? — Почти 33 года. А вамъ?—Сорокъ девять.—Но сегодня, мы съ вами ровесники, добавилъ онъ.

Онъ думалъ о завтрашнемъ днѣ, ожидавшемъ насъ; объ этомъ *«быть можетъ»*, которое всѣхъ уравниваетъ.

Первые выстрѣлы раздались; одинъ изъ представителей палъ; народъ все не поднимался. Какая повязка была у него на глазахъ? Какой свинецъ лежалъ у него на сердцѣ? Увы! мракъ, которымъ Луи Бонапартъ умѣлъ окружить свое преступленіе, нетолько не разсѣевался, но еще сгущался. Въ первый разъ въ теченіи 60 лѣтъ, т. е. съ той поры, какъ началась эра революцій, Парижъ, городъ разума, казалось, не понималъ...

Оставивъ баррикаду, де-Флоттъ отправился въ предмѣстье Сен-Марсо, Мадье-де-Монжо въ Белльвиль, Шарамоль и Мень пошли на бульвары. Шёльхеръ, Дюлакъ, Малардье и Бриллье, черезъ боковыя улицы, еще не занятыя войсками, возвратились въ Сент-Антуанское Предмѣстье. Они кричали: Да здравствуетъ республика! Обращались къ народу; говорили съ нимъ. Развѣ вы хотите имперіи? кричалъ Шёльхеръ. Они даже пѣли марсельезу. На ихъ пути снимали шляпы и кричали: Да здравствуютъ наши представители!—Но и только.

Они начинали чувствовать усталость. Ихъ томила жажда. Въ улицѣ Рельи, какой-то человѣкъ вышелъ къ нимъ изъ одного дома съ бутылкой въ рукѣ и предложилъ пить.

Сартэнъ присоединился къ нимъ по дорогѣ.—Въ улицѣ Шароннъ, они вошли въ квартиру ассоціаціи столяровъ, надѣясь найдти комитетъ ассоціаціи засѣдающимъ. Но тамъ не было никого. Они, однако же, не теряли мужества.

Когда они подходили къ площади Бастиліи, Дюлакъ сказалъ Шёльхеру: «Я попрошу у васъ позволенія оставить васъ часа на два; и вотъ зачѣмъ: я здѣсь въ Парижѣ одинъ, съ своей семилѣтней дочерью. Она уже цѣлую недѣлю лежитъ въ скарлатинѣ; и вчера, когда совершился переворотъ, она была при смерти. У меня никого нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ этого ребенка. Я оставилъ ее сегодня утромъ, и она спросила меня:—куда ты, папа? Такъ какъ я не убитъ, то пойду взглянуть, не умерла ли она».

Два часа спустя, ребенокъ былъ еще живъ; и мы засѣдали въ

улицѣ Ришелье № 10—Жюль-Фавръ, Карно, Мишель Де-Буржъ и я—когда къ намъ вошелъ Дюлакъ.

— Я отдаю себя въ ваше распоряженіе, сказалъ онъ.

IV.

Рабочія ассоціаціи просятъ у насъ приказанія вступить въ бой.

Фактъ Сент-Антуанской баррикады, такъ героически воздвигнутой представителями и такъ печально покинутой населеніемъ, долженъ былъ разсѣять мои послѣднія иллюзіи. Боденъ палъ и предмѣстье оставалось равнодушнымъ—это говорило слишкомъ громко. Это было высшимъ, неопровержимымъ, очевиднымъ доказательствомъ того явленія, съ которымъ я никакъ не могъ свыкнуться—инерціи народа. Прискорбная инерція—если онъ ее сознавалъ; и измѣна самому себѣ, если не сознавалъ; во всякомъ случаѣ—пагубная нейтральность, бѣдствіе, отвѣтственность за которое, повторяемъ, падаетъ не на народъ, но на тѣхъ, кто въ іюнѣ 1848 г. обѣщалъ ему амнистію, и не далъ ея, кто смутилъ великую душу парижскаго народа, не сдержавъ своего слова. Что посѣяло учредительное собраніе, то пожало законодательное. На насъ, неповинныхъ въ этомъ проступкѣ, отразились его послѣдствія.

Искра, вспыхнувшая на минуту въ толпѣ, какъ намъ показалось это—Мишелю де Буржъ съ балкона Бонвале, а мнѣ на бульварѣ Тампль—эта искра теперь, повидимому, потухла. Сначала Мень, потомъ Бриллье, потомъ Брюкнеръ, впослѣдствіи Шарамоль, Мадье де-Монжо, Бастидъ и Дюлакъ пришли дать намъ отчетъ о томъ, что̀ происходило на Сент-Антуанской баррикадѣ, о томъ, что̀ побудило представителей, присутствовавшихъ тамъ, не дождаться назначеннаго часа, и, наконецъ, о смерти Бодена. Мое донесеніе о томъ, что̀ сдѣлалъ и видѣлъ я самъ, дополненное нѣсколькими новыми подробностями, сообщенными Кассалемъ и Александромъ Ре, окончательно выяснило положеніе. Комитетъ не могъ долѣе колебаться. Я самъ потерялъ всякую вѣру въ возможность какой-нибудь великой манифестаціи, какого-нибудь энергическаго отпора; въ возможность правильной битвы между защитниками республики и бандитами Елисейскаго Дворца. Предмѣстья ускользали отъ насъ. У насъ былъ рычагъ, было право, но массы, которую бы могли поднять имъ, народа—у насъ не было. Ждать чего-нибудь—какъ это съ самаго начала объявили

Мишель де-Буржъ и Жюль-Фавръ, съ своимъ глубокимъ политическимъ смысломъ—можно было только отъ долгой, медленной борьбы, избѣгающей рѣшительныхъ стычекъ. Намъ оставалось перемѣнять кварталы, держать Парижъ въ напряженномъ состояніи, такъ чтобы всѣ говорили: «дѣло еще не кончено»; утомлять войска... Парижскій народъ не можетъ долго дышать безнаказанно воздухомъ, пропитаннымъ порохомъ, и, можетъ быть, наконецъ, воспламенится. Строить повсюду баррикады, плохо защищаемыя; безпрестанно возобновлять ихъ; скрываться и въ то же время появляться всюду—вотъ стратегія, которой требовало положеніе. Комитетъ принялъ ее и разослалъ во всѣ стороны приказанія въ этомъ смыслѣ. Мы засѣдали въ эту минуту, въ улицѣ Ришелье № 18, у нашего товарища Греви, арестованнаго наканунѣ въ 10-мъ округѣ и находившагося въ Мазасѣ. Братъ его предложилъ намъ для засѣданій его домъ. Представители, наши естественные эмиссары, стекались къ намъ, и потомъ разсыпались по всему Парижу, съ нашими инструкціями, для организаціи сопротивленія на всѣхъ пунктахъ. Они были руки, а комитетъ — душа сопротивленія. Нѣсколько бывшихъ конституціоналистовъ—люди испытанные: Гарнье-Пажесъ, Мари, Мартенъ (изъ Страсбурга), Сенаръ, бывшій президентъ учредительнаго собранія, Бастидъ, Лессакъ, Ландренъ, присоединились къ намъ наканунѣ. Во всѣхъ кварталахъ, гдѣ это было возможно, учредили постоянные комитеты, сносившіеся съ нами—съ центральнымъ комитетомъ, и состоявшіе изъ представителей или преданныхъ гражданъ. Мы избрали себѣ лозунгомъ: *Боденъ*.

Около полудня въ центрѣ Парижа началось волненіе. Увидѣли нашъ призывъ къ оружію, вывѣшенный сначала на площади Биржи и въ улицѣ Монмартръ. Групы, тѣснясь, спѣшили прочесть его и боролись съ полицейскими агентами, старавшимися сорвать аффиши. Другіе, литографированные листки, заключали въ себѣ, на двухъ столбцахъ, декретъ о низложеніи, обнародованный правой, и объявленіе Луи Бонапарта внѣ закона, вотированное лѣвой. Кромѣ того, раздавали напечатанное на сѣрой бумагѣ постановленіе верховнаго суда, которымъ Луи Бонапартъ обвинялся въ государственной измѣнѣ. Оно было за подписью президента и судей.

Въ ту минуту всѣ вѣрили—и мы сами также—этому постановленію, хотя, какъ извѣстно, это было не подлинное постановленіе.

Въ тоже самое время, въ народныхъ кварталахъ, на углу всѣхъ улицъ, наклеивали двѣ прокламаціи. Вотъ содержаніе первой:

КЪ НАРОДУ.

Ст. 3 [1] Охрана конституціи ввѣряется патріотизму французскихъ гражданъ. Луи Бонапартъ объявляется внѣ закона.

Осадное положеніе отмѣняется. Всеобщая подача голосовъ возстановлена.

Да здравствуетъ республика! Къ оружію! Именемъ депутатовъ Горы делегатъ В. Гюго.

Вторая заключала съ себѣ слѣдующее:

Жители Парижа!

Національные гвардейцы и народъ изъ департаментовъ идутъ на Парижъ, чтобъ помочь вамъ схватить *измѣнника* Луи Бонапарта. За представителей народа:

В. Гюго, *президентъ*.
Шёльхеръ, *секретарь*.

Эта послѣдняя аффиша, напечатанная на маленькихъ листикахъ, въ четвертушку, разошлась, по словамъ одного исторіографа переворота, въ тысячахъ экземпляровъ.

Съ своей стороны, злоумышленники, поселившись въ правительственныхъ зданіяхъ, отвѣчали угрозами. Широкія бѣлыя, т. е. оффиціальныя объявленія размножились.

На одномъ значилось:

«Мы, префектъ полиціи.

«Постановили:

«Ст. 1. Всѣ сборища строго воспрещаются, и тотчасъ же будутъ разогнаны силой.

«Ст. 2. Всякій мятежный крикъ, всякое обращеніе къ публикѣ, всякое объявленіе, исходящее не отъ правильно установленной власти, воспрещаются.

«Ст. 3. Агентамъ полиціи предписывается наблюдать за исполненіемъ этого приказа.

«Писано въ префектурѣ полиціи 3-го декабря 1851. *Префектъ полиціи* Де-Мона.

«Дано и одобрено.

Министръ внутреннихъ дѣлъ де-Морни».

Вторая гласила:

«Военный министръ,

---

[1] Опечатка. Нужно читать ст. 68. По поводу этой прокламаціи, авторъ настоящей книги получилъ слѣдующее письмо, дѣлающее честь тому, кто его писалъ: «Гражданинъ В. Гюго. Мы знаемъ, что вы написали призывъ къ оружію, но мы не могли достать себѣ его. Мы замѣняемъ его этими аффишами, которыя подписываемъ вашимъ именемъ. Вы, конечно, не разоблачите насъ. Когда Франція въ опасности; ваше имя принадлежитъ всѣмъ. Ваше имя—общественная сила. Даба. Феликсъ Бони».

«На основаніи закона объ осадномъ положеніи,

«Предписываетъ:

«Каждый, уличенный въ сооруженіи или защитѣ баррикады, или взятый съ оружіемъ въ рукахъ—будетъ разстрѣлянъ.

Дивизіонный генералъ, военный министръ
Де Сент Арно».

Мы воспроизводимъ эти аффиши съ буквальною точностью. Слова «будетъ разстрѣлянъ» были напечатаны большими буквами.

Бульвары покрывались волнующейся толпой. Волненіе усиливалось въ центрѣ и охватывало 6-й, 7-й и 12-й округа. Оно началось и въ Школьномъ Кварталѣ. Студенты юристы и медики привѣтствовали де-Флотта на площади Пантеона. Мадье де-Монжо, пылкій, краснорѣчивый, возбуждалъ Белльвиль. Войско, увеличиваясь каждую минуту, занимало всѣ стратегическіе пункты Парижа.

Въ часъ, адвокатъ рабочихъ ассоціацій, бывшій членъ Учредительнаго собранія, Леблонъ, у котораго въ то самое утро засѣдалъ комитетъ, привелъ къ намъ молодого человѣка. Карно, Жюль-Фавръ, Мишель де-Буржъ и я находились на лицо. Этотъ молодой человѣкъ, съ умнымъ взглядомъ и серьёзной рѣчью, назывался Кингъ. Онъ явился къ намъ делегатомъ отъ рабочихъ ассоціацій. Рабочія ассоціаціи, говорилъ онъ, отдаютъ себя въ распоряженіе инсуррекціоннаго комитета, законно избраннаго лѣвой. Онѣ могли выставить отъ пяти до шести тысячъ бойцовъ — людей рѣшительныхъ. Порохъ брались приготовить. Что касается до ружей, то и они нашлись бы. Ассоціаціи просили у насъ приказанія за нашей подписью, чтобы начать борьбу. Жюль-Фавръ взялъ перо и написалъ:

«Нижеподписавшіеся представители уполномочиваютъ гражданина Кинга и друзей его защищать, вмѣстѣ съ ними и съ оружіемъ въ рукахъ, всеобщую подачу голосовъ, республику и законы».

Онъ выставилъ число, и мы подписились всѣ четверо.

— Этого довольно, сказалъ намъ делегатъ. — Вы услышите о насъ...

Два часа спустя, насъ извѣстили, что бой начался. Дрались въ улицѣ Омеръ (Aumaire).

V.

Трупъ Бодена.

Со стороны Сент-Антуанскаго Предмѣстья, какъ я уже сказалъ, мы потеряли почти всякую надежду, но люди переворота не переставали тревожиться. Послѣ утреннихъ попытокъ и баррикадъ—организовалось строгое наблюденіе. Каждый, кто подходилъ къ предмѣстью, рисковалъ быть остановленнымъ, обысканнымъ и, при малѣйшемъ подозрѣніи, задержаннымъ. Однако же, и надзоръ иногда дѣлалъ промахи. Около двухъ часовъ, маленькій человѣчекъ, съ серьёзнымъ и внимательнымъ видомъ, проходилъ по предмѣстью. Городской сержантъ и агентъ въ штатскомъ платьѣ преградили ему дорогу. «Кто вы такой?» — «Вы видите, прохожій».—«Куда вы идете?»—«Вотъ сюда, по близости, къ Бартоломе, главному прикащику на сахарномъ заводѣ». Его обыскиваютъ. Онъ самъ открываетъ свой бумажникъ. Агенты выворачиваютъ карманы его жилета, растегиваютъ рубашку на груди его. Наконецъ, сержантъ проворчалъ: «Мнѣ сдается, однако-жь, что вы были здѣсь утромъ. Ступайте отсюда».

Это былъ представитель Жендріе. Еслибы они не ограничились его жилетными карманами и обшарили пальто, то нашли бы тамъ шарфъ, и Жендріе былъ бы разстрѣлянъ. Не давать себя арестовать, беречь себя для борьбы—таково было рѣшеніе, принятое членами лѣвой, и вотъ почему мы имѣли при себѣ наши шарфы; но не на виду.

Жендріе не ѣлъ весь день. Онъ хотѣлъ возвратиться къ себѣ и направился въ новые кварталы гаврской желѣзной дороги, гдѣ онъ жилъ. По улицѣ Кале—это пустынная улица, идущая отъ улицы Бланшъ къ улицѣ Клиши—проѣзжалъ фіакръ. Жендріе услыхалъ, что кто-то произнесъ его имя. Онъ обернулся и увидѣлъ въ фіакрѣ двухъ дамъ, родственницъ Бодена, съ человѣка, котораго онъ не зналъ. Одна изъ дамъ, г-жа Л., сказала: «Боденъ раненъ! и прибавила:—его отнесли въ Сент-Антуанскую больницу. Мы ѣдемъ взять его; поѣдемте съ нами». Жендріе сѣлъ въ фіакръ. Незнакомецъ былъ, однако же, агентъ, состоявшій при полицейскомъ комиссарѣ улицы Сент-Маргеритъ-Сент Антуанъ. Комиссаръ поручилъ ему съѣздить на квартиру Бодена, въ улицу Клиши № 88-й, и предупредить семейство его. Встрѣтивъ тамъ однѣхъ только женщинъ, онъ ограничился тѣмъ, что сказалъ имъ, что Боденъ раненъ. Онъ вы-

звался проводить ихъ и помѣстился съ ними въ фіакрѣ. При немъ произнесли имя Жендріе. Это могло быть неосторожностью. Съ нимъ объяснились. Онъ объявилъ, что не выдастъ представителя. Условились, что въ присутствіи комиссара, Жендріе будетъ родственникомъ и будетъ также называться Боденомъ. Бѣдныя женщины надѣялись. «Рана можетъ быть опасна, но Боденъ молодъ и крѣпко сложенъ. Его спасутъ», говорили онѣ. Жендріе молчалъ. У полицейскаго комиссара тайна разоблачилась. «Каково ему?» спросила, входя, г-жа Л. — «Но вѣдь онъ умеръ», сказалъ комиссаръ. — «Какъ, умеръ?» — «Да, убитъ наповалъ».

Это была тяжелая минута. Отчаяніе этихъ двухъ женщинъ, такъ внезапно пораженныхъ въ самое сердце, разрѣшилось рыданіями. «А! гнусный Бонапартъ! вскричала г-жа Л.:—онъ убилъ Бодена, такъ я убью его самого. Я буду Шарлотой Кордэ этого Марата».

Жендріе потребовалъ выдачи тѣла Бодена. Полицейскій комиссаръ согласился на это, только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы семейство дало обѣщаніе тотчасъ же похоронить его, безъ шума, и не показывать его народу.—«Вы поймете, сказалъ онъ:— что видъ окровавленнаго, убитаго представителя можетъ взволновать Парижъ».

Переворотъ фабриковалъ трупы, но не хотѣлъ, чтобы ими пользовались. На этихъ условіяхъ, комиссаръ далъ Жендріе двухъ носильщиковъ и пропускъ въ больницу, гдѣ находилось тѣло Бодена.

Между тѣмъ, пришелъ братъ Бодена, молодой человѣкъ, 24-хъ лѣтъ, медицинскій студентъ. Этотъ молодой человѣкъ былъ потомъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Его преступленіе состояло въ томъ, что онъ—братъ Бодена.—Продолжаемъ: когда они явились въ больницу, смотритель, по предъявленіи пропуска, ввелъ Жендріе и молодого Бодена въ залъ нижняго этажа. Тутъ находилось три кровати, покрытые бѣлымъ холстомъ, подъ которымъ виднѣлись неподвижныя очертанія трехъ человѣческихъ тѣлъ. Трупъ Бодена лежалъ на средней кровати. По правую сторону отъ него лежалъ молодой солдатъ, убитый за нѣсколько минутъ до него, подлѣ Шёльхера; по лѣвую — старуха, въ которую попала какая-то шальная пуля въ улицѣ Коттъ и которую исполнители coup d'état подняли позже.—Въ первую минуту не разыщешь всѣхъ своихъ богатствъ.

Всѣ три трупа лежали подъ саванами почти нагіе. Бодену оставили только его рубашку и фланелевый жилетъ. На немъ нашли семь франковъ, его часы съ золотой цѣпочкой, медаль предста-

вителя и золотую ручку для карандаша, которымъ онъ писалъ въ улицѣ Попенкуръ послѣ того, какъ передалъ мнѣ другой карандашъ, который я сохраняю. Жендріе и молодой Боденъ подошли съ обнаженными головами къ среднему одру. Приподняли саванъ, и лицо мертваго Бодена предстало ихъ взорамъ. Онъ былъ спокоенъ и, казалось, спалъ. Черты не были нисколько искажены. Щеки слегка подернулись синеватымъ оттѣнкомъ.

Составили протоколъ. Таковъ ужь обычай. Молодой Боденъ долженъ былъ росписаться въ томъ, что, согласно разрѣшенію полицейскаго комиссара, «ему произведена выдача трупа». Пока длилась эта процедура, Жендріе, на госпитальномъ дворѣ, старался если не утѣшить, то, по крайней мѣрѣ, успокоить огорченныхъ женщинъ.

Вдругъ, человѣкъ, вошедшій на дворъ и нѣсколько минутъ внимательно смотрѣвшій на Жендріе, подошелъ къ нему и спросилъ его рѣзко: Зачѣмъ вы здѣсь?

— А вамъ что за дѣло? отвѣтилъ Жендріе.

— Вы пришли за тѣломъ Бодена?

— Да.

— Этотъ фіакръ — вашъ?

— Да.

— Войдите въ него скорѣй и спустите штору.

— Что вы хотите сказать?

— Вы—представитель Жендріе. Я васъ знаю. Вы были сегодня утромъ на баррикадѣ. Если кто-нибудь другой, кромѣ меня, васъ увидитъ, вы погибли.

Жендріе послѣдовалъ совѣту и сѣлъ въ фіакръ. Влѣзая туда, онъ спросилъ незнакомца.

— Вы принадлежите къ полиціи?

Тотъ не отвѣчалъ. Минуту спустя, онъ возвратился, и, подойдя близко къ дверцамъ фіакра, которыя захлопнулъ за собой Жендріе, произнесъ вполголоса:

— Да, я ѣмъ ея хлѣбъ; но не исполняю ея ремесла.

Носильщики, присланные полицейскимъ комиссаромъ, взяли Бодена и понесли къ каретѣ. Его положили въ глубинѣ фіакра, закутавъ съ головы до ногъ въ саванъ и закрывъ ему лицо. Работникъ, находившійся тутъ, далъ свой плащъ, которымъ покрыли трупъ, чтобъ не привлечь вниманія прохожихъ. Г-жа Л. помѣстилась подлѣ трупа; Жендріе — противъ, а молодой Боденъ рядомъ съ Жендріе. Позади слѣдовалъ еще фіакръ, гдѣ находилась другая родственница Бодена, и медицинскій студентъ Дютешъ.

Фіакры двинулись. Дорогой голова трупа, отъ тряски, накло-

нялась то къ одному плечу, то къ другому; кровь изъ раны снова начала течь; и большія красныя пятна показались на саванѣ. Жендріе, положивъ руку ему на грудь, придерживалъ его, чтобъ онъ не упалъ впередъ. Г-жа Л. придерживала сбоку.

Кучеру велѣли ѣхать тише. Путь продолжался болѣе часу.

Когда подъѣхали къ № 88 въ улицѣ Клиши и стали выносить изъ кареты трупъ, у дверей собралась толпа любопытныхъ. Прибѣжали сосѣди. Братъ Бодена, Жендріе и Дютешъ понесли трупъ въ 4-й этажъ, гдѣ жилъ Боденъ. Это былъ новый домъ, въ который онъ переѣхалъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ.

Они отнесли его въ его комнату, которая была прибрана и оставалась въ томъ видѣ, въ какомъ онъ покинулъ ее 2-го утромъ. Онъ не ночевалъ дома въ предыдущую ночь и постель оставалась постланой. Книга, которую онъ читалъ, лежала на столѣ, раскрытая на той самой страницѣ, гдѣ онъ прервалъ чтеніе. Они развернули саванъ, и Жендріе разрѣзалъ ножницами рубашку и фланелевый жилетъ на покойникѣ. Потомъ они обмыли трупъ. Пуля ударила въ надглазную дугу и вышла черезъ затылокъ. Глазная рана не сочилась. Тамъ образовалось нѣчто въ родѣ опухоли. Но изъ отверстія на затылкѣ лилась кровь ручьемъ. Его одѣли въ чистое бѣлье и положили головой на подушки, съ открытымъ лицомъ. Женщины рыдали въ сосѣдней комнатѣ.

Жендріе оказалъ уже разъ подобную услугу бывшему конституціоналисту Джемсу Демонтри. Въ 1850 г., Демонтри умеръ изгнанникомъ въ Кёльнѣ. Жендріе поѣхалъ въ Кёльнъ, пошелъ на кладбище, и велѣлъ вырыть Демонтри; онъ вынулъ у него сердце, набальзамировалъ и, заключивъ его въ серебрянный сосудъ, привезъ въ Парижъ. Собраніе Горы поручило ему, вмѣстѣ съ Шолле и Жуаньо, отвезти это сердце въ Дижонъ—на родину Демонтри,—и торжественно похоронить его. Похороны эти запретилъ Луи Бонапартъ, тогда еще президентъ республики. Похороны вѣрныхъ, мужественныхъ людей не нравились Луи-Бонапарту, но смерть ихъ нравилась.

Когда Бодена положили на его постель, женщины вошли; и все это семейство, сидя вокругъ тѣла, плакало. Жендріе, котораго призывали другія обязанности, ушелъ съ Дютешемъ. У подъѣзда образовалось сборище. Человѣкъ въ блузѣ, съ шляпой на головѣ, сидя на тумбѣ, ораторствовалъ и восхвалялъ переворотъ, возстановленіе всеобщей подачи голосовъ, уничтоженіе закона 31 мая, и упраздненіе «двадцати пяти франковыхъ»: Луи Бонапартъ отлично сдѣлалъ... и т. д. Жендріе, остановясь на порогѣ, возвысилъ голосъ. «Граждане! Тамъ, на верху, лежитъ Боденъ,

представитель народа, который палъ, защищая народъ! Боденъ, вашъ представитель, слышите ли вы это? Вы здѣсь передъ его домомъ. Онъ лежитъ на своей постелѣ, истекая кровью, а этотъ человѣкъ осмѣливается восхвалять его убійцу! Граждане! хотите ли вы, чтобъ я назвалъ вамъ этого человѣка? Его имя— сыщикъ. Стыдъ и позоръ измѣнникамъ и предателямъ! Преклонитесь передъ трупомъ того, кто погибъ за васъ!»

Протѣснившись сквозь толпу, Жендріе схватилъ за воротъ говорившаго блузника и, сбивъ съ головы его шляпу, крикнулъ: «шляпу долой!»

VI.

Декреты представителей, оставшихся на свободѣ.

Текстъ постановленія, которое приписывали верховному суду, былъ намъ доставленъ бывшимъ конституціоналистомъ Мартеномъ (изъ Страсбурга), адвокатомъ при кассаціонномъ судѣ. Въ то же время, мы узнали, что происходитъ въ улицѣ Омеръ. Бой завязался, нужно было поддерживать, питать его; нужно было, чтобъ рядомъ съ вооруженнымъ сопротивленіемъ постоянно шло сопротивленіе легальное. Представители, собиравшіяся наканунѣ въ мэріи 10-го округа, декретировали низложеніе Луи Бонапарта; но этотъ декретъ, обнародованный собраніемъ, почти исключительно состоявшимъ изъ непопулярныхъ членовъ большинства, могъ остаться безъ всякаго дѣйствія на массы. Лѣвой необходимо было повторить его, сдѣлать его своимъ, сообщить ему болѣе энергическій и революціонный отпечатокъ. Ей слѣдовало также воспользоваться постановленіемъ верховнаго суда, которое считали подлиннымъ, и содѣйствовать его исполненію.

Въ нашемъ призывѣ къ оружію, мы объявили Луи Бонапарта внѣ закона. Декретъ о низложеніи, повторенный нами, скрѣпленный нашими подписями, могъ быть съ пользою, присоединенъ къ этому объявленію внѣ закона: легальный актъ являлся, такимъ образомъ, дополненіемъ акта революціоннаго.

Комитетъ сопротивленія созвалъ республиканскихъ представителей.

Квартира Греви оказалась слишкомъ тѣсной, и мы назначили мѣстомъ сходки № 10 въ улицѣ des Moulins, хотя насъ и предупредили, что полиція уже дѣлала въ этомъ домѣ обыскъ. Но у насъ не было выбора. Въ революціонное время осторожность невозможна, и вскорѣ убѣждаешься, что она безполезна. Довѣ-

ряться и довѣряться—таковъ законъ великихъ дѣлъ, вызывающихъ иногда великія событія. Вѣчно импровизировать средства, пріемы, рессурсы, ни въ чемъ не идти шагъ за шагомъ; дѣлать все быстро, сразу, не ощупывать почвы, не взвѣшивать шансовъ—и хорошіе, и дурные принимать всѣ огуломъ, рисковать всѣмъ заразъ, во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣхъ сторонъ. Часъ, мѣсто, случай, друзья, семейство, свобода, состояніе, жизнь—все жертвы случая! Такова революціонная борьба.

Около трехъ часовъ, человѣкъ шестьдесятъ представителей собрались въ улицѣ des Moulins № 10, въ просторной залѣ, смежной съ маленькимъ кабинетомъ, гдѣ засѣдалъ комитетъ сопротивленія.

Былъ очень темный декабрскій день; казалось, что ночь почти наступила. Издатель Гетцель, котораго можно бы назвать поэтомъ Гетцелемъ, великодушный умъ, мужественный характеръ; человѣкъ, выказавшій, какъ извѣстно, рѣдкія политическія способности, въ бытность свою секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ при Бастидѣ, пришелъ предложить намъ свои услуги, какъ это сдѣлалъ уже утромъ храбрый, исполненный патріотизма Энгре (Hingray). Гетцель зналъ, что мы всего болѣе нуждались въ типографіи. Мы лишены были слова, и Луи Бонапартъ говорилъ одинъ. Гетцель нашелъ типографщика, который сказалъ ему: «Принудьте меня, приставьте мнѣ пистолетъ къ горлу и я напечатаю все, что вы захотите». Стало быть, дѣло состояло лишь въ томъ, чтобы собрать нѣсколькихъ друзей, завладѣть этой типографіей силой, баррикадироваться и выдержать, въ случаѣ нужды, осаду, пока напечатаются наши прокламаціи и декреты. Гетцель предложилъ себя. Слѣдуетъ отмѣтить одну подробность, относящуюся къ его прибытію на мѣсто нашей сходки. Подходя къ воротамъ, онъ увидѣлъ посреди сумерекъ этого печальнаго декабрьскаго дня, человѣка, неподвижно стоявшаго, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ воротъ и, казалось, караулившаго. Гетцель подошелъ къ нему и узналъ бывшаго полицейскаго комиссара собранія, г. Іона (Ion).

— Что вы тутъ дѣлаете? сурово спросилъ Гетцель.—Вы, можетъ быть, пришли за тѣмъ, чтобъ насъ арестовать. Въ такомъ случаѣ, у меня вотъ что есть для васъ. И онъ вынулъ изъ кармана пару пистолетовъ.

Г. Іонъ отвѣчалъ, улыбаясь:

— Я дѣйствительно сторожу. Но только я не противъ васъ, а за васъ. Я васъ охраняю.

Іонъ, узнавъ о нашей сходкѣ у Ландрена и боясь, чтобъ насъ

не арестовали, принялъ на себя добровольно полицейскія обязанности.

Гетцель открылъ уже ранѣе свой планъ представителю Лабруссу, который долженъ былъ сопровождать его въ его опасномъ предпріятіи. Они условились сойтись въ кафе Кардиналь; но свиданіе это почему-то не состоялось, и Лабруссъ оставилъ у хозяина кафе слѣдующую записку къ Гетцелю.

«Мадамъ Элизабетъ ожидаетъ г. Гетцеля, въ улицѣ des Moulins № 10». По этой запискѣ Гетцель и явился.

Мы приняли предложеніе Гетцеля; положено было, что, съ наступленіемъ ночи, представитель Версиньи, исполнявшій обязанности секретаря комитета, свезетъ ему наши прокламаціи, декреты, сообщитъ новости, которыя дойдутъ до насъ, и все, что мы признаемъ нужнымъ обнародовать. Гетцель долженъ былъ ожидать Версиньи на троттуарѣ, въ концѣ улицы Ришельё, гдѣ находится кафе Кардиналь.

Между тѣмъ, Жюль-Фавръ, Мишель-де-Буржъ и я, мы составили окончательный декретъ, заключавшій въ себѣ низложеніе, вотированное правой, и вмѣстѣ объявленіе внѣ закона, вотированное нами. Мы вошли въ залу, чтобы прочесть и дать подписать его представителямъ.

Въ эту минуту дверь отворилась, и явился Эмиль Жирарденъ. Мы еще не видали его въ этотъ день.

Эмиль де-Жирарденъ—если разсѣять дымъ, окружающій его такъ же, какъ и каждаго бойца среди столкновеній партій, и который на разстояніи измѣняетъ или омрачаетъ физіономію людей—Эмиль де-Жирарденъ, говоримъ мы, рѣдкій мыслитель, писатель ясный, живой, послѣдовательный, искусный; мужественный журналистъ, въ которомъ, какъ и во всѣхъ великихъ журналистахъ, чувствуется государственный человѣкъ. Эмилю де-Жирардену одолжены мы замѣчальнымъ прогрессомъ—дешевой прессой. У Эмиля де-Жирардена есть великій даръ: прозорливое упорство. Эмиль де-Жирарденъ—общественный стражъ; его журналъ—это его постъ. Онъ выжидаетъ, смотритъ, караулитъ, слѣдитъ, освѣщаетъ; онъ кричитъ: «кто идетъ?» и, при малѣйшей тревогѣ, стрѣляетъ изъ своего пера; готовый ко всѣмъ формамъ борьбы, сегодня—часовой, завтра—генералъ. Подобно всѣмъ глубокимъ умамъ, онъ понимаетъ, видитъ, осязаетъ, такъ сказать, великую благотворную идею, заключающуюся въ этихъ трехъ тождественныхъ словахъ: революція, прогрессъ, свобода. Онъ желаетъ революціи, но преимущественно для прогресса; онъ желаетъ прогресса, но единственно для свободы. Можно—и, пожалуй, иногда даже слѣдуетъ—не соглашаться съ нимъ отно-

сительно того, какимъ путемъ нужно идти, какое положеніе нужно принять или сохранить, но никто не станетъ сомнѣваться въ его мужествѣ, которое онъ не разъ доказывалъ, или отвергать его цѣль, состоящую въ нравственномъ и матеріальномъ улучшеніи участи всѣхъ. Эмиль де-Жирарденъ—болѣе демократъ, нежели республиканецъ, болѣе соціалистъ, нежели демократъ. Въ тотъ день, когда эти три идеи: демократія, республика, соціализмъ, т. е. принципъ, форма и примѣненіе, уравновѣсятся въ умѣ его, колебанія его исчезнутъ. Сила у него уже есть, будетъ и устойчивость.

Впродолженіи нашего засѣданія, какъ увидятъ, я не всегда былъ согласенъ съ Эмилемъ де-Жирарденомъ; тѣмъ болѣе, я обязанъ заявить здѣсь, какъ я цѣню этотъ свѣтлый и твердый умъ. Эмиль де-Жирарденъ, что̀ бы ни говорили противъ него—все-таки одинъ изъ тѣхъ людей, которые дѣлаютъ честь современной прессѣ: онъ въ высшей степени соединяетъ въ себѣ энергію борца и ясность мыслителя.

Я подошелъ къ нему и спросилъ:

— Осталось ли хоть нѣсколько работниковъ въ типографіи вашей газеты?

Онъ отвѣчалъ: «Наши машины всѣ запечатаны и охраняются подвижной жендармеріей. Но у меня есть человѣкъ пять или шесть надежныхъ рабочихъ, которые охотно оттиснутъ на ручномъ станкѣ нѣсколько аффишъ».

— Такъ напечатайте наши декреты и прокламаціи, продолжалъ я.

— Я напечатаю все, что не будетъ призывомъ къ оружію, отвѣчалъ онъ.

И онъ прибавилъ, обращаясь ко мнѣ: «Я знаю вашу прокламацію. Это боевой кличъ. Я не могу этого напечатать».

На него возстали. Тогда онъ объявилъ намъ, что онъ, и съ своей стороны, издаетъ прокламаціи, но только въ другомъ смыслѣ, нежели наши. По его мнѣнію, не оружіе слѣдовало противопоставить Луи Бонапарту, а пустоту. Только пустотой можно побѣдить его. Онъ умолялъ насъ помочь ему изолировать «низложеннаго 2-го декабря». «Создадимъ вокругъ него пустоту! вскричалъ Жирарденъ.—Провозгласимъ всеобщую стачку. Пусть купецъ перестанетъ продавать; пусть потребитель не покупаетъ. Пусть работникъ перестанетъ работать; мясникъ бить скотину; булочникъ печь хлѣбы. Пусть будетъ всюду забастовка; даже въ національной типографіи. Пусть Луи Бонапартъ не найдетъ ни одного наборщика, чтобъ набрать манифестъ, ни одного печатника, чтобъ его напечатать, ни одного наклейщика,

чтобъ его наклеить. Одиночество, отчужденіе, пустыня — вотъ что̀ должно быть удѣломъ этого человѣка. Пусть нація отдалится отъ него. Всякая власть, отъ которой отшатнулась нація—падаетъ, какъ дерево, отдѣленное отъ корня. Луи Бонапартъ, покинутый всѣми съ его преступленіемъ—исчезнетъ. Если вокругъ него всѣ сложатъ руки—онъ падетъ; если въ него будутъ стрѣлять—это упрочитъ власть его. Армія пьяна; ошеломленный народъ ни во что не вмѣшивается. Буржуазія боится президента, народа, васъ, всего! Побѣда невозможна. Вы идете впередъ, вы рискуете своими головами—это хорошо. Вы увлекаете за собой двѣ-три тысячи человѣкъ, кровь которыхъ, вмѣстѣ съ вашей, течетъ уже. Это геройство—положимъ. Но это не политично. Что̀ до меня, то я не напечатаю призыва къ оружію и отказываюсь отъ битвы. Организуемъ всеобщую стачку!»

Это былъ грандіозный планъ, но, къ сожалѣнію, я нашелъ его неосуществимымъ. Мишель де-Буржъ отвѣчалъ Жирардену. Мишель де-Буржъ, съ своей сильной діалектикой и живымъ умомъ, указалъ сразу на то, что̀ было для насъ существеннымъ вопросомъ: преступленіе Луи Бонапарта и необходимость стать лицомъ къ лицу съ этимъ преступленіемъ. Это былъ скорѣй разговоръ, нежели преніе. Но Мишель де-Буржъ и Жюль-Фавръ (говорившій потомъ) возвысились до истиннаго краснорѣчія. Жюль-Фавръ, способный понять мощный умъ Жирардена, охотно принялъ бы этотъ планъ всеобщей стачки, еслибъ онъ казался ему осуществимымъ. Онъ находилъ его великолѣпнымъ, но невозможнымъ. «Нація не можетъ остановиться. Даже пораженная въ самое сердце, она продолжаетъ идти. Движеніе соціальное—которое есть животная жизнь обществъ — переживаетъ движеніе политическое. Какъ бы ни надѣялся Жирарденъ — но всегда найдется мясникъ, который будетъ бить скотину, и булочникъ, который будетъ печь хлѣбы. Надо же ѣсть! Заставить всѣхъ сложить руки, остановить всеобщую работу—химера! говорилъ Жюль-Фавръ.—Мечта! Народъ дерется три, четыре дня, недѣлю, но общество не ждетъ безконечно. Что касается до настоящаго положенія, то, конечно, оно ужасно, полно трагизма и крови; но кто виной всего? Луи Бонапартъ. Мы принимаемъ это положеніе такимъ, каково оно есть, и ничего болѣе».

Эмиль де-Жирарденъ—логическій и упорный—настаивалъ. Нѣкоторые, быть можетъ, поколебались. Безчисленные аргументы тѣснились въ этомъ неисчерпаемомъ, сильномъ умѣ. Что касается до меня, то передо мною горѣлъ свѣточъ долга.

Я прервалъ его и вскричалъ: «Теперь слишкомъ поздно толковать о томъ, что нужно дѣлать. Дѣло начато. Преступленіе бро-

сило перчатку, и лѣвая подняла ее. Ничего не можетъ быть проще. Преступленіе второго декабря — это наглый, неслыханный, гнусный вызовъ свободѣ, демократіи, цивилизаціи, народу, Франціи. Я повторяю, что мы подняли эту перчатку; мы—законъ, но законъ живой, который можетъ вооружаться и, въ случаѣ нужды, вступать въ бой. Ружье въ нашихъ рукахъ равносильно протесту. Я не знаю, побѣдимъ ли мы, но мы должны протестовать. Протестовать въ парламентѣ, протестовать на улицѣ, протестовать въ изгнаніи, протестовать въ могилѣ. Вотъ наша роль, наша должность, наша миссія. Полномочія представителей эластичны; народъ даетъ ихъ, но обстоятельства ихъ расширяютъ».

Во время этихъ преній, пришелъ нашъ сотоварищъ Наполеонъ Бонапартъ, сынъ бывшаго короля Вестфаліи. Онъ слушалъ. Онъ потребовалъ слова. Онъ энергически, съ выраженіемъ искренняго, великодушнаго негодованія, клеймилъ преступленіе своего двоюроднаго брата; но объявилъ, что, по его мнѣнію, достаточно было письменнаго протеста: протеста представителей, государственнаго совѣта, суда, прессы; что этотъ протестъ будетъ единодушенъ и вразумитъ Францію, но что всякая другая форма сопротивленія не встрѣтитъ единодушія. Что касается до него, то онъ всегда находилъ конституцію дурной и съ самаго начала ратовалъ противъ нея въ учредительномъ собраніи, а потому не станетъ защищать ее и теперь и не прольетъ за нея ни капли крови. Онъ говорилъ, что конституція умерла, но республика жива, и что надо спасать не конституцію—трупъ, а республику—принципъ.

Посыпались возраженія. Бансель, молодой, пылкій, краснорѣчивый, страстный, убѣжденный, вскричалъ, что теперь слѣдуетъ думать не объ недостаткахъ конституціи, а о громадности совершеннаго преступленія, объ измѣнѣ, о нарушеніи клятвы. Онъ говорилъ, что можно было и вотировать въ учредительномъ собраніи противъ конституціи, и защищать ее теперь противъ узурпатора, что это было логично и что многіе изъ насъ поступали такъ. Онъ сослался на меня. «Вотъ вамъ примѣръ — В. Гюго», сказалъ онъ. Онъ закончилъ такъ: «Вы присутствовали при постройкѣ корабля; вы нашли его дурно построеннымъ, вы подавали совѣты, но васъ не послушали. Однакоже, вы должны были сѣсть на этотъ корабль. Ваши братья, ваша мать, дѣти ваши—сѣли съ вами. Вдругъ является пиратъ съ топоромъ въ одной рукѣ, чтобъ взять корабль на абордажъ, съ факеломъ въ другой, чтобъ зажечь его. Экипажъ хочетъ защищаться, бѣжитъ къ оружію. Не скажете же вы экипажу: я нахожу, что корабль этотъ дурно построенъ и потому надо дать его разрушить».

— Да, въ подобномъ случаѣ, прибавилъ Эдгаръ Кине:—кто не на сторонѣ корабля, тотъ на сторонѣ пирата.

Намъ кричали со всѣхъ сторонъ: декретъ, читайте декретъ!

Я стоялъ, прислонясь спиной къ камину. Наполеонъ Бонапартъ подошелъ ко мнѣ и, приблизившись въ моему уху, шепнулъ: вы даете сраженіе, заранѣе проигранное.

Я отвѣчалъ ему: я думаю не объ успѣхѣ, а о долгѣ.

Онъ возразилъ: вы политическій дѣятель и, стало быть, должны заботиться объ успѣхѣ; повторяю вамъ, прежде чѣмъ вы пойдете дальше: битва заранѣе проиграна.

Я продолжалъ: вы говорите, что если мы вступимъ въ борьбу, то битва будетъ проиграна. Я вѣрю вамъ; но если мы не вступимъ — то честь погибла. Я предпочитаю проиграть битву, нежели потерять честь.

Онъ помолчалъ съ минуту и потомъ взялъ меня за руку.

— Хорошо, сказалъ онъ:—но послушайте. Вы лично подвергаетесь большой опасности. Изъ всѣхъ членовъ собранія, вы — наиболѣе ненавистны президенту. Вы назвали его съ трибуны: Наполеонъ-карликъ. Вы поймете, что эти вещи не забываются. Кромѣ того, вы диктовали призывъ къ оружію, и это извѣстно. Если васъ возьмутъ, то вы пропали. Васъ разстрѣляютъ на мѣстѣ; или, по крайней мѣрѣ, сошлютъ. Есть ли у васъ вѣрное мѣсто гдѣ ночевать?

Я еще не подумалъ объ этомъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ пойдемте ко мнѣ. Въ Парижѣ, можетъ быть, одинъ только домъ и есть, гдѣ вамъ нечего опасаться—это мой. Ко мнѣ не придутъ за вами. Приходите днемъ, ночью, когда хотите. Я буду ждать васъ и самъ отопру вамъ. Я живу въ Алжирской Улицѣ, № 5.

Я поблагодарилъ. Предложеніе было благородно и искренно. Я былъ тронутъ. Я не воспользовался имъ, но не забылъ его.

Закричали снова: прочтемъ декретъ! сѣсть, сѣсть! Передъ каминомъ былъ круглый столъ. Принесли лампу, перья, чернильницы и бумаги. Члены комитета сѣли за этотъ столъ. Представители размѣстились вокругъ, на диванахъ, креслахъ и на всѣхъ стульяхъ, какіе можно было найдти въ сосѣднихъ комнатахъ. Нѣкоторые искали глазами Наполеона Бонапарта. Онъ удалился.

Одинъ изъ членовъ потребовалъ, чтобы прежде всего сходка объявила себя національнымъ собраніемъ и организовалась, немедленно избравъ президента и бюро. Я замѣтилъ, что намъ не за чѣмъ объявлять себя собраніемъ, что мы и безъ того собраніе — по праву и фактически; собраніе въ полномъ составѣ, такъ какъ от-

сутствующіе члены задержаны силой; что собраніе, даже изувѣченное переворотами, должно сохранять свою цѣлость и оставаться организованнымъ, какъ и прежде; что избирать другого президента и другое бюро значило дѣйствовать на руку Бонапарту и нѣкоторымъ образомъ принять фактъ распущенія; что мы не должны дѣлать ничего подобнаго, что наши декреты должны быть обнародываемы не за подписью президента, каковъ бы онъ ни былъ, но за подписью всѣхъ членовъ лѣвой, остававшихся на свободѣ, и что тогда они будутъ имѣть полную силу, будутъ обязательны для народа. Отъ выбора президента отказались. Ноэль Парфѐ предложилъ, чтобы наши декреты появились не съ обычной формулой: національное собраніе декретируетъ, а съ такой формулой: представители народа, остающіеся на свободѣ, декретируютъ... и пр. Такимъ образомъ, сохраняя всю власть, сопряженную съ званіемъ народнаго представительства, мы не дѣлаемъ отвѣтственными за наши дѣйствія представителей арестованныхъ. Эта формула имѣетъ ту выгоду, что отдѣляетъ насъ отъ правой. Народъ зналъ, что единственные представители, оставшіеся свободными—были члены лѣвой. Предложеніе Ноэля Парфѐ было принято.

Я прочелъ декретъ о низложеніи. Вотъ его текстъ.

ДЕКЛАРАЦІЯ.

«Представители народа, оставшіеся на свободѣ, имѣя въ виду: что 68 ст. конституціи гласитъ слѣдующее: «Всякая мѣра, принятая президентомъ республики къ распущенію собранія, къ временному закрытію его или посягающая на его полномочія—признается государственной измѣной».

«Что уже самымъ фактомъ этимъ, президентъ устраняется отъ исполненія своихъ обязанностей. Граждане обязываются отказывать ему въ повиненіи, и исполнительная власть, по праву, всецѣло переходитъ въ руки собранія. Члены верховнаго суда немедленно созываются и собираютъ въ назначенное ими мѣсто присяжныхъ, для суда надъ президентомъ и его сообщниками».

Декретируютъ:

1) Луи Бонапартъ лишается званія президента республики.

2) Всѣ граждане и должностныя лица обязываются отказывать ему въ повиновеніи, подъ опасеніемъ обвиненія въ сообщничествѣ.

3) Постановленіе верховнаго суда, отъ 2 декабря, объявляющее Луи Бонапарта виновнымъ въ государственной измѣнѣ, должно быть обнародовано и исполнено. Вслѣдствіе сего, военныя и гражданскія власти приглашаются, подъ страхомъ обвиненія

въ измѣнѣ, содѣйствовать къ приведенію въ исполненіе означеннаго постановленія.

Постановлено въ Парижѣ, въ непрерывномъ засѣданіи 1-го декабря 1851 г.

По прочтеніи и вотированіи декрета, мы подписали его. Представители тѣснились около стола для того, чтобы присоединить свои подписи къ нашимъ. Сэнъ замѣтилъ, что эти подписи отнимаютъ время, что, кромѣ того, насъ было только 60 человѣкъ, такъ какъ большинство членовъ лѣвой, исполняя возложенныя на нихъ порученія, находилось въ возставшихъ кварталахъ. Онъ спросилъ, не разрѣшитъ ли комитетъ, имѣвшій полномочіе отъ всей лѣвой, выставить подъ декретомъ имена всѣхъ безъ исключенія республиканскихъ представителей, оставшихся на свободѣ, какъ отсутствующихъ, такъ и находящихся на лицо. Мы согласились, что, дѣйствительно, декретъ, за подписью всѣхъ, скорѣе достигнетъ цѣли. У Банселя въ карманѣ, кстати, нашелся номеръ «Монитёра», гдѣ напечатанъ былъ выборный списокъ. Списокъ этотъ вырѣзали, зачеркнули въ немъ имена тѣхъ членовъ лѣвой, которые были арестованы, и присоединили его къ декрету. Имя Эмиля Жирардена поразило меня въ этомъ спискѣ [1]. Онъ все еще былъ тутъ.

— Вы подпишете декретъ? спросилъ я.

— Безъ колебанія.

— Въ такомъ случаѣ, вы согласны напечатать его?

— Сейчасъ же.

Онъ продолжалъ:

— Машины, какъ я уже сказалъ вамъ, у насъ нѣтъ. Но можно оттиснуть нѣсколько аффишъ на ручномъ станкѣ; это отниметъ много времени, но къ восьми часамъ вечера вы получите 500 экземпляровъ.

— А вы все-таки продолжаете упорствовать въ своемъ отказѣ печатать призывъ къ оружію?

— Продолжаю.

Съ декрета сняли двѣ копіи, которыя Жирарденъ и унесъ съ собой.

Пренія начались. Каждую минуту прибывали представители и сообщали новости. Амьенъ возсталъ. Въ Реймсѣ и Руанѣ волненіе, идутъ на Парижъ. Генералъ Капроберъ противится перевороту. Генералъ Кастелланъ колеблется. Посолъ Соединенныхъ

---

[1] Этотъ списокъ принадлежитъ исторіи: онъ послужилъ основаніемъ для списка лицъ, осужденныхъ на изгнаніе.

Штатовъ требуетъ свои паспорты. Мы мало придавали вѣры всѣмъ этимъ слухамъ; и факты доказали, что мы были правы.

Между тѣмъ, Жюль Фавръ редижировалъ слѣдующій декретъ, который онъ предложилъ и который былъ принятъ.

ДЕКРЕТЪ.

Французская республика.

Свобода, равенство, братство.

«Нижеподписавшіеся представители, остающіеся на свободѣ и засѣдающіе въ постоянномъ собраніи.

«Въ виду арестованія бо̀льшей части ихъ сотоварищей и въ виду крайней необходимости.

«Принимая во вниманіе, что для совершенія своего преступленія Луи Бонапартъ прибѣгнулъ къ самымъ разрушительнымъ средствамъ, направленнымъ противъ жизни и собственности гражданъ, что онъ попралъ всѣ законы, уничтожилъ всѣ гарантіи цивилизованныхъ націй;

«Принимая во вниманіе, что всѣ эти преступныя безумства усиливаютъ только всеобщее негодованіе и приближаютъ часъ національной мести, и что необходимо возстановить право.

«Декретируютъ:

«1) Осадное положеніе снимается во всѣхъ департаментахъ, гдѣ оно объявлено, и обыкновенные законы вступаютъ въ дѣйствіе.

«2) Всѣ военные начальники, подъ опасеніемъ обвиненія въ измѣнѣ, обязуются немедленно отказаться отъ чрезвычайныхъ полномочій, коими они облечены.

«3) На должностныхъ лицъ и агентовъ полиціи возлагается, подъ страхомъ обвиненія въ измѣнѣ, исполненіе настоящаго декрета.

«Дано въ Парижѣ, въ засѣданіи. 3-го декабря 1851 г.»

Мадье де-Монжо и де-Флоттъ вошли. Они были вездѣ, гдѣ происходила борьба, они видѣли собственными глазами колебанія части населенія передъ словами: *Законъ 31 мая уничтоженъ. Всеобщая подача голосовъ возстановлена.* Аффиши Луи Бонапарта очевидно производили свое дѣйствіе. Усилію нужно было противопоставить усиліе и ничѣмъ не пренебрегать, чтобъ открыть народу глаза. Я продиктовалъ слѣдующую прокламацію.

«Народъ! Тебя обманываютъ.

«Луи Бонапартъ говоритъ, что онъ возстановляетъ твои права и возвращаетъ тебѣ всеобщую подачу голосовъ.

«Луи Бонапартъ лжетъ.

«Читай его аффиши. Онъ даруетъ тебѣ — какая гнусная насмѣшка—право вручить ему, ему *одному*, учредительную власть,

т. е. высшую власть, принадлежащую—тебѣ. Онъ даруетъ тебѣ право сдѣлать его диктаторомъ на шесть лѣтъ. Другими словами: онъ даруетъ тебѣ право отречься отъ себя и короновать — его—право, котораго даже ты не имѣешь, потому что одно поколѣніе не можетъ располагать верховной властью послѣдующаго поколѣнія.

«Да! Луи Бонопартъ даруетъ тебѣ, державному народу, право избрать себѣ господина, и господиномъ этимъ будетъ онъ самъ.

«Лицемѣріе и измѣна!

«Народъ! Мы разоблачимъ измѣнника. Твое дѣло его наказать.»

Комитетъ сопротивленія. Жюль Фавръ. Де-Флоттъ. Карно. Мадье де Монжо. Матьё (изъ Дромы). Мишель де-Буржъ. Викторъ Гюго.».

Боденъ геройски палъ. Нужно было извѣстить народъ объ его смерти и почтить его память. Слѣдующій декретъ былъ вотированъ по предложенію М. де-Буржа:

«Представители народа, оставшіеся на свободѣ, принимая во вниманіе, что представитель Боденъ палъ на Сент-Антуанской баррикадѣ, защищая республику и законы, что онъ заслужилъ благодарность отечества, декретируютъ:

«Представителю Бодену присуждаются почести Пантеона.

«Дано въ засѣданіи 3-го декабря 1851 года.»

Вслѣдъ за возданіемъ почести умершимъ и необходимыми распоряженіями, касавшимися борьбы, по моему мнѣнію, слѣдовало, безотлагательно и диктаторски осуществить какое нибудь капитальное народное улучшеніе. Я предложилъ уничтоженіе акцизныхъ пошлинъ съ напитковъ и налога на съѣстные припасы. Послышалось возраженіе: «Нечего нѣжничать съ народомъ. Послѣ побѣды увидимъ. А пока пускай онъ дерется. Если онъ не возстаетъ, и не понимаетъ, что мы, представители, въ настоящую минуту рискуемъ за него, за его права, своими головами, если онъ оставляетъ насъ однихъ, значитъ онъ не достоинъ свободы». Бансель замѣтилъ, что уничтоженіе пошлинъ не есть нѣжничанье съ народомъ, что это—помощь нуждающимся, великая экономическая мѣра, заглаживающая несправедливость; удовлетвореніе насущной потребности, въ которомъ правая постоянно отказывала, по которымъ лѣвая, получивъ въ свои руки власть, должна поспѣшить сколь возможно. Декретъ, заключавшій въ себѣ обѣ мѣры, былъ вотированъ, подъ условіемъ обнародованія его послѣ побѣды.

«Представители, оставшіеся на свободѣ, декретируютъ:

«Пошлины на съѣстные припасы и напитки отмѣняются на всей территоріи французской республики.»

Версиньи, съ копіями декретовъ и прокламацій, отправился отыскивать Гетцеля. Положили сойтись въ 8 часовъ вечера, у бывшаго члена временнаго правительства Мари, въ улицѣ Neuve-des petits Champs. Въ то время, какъ члены комитета и представители расходились, мнѣ пришли сказать, что меня кто-то спрашиваетъ. Я вошелъ въ маленькую комнатку, сосѣднюю съ заломъ, и увидѣлъ тамъ человѣка въ блузѣ, съ симпатичнымъ и умнымъ лицомъ. Въ рукахъ у него былъ свертокъ.

— Гражданинъ Викторъ Гюго, сказалъ онъ. У васъ нѣтъ типографіи. Вотъ средства обойтись безъ нея.

Онъ развернулъ на каминѣ свертокъ. Это была тетрадь изъ очень тонкой, синей и, какъ мнѣ показалось, слегка пропитанной масломъ бумаги. Между листами синей бумаги, находились листы бѣлой. Онъ вынулъ изъ кармана что-то въ родѣ притупленнаго шильца и сказалъ: можно воспользоваться первой попавшеюся подъ руку вещью, спичкой, гвоздемъ. «И онъ начертилъ шильцемъ, на первой страницѣ, слово «*республика*». Потомъ, перевернувъ страницу, прибавилъ: посмотрите.—Слово было воспроизведено на 15 или 20 бѣлыхъ листахъ, заключавшихся въ тетради.

— Мы употребляемъ обыкновенно эту бумагу, сказалъ онъ, для копированія рисунковъ на фабрикахъ. Мнѣ казалось, что она можетъ пригодиться въ настоящее время. У меня есть сотня такихъ листковъ; и я могу снять сто копій съ чего вамъ угодно; на это потребуется столько времени, сколько нужно для написанія пяти или шести.—Напишите мнѣ что-нибудь, что̀ вы считаете полезнымъ, и завтра утромъ это будетъ наклеено въ Парижѣ, въ числѣ пятисотъ экземпляровъ.

У меня не было при себѣ ни одного изъ тѣхъ актовъ, которые мы только-что редижировали. Я взялъ листокъ бумаги и написалъ слѣдующую прокламацію:

«Солдаты!

«Существуетъ человѣкъ, уничтожившій конституцію, нарушившій клятву, данную имъ народу. Онъ задушилъ право, законъ; обагрилъ кровью Парижъ, связалъ Францію, предалъ республику.

«Солдаты! Этотъ человѣкъ хочетъ вовлечь васъ въ свое преступленіе.

«Есть двѣ вещи священныхъ: знамя, представляющее военную честь и, законъ, представляющій національное право. Солдаты! величайшее изъ всѣхъ посягательствъ, это—знамя, поднятое противъ закона. Не слѣдуйте болѣе за несчастнымъ, который вводитъ

васъ въ заблужденіе; французскіе солдаты должны являться мстителями за такія преступленія, а не пособниками ихъ.

«Этотъ человѣкъ говоритъ, что онъ называется Бонапартомъ. Онъ лжетъ, потому что слово Бонапартъ означаетъ славу.—Этотъ человѣкъ говоритъ, что онъ называется Наполеономъ. Онъ лжетъ, потому что слово Наполеонъ означаетъ геній. Онъ неизвѣстенъ и малъ. Предайте этого негодяя правосудію. Солдаты, это—лже-Наполеонъ. Настоящій Наполеонъ заставилъ бы васъ повторить Маренго. Онъ хочетъ заставить васъ повторить Транснонен скую бойню.

«Обратитесь къ истинному призванію французской арміи. Защищать отечество, освобождать народы, поддерживать національности, повсюду разбивать цѣпи, защищать право — вотъ ваша роль между арміями. Вы достойны великихъ полей битвы.

«Солдаты! Французская армія есть авангардъ человѣчества.

«Сосредоточьтесь и размыслите. Подумайте о вашихъ арестованныхъ генералахъ, которыхъ хватали за воротъ полицейскіе и, заковавъ, бросали въ тюрьму, вмѣстѣ съ ворами. Негодяй, сидящій въ Елисейскомъ Дворцѣ, думаетъ, что французская армія — шайка разбойниковъ; что если напоить ее, да заплатить ей, то она будетъ повиноваться. Онъ заставляетъ васъ дѣлать позорное дѣло; заставляетъ, въ половинѣ 19-го вѣка, въ самомъ Парижѣ, душить свободу, прогрессъ, цивилизацію! Вы, дѣти Франціи, должны разрушать все, что такъ славно и съ такими усиліями созидалось въ теченіи трехъ вѣковъ цивилизаціи, въ теченіи шестидесяти лѣтъ революцій! Солдаты, если вы—великая армія, то уважайте великую націю!

«Знаете ли, что приводитъ насъ въ отчаяніе, насъ, представителей народа, и вашихъ представителей; насъ, вашихъ друзей, вашихъ братьевъ; насъ, представляющихъ собой законъ и право; насъ, которые простираютъ къ вамъ руки и противъ которыхъ вы, въ слѣпотѣ, обнажаете мечъ свой—насъ приводитъ въ отчаяніе не кровь, проливаемая нами, а ваша гибнущая честь!

«Солдаты! Еще лишній шагъ, еще день съ Луи Бонапартомъ, и вы погибли передъ всемірной совѣстью. Люди, ведущіе васъ—внѣ закона. Это не генералы, это—злоумышленники. Ихъ ждетъ куртка каторжника. Смотрите, она уже теперь на ихъ плечахъ. Солдаты! Еще есть время. Остановитесь. Возвратитесь къ отечеству; возвратитесь къ республикѣ. Если вы будете упорствовать, знаете ли что исторія скажетъ про васъ? Она скажетъ: они растоптали ногами своихъ лошадей, раздавили колесами своихъ пушекъ — законы своего отечества. Они, французскіе солдаты, обезчестили годовщину Аустерлица

они виноваты въ томъ, что имя Наполеона такъ же громко говоритъ теперь о позорѣ Франціи, какъ нѣкогда говорило объ ея славѣ.

«Солдаты! Перестаньте служитъ орудіями преступленія!»

Мои товарищи ушли; я не могъ съ ними посовѣтоваться; а время шло; и я подписалъ: «за представителей, оставшихся на свободѣ, представитель, членъ комитета сопротивленія, В. Гюго».

Человѣкъ въ блузѣ унесъ прокламацію, сказавъ мнѣ: «Вы увидите ее завтра утромъ». Онъ сдержалъ слово. Я увидѣлъ ее на другой день приклеенною въ трехъ мѣстахъ. Лицамъ, не знакомымъ съ этимъ способомъ копированія, она казалась написанной голубыми чернилами.

Я рѣшился возвратиться къ себѣ. Въ улицѣ de la Tour d'Auvergne, когда я очутился у крыльца своего дома, дверь оказалась, вслѣдствіе какой то случайности, полуотворенной. Я толкнулъ ее и вошелъ. Я прошелъ черезъ дворъ и, поднявшись на верхъ, никого не встрѣтилъ.

Моя жена и дочь сидѣли въ гостиной у камина, съ г-жей Поль Мёрисъ. Я вошелъ безъ шума. Онѣ разговаривали вполголоса. Онѣ говорили о Пьерѣ Дюпонѣ, народномъ поэтѣ, который являлся ко мнѣ за оружіемъ. У слуги моего Исидора были пистолеты, и онъ далъ ихъ Дюпону.

Вдругъ, дамы обернулись и увидѣли, что я стою подлѣ нихъ. Дочь моя вскрикнула. «О, уходи, уходи! сказала мнѣ жена моя, бросаясь ко мнѣ на шею:—если ты останешься хоть минуту, ты погибъ. Тебя схватятъ здѣсь». Г-жа Поль Мёрисъ прибавила: «Васъ ищутъ. Полиція была здѣсь четверть часа тому назадъ». Мнѣ никакъ не удалось успокоить ихъ. Мнѣ отдали цѣлую связку писемъ, гдѣ мнѣ предлагали убѣжище на ночь. Нѣкоторые были подписаны незнакомыми именами. Черезъ нѣсколько минутъ, видя, что страхъ все больше и больше овладѣваетъ ими, я ушелъ. Жена сказала мнѣ: «То, что ты дѣлаешь — ты дѣлаешь во имя справедливости. Продолжай». Я поцѣловалъ жену и дочь. Теперь, когда я пишу эти строки, пять мѣсяцевъ прошло съ того дня. Я отправился въ изгнаніе. Онѣ оставались все это время около сына моего Виктора, сидѣвшаго въ тюрьмѣ; и я съ тѣхъ поръ не видался съ ними.

Я вышелъ такъ же, какъ и вошелъ. Въ комнатѣ дворника находились только двое или трое маленькихъ дѣтей, сидѣвшихъ вокругъ стола, на которомъ горѣла лампа. Они смѣялись, разсматривая картинки въ какой-то книжкѣ.

VII.

Архіепископъ.

Въ этотъ темный и трагическій день одному человѣку изъ народа пришла въ голову идея.

Это былъ работникъ, принадлежавшій къ честному и незамѣтному меньшинству католическихъ демократовъ. Двойственная экзальтація его духа, отличавшагося съ одной стороны революціоннымъ и съ другой—мистическимъ настроеніемъ, дѣлала его нѣсколько подозрительною личностью въ средѣ народа и даже въ глазахъ его товарищей и друзей. Будучи достаточно набожнымъ для того, чтобы получить отъ соціалистовъ названіе іезуита, и настолько революціонеромъ, чтобы люди реакціи считали его краснымъ, онъ представлялъ собою исключеніе въ мастерскихъ предмѣстья. Но, чтобы овладѣвать и управлять массами среди крайнихъ критическихъ обстоятельствъ—для этого нужна исключительность генія, а не мнѣній. Революціонной оригинальности не существуетъ. Для того, чтобы быть чѣмъ-нибудь во время возрожденія и во дни соціальной борьбы, нужно погружаться вполнѣ въ могучіе однородные потоки, именуемые партіями. За великими теченіями идей слѣдуютъ великія теченія человѣческихъ массъ, и истиннымъ революціоннымъ вождемъ можетъ быть только тотъ, кто наилучшимъ образомъ умѣетъ двинуть эти послѣдніе по направленію первыхъ.

Однако же, въ первые часы сопротивленія государственному перевороту, католико-демократичный работникъ, о благородныхъ усиліяхъ котораго мы разсказываемъ здѣсь, отдался дѣлу истины и справедливости такъ рѣшительно, что въ нѣсколько мгновеній превратилъ подозрительность въ довѣріе и заслужилъ рукоплесканія народа. При устройствѣ баррикады въ улицѣ Омеръ, онъ выказалъ такое мужество, что его единогласно провозгласили начальникомъ. Въ минуту атаки онъ защищалъ эту баррикаду съ такою же энергіей, съ какою построилъ ее. Это было плачевное и славное поле сраженія; большинство его товарищей было убито, и онъ только чудомъ избѣжалъ той же участи.

Возвратясь въ свой домъ, онъ сказалъ:—все потеряно.

Ему казалось очевиднымъ, что возстаніе не подниметъ глубины народныхъ массъ. Побѣдить coup d'état посредствомъ революціи — отнынѣ казалось невозможнымъ; оставался един-

ственный способъ борьбы — путь легальности. По его мнѣнію, надлежало, за отсутствіемъ народа, попытаться привести въ движеніе буржуазію. Пусть выступитъ вооруженный легіонъ—и Елисейскій Дворецъ погибнетъ. Для этого слѣдовало дѣйствовать рѣшительно, дойти до сердца среднихъ классовъ, наэлектризовать буржуа великимъ зрѣлищемъ, которое не было бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, зрѣлищемъ устрашающимъ.

Тогда-то этому работнику пришла въ голову слѣдующая мысль: написать къ парижскому архіепископу.

Работникъ взялъ перо и изъ своей бѣдной мансарды написалъ архіепископу серьёзное, исполненное энтузіазма письмо, гдѣ онъ, человѣкъ народа и вѣрующій, говорилъ епископу. Мы передаемъ смыслъ его письма:

«Минута торжественна, гражданская война приводитъ въ столкновеніе армію съ народомъ. кровь течетъ. Когда льется кровь—на сцену выходитъ епископъ. Сибуръ долженъ быть продолжателемъ Афра. Примѣръ великъ, настоящій случай — еще болѣе.

«Пусть парижскій архіепископъ, въ сопровожденіи всего своего духовенства, съ крестомъ первосвященника впереди, съ митрою на головѣ, пойдетъ въ торжественной процессіи по улицамъ. Пусть призоветъ онъ къ себѣ національное собраніе и верховный судъ, законодателей въ шарфахъ и судей въ красныхъ мантіяхъ, пусть призоветъ онъ къ себѣ гражданъ, солдатъ—и идетъ прямо къ Елисейскому Дворцу. Пусть онъ подыметъ тамъ руку, во имя правосудія — противъ того, кто нарушаетъ законы, и во имя Іисуса —противъ того, кто проливаетъ кровь. Этою поднятою рукою, и ничѣмъ другимъ, онъ сокрушитъ coup d'état.

«И ему воздвигнутъ статую возлѣ статуи Афра и скажутъ, что два парижскихъ епископа два раза раздавили своею пятой гражданскую войну.

«Церковь свята, а отечество священно. Въ настоящемъ случаѣ, церковь должна прійти на помощь отечеству».

Окончивъ письмо, онъ подписалъ его своею подписью.

Но теперь представлялось затрудненіе: какъ доставить письмо по назначенію?

Отнести его самому?

Но допустятъ ли его, бѣднаго ремесленника въ блузѣ, до архіепископа?

И притомъ, чтобы дойти до архіепископскаго дворца, надлежало проходить именно по возмутившимся кварталамъ, гдѣ сопротивленіе можетъ быть еще длилось въ эту минуту; надлежало перебраться чрезъ улицы, загроможденныя войсками. Его

могли остановить и обыскать, его руки пахли еще порохомъ, его бы разстрѣляли и письмо бы не дошло!

Что дѣлать?

Въ минуту отчаянія, имя Арно (изъ Арьежа) мелькнуло въ его памяти.

Арно былъ представителемъ его по духу. Это была благородная личность. Это былъ демократъ-католикъ, такъ же, какъ и упоминаемый нами работникъ. Въ собраніи онъ высоко поднималъ, и почти одинъ несъ это знамя, которое стремилось къ сліянію демократіи съ церковью. Арно, молодой, прекрасный, краснорѣчивый энтузіастъ, кроткій и твердый, соединялъ въ себѣ наклонности трибуна съ безупречною честностью рыцаря. Его откровенная натура, не желая отдѣляться отъ Рима, обожала свободу. У него было два принципа, но онъ не имѣлъ двухъ лицъ. Въ общемъ итогѣ, въ немъ преобладалъ характеръ демократа. Онъ сказалъ мнѣ однажды: — *Я подаю руку Виктору Гюго, но не подаю ея Монталамберу.*

Рабочій зналъ его. Онъ часто къ нему писалъ и иногда видалъ его.

Арно жилъ въ кварталѣ, который оставался почти свободнымъ отъ волненія.

Работникъ немедленно отправился туда.

Какъ всѣ мы, Арно участвовалъ въ борьбѣ. Подобно большинству представителей лѣвой, онъ не былъ дома съ утра 2-го декабря. Но на другой день, онъ вспомнилъ о своей молодой женѣ, которую оставилъ, не зная, увидитъ ли ее снова, о своемъ шестимѣсячномъ ребенкѣ, котораго она кормила грудью и котораго онъ не цѣловалъ въ теченіи столь многихъ часовъ, объ томъ мирномъ очагѣ, взглянуть на который мы чувствуемъ въ извѣстныя минуты рѣшительную, неодолимую потребность. Арестъ, Мазасъ, келья, галера, разстрѣляніе — все исчезло, мысль объ опасности стушевалась, онъ возвратился въ свой домъ.

Какъ разъ въ эту минуту пришелъ работникъ.

Арно принялъ его, прочелъ и одобрилъ его письмо.

Арно былъ лично знакомъ съ парижскимъ архіепископомъ.

Монсиньоръ Сибуръ, республиканскій священникъ, назначенный на мѣсто архіепископа генераломъ Кавеньякомъ, былъ истиннымъ вождемъ церкви, о которой мечталъ либеральный католицизмъ Арно. Въ глазахъ архіепископа, Арно былъ въ собраніи представителемъ католицизма, искажаемаго Монталамберомъ. Демократическій представитель и республиканскій архіепископъ имѣли между собою довольно частыя сношенія, для которыхъ посредникомъ служилъ аббатъ Марѐ, священникъ умный, другъ

народа и прогресса, главный парижскій викарій, въ послѣдствіи епископъ in partibus къ Сюра̀. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, Арно видѣлъ архіепископа и слышалъ его жалобы по поводу посягательствъ клерикальной партія на епископскую власть; онъ намѣревался даже сдѣлать въ скоромъ времени министерству интерпелляцію по этому предмету и подвергнуть вопросъ обсужденіе съ трибуны.

Арно присоединилъ къ письму работника рекомендательное письмо за своею подписью и запечаталъ оба письма въ одинъ конвертъ.

Но тутъ явился тотъ же самый вопросъ:

Какимъ образомъ доставить это посланіе?

Арно, по причинамъ еще болѣе важнымъ, чѣмъ работникъ, не могъ отнести его самъ.

А время не терпѣло. Жена Арно̀ замѣтила его затрудненіе и сказала просто:

— Я позабочусь объ этомъ.

Г-жа Арно юная и прекрасная, вышедшая замужъ не болѣе, какъ два года передъ тѣмъ, была дочь бывшаго республиканца, члена учредительнаго собранія—Гишара; дочь, достойная своего отца, и жена, достойная своего мужа.

Въ Парижѣ дрались; приходилось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ опасностями, пройти сквозь градъ пуль, рисковать своею жизнью.

Арно поколебался.

— Что хочешь ты сдѣлать? спросилъ онъ жену.

— Я отнесу это письмо.

— Ты сама?

— Сама.

— Но вѣдь это опасно.

Она подняла глаза и сказала ему:

— Развѣ я сдѣлала тебѣ подобное возраженіе вчера, когда ты оставилъ меня?

Онъ со слезами на глазахъ поцѣловалъ ее и сказалъ:—Иди.

Но полиція государственнаго переворота была подозрительна; многія женщины, проходя по улицамъ, были обыскиваемы; у г-жи Арно могли найти это письмо. Какъ спрятать его?

— Я понесу съ собою ребенка, сказала г-жа Арно.

Она развернула пеленки малютки, спрятала въ нихъ письмо и снова завернула ихъ.

Когда это было кончено, отецъ поцѣловалъ своего ребенка въ лобъ, а мать вскричала, смѣясь:

— Вотъ красная дѣвчонка! Ей всего шесть мѣсяцевъ, а она уже участвуетъ въ заговорѣ!

Г-жа Арно добралась до дома архіепископа не безъ труда. Экипажъ, въ которомъ она отправилась, долженъ былъ дѣлать множество объѣздовъ. Однако-жъ, она доѣхала. Она заявила желаніе видѣть архіепископа. Женщина, съ ребенкомъ на рукахъ не можетъ быть очень страшною, и ее впустили.

Но она заблудилась среди дворовъ и лѣстницъ. Довольно разстроенная, она отыскивала надлежащій путь, когда встрѣтила аббата Марѐ. Она знала аббата, подошла къ нему и объявила о цѣли своего прихода. Аббатъ Марѐ прочелъ письмо работника и пришелъ въ восторгъ. — Это можетъ спасти все, сказалъ онъ. Затѣмъ прибавилъ:

— Идите за мною. Я представлю васъ.

Архіепископъ парижскій находился въ комнатѣ, смежной съ его кабинетомъ. Аббатъ Марѐ провелъ г-жу Арно въ кабинетъ, предупредилъ, архіепископа и, минуту спустя, архіепископъ вошелъ туда же. Кромѣ аббата Марѐ, его сопровождалъ аббатъ Дегерри, кюрѐ прихода св. Магдалины.

Г-жа Арно вручила Сибуру два письма: своего мужа и работника. Архіепископъ прочелъ ихъ и задумался.

— Какой отвѣтъ я должна передать моему мужу? спросила г-жа Арно.

— Сударыня, сказалъ архіепископъ:—ужь слишкомъ поздно. Это слѣдовало сдѣлать до начала борьбы. Теперь это значило бы подвергаться риску вызвать еще большее кровопролитіе, чѣмъ какое произошло до сихъ поръ.

Аббатъ Дегерри молчалъ. Аббатъ Марѐ почтительно пытался расположить своего епископа въ пользу великаго усилія, рекомендуемаго работникомъ. Онъ сказалъ нѣсколько краснорѣчивыхъ словъ. Онъ настаивалъ на томъ, что появленіе архіепископа могло бы вызвать манифестацію со стороны національной гвардіи, а манифестація національной гвардіи заставила бы елисейскую клику отступить.

— Нѣтъ, сказалъ архіепископъ.—Вы надѣятесь на невозможное. Бонапартъ теперь не отступитъ. Думаютъ, что я могу остановить кровь: нѣтъ, я только бы заставилъ ее литься, и литься потоками. Національная гвардія уже лишилась своего обаянія. Если легіоны явятся, то Бонапартъ уничтожитъ ихъ полками. И притомъ, что значитъ архіепископъ въ сравненіи съ человѣкомъ государственнаго переворота? Гдѣ присяга? куда дѣвалось клятвенное обѣщаніе вѣрности? Гдѣ уваженіе къ праву? Никто не возвращается назадъ, сдѣлавъ три шага на пути подобнаго пре-

ступленія. Нѣтъ, нѣтъ! не надѣйтесь! Этотъ человѣкъ сдѣлаетъ все. Онъ нанесъ ударъ закону въ лицѣ представителя; онъ нанесъ бы ударъ Богу—въ моемъ.

И онъ отпустилъ г-жу Арно съ видомъ человѣка, подавленнаго горемъ.

Исполнимъ долгъ историка. Шесть недѣль спустя, въ церкви Богоматери, нѣкто пѣлъ *Te-Deum* въ честь декабрьской измѣны, дѣлая, такимъ образомъ, Бога соучастникомъ въ преступленіи.

Это былъ архіепископъ Сибуръ.

VIII.

На Мон-Валеріенѣ.

Изъ двухсотъ представителей, заключенныхъ въ казармѣ на Орсейской набережной, пятьдесятъ три были отправлены на Мон-Валеріенъ. Ими наполнили четыре арестантскихъ фургона.

Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ оставались не помѣщенными—этихъ напихали въ омнибусъ. Бенуа д'Ази, Фаллу, Пискатори, Ватимениль были заперты на ключъ въ этихъ подвижныхъ кельяхъ, также какъ Эжень Сю и Эскиросъ. Почтенный Гюставъ де-Бомонъ, великій приверженецъ одиночнаго заключенія, вошелъ въ арестантскій фургонъ. Какъ мы уже сказали, не худо законодателю самому испробовать на себѣ законъ.

Комендантъ Мон-Валеріена явился подъ сводомъ форта, чтобы принять плѣнныхъ представителей.

Онъ сначала имѣлъ поползновеніе снять съ нихъ обычный допросъ. Генералъ Удино, подъ начальствомъ котораго онъ когда-то служилъ, сурово сказалъ ему:

— Вы меня знаете?

— Да, генералъ.

— Въ такомъ случаѣ, удовольствуйтесь этимъ. Не спрашивайте больше.

—Напротивъ, сказалъ Тамизье:—спросите и преклонитесь. Мы—болѣе чѣмъ армія, мы—Франція.

Комендантъ понялъ. Съ этой минуты, онъ снималъ шляпу передъ генералами и опускалъ голову передъ представителями.

Ихъ привели въ казарму форта, заперли безъ разбора въ дортуаръ, который очистили отъ солдатъ и снабдили новыми добавочными кроватями. Тамъ они провели первую ночь. Кровати прикасались одна къ другой, простыни были грязны.

На другое утро, вслѣдствіе нѣсколькихъ словъ, услышан-

ныхъ внѣ казармы, между ними распространился слухъ, что изъ пятидесяти трехъ человѣкъ будетъ сдѣланъ выборъ и что республиканцы будутъ помѣщены отдѣльно. Немного времени спустя, этотъ слухъ подтвердился. Г-жа де-Люинъ пробралась къ мужу и принесла нѣкоторыя извѣстія. Увѣряли, что хранитель тайнъ государственнаго переворота, человѣкъ, подписывавшійся такъ: «*Евгеній Руэръ, министръ юстиціи*» сказалъ:— *Пусть выпустятъ на свободу людей правой и заключатъ въ тюрьму людей лѣвой. Если чернь пошевельнется, то они отвѣтятъ за все. Въ обезпеченіе покорности предмѣстій, мы будемъ имѣть въ своей власти головы красныхъ.*

Мы не думаемъ, чтобы г-нъ Руэръ произнесъ эти слова, отзывающіяся смѣлостью. Въ то время, у г-на Руэра ея не было. Назначенный министромъ 2-го декабря, онъ медлилъ, онъ выказывалъ смутную щепетильность, онъ не смѣлъ поселиться на Вандомской Площади. Все, что сдѣлалось, было ли вполнѣ правильно? Въ нѣкоторыхъ душахъ сомнѣніе въ успѣхѣ пробуждаетъ щекотливость совѣсти. Нарушить законы, сдѣлаться клятвопреступникомъ, уничтожить право, умертвить отечество— честно-ли это? Пока дѣло еще не совершено—предъ нимъ отступаютъ; когда оно удалось—въ него кидаются съ головой. Гдѣ побѣда, тамъ нѣтъ нарушенія; ничто въ такой степени, какъ успѣхъ. не можетъ омыть и узаконить то неизвѣстное, которое зовутъ преступленіемъ. Въ первыя минуты Руэръ сдерживался Въ послѣдствіи, онъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ совѣтниковъ Луи Бонапарта. Это очень просто. Его предыдущій страхъ объясняетъ его послѣдующее рвеніе.

На самомъ дѣлѣ, упомянутая угроза была произнесена не Руэромъ, а Персиньи.

Г-нъ де-Люинъ сообщилъ своимъ товарищамъ приготовлявшіяся мѣры и предупредилъ ихъ, что будутъ спрашивать ихъ имена, для отдѣленія бѣлыхъ овецъ отъ красныхъ козлищъ. Поднялся ропотъ, повидимому, единодушный. Со стороны представителей правой послышались великодушныя заявленія, которыя дѣлаютъ имъ честь.

— Нѣтъ! нѣтъ! не назовемъ никого! Не позволимъ сортировать насъ! вскричалъ Гюставъ де Бомонъ.

Ватимениль прибавилъ:—Мы вошли сюда всѣ вмѣстѣ; и всѣ вмѣстѣ должны выйти отсюда.

Однако же, нѣсколько минутъ спустя, Антони Туре́ получилъ извѣстіе, что составляется тайно списокъ именъ и что роялистскимъ депутатамъ предложено подписать его. Эту неблагород-

ную рѣшимость приписывали, безъ сомнѣнія несправедливо, почтенному г. Фаллу.

Антони Туре́ тотчасъ же заговорилъ среди смѣшаннаго шума группъ, наполнявшихъ дортуаръ.

— Господа, вскричалъ онъ:—составляется списокъ именъ. Это было бы подлостью. Вчера, въ мэріи X го округа, вы говорили намъ: ни правой, ни лѣвой не существуетъ; мы—Собраніе. Вы вѣровали въ побѣду народа и искали безопаснаго убѣжища за нами, республиканцами. Теперь вы вѣруете въ побѣду государственнаго переворота и снова дѣлаетесь роялистами, чтобы предать насъ, демократовъ! Очень хорошо! дѣлайте какъ знаете.

Поднялся всеобщій крикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! ни правой, ни лѣвой не существуетъ. Всѣ—одно собраніе! Одинаковая участь для всѣхъ!

Начатой списокъ былъ схваченъ и сожженъ.

— По рѣшенію палаты, съ улыбкою сказалъ Ватимениль.

Нѣсколько минутъ спустя, явился комиссаръ форта и въ вѣжливыхъ выраженіяхъ, отзывавшихся, однако-же, приказаніемъ, пригласилъ представителей народа объявить свои имена, дабы можно было дать каждому опредѣленное назначеніе.

Крикъ негодованія былъ ему отвѣтомъ.

— Никто, никто не назоветъ своего имени, сказалъ генералъ Удино.

Гюставъ де-Бомонъ прибавилъ:

— Мы всѣ имѣемъ одно имя: Представители народа.

Комиссаръ поклонился и вышелъ.

Черезъ два часа, онъ вернулся. На этотъ разъ, его сопровождалъ начальникъ приставовъ (huissiers) собранія, нѣкто Дюпонсо, надутый простакъ съ краснымъ лицомъ и съ сѣдыми волосами, который, въ дни торжественныхъ засѣданій, съ важностью красовался у подножія трибуны въ воротникѣ съ серебрянымъ шитьемъ, съ золотою цѣпью на брюхѣ и при шпагѣ.

Комиссаръ, обратившись къ Дюпонсо, сказалъ ему:

— Исполняйте свою обязанность.

То, что комиссаръ подразумѣвалъ, а приставъ понималъ подъ словомъ *обязанность*, состояло въ объявленіи именъ законодателей приставомъ.

Это дѣлалось такимъ образомъ:

Дюпонсо осмѣливался глядѣть въ лицо представителямъ, одному за другимъ, и сообщалъ ихъ имена полицейскому, который дѣлалъ отмѣтки.

Дѣлая этотъ осмотръ, господинъ Дюпонсо подвергался сильнымъ оскорбленіямъ.

— Г-нъ Дюпонсо, сказалъ ему Ватимениль:—я васъ считалъ дуракомъ, но думалъ, что вы все-таки честный человѣкъ.

Но наиболѣе жесткія слова сказалъ Антони Турѐ.

— Вы заслуживаете того, чтобъ называться Дюпеномъ.

Приставъ дѣйствительно былъ достоинъ того, чтобы быть президентомъ, а президентъ достоинъ того, чтобы быть приставомъ.

Когда стадо было сосчитано и классификація его была кончена, то оказалось на лицо тринадцать козлищъ, именно, десять представителей лѣвой: Эжень Сю, Эскиросъ, Антони Турѐ, Паскаль Дюпра, Шанэ, Файоль, Поленъ-Дюрьё, Бенуа, Тамизье, Тельяръ-Латрессъ, и три члена правой, которые наканунѣ вдругъ сдѣлались красными въ глазахъ coup d'état: Удино, Пискатори и Тюрьо де-ла-Розьеръ.

Ихъ заперли отдѣльно, а остальныхъ сорокъ человѣкъ, одного за другимъ, выпустили на свободу.

IX.

Начало молній.

Вечеръ былъ грозенъ.

На бульварахъ образовались групы. Ночью онѣ увеличились и превратились въ сборища, которыя скоро смѣшались и слились въ одну толпу. Это была громадная толпа, возраставшая каждое мгновеніе и возмущаемая притоками изъ улицъ, волнующаяся, бурная. и изъ ея глубины исходилъ трагическій ропотъ Этотъ ропотъ сосредоточивался въ одномъ словѣ, которое выходило разомъ изъ всѣхъ устъ и выражало собою все положеніе вещей: Сулукъ! На этой длинной линіи, отъ церкви Магдалины до Бастиліи, почти вездѣ, исключая Сен-Денисскихъ и Сен-Мартенскихъ воротъ (не нарочно ли было сдѣлано это исключеніе?), шоссе было занято войскомъ, пѣхотой и кавалеріей въ боевомъ порядкѣ, съ запряженными баттареями; по троттуарамъ, съ двухъ сторонъ этой массы, неподвижной и мрачной, покрытой щетиною штыковъ, множествомъ пушекъ и сабель, струился потокъ раздраженнаго народа. Повсюду общее явное негодованіе—таковъ былъ видъ бульваровъ. У Бастиліи—мертвое спокойствіе.

У Сен-Мартенскихъ Воротъ, тѣснимая и безпокойная толпа говорила тихо. Кружки работниковъ разговаривали вполголоса. «Общество десятаго декабря» дѣлало тамъ нѣкоторыя усилія.

Люди въ бѣлыхъ блузахъ—нѣчто въ родѣ мундира, въ который облеклась полиція въ тѣ дни—говорили:

— Не будемъ мѣшать! Пусть двадцати-пяти франковые устраиваются, какъ знаютъ! Они оставили насъ въ іюнѣ 1848, пусть выпутываются теперь одни! Это до насъ не касается!

Другія блузы, синія, отвѣчали имъ:

— Мы знаемъ, что намъ дѣлать. Это только начало. Посмотримъ, что будетъ дальше.

Другіе разсказывали, что баррикады въ улицѣ Омэръ возобновляются, что тамъ убито уже много народа, что стрѣляютъ безъ предупрежденія, что солдаты пьяны, что во многихъ мѣстахъ квартала перевязочные пункты завалены ранеными и убитыми. Все это говорилось сдержанно, серьёзно, безъ возвышенія голоса, безъ жестовъ, какъ бы по секрету. Отъ времени до времени, толпа умолкала и прислушивалась: въ отдаленіи была слышна ружейная пальба.

Мы засѣдали у Марй въ улицѣ Croix-des-Petits-Champs. Единомышленники прибывали къ намъ со всѣхъ сторонъ. Многіе изъ нашихъ товарищей, которые не могли найти насъ наканунѣ, теперь присоединились къ намъ, въ томъ числѣ Эммануэль Араго, мужественный сынъ знаменитаго отца, Фарконе, Руссель и нѣкоторыя парижскія знаменитости, въ томъ числѣ, молодой, но уже знаменитый защитникъ народнаго самодержавія, Демаре.

Два краснорѣчивые человѣка, Жюль Фавръ и Александръ Рей, сидя за большимъ столомъ у окна кабинета, редактировали прокламацію къ національной гвардіи. Въ гостиной, Сэнъ, сидя въ креслѣ, протянувъ ноги на каминную рѣшотку и просушивая на сильномъ огнѣ свои мокрые сапоги, говорилъ съ тою спокойною и бодрою улыбкой, которая ему была свойственна на трибунѣ: — Дѣло идетъ худо для насъ, но хорошо для республики. Военное положеніе объявлено; его будутъ выполнять съ звѣрскою жестокостью, въ особенности противъ насъ. Насъ подстерегаютъ, преслѣдуютъ, на насъ дѣлаютъ облаву и намъ едва ли удастся ускользнуть. Сегодня, завтра, а, можетъ быть, черезъ десять минутъ, произойдетъ «маленькая бойня» представителей. Мы будемъ взяты здѣсь или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, разстрѣляны на мѣстѣ или переколоты штыками. Понесутъ наши трупы, и можно надѣятся, что это, наконецъ, подниметъ народъ и низвергнетъ Бонапарта. Мы умремъ, но Бонопартъ погибнетъ.

Въ восемь часовъ, согласно обѣщанію Эмиля Жирардена, мы получили изъ типографіи газеты «*Presse*» пятьсотъ экземпляровъ декрета о низложеніи основаннаго на приговорѣ верховнаго суда и снабженнаго всѣми нашими подписями. Это было объявленіе величиною въ двѣ четверти, напечатанное на корректурной бумагѣ. Эти пятьсотъ экземпляровъ, еще сырыхъ, принесъ Ноэль

Парфѐ, спрятавъ ихъ животѣ подъ рубашкой. Тридцать представителей раздѣлили ихъ между собою, и мы послали ихъ на бульвары для раздачи декрета народу.

Эффектъ этого декрета былъ необычайный. Нѣкоторыя кафе оставались еще открытыми, объявленія вырывали другъ у друга; тѣснились у освѣщенныхъ витринъ, толпились у рефлекторовъ, взбирались на тумбы или на столы и громко читали декретъ.

— Именно такъ! Браво! говорилъ народъ.—Подписи! подписи! кричали въ толпѣ. Подписи прочитывали, и при каждомъ популярномъ имени раздавались рукоплесканія. Шарамоль, веселый и негодующій, ходилъ среди групъ и раздавалъ экземпляры декрета; его высокій ростъ, его громкая и смѣлая рѣчь, пачка объявленій, которою онъ размахивалъ надъ своей головою, заставляли всѣхъ протягивать къ нему руки.

— Кричите: долой Сулука! и вы получите ихъ, говорилъ онъ. И все это въ присутствіи солдатъ. Одинъ линейный сержантъ, замѣтивъ Шарамоля, тоже протянулъ руку, чтобы получить листокъ.

— Сержантъ, сказалъ ему Шарамоль:—кричите: Долой Сулука!

Сержантъ нѣсколько мгновеній оставался въ нерѣшимости, затѣмъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ!

— Хорошо, сказалъ Шарамоль:—кричите: «Да здравствуетъ Сулукъ!»

На этотъ разъ сержантъ уже не колебался; онъ поднялъ свою саблю и, среди громкаго хохота и рукоплесканій, вскричалъ рѣшительно:

— Да здравствуетъ Сулукъ!

Чтеніе декрета усилило негодованіе. Вездѣ начали рвать аффиши государственнаго переворота. Изъ двери кафе des Variétés одинъ молодой человѣкъ кричалъ офицерамъ:

— Вы пьяны!

Работники на бульварѣ Bonne Nouvelle, показывая солдатамъ кулаки, говорили:

— Стрѣляйте же, трусы, въ безоружныхъ людей! Еслибы у насъ были ружья, вы подняли бы приклады вверхъ.

Такъ какъ на Сен-Мартенскомъ и на Тампльскомъ бульварахъ войскъ не было, то тамъ толпа была гуще, чѣмъ гдѣ-нибудь. Всѣ лавки тамъ были заперты, только фонари бросали нѣкоторый свѣтъ; въ стеклахъ неосвѣщенныхъ оконъ смутно виднѣлись головы, смотрѣвшія на улицу. Тьма производитъ безмолвіе. Эта толпа, какъ мы уже говорили, молчала; тамъ слышался только смѣшанный шопотъ.

Вдругъ появляется свѣтъ; какой-то шумъ, суматоха подымаются при входѣ въ улицу Сен-Мартенъ. Всѣ глаза поворачиваются въ ту сторону; глубокая зыбь волнуетъ толпу. Всѣ бросаются, тѣснятся къ периламъ высокихъ тротуаровъ, окаймляющихъ оврагъ у театровъ Porte-Saint-Martin и Ambigu. Видны движущаяся масса и приближающійся свѣтъ. Слышно пѣніе. Всѣ узнаютъ этотъ страшный припѣвъ: Aux armes, citoyens! Formez vos bataillons! Это приближаются заженные факелы, это пылаетъ *марсельеза*, факелъ революціи и войны.

Толпа разступилась по дорогѣ сборища, которое несло факелы и пѣло.

Оно дошло до Сен-Мартенскаго рва и направилось туда. Тогда поняли, что̀ значило это печальное шествіе. Сборище состояло изъ двухъ особыхъ групъ. Первая несла на плечахъ доску, на которой лежалъ старикъ съ сѣдою бородой, оцѣпенѣлый, съ закрытымъ ртомъ, съ неподвижными глазами и съ отверстіемъ во лбу. Колебаніе шаговъ покачивало трупъ, и мертвая голова то опускалась, то подымалась, имѣя какой-то мрачный, угрожающій видъ. Одинъ изъ людей, которые несли его, блѣдный, раненный въ грудь, прижималъ рукою свою рану, прислонялся къ ногамъ старика, и, по временамъ казалось, самъ готовъ былъ упасть. Другая група несла другія носилки, на которыхъ лежалъ молодой человѣкъ, съ бѣлымъ лицомъ и закрытыми глазами; его испачканная рубашка, открытая на груди, позволяла видѣть его раны. Неся двое носилокъ, эти групы пѣли на ходу. Онѣ пѣли марсельезу и при каждомъ припѣвѣ останавливались и подымали свои факелы, крича: къ оружію! Нѣсколько молодыхъ людей размахивали обнаженными саблями. Факелы бросали кровавый отблескъ на блѣдные лбы труповъ и мрачныя лица толпы. Въ народѣ пробѣжалъ трепетъ. Казалось, онъ снова увидѣлъ страшный февральскій призракъ.

Это мрачное шествіе выходило изъ улицы Омэръ. Около восьми часовъ, человѣкъ тридцать работниковъ изъ окрестностей рынка (Halles), тѣ самые, которые на другой день устроили баррикаду въ улицѣ Геренъ-Буассо, вошли въ улицу Омэръ черезъ улицу Пти-Льонъ, Невъ-Буръ-Аббе и Сен-Мартенскій сквэръ. Они шли драться, но на этомъ пунктѣ дѣло было уже кончено. Пѣхота удалилась, разрушивъ баррикады. Два трупа, одинъ—старика шестидесяти двухъ лѣтъ, другой—молодого человѣка, лѣтъ двадцати пяти, лежали у угла улицы на мостовой, въ лужѣ крови, съ открытымъ лицомъ и головою на тротуарѣ, гдѣ они пали. Оба были одѣты въ пальто и, повидимому, принадлежали къ

буржуазіи. Возлѣ старикаилежала его шляпа. Это была почтенная физіономія съ сѣдою бородой, съ сѣдыми волосами на головѣ и спокойнымъ видомъ. Пуля пробила ему черепъ.

Грудь молодого человѣка была пронизана множествомъ крупныхъ дробинъ. Первый былъ отецъ, второй—сынъ. Сынъ, увидѣвъ, что отецъ его упалъ, воскликнулъ: и я хочу умереть. Они лежали одинъ возлѣ другого.

Возлѣ рѣшотки консерваторіи искуствъ и ремеслъ строился какой-то домъ; тамъ отыскали двѣ доски, положили на нихъ два трупа, толпа подняла ихъ на плечи, принесены были факелы, и шествіе двинулось. Въ улицѣ Сен-Дени какой-то человѣкъ въ бѣлой блузѣ загородилъ ему дорогу.

— Куда вы идете? спросилъ онъ.—Вы навлекаете бѣду! Вы работаете для двадцати-пяти франковыхъ?

— Долой полицію! долой бѣлую блузу! вскричала толпа. Бѣлая блуза скрылась.

Сборище увеличивалось по пути, толпа раступалась и повторяла хоромъ *марсельезу*; но, за исключеніемъ сабель, ни у кого не было оружія. На бульварѣ было глубокое волненіе. Женщины воздымали руки съ чувствомъ жалости. Раздавались крики работниковъ: «ахъ, отчего у насъ нѣтъ оружія»!

Пройдя нѣсколько по бульвару, шествіе вступило въ улицы, въ сопровожденіи растроганной и негодующей толпы. Оно дошло до улицы des Gravilliers. Тамъ отрядъ изъ двадцати городовыхъ вдругъ выступилъ изъ тѣсной улицы; съ поднятыми тесаками кинулись они на носильщиковъ и сбросили трупы въ грязь. Подоспѣлъ батальонъ стрѣлковъ, бѣглымъ шагомъ, и ударами штыковъ, положилъ конецъ борьбѣ. Сто два арестованные гражданина были отведены въ префектуру. Въ этой свалкѣ два трупа получили множество ударовъ тесаками и были, такъ сказать, убиты вторично. Бригадиръ Ревіаль, начальствовавшій командой городскихъ сержантовъ, получилъ крестъ за этотъ военный подвигъ.

У Мари насъ могли захватить. Мы рѣшились оставить улицу Croix-des-Petits-Champs.

Въ Елисейскомъ Дворцѣ начиналась тревога. Эксъ-комендантъ Флёри, одинъ изъ адъютантовъ президента, былъ позванъ въ кабинетъ, изъ котораго Бонапартъ не выходилъ цѣлый день. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора съ Флёри, адъютантъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ галопомъ по направленію къ Мазасу.

Затѣмъ люди государственнаго переворота, собравшись въ кабинетѣ Бонапарта, держали совѣтъ. Ихъ дѣла, очевидно, шли

очень плохо; была вѣроятность, что битва приметъ, наконецъ, страшные размѣры; до сихъ поръ они желали ея, теперь же начинали побаиваться. Существовали тревожные симптомы твердаго сопротивленія, и другіе, не менѣе серьёзные—трусости приверженцевъ. Ни одинъ изъ новыхъ министровъ, назначенныхъ утромъ, не вступилъ въ управленіе своимъ министерствомъ—робость, знаменательная со стороны людей, обыкновенно столь стремительныхъ въ насиліи. Въ особенности Руэръ—провалился неизвѣстно куда. Признакъ бури. За исключеніемъ Бонапарта, coup d'état продолжалъ тяготѣть единственно на трехъ именахъ: Морни, Сентъ-Арно и Мопà. Сентъ-Арно ручался за Маньяна. Морни смѣялся и говорилъ въ полголоса: но ручается ли Маньянъ за Сентъ-Арно? Эти люди приняли свои мѣры; они призвали новые полки; гарнизонамъ, расположеннымъ съ одной стороны до Шербурга, съ другой до Мобёжа, былъ посланъ приказъ идти къ Парижу. Эти преступники, чувствуя въ глубинѣ души сильную тревогу, старались обмануть другъ друга. Они притворялись спокойными; всѣ выражали увѣренность въ побѣдѣ, но каждый въ тихомолку приготовлялся къ бѣгству, не говоря объ этомъ ни слова, чтобы не встревожить другихъ компрометированныхъ и, въ случаѣ неуспѣха, оставить народу нѣсколько человѣкъ на растерзаніе. Для этой маленькой школы подражателей Маккіавеля условіе хорошаго выхода изъ бѣды состоитъ въ оставленіи своихъ друзей; обращаясь въ бѣгство, они бросаютъ своихъ сообщниковъ.

X.

Что дѣлалъ Флёри въ Мазасѣ.

Въ ту же ночь, около четырехъ часовъ утра, доступы къ сѣверной желѣзной дорогѣ были безмолвно заняты двумя батальонами: венсенскихъ стрѣлковъ и подвижной жандармеріи. Многіе отряды городовыхъ сержантовъ расположились на дебаркадерѣ. Начальнику станціи было дано приказаніе приготовить особый поѣздъ и держать локомотивъ подъ парàми. Извѣстное число кочегаровъ и машинистовъ было оставлено на станціи для ночной службы. Но не дано никакого объясненія — назначеніе поѣзда оставалось безусловною тайной. Около шести часовъ, въ войскѣ произошло движеніе, прибѣжали городовые и, черезъ нѣсколько минутъ затѣмъ, изъ улицы дю-Норъ выѣхалъ крупною

рысью эскадронъ уланъ. Посреди эскадрона, между двумя рядами всадниковъ, виднѣлись два арестантскіе фургона, везомые почтовыми лошадьми; позади каждаго изъ тихъ фургоновъ ѣхала небольшая открытая коляска, съ однимъ сѣдокомъ. Во главѣ уланъ галопировалъ адъютантъ Флёри.

Конвой въѣхалъ на дворъ, потомъ на станцію, и затѣмъ рѣшотки и двери затворились.

Два человѣка, сидѣвшіе въ колясках, заявили свою личность особому комиссару станціи, съ которымъ адъютантъ Флёри поговорилъ наединѣ. Этотъ таинственный поѣздъ возбудилъ любопытство должностныхъ лицъ желѣзной дороги; дежурные спрашивали полицейскихъ, но послѣдніе ничего не знали. Они могли сказать только, что арестантскіе фургоны были восьмимѣстные, что въ каждомъ фургонѣ помѣщены четверо арестантовъ въ особыхъ кельяхъ, и что остальныя кельи заняты четырьмя городовыми, размѣщенными между узниками такимъ образомъ, чтобы помѣшать всякому сношенію одной кельи съ другою.

Послѣ разныхъ переговоровъ между елисейскимъ адъютантомъ и людьми префекта Мопà, два арестантскіе фургона были поставлены на платформу, имѣя, по прежнему, за собою каждый открытую коляску, въ качествѣ подвижной караулки, съ полицейскимъ агентомъ на часахъ. Локомотивъ былъ готовъ, платформы прицѣплены къ тендеру, и поѣздъ двинулся. Была еще темная ночь.

Поѣздъ шелъ долго среди самаго глубокаго молчанія. Была изморозь; во второмъ фургонѣ городовые сержанты, стѣсненные и продрогшіе, отворили свои кельи и, чтобы согрѣться и расправить окоченѣвшіе члены, начали прохаживаться въ узкомъ проходѣ, шедшемъ вдоль фургоновъ отъ одного конца до другого. Наступилъ день; четверо городовыхъ вдыхали свѣжій воздухъ и смотрѣли на окрестность чрезъ отверстія, находившіяся по обѣимъ сторонамъ прохода, подъ потолкомъ. Вдругъ громкій голосъ послышался въ одной изъ келій, остававшихся затворенными:

— Однако, очень холодно! нельзя ли здѣсь закурить сигару?

Вслѣдъ затѣмъ голосъ изъ другой кельи, сказалъ:

— Ба! это вы! Здравствуйте Ламорисьеръ!

— Здравствуйте, Кавеньякъ! отвѣчалъ первый голосъ.

Генералъ Кавеньякъ и генералъ Ламорисьеръ узнали другъ друга.

Изъ третьей кельи послышался третій голосъ:

— А! вы тамъ, господа! Добраго дня и счастливаго пути!

Говорившій это былъ генералъ Шангарнье.

— Господа генералы! вскричалъ четвертый голосъ:—я тоже съ вами.

Три генерала узнали База.

Хохотъ раздался разомъ изъ всѣхъ четырехъ келій.

Дѣйствительно, этотъ фургонъ заключалъ въ себѣ и увозилъ изъ Парижа квестора База и генераловъ Ламорисьера, Кавеньяка и Шангарнье. Въ другомъ фургонѣ, который былъ поставленъ на платформу первымъ, находились: полковникъ Шаррасъ, генералы Бедо и Лефло и графъ Роже (du Nord).

Въ полночь, эти восемь арестованныхъ представителей спали въ Мазасѣ, каждый въ своей кельѣ, какъ вдругъ въ ихъ двери послышался громкій стукъ и какой-то голосъ сказалъ:

— Одѣвайтесь, сейчасъ придутъ за вами.

— Не затѣмъ ли, чтобы насъ разстрѣлять? вскричалъ Шаррасъ черезъ дверь. Ему не отвѣчали.

Достойно замѣчанія, что эта мысль пришла въ голову всѣмъ имъ въ ту минуту. И въ самомъ дѣлѣ, если вѣрить тому, что обнаруживается теперь изъ споровъ между сообщниками, то, повидимому, было рѣшено прибѣгнуть къ разстрѣлянію въ случаѣ попытки силою освободить ихъ изъ Мазаса. Сент-Арно имѣлъ въ карманѣ письменный приказъ, за подписью *Луи Бонапарта*.

Узники встали. Подобное же предупрежденіе имъ было дано и въ предшествовавшую ночь; они провели ее на ногахъ, а въ шесть часовъ утра сторожа сказали имъ: вы можете лечь. Часы проходили; они, наконецъ, стали думать, что все произойдетъ, какъ въ прошлую ночь, и многіе, услыхавъ, что тюремные часы пробили пять, думали уже лечь въ постель, когда двери ихъ келій отворились. Всѣхъ восьмерыхъ поодиночкѣ заставили сойти внизъ въ ротонду канцеляріи, затѣмъ помѣстили въ арестантскій фургонъ, причемъ они не встрѣтились другъ съ другомъ и не видѣли одинъ другого во время переѣзда.

Какой-то человѣкъ въ черномъ платьѣ, съ наглымъ видомъ, сидѣвшій за столомъ съ перомъ въ рукѣ, останавливалъ ихъ и спрашивалъ ихъ имена.

— Я имѣю такъ же мало желанія объявить вамъ свое имя, какъ и знать ваше, отвѣтилъ генералъ Ламорисьеръ и прошелъ мимо.

Адъютантъ Флёри стоялъ въ канцеляріи, скрывая свой мундиръ подъ шинелью. По его собственному выраженію, ему было поручено: «les embarquer», т. е. посадить ихъ и отдать въ этой посадкѣ отчетъ въ Елисейскомъ Дворцѣ. Адъютантъ Флёри почти

всю свою военную карьеру сдѣлалъ въ Африкѣ, въ дивизіи генерала Ламорисьера, и тотъ же Ламорисьеръ, въ 1848 году, будучи военнымъ министромъ, назначилъ его начальникомъ эскадрона. Проходя черезъ канцелярію, генералъ Ламорисьеръ пристально посмотрѣлъ на него.

Когда они вошли въ арестантскіе фургоны, генералы курили сигары. У нихъ отняли ихъ. Генералъ Ламорисьеръ не отдалъ своей. Какой-то голосъ снаружи три раза принимался кричать:

— Не давайте же ему курить.

Одинъ изъ городскихъ сержантовъ, стоявшихъ у дверей кельи, нѣкоторое время колебался, но, наконецъ, сказалъ генералу:— Бросьте вашу сигару.

Послѣдствіемъ этого было восклицаніе, по которому генералъ Каваньякъ узналъ Ламорисьера. По наполненіи фургоновъ, они отправились.

Они не знали ни того, съ кѣмъ, ни того, куда они ѣдутъ. Каждый въ своей клѣткѣ наблюдалъ повороты улицы и старался угадать ихъ; нѣкоторые думали, что ихъ везутъ на сѣверную желѣзную дорогу, другіе—что на гаврскую. Они слышали топотъ лошадей своего конвоя на мостовой.

На желѣзной дорогѣ неудобства сидѣнья въ кельяхъ чувствовалось все сильнѣе. Генералу Ламорисьеру, обремененному плащемъ и узломъ, было еще, тѣснѣе, чѣмъ другимъ. Онъ не могъ пошевелиться, его охватилъ холодъ: наконецъ, онъ сказалъ слово, за которымъ всѣ четверо заговорили другъ съ другомъ.

Услыхавъ имена узниковъ, ихъ сторожа, грубые до тѣхъ поръ, сдѣлались почтительными.

— Эй! сказалъ генералъ Шангарнье:—отворите наши кельи и дайте намъ походить, какъ вы, по корридору.

— Намъ это запрещено, генералъ, возразилъ городской сержантъ. За фургономъ въ коляскѣ сидѣлъ полицейскій комиссаръ и видѣлъ оттуда все, что здѣсь происходитъ.

Однакоже, нѣсколько минутъ спустя, сержанты, подъ предлогомъ холода, опустили матовое стекло, которое скрыло корридоръ отъ глазъ коммиссара и, «блокировавъ такимъ образомъ полицію», по выраженію одного изъ нихъ, отворили кельи узниковъ.

Четыре представителя были очень рады увидѣться и пожать руки другъ другу. Въ этомъ изліяніи чувствъ каждый держалъ себя, соотвѣтственно своему темпераменту. Ламорисьеръ, бѣшеный и остроумный, накидывался со всею своей военной энергіей на «Бонапарта»; Каваньякъ былъ спокоенъ; хладнокровенъ, Шан-

гарнье былъ молчаливъ и глядѣлъ сквозь отверстія на окрестность. Сержанты отъ времени до времени рѣшались произнести нѣсколько словъ. Одинъ изъ нихъ разсказалъ узникамъ, что экс-префектъ Карлье провелъ ночь съ 1-го на 2 е въ полицейской префектурѣ. «Что касается меня, прибавилъ онъ:—то я оставилъ префектуру въ полночь, но я видѣлъ его тамъ до самаго того времени и могу подтвердить, что въ полночь онъ былъ еще тамъ».

Они пріѣхали въ Крейль, потомъ въ Нойонъ. Въ Нойонѣ имъ дали позавтракать, не позволяя выйти изъ фургона. Закусивъ стоя, они выпили по стакану вина. Полицейскіе комиссары не сказали имъ ни слова. Затѣмъ, ихъ заперли снова, и они почувствовали, что фургоны снимаютъ съ платформъ и ставятъ на колеса. Явились почтовыя лошади, и фургоны поѣхали, но шагомъ. Теперь ихъ сопровождала рота подвижныхъ жандармовъ пѣшкомъ.

Десять часовъ находились они въ арестантскихъ фургонахъ, до той минуты, какъ оставили Нойонъ. Между тѣмъ, пѣшій конвой сдѣлалъ остановку. Они попросили позволенія выйти на минуту.

— Мы согласны, сказалъ одинъ изъ полицейскихъ комиссаровъ:—но только на минуту, и если вы дадите честное слово не бѣжать.

— Мы не даемъ честнаго слова, отвѣчали узники.

— Господа, возразилъ комиссаръ:—дайте его мнѣ только на одну минуту, на время, достаточное для того, чтобы выпить стаканъ воды.

— Нѣтъ, но на время, чтобы сдѣлать противное, сказалъ генералъ Ламорисьеръ. И прибавилъ: — за здоровье Луи Бонапарта!

Имъ позволили выйти, опять по одиночкѣ, и они могли съ минуту подышать чистымъ воздухомъ въ открытомъ полѣ, возлѣ дороги. Затѣмъ шествіе двинулось снова.

Къ вечеру, они черезъ свой люкъ замѣтили высокія стѣны, надъ которыми нѣсколько возвышалась большая круглая башня. Минуту спустя, фургоны въѣхали подъ низкую арку, затѣмъ остановились посреди длиннаго двора, окруженнаго высокими стѣнами; на немъ возвышались два строенія: одно имѣло видъ казармы, а другое, съ рѣшетками во всѣхъ окнахъ, походило на тюрьму. Дверцы фургоновъ отворились. Какой-то офицеръ въ капитанскихъ эполетахъ стоялъ у подножки. Генералъ Шангарнье выходилъ первый.

— Гдѣ мы? спросилъ онъ.

— Вы въ Гамѣ, отвѣчалъ офицеръ. Этотъ офицеръ былъ комен-

дантомъ форта. Онъ былъ назначенъ на этотъ постъ генераломъ Кавеньякомъ.

Переѣздъ отъ Нойона до Гама продолжался три часа съ половиной. Они провели тринадцать часовъ въ арестантскомъ фургонѣ.

Ихъ провели по одиночкѣ въ тюрьму и помѣстили каждаго въ особую, ему назначенную комнату. Но такъ какъ генералъ Ламорисьеръ, по ошибкѣ, былъ приведенъ въ комнату Кавеньяка, то этимъ двумъ генераламъ удалось пожать руку другъ другу. Генералъ Ламорисьеръ пожелалъ написать письмо къ своей женѣ; единственное письмо, которое полицейскіе комиссары согласились отправить, была записка состоявшая изъ одной слѣдующей строчки: «я здоровъ».

Главный корпусъ гамской тюрьмы состоитъ изъ одного этажа надъ rez-de-chaussée. Rez-de-chaussée, пересѣкаемое темнымъ и низкимъ сводомъ, который идетъ отъ главнаго двора къ заднему, содержитъ въ себѣ три комнаты, раздѣленныя корридоромъ; слѣдующій этажъ имѣетъ пять комнатъ. Одна изъ трехъ комнатъ rez-de-chaussée — не болѣе, какъ крошечный чуланъ, въ которомъ почти нельзя жить. Тамъ помѣстили База. Въ другихъ двухъ комнатахъ—генераловъ Ламорисьера и Шангарнье. Остальные пять плѣнниковъ были размѣщены въ пяти комнатахъ верхняго этажа.

Комнату, назначенную для генерала Ламорисьера, нѣкогда, во время заключенія министровъ Карла X, занималъ морской министръ Оссé. Это была комната низкая, сырая, давно не обитаемая, служившая часовнею. Она прилегала къ тёмному своду, который шелъ отъ одного двора къ другому; полъ состоялъ изъ толстыхъ досокъ, липкихъ, покрытыхъ плесенью; стѣны были оклеены сѣрою бумагой, превратившеюся въ зеленую, которая висѣла клочьями; комната освѣщалась двумя, выходившими на дворъ, окнами съ рѣшетками; эти окна нужно было держать постоянно отворенными, вслѣдствіе того, что каминъ дымилъ. Въ глубинѣ—кровать, между окнами столъ и два соломенные стула. Вода сочилась по стѣнамъ. Когда генералъ оставилъ эту комнату, онъ вынесъ оттуда ревматизмы; Оссе вышелъ оттуда съ параличемъ.

Когда восемь узниковъ вошли въ свои комнаты, двери за ними затворились; они слышали, какъ снаружи задвигались засовы, и имъ сказали: вы секретные арестанты.

Генералъ Кавеньякъ занималъ на верху бывшую комнату Луи Бонапарта, лучшую во всей тюрьмѣ. Первое, что бросилось въ глаза генералу, была надпись на стѣнѣ, обозначавшая день,

когда Луи Бонапартъ вошелъ въ эту крѣпость, и день, когда онъ вышелъ оттуда—извѣстно какимъ образомъ—переодѣтый каменьщикомъ, съ доской на плечѣ. Впрочемъ, такой выборъ помѣщенія былъ знакомъ вниманія со стороны Луи Бонапарта, который, занявъ въ 1848 г. мѣсто генерала Кавеньяка въ управленіи, желалъ, въ 1851 г., чтобы генералъ Кавенькъ занялъ его мѣсто въ тюрьмѣ.

— Chassez-croisez! говорилъ Морни, улыбаясь.

Узники находились подъ карауломъ 48 линейнаго, полка, составлявшаго гарнизонъ Гама. Старые тюремные замки отличаются индифферентностью. Они повинуются виновникамъ государственныхъ переворотовъ, пока не захватятъ ихъ самихъ. Что значатъ для нихъ эти слова: справедливость, истина, совѣсть, которыя, впрочемъ, въ иныхъ сферахъ волнуютъ людей не многимъ болѣе, чѣмъ волнуютъ эти камни. Эти замки — холодные и мрачные слуги справедливости и несправедливости. Они принимаютъ тѣхъ, кого имъ даютъ. Все для нихъ ладно. Если это виновные—прекрасно. Если невиновные—превосходно. Вотъ этотъ—устроитель западни. Въ тюрьму!—А вотъ и жертва западни — туда же! Всѣхъ побѣжденныхъ—въ казематъ!

Эти гнусныя бастиліи похожи на старое человѣческое правосудіе, въ которомъ какъ разъ столько же совѣсти, какъ въ нихъ, которое осудило Сократа и Іисуса, которое тоже беретъ и оставляетъ, связываетъ и отпускаетъ, осуждаетъ и оправдываетъ, заточаетъ и освобождаетъ, открывается и закрывается по произволу какой-нибудь руки, повертывающей ключи отъ двери снаружи.

XI.

Конецъ второго дня.

Мы вышли отъ Мари какъ разъ во-время. Батальоны, которымъ поручено было окружить и захватить насъ, приближались. Мы слышали въ темнотѣ мѣрный шагъ солдатъ. Улицы были темны, мы разсѣялись по нимъ. Я не говорю о какомъ либо убѣжищѣ, мы не могли на него разсчитывать.

Не прошло и десяти минутъ послѣ нашего ухода, какъ домъ Мари былъ уже окруженъ. Ружья и сабли кинулись туда и наводнили его отъ подвала до чердака. Вездѣ, вездѣ ищите! кричали начальники. Солдаты искали насъ съ нѣкоторою запальчивостію. Не давая себѣ труда наклоняться для осмотра, они

рылись подъ кроватями своими штыками. Иногда имъ было трудно вытащить штыкъ, воткнувшійся въ стѣну. Увы! это рвеніе пропало даромъ: насъ тамъ не было.

Это рвеніе исходило свыше. Бѣдные солдаты повиновались. Убить представителей—таковъ былъ приказъ. Это была та минута, когда Морни послалъ Мопà слѣдующую депешу:

— *Если вы захватите Виктора Гюго, то дѣлайте съ нимъ что хотите.* Въ послѣдствіи, coup d'état, въ своемъ декретѣ объ изгнаніи, назвалъ насъ «ces individus»; что вызвало гордую фразу Шёльхера: *Эти люди не умѣютъ даже изгонять вѣжливо*».

Докторъ Веронъ, опубликовавшій въ своихъ *запискахъ* депешу Морни-Мопа, прибавляетъ: «Г. де-Мопа велѣлъ искать Виктора Гюго у его зятя Виктора Фуше, совѣтника кассаціоннаго суда. Тамъ его не нашли».

Одинъ давній другъ, человѣкъ мужественный и талантливый, Анри д'Е., предложилъ мнѣ убѣжище въ своей небольшой квартирѣ, въ улицѣ Ришельё. Эта квартира, въ сосѣдствѣ съ Théâtre Français, находилась въ первомъ этажѣ дома, который, какъ и домъ г. Греви, имѣлъ выходъ на улицу Fontaine Molière.

Я отправился туда. Анри д'Е. не было дома; его привратникъ ждалъ меня и вручилъ мнѣ ключъ.

Свѣча освѣщала комнату, въ которую я вошелъ. Тамъ стоялъ столъ у камина, на немъ чернильница и бумага. Было за полночь, я былъ нѣсколько утомленъ; но, предвидя, что если я переживу этотъ coup d'état, то напишу его исторію, я вздумалъ тотчасъ же записать нѣкоторыя подробности относительно положенія Парижа въ концѣ этого второго дня государственнаго переворота. Я написалъ слѣдующую страницу, которую привожу здѣсь по причинѣ вѣрности заключающагося въ ней изображенія. Это, такъ сказать—фотографическій снимокъ съ только-что совершившагося факта.

«— Луи Бонапартъ изобрѣлъ вещь, которую онъ называетъ совѣщательною комиссіей и которой онъ поручаетъ сочинить post-scriptum преступленія!

«— Леонъ Фоше отказывается быть членомъ этой комиссіи, Монталамберъ колеблется, Барошъ принимаетъ предложеніе.

«— Фаллу презираетъ Дюпена.

«— Первые выстрѣлы раздались у Архивовъ. У центральнаго рынка, въ улицѣ Рамбюто, въ улицѣ Бобуръ я слышалъ пальбу.

«— Флёри, адъютантъ, рискнулъ ѣхать по улицѣ Монмартръ. Ружейный выстрѣлъ пробилъ его кепи. Онъ ускакалъ въ галопъ. Въ часъ, полкамъ велѣно было вотировать относительно coup

d'état. Всѣ пристаютъ къ нему; студенты-юристы и медики соединились со школою правовѣденія, чтобы протестовать. Муниципальные гвардейцы разгоняли ихъ. Много арестовъ. Въ этотъ вечеръ вездѣ патрули.

«— Представитель д'Эспёйль, человѣкъ шести футовъ ростомъ, не могъ найти въ Мазасѣ кельи одинаковой съ нимъ длины и долженъ былъ остаться у привратника, гдѣ его не выпускаютъ изъ виду.

«— Г-жи Одилонъ-Барро и де-Токвиль не знаютъ, гдѣ ихъ мужья. Онѣ бѣгутъ изъ Мазаса въ Монъ-Валеріенъ. Тюремщики безмолвствуютъ. Баррикада, гдѣ убитъ Боденъ, была аттакована 19-мъ легкимъ полкомъ. Пятьдесятъ человѣкъ подвижной жандармеріи, пущенные бѣглымъ шагомъ, взяли баррикаду въ улицѣ Сент-Онорэ. Борьба обрисовывается; въ церкви Бреа бьютъ въ набатъ. Вмѣсто одной опрокинутой баррикады, подымается двадцать баррикадъ; есть баррикада des Ecoles въ улицѣ Saint-André-des-Arts, баррикада въ улицахъ du Temple, баррикада на перекресткѣ Phélippeaux; ее защищали двадцать молодыхъ людей, которые всѣ перебиты; ее устроиваютъ вновь; баррикада въ улицѣ Bretagne, которую въ эту минуту Куртижи громитъ пушками. Есть баррикада инвалидовъ, баррикада заставы des Martyrs, баррикада церкви Saint-Denis. Засѣданія военныхъ совѣтовъ постоянны; велятъ разстрѣливать арестантовъ. 30-й линейный полкъ разстрѣлялъ одну женщину. Масло въ огонь.

«— Командиръ 49-го линейнаго полка подалъ въ отставку. Луи Бонапартъ назначилъ на его мѣсто подполковника Негріе. Г. Брёнъ, офицеръ полиціи собранія, былъ арестованъ одновременно съ квесторами.

«— Говорятъ, что пятьдесятъ членовъ большинства подписали протестъ у Одилона-Барро.

«— Въ этотъ вечеръ—возрастающее безпокойство въ Елисейскомъ Дворцѣ. Тамъ боятся пожара. Къ пожарной командѣ присоединили саперовъ. Мона велѣлъ караулить газометры.

«— Вотъ въ какіе военные когти захваченъ Парижъ:—Биваки на всѣхъ стратегическихъ пунктахъ. У Новаго Моста и на Цвѣточной Набережной національная гвардія; на Бастильской Площади двѣнадцать пушекъ и три гаубицы, съ зажженными фитилями; на углу предмѣстья шести-этажные дома заняты войскомъ сверху до низу; бригада Марюля въ городской ратушѣ, бригада Собу—въ Пантеонѣ; бригада Куртижи—въ Сент-Антуанскомъ предмѣстьѣ; дивизія Рено—въ предмѣстьѣ Сен-Марсо. У дворца законодательнаго корпуса—венсенскіе стрѣлки и 15-й

легкій; на Елисейскихъ Поляхъ—пѣхота и кавалерія; въ улицѣ Мариньи—артиллерія. Внутри цирка—цѣлый полкъ; онъ тамъ бивуакировалъ всю ночь. Эскадронъ муниципальной гвардіи бивуакируетъ на Площади Дофина. Бивуакъ въ государственномъ совѣтѣ, бивуакъ на дворѣ Тюильри. Далѣе—гарнизоны Сен-Жермена и Курбвуа.—Два полковника убиты: Лубо, 75-го полка, и Киліо. Повсюду видны лазаретные служители, съ носилками на плечахъ. Вездѣ подвижные лазареты: на базарѣ промышленности (бульваръ Пуассоньеръ); въ залѣ св. Іоанна, въ городской ратушѣ; въ улицѣ Пти-Карро.—Въ этой мрачной битвѣ участвуютъ девять бригадъ; каждая изъ нихъ имѣетъ одну артиллерійскую баттарею; эскадронъ кавалеріи поддерживаетъ сообщеніе между двумя бригадами; сорокъ тысячъ человѣкъ участвуютъ въ этой борьбѣ, имѣя въ запасѣ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ резерва; сто тысячъ солдатъ на Парижъ. Такова армія преступленія. Бригада Рейбеля, 1-й и 2-й уланскіе полки, охраняютъ Елисейскій Дворецъ. Всѣ министры ночуютъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, близь Морни. Морни бодрствуетъ, Маньянъ командуетъ. Завтра будетъ страшный день».

Дописавъ эту страницу, я легъ и заснулъ.

КОНЕЦЪ 1-ГО ТОМА.

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛІЯ.

VII.

Придя домой, мы нашли Очищеннаго уже возвратившимся изъ бани. Онъ прохаживался въ довольно близкомъ разстояніи отъ шкапа, въ которомъ хранился графинъ съ водкой, но, къ чести нашего друга, мы должны были сознаться, что, въ отсутствіе наше, ничего въ квартирѣ у насъ не пропало.

— Вотъ, братъ, могли ли мы думать, выходя сегодня утромъ, что все такъ прекрасно устроится! сказалъ мнѣ Глумовъ:—и съ Балалайкинымъ покончили, и заблудшаго друга обрѣли, а въ добавокъ еще и на «Уставъ» наскочили! Вѣдь этакъ, пожалуй, и мы съ тобой косвеннымъ образомъ любезному отечеству въ кошель накласть сподобимся! Да, велика къ намъ милость божія— удостоились таки на старости лѣтъ!

Слова эти настроили насъ на благодушный ладъ. А такъ какъ празднаго времени у насъ было пропасть, то мы рѣшились посвятить его благопотребно-философическимъ размышленіямъ. Наше случайное привлеченіе къ участію въ работахъ комиссіи по составленію «Устава благопристойности» представило для такихъ размышленій обильный и вполнѣ подходящій матерьялъ. Въ самомъ дѣлѣ, не предопредѣленіе ли это? Что мы были сегодня утромъ, и чѣмъ, съ Божьею помощью, сдѣлались теперь? что мы могли — *тогда*, и что — *теперь*? Стоитъ только подпустить въ «Уставъ» съ воробьиную погадку «злой и порочной воли» (а это вполнѣ теперь отъ насъ зависитъ) и доступъ въ квартиры сдѣлается свободнымъ на всегда! Не то, чтобы доступъ этотъ не былъ свободенъ и прежде—нѣтъ, въ этомъ отношеніи мы новаторами на-

зваться не можемъ!—но прежде этотъ необходимый актъ общественной безопасности (а стало быть, и личнаго обезпеченія каждаго отдѣльнаго обывателя) производился какъ-то грубо, а потому казался неестественнымъ. Охочій человѣкъ молча приходилъ въ квартиру, молча же отмыкалъ помѣщенія, и на вопросъ: чего вы ищете? не могъ даже отвѣтить порядкомъ, какая вещь квартирной обстановки ему приглянулась. Развѣ такая форма огражденія домашняго очага можетъ быть названа удовлетворительною? Напротивъ того, теперь, благодаря нашему просвѣщенному содѣйствію, тотъ же охочій человѣкъ совершитъ тоже самое, но при этомъ скажетъ: по слухамъ, въ этой квартирѣ скрывается злая и порочная воля—извольте представить ключи! Кто же позволитъ себѣ найти это требованіе не натуральнымъ?

— Да, господа, сказалъ Глумовъ: — нерѣдко и малые источники даютъ начало рѣкамъ, оплодотворяющимъ неизмѣримыя пространства. Такъ-то и мы. Пусть эта мысль сопутствуетъ намъ въ трудахъ нашихъ, и да дастъ она намъ силу совершить предпринятое не къ стыду, но къ славѣ нашего отечества!

Разумѣется, я ничего не имѣлъ возразить противъ такого напутствія, а Очищенный даже перекрестился при этомъ извѣстіи и произнесъ: дай Богъ счастлйво! Вообще этотъ добрый и опытный старикъ былъ до крайности намъ полезенъ при нашихъ философическихъ собесѣдованіяхъ. Стоя на одной съ нами благопотребно-философической высотѣ, онъ обладалъ тѣмъ преимуществомъ, что, благодаря многолѣтней тапёрской практикѣ, имѣлъ въ запасѣ множество приличествующихъ случаю фактовъ, которые, служа подтвержденіемъ добытыхъ абстрактнымъ путемъ истинъ, тѣмъ самымъ поощряли насъ къ дальнѣйшей игрѣ ума.

— Къ стыду отечества, доложу вамъ, совершить очень легко, сказалъ онъ: — къ славѣ же совершить, напротивъ того, столь затруднительно, что многіе даже изъ силъ выбиваются, и все-таки успѣха не достигаютъ. Когда я въ Проломновской Губерніи жилъ, то былъ тамъ одинъ начальствующій — такъ онъ всегда все къ стыду совершалъ. Даже посторонніе дивились, какъ-таки никогда въ его дѣйствіяхъ перемѣны нѣтъ. Спросятъ, бывало, его: зачѣмъ это вы, вашество, все къ стыду да къ стыду? А онъ: не могу, говоритъ:—радъ бы радостью, чтобы къ славѣ, а выходитъ къ стыду!

— Ахъ, чортъ возми!

— И даже какъ я вамъ доложу! перешелъ онъ послѣ того въ другое вѣдомство, думаетъ: хоть тамъ не выйдетъ ли чего къ славѣ—и хоть ты что хошь! что ни шагъ, то въ гущу да въ гущу! Такъ и бросилъ.

— Въ отставку, значитъ, вышелъ?

— Нѣтъ, Богъ миловалъ. Былъ, сударь, и не разъ разговоръ, чтобъ службу ему оставить, однако, видятъ, что человѣкъ не отъ себя, а свыше ужь ему это опредѣлено—снизошли. Собственною смертью на службѣ померъ... но все-таки, сударь, безъ покаянія!

— Однако!

— Да, такъ въ стыдѣ и отошелъ въ вѣчность. И когда при отпѣваніи, отецъ протопопъ сказалъ: «вотъ человѣкъ, который всю жизнь свою, всеусердно тщась нѣчто къ славѣ любезнѣйшаго отечества совершить, ничего, кромѣ дѣйствій, клонящихся къ несомнѣнному онаго стыду не совершилъ», — то весь народъ, всѣ, кто тутъ были, всѣ такъ и залились слезами!

— Еще бы! разумѣется жалко!

— И многіе изъ предстоявшихъ начальствующихъ лицъ въ то время на усъ себѣ это намотали!

— Намотали то намотали, да проку отъ этого мало вышло!

— Это ужь само собой.—А вотъ, что вы изволили на счетъ малыхъ источниковъ сказать, что они нерѣдко начало большимъ рѣкамъ даютъ, такъ и это совершенная истина. Источнику, даже самому малому, очень не трудно хорошей рѣкой сдѣлаться, только одно условіе требуется: понравиться нужно. Коли съумѣлъ ты понравиться—теки и орашай! а не съумѣлъ—не погнѣвайся, голубчикъ! такъ на вѣкъ и оставайся малымъ источникомъ.

— Понравиться-то понравиться — это такъ; да вѣдь наука то эта, голубчикъ, мудреная!

— Мудрено, сударь, собственно начало сдѣлать. Истинную потребность угадать, на настоящую линію попасть—вотъ что обсужденія требуетъ. А коли ежели однажды угодилъ въ точку, такъ тутъ только поспѣвай! Тутъ мудрости не требуется, а поспѣшать нужно.

— Хорошо, братъ, ты расписываешь—отчего же, однако, ты самъ...

— Удачи мнѣ не было—вотъ почему. Это вѣдь, сударь, тоже какъ кому. Иной, кажется, и не слишкомъ уменъ, а только взглянетъ на лицо начальничье сейчасъ истинную потребность видитъ; другой же и долго глядитъ, а ничего различить не можетъ. Я тоже однажды «понравиться» хотѣлъ, анъ замѣсто того, совсѣмъ для меня другой оборотъ вышелъ.

— Бѣдный ты, бѣдный!

— Да, сударь. Состоялъ я въ то времи подъ слѣдствіемъ, по дѣлу о злоупотребленіи помѣщичьей власти, и пріѣхалъ въ губернію хлопатать. Туда сюда, только и говоритъ мнѣ одинъ человѣкъ: дѣло твое, говоритъ, даже очень хорошо направить

можно, только постарайся *ему* понравиться. И научилъ онъ меня, знаете, насмѣхъ: съѣзди, говоритъ, къ обѣдни, выпь за здравіе просвирку, и свези *ему*: страсть какъ онъ это любитъ! Такъ я и сдѣлалъ. Пріѣзжаю это я къ нему, прошу доложить, а самъ просвирку въ рукѣ держу. Выходитъ. И прямо, знаете, оборвалъ. Кто таковъ и по какому дѣлу? Тутъ я ужь и самъ догадался, что дѣло мое не просвиркой пахнетъ, однако, дѣлать нечего: виноватъ, говорю, за ваше здоровье просвирку выпулъ! Взялъ онъ у меня просвирку, повертѣлъ въ рукахъ, разломалъ пополамъ, потомъ на четверо... И вдругъ это: такъ ты, говоритъ, богодвухновенную взятку мнѣ хотѣлъ всучить.. вонъ!! И на другой же день: такого-то Очищеннаго и прочая и прочая... Словомъ сказать, сразу въ тапёры дорогу указалъ!

— Не понравился, значитъ?

— То-то, что я совѣтъ-то того человѣка не въ надлежащей силѣ понялъ. Просвирки то *онъ* дѣйствительно любилъ, да съ начинкою.

— Стало быть, еслибъ ты въ ту пору истинную потребность угадалъ, такъ, можетъ, и теперь бы теченіе имѣлъ, да выкупными свидѣтельствами поигрывалъ.

— Безпремѣнно съ. «Понравиться»—въ этомъ вся наша здѣшняя жизнь состоитъ. Былъ у меня знакомый одинъ, такъ тотъ на какую штуку поддѣлъ: колесомъ ходить умѣлъ! Служилъ онъ въ земскомъ судѣ писцомъ, да пріѣхалъ къ нимъ ревизоръ—онъ его и прельстилъ! А послѣ, ревизора—въ Петербургъ перевели,—и онъ за нимъ. Дальше да шире, да глубже, а теперь, слышно, онъ первый человѣкъ въ своемъ департаментѣ состоитъ!

— Слушай! да неужто жь можетъ такая «истинная потребность» существовать, чтобы предъ глазами человѣкъ колесомъ ходилъ?

— Всякія «истинныя потребности» бываютъ, и даже такія, для отгадки которыхъ особливыя познанія нужно имѣть. Въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, можно прямо на немощи человѣческія разсчитывать. Иной начальникъ къ женскому полу пристрастіе имѣетъ, другой требуетъ, чтобы ему на ушко нашептывали, третій—къ законодательству приверженность оказываетъ, четвертый—просто въ звонокъ звонить любитъ — вотъ подчиненный-то примѣчаетъ и разъигрываетъ, сообразно этому, свою фантазію.

— Примѣры знаешь?

— Да вотъ, напримѣръ, съ однимъ моимъ знакомымъ какой случай былъ. Начальникъ у него въ родѣ какъ омрачённый былъ. Всѣ дѣла департаментскія на цифры переложилъ, на всякій предметъ свою особую форму вѣдомости преподалъ и строго-престрого

слѣдилъ, чтобы ни въ одной, значитъ, графѣ ни одного пустого мѣста не оставалось. Только однажды подали ему вѣдомость — онъ ее и такъ и этакъ, и сверху внизъ, и снизу вверхъ, и поперёкъ—недостаетъ четь копейки да и шабашъ! Взбунтовалъ весь департаментъ, ищутъ, шарятъ — нѣтъ четь копейки! А онъ, знакомый-то мой, зналъ. Пришелъ это прямо къ начальнику предъ лицо, и говоритъ: вотъ она! И точно, стали это, по указанью его, провѣрять — тутъ какъ тутъ! Сейчасъ это его въ баню сводили, на счетъ канцелярскихъ остатковъ вымыли, одѣли, обули—и первымъ человѣкомъ сдѣлали! А до тѣхъ поръ онъ простымъ писцомъ былъ и двѣнадцать съ полтиной въ мѣсяцъ жалованья получалъ!

Примѣръ этотъ навелъ насъ на мысль, что, независимо отъ умѣнья «поправиться», въ жизни русскаго человѣка играетъ немаловажную роль и волшебство.

— Загляни въ любую книжку «Русской Старины», «Русскаго Архива» – что ты найдешь тамъ, кромѣ фактовъ самаго поразительнаго волшебства? выразилъ свое мнѣніе Глумовъ.

Съ этимъ мнѣніемъ не могъ не согласиться и я, но при этомъ— больше, впрочемъ, для разнообразія—оговорился, что въ послѣднее время, однакоже, благодаря свѣту наукъ, волшебство уже начинаетъ уступать естественному теченію вещей.

— Въ наше время, прахвосту ужь не такъ-то легко... вначалъ было я развивать свою мысль, но Очищенный безъ церемоніи прервалъ меня.

— И нынче, сударь, довольно волшебства, сказалъ онъ: — такъ довольно, что иногда человѣкъ даже не мыслитъ ни о чемъ—анъ съ нимъ переворотъ. На моей еще памяти случай-то этотъ былъ, что мылись два человѣка въ банѣ: одинъ—постарше, а другой—молодой. Только постарше-то который и спрашиваетъ молодого: какіе, по твоему мнѣнію, молодой человѣкъ, необходимѣйшіе законы, въ настоящее время, къ изданію потребны? Тотъ взялъ да и назвалъ. И что-жь! на другой день за нимъ—курьеръ! Посадили раба божьяго въ тележку, привозятъ: «извольте, говоритъ, тѣ самые законы написать, о которыхъ вчера въ извѣстномъ вамъ мѣстѣ сужденіе имѣли!» Ну, онъ сѣлъ и написалъ. Да какъ еще написалъ-то: въ трехъ строкахъ всю, что ни на есть самую подноготную изобразилъ! А теперь у него, сударь, тысяча душъ въ Саратовской губерніи, да домъ у Харламова моста, да дочь свою онъ за камеръ-юнкера отдалъ.. И все черезъ то, что настоящую минуту изобралъ, когда въ баню идти! Какъ вы скажете: отъ себя ему эта мысль пришла, или отъ предопредѣленія?

*

— Вотъ кабы и намъ... началъ было я, увлеченный преспективами волшебства, но Глумовъ не далъ мнѣ кончить.

— Не желай, голубчикъ! сказалъ онъ: — во-первыхъ, только тотъ человѣкъ истинно счастливъ, который умѣетъ довольствоваться скромною участью, предоставленною ему Провидѣніемъ, а во вторыхъ, вѣдь волшебства бываютъ всякія. Ахъ, нелегко, мой другъ, изъ золотарей вышедши, на высотахъ балансировать! Хорошо, какъ у тебя настолько характера есть, чтобъ не возгордиться и не превознестись. Хорошо, ежели ты, обоняя начальственныя испаренія, будешь все-таки памятовать, что возвышеніе твое, собственно говоря, плёвое и представляетъ лишь поводъ для сознанія выполненной обязанности! Но горе тебѣ, ежели ты хотя на минуту позабудешь о своемъ недавнемъ золотарствѣ! Волшебство, которое тебя вознесло,—оно же и низвергнетъ тебя! Иванъ Иванычъ! навѣрное, у тебя и на этотъ случай примѣрчикъ найдется?

— Безпремѣнно съ. Зналъ я одного коллежскаго секретаря, такъ вотъ съ нимъ отъ гордости какой случай былъ. Служилъ онъ въ департаментѣ; утромъ, по обыкновенію, бумаги писалъ; вечеромъ—въ танцклассъ къ Марцинкевичу приходилъ. Тамъ я его и узналъ. Долгое время все шло у нихъ обыкновеннымъ порядкомъ, а тутъ вдругъ началъ ихній начальникъ задумываться. Придетъ это въ департаментъ, бумагъ не подписываетъ, а все у окна стоитъ, да только въ стекло барабанитъ. Или возьметъ въ руку колокольчикъ, и начнетъ звонить; часъ звонитъ, другой звонитъ, всѣ сбѣгутся, а онъ за шляпу и былъ таковъ. Ну, всполошились. Жалко, знаете, начальникъ-то очень ужь былъ хорошъ, и вдругъ его, за задумчивость, въ другое вѣдомство переведутъ! Одинъ только коллежскій секретарь въ усъ не дуетъ. «Знаю, говоритъ, что̀ сія задумчивость обозначаетъ! увидите, что недѣли не пройдетъ, какъ со всѣхъ батарей пальба воспослѣдуетъ!» И точно, призываетъ его черезъ недѣлю начальникъ и спрашиваетъ: можешь ли ты мнѣ отвѣтъ дать, что для Россіи потребно?—Могу, говоритъ. «Напиши». Ушелъ коллежскій секретарь домой и въ одну ночь всю картину представилъ. Понравилось. «Теперь, говоритъ, напиши: какъ сего достигнуть?» Опять ушелъ коллежскій секретарь домой и опять написалъ. Еще больше понравилось. «За симъ, говоритъ, намъ остается открыть пальбу». И начали они палить, и чѣмъ больше палять, тѣмъ больше коллежскій секретарь въ довѣріе входитъ. Вотъ онъ и возгордился. Вмѣсто того, чтобы помнить пословицу: всякъ сверчокъ, знай свой шестокъ, а онъ возмнилъ, что и конца начальственному долготерпѣнію не будетъ! Сталъ, знаете, желанія своего началь-

ника упреждать, мысли угадывать. Не успѣетъ начальникъ прожектъ задумать—смотритъ, а онъ ужь его предварилъ. Спустили ему это одинъ разъ, спустили въ другой, въ третій, конечно, щелкнули—а онъ все продолжаетъ предварять. До того, знаете, разревновался, что глаза выпучилъ, ходитъ, какъ пьяный шатается, и у рта пѣна; словомъ сказать, спитъ и видитъ, какъ бы ему въ самое лоно къ начальнику попасть! Терпѣлъ-терпѣлъ, начальникъ, видитъ, что дѣло-то выходитъ серьёзное. Хорошъ парень, да ежели повадку ему дать, отъ него, пожалуй, и совсѣмъ житья не будетъ. И что-жь, сударь! только, знаете, дунулъ... Какъ былъ во всей формѣ коллежскій секретарь, такъ совсѣмъ, и съ гордостью своей, и съ вицъ-мундиромъ, тутъ же у всѣхъ на глазахъ и растаялъ. И теперича онъ въ палѐ-де-кристаль у Марцинкевича въ комикахъ состоитъ!

— Какая, однакожь, ужасная жестокость судьбы!

— Жестокость-то, жестокость; однако, и то нужно сказать: самъ виноватъ. Начальство вѣдь тоже опасается; думаетъ: сегодня я золотаря на перси себѣ возложу, а завтра онъ мнѣ на плечи вскочитъ!

— Правильно!

— Вообще, сударь, въ сношеніяхъ съ начальствомъ нужно какъ можно больше остерегаться. Почитать-почитай, но и приличія соблюдай. А еще того лучше, ежели кто совсѣмъ начальства избѣгнуть можетъ.

— Чудакъ! да какъ же ты его избѣгнешь, коли оно всегда тутъ, передъ тобой?

— Коли совсѣмъ нельзя избѣгнуть, такъ, конечно, дѣлать ужь нечего: значитъ на роду такъ написано. Но коли мало-мальски возможность есть — избѣгай! всѣ силы-мѣры употреби, а избѣгай!

— Трудно, голубчикъ, вотъ что!

— И труда большого нѣтъ, ежели политику какъ слѣдуетъ вести. Придетъ, напримѣръ, начальство въ департаментъ—встань и поклонись; къ докладу тебя потребуетъ—явись; вопросъ предложитъ—отвѣть что нужно, а новыхъ разговоровъ не затѣвай. Вышелъ изъ департамента — позабудь. Коли видишь, что начальникъ по улицѣ встрѣчу идетъ — зайди въ кандитерскую или на другую сторону перебѣги. Коли столкнешься съ начальникомъ въ жиломъ помѣщеніи—отвернись, скоси глаза, но во всякомъ случаѣ не показывай вида, что его знаешь, ибо неизвѣстно, будетъ ли онъ изъявленіями твоего знакомства польщенъ!

— Однако, братъ—это наука!

— Вся наша жизнь есть наука, сударь, съ тою лишь разни-

цей, что обыкновенныя, настоящія науки проникать учатъ, а жизнь, напротивъ того, устраняться отъ проникновенія внушаетъ. И только тогда, когда человѣкъ вотъ эту, жизненную-то науку себѣ усвоитъ, только тогда онъ и можетъ съ нѣкоторою увѣренностью воскликнуть: да, быть можетъ, и мнѣ Господь Богъ пошлетъ собственною смертью умереть! А до тѣхъ поръ, хоть всѣ «настоящія» науки произойди—нѣтъ!

Очищенный на мгновеніе потупился. Быть можетъ, его осѣнила въ эту минуту мысль, достаточно ли онъ самъ жизненную науку проникъ, чтобы съ увѣренностью надѣяться на «собственную» смерть? Однако, такъ какъ печальныя мысли вообще не задерживались долго у него въ головѣ, то немного погодя, онъ встряхнулся и продолжалъ:

— Даже въ любви къ начальству—и тутъ отъ неумѣренныхъ выраженій воздерживаться надлежитъ. Вотъ какъ жизненная-то наука намъ приказываетъ!

— Примѣръ, голубчикъ! примѣръ!

— Разскажу я вамъ, сударь, повѣсть объ одномъ статскомъ совѣтникѣ, который любовью своей двухъ начальниковъ въ гробъ вколотилъ, а отъ третьяго и самъ, наконецъ, возмездіе принялъ. Жилъ-былъ статскій совѣтникъ, и такъ онъ своего начальника возлюбилъ, что мнилъ даже его безсмертнымъ. Куда, бывало, ни пойдетъ начальникъ — всюду статскій совѣтникъ на цыпочкахъ за нимъ слѣдуетъ; куда, бывало, ни взглянетъ начальникъ, на всякомъ мѣстѣ статскій совѣтникъ противъ него очутится: сидитъ, скрестивши на груди руки, и на него глядитъ. Поцѣлуи, знаете, даже по воздуху посылаетъ, за фалды хватается, надъ калошами генеральскими заклинанья нашептываетъ. Ну, поначалу, генералу эта преданность нравилась, однако, съ теченіемъ времени, сталъ онъ мало по-малу, задумываться: что молъ такое это значитъ? и нѣтъ ли тутъ покушенія какого нибудь? Потому что вѣдь съ этими статскими совѣтниками—бѣда! какъ разъ приворотнаго зѣлья подсыплетъ — только и видѣли! И началъ онъ его отъ этой любви отъучать. Всячески отъучалъ: и наградами обходилъ, и на цѣпь сажалъ, и даже подъ судъ однажды отдалъ. Неймется, да и шабашъ! Чѣмъ больше наказываютъ, тѣмъ шибче да шибче въ статскомъ совѣтникѣ сердце разгорается. И вдругъ, отъ этой ли причины, или отъ чего другого, только началъ начальникъ хирѣть. Хирѣлъ-хирѣлъ да и померъ. Возропталъ тогда статскій совѣтникъ, не токмо департаментъ, но и сторожевскую стопами огласилъ. «Когда-то еще, говоритъ, намъ новаго начальника дадутъ, а до тѣхъ поръ кто съ нами по всей строгости поступать будетъ!» Одна-

жо, послалъ Богъ ему малость: не успѣлъ онъ глаза просушить, какъ ужъ назначили имъ новаго начальника. Прибылъ въ департаментъ новый генералъ, и какъ былъ на счетъ статскаго совѣтника предупрежденъ, то призвалъ его предъ лицо свое и сказалъ: предмѣстникъ мой далъ тебѣ раны, азъ же дамъ ти скорпіоны. Размысли о семъ, и согласно съ симъ соразмѣряй свои чувства! Что же вы думаете, однако! даже и этимъ статскій совѣтникъ не унялся. Скорпіоны, такъ скорпіоны! сказалъ онъ въ сердцѣ своемъ, и возлюбилъ новаго начальника пуще, нежели прежняго. И представьте себѣ—доканалъ-таки его! Пришелъ однажды скорпіонщикъ въ департаментъ, да на любовь статскаго совѣтника такое вдругъ встрѣчу слово пустилъ, что тутъ же имъ и подавился. И опять возропталъ статскій совѣтникъ; идетъ—это за гробомъ, и мало того, что часъ рожденья своего проклинаетъ, а прямо народъ бунтуетъ. «Вотъ, говоритъ, велятъ намъ на Провидѣніе надѣяться, а гдѣ оно?» Увидѣли тогда, что дѣло-то выходитъ серіёзное и безъ потери времени прислали въ тотъ департаментъ третьяго начальника. Прибылъ онъ къ мѣсту служенія, свѣжій да свѣтлый—весь словно новый мѣдный пятакъ горитъ! Призвалъ-это статскаго совѣтника предъ лицо свое, и повелъ къ нему такую рѣчь: одинъ мой предмѣстникъ далъ тебѣ раны, другой — скорпіоны, азъ же, дабы строптивый твой нравъ навсегда упразднить, истолку тя въ ступѣ!» И истолокъ-съ. И только тогда, когда статскаго совѣтника толкачемъ въ голову долбануло—только тогда онъ понялъ, что начальство слѣдуетъ любить безъ излишества. Но было уже поздно.

— Браво! какъ-то невольно сорвалось у насъ. Но, разумѣется, мы сейчасъ же поняли, что восклицаніе это неумѣстно и даже жестоко.

— Слушай, другъ! поспѣшилъ поправиться Глумовъ: — вѣдь это такой сюжетъ, что изъ него цѣлый романъ выкроить можно. Я и заглавіе придумалъ: «Плоды подчиненнаго распутства, или Смерть двухъ начальниковъ и вызванное оною мѣропріятіе со стороны третьяго». Написать да фельётонцемъ въ «Красѣ Демидрона» и пустить... а? какъ ты думаешь, хозяева твои примутъ?

— Помилуйте! съ удовольствіемъ-съ!

— А я такъ, напротивъ, полагаю, что сюжетъ этотъ не романомъ, а трагедіей пахнетъ, возразилъ я. — Помилуйте! съ одной стороны такая сила беззавѣтной любви, а съ другой — раны, скорпіоны, и, наконецъ, толкачъ! Вѣдь его чинами обходили, на цѣпь сажали, подъ судъ отдали, а онъ все продолжалъ любить! Это ли не трагедія?

Завязался эстетическій споръ. Глумовъ главнѣйшимъ образомъ

основывалъ свое мнѣніе на томъ, что романъ можно изо всего сдѣлать, даже если и нѣтъ у автора данныхъ для дѣйствительнаго содержанія. Возьми четыре-пять главныхъ дѣйствующихъ лицъ (статскій совѣтникъ, два убіенныхъ начальника, одинъ начальникъ карающій и экзекуторъ, онъ же и казначей), прибавь къ нимъ, въ качествѣ второстепенныхъ лицъ, нѣсколько канцелярскихъ чиновниковъ, курьеровъ и сторожей, для любовнаго элемента введи парочку просительницъ, скомпонуй рядъ любовныхъ сценъ (между статскимъ совѣтникомъ и начальствомъ съ одной стороны, и начальствомъ и просительницами—съ другой), присовокупи нѣсколько упражненій въ описательномъ родѣ, смочи все это психологическимъ анализомъ, поставь въ вольный духъ и жди, покуда не зарумянится. Напротивъ того, трагедія никакихъ околичностей не терпитъ, а прямо требуетъ дѣла. Чтобъ и начало, и середина, и конецъ — все чтобы на лицо было, а не то чтобы такъ: гдѣ надоѣло, тамъ и бросилъ.

— Ну, какую ты, напримѣръ, трагедію изъ этого статскаго совѣтника выжмешь? пояснилъ онъ свою мысль: — любовь его — однообразная, почти безпричинная, слѣдовательно, никакихъ данныхъ ни для драматической экспозиціи, ни для дальнѣйшей разработки не представляетъ; прекращается она—тоже какъ-то черезчуръ ужь просто и нелѣпо: толкачемъ! Вѣдь изъ этого матеріяла, хоть тресни, больше одного акта не выкроишь!

— Но вѣдь это наша жизнь, мой другъ! вся наша жизнь вѣдь такова! постарался я возразить: — неужто-жь, по твоему, изъ всей нашей жизни ничего путнаго сдѣлать нельзя?

— И жизнь у насъ — одноактная. Экспозицій у насъ—почти что не существуетъ, да къ тому же и начальство въ оба смотритъ! Чуть что затѣялось — сейчасъ распоряженіе, и «занавѣсъ опускается».

— Глумовъ! да ты вспомни только! Идетъ человѣкъ по улицѣ, и вдругъ — фюитъ! Ужели это не трагедія?

— Я и не говорю, что не трагедія, да представлять-то нечего Явленіе первое и послѣднее — и шабашъ.

— Это такъ точно, согласился съ Глумовымъ и Очищенный:— хотя у насъ трагедій и довольно бываетъ, но такъ какъ они, по большой части, скоропостижный характеръ имѣютъ, оттого и на акты дѣлить ихъ затруднительно. А притомъ, позвольте еще доложить: какъ мы, можно сказать, съ малолѣтства промежду скоропостижныхъ трагедіевъ ходимъ, то современемъ такъ привыкаемъ къ нимъ, что хоть и видимъ ее, трагедію-то, а въ мысляхъ думаемъ, что это просто «такая жизнь».

Замѣчаніе это вывело на сцену новую тэму: «привычку къ

трагедіямъ». Какого рода вліяніе оказываетъ на жизнь «привычка къ трагедіямъ»? Облегчаетъ ли она жизненный процессъ, или же, напротивъ того, сообщаетъ ему новую трагическую окраску, и притомъ еще болѣе горькую и удручающую? Я былъ на сторонѣ послѣдняго мнѣнія, но Глумовъ и Очищенный, напротивъ, утверждали, что только тому и живется легко, кто до того принюхался къ трагическимъ запахамъ, что ничего ужь и различить не можетъ.

— Да вѣдь это именно настоящая трагедія и есть! горячился я: — подумайте! развѣ не ужасно видѣть эти легіоны людей, которые всю жизнь ходятъ «промежду трагедіевъ» — и даже не понимаютъ этого! Воля ваша, а это такая трагедія — и притомъ не въ одномъ, а въ безчисленномъ множествѣ актовъ — объ которой даже помыслить безъ содраганія трудно!

— То-то, что по нашему мѣсту не мыслить надобно, а почаще вспоминать, что выше лба уши не ростутъ! возразилъ Очищенный: — тогда и жизнь своимъ чередомъ пойдетъ, и даже сами не замѣтите, какъ время постепенно пролетитъ!

— Правильно! поддержалъ его Глумовъ.

— Зналъ я, сударь, одного человѣка, такъ онъ, покуда не понималъ — благоденствовалъ; а понялъ — удавился!

— Вѣрно!

— Или вотъ хоть бы про запой — вы думаете, отчего онъ бываетъ? Конечно, тутъ и неглежеровка роли играетъ: неглежеруетъ человѣкъ — ну, и запуститъ себя... Однако, и не отъ одной этой причины, а тоже и отъ пониманія.

— И это вѣрно! превосходно! именно такъ!

— А вы когда-нибудь запивали, Иванъ Иванычъ? полюбопытствовалъ я.

— Нѣтъ, до сихъ поръ Богъ хранилъ. Постепенно я во всякое время выпить могу, но чтобы такъ: три недѣли не пить, а недѣлю чертить — этого со мной не бывало! Живу я смирно, вникать не желаю, что̀ и вижу, такъ стараюсь не видѣть — оттого и скриплю помаленьку. Помилуйте! при моихъ обстоятельствахъ, да ежели бы еще вникать — развѣ я былъ бы живъ! А теперь я такъ себя обшлифовалъ, что хоть на куски меня рѣжь, мнѣ и горюшки мало!

Это было высказано съ такою беззавѣтною искренностью, что Глумовъ не выдержалъ и поцѣловалъ старика въ лобъ.

— Ни гордости, ни притязательности во мнѣ нѣтъ, а отъ кляузъ да сутяжничества я и подавно убѣгаю, продолжалъ Очищенный, очевидно, поощренный лаской Глумова.—Ежели оскорбленіе мнѣ нанесутъ — отъ вознагражденія я, конечно, не от-

кажусь, а въ судъ не пойду. Отъ того всѣ меня и любятъ. И у Дарьи Семеновны любили, и у Марцинкевича любили. Даже теперь: приду въ кварталъ, — сейчасъ это дежурный помощникъ табакомъ подчуетъ!

— Вотъ и насъ тоже... машинально произнесъ я.

— И васъ тоже. Покуда вы вникали — никто васъ не любилъ, и у всѣхъ вы на замѣчаніи были. А перестали вникать— и всѣ къ вамъ съ довѣріемъ! Вотъ хоть бы, напримѣръ, уставъ о благопристойности...

— Гм... да, уставъ! какъ-то загадочно пробормоталъ Глумовъ.

Я взглянулъ на моего друга, и, къ великому моему огорченію, замѣтилъ въ немъ большую перемѣну. Онъ, который еще такъ недавно принималъ живое участіе въ нашихъ благонамѣренныхъ преніяхъ, и даже руководилъ, такъ сказать, ими — онъ въ настоящую минуту казался утомленнымъ, почти раздраженнымъ. Мало того: онъ угрюмо ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, что, по моему, наблюденію, обозначало въ немъ несомнѣнную близость къ ожесточенію. Но Очищенный ничего этого, разумѣется, не замѣтилъ и продолжалъ:

— И вообще скажу: чѣмъ болѣе мы стараемся проникать, тѣмъ больше получаемъ щелчковъ. Умъ-то, знаете, у насъ выспрь бѣжитъ, а оттуда ему — щелкъ да щелкъ! И резонно съ. Потому, иди своей дорогой, а по сторонамъ не засматривайся. И не чета намъ люди бываютъ, да и тѣ ежели, по сторонамъ засматриваются, то по бо̀льшей части въ канаву попадаютъ. По моему, та̀къ: сытъ, обутъ, одѣтъ — ну, и молчи. Коли ты ведешь себя благородно — и съ тобой всякій благородно. Коли ты никого не трогаешь — и тебя никто не трочетъ; коли ты ко всѣмъ съ удовольствіемъ — и къ тебѣ всѣ съ удовольствіемъ! Полегоньку да потихоньку — анъ жизнь-то и прошла! Такъ ли я, сударь, говорю?

— Прррравильно! воскликнулъ Глумовъ, очевидно, уже ожесточаясь.

— Покойная Дарья Семеновна справедливо говаривала, продолжалъ между тѣмъ Очищенный: — жизнь наша здѣшняя подобна селянкѣ, которую въ Малоярославскомъ трактирѣ подаютъ. Коли ѣшь се смаху, ложка за ложкой — ничего, словно какъ и ѣда; а коли начнешь ворошить да разглядывать — стошнитъ!

— Прррравильно! вновь воскликнулъ Глумовъ, и при этомъ остановился прямо противъ Очищеннаго, выпучилъ глаза и даже зубы стиснулъ. Однако, Очищенный и тутъ не понялъ.

— Былъ у меня, доложу вамъ, знакомый дѣйствительный статскій совѣтникъ, который къ Дарьѣ Семеновнѣ больше по утрамъ

хаживалъ, такъ онъ мнѣ разсказывалъ, почему онъ именно по утрамъ, а не вечеромъ ходитъ. Утромъ, говоритъ, я всталъ, умылся...

— Воняетъ! шабашъ! вдругъ крикнулъ Глумовъ, но на этотъ разъ уже такимъ громовымъ голосомъ, что Очищенный инстинктивно вытянулъ впередъ шею, какъ бы готовясь къ принятію удара.

И такимъ образомъ, тайна, руководившая дѣйствіями дѣйствительнаго статскаго совѣтника при утреннихъ посѣщеніяхъ Дарьи Семеновны, такъ и осталась для насъ тайною.

VIII.

Однако, я замѣтилъ таки Глумову неумѣстность и непослѣдовательность его выходки.

— Ужь если ты однажды рѣшился вступить на стезю благопотребства, сказалъ я:—то надобно сообразно съ симъ и дѣйствія свои направлять, а щепетильность-то въ сторону отбросить. Ну, за что, скажи, ты обидѣлъ почтеннѣйшаго Ивана Иваныча? Вѣдь онъ рѣшительно на одной-таки съ нами нравственной высотѣ стоитъ: тѣ же намѣренія, и тѣ же средства выполненія; если же онъ выражаетъ свое благопотребство нѣсколько откровеннѣе, нежели ты, то не порицать его за это слѣдуетъ, а, напротивъ, почерпать въ его откровенности поводъ для подражанія.

И къ чести Глумова должно сказать, что онъ, по первому моему слову, нетолько протянулъ руку Очищенному, но даже извинился, что не можетъ сейчасъ же уплатить что̀ слѣдуетъ по таксѣ о вознагражденіи за оскорбленіе словомъ, потому что мелкихъ денегъ нѣтъ.

— Все равно-съ, послѣ разомъ за все отдадите! отозвался добродушный старикъ, которому, повидимому, было даже пріятнѣе получить сразу болѣе или менѣе крупный кушъ, нежели въ нѣсколько пріемовъ по двугривенному.

Такимъ образомъ, миръ былъ заключенъ, и мы въ самомъ пріятномъ расположеніи духа сѣли за обѣдъ. Но что еще пріятнѣе: несмотря на обильный завтракъ у Балалайкина, Очищенный ѣлъ и пилъ совершенно такъ, какъ будто все происходившее утромъ было не болѣе, какъ пріятный сонъ. Каждое кушанье онъ смаковалъ, и по поводу каждаго подавалъ драгоцѣн-

ные совѣты, перемѣшивая ихъ съ размышленіями и афоризмами изъ области высшей морали.

— Провизію надо покупать умѣючи, говорилъ онъ:—какъ во всякомъ дѣлѣ вообще необходимо съ твердыми познаніями приступать, такъ и тутъ. Знающій — выигрываетъ, а незнающій — проигрываетъ. Вотъ, напримѣръ, ветчину, языки и вообще копченье—надо въ Мучномъ переулкѣ пріобрѣтать; рыбу—на Мытномъ; живность, коли у кого времени достаточно есть — на заставахъ у мужичковъ подстерегать. Многіе у мужичковъ даже задаромъ отнимаютъ, но я этого не одобряю.

— Не одобряешь?

— Нѣтъ, не одобряю, потому что такого закона нѣтъ. А на тотъ предметъ, чтобы безъ ущерба для ближняго экономію всякій въ своей жизни наблюдалъ—такой законъ есть. А затѣмъ, я вамъ и еще доложу: даже иностранное вино, ежели оно ворованное, очень не дорого купить можно.

— Ахъ, голубчикъ! нельзя ли намъ бутылочекъ съ пятокъ на пробу предоставить?

— Съ удовольствіемъ. Вино, позвольте вамъ сказать, и краденное покупать не грѣхъ, потому что оно отъ избытка. Въ которомъ домѣ избытокъ—служитель отложитъ, что противъ препорціи, къ сторонкѣ, и продастъ. Многіе даже мясо потаенное покупаютъ...

— Неужто и мясо?

— Очень даже легко-съ. Стоитъ только съ поварами знакомство свесть—и мясо, и дичь, все будетъ. Вообще, коли кто съ умомъ живетъ, тотъ и въ Петербургѣ можетъ на свои средства обернуться.

— Примѣръ можешь представить?

— Могу-съ. Зналъ я одного отставного ротмистра, который отъ рожденья, самое среднее состояніе имѣлъ, а между тѣмъ, каждонедѣльно банкеты задавалъ, и, между прочимъ, даже одного румынскаго полководца у себя за столомъ принималъ. А отъ чего?—отъ того, сударь, что съ клубными поварами былъ знакомъ! Въ клубѣ-то по субботамъ обѣдъ, ну, остатки, то да сё, ночью все это къ ротмистру сволокутъ, а назавтра у него полководецъ пищу принимаетъ.

— Да ты и клубскаго-то повара не знаешь ли?

— Помилуйте, даже очень близко. Вы только спросите, кого я не знаю... всѣхъ знаю! Мнѣ каждый торговецъ, противъ обыкновеннаго покупателя, двадцать-тридцать процентовъ уступитъ—вотъ я вамъ какъ доложу! Пришелъ я сейчасъ въ лавку, спросилъ фунтъ икры—мнѣ фунтъ съ четвертью отвѣшиваютъ! спро-

силъ фунтъ миндалю—мнѣ изюму четверку на придачу завертываютъ! Въ трактиръ пришелъ, спросилъ три рюмки водки—мнѣ четвертую наливаютъ. За три плачу, четвертая—въ знакъ уваженія!

— Послушай! да вѣдь это волшебство!

Но Очищенный не слышалъ восклицанія. Представленіе о закускахъ, повидимому, ожесточало его, потому что на губахъ у него показалась пѣна и глаза слегка помутились.

— Или опять, приду я, примѣрно, къ Доминику, продолжалъ онъ:—народу пропасть, ходятъ, бродятъ, одинъ вошелъ, другой вышелъ; служителя тоже въ разбродѣ—кому тутъ за тобой услѣдить! Съѣшь три куска кулебяки, а говоришь: одинъ!

— И всегда это тебѣ сходило съ рукъ?

— Однажды только недоразумѣніе вышло. Ну, съ мѣсяцъ послѣ того не ходилъ, а потомъ поправился—и опять сталъ ходить!

— Слушай ка! да ты не служилъ ли въ Взаимномъ Кредитѣ, что коммерческія-то операціи такъ хорошо знаешь?

— Служить не служилъ, а издали точно что присматривался. Только тамъ, знаете, колесо большое, а у меня—маленькое. А кабы у меня побольше колесцо...

Очищенный на минуту задумался, не то ропща на Провидѣніе, не то соображая, что̀ бы вышло, еслибъ ему выпало на долю большое колесо.

— Помилуйте! сказалъ онъ, наконецъ:—кругомъ, можно сказать, тетерева сидятъ—какъ тутъ пользы не получить! Вотъ хоть бы господинъ Юханцевъ..

— Да, но вѣдь и по владимірке-то съ бубновымъ тузомъ тоже не лестно понтировать!

— За то онъ программу свою въ совершенствѣ выполнилъ. А тузы, я вамъ доложу, всѣ одинаковы. По мнѣ, хоть всѣ четыре разомъ наклей, да только удовольствіе мнѣ предоставь!

— Что̀ говорить! удовольствіе—это первѣе всего!

— А я что же говорю! А при томъ и еще: хоть вы ему и сулите бубноваго туза, а онъ, можетъ быть, нетолько безъ всякаго туза, а еще во всемъ сіяніи оттуда выйдетъ! Помилуйте! чего же, въ самомъ дѣлѣ, тетерева смотрѣли! Вѣдь этакъ ежели имъ повадку дать, такъ они и рады глазами хлопать, да жалованье получать. А онъ, между прочимъ, человѣкъ проворный, знающій — кому же, позвольте спросить, преферансъ слѣдуетъ оказать?

— Ну, братъ, два милліона восемсотъ тысячъ — это, я тебѣ скажу, тоже..

— Многонько — это такъ. Однако, и тутъ надо сказать:

не всегда количество отъ человѣка зависитъ. Иной сперва-началу и скромненько поступить желаетъ, да какъ увидитъ, что вокругъ тетерева хвосты распускаютъ—ну и ожесточится. Гдѣ бы ему взять рубль—онъ десять да двадцать тащитъ, и все ему кажется мало! До того, наконецъ, дойдетъ, что самъ себя не помнитъ: все тащитъ, все тащитъ! И не надо ему, а онъ все отъ кассы рукъ отвести не можетъ. Ужь это въ родѣ какъ болѣзнь дѣлается!

Словомъ сказать, постепенно обмѣниваясь мыслями, мы очень пріятно пообѣдали. Послѣ обѣда, вздумали было въ табельку сыграть, но почтенный старикъ отказался наотрѣзъ.

— Въ молодости я то же былъ охотникъ поиграть, сказалъ онъ:—да однажды мнѣ въ Лебедяни ребро за игру переломили, такъ я съ тѣхъ поръ и далъ обѣщаніе не прикасаться къ этимъ проклятымъ картамъ. И что̀ такое со мною въ ту пору они сдѣлали — такъ это даже разсказать словами нельзя! Въ больницѣ два мѣсяца при смерти вылежалъ!

Отказъ этотъ былъ, впрочемъ, очень кстати, потому что мы вспомнили, что намъ предстоитъ еще поработать надъ уставомъ о благопристойности.

— Ка̀къ ты думаешь, есть въ этомъ уставѣ необходимость или такъ это, одно баловство? обратился Глумовъ къ Очищенному.

— Помилуйте, какъ же возможно! благопристойно ли себя обыватель ведетъ, или не благопристойно! Когда всякій знаетъ, что̀ отъ него требуется...

— Не въ томъ дѣло; я самъ понимаю, что ежели начальство благопристойности требуетъ, такъ, значитъ, нельзя безъ того. А сто̀итъ ли благопристойность то эта, чтобъ изъ-за нея—намъ, напримѣръ—обычный порядокъ свой нарушать? Теперь бы вотъ спать залечь по порядку-то слѣдовало, а мы заниматься должны! Сто̀итъ ли?

— Сто̀итъ-съ. Ежели ужь въ кварталѣ этотъ предметъ въ ходу—стало быть, неотложность въ немъ есть. Со мною, доложу я вамъ, когда я, тапёромъ будучи, внутренней политикой занимался, такой случай былъ...

— Такъ ты и внутренней политикой занимался?

— Имѣлъ это порученіе-съ. Впрочемъ, кому же, какъ не тапёру, и наблюсти за настроеніемъ умовъ? Постоянно онъ въ танцклассахъ, все видитъ, за всѣмъ слѣдитъ... А между прочимъ, его никто ни въ чемъ не подозрѣваетъ!

— Такъ какой же случай съ тобой былъ?

— Именно на счетъ вотъ этой самой неотложности. Былъ я

однажды, по обыкновенію, у Марцинкевича — ну, и наблюлъ. Вижу, что дѣло мерзкое затѣвается: и колебанія, и попранія, и потрясенія—словомъ, всѣ онёры на лицо. Мнѣ бы, знаете, сейчасъ въ кварталъ бѣжать, а я, замѣсто того, погоди да погоди. Выставили мнѣ въ ту пору шесть паръ пива—я и раскисъ. И такъ, знаете, раскисъ, что совсѣмъ даже позабылъ, на какой предметъ я при внутренней политикѣ состою. Помню только, что уговаривалъ: господа, молъ, вы хорошіе, а какія въ васъ мерзкія заблужденія скрываются! И только на другой ужь день вспомнилъ, что надо мѣры принимать. Спѣшу, бѣгу—анъ меня ужь упредили. Еще рта разинуть не успѣлъ—слышу, что до моего прихода ужь всѣ потрясенія кончились!

— Чай, досталось тебѣ на орѣхи!

— Не погладили таки. Два дня въ «холодной» выдержали, да еще благодарить заставили, что этимъ дѣло кончилось!

Мы невольно переглянулись съ Глумовымъ. А что, ежели и насъ, за неоправданіе начальственнаго довѣрія... въ «холодную»? Мысль эта подѣйствовала на насъ такъ рѣшительно, что мы сейчасъ же усѣлись за письменный столъ и приступили къ дѣлу.

Первое, что намъ предстояло—это уяснить себѣ цѣль, къ которой должны клониться наши труды. Не имѣя подъ руками ни историческаго обзора благопристойности, ни обозрѣнія современныхъ законодательствъ по этому предмету, ни даже свода мнѣній будочниковъ, мы поняли, что намъ остается одинъ ресурсъ—это выдумать какую-нибудь «идею», которая остерегла бы насъ отъ разбросанности и дала бы возможность сообщить нашему труду необходимое единство. «Идея» эта, ни изъ чего не вытекая, ничего не оплодотворяя и даже не будучи, въ собственномъ смыслѣ слова, «идеей», должна имѣть одно обязательное свойство: служить отвѣтомъ на настоятельнѣйшія потребности времени. Уставъ, проэктированный Прудентовымъ, довольно прозрачно указывалъ на существованіе такой «идеи». Онъ говорилъ: «внутреннюю же благопристойность всего удобнѣе наблюдать въ собственныхъ квартирахъ обывателей». И такъ, подъ знаменемъ внутренней благопристойности, входъ въ квартиры — вотъ цѣль! Но что же такое эта внутренняя благопристойность? зачѣмъ она тутъ явилась? нужна ли она для чего нибудь? интересна ли кому-нибудь? — Нѣтъ, сама по себѣ она и не нужна, и не интересна. Съ точки зрѣнія квартала, она полезна только въ томъ смыслѣ, что ею можно всячески помыкать; съ точки зрѣнія требованій общежитія—она прѣсна, безцвѣтна и, вслѣдствіе этого, почти ненавистна. Это старая посажòная мать, которой, ради условныхъ приличій, отдаютъ

поклонъ, но отъ которой всякій старается какъ можно скорѣе удрать. Удрать—куда?—въ ту насыщенную острыми благоуханіями атмосферу, гдѣ свила себѣ таинственное гнѣздо врутренняя неблагопристойность...

Итакъ, внутренняя благопристойность явилась здѣсь не ради самой себя, но ради внутренней неблагопристойности—это ясно какъ день. Но, съ другой стороны, «внутренняя неблагопристойность» есть начало тонкое, почти неуловимое, и доказательства ея существованія, по бо́льшей части, скрываются въ письменныхъ столахъ. А такъ какъ письменне столы находятся въ квартирахъ, то отсюда прямое послѣдствіе: необходимость общедоступности очага.

— Повѣрь мнѣ, говорилъ Глумовъ: — что всѣ эти благопристойности, и внѣшнія и внутреннія — все это только для вида. Неблагопристойность, и притомъ исключительно неблагопристойность внутренняя, вотъ въ чемъ суть, а все прочее не что иное, какъ дипломатическій подходъ. Поэтому, я думаю, что проэктъ Прудентова, въ общемъ, можно оставить безъ измѣненій, а слѣдуетъ обратить вниманіе только на ту часть его, которая говоритъ о благопристойности внутренней. Эту часть необходимо пояснить.

Глумовъ взглянулъ на насъ, какъ бы спрашивая нашего мнѣнія. Разумѣется, мы изъявили полнѣйшее одобреніе, а Очищенный былъ даже видимо польщенъ, что онъ «свои собственныя мысли» въ такомъ благородномъ видѣ слышитъ.

— Поэтому, продолжалъ Глумовъ:—я полагалъ бы: не упраздняя выраженія «благопристойность», яко потребнаго для внушенія обывателямъ уваженія, статью четвертую «Общихъ началъ» изложить въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, приблизительно такъ: «Внѣшняя благопристойность выражается въ дѣйствіяхъ и тѣлодвиженіяхъ обывателя; внутренняя — созидаетъ себѣ храмъ въ сердцѣ его, *гдѣ, на ряду съ нею, свиваетъ себѣ гнѣздо и внутренняя неблагопристойность, то-есть злая и порочная человѣческая воля.* А посему, наиболѣе приличными мѣстами для наблюденія за первою признаются: улицы, площади, и публичныя мѣста; послѣднюю же всего удобнѣе наблюдать въ собственныхъ квартирахъ обывателей, *въ коихъ злая и порочная воля преимущественно находитъ себѣ убѣжище, или въ видѣ простого попустительства или же, чаще всего, въ видѣ прямого пособничества*». Согласны?

— Согласенъ, сказалъ я: — но полагалъ бы прибавить еще особую, пятую, статью, въ такой, редакціи: «А посему: добрые да радуются, злые же и порочные да трепещутъ!»

— Согласенъ, отвѣтилъ Глумовъ:—это ты, братъ, даже очень

хорошо придумалъ, чтобы злымъ и порочнымъ сразу предостереженіе дать... «Добрымъ»-то положимъ, не съ чего радоваться, ну; а порочные пускай на усъ мотаютъ. Прекрасно. Теперь, значитъ, нужно отвѣтить на вопросъ: что такое входъ въ квартиру? Иванъ Иванычъ! сказывай свое мнѣніе!

— По моему, входъ въ квартиру — это означаетъ вступленіе въ оную...

— А вступленіе въ квартиру означаетъ входъ въ оную? Ахъ, голова! голова! развѣ законы такъ пишутъ? Это, братецъ, не водевиль, гдѣ допускаются каламбуры, въ родѣ: «начальникъ отдѣленія—отдѣльная статья»! Это—уставъ! Ты какъ! обратился Глумовъ ко мнѣ.

— По моему мнѣнію, входъ въ квартиру есть такое дѣйствіе, которое, будучи вызвано всегда присущею о нравственномъ положеніи обывателей благопопечительностью, требуетъ необходимыхъ, для достиженія его, осмотровъ и изслѣдованій.

— И отмычекъ-съ! скромно присовокупилъ Очищенный.

— И отмычекъ—именно такъ! прекрасно! даже въ университетѣ съ каѳедры лучше не сказать. Одно бы я прибавилъ: «Сіи послѣднія (то-есть отмычки) затѣмъ преимущественно потребны, дабы злую и порочную волю въ послѣднихъ ея убѣжищахъ безъ труда обрѣтать». Позволите?

— Голубчикъ! да развѣ съ нашей стороны бывало когда-нибудь препятствіе?

— Итакъ, опредѣленіе найдено. Теперь необходимо только такимъ образомъ этотъ входъ обставить, чтобы никто ничего ненатуральнаго въ немъ не могъ найти. И знаете ли, объ чемъ я мечтаю? нельзя ли намъ, друзья, такъ наше дѣло устроить, чтобы обывателю даже пріятно было? Чтобы онъ, такъ сказать, всѣмъ сердцемъ? чтобы для него это посѣщеніе...

Глумовъ затруднился; Очищенный подсказалъ:

— Все равно, что гость пришелъ...

— Вотъ-вотъ-вотъ! Да и гость-то, чтобъ дорогой, желанный. Женихъ.

— Но ежели дѣйствіе происходитъ ночью? рискнулъ я возразить.

— Такъ что-жь, что ночью! Проснется, докажетъ свою благопристойность—и опять уснетъ! Да еще какъ уснетъ-то! слаще прежняго въ тысячу разъ!

— Именно, сударь, такъ! подтвердилъ и «Очищенный:—меня, когда я подъ слѣдствіемъ по дѣлу объ убійствѣ Зона прикосновеннымъ былъ, не разъ этакъ бывали. Встанешь, бывало, сейчасъ это водки, закуски на столъ поставишь, покажешь свою

совѣсть—и опять заснулъ! Однажды даже, меня въ острогъ послѣ этого повели—я и тамъ крѣпко-прекрѣпко заснулъ!

— Такъ ты и въ острогѣ былъ?

— Вы меня только спросите, сударь, гдѣ я не бывалъ!

— Бѣдный ты, бѣдный!

— Только вездѣ я свой срокъ отсижу—и опять чистъ!

— Вотъ видишь, какъ оно легко, коли внутренняя-то благопристойность у человѣка въ исправности! А ежели въ тебѣ этого нѣтъ—значитъ, ты самъ виноватъ. Тутъ, братъ, ежели и не придется тебѣ уснуть—на себя пеняй! Знаете ли, что̀ я придумалъ, друзья? зачѣмъ намъ квартиры наши на ключи запирать? Давайте ка безъ ключей... мило, благородно!

— А на случай воровъ ка̀къ?

— Гм... на случай воровъ! Ну, въ такомъ разѣ мы вотъ что сдѣлаемъ: чтобы у всякой квартиры два ключа было, одинъ у жильца, а другой—въ кварталѣ!

Однако, предложеніе это возбудило споръ. Мы возражали оба, но въ моихъ возраженіяхъ играло главную роль просто инстинктивное безпокойство, тогда какъ возраженія Очищеннаго покоились на данныхъ несомнѣнно реальнаго свойства.

— А ежели, позволю васъ спросить, въ квартирѣ-то касса находится? протестовалъ онъ.

— Такъ что-жь, что касса! Мы — божьи, и касса наша — божья!

— Ну, нѣтъ, съ этимъ позвольте не согласиться! Мы — это такъ! Но касса!!

Признаться, и я, вспомнивъ объ оставшихся у меня выкупныхъ свидѣтельствахъ, струхнулъ.

— Мы—это такъ! повторялъ я:—что такое мы? Но... касса!!

И, подобно Очищенному, я поднималъ вверхъ указательный перстъ, въ знакъ неопровержимости довода.

Споръ завязался не шуточный; мы до того разгорячились, что подняли гвалтъ, а за гвалтомъ, и не слыхали, какъ кто-то позвонилъ и вошелъ въ переднюю. Каково же было наше восхищеніе, когда передъ нами, словно изъ подъ земли выросли... Прудентовъ и Молодкинъ!

— О чемъ, друзья, диспутъ держите? привѣтствовалъ насъ Прудентовъ, подавая мнѣ и Глумову руку.—А! и ты, старая карга, здѣсь? продолжалъ онъ, благосклонно обращаясь къ Очищенному.

— Знакомы? обрадовался я.

— Съ нимъ-то! да онъ у насъ завсегда въ понятыхъ ходитъ! Полтину въ зубы—и маршъ! А вѣдь мы къ вамъ, друзья, вече-

рокъ провести собрались! добавилъ онъ, вновь пожимая намъ руки.

— Флегонтъ Васильичъ! Аѳонасій Семенычъ! голубчики! Чѣмъ подчивать! водки что-ли подать?

— Водки своимъ чередомъ, а вотъ еще что: Иванъ Тимоѳеичъ самолично къ вамъ будетъ. Онъ теперь къ Парамонову уѣхалъ, а оттуда—къ вамъ. Насчетъ церемоніалу свадебнаго условиться. Мы и за Балалайкинымъ пожарнаго послали, чтобъ черезъ часъ безпремѣнно здѣсь былъ!

— Господи! а мы-то! вѣдь мы даже не изготовились!

— Ничего, Иванъ Тимофеичъ проститъ. Онъ—парень простой, простыня человѣкъ. Рюмка водки, кусочекъ чернаго хлѣба на закуску, а главное, чтобъ превратныхъ идей не было—вотъ и все!

— А мы только что было за уставъ принялись! Господи! да не нужно-ли чего-нибудь? Вина? блюдо какое-нибудь особенное, чтобы по вкусу Ивану Тимоѳеичу? Говорите! приказывайте! Можетъ быть, онъ разсказы изъ русскаго или еврейскаго быта любитъ, такъ и за разсказчикомъ спосылать можно!

— Ничего не надо, не обременяйте себя, друзья! Коли есть что въ домѣ—прикажите подать, мы не откажемся. А что касается до разсказчиковъ, такъ не трудитесь и посылать. Сегодня у нашего подчаска жена имянинница, такъ по этому случаю къ намъ въ квартиру всѣ разказчики на померанцевый настой слетѣлись.

IX.

Разумѣется, несмотря на оговорки Прудентова, мы немедленно сдѣлали всѣ распоряженія, чтобы на славу отпраздновать посѣщеніе дорогихъ гостей. Затѣмъ, мы сообщили Прудентову тѣ соображенія, вслѣдствіе которыхъ мы нашли полезнымъ ввести нѣкоторыя измѣненія въ «общія начала» устава о благопристойности, и встрѣтили съ его стороны полное одобреніе нашей законодательной дѣятельности.

Этотъ дружескій обмѣнъ мыслей привелъ насъ въ самое пріятное расположеніе духа, а дабы скрѣпить нашъ союзъ прочно и навсегда, Прудентовъ и Молодкинъ сообщили намъ краткія біографическія о себѣ свѣдѣнія, чѣмъ, разумѣется, и насъ вызвали на взаимность.

— Я — вятчанинъ, повѣдалъ намъ Прудентовъ: — отецъ мой

былъ первоначально протодіакономъ, но, впослѣдствіи, за совершонное преступленіе, былъ лишенъ сана и приговоренъ къ ссылкѣ въ отдаленныя мѣста Сибири. Пожелавши, однако, остаться на родинѣ, онъ изъявилъ готовность принять должность ката, въ каковой и былъ губернскимъ правленіемъ утвержденъ. Я былъ въ то время малолѣтнимъ, но уже и тогда положилъ въ сердцѣ свооемъ нигдѣ не служить, кромѣ какъ по полиціи. А потому, образовавши свой умъ и сердце лишь настолько, насколько это потребно для занятія должности паспортиста—сродственникъ у меня въ этой должности въ Петербургѣ соостоялъ, такъ отъ него я объ ней слышалъ—отправился, по достиженіи совершеннаго возраста, въ Петербургъ. Здѣсь, моя біографія уже прекращается, и начинается формулярный о службѣ списокъ. Пять лѣтъ, въ ожиданіи мѣста паспортиста, я прослужилъ писцомъ; послѣ того, въ теченіи восьми лѣтъ состоялъ паспортистомъ, а, наконецъ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, опредѣленъ въ квартал письмоводителемъ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, произведенъ въ первый чинъ коллежскаго регистратора, а затѣмъ, будучи постепенно повышаемъ, нынѣ состою въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

— И ничего—живешь?

— Какъ видите, друзья! Живу и не ропщу, хотя, съ другой стороны, не могу не сказать, что нынче противъ прежняго — куда сдѣлалось труднѣе.

— Что̀ такъ?

— Да почесть что однимъ засвидѣтельствованіемъ рукъ и пробавляемся. Прежде, бывало, выйдешь на улицу—куда ни обернешься, вездѣ источники видишь, а нынче у насъ въ вѣденіи только сколка льду на улицахъ да безпорядки остались, прочее же все по разнымъ вѣдомствамъ разбрелось. А я, между прочимъ, твердо въ своемъ сердцѣ положилъ: какова пора ни мѣра, а во всякомъ случаѣ, десять тысячъ накопить и на родину вернуться. Теперь судите сами: скоро ли по копейкамъ экую уйму денегъ сколотишь?

— А ты приналягъ!

— То-то что...

Прудентовъ на минуту задумался, но потомъ вдругъ зашевелилъ носомъ и сталъ къ чему-то принюхиваться. А такъ какъ именно въ этой самой комнатѣ хранились послѣднія мои выкупныя свидѣтельства, то я не на шутку испугался, и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Ну, а ты, Аѳанасій Семенычъ? обратился я къ Молодкину.

— А я-съ—во время пожара на дворѣ въ корзинкѣ найденъ

былъ. И такъ какъ пожаръ произошелъ 2-го мая, въ день Аѳанасія Великаго, то покойный частный приставъ Семенъ Иванычъ и назвалъ меня, въ честь святого — Аѳанасіемъ, а въ свою честь—Семенычемъ. Обо мнѣ даже дѣло въ консисторіи было: слѣдуетъ ли, значитъ, меня крестить? однако рѣшили: не слѣдуетъ. Такъ что я доподлинно и не знаю, крещеный ли я.

— Ахъ, бѣда какая!

— И вообще у меня жизнь необыкновенная. Имянины, напримѣръ, я праздную, а день рожденія—нѣтъ.

— Такъ что, по правдѣ-то, даже сказать не можешь родился ты ли настоящимъ образомъ или такъ какъ-нибудь? пошутилъ Глумовъ.

— Дѣйствительно-съ. Знаю только, что при пожарной командѣ въ третьей адмиралтейской части воспитаніе получилъ. Покойный Семенъ Иванычъ велѣлъ-это меня на пожарную трубу положить и сказалъ при этомъ: Богъ дастъ, брантмейстеръ выйдетъ! И вышелъ-съ.

— А деньги копишь?

— Нѣтъ, мнѣ нѐзачѣмъ. Я на пожарѣ свѣтъ увидѣлъ, на пожарѣ же и жизнь кончу. Для кого мнѣ копить!

— Чудакъ! да ты бы женился!

— И жениться не вижу надобности, да и вообще склонности ни къ чему, кромѣ пожаровъ, не имѣю.

— Врешь, братъ! Вы, друзья, его про барышню распросите! отозвался Прудентовъ.

— Было разъ—это точно. Спасъ я, однажды, барышню, изъ огня вытащилъ, только, должно быть, не остерегся при этомъ. Прихожу-это на другой день къ нимъ въ домъ, приказываю доложить, что молъ, тотъ самый человѣкъ явился, и что же-съ! она мнѣ съ прислугой десять рублей выслала! Тѣмъ мой романъ и кончился.

Мы съ участіемъ выслушали этотъ разсказъ и искренно пожалѣли о горькой судьбѣ Молодкина, который, изъ-за пожаровъ, поставленъ въ невозможность пользоваться семейными радостями, а слѣдовательно и плодиться и множиться.

— Ну, а вы, обратился къ намъ Прудентовъ:—скажите же и о себѣ что нибудь, друзья!

— Что—мы! Заблудшіе—вотъ мы что̀! отвѣчалъ за насъ обоихъ Глумовъ. — Дворяне... и при семъ безъ выкупныхъ свидѣтельствъ! Вотъ какова наша біографія.

— Ужь будто и совсѣмъ безъ выкупныхъ свидѣтельствъ?

Прудентовъ, очевидно, шутилъ, но я вспомналъ, какъ онъ, нѣсколько минутъ тому назадъ, шевелилъ носомъ, и опять струх-

нулъ. Къ счастію, насъ избавилъ отъ отвѣта Балалайкинъ, который въ эту минуту какъ разъ подошелъ къ намъ на выручку.

Онъ явился во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, и, по какому-то инстинктивному заблужденію—въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ. Словомъ сказать, хоть сейчасъ бери въ руки блюдо и ступай служить у Палкина за литературнымъ обѣдомъ. При этомъ, отъ него такъ разило духами, что Глумовъ невольно воскликнулъ:

— И что̀ это у тебя за гнусная привычка, Балалайкинъ, всякій разъ въ Екатерининскомъ каналѣ купаться передъ тѣмъ, какъ въ гости идти!

— Это? — Violettes de Parme—вотъ какіе это духи! солгалъ Балалайкинъ и такъ неожиданно поднесъ обшлагъ рукава къ носу Очищеннаго, что тотъ три раза сряду чихнулъ.

Очевидно, Балалайкинъ разодѣлся на томъ основаніи, что разсчитывалъ, что его сейчасъ же припустятъ къ двоеженству, и потому, когда узналъ, что рѣчь идетъ только о предварительныхъ дѣйствіяхъ, то немедленно снялъ нитянныя перчатки и началъ лгать.

— Помилуйте! жаловался онъ:—ничего толкомъ разсказать не умѣютъ, заставляютъ надѣватъ бѣлыя перчатки, скакать сломя голову... Да вы знаете ли, что я одной кліенткѣ въ консультаціи долженъ былъ отказать, чтобъ не опоздать къ вамъ... Кто мнѣ за убытки заплатитъ?

— Ну, что̀ еще! Сложимся по двугривенному съ брата—вотъ и убытки твои! утѣшалъ его Глумовъ.

— Нѣтъ, тутъ не двугривеннымъ пахнетъ-съ. Во-первыхъ, я вообще меньше ста рублей консультацій не даю, а во-вторыхъ, эта кліентка... Это такая кліентка, я вамъ скажу, что ей самой сто рублей дать мало!

— Стало быть, изъ Фонарнаго переулка? полюбопытствовалъ Молодкинъ.

— Тамъ ужь откуда бы ни была, а есть такая кліентка. А кромѣ того, у меня сегодня третейскій судъ... какъ я рѣшу, такъ и будетъ?

— Соломонъ!

— Соломонъ не Соломонъ, а тысячу рублей за рѣшеніе пожалуйте.

Очень возможно, что Балалайкинъ пролгалъ бы такимъ образомъ до утра, но Глумовъ, съ свойственною ему откровенностью, прекратилъ его изліянія въ самомъ началѣ, крикнувъ:

— Балалайкинъ! надоѣлъ!

Въ ожиданіи Ивана Тимоѳеича, мы усѣлись за чай и принялись благопотребно сквернословить. Что̀ лучше: снисходитель-

ность, но безъ послабленія, или же строгость, сопряженная съ невзираніемъ? — вотъ вопросъ, который въ то время волновалъ всѣ умы, и который естественно послужилъ тэмою и для насъ. Прудентовъ былъ на сторонѣ снисходительности, и доказывалъ, что только та внутренняя политика преуспѣваетъ, которая умѣетъ привлекать къ себѣ сердца.

— Я, друзья, и съ заблуждающими и съ незаблуждающими на своемъ вѣку не мало дѣла имѣлъ, говорилъ онъ: — и могу сказать одно: каждый въ своемъ родѣ. Заблуждающій хорошъ — ежели кто любитъ бесѣдовать; незаблуждающій—ежели кто любитъ выпить или, напримѣръ, на тройкѣ въ пикникъ проѣхаться!

— Ты говоришь: бесѣдовать? То-то вотъ, по нынѣшнему времени, это не лишнее-ли?

— Почему же-съ? Ежели о предметахъ, достойныхъ вниманія, и притомъ, знаючи напередъ, что ничего изъ этого не выйдетъ — отчего же не побесѣдовать? Бесѣда бесѣдѣ тоже розь, друзья! Иная бесѣда такая бываетъ, что отъ нея никакого вреда, кромѣ какъ воняетъ. Купцы, напримѣръ, даже превосходно въ этомъ случаѣ разговариваютъ.

— Да вѣдь заблуждающаго-то не прельстишь такой бесѣдой!

— А ежели онъ отказывается, такъ и пригрозить ему можно. Вообще эта система самая настоящая: сперва снизойти, а потомъ, для успѣха, помаленьку мѣры принимать. Точно также, доложу вамъ, и на счетъ издаваемыхъ въ разное время правилъ и руководствъ. Всегда надо такъ дѣло вести: чтобы съ первоначалу къ вольному обращенію направлять, а потомъ постепенно совершенствовать.

. . . . . .

Наконецъ, въ одинадцать часовъ, сильный звонокъ возвѣстилъ намъ о появленіи Ивана Тимоѳеича.

Онъ явился къ намъ весь сіяющій, въ мундирѣ съ коротенькими фалдочками, держа подъ мышками по бутылкѣ горскаго, которыя и поставилъ на столъ, сказавъ:

— Это вотъ вамъ отъ невѣсты... друзья! А завтра въ четыре часа просимъ хлѣба откушать!

Затѣмъ, вынулъ изъ кармана вязанный голубымъ бисеромъ кошелекъ и подалъ его Балалайкину.

— А вотъ это, жениху — тебѣ! Ты посмотри, бисеръ-то какой... голубенькой! Ну, друзья! теперь я въ вашемъ распоряженіи! дѣлайте со мной что хотите!

По этому слову, мы, съ крикомъ «ура!», разомъ овладѣли туловищемъ дорогого гостя и начали его раскачивать,

Что происходило потомъ, я помню до крайности смутно. Помню

что я напился почти мгновенно, что Иванъ Тимоѳеичъ плясалъ, что Прудентовъ декламировалъ: «о ты, что въ горести напрасно», а Молодкинъ показывалъ руками, какъ выкидываютъ на каланчѣ шары во время пожаровъ.

Было совсѣмъ свѣтло, когда дорогіе гости собрались по домамъ. Но что всего замѣчательнѣе, Иванъ Тимоѳеичъ, котораго въ полночь я видѣлъ уже совсѣмъ готовымъ, и который и послѣ того ни на минуту не оставлялъ собесѣдованія съ графиномъ, подъ утро началъ постепенно трезвѣть, а къ семи часамъ даже вытрезвился окончательно.

— А теперь, пора и къ рапорту! сказалъ онъ, надѣвая на голову трехуголку, и совершенно твердыми стопами прослѣдовалъ внизъ, въ сопровожденіи Прудентова и Молодкина.

Н. Щедринъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КРЕСТЬЯНСКІЕ НАДѢЛЫ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

(Нѣсколько замѣчаній на книгу князя Васильчикова «Землевладѣніе и земледѣліе» и на его отвѣтъ критикамъ и рецензентамъ).

I.

Тѣ главы книги князя Васильчикова, въ которыхъ говорится о земельныхъ надѣлахъ нашихъ крестьянъ, о причинахъ неудовлетворительнаго состоянія ихъ хозяйства и о средствахъ поднять его, возбудили большое недоумѣніе въ читающей публикѣ — и было отчего: авторъ утверждалъ, что надѣлы крестьянъ у насъ достаточны, расширеніе ихъ даже нежелательно и было бы невыгодно для крестьянскаго сословія. Такія положенія шли какъ разъ въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ — общество наше давно уже привыкло думать иначе.

Въ своемъ недавнемъ возраженіи (въ «Вѣстникѣ Европы» настоящаго года) на критики и рецензіи его книги, авторъ пытается отчасти смягчить свой выводъ, говоря, что онъ будто бы maximum надѣла вовсе не опредѣляетъ, а въ подстрочномъ примѣчаніи къ этимъ словамъ онъ даже упрекаетъ рецензентовъ. «Вообще бо̀льшая часть критиковъ, говоритъ онъ, приписываютъ мнѣ совершенно невѣрное мнѣніе, что крестьянскіе надѣлы вообще по всей Россіи достаточны. Я говорю, что въ общей сложности итогъ крестьянскихъ земель соотвѣтствуетъ рабочимъ силамъ нашихъ сельскихъ жителей, но въ частности представляются *такія крупныя исключенія*, что распредѣленіе земель въ дѣйствительности выходитъ очень неравномѣрно. Если бы я былъ того мнѣнія, что крестьяне достаточно надѣлены землею, то съ какой стати предлагалъ бы колонизацію, устройство кредита для переселенія и другія мѣры для уравненія надѣловъ?» — Теперь трудно припомнить, кто именно приписывалъ князю Васильчикову мнѣніе, будто надѣлы крестьянъ *вообще по*

всей Россіи достаточны, но еслибы кто и сказалъ это, то сдѣлалъ бы ошибку вовсе уже не такую большую, какъ говоритъ князь Васильчиковъ. По нашему мнѣнію, даже трудно было бы не приписать такого мнѣнія автору «Землевладѣнія и Земледѣлія», читая въ книгѣ такія мѣста (стр. 675): «не принимая даже въ разсчетъ чужихъ незаселенныхъ земель: помѣщичьихъ, казенныхъ и удѣльныхъ, однихъ собственныхъ надѣльныхъ угодій приходится у нашихъ крестьянъ даже нѣсколько больше, чѣмъ при правильной системѣ хозяйства могутъ они воздѣлать»... «Спѣшимъ оговориться, что эти средніе выводы не доказываютъ, чтобы во многихъ мѣстностяхъ крестьяне не были стѣснены малыми надѣлами, но *положительно утверждаемъ, что такое стѣсненіе представляется у насъ по сіе время, какъ исключеніе, что оно не могло имѣть вліянія на общее благосостояніе крестьянскаго сословія и что для массы нашего землевладѣльческаго класса настоящій надѣлъ долженъ быть признанъ совершенно достаточнымъ*, при одномъ только условіи, чтобы земли воздѣлывались прилежно и правильно». Эти слова имѣютъ далеко не тотъ же смыслъ, какъ въ приведенномъ выше упрекѣ рецензентамъ, которые если и провинились передъ княземъ Васильчиковымъ, то никакъ не въ большей степени, чѣмъ онъ предъ ними. Въ своемъ отвѣтѣ онъ говоритъ: «Но другое дѣло—уравненіе, пополненіе недостаточныхъ надѣловъ и общее заключеніе о будто-бы всеобщемъ малоземельи нашихъ крестьянъ. Въ этомъ я рѣшительно не раздѣляю мнѣнія моихъ оппонентовъ». Но, конечно, оппоненты и не думали говорить о всеобщемъ малоземельи, а утверждали только, согласно общему мнѣнію, что малоземелье крестьянъ у насъ—болѣе общее правило, а многоземелье—рѣдкое исключеніе, которое не могло имѣть вліянія на возвышеніе общаго благосостоянія крестьянскаго сословія, т. е. положеніе ихъ какъ разъ противоположно словамъ князя Васильчикова и обставлено такими же ограниченіями.

Сдѣлавши указанныя выше незначительныя отступленія отъ словъ своей книги, князь Васильчиковъ въ отвѣтѣ рецензентамъ повторяетъ, однако, всѣ прежнія свои разсужденія, съ тѣми же, разумѣется, выводами, и, судя по всему, совсѣмъ не признаетъ, чтобы въ его книгѣ были ошибки и противорѣчія; слѣдовательно, въ сущности, остается при прежнихъ своихъ мнѣніяхъ. Такое отношеніе его къ вопросу настоящей статьи и послужило главнымъ поводомъ къ ея появленію.

При рѣшеніи вопроса относительно достаточности или недостаточности земельныхъ надѣловъ, прежде всего приходится опредѣлить: каковы средніе размѣры надѣловъ у крестьянъ вообще и въ разныхъ мѣстностяхъ въ отдѣльности?—Затѣмъ, конечно, вопросъ будетъ заключаться въ томъ: по какому признаку лучше всего можно судить о достаточности надѣловъ? Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ мы совершенно согласны съ княземъ Васильчиковымъ и подобно ему думаемъ, «что благосостояніе народа будетъ

тѣмъ лучше обезпечено, чѣмъ болѣе народныя массы заняты работой на себя, въ собственномъ хозяйствѣ». На этомъ основаніи мы такъ же, какъ и князь Васильчиковъ, полагаемъ, что достаточность надѣловъ должна опредѣлиться рабочими силами крестьянскаго населенія; мы будемъ считать такой надѣлъ достаточнымъ, при которомъ продукты съ полей и луговъ могутъ быть убраны крестьянами безъ потерь. Мы считаемъ несомнѣннымъ, что земельный участокъ, достаточный для того, чтобы занять все свободное время крестьянина лѣтомъ, будетъ съ избыткомъ покрывать всѣ его потребности, если только какія нибудь неблагопріятныя обстоятельства, отъ него независящія, не будутъ заставлять его отчуждать слишкомъ большое количество получаемыхъ съ земли продуктовъ. Опредѣленіе достаточности надѣловъ по потребностямъ крестьянъ, помимо всѣхъ другихъ обстоятельствъ, неудобно еще и потому, что каждый будетъ опредѣлять потребности крестьянъ по своему личному разумѣнію, и одинъ, конечно, будетъ считать ихъ больше, другой меньше. Оцѣнка же по рабочимъ силамъ допускаетъ большую опредѣленность.

И такъ, намъ нужно опредѣлить и сравнить между собою двѣ величины: размѣръ крестьянскихъ надѣловъ и то количество земельныхъ угодій, которое можетъ быть обработано крестьянами; послѣ этого будетъ очевидно, достаточны или нѣтъ крестьянскіе надѣлы.

Тотъ же самый пріемъ употребленъ и княземъ Васильчиковымъ. Для опредѣленія того, сколько земли можетъ обработать наше крестьянское населеніе въ теченіе лѣта, авторъ обращается «къ многостороннимъ изслѣдованіямъ и опытамъ иностранныхъ экономистовъ и хозяевъ». При этомъ онъ пользуется данными двоякаго рода: во первыхъ, опредѣленіемъ того, сколько земли можетъ обработать одинъ рабочій, и во-вторыхъ—сколько можетъ обработать крестьянская семья или дворъ. Въ статьѣ по поводу критикъ и рецензій авторъ останавливается преимущественно на данныхъ второго рода, и совершенно справедливо, потому что, при разсчетахъ земли на 1 рабочаго, у иностранныхъ хозяевъ подразумѣваются рабочіе холостые, также какъ и у насъ въ остзейскихъ губерніяхъ. Очевидно, что подобные разсчеты совсѣмъ неприложимы къ нашему крестьянскому населенію, гдѣ каждый парень, становясь взрослымъ работникомъ, тотчасъ же женится и гдѣ рабочихъ холостыхъ, ведущихъ самостоятельное хозяйство, совсѣмъ нѣтъ (исключая развѣ тѣ весьма рѣдкіе случаи, когда у холостаго хозяина есть взрослыя сестры или другія родственницы). На этомъ основаніи всѣ разсчеты земли на одного рабочаго мы отбросимъ, какъ негодные для насъ, и остановимся только на данныхъ втораго рода, гдѣ учетъ ведется на семью.

«Въ сѣверной Германіи, говоритъ князь Васильчиковъ (стр. 811 его книги):—на тягловое хозяйство считается 10—14 десятинъ, въ Шотландіи и Ирландіи—12—15 десятинъ.

*

«Переходя затѣмъ къ Россіи, мы должны прежде всего замѣтить, что наши климатическія условія очень измѣняютъ у насъ эту пропорцію».

«Главное различіе нашего земледѣлія заключается не въ качествѣ почвы, которая въ общей сложности не хуже, чѣмъ въ средней Европѣ, а въ черноземной полосѣ даже лучше, но въ суровости нашей зимы и краткости полеваго рабочаго сезона. Русскій земледѣлецъ долженъ исполнять въ 5—6 мѣсяцевъ, а въ сѣверной полосѣ въ 4, тѣ же самыя работы, которыя нѣмецкій крестьянинъ производитъ въ 9, и при обширномъ надѣлѣ, не успѣвая воздѣлывать пашню, какъ слѣдуетъ, запускаетъ и портитъ ее грубой культурой, мелкой орьбой, небрежной работой... Если земледѣлецъ въ сѣверной Германіи, гдѣ почва очень скудная и предметы культуры тѣ же, какъ въ Россіи, съ помощію жены и дѣтей не осиливаетъ болѣе 10—14 десятинъ, а въ Ирландіи 12—15 десят., то очень сомнительно, чтобы русскій хлѣбопашецъ могъ одолѣть трудъ обработки такого же пространства, такъ какъ онъ располагаетъ для полевыхъ работъ меньшимъ временемъ... Поэтому мы думаемъ, что въ Россіи, при среднемъ числѣ рабочихъ душъ въ одномъ дворѣ (полторы мужскаго пола и столько же женскаго или дѣтей, всего 3), нормальный размѣръ одного хозяйства, соотвѣтствующій рабочей силѣ семейнаго домохозяина, будетъ никакъ не болѣе 10—15 десятинъ, при чемъ высшую норму, въ 15 десятинъ, мы допускаемъ только въ нѣкоторыхъ степныхъ губерніяхъ, гдѣ рабочая пора продолжается не менѣе 6 мѣсяцевъ, и гдѣ не введено еще унавоживаніе полей.»

«Въ сѣверной и навозной полосѣ 10 десят. пашни и луговъ будетъ, по нашему мнѣнію, крайній предѣлъ подворнаго надѣла».

Обративши вниманіе на то, что у нашихъ крестьянъ земли 116,103,720 десятинъ на 22,437,301 ревизскихъ душъ, т. е. 5,1 десятины на 1 душу, что у насъ въ дворѣ среднимъ числомъ 3 души, князь Васильчиковъ находитъ, что въ среднемъ выводѣ на 1 крестьянскій дворъ приходится у насъ болѣе 15 десятинъ надѣла, т. е. нѣсколько болѣе того, что онъ считаетъ достаточнымъ только для степныхъ губерній, и гораздо болѣе того, что слѣдуетъ считать крайнимъ надѣломъ для губерній сѣверныхъ и среднихъ, гдѣ земля уже удобряется.

Такіе и подобные имъ разсчеты привели князя Васильчикова къ тому заключенію, что «однихъ собственныхъ надѣльныхъ угодій приходится у нашихъ крестьянъ даже нѣсколько больше, чѣмъ при правильной системѣ хозяйства могутъ они воздѣлать».

Выводъ этотъ, несмотря на видимую логичность разсужденій автора, какъ извѣстно, не внушилъ, однако, къ себѣ довѣрія. При ближайшемъ разсмотрѣніи тѣхъ данныхъ, на которыхъ основывается князь Васильчиковъ, недовѣріе только возрастаетъ и, наконецъ, переходитъ въ убѣжденіе, что выводы князя весьма далеки отъ истины, т. е. совсѣмъ не соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію вещей. — Причины этого заключаются въ

томъ, что, во-первыхъ, количество крестьянскихъ земель, принятыхъ въ разсчетъ авторомъ, слишкомъ велико, а во-вторыхъ,— количество земли, какое можетъ быть воздѣлано крестьянскою семьею, наоборотъ, сильно уменьшено.

Доказать это совсѣмъ не трудно. На стр. 663 своей книги князь Васильчиковъ приводитъ данныя объ общемъ пространствѣ культурныхъ земель въ Россіи; изъ нихъ видно, что у насъ насчитывается:

Пашни	95.053,000	десятинъ.
Луговъ	54.676,000	»
Всего .	149.729,000	десятинъ.

Въ приведенныхъ выше разсчетахъ князя Васильчикова и во многихъ другихъ, подобныхъ этимъ, вся крестьянская земля фигурируетъ обыкновенно, какъ земля культурная, обработываемая [1]. Но этого ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть. По свѣденіямъ въ Трудахъ податной комиссіи, крестьянскія земли составляютъ 55% всѣхъ другихъ земель, за исключеніемъ казенныхъ. По этому, если предположить, что цифра 149.729,000 десятинъ пашни и луговъ относится только къ землѣ крестьянской, частныхъ лицъ и удѣловъ, то и въ этомъ случаѣ по разсчету выйдетъ, что у крестьянъ имѣется только около 82 милліоновъ десятинъ пашни и луговъ, а не 116 милліоновъ десятинъ.

Дѣло состоитъ въ томъ, что въ числѣ 116 милліоновъ десятинъ крестьянской земли находится значительное количество такой, которая никогда не обработывается, какъ, напримѣръ, пастбища, выгоны, лѣса. Количество подобныхъ земель совсѣмъ не такъ мало, чтобы ихъ можно было не вводить въ разсчетъ. Въ губерніяхъ сѣверныхъ, напримѣръ, земли, поросшія лѣсомъ, составляютъ обыкновенно значительную часть надѣловъ. Точныя свѣдѣнія объ этомъ (въ «Трудахъ податной комиссіи») есть, къ сожалѣнію, только по нѣкоторымъ губерніямъ; напримѣръ, въ Вятской Губерніи изъ 7,285 десятинъ крестьянской земли 1.833 десятины заняты лѣсомъ, такъ что лѣсная земля составляетъ 25% всего надѣла; въ Псковской Губерніи лѣсъ составляетъ 21,4% надѣла, въ Нижегородской — 15%, въ Казанской—около 10%. Какое пространство въ разныхъ губерніяхъ занято выгонами, къ сожалѣнію, опредѣлить нельзя, по совершенному отсутствію данныхъ; но нѣкоторое понятіе объ этомъ мы можемъ получить изъ слѣдующаго поучительнаго примѣра. Курская Губернія принадлежитъ къ числу самыхъ малоземельныхъ (по крестьянскимъ надѣламъ); изъ 42-хъ губерній, приведенныхъ въ «Трудахъ податной комиссіи», только въ 5-ти

[1] Это видно, напр. изъ того, что для сѣверной и средней Россіи онъ считаетъ крайнимъ надѣломъ 10 десят. «*пашни и луговъ*» на семью; находя средній надѣлъ въ 5,1 десят. на душу, считаетъ его слишкомъ высокимъ, предполагая, очевидно, что 15,3 десят. надѣла на семью будутъ все пашни да луга.

губерніяхъ крестьянскіе надѣлы меньше, чѣмъ въ Курской. Кромѣ того, всѣ свѣдѣнія—оффиціальныя и частныя—согласно между собою показываютъ, что въ этой губерніи распахано едва ли не все, что̀ только можно было распахать. Поэтому можно представить себѣ, какъ мало расточительны на культурную землю въ этой губерніи крестьяне тѣмъ не менѣе, и въ ней болѣе 16% всѣхъ земельныхъ надѣловъ находится подъ усадьбами, выгонами и лѣсами, причемъ лѣса занимаютъ половину этой пропорціи, а остальные 8% заняты выгонами и усадьбами. Принимая все это въ разсчетъ, мы едва ли ошибемся, если предположимъ, что пашни и луга занимаютъ не болѣе 75% крестьянскихъ надѣловъ, или около 85-ти милліоновъ десятинъ, что̀ согласно и съ приведеннымъ выше разсчетомъ.

Если мы примемъ такую цифру для пахатной и луговой земли, то найдемъ, что этихъ угодій приходится:

На 1 ревизскую душу	. . . . .	3,8	десят.
» 1 рабочаго мужчину	. . . . .	6,8	»
» 1 дворъ	. . . . .	11,5	»

т. е. значительно меньше того, что̀ найдено княземъ Васильчиковымъ.

Эти среднія для всей Россіи цифры не даютъ, однако, никакого понятія о томъ, ка̀къ стоитъ дѣло въ дѣйствительности, и князь Васильчиковъ, по нашему мнѣнію, сдѣлалъ важную ошибку, обративши мало вниманія на неравномѣрность надѣловъ въ разныхъ мѣстахъ. Онъ, правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращаетъ на это вниманіе, но больше затѣмъ, чтобы, въ подкрѣпленіе своей главной мысли, привести примѣры того, что даже и въ самыхъ малоземельныхъ губерніяхъ крестьяне владѣютъ достаточнымъ количествомъ земли, прибавляя развѣ еще такую фразу: «хотя надѣлъ помѣщичьихъ крестьянъ въ этой полосѣ очень скуденъ, за то надѣлъ казенныхъ очень достаточенъ», какъ будто одно можетъ вознаградить другое. Но даже объ этомъ говорится въ другихъ мѣстахъ его книги; при разсмотрѣніи же вопроса о достаточности земельныхъ надѣловъ, неравномѣрность ихъ совсѣмъ игнорируется. Между тѣмъ. для представленія дѣла въ истинномъ свѣтѣ, конечно, необходимо разсмотрѣть, въ какихъ губерніяхъ надѣлъ больше и въ какихъ онъ меньше средняго. Изъ 42-хъ губерній, указанныхъ въ «Трудахъ податной комиссіи», оказывается, что только въ 13-ти губерніяхъ средній надѣлъ всѣхъ крестьянъ доходитъ до 5,1 десятинъ или превышаетъ это количество; въ остальныхъ 29 ти губерніяхъ онъ ниже этой нормы; вообще изъ этихъ данныхъ видно, что средній надѣлъ составляетъ:

Болѣе 10	десятинъ	въ	3	губерніяхъ.	
Отъ 10 до 5	»	»	10	»	
» 5 » 4	»	»	13	»	
» 4 » 3	»	»	12	»	
менѣе 3	»	»	4	»	

Если принять въ разсчетъ, что цифры эти относятся ко всей удобной землѣ, т. е. въ нихъ включены выгоны и лѣса, то окажется, что собственно культурныхъ земель значительно меньше, такъ что громадное большинство крестьянъ владѣетъ не болѣе, какъ 3 десятинами пахатной и луговой земли на 1 ревизскую душу.

Но и это еще не все. Извѣстно, что бывшіе помѣщичьи крестьяне почти повсюду имѣютъ надѣлы гораздо меньше, чѣмъ государственные крестьяне; изъ 40 губерній, приведенныхъ въ извѣстномъ трудѣ профессора Янсона («О крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ»), только въ 4 губерніяхъ земельные надѣлы помѣщичьихъ крестьянъ болѣе 5-ти десятинъ, только въ 8-ми губерніяхъ они болѣе 4-хъ десятинъ, а во многихъ случаяхъ меньше даже 3-хъ десятинъ. По даннымъ выкупной операціи, у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ средній надѣлъ—около 3,5 десятинъ, не считая надѣловъ даровыхъ; между тѣмъ, помѣщичьи крестьяне по численности составляютъ почти половину всего крестьянскаго сословія, и въ 3 1/2 десятинахъ надѣла у нихъ опять-таки есть выгоны и вообще земли некультурныя.

Изъ этихъ, хотя и краткихъ замѣчаній можно видѣть, что средній надѣлъ въ 5,1 десятинъ на ревизскую душу получается совсѣмъ не оттого, что надѣлы въ большинствѣ случаевъ подходятъ къ этой нормѣ; напротивъ, въ большинствѣ случаевъ они зничительно меньше, и цифра въ 5,1 десятинъ получается только вслѣдствіе того, что въ очень немногихъ степныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ надѣлы сравнительно настолько велики, что при выводѣ средней цифры, для всѣхъ губерній замѣтно повышаютъ ее. Слѣдовательно, принимать полученную такимъ путемъ среднюю цифру въ основаніе для своихъ сужденій значитъ дѣлать грубую ошибку, отчего и самыя заключенія, выводимыя изъ сужденій, не будутъ имѣть никакого значенія, какъ ничего не выражающія.

Входить въ болѣе детальное разсмотрѣніе величины земельныхъ надѣловъ въ разныхъ мѣстахъ мы не будемъ, такъ какъ и сказаннаго, полагаемъ, достаточно для нашей цѣли, т. е. для доказательства того, что средніе выводы князя Васильчикова о величинѣ земельныхъ крестьянскихъ надѣловъ сильно преувеличены. Желающіе ознакомиться съ этимъ предметомъ подробнѣе найдутъ достаточныя свѣдѣнія въ упомянутомъ уже нами превосходномъ изслѣдованіи профессора Янсона. Намъ же предстоитъ теперь обратиться къ другой сторонѣ разсчетовъ князя Васильчикова, т. е. къ разсчетамъ относительно пространства земли, какое можетъ быть обработано одною крестьянскою семьею или однимъ дворомъ.

Мы видѣли выше, что князь Васильчиковъ основывается, между прочимъ, на величинѣ подворныхъ надѣловъ въ западной Европѣ. Кромѣ того, онъ принимаетъ во вниманіе разсчеты западныхъ и остзейскихъ хозяевъ о потребности хозяйства въ наем-

ныхъ рабочихъ, приводитъ свѣдѣніе, сообщенное академикомъ Миддендорфомъ, что въ остзейскихъ губерніяхъ семьи съ надѣломъ въ 8—12 десятинъ обыкновенно все время занята сельскозяйственными работами на своей землѣ, т. е. такой размѣръ надѣла соотвѣтствуетъ рабочей силѣ двора, и, наконецъ, ссылается на примѣръ Сѣверной Америки, гдѣ поселенцамъ отводятъ будто бы по 40 акровъ, т. е. около 15-ти десятинъ на человѣка.

Мы не знаемъ, откуда князь Васильчиковъ почерпнулъ свѣдѣнія о Сѣверной Америкѣ, но оно совсѣмъ не точно. Всѣ свѣдѣнія, какія только у насъ есть подъ рукою въ настоящее время, утверждаютъ единогласно, что каждый гражданинъ Сѣвероамериканскаго Союза, или заявившій желаніе сдѣлаться гражданиномъ, имѣетъ право пріобрѣсть въ любомъ мѣстѣ союза 160 арковъ (т. е. немного болѣе 59-ти десятинъ) отмежеванной государственной земли, которую и получаетъ въ полную собственность чрезъ 5 лѣтъ за ничтожную плату (около 15-ти рублей) при соблюденіи извѣстныхъ условій. Въ нѣкоторыхъ источникахъ, которыми мы пользовались, приведенъ, повидимому, переводъ подлиннаго текста «Homestead Act'a», 20-го мая 1862 г., такъ что въ ошибкѣ князя Васильчикова не можетъ быть никакого сомнѣнія[1].

Всѣ другія цифры по занимающему насъ предмету, приведенныя княземъ Васильчиковымъ, мы считаемъ не совсѣмъ подходящими для насъ, такъ какъ, при разницѣ хозяйственныхъ условій, онѣ вообще допускаютъ много произвола при ихъ примѣненіи къ нашимъ порядкамъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже не совсѣмъ вѣрно переданы княземъ Васильчиковымъ.

Возьмемъ, напримѣръ, сообщеніе г. Миддендорфа; оно только, повидимому, подтверждаетъ соображенія князя Васильчикова о размѣрахъ подворнаго надѣла у насъ, на самомъ же дѣлѣ противорѣчитъ его заключеніямъ. Князь Васильчиковъ не обратилъ вниманія на то, что г. Миддендорфъ считаетъ *только полевую землю*, прибавляя, что крестьянину нужно отводить «сверхъ того достаточное количество луговъ и выгона». Какое же количество луговъ и выгона слѣдуетъ считать въ такихъ случаяхъ достаточнымъ? — Если сообразоваться съ существующими въ остзейскихъ губерніяхъ крестьянскими хозяйствами, то придется отвести еще болѣе 8 — 12 десятинъ, такъ какъ на крестьянскихъ земляхъ тамъ приходится на 1 десятину полевой земли болѣе 1 десятины луговъ; если же взять въ примѣръ помѣщичьи хозяйства, то количество луговъ и выгона будетъ немного меньше, но все-таки довольно значительно, такъ что средняя величина участка будетъ около 20-ти десятинъ, и этого не много, такъ

[1] Написавши это, я встрѣтилъ статью г. Елишева въ 9 № «Недѣли» настоящаго года, гдѣ указано тоже на эту ошибку князя Васильчикова; и это тѣмъ болѣе важно, что авторъ указанной статьи знакомъ съ американскими порядками лично.

какъ выгонъ никакой обработки не требуетъ, а сѣно съ луговъ убирать легче, чѣмъ хлѣбъ съ полей. Кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что г. Миддендорфъ предполагаетъ на пахатныхъ земляхъ многопольный сѣвооборотъ, при которомъ паровой земли меньше, да и помимо того, вообще работы требуется больше, чѣмъ при сѣвооборотѣ трехпольномъ. Слѣдовательно, если основываться на словахъ г. Миддендорфа, то у насъ придется отводить подворные участки гораздо значительнѣе тѣхъ, какіе полагаетъ князь Васильчиковъ, тѣмъ болѣе, что разница въ климатѣ остзейскихъ губерній и нашихъ среднихъ, а слѣдовательно и разница въ продолжительности работъ, не ахти уже какъ велика.

Западноевропейскія тягловыя хозяйства, по нашему мнѣнію, мало пригодны для насъ, потому что, если съ разныхъ сторонъ стремились вообще отвести тамъ какъ можно меньше земли крестьянамъ (какъ свидѣтельствуетъ и князь Васильчиковъ), то нельзя ожидать, чтобы это не отразилось на отводѣ тягловыхъ участковъ. Но если обратиться къ учетамъ западноевропейскихъ хозяевъ о потребности хозяйствъ рабочихъ въ тѣхъ немногихъ случаяхъ (не принятыхъ во вниманіе княземъ Васильчиковымъ), когда разсчетъ ведется на рабочихъ женатыхъ, то вообще хозяева, довольно согласно между собою, показываютъ, что семья изъ трехъ рабочихъ (мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ), при трехпольномъ сѣвооборотѣ, можетъ обработать 60 — 70 моргеновъ (т. е. отъ 14 до 16½ десятинъ) пашни и луговъ. При этомъ предполагается, что часть парового поля будетъ засѣяна, и поля, конечно, удобряются. Если перенести этотъ разсчетъ къ намъ и прибавить еще необходимое количеттво выгонной земли и лѣсной (такъ какъ такая земля есть у нашихъ крестьянъ), то размѣръ подворнаго участка опять-таки будетъ больше того, какой считается у князя Васильчикова наибольшимъ для удобряемыхъ земель.

Сколько земли способна обработать обыкновенная крестьянская семья, можно опредѣлить соображеніями другого рода. Можно положить вообще, что если извѣстныя рабочія силы могутъ въ надлежащій срокъ убрать хлѣбъ, то они навѣрное нетолько въ состояніи будутъ выполнить всѣ другія работы на соотвѣтственномъ пространствѣ полей, но у нихъ останется еще свободное время. Въ Германіи считаютъ, напримѣръ (при учетѣ необходимаго числа рабочихъ для хозяйства), что нужно имѣть такое количество ихъ, при помощи котораго озимой и яровой хлѣбъ можетъ быть убранъ въ 30 рабочихъ дней, т. е. считая воскресенья—въ 34—35 дней. У насъ вся уборка продолжается тоже около мѣсяца, такъ что (за вычетомъ праздниковъ) рабочихъ дней въ эту пору будетъ около 25-ти. У семьи въ 3 рабочія души (средняя семья у насъ имѣетъ около 3½ рабочихъ, не считая подростковъ) будетъ въ распоряженіи въ это время 75 рабочихъ дней; если положить на уборку десятины озимаго по

10 дней и на десятину яроваго 6 дней, то семья можетъ убрать по 3 десятины тѣхъ и другихъ хлѣбовъ, на что̀ потребуется около 65-ти рабочихъ дней.

Князь Васильчиковъ приводитъ подобный же разсчетъ, сдѣланный г. Чаславскимъ, про котораго авторъ говоритъ, что это — «одинъ изъ тѣхъ немногихъ публицистовъ, которые собираютъ свѣдѣнія о русской землѣ не за письменными столами, а по мѣстамъ»; разсчетъ г. Чаславскаго князь Васильчиковъ считаетъ «совершенно вѣрнымъ», и мы, съ своей стороны, готовы принять его, хотя и сдѣлаемъ относительно его нѣкоторыя замѣчанія, необходимость которыхъ будетъ очевидна изъ послѣдующаго.

Въ разсчетѣ г. Чаславскаго предполагается, что на 1 дворъ при 3,17 ревизскихъ душахъ приходится 12 десятинъ полевой земли. Такой дворъ въ такъ-называемую лѣтнюю страду долженъ сдѣлать:

Сжать и убрать 4 десят. озимаго	40	рабоч. дней
» » 4 » яроваго	24	» »
Запахать, посѣять и сборонить 4 десят. озимаго	24	» »
Всего . .	88	» »

«Лѣтняя страда, говоритъ князь Васильчиковъ:—продолжается у насъ около 6 недѣль, съ 15 го іюля по 1 е сентября. Въ это время должны непремѣнно совершиться всѣ упомянутыя работы. Если исключить изъ 6-ти недѣль 6 воскресеній и 6 праздниковъ, то остается на цѣлый дворъ (считая 1 1/2 рабочихъ мужского пола и 1 1/2 женскаго)—90 дней. Это разсчетъ математическій, но природа математики не соблюдаетъ и на 30 дней обыкновенно посылаетъ нѣсколько дней дождя и ненастья, такъ что, при 4-хъ десятинномъ надѣлѣ, крестьянинъ едва ли успѣетъ своевременно убраться и посѣять свой хлѣбъ».

Мы думаемъ, наоборотъ, что непремѣнно успѣетъ, и можемъ привести въ доказательство этого многія обстоятельства, хотя, повидимому, и мелочныя, но въ этомъ случаѣ имѣющія очень важное значеніе. — Во-первыхъ, какъ въ Тамбовской Губерніи, относительно которой приводится разсчетъ г. Чаславскаго, такъ и во всей Россіи, въ семьѣ, при 3,17 ревизскихъ душахъ, будетъ не 1 1/2 рабочихъ мужского пола, а 1,8, а рабочихъ обоего пола болѣе 3 1/2, которые въ 30 дней будутъ располагать 105 рабочими днями; слѣдовательно, еслибы въ страду случилось нѣсколько дней ненастья, то и въ такомъ случаѣ семья съ работами управилась бы. Кромѣ того, нужно замѣтить, что въ разсчетѣ не приняты во вниманіе подростки и старики, которые, хотя и не могутъ сработать столько же, какъ полные рабочіе, но принесутъ все-таки не малую помощь. По таблицамъ Буняковскаго, число полурабочихъ болѣе 10% всего наличнаго населенія, а по свѣдѣніямъ новгородской земской управы — однихъ подростковъ (отъ 12-ти до 18-ти лѣтъ) болѣе 14% числа ревиз-

скихъ душъ; поэтому, если присчитать этихъ лицъ, то семья указаннаго въ разсчетѣ размѣра будетъ имѣть не менѣе 4-хъ полныхъ рабочихъ мужчинъ и женщинъ. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что если математическій разсчетъ и неприложимъ въ подобныхъ случаяхъ, то потому единственно, что показываетъ слишкомъ мало сравнительно съ тѣмъ, что можетъ быть сдѣлано въ дѣйствительности. Нужно видѣть, съ какою энергіей работаютъ крестьяне при уборкѣ хлѣбовъ на своей землѣ, чтобы понять, насколько каждый изъ нихъ превосходитъ рабочаго наемнаго.

На основаніи всего этого, мы необходимо должны признать, что средняя крестьянская семья, имѣющая $3^1/_2$ полныхъ рабочихъ, можетъ безъ особеннаго напряженія управиться съ 12-ю десятинами полевой земли. Но, кромѣ полевой, у крестьянъ должно быть еще достаточное количество луговъ и пастбищъ, долженъ быть огородъ. Такъ какъ уборка сѣна совершается не въ страду и уборка огородныхъ овощей тоже не совпадаетъ со спѣшными полевыми работами, то эти угодья въ надѣлѣ нисколько не помѣшаютъ своевременной уборкѣ хлѣбовъ. Принятая нами для разсчета семья безъ всякаго стѣсненія можетъ убрать, по меньшей мѣрѣ, 6 десятинъ луга; поэтому, если мы хотимъ надѣлить ее такимъ количествомъ угодьевъ, чтобы она занята была все время на своей землѣ, то по разсчету оказывается, что должны будемъ отвести ей подъ огородъ, выгонъ, луга и поля едва ли менѣе 20-ти десятинъ. Ниже мы увидимъ, что разсчеты эти подтверждаются и фактическими данными.

Послѣ всѣхъ нашихъ соображеній и разсчетовъ, послѣ разсмотрѣнія способовъ, употребленныхъ княземъ Васильчиковымъ для опредѣленія должной величины земельнаго надѣла для крестьянской семьи, мы неизбѣжно приходимъ совсѣмъ не къ тѣмъ заключеніямъ, къ какимъ пришелъ князь Васильчиковъ. Причины такой разницы въ заключеніяхъ происходятъ оттого, что:

во-первыхъ, авторъ сдѣлалъ ошибку, основавши свои заключенія на размѣрѣ средняго для всей Россіи крестьянскаго надѣла; до такой нормы надѣлъ доходитъ только въ немногихъ губерніяхъ, въ большинствѣ же онъ значительно ниже средняго: почти у всѣхъ помѣщичьихъ и сверхъ того у многихъ казенныхъ крестьянъ надѣлы далеко не доходятъ до размѣра общаго средняго;

во-вторыхъ, князь Васильчиковъ, при своихъ заключеніяхъ, не обратилъ вниманія на то, что въ крестьянскіе надѣлы входитъ значительное количество такой земли (пастбищной и лѣсной), которая никогда не обработывается; если же взять въ разсчетъ только культурныя земли (поля и луга), то и выводъ будетъ значительно отличаться отъ заключеній князя Васильчикова;

въ-третьихъ, при разсчетѣ земель, которыя могутъ быть обработаны одною семьею, авторъ опять-таки или основывался на несовсѣмъ точныхъ данныхъ, или при разсчетахъ руководился

не средними числами, а нѣсколько уменьшенными противъ среднихъ; а такъ какъ въ такихъ случаяхъ незначительное измѣненіе въ первоначальныхъ данныхъ можетъ произвести большую разницу въ конечномъ результатѣ разсчета, то понятно, что авторъ пришелъ совсѣмъ не къ тѣмъ заключеніямъ, къ какимъ долженъ былъ бы прийти при вѣрныхъ данныхъ.

Князь Васильчиковъ, ссылаясь на свою статью по поводу критикъ и рецензій, можетъ сказать, что всѣ наши разсужденія излишни, и укажетъ намъ на слѣдующее мѣсто своего отвѣта: «само собой разумѣется, что эта (назначенная имъ норма) не должна быть принята въ смыслѣ математическаго масштаба, по коему измѣряются надѣлы; я нисколько не думаю, чтобы слѣдовало подводить всѣ крестьянскіе надѣлы подъ одну мѣру, и полагаю, что будутъ и такія мѣста, гдѣ надо допустить и болѣе широкій надѣлъ; вообще *я выставляю эти цифры для примѣра — и не стану спорить, если будетъ признано нужнымъ ихъ измѣнить*».

Но если кто выставляетъ цифры только для примѣра, не зная, какія должны быть на самомъ дѣлѣ, тотъ, по нашему мнѣнію, не долженъ бы былъ выражаться столь опредѣленно, какъ выражается князь Васильчиковъ въ своей книгѣ, тѣмъ болѣе, что самая сущность вопроса не допускаетъ строго опредѣленнаго рѣшенія. Кромѣ того, эта приведенная нами оговорка автора, отнимающая, повидимому, всякое значеніе у его разсужденій о крестьянскихъ надѣлахъ, въ сущности очень неопредѣленна и представляетъ только незначительную уступку, сравнительно съ прежнимъ. Если кто признаетъ, что будутъ и такія мѣста, гдѣ надѣлы должны быть больше, тотъ не говоритъ ли этимъ, что подобныя мѣста—исключительныя?—Такъ что выписанныя нами слова князя Васильчикова пока позволяютъ намъ только надѣяться, что онъ, при второмъ изданіи своей книги, если оно понадобится (а мы искренно желаемъ, чтобы оно понадобилось скорѣе), подвергнетъ болѣе тщательному разсмотрѣнію вопросъ о крестьянскихъ надѣлахъ и не оставитъ такихъ рѣзкихъ положеній, что «въ сѣверной и навозной полосѣ 10 десятинъ пашни и луговъ будетъ крайній предѣлъ подворнаго надѣла»; что же касается его общаго положенія, будто крестьяне стѣснены у насъ надѣлами только въ исключительныхъ случаяхъ, то мы думаемъ, что его слѣдуетъ измѣнить какъ разъ на противоположное, т. е., что крестьяне стѣснены у насъ надѣлами въ большинствѣ случаевъ и достаточность надѣловъ представляется у насъ, какъ исключеніе, которое не могло имѣть вліянія на общее благосостояніе крестьянскаго сословія.

II.

Переходя къ разсмотрѣнію причинъ плохого состоянія крестьянскаго хозяйства и средствъ для его улучшенія, мы видимъ, что князь Васильчиковъ вездѣ остается вѣренъ своему взгляду на достаточность крестьянскихъ надѣловъ, такъ что это его мнѣніе служитъ ему исходною точкою для сужденія объ указанныхъ нами вопросахъ.

«Мы думаемъ, говоритъ князь Васильчиковъ:—что никакой подарокъ не былъ бы для русскаго крестьянства болѣе вреденъ, какъ чрезмѣрное расширеніе крестьянскаго надѣла, и что *въ большей части Россіи*, особенно въ сѣверной и восточной полосѣ, *надѣлы ихъ въ настоящее время, далеко превышая рабочія силы мѣстнаго населенія, обратились въ тягость сельскимъ обществамъ и всему крестьянскому сословію*... Во всей сѣверной полосѣ отъ Олонецка до Вятки и Самары широкій надѣлъ крестьянъ вовсе не способствовалъ улучшенію ихъ быта, а, напротивъ, разстроилъ и продолжаетъ разстроивать сельское хозяйство («Землевладѣніе и земледѣліе», стр. 813).

При всемъ стараніи, мы никакъ не могли и не можемъ понять, какимъ образомъ большіе надѣлы сами по себѣ могутъ разстроить хозяйство крестьянъ, если только въ этомъ не будутъ замѣшаны какія-нибудь постороннія обстоятельства, ничего общаго съ размѣрами надѣловъ не имѣющія; всѣ разъясненія князя Васильчикова по этому предмету столь неудовлетворительны, что только усиливаютъ убѣжденіе въ томъ, что причина разстройства—совсѣмъ не большіе надѣлы. Если обратиться къ разсмотрѣнію дѣйствительности, то устраняется всякое сомнѣніе въ ошибкѣ автора. Представимъ нѣсколько примѣровъ изъ Трудовъ комиссіи для изслѣдованія современнаго состоянія сельскаго хозяйства.

Въ Новоузенскомъ Уѣздѣ Самарской Губерніи государственные крестьяне получили отъ 10 до 18 десятинъ земли на 1 душу и, кромѣ того, много солонцеватыхъ земель, годныхъ для пастьбы скота. Изъ 18 десятинъ душеваго надѣла засѣвается $5^1/_3$ десятинъ — 4 пшеницею и $1^1/_3$ рожью, овсомъ и т. д. По разсчету земской управы, семья изъ двухъ душъ получаетъ, за уплатою всѣхъ повинностей, до 67 рублей чистаго дохода.

Въ томъ же уѣздѣ, у Волги, изъ 13 десятинъ душеваго надѣла около 10 десятинъ полевой земли. 3 десятины засѣваются пшеницею и кромѣ того сѣется немного ржи, овса и т. д. Чистаго дохода, за уплатою всѣхъ податей, до 46 рублей на семью изъ 2 душъ.

Очевидно, что большіе надѣлы здѣсь не обременяютъ крестьянъ и не разстроиваютъ ихъ хозяйства.

Въ Ставропольскомъ Уѣздѣ той же губерніи «крестьяне, имѣющіе большіе надѣлы въ 9 десят. на душу, какъ крестьяне государственные, могутъ покрывать всѣ расходы доходами съ надѣловъ; къ такимъ же крестьянамъ можно отнести и тѣхъ, у которыхъ надѣлы хотя и нѣсколько меньше (десятинъ 7 и даже 6), но земли которыхъ особенно хороши. Остальные же крестьяне, особенно помѣщичьи, имѣющіе 2—3—4 десятины на душу и несущіе большіе налоги, не имѣютъ довольно средствъ для заработковъ. Нѣкоторые изъ нихъ добываютъ эти средства съ обработки арендныхъ земель, но у многихъ недостаетъ и этихъ заработковъ».

Въ Симбирской Губерніи «доходами отъ земледѣлія могутъ быть покрыты всѣ налоги только у тѣхъ крестьянъ, которые имѣютъ большіе надѣлы въ 6—7 десятинъ на душу... Что касается бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, то даже при высшихъ надѣлахъ—въ 3,25—3,5—4 десятины немыслимо, чтобы крестьяне могли прокармливаться и уплачивать подати съ своихъ надѣловъ».

Въ Рязанской Губерніи, по словамъ земскихъ управъ разныхъ уѣздовъ, «при значительныхъ надѣлахъ, какъ, напримѣръ, при значительныхъ надѣлахъ государственныхъ крестьянъ» (средній надѣлъ ихъ въ губерніи съ лѣсами около 4,5 десят.), «доходы отъ земли даютъ имъ всѣ необходимыя средства какъ для продовольствія, такъ и для уплаты налоговъ и для покрытія всѣхъ необходимыхъ расходовъ по хозяйству. При небольшихъ же надѣлахъ налоги должны покрываться посторонними заработками.

Нижегородской Губерніи въ Васильсурскомъ Уѣздѣ «въ одной волости, населенной бывшими государственными крестьянами, получившими по 6 десятинъ на душу, крестьяне занимаются преимущественно земледѣліемъ и живутъ зажиточно».

Въ южной части Казанской Губерніи, на черноземѣ, «при довольно большихъ надѣлахъ, какіе существуютъ здѣсь для государственныхъ крестьянъ, земледѣліе въ большинствѣ случаевъ обезпечиваетъ нетолько продовольствіе населенія, но и даетъ нѣкоторые избытки для уплаты бо̀льшей или меньшей части налоговъ».

Въ частности, въ Спасскомъ Уѣздѣ той же губерніи, «государственные крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ довольно значительный доходъ съ своей земли, покрывающій всѣ нужды». (Надѣлъ у нихъ—5 десят.). Напротивъ, «при 3 десятинахъ надѣла, у крестьянъ бываетъ достаточно хлѣба на продовольствіе, остается даже немного на продажу, такъ что этотъ избытокъ можетъ покрыть расходъ по найму луговъ и пастбищъ. Но подати необходимо заработать на сторонѣ. Главный заработокъ—наемъ земли у помѣщиковъ».

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ—а мы могли бы ихъ привести множество изъ разныхъ мѣстъ Россіи—видно, что по отзывамъ лицъ, знакомыхъ съ положеніемъ крестьянскаго хозяйства лично,

а не собирающихъ свѣдѣнія объ этомъ за письменными столами (по выраженію князя Васильчикова), крестьяне бываютъ обезпечены надѣлами только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они получили 5, 6 и болѣе десятинъ на душу, т. е. 15, 18 и болѣе десятинъ на одинъ дворъ или семейство; при такомъ надѣлѣ, повсюду хозяйство крестьянъ не разстроивается: они могутъ въ иныхъ случаяхъ жить даже зажиточно. При 3—4 десятинахъ надѣла, крестьяне не могутъ существовать безъ постороннихъ заработковъ и должны, какъ мы видѣли въ Казанской Губерніи, нанимать луга и пастбища; слѣдовательно, дѣйствительность совсѣмъ несогласна съ положеніемъ князя Васильчикова.

Оно и не можетъ быть иначе: малый надѣлъ, помимо того, что онъ не обезпечиваетъ семьи ни работою, ни необходимыми средствами, невыгоденъ еще и въ другихъ отношеніяхъ: при такомъ надѣлѣ, на десятину земли приходится больше платежей, чѣмъ при надѣлахъ большихъ, потому, во-первыхъ, что подушная подать, земскіе сборы и т. п. распредѣляются по душамъ, такъ что душа, владѣющая меньшимъ количествомъ земли, съ каждой десятины платитъ больше, и потому еще, что меньшіе надѣлы оцѣниваются вообще дороже большихъ, согласно положенію о крестьянахъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ Новгородской Губерніи, при полномъ надѣлѣ въ 6 десятинъ, платится оброка за надѣлъ 9 рублей, т. е. 1 руб. 50 коп. съ десятины; при 4-хъ десятинномъ надѣлѣ, съ десятины, приходится уже 1 р. 97 коп. оброка; при 3-хъ десятинномъ—2 руб. 10 к., и т. д. При низшемъ размѣрѣ надѣла съ десятины приходится одного оброка около 3 руб. 50 коп. Подобныя же отношенія мы найдемъ, само собою разумѣется, и въ другихъ губерніяхъ. Слѣдовательно, при существующихъ у насъ платежахъ, крестьяне при меньшихъ надѣлахъ должны получать большіе урожаи съ десятины, для того, чтобы оставался за уплатою податей такой же чистый доходъ, какой получается съ десятины при надѣлахъ большихъ; между тѣмъ, это рѣшительно невозможно; напротивъ, чѣмъ *меньше надѣлъ, тѣмъ менѣе онъ будетъ плодороденъ*. Высказывая это положеніе, мы тѣмъ самымъ переходимъ къ разсмотрѣнію соображеній князя Васильчикова на счетъ причинъ дурного обращенія крестьянъ съ землею, находящеюся въ ихъ владѣніи.

«По преданію отцовъ, говоритъ князь Васильчиковъ: —нѣкогда забиравшихъ всѣ земли, какія они могли только захватить, наши крестьяне и по нынѣ стѣсняются малоземельемъ, стремятся къ расширенію своихъ владѣній и, бросая свои надѣльныя подворныя угодья, снимаютъ отхожія пустоши, запольныя пашни, лѣсные покосы, лежащіе иногда въ громадныхъ разстояніяхъ отъ жилья. Но разсчетъ ихъ при этомъ ошибоченъ: у нихъ нѣтъ времени для выполненія работъ на такихъ пространствахъ». Но крестьянинъ «разумѣется, можетъ облегчить и ускорить работу разными способами, оставляя траву на прокосахъ, огрѣхи и

обсѣвки на пашнѣ, бороня въ одинъ слѣдъ, вмѣсто двухъ или трехъ, вспахивая свое поле какъ можно мельче; такъ онъ и дѣлаетъ». («Землевладѣніе и Земледѣліе» стр. 811—812).

И такъ, крестьяне плохо работаютъ, потому что захватываютъ много земли, а землю захватываютъ по преданію отцовъ. Объясненіе очень незамысловатое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма странное. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, преданіе отцовъ такъ властвуетъ надъ дѣйствіями нашихъ крестьянъ, неужели для нихъ никакой прогрессъ невозможенъ или, по крайней мѣрѣ, очень труденъ, даже въ области земледѣлія?—Мы думаемъ совсѣмъ не такъ и въ этомъ забираніи земли, въ этомъ вѣрномъ для многихъ случаевъ очеркѣ князя Васильчикова, видимъ выраженіе величайшей энергіи нашего крестьянина; мы убѣждены въ томъ, что, попавши въ положеніе крестьянина, мы сами не могли бы сдѣлать даже и того, что дѣлаетъ онъ, а объ какихъ-нибудь улучшеніяхъ въ нашемъ хозяйствѣ не могло бы быть и рѣчи, несмотря на то, что мы, можетъ быть, болѣе свободны отъ преданія отцовъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ ближе на положеніе нашего крестьянина и попробуемъ указать, что̀ можно было бы сдѣлать при подобныхъ обстоятельствахъ.

Возьмите для примѣра Новгородскую Губернію съ надѣломъ въ $5^1/_2$ десятинъ на душу; на дворъ въ 3 души придется тогда $16^1/_2$ десятинъ. Но вся ли эта земля хороша? Далеко нѣтъ: въ мѣстныхъ положеніяхъ есть статьи, въ которыхъ указано, что кустарники, находившіеся до положенія въ пользованіи крестьянъ, оставляются имъ и идутъ въ счетъ надѣла. Тоже самое, безъ всякихъ особенныхъ указаній, было и съ землями пустопорожними. Мы знаемъ, каковы эти наши сѣверные кустарники и пустопорожнія земли, ихъ нетолько пахать или косить, подъ пастбище нельзя употреблять, потому что скоту нечего взять на нихъ; обратить ихъ въ пашню или покосъ стоитъ громаднаго труда, на который у крестьянина, при другихъ неотложныхъ нуждахъ, совсѣмъ нѣтъ времени, и онъ пока остается съ тѣмъ количествомъ пашни, какое у него имѣется. По этому-то иногда, при большомъ надѣлѣ, крестьянинъ высѣваетъ только 4 мѣры ржи на надѣлъ, т. е. имѣетъ только $1^1/_2$ десятины полевой земли на душу, а луговъ зачастую совсѣмъ не имѣетъ и принужденъ покупать ихъ. Мы возьмемъ, однако, для разсчета условія болѣе благопріятныя, когда въ надѣлѣ есть 3 десятины пашни и около $^3/_4$ десятины луговъ. Значитъ, всего семья имѣетъ 9 десятинъ пашни и около $2^1/_4$—$2^1/_2$ десятины луговъ. Она получаетъ съ нея ржи (при урожаѣ самъ 5) 15 четвертей и овса столько же; сѣна—въ особенно хорошемъ случаѣ пудовъ около 200. По весьма выгодному разсчету, такое семейство продастъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ рублей на 15—20; скота, при томъ количествѣ корма, какое у него будетъ, оно можетъ прокормить 4—5 штукъ крупнаго.

Податей такому семейству надо заплатить болѣе 30 руб., а по-

лученнымъ отъ скота навозомъ можетъ быть удобрено не болѣе 1—1 1/2 десятинъ, вмѣсто 3, какъ слѣдовало бы.

Я думаю, что въ подобныхъ обстоятельствахъ мы, люди образованные, впали бы въ полное отчаяніе и, убѣдившись, что ни при какомъ трудѣ на своей землѣ не получимъ всего, что нужно, сложили бы руки и предались бы волѣ Божіей; никакія принудительныя мѣры на насъ не подѣйствовали бы, какъ никакой кнутъ не дѣйствуетъ на выбившуюся изъ силъ клячу. Но крестьянинъ способенъ на плечахъ своихъ вынести больше насъ, энергія его не чета нашей—и вотъ прихватитъ земли то здѣсь, то тамъ, берется за то и другое, чтобы только какъ нибудь выбиться изъ нужды.

Условія нашей новгородской семьи совсѣмъ не исключительныя: просматривая докладъ комиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства, мы, напротивъ, только въ исключительныхъ случаяхъ находимъ примѣры того, что крестьяне изъ обработки надѣла покрываютъ всѣ свои нужды. Обычное же явленіе—недостатокъ средствъ на самое необходимое.

Князь Васильчиковъ совѣтуетъ для улучшенія такого положенія и для предупрежденія худшаго остановить во̀-время хищническую культуру, перейти къ лучшей и не стѣсняться тѣмъ, что, сдѣлавши такую остановку насильственно, мы посягнемъ на священное право собственности и народныя понятія крестьянъ. Вся бѣда только въ томъ, что народныя понятія въ настоящемъ случаѣ выражаютъ ту элементарную истину, что если нѣтъ никакой возможности сдѣлать что либо, то это не дѣлается и не будетъ сдѣлано, несмотря ни на какія принудительныя или искуственныя мѣры, не соотвѣтствующія положенію дѣлъ. Князь Васильчиковъ придаетъ для такого дѣла, какъ улучшеніе крестьянскихъ хозяйствъ, большое значеніе кредиту, но онъ не представилъ разсчета, хотя бы только приблизительнаго, каковы должны быть размѣры кредита для того, чтобы онъ могъ оказать дѣйствительную помощь. Для улучшенія хозяйства необходимо пріобрѣсть лучшія орудія, уменьшить размѣры запашекъ подъ хлѣба, чтобы часть пахатной земли обратить подъ растенія кормовыя для полученія бо̀льшей массы навоза съ того же надѣла; для той же цѣли необходимо увеличить количество скота и т. д.—Сразу урожаи на поляхъ, конечно, не увеличатся въ значительной степени, и нѣсколько лѣтъ пройдетъ до того, когда взятая нами для примѣра новгородская семья начнетъ, наконецъ, съ 2-хъ десятинъ озимаго поля получать столько же ржи, сколько получаетъ теперь съ 3. По этому нѣкоторое время такая семья, кормившаяся до того времени своимъ хлѣбомъ, должна будетъ покупать его, на что опять-таки нужны особыя средства отъ постороннихъ заработковъ, а заработковъ будетъ пожалуй меньше, потому что лучшая обработка своей земли потребуетъ бо̀льшаго труда. Все это—обстоятельства неизбѣжныя, и каждый хозяинъ твердо знаетъ ту истину, что измѣненіе хо-

зяйственнаго строя соединено всегда съ временнымъ кризисомъ, болѣе или менѣе продолжительнымъ, смотря по мѣстнымъ и другимъ условіямъ. Поэтому, при измѣненіи крестьянскаго хозяйства безъ увеличенія надѣла, каждая крестьянская семья, кромѣ затратъ хозяйственныхъ, должна имѣть еще средства для уплаты податей на нѣсколько лѣтъ. Не входя въ подробные разсчеты всѣхъ необходимыхъ для такого улучшенія средствъ, мы полагаемъ, что и этихъ общихъ указаній нашихъ будетъ достаточно для убѣжденія въ томъ, что государство никакъ не въ состояніи вынесть на себѣ всю тяжесть необходимаго для указанной цѣли кредита.

Но государство безъ всякаго отягощенія для себя можетъ вынести увеличеніе земельныхъ крестьянскихъ надѣловъ, если для этого будутъ отводиться пустопорожнія казенныя земли; тогда, при бо̀льшемъ обезпеченіи, крестьяне, конечно, въ состояніи будутъ скорѣе улучшать свои хозяйства и покинуть ту хищническую культуру, противъ которой такъ возстаетъ князь Васильчиковъ. Но увеличеніе надѣловъ кажется ему нежелательнымъ потому, что крестьяне, продолжая хозяйничать такъ же, какъ и теперь, истощатъ въ конецъ всѣ земли; но подобныя опасенія кажутся намъ совершенно неосновательными, и, по нашему мнѣнію, вопросъ о значеніи истощенія почвъ затронутъ авторомъ уже черезъ чуръ слегка и поверхностно. Положеніе, будто бы «большая часть странъ, издревле обитаемыхъ, средняя Италія и Греція, гдѣ процвѣтали древнія цивилизаціи, бо̀льшая часть Малой и Средней Азіи, гдѣ нѣкогда обитали многолюдныя племена, обратились въ безплодныя пустыни, вслѣдствіе грубыхъ системъ эксплуатаціи»—положеніе это, пущенное въ ходъ человѣкомъ великой памяти — Либихомъ, нимало не увеличиваетъ его заслугъ передъ человѣчествомъ, потому что не имѣетъ ничего общаго съ истиной. Указанныя страны—любимый конекъ всѣхъ лицъ, которыя хотятъ приписать чему-либо вредное вліяніе на народное хозяйство: одинъ ссылается на грубую эксплуатацію, не справляясь даже, въ самомъ ли дѣлѣ эксплуатація была груба и не была ли она доведена въ иныхъ мѣстахъ до высокаго совершенства (что и было въ дѣйствительности); другой указываетъ на вырубку лѣсовъ, не потрудившись даже узнать, вездѣ ли въ этихъ странахъ были лѣса, а если гдѣ и были, то когда они вырублены, не до цвѣтущаго ли состоянія страны, и т. д.—всякій указываетъ на свое, благо примѣръ выходитъ дѣйствительно грандіозный.—Но приводя его, забываютъ объяснить, почему же другія страны не погибли, хотя вездѣ первоначально эксплуатація земли была груба.

Поэтому мы совершенно согласны съ тѣми лицами, которыя дѣлали князю Васильчикову возраженіе на словахъ, что «никакъ нельзя разсчитывать норму крестьянскихъ надѣловъ на основаніи раціональной агрономіи и усовершенствованной культуры и что, напротивъ, надо руководствоваться существующимъ въ дан-

ной мѣстности и въ данный моментъ полеводствомъ, какое оно есть». «Эта доктрина, говоритъ князь Васильчиковъ:—имѣетъ одно безспорное преимущество передъ тѣмъ мнѣніемъ, какое я защищаю: она какъ нельзя лучше согласуется съ нравами и понятіями нашихъ сельскихъ жителей и будетъ безъ сомнѣнія очень популярна. Если государство должно заботиться только о настоящемъ поколѣніи, то оппоненты мои правы, въ Россіи свободныхъ земель еще достаточно для самыхъ просторныхъ поселеній: еще остается много пустошей на сѣверѣ, степей на востокѣ, которыя могутъ быть распаханы вновь и потомъ выпаханы и истощены до безплодія—и, для ускоренія этого процесса, всего лучше отводить поселенцамъ широкіе надѣлы».

Напрасно князь Васильчиковъ такъ иронически трактуетъ эту доктрину, говоря, что широкіе надѣлы слѣдуетъ отводить для скорѣйшаго выпахиванія земель до безплодія; доктрина эта имѣетъ не одно безспорное преимущество передъ его мнѣніемъ: она, какъ мы уже говорили, представляетъ самый дешевый и, при настоящемъ размѣрѣ крестьянскихъ платежей, единственный способъ улучшенія хозяйства и вообще матеріальнаго положенія крестьянъ; кромѣ того, указанная доктрина наиболѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ раціональной агрономіи, на которую ссылается князь Васильчиковъ, такъ какъ раціональная агрономія требуетъ въ иныхъ случаяхъ наиболѣе грубыхъ способовъ эксплуаціи земли.

Предварительно мы постараемся устранить нѣкоторыя возраженія или сомнѣнія князя Васильчикова на счетъ широкихъ надѣловъ. Онъ, повидимому, сомнѣвается въ томъ, что по отношенію къ истощенію почвъ государство должно заботиться только о настоящемъ поколѣніи народныхъ массъ. Но въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакого сомнѣнія; если истощеніе почвъ будетъ способствовать увеличенію благосостоянія настоящаго поколѣнія, то это будетъ лучшимъ ручательствомъ за благоденствіе будущихъ поколѣній, потому что трудно представить себѣ, какими средствами неимущее или даже голодающее поколѣніе можетъ произвести здоровое и зажиточное потомство; кромѣ того, если почва до извѣстной степени истощена, то бояться ея дальнѣйшаго истощенія рѣшительно нечего. Никакая почва вообще (кромѣ развѣ очень рѣдкихъ случаевъ) не можетъ быть выпахана до совершеннаго безплодія даже въ сотни лѣтъ, и всегда плодородіе почвы, уже выпаханной, можетъ быть скоро возстановлено. Въ каждой изъ нашихъ даже мало плодородныхъ почвъ находится въ настоящее время столько питательныхъ веществъ для растеній, что ихъ хватило бы на нѣсколько сотъ урожаевъ; но изъ этихъ веществъ бо́льшая часть находится въ такомъ состояніи, что не можетъ принимать участія въ питаніи растеній, а въ дѣятельномъ состояніи находится сравнительно очень небольшое количество веществъ, можетъ быть, только десятая или двадцатая часть всей ихъ массы. Когда почва выпахана, это

значитъ, что въ ней значительно уменьшился запасъ дѣятельныхъ веществъ, но онъ никогда не можетъ уменьшиться ниже извѣстной нормы; если такую почву продолжать воздѣлывать, то вслѣдствіе разныхъ химическихъ процессовъ ежегодно часть мертваго запаса будетъ превращаться въ дѣятельный и извлекаться изъ почвы урожаями, причемъ послѣ снятія урожая въ почвѣ ежегодно будетъ оставаться приблизительно одинаковое количество дѣятельныхъ питательныхъ веществъ. Такъ какъ для увеличенія плодородія почвы долженъ быть увеличенъ только дѣятельный запасъ, то очевидно, что послѣ воздѣлыванія растеній на истощенной уже почвѣ и безъ удобренія, напримѣръ, въ теченіи хотя пятидесяти лѣтъ, для возстановленія прежняго плодородія почвы потребуются почти одинаковыя издержки, какъ по истеченіи этихъ пятидесяти лѣтъ, такъ и теперь [1]. На этомъ основаніи переходъ отъ грубой или экстенсивной системы хозяйства къ системамъ интенсивнымъ никогда не обусловливается степенью истощенія почвы, а только экономическими разсчетами.

Мы не знаемъ ни одного писателя, который бы такъ ясно и полно разъяснилъ этотъ вопросъ, какъ Тюненъ (Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirthschaft und Nationalökonomie), лицо авторитетное какъ въ области сельскаго хозяйства, такъ и въ извѣстной области политической экономіи; поэтому мы здѣсь передадимъ вкратцѣ его разъясненія.

Онъ указываетъ, во-первыхъ, на тотъ общеизвѣстный фактъ, что каждый лѣтній рабочій, приставляемый къ извѣстной работѣ для бо̀льшаго ея совершенства, производитъ все меньше и меньше, пока, наконецъ, дальнѣйшая прибавка рабочихъ будетъ совершенно безполезна.—Онъ поясняетъ это примѣромъ уборки картофеля, котораго уродилось на 100 квадратныхъ рутахъ 100 шеффелей. Если поставить для собиранія картофеля 4-хъ человѣкъ, то они соберутъ въ день только 80 шеффелей, то-есть каждый по 20.—Но для сбора всѣхъ 100 шеффелей нужно поставить не 5 человѣкъ, а болѣе—12, такъ какъ чѣмъ чище выбирается картофель, тѣмъ труднѣе становится его выборка. Пятый рабочій прибавилъ къ 80 шеффелямъ, собраннымъ четырьмя, не 20, а только 6,6 шефф., шестой—4,4 шеффеля и т. д., такъ что двѣнадцатый производитъ увеличеніе въ сборѣ противъ оди-

---

[1] Для бо̀льшей ясности представимъ сказанное въ текстѣ математическими формулами, въ данномъ случаѣ самыми элементарными. Если означить весь мертвый запасъ питательныхъ веществъ чрезъ M, а чрезъ D—дѣятельный запасъ питательныхъ веществъ, то вся сумма этихъ веществъ будетъ равна M+D. Если означить чрезъ m количество веществъ, переходящее ежегодно изъ мертваго запаса въ дѣятельный, извлекаемое урожаями, то послѣ воздѣлыванія на такой почвѣ растеній безъ удобренія въ теченіи n лѣтъ запасъ всѣхъ веществъ выразится формулою $M-nm+D$. Если для полученія обильныхъ урожаевъ нуженъ запасъ дѣятельныхъ веществъ, равный $D+d$, то для прибавки этого d какъ въ началѣ, такъ и чрезъ n лѣтъ, потребуется одинаковое количество удобренія.

надцати рабочихъ только на 0,4 шеффеля.—До какой же степени чистоты въ подобномъ случаѣ предпишетъ выбирать картофель раціональная агрономія?—Отвѣтъ на это опредѣляется цѣною рабочаго дня и цѣною картофеля. — Если за рабочій день нужно заплатить столько же, сколько напримѣръ, за 4,4 шеффеля картофеля, то очевидно, что больше 5 рабочихъ дней употреблять на выборку картофеля съ указаннаго пространства было бы нелѣпо, потому что шестой рабочій произведетъ прибавку въ сборѣ только на 3 шеффеля, а самъ будетъ стоить 4,4 шеффеля. Слѣдовательно, въ такомъ случаѣ выгоднѣе оставить часть картофеля въ полѣ—пусть пропадаетъ, а не нанимать лишняго рабочаго.

Подобнымъ же образомъ, какъ разъясняетъ дальше Тюненъ, опредѣляется степень чистоты обмолота, степень чистоты уборки хлѣбовъ, тщательность пахаты, обиліе удобренія и т. п.; но не только при отдѣльныхъ сельскохозяйственныхъ операціяхъ, но и при выборѣ болѣе низкой или высокой системы хозяйства рѣшеніе обусловливается соотношеніемъ между цѣнностью продуктовъ и цѣнностью работы. «Да (говоритъ Тюненъ), можно сказать, что вся задача раціональнаго сельскаго хозяйства состоитъ въ томъ, чтобы въ обоихъ восходящихъ родахъ—въ увеличеніи работы и въ умноженіи продуктовъ—найти соотвѣтствующіе члены для опредѣленія пункта, когда цѣнность продуктовъ и стоимость работы будутъ находиться въ равновѣсіи—такъ какъ наибольшій чистый доходъ получается при усиленіи работы до такого пункта».

Противъ этихъ разсужденій, само собою разумѣется, нельзя сдѣлать возраженія, что они относятся только къ такому случаю, когда хозяйство ведется наемными рабочими. Они въ такой же мѣрѣ примѣнимы и къ собственному хозяйству: въ самомъ дѣлѣ, съ какой бы стати крестьянинъ терялъ лишній день для того, напримѣръ, чтобы посредствомъ тщательной уборки увеличить сборъ съ десятины ржи или овса на одинъ-два четверика, когда, при менѣе старательной работѣ, онъ въ тоже время на другой десятинѣ, еслибы она у него была, собралъ бы восемь четвериковъ. При неимѣніи своей лишней земли, ему выгоднѣе было бы наняться на чужую работу, гдѣ ему за день заплатили бы дороже стоимости собираемаго имъ на своей землѣ лишняго четверика.

Слѣдовательно, вообще въ какой-бы то ни было мѣстности не можетъ быть установлена любая система хозяйства, а только такая, которая соотвѣтствуетъ сравнительной цѣнности сельскохозяйственныхъ продуктовъ и труда. Поэтому въ однихъ странахъ, гдѣ продукты земледѣлія дороги по сравненію съ трудомъ, наиболѣе раціональное хозяйство будетъ плодосмѣнное, съ воздѣлываніемъ корнеплодныхъ, масличныхъ и т. п. растеній, съ глубокою обработкою, обильнымъ удобреніемъ и т. д. Въ другихъ странахъ, при обратныхъ условіяхъ, напротивъ, всего раціональ-

нѣе хозяйство переложное, съ распахиваніемъ значительныхъ пространствъ, съ плохою обработкою полей, небрежною уборкою и т. п.; въ такихъ мѣстностяхъ интенсивное хозяйство было бы чистѣйшимъ безразсудствомъ. Между этими двумя крайними степенями существуютъ многочисленные переходы, и какія изъ этихъ переходныхъ степеней интенсивности хозяйства будутъ самыми выгодными въ разныхъ мѣстахъ Россіи, до сихъ поръ еще окончательно не установлено; несомнѣнно, однако, что у насъ есть не мало такихъ мѣстъ, гдѣ крайняя степень экстенсивности наиболѣе раціональна.

Изъ того положенія, что, при увеличеніи труда на сельскохозяйственныя операціи безъ увеличенія количества земли, трудъ становится все менѣе и менѣе производителенъ, вытекаетъ весьма важное заключеніе, что, при наиболѣе экстенсивномъ, грубомъ хозяйствѣ, получается бо́льшая масса сельскохозяйственныхъ продуктовъ на тоже количество труда. Поэтому-то страны съ экстенсивнымъ хозяйствомъ всегда производятъ много лишняго хлѣба, а поэтому же самому желательно, чтобы у насъ какъ можно долѣе не поступала необходимость въ переходѣ къ интенсивному хозяйству, и слѣдовательно, если есть средства отдалить этотъ переходъ, то самою разумною мѣрою будетъ приведеніе такихъ мѣръ въ дѣйствіе.

Князь Васильчиковъ можетъ возразить, что въ настоящее время крестьяне для пополненія своихъ средствъ нанимаютъ помѣщичьи земли иногда за такія высокія цѣны—деньгами или работою — что, употребивши тѣже средства на свою землю, они остались бы въ значительной выгодѣ. Но дѣло въ томъ, что наемъ земли никогда не требуетъ затраты такихъ значительныхъ средствъ, какъ улучшеніе системы хозяйства, а главное — не требуютъ затратъ на такое долгое время; арендная плата возвращается въ тотъ же годъ съ урожая, а возвращеніе затратъ на измѣненіе системы хозяйства нужно ждать нѣсколько лѣтъ, да и тогда еще сомнительно, чтобы, при уменьшеніи запашекъ подъ хлѣба, увеличилось количество *продажныхъ* продуктовъ, необходимыхъ крестьянину на уплату податей. Такимъ образомъ, наемъ земли, набираніе крестьянами работы иной разъ не подъ силу обусловливается совсѣмъ не преданіемъ отцовъ, а необходимостью денегъ на подати и нашими хозяйственными условіями. Иной разъ необходимость является съ другой стороны, въ случаяхъ, подобныхъ тому, какой описанъ въ одномъ изъ очерковъ Щедрина, гдѣ мать убѣждаетъ сына оттягать въ свою пользу участокъ «Кусточки», потому что безъ него крестьянской скотинѣ шагу ступить некуда, и крестьяне волею-неволею должны во что бы то ни стало нанять его, а ужь условія она предпишетъ, конечно, какія ей понравятся. А сколько у насъ есть такихъ хозяйствъ, которые ведутся не благодаря раціональному ихъ устройству, а благодаря «кусточкамъ»! Въ этихъ случаяхъ, для установленія сколько-нибудь сноснаго положенія дѣлъ, отводъ

земли крестьянамъ, если онъ возможенъ, а въ противномъ случаы переселеніе нѣкоторой части ихъ на другія мѣста, представляютъ единственныя средства.

Слѣдовательно, и по вопросу объ улучшеніи крестьянскихъ хозяйствъ мы приходимъ совсѣмъ не къ тѣмъ выводамъ, какъ князь Васильчиковъ, и въ концѣ-концовъ можемъ сказать:

«И вотъ, послѣ этого, собравъ свѣдѣнія изъ разныхъ концовъ Россійской Имперіи, что платежи крестьянъ земледѣльцевъ превышаютъ доходность ихъ земель на 105—37—34—28 и 22 проц., мы и принялись глубокомысленно разсуждать о другихъ причинахъ упадка сельскаго хозяйства въ Россіи, когда и этой вполнѣ достаточно для разстройства крестьянскаго быта и для задержанія успѣховъ земледѣлія». «Мои слова!» можетъ замѣтить намъ князь Васильчиковъ, указавши на стр. 696 своей книги. Тамъ дѣйствительно стоятъ эти слова, и намъ непріятно было встрѣтить такой ироническій отзывъ автора о самомъ себѣ. Послѣ этого мы можемъ только выразить желаніе, чтобы, при второмъ изданіи своей книги, авторъ избралъ эти слова девизомъ къ тѣмъ главамъ, гдѣ онъ говоритъ о причинахъ упадка крестьянскихъ хозяйствъ, и проникся бы тою общеизвѣстною истиною, что большое количество земли безъ большихъ платежей за нее вовсе необременительно.

П. Костычевъ.

8 марта 1878.

НА СЛАВЯНСКОМЪ РАСПУТЬѢ.

(Мотивы и выводы).

I.

Не мало лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ привелось впервые столкнуться съ западными и южными славянами. Тогда, было это въ концѣ 60 хъ годовъ, я чувствовалъ себя совершенно свободнымъ отъ всякой предвзятой теоріи, отъ какого либо принятаго на вѣру взгляда. Правда, я очень давно привыкъ относиться отрицательно къ мистической и ложной сторонѣ славянофильскаго ученія; но о самомъ славянствѣ я не позволялъ себѣ, ни въ печати, ни въ частныхъ бесѣдахъ, высказывать что-либо рѣшительное, безповоротное, связывающее человѣка въ его сочувствіяхъ и антипатіяхъ. Одно я вывезъ тогда изъ Россіи: зарождавшееся убѣжденіе въ томъ, что масса нашего общества совершенно равнодушна къ славянскому міру и что между *свободномыслящей* русской интеллигенціей и представителями обра-

зованнаго, передоваго славянства не существуетъ еще никакой серьёзной внутренней связи. И первое мое столкновеніе съ самыми родственными австрійскими славянами, съ такъ называемыми русинами (по просту говоря, съ галиційскими «хохлами»), сразу показало мнѣ, что въ послѣднемъ пунктѣ я всего менѣе ошибался. Про то, что̀ я тогда увидалъ, что̀ самъ пережилъ, въ какія сношенія вступалъ въ теченіи двухъ зимъ съ славянскою молодежью, про все это я говорю ниже. Здѣсь же скажу только, что меня сильно оттолкнулъ тотъ воздухъ антипатичной пропаганды, которымъ дышалъ тогда славянскій мірокъ, льнувшій къ оффиціально-церковной Россіи. Да и «пропагандой»-то нельзя было этого назвать. Производилось какое-то потаённое прикармливаніе голяковъ-студентовъ, православныхъ и уніатскихъ священниковъ и падкихъ на русское жалованье филологовъ. Разсылались куда-то разныя вещи и «русскіе рубли» отъ славянскихъ комитетовъ; но ничего истинно-полезнаго дѣлу славянскаго единенія я не видалъ. Объ этомъ я, въ 1869 году, имѣлъ случай высказаться въ печати, въ одной изъ моихъ вѣнскихъ корреспонденцій; и, мнѣ кажется, я былъ одинъ изъ первыхъ русскихъ писателей, коснувшихся вопроса съ цѣлью показать, въ чьихъ рукахъ находится «сближеніе» съ братьями-славянами и какъ мало въ немъ участвуетъ лучшая доля русскаго общества. Ничего серьёзнаго, убѣжденнаго, обѣщающаго не видалъ я ни съ той, ни съ другой стороны, хотя у славянъ, среди вѣнской университетской молодежи, я все-таки замѣчалъ больше желанія ознакомиться съ русскими, изучить ихъ языкъ и литературу. Но толковой и дѣятельной поддержки не видно было отъ русскаго общества: все сводилось къ довольно смѣшному топтанью на одномъ мѣстѣ, съ преобладаніемъ наивнаго, а иногда и полуумышленнаго взаимнаго обмана.

Когда я вернулся въ Россію, въ началѣ 1871 года, я не нашелъ въ петербургскомъ обществѣ (о славянскомъ комитетѣ пока говорить не буду) никакихъ признаковъ интереса къ славянству: ни литературной или публицистической разработки вопроса, ни знаній, ни связей, ни личныхъ прямыхъ наблюденій. И посреди такого отрицательнаго настроенія массы общества копошилось кое-гдѣ нѣсколько человѣкъ, повторявшихъ старыя прибаутки московскаго славянофильства. *Фраза* о братьяхъ-славянахъ начала проникать также и въ нѣкоторыя барскія сферы, гдѣ славянолюбіе выразилось въ формѣ ни къ чему не ведущихъ пожертвованій грубо обрусительнаго оттѣнка. Въ моихъ сатирическихъ рапсодіяхъ я ввелъ эти мотивы, сгруппировавши ихъ около созданнаго мною лица пріѣзжаго авантюриста «доктора Цыбульки», который съумѣлъ весьма легко эксплуативовать пустую игру въ «братьевъ-славянъ» и найти себѣ покровителей въ тѣхъ личностяхъ, которые и въ дѣйствительной жизни захватывали въ свои руки пропаганду славянскихъ комитетовъ...

Съ тѣхъ поръ во мнѣ жило неизмѣнное и всеразгоравшееся

желаніе: еще разъ на опытѣ убѣдиться — какъ мало реальной, фактической подкладки во всѣхъ толкахъ, возгласахъ и выходкахъ московскихъ и петербургскихъ славянофиловъ. Я употребляю слово «славянофилы» по необходимости. Всѣхъ этихъ господъ слѣдовало бы назвать просто на-просто «обрусителями». Но ихъ славянолюбивыя словесныя упражненія возмущали меня всегда основной фальшью. Никто изъ нихъ не хотѣлъ сказать прямо русской публикѣ, что она не была ни малѣйшимъ образомъ подготовлена къ какому-нибудь славянскому движенію, что они сами, повторяя однѣ и тѣ же фразы, выкраденныя у старыхъ московскихъ *руссофиловъ*, ничего не сдѣлали и не дѣлаютъ для трезваго критическаго знакомства съ заграничнымъ славянскимъ міромъ. Къ сожалѣнію, самый вопросъ этотъ не стоялъ на очереди вплоть до герцеговинскаго возстанія и отзывался чѣмъ-то старымъ, придирчивымъ, какимъ-то ратованіемъ съ вѣтренными мельницами.

Но герцеговинское возстаніе и показало, въ свою очередь, какъ ничтожно было въ массѣ нашего общества чувство славянской *солидарности*. На первыхъ порахъ публика наша не высказывала даже особеннаго внѣшняго любопытства; но это была еще не главная бѣда. Когда возстаніе разрослось и турецкія экзекуціи въ Болгаріи вызвали взрывъ негодованія и сочувствія даже въ нашемъ простомъ народѣ, общество должно было убѣдиться, что у него нѣтъ никакихъ руководителей, кромѣ, такъ сказать, патентованныхъ благотворителей славянства, засѣвшихъ въ оба столичныя отдѣленія славянскаго комитета. Очень многіе развитые люди либеральнаго лагеря увидали, что событія застали ихъ въ расплохъ, что имъ нужно же какъ нибудь привести въ связь свое прежнее отношеніе къ «славянщинѣ» съ законными симпатіями къ возставшей турецкой райѣ, а потомъ и къ сербскому народу, который рискнулъ даже поставить на карту свою политическую свободу и матерьяльную безопасность, добытыя кровавыми усиліями. Имъ было это очень трудно сдѣлать потому, что они не находили достаточной поддержки въ нашей либеральной прессѣ и публицистикѣ. Тѣ писатели, которые могли бы проложить прямой, разумный и свободомыслящій путь этимъ симпатіямъ, или совсѣмъ молчали, или же высказывались неполно и рѣдко, не облегчали большинству либеральныхъ русскихъ людей перехода отъ прежняго равнодушнаго или враждебнаго отношенія къ славянству. Въ то же время, нѣкоторые газетные забавники, составившіе себѣ репутацію либераловъ и западниковъ, вдругъ круто повернули и превратились во фразистыхъ бойцовъ за славянское дѣло, цинически попирая все то, во имя чего они ратовали въ своихъ памфлетахъ и безцеремонныхъ обвиненіяхъ. И такой скандальный фактъ прошелъ нетолько безнаказанно, но послужилъ даже распространенію въ нашей публикѣ новѣйшаго шовинизма, прикрытаго кое-какъ этимъ скороспѣлымъ и безпринципнымъ славянолюбіемъ. Застрѣльщи-

ками же явились просто-на-просто ретрогады, смѣшные, а иногда возмутительные бойцы за такъ называемыя «уваровскія начала». Произошла какая-та безобразная смѣсь обглодковъ славянофильскаго ученія съ крѣпостническимъ обскурантствомъ и офицерскимъ задоромъ. Никогда еще, на моей памяти, даже въ разгаръ патріотическихъ *драгонадъ* «Московскихъ Вѣдомостей», не происходило такого понижения умственнаго и гражданскаго уровня русской прессы. Запѣвалами, вожаками оказались люди, или забывшіе свое недавнее, хоть и жидкое, но все-таки либеральное прошлое, или же такіе, отъ которыхъ передовое русское общество начала 60-хъ годовъ отвернулось бы съ явнымъ презрѣніемъ. Тѣмъ достойнѣе была роль двухъ, трехъ органовъ нашей прессы, гдѣ отнеслись къ славянскому вопросу и участію русскаго народа и общества къ сербской борьбѣ — честно, трезво, не оставляя обще-человѣческой почвы—идей свободы и гражданскаго преуспѣянія.

Все это—уже общеизвѣстные факты. Распространяться объ нихъ мнѣ нѣтъ надобности. Я не стану подробно упоминать и о печатной распрѣ, вышедшей изъ-за вопроса: слѣдуетъ ли намъ русскимъ кидаться на освобожденіе турецкихъ славянъ, помогая сербамъ, когда намъ нужно безотлагательно заняться своими «внутренними дѣлами»? Мнѣ хотѣлось бы только видѣть въ нашей публицистикѣ установленіе какого-нибудь яснаго и опредѣленнаго взгляда на то—что̀ мы для славянъ и что̀ славяне для насъ? Развѣ не правда—что не найдется двухъ образованныхъ русскихъ, которые принадлежали бы къ одному воззрѣнію, подписали бы одну и ту же программу славянолюбія? Когда герцеговинское возстаніе, а потомъ сербская война возбудили общія симпатіи, быть можетъ, въ одномъ только простомъ, черномъ народѣ загорѣлось чувство, которое могло обходиться безъ всякаго знанія нашихъ западныхъ и южныхъ «братьевъ». Но въ обществѣ, въ такъ называемыхъ образованныхъ людяхъ, почти полное незнаніе вовсе не исключало требовательности; и стоило только русскимъ волонтерамъ явиться въ Бѣлградъ и похозяйничать тамъ, какъ тотчасъ же началось огульное охужденіе сербовъ и разыгралась довольно-таки печальная эпопея всякихъ недоразумѣній, претензій, грубыхъ и даже безобразныхъ выходокъ своеволія, высокомѣрія, преступнаго вмѣшательства во внутреннюю политику страны, вплоть до поползновеній - нарушить конституцію съ помощью военнаго пронунсіаміенто. Я не хочу этимъ сказать, что бы въ участіи русскаго народа и общества не было никакой заслуги. Порывъ не ограничился одними словами и денежными приношеніями, а освященъ былъ и двумя тысячами жертвъ. Но не объ этомъ идетъ у меня рѣчь. Какіе результаты, въ смыслѣ солидарности и пониманія, принесла собою сербская война—не сербамъ (о чемъ я буду говорить ниже), а намъ самимъ, нашему обществу? Много ли у насъ явилось толковыхъ, дѣльныхъ, безпристрастныхъ статей, изслѣдованій,

книгъ о единственномъ южно-славянскомъ племени, которое добилось автономной политической жизни? Не находятся ли русскіе образованные люди, нежелающіе вдаваться въ безсодержательное или фальшивое славянолюбіе, на томъ же разбродѣ, съ тѣмъ же отсутствіемъ вѣрныхъ фактовъ и правильныхъ выводовъ?

II.

Потому-то и не лишнее заявить еще разъ печати, что славянская «идея» не получила до сихъ поръ въ русскомъ обществѣ никакого единства и цѣльности. Я думаю даже, что у насъ, въ настоящую миуту, нѣтъ и *славянофиловъ*, въ чистомъ видѣ. Въ Москвѣ, на родинѣ славянофильства, не существуетъ больше кружка, который развивалъ бы по своему это ученіе, заключавшее въ себѣ всегда несравненно больше руссофильства, чѣмъ славянолюбія. Того же, что Западная Европа называетъ «панславизмомъ», я тщетно ищу нетолько у насъ, но и въ заграничномъ славянскомъ мірѣ. Слово существуетъ, могутъ попадаться и досужіе фразёры, употребляющіе его; но спросите вы любаго господина изъ русскихъ славянолюбцевъ: что̀ онъ разумѣетъ подъ *панславизмомъ*?—врядъ ли вы услышите что-нибудь въ родѣ объединенія славянъ путемъ федеративной свободы. Скорѣе всего вы наткнетесь на московскую византійско-церковную теорію или же на грубое, безъидейное хищничество. Европа, послѣ возгласовъ о панславизмѣ и застращиванія имъ, начинаетъ разсуждать совсѣмъ иначе. Въ лицѣ своихъ публицистовъ она то тенденціозно, то совершенно спокойно разбираетъ исторію славянскихъ племенъ, ихъ теперешнее положеніе и доказываетъ, что ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ никакихъ серьёзныхъ данныхъ для осуществленія идеи панславизма, если подъ нимъ понимать сліяніе славянъ въ государственномъ, культурномъ и всякомъ другомъ смыслѣ—въ одно цѣлое.

«Разностороннее разсмотрѣніе физическихъ и нравственныхъ свойствъ славянскихъ племенъ представляетъ изъ себя самый рѣзкій критерій панславистской идеи. Панславизмъ лишенъ всякой *исторической* основы. Ея никогда у него и не было».

«Славянской массѣ не хватаетъ главнаго условія, необходимаго для образованія большаго единства—сходственнаго формированія отдѣльныхъ частей, составляющихъ эту массу. Для сужденія о панславизмѣ веeьма важно, хотя и трудно, опредѣлить хоть сколько-нибудь степени родства и односторонности отдѣльныхъ частей. Если сравнить тѣлесную и духовную физіономію славянскихъ племенъ, то нельзя, конечно, не признать, вообще, извѣстнаго сходства національнаго типа; онъ-то и составляетъ, болѣе или менѣе, ясное выраженіе сродства расы. Но исходную точку этого сродства нельзя установить; отчизна первобытныхъ

славянъ никогда не будетъ найдена. Всѣ славянскія племена предъявляли свои права на честь быть родоначальниками славянства, и всѣ съ одинаковымъ неуспѣхомъ. Члены славянской групы народовъ выработались каждый въ совершенную самостоятельность, не обращая вниманія на своихъ миѳическихъ предковъ. Никогда не происходило взаимнаго вліянія одного племени на другое, перекрещеванія обоюдныхъ отношеній и вытекающихъ оттуда взаимностей. Даже принципъ братства не признавался. Мы находимъ историческія, крѣпко вкоренившіяся антипатіи; здѣсь онѣ брасаются въ глаза, тамъ отступаютъ на задній планъ подъ владычествомъ иноземцевъ. Пропасть между поляками и русскими—постоянно все также глубока; ненависть проявляется съ обѣихъ сторонъ одинаково сильно и дѣйствительно. Племена на Эльбѣ воюютъ постоянно съ племенами на Одерѣ; они не прекращаютъ борьбы даже въ виду нѣмцевъ. Мало того—они вступаютъ въ союзъ съ общимъ національнымъ врагомъ, чтобы придать бо́льшую силу взаимной племенной враждѣ. Славяне—чехи, моравяне и словаки—воюютъ между собой до тѣхъ поръ, пока у нихъ есть на то необходимыя силы. Между югославянами—болгарами и сербами—господствуютъ кровавыя столкновенія; иллирійскія племена славянъ безпрестанно распадаются. Гдѣ только племя достигнетъ политическаго преобладанія, оно становится тираномъ другихъ. Сейчасъ же насильственно производится процессъ поглощенія. Гдѣ только установляется славянское господство—будетъ ли это надъ врагами или единоплеменниками—деспотическій образъ управленія тотчасъ же достигаетъ самой совершенной выработки. Политика подавленія и удушенія господствуетъ надъ всѣми славянскими режимами».

«Сближеніе отдѣльныхъ племенъ бывало рѣдко; *никогда* не искали славяне закрѣпленія союзовъ со своими единоплеменниками, не говоря уже о томъ, что всѣ славянскія государства, вся совокупность славянъ не бывала соединена въ *одно* государство или въ одинъ *союзъ государствъ*. Недостатокъ политической предусмотрительности, энергіи и организаціонной способности придавалъ даже и отдѣльнымъ государственнымъ созданіямъ славянъ мало продолжительности и уступчивости, такъ что они всегда должны бывали подпадать снова подъ вліяніе чужой политики, дипломатіи и военной силы. Исторія сплошь подтверждаетъ политическую неспособность славянъ».

Я привелъ эту выписку изъ первой попавшейся нѣмецкой брошюры не затѣмъ, конечно, чтобы цитировать что нибудь авторитетное. Въ ней обобщены далеко не новые факты. Ея авторъ [1] не въ состояніи освободиться отъ точки зрѣнія, явно-враждебной всему славянскому міру, но всетаки его взглядъ выраженъ

---

[1] Muhammedanismus, Panslavismus und Byzantismus, von D-r Carl Grübler. Leipzig. 1877.

опредѣленно, основанъ, худо ли, хорошо ли, на извѣстныхъ историческихъ данныхъ. И такъ разсуждаютъ десятки и сотни иностранцевъ. Пожалуй, иной славистъ станетъ оспаривать, пунктъ за пунктомъ, доводы цитированнаго мною заурядного нѣмецкаго публициста. Но дѣло не въ томъ, какъ будутъ оспаривать подобныя мнѣнія русскіе, избравшіе своею спеціальностью исторію славянскихъ народовъ, а въ томъ: какой вполнѣ выясненный взглядъ можемъ мы найти въ общеобразованныхъ русскихъ людяхъ—въ отпоръ отрицательному западному воззрѣнію на панславизмъ, его возможность и осуществимость? А въ этомъ-то и заключается, по моему, *вся суть вопроса*. Нѣмцы, мадьяры, французы, англичане не выставляли себя до сихъ поръ знатоками славянскаго міра, не заявляли никакихъ претензій на роль братскихъ освободителей славянъ, и всетаки въ массѣ ихъ общества слагались извѣстные взгляды по мѣрѣ знакомства съ фактами; и теперь всѣ они переходятъ отъ неумѣреннаго страха передъ фантомомъ панславизма къ убѣжденію въ томъ, что эта идея никогда осуществиться не можетъ. А что же выработало за это время, т. е. за послѣднія десять, пятнадцать лѣтъ, наше общество? Вѣритъ ли оно въ то, что славянскія племена чувствуютъ одно къ другому неопреодолимое влеченіе—вопреки нѣкоторымъ, слишкомъ вопіющимъ современнымъ фактамъ? Признаетъ ли оно, что и теперь уже достаточно сдѣлано для единенія политическихъ, религіозныхъ, соціальныхъ и просвѣтительныхъ интересовъ Россіи и остальныхъ славянскихъ земель? Что оно разумѣетъ собственно подъ панславизмомъ и входитъ ли даже самая идея панславизма въ общія симпатіи къ славянамъ, возникшія у насъ въ недавнее время? Способно ли оно сочувствовать «братьямъ», своимъ абсолютнымъ большинствомъ, не вслѣдствіе только сознанія извѣстнаго родства, а въ силу убѣжденія въ томъ, что всѣ сланскія народности призваны къ самостоятельной политической жизни и должны современемъ заключить между собою государственно-племенной и культурный союзъ, въ нѣдрахъ котораго каждое племя пользовалось бы полнѣйшею автономіею на широкихъ федеративныхъ началахъ? Наконецъ, сознаетъ ли наше образованное большинство тѣ роковыя противорѣчія, въ какія всего легче впасть намъ, русскимъ, до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся наши государственныя отношенія къ одной изъ славянскихъ народностей, а можно ли предположить, что они измѣнятся въ ближайшемъ будущемъ?

Этотъ рядъ вопросовъ не трудно было бы растянуть еще на нѣсколько страницъ. Но ни на одинъ изъ поставленныхъ тутъ вопросныхъ пунктовъ что то не видно было категорическихъ отвѣтовъ вплоть до того момента, когда наше правительство сочло необходимымъ вступить въ явную борьбу во имя улучшенія судьбы балканскихъ славянъ. Съ самаго начала сербской войны до манифеста 12-го апрѣля, общественное мнѣніе ни разу не высказалось на тэму панславизма—въ томъ смыслѣ, въ какомъ его

понимаютъ на западѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ, оригинально русскомъ значеніи. И ничто не препятствовало петербургскимъ продолжателямъ московско русскаго мистицизма выступать передъ публикой съ совершенно безсодержательными разглагольствованіями о великой миссіи русскаго православія, въ которомъ будто бы и заключается новое слово для возрожденія гніющей Европы. Этотъ мистицизмъ, рядившійся также въ ходячія фразы славянофильства, былъ едвали не единственнымъ сколько-нибудь формулированнымъ взглядомъ. А между тѣмъ, въ немъ-то и сказалось всего сильнѣе отсутствіе какой бы то ни было реальной почвы. Точно будто славянскія народности лишены были всякой политической, культурной и племенной окраски; точно все назначеніе каждаго славянскаго племени состояло въ томъ, чтобы воспринять таинственную обновляющую силу, какая заключается въ русской церковности. Публицисты, трезвѣе смотрящіе на дѣло, доказывали, правда, что вовсе не одни русскіе сдѣлались христіанами по обрядамъ восточной церкви и что, несмотря на единство религіозное, греки, румыны, а между славянами: сербы, хорваты, словинцы, угорскіе и галицкіе русскіе отличаются отъ насъ, великоруссовъ, и въ бытовомъ, и въ нравственномъ, и въ общественномъ отношеніи. Но такая безсодержательная теорія одна могла показать нашему обществу, какъ оно шатко въ своихъ взглядахъ на міръ единоплеменниковъ и какъ разъ въ минуту взрыва борьбы, которая легла тяжелой ношей на весь русскій народъ. И слишкомъ мало раздавалось голосовъ противъ подобнаго мистическаго суесловія, печальнѣе и вреднѣе котораго я лично не знаю ничего въ нашей публицистикѣ!..

Таковы были, въ самыхъ крупныхъ чертахъ, итоги нашего славянскаго движенія до весны 1877 года.

III.

Грянула война. Она разомъ захватила чувство каждаго русскаго человѣка. Когда войска наши перешли границу, весь нравственный интересъ сосредоточился на арміи и ея успѣхахъ. Некогда уже было разбирать за-ново: въ какой связи находится эта война съ общимъ вопросомъ о славянскомъ единеніи? Предъ глазами всѣхъ играла одна блестящая точка—освобожденіе турецкихъ райи.

Въ связи съ войной была и моя поѣздка въ Вѣну и славянскія страны. Я принялъ предложеніе одной изъ петербургскихъ редакцій почти съ исключительною цѣлью: приглядѣться еще разъ къ тому, что насъ русскихъ соединяетъ со славянскимъ міромъ; убѣдиться собственнымъ наблюденіемъ—какая подготовка уже существуетъ для между-славянскихъ отношеній; можетъ ли

война, даже и очень успѣшная для насъ, призвать къ жизни какіе нибудь элементы серьёзной солидарности?

Въ газетныхъ корреспонденціяхъ я старался давать какъ можно больше характеристикъ; но мнѣ это удавалось только въ началѣ, а потомъ я принужденъ былъ заниматься почти исключительно текущей политикой; да газетная работа и непригодна для подробностей и болѣе спокойныхъ, объективныхъ обобщеній. Въ газетѣ далеко не все удобно говорить, а часто противъ желанія выходитъ многое черезъ чуръ отрывочно и даже не съ тѣмъ освѣщеніемъ. Каждый корреспондентъ испыталъ это, какъ бы онъ ни былъ свободенъ и самостоятеленъ въ своихъ взглядахъ. Кромѣ того, многое передаешь просто, какъ новость, какъ чужое мнѣніе, какъ матеріалъ. И если это дѣлать хоть съ какою нибудь живостью, то читателю легко можетъ показаться, что корреспондентъ раздѣляетъ все то, что онъ только передаетъ, какъ простой репортеръ. И, наконецъ, были такія минуты, когда тяжелое настроеніе, вызываемое нашими военными неудачами—вліяло и на оцѣнку текущихъ событій, и даже на пересказъ личныхъ ощущеній... Но, выполняя обязанность корреспондента, слѣдящаго за австро-славянской политикой изо дня въ день, я старался направлять свою наблюдательность всего больше на то, что должно было пережить и дипломатическую суету, и военныя схватки. Разсуждалъ я такъ: если между нами и представителями славянской интеллигенціи нѣтъ до сихъ поръ ни культурной, ни соціально-политической связи, то война сама по себѣ сдѣлаетъ очень мало, каковы бы ни были ея внѣшніе результаты. Нетолько въ славянскомъ вопросѣ, но и въ вопросѣ нашего внутренняго развитія, я не желалъ никогда раздѣлять возгласы тѣхъ романтиковъ-шовинистовъ, которые натравливали наше общество на войну и кричали, что въ ней заключено ядро нашего радикальнаго обновленія.

Предъ выѣздомъ изъ Петербурга, весною, я также мало видѣлъ въ немъ (какъ и по вовращеніи въ Россію въ 1871 году) признаковъ болѣе трезваго, сознательнаго отношенія къ заграничному славянству. Въ этомъ смыслѣ дѣло стояло, по моему, еще хуже. Все славянолюбіе сгрупировалось около славянскаго комитета или по теперешнему: «Благотворительнаго Общества». Оно точно взяло на откупъ участіе Россіи въ развитіи славянской идеи; а между тѣмъ, это «Общество» стояло, да и до сихъ поръ стоитъ совершенно особнякомъ отъ той доли нашей прессы и литературы, которая соединяетъ свои симпатіи къ единоплеменникамъ съ европейскими передовыми стремленіями. Вся Россія шлетъ деньги и пожертвованія въ оба отдѣленія «Славянскаго Общества»; но она поступаетъ при этомъ такъ же халатно, такъ же безпечно, какъ и въ большинствѣ русскихъ дѣлъ. Что мы знаемъ съ вами, читатель, фактически вѣрнаго о программѣ, цѣляхъ, средствахъ и дѣятельности прежняго славянскаго «Комитета», а теперь «Общества»? Мы знаемъ, что оно тратитъ

большія деньги, сносится чуть ли не съ европейскими державами, поддерживаетъ цѣлыя военныя экспедиціи, въ родѣ сербской, посылаетъ и получаетъ адресы и воззванія, имѣетъ своихъ собственныхъ уполномоченныхъ въ славянскихъ странахъ; но все это внѣшніе факты, взятые въ ихъ грубой формѣ. А гдѣ же внутреннее содержаніе, опредѣленная, выясненная идея? Какой видъ славянолюбія одушевляетъ руководителей обоихъ отдѣленій «Общества»? Если судить только по личностямъ предсѣдателей, то одинъ изъ нихъ—московскій—хранитель традицій стараго славянскаго кружка, а другой—петербургскій—умѣренно-либеральный земецъ, ничѣмъ не связанный съ этимъ кружкомъ и, для человѣка своего сословія, симпатично относящійся къ нашей трудовой массѣ. Каковы бы ни были ихъ предсѣдатели, оба отдѣленія «Общества» должны быть проникнуты нетолько однимъ духомъ, но и единствомъ программы. А ея-то мы и не знаемъ, по очень простой причинѣ: она никогда не была ясно выражена; поэтому, свободомыслящіе русскіе, не имѣющіе ничего общаго ни съ шовинистами, ни съ мистиками-руссофилами, никогда и не приставали къ славянскому комитету. Русская же публика даетъ только деньги и весьма бы удивилась, еслибъ кто нибудь сталъ энергически допрашивать ее: какимъ путемъ и какими средствами дѣйствуетъ славянское «Общество» внѣ Россіи? Преслѣдуетъ ли оно идею панславизма? Съ какими партіями имѣетъ связи въ славянскомъ мірѣ? Что̀ сдѣлало до сихъ поръ для знакомства южныхъ и западныхъ славянъ съ русскимъ культурнымъ движеніемъ? Въ какихъ славянскихъ центрахъ живутъ и дѣйствуютъ его уполномоченные? Гдѣ устроило оно читальни, школы, толково организованную литературную или политическую пропаганду? Даже экспериментъ сербской экспедиціи не заставилъ все русское общество выйти изъ пассивной роли. Раздавались отдѣльные голоса о томъ: ка̀къ славянскій комитетъ, и въ Петербургѣ и въ Москвѣ, распоряжается стекавшимися тогда пожертвованіями, куда посылаетъ онъ деньги, *какимъ* людямъ позволяетъ распоряжаться ими, *какими* добровольцами наводняютъ Сербію. Но голоса эти смолкли. Русская публика нашла, вѣроятно, что общественное мнѣніе не имѣетъ ни права, ни повода вмѣшиваться въ дѣла частнаго «Общества».

Отправляясь корреспондентомъ, я лично убѣдился въ томъ, что петербургскій отдѣлъ славянскаго благотворительнаго «Общества» есть такое учрежденіе, къ которому совершенно безполезно обращаться, чтобы получить хоть какія нибудь свѣдѣнія о вліятельныхъ лицахъ славянства, указанія, рекомендаціи и т. п. Мнѣ пришлось даже ждать, по крайней мѣрѣ, десять дней, чтобъ получить уклончивый отвѣтъ, который я счелъ для себя хорошимъ урокомъ. И, въ противоположность такому поведенію распорядителей «Общества», я только въ людяхъ антиславянскаго направленія нашелъ полнѣйшую готовность снабдить меня и совѣтами, и указаніями, и письмами. Правда, ихъ очень мало въ

Петербургѣ; но, сколько есть, съ ними и возможенъ лишь разговоръ о славянскомъ мірѣ на здоровой, честной, непритязательной почвѣ, свободной отъ всякаго мистицизма, отъ всякихъ инстинктовъ захвата, отъ легкомысленной и безшабашной болтовни. Такіе люди очень хорошо знаютъ, какое громадное недоразумѣніе хранится подъ формулой «братья-славяне». Они не станутъ спорить съ тѣмъ, что фактическая правда замѣняется постоянно или порывами непровѣреннаго чувства, или наборомъ пустыхъ, ложныхъ, метафизическихъ возгласовъ, фразъ и общихъ мѣстъ. Они на опытѣ убѣждались въ томъ, что въ истинно плодотворномъ направленіи не было до послѣдняго времени ничего ни задумано, ни сдѣлано, что все новѣйшее славянолюбіе нашей публики не выдерживаетъ никакого сравненія даже съ тѣмъ внѣшнимъ интересомъ, который славянскія народности возбуждаютъ, давнымъ давно, въ образованныхъ націяхъ запада.

Невольно приходилось возмущаться безпорядочностью того, что̀ дѣлается у насъ на Руси, даже въ сферѣ доброхотныхъ приношеній. Безъ строгаго финансоваго контроля можно доказать, что одной двадцатой тѣхъ денежныхъ суммъ, какія въ послѣднія десять лѣтъ жертвовались въ Россіи на славянское дѣло, совершенно достаточно было бы для установленія постоянныхъ и дѣятельныхъ сношеній между передовой интеллигенціей славянства и лучшей долей русскаго общества.

Употребляйся эти деньги иначе, русское общество давно бы уже знало, что̀ оно найдетъ въ той или иной славянской странѣ, какая степень солидарности можетъ установиться между нимъ и даннымъ славянскимъ племенемъ? Стыдно сказать: никакое практическое изученіе, никакое самое простое знакомство со славянскими землями не облегчено русскому образованному человѣку ни однимъ изданіемъ, ни одной книжкой, въ которой бы сказалась забота славянскихъ комитетовъ. Еслибы не сербская война, то въ русской книжной торговлѣ не появилось бы даже тѣхъ двухъ, трехъ книгъ о южныхъ славянахъ, какія имѣются теперь. Да и то изданія эти обличены людьми знающими—не славянофилами—въ невѣжественности переводчиковъ, доходящей до того, что они не умѣютъ переписать болгарскія слова и фразы, напечатанныя въ нѣмецкомъ текстѣ по латыни,—кириллицей и перевираютъ славянскія имена авторовъ, напечатанныхъ въ текстѣ французскими буквами. И это дѣлается въ такой моментъ, когда Россія шлетъ сотни тысячь денегъ на Дунай, когда русскіе добровольцы гибнутъ цѣлыми отрядами! Только у насъ и возможны такія противорѣчія. Благородный порывъ народа идетъ рука объ руку съ полнѣйшей неподготовленностью, съ закоренѣлою и самодовольною невѣжественностью. Про то, *какъ* наши добровольцы изъ «образованныхъ» изумлялись, не находя въ Сербіи того, что̀ имъ хотѣлось найти—было уже достаточно говорено. Но передъ моимъ отъѣздомъ я встрѣчалъ не какихъ нибудь «ташкентцевъ», а порядочныхъ людей, медиковъ и офи-

церовъ со спеціальнымъ образованіемъ, которые наивно изумлялись, вернувшись, напримѣръ, изъ Черногоріи, что нашли тамъ самую первобытную культуру, что господа черногорскіе сенаторы, обѣдая, обходятся безъ ножей и вилокъ, и весьма охотно пускаютъ въ ходъ свои десять пальцевъ; что городъ Цетинье— «чортъ знаетъ, что такое»! что женщина у черногорца вродѣ вьючнаго скота, что каждый доблестный сынъ Черной Горы не можетъ обойтись безъ рѣзанія носовъ и отхватыванія головъ, причемъ преспокойно попыхиваетъ трубку и т. д., и т. д. И никто сознаться не хотѣлъ въ томъ, что все это слѣдовало разузнать заранѣе, прочесть хоть двѣ, три книжки, чтобы потомъ не упрекать себя въ неосмысленномъ увлеченіи и не ругаться по-русски, не называть благодѣяніями того, что̀ было дѣломъ собственной охоты. Этотъ урокъ прошелъ совершенно даромъ, и черезъ годъ въ Болгаріи, по сю и по ту сторону Балкановъ, повторилась та же исторія, раздались тѣ же возгласы, упреки; сотни и тысячи русскихъ людей стали изумляться тому, что̀ слѣдовало хоть сколько нибудь знать напередъ!..

IV.

Русины, прозванные австрійскимъ правительствомъ «Рутенами» (т. е. въ переводѣ *русскими*), считаютъ себя забитой, подавленной народностью, отданной въ жертву галиційскимъ полякамъ. Послѣ кровавыхъ событій крестьянскаго возмущенія, галицкій народъ не добился той автономіи, какою пользуются поляки въ послѣдній либеральный періодъ внутренней австрійской политики. Галичане страдаютъ отъ того, что у нихъ нѣтъ многочисленной, выдающейся интеллигенціи. Вездѣ и во всемъ полякамъ легко оттѣснить и заѣсть ихъ. Таковы постоянные мотивы ихъ жалобъ! Они стремятся къ такой же автономіи, какою пользуются поляки, и сознаютъ, что борьба имъ не подъ силу. Вся ихъ интеллигенція состоитъ изъ мелкихъ чиновниковъ, учителей, журналистовъ и священниковъ съ прибавкою учащейся молодежи. Учиться они охотнѣе ѣдутъ въ Вѣну, гдѣ ихъ не подавляетъ польскій элементъ и гдѣ они пріобрѣтаютъ знаніе полезнаго для нихъ нѣмецкаго языка.

Вотъ черезъ эту университетскую молодежь я и знакомился, главнымъ образомъ, съ идеями, упованіями и стремленіями австрійскихъ галичанъ. Русскому человѣку, какъ бы онъ ни смотрѣлъ на славянскій вопросъ, трудно хоть сколько нибудь не заинтересоваться отпрыскомъ славяно русскаго племени. Вы видите передъ собою дѣйствительныхъ южноруссовъ, говорящихъ, правда, на какомъ-то странномъ жаргонѣ, но жаргонъ этотъ несомнѣнно русскаго происхожденія. Народъ все бѣдный, пробивающій себѣ дорогу умственнымъ трудомъ, проникнутый жела-

ніемъ сохранить свою народность, выработать себѣ какой нибудь литературный языкъ, не дать себя нѣмцамъ и полякамъ совершенно обезличить... Такое впечатлѣніе длится не долго. Вы вскорѣ узнаете, что молодая галицкая интеллигенція раздѣляется на два враждебные лагеря: на приверженцевъ обрусѣнія и на сторонниковъ чисто-народнаго развитія языка, литературы, политическихъ и соціальныхъ задачъ. Примиренія до сихъ поръ нѣтъ между этими двумя лагерями, но они могли бы столковаться, еслибы не московско-русское вмѣшательство!

Русины московскаго лагеря или такъ называемые «святоюрцы» говорятъ, что они раньше своихъ противниковъ заявили себя самосознающею народностью, но, увлекшись родствомъ своимъ съ русскими, остановились на великорусской государственной націи. Они безъ всякаго разбора начали льнуть ко всему, что̀ составляетъ формальную сторону нашего централизма. Они готовы были принимать всякую подачку: и отъ оффиціальной Россіи, и отъ славянскихъ комитетовъ, и отъ частныхъ людей. Большинство галицкаго духовенства дѣйствовало въ томъ же направленіи. Они рады были бы, еслибъ могли и умѣли сразу говорить и писать на чистомъ великорусскомъ нарѣчіи. И вотъ для этихъ-то самыхъ близкихъ намъ славянъ, шедшихъ по доброй волѣ къ намъ въ обученіе—наши славянолюбцы ничего серьёзнаго не предпринимали. Въ Вѣнѣ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, уже существовало студенческое общество «Русская Основа», отдававшее себя вполнѣ подъ покровительство русскимъ вліятельнымъ лицамъ. Быть можетъ, «славянскій комитетъ» того времени и давалъ какія нибудь средства, но дѣло сводилось къ нѣсколькимъ десяткамъ разрозненныхъ книгъ и къ выдачѣ мелкихъ пособій, которыя только развращали студентовъ, пріучая ихъ къ подслуживанію и забѣганію передъ тѣмъ, кто могъ распоряжаться выдачей этихъ пособій. Не было ни курса русскаго языка, ни хорошей библіотеки, ни прямыхъ сношеній съ русскими литературными или научными центрами.

И какъ всѣ эти «святоюрцы» ни охотно шли въ послушаніе къ московскимъ византійцамъ, все-таки въ лучшихъ изъ нихъ слышался протестъ. Когда они ко мнѣ попривыкли и стали мнѣ довѣрять, сколько разъ у многихъ изъ нихъ вырывалась фраза:

— «Мы не хотимъ, чтобы насъ превращали совсѣмъ въ московскихъ людей!»

А нѣкоторые горько жаловались мнѣ на тѣ *униженія*, черезъ которыя должны были проходить. Ничего похожаго на идею, на твердую програму, на осмысленное сочувствіе, я не видалъ въ этомъ міркѣ, какъ уже и замѣтилъ отчасти въ началѣ статьи. Всего больше еще похоже это было на прибираніе къ рукамъ уніатовъ, да и то чисто *свѣтскими*, а не духовными средствами. А поверхъ всего чувствовалось грубое желаніе обрусить, противъ котораго внутренно возмущались лучшіе изъ студентовъ-святоюрцевъ. Понятно, что въ такихъ условіяхъ ничего не могло выйти порядочна-

го. Лучшая сторона дѣла—помощь умственному и литературному развитію русиновъ съ сохраненіемъ ихъ самобытности—никѣмъ не разрабатывалась изъ присяжныхъ славянолюбцевъ; идти же къ безусловному обрусѣнію—на это тоже не хватало ни смѣлости, ни средствъ: такое направленіе должно было закончиться настоящей пропагандой, которая повела бы непремѣнно къ столкновенію съ австрійскимъ правительствомъ. Поэтому не выходило ничего осмысленнаго, послѣдовательнаго и истинно-убѣжденнаго.

Въ то время существовало уже въ Вѣнѣ другое русинское общество «Сичь», гдѣ собиралась молодежь антимосковскаго направленія. Святоюрцы говорили объ этой «Сичи» съ нѣкоторымъ какъ бы ужасомъ, но тогда распря касалась почти исключительно вопроса о языкѣ и литературѣ, о преобладаніи народной или условной письменности. Но потомъ проявилась гораздо болѣе существенная рознь. Члены общества «Сичь» стали все сильнѣе и сильнѣе обособлять свою южно-русскую народность и проникаться недовѣріемъ къ московско-русскимъ идеямъ и поползновеніямъ. Въ Галиціи съ начала семидесятыхъ годовъ развилось движеніе среди молодежи; уже не одно народное, а народно-соціальное. Русская публика знаетъ объ этомъ по газетнымъ извѣстіямъ и отчетамъ о недавно бывшихъ процессахъ. Я не стану разбирать здѣсь вопроса: въ какой степени осуществима программа галицкихъ народниковъ-соціаловъ? На если это движеніе распространяется въ простомъ галицкомъ народѣ, охватывая собою учащуюся молодежь, то почему же наши славянолюбцы ограничиваются или игнорированіемъ его, или безплодною враждебностью? Дѣланы ли были, съ ихъ стороны, какія нибудь искреннія попытки столковаться съ молодежью этого оттѣнка, повліять на нее, сблизиться съ нею, понять, что̀ именно заключается въ ея идеяхъ и стремленіяхъ толковаго, честнаго, исполнимаго? Сколько мнѣ извѣстно—врядъ ли было что нибудь дѣлано въ подобномъ направленіи. Между тѣмъ, если въ Галиціи народное движеніе получитъ современемъ серьёзный смыслъ, то именно вслѣдствіе участія въ немъ молодежи, принадлежащей къ «Сичи». Одно изъ двухъ: или движеніе это на взглядъ нашихъ обрусителей вредно и даже преступно, тогда надо съ нимъ бороться равнымъ оружіемъ; или же его можно по своему передѣлать, и тогда—столько же причинъ дѣйствовать, а не ограничиваться одною враждебною пассивностью. И тутъ направленіе святоюрцевъ съ ихъ московскими патронами могло бы провѣрить свою состоятельность, доказать, что народъ въ Галиціи гораздо больше откликается на идеи обрусителей. Доказать это трудненько. Каковы бы ни были сторонники народно-соціальнаго лагеря, въ одномъ они стоятъ на прочной почвѣ: они желаютъ работать надъ развитіемъ народнаго языка и быта, говорить по мужицки, печатать книги, брошюры и газеты на языкѣ галицкихъ крестьянъ, производить на немъ всякаго рода пропаганду.

А ихъ противники бьются въ это время изъ-за безплодной выработки литературнаго языка, который до сихъ поръ имѣетъ видъ какого-то ублюдка, какой-то комической помѣси полонизмовъ съ семинарскими словами и оборотами, съ произвольной смѣшной этимологіей и словосочиненіемъ.

Только въ лагерѣ галицкихъ народниковъ и чувствуется жизнь. Издаются книги и брошюры, распространяются въ народѣ летучіе листки, производятся подписки, собираются пожертвованія; происходитъ, словомъ, дѣятельная пропаганда. Въ Вѣнѣ, гдѣ оба лагеря галицкой молодежи имѣютъ свои кружки, не трудно было бы достичь какихъ нибудь результатовъ, еслибъ тутъ находились на лицо представители русскаго общества, проникнутые славянской идеей, безъ всякихъ обрусительныхъ замашекъ. Но такихъ людей ни прежде не было, ни теперь нѣтъ. Много, много, если вамъ укажутъ на какого нибудь австрійскаго приказнаго—русина, имѣющаго, быть можетъ, порученіе отъ московскихъ славянолюбцевъ слѣдить за обществомъ «Сичь», т. е., по просту говоря, подглядывать и подслушивать, а потомъ отписывать... Если только это справедливо, то развѣ такими средствами можно добиться какого-нибудь единенія? Про русиновъ «хохломановъ» всякій святоюрецъ будетъ вамъ кричать, что они испортили въ Австріи положеніе всѣхъ галичанъ, навлекли на Галицкую Русь раздраженіе цислейтанскаго правительства. Но не трудно доказать, что галицкіе народники, каковы бы ни были ихъ «увлеченія» и «мечтанія», дѣйствовали и дѣйствуютъ послѣдовательнѣее и честнѣе галичанъ, льнущихъ къ Москвѣ, и даже въ государственномъ смыслѣ менѣе «преступны», чѣмъ святоюрцы. Разсудите сами:

Главнѣйшею цѣлью галицкихъ народниковъ должна быть полная автономія крестьянской массы, а, вслѣдъ за нею, всего галицкаго населенія путемъ освобожденія изъ подъ польской гегемоніи—и въ народномъ, и въ политическомъ, и въ экономическомъ смыслѣ, на основахъ федеративныхъ. Вѣроятно, абсолютное большинство гилицкихъ народниковъ довольствуется такой именно программой. Что̀-же она заключаетъ въ себѣ немыслимаго для австрійской монархіи? Всѣ народности Австріи въ обѣихъ половинахъ имперіи, не имѣющія полной автономіи, стремятся рѣшительно къ тому же самому. Русины въ Галиціи—все равно, что̀ словаки въ Венгріи. Отчего имъ не хлопотать о своей эмансипаціи, когда даже въ предѣлахъ Транслейтаніи, такое же славянское племя—хорваты—пользуются значительною автономіею; когда въ той же самой Галиціи, шляхетное и городское меньшинство поляковъ хозяйничаетъ вполнѣ и съ каждымъ годомъ добивается все бо̀льшаго преобладанія и бо̀льшей обособленности отъ цислейтанскаго правительства? Федераціи съ однимъ монархомъ во главѣ хотятъ, въ сущности, всѣ народности Австріи, и еслибъ даже Галиція образовала со временемъ русинскую, а не польскую федеративную область, въ такой идеѣ нѣтъ

еще ничего разрушительнаго, отзывающагося государственной измѣной. И пропаганда галицкихъ народниковъ обусловлена положеніемъ крестьянской массы, которой отъ пановъ не ждать никакого добра. Да и тутъ австрійское правительство было, тридцать лѣтъ тому назадъ, зачинщикомъ и подстрекателемъ, вызвавъ такія кровавыя репрессаліи крестьянъ надъ помѣщиками, къ какимъ врядъ ли готовится галицкая анти-московская молодежь.

Теперь посмотримъ, о чемъ мечтаютъ святоюрцы, въ чемъ состоитъ ихъ тайный заговоръ? Они готовы были бы, еслибъ могли, отторгнуться отъ Австріи и политически слиться съ русскимъ государствомъ. Прямо они, конечно, этого не говорятъ, особливо въ печати; но безъ этой конечной цѣли все ихъ «движеніе» безсмысленно. Они ненавидятъ поляковъ гораздо больше, чѣмъ народники, примѣшивая къ этому вѣроисповѣдный вопросъ, заигрываютъ съ православіемъ, какъ съ русско-государственнымъ элементомъ. Каждый изъ нихъ готовъ сдѣлаться русскимъ подданнымъ, разумѣется, за хорошее жалованье, чинокъ и крестикъ. Спрашивается: развѣ это не болѣе опасно съ государственно-австрійской точки зрѣнія? Только русины этой партіи держатъ себя приниженно, хитро, слабодушно, а то такъ и безъ всякаго достоинства, и, состоя на австрійскомъ жалованьи, занимаются своей, въ сущности, весьма пустой и ничтожной, хотя и престарѣлой пропагандой. Они и ихъ московскіе патроны должны поневолѣ играль роль сторонниковъ австрійскаго правительства, какъ тольло въ Галиціи начнется какой-нибудь процессъ, въ которомъ попадутся русины противной партіи. Роль эта весьма неблаговидна. Будь на мѣстѣ австрійскаго какое угодно правительство, оно точно также бы считало опаснѣе имѣть для себя такихъ подданныхъ, которые мечтаютъ объ отторженіи цѣлой области и присоединеніи ея къ большому и единоплеменному государству. Но до тѣхъ поръ, пока русины московскаго оттѣнка будутъ держать себя также приниженно и осторожно, австрійскія власти ограничутся подозрительностью, а дѣятельно преслѣдовать будутъ одну молодёжь народной партіи. Въ этихъ преслѣдованіяхъ правительство находитъ самую энергическую поддержку со стороны поляковъ, которымъ обѣ партіи одинаково ненавистны, такъ какъ и та, и другая стоятъ за высвобожденіе изъ подъ ихъ первенства галицко-русскаго народа. Опаснѣе же они должны считать анти-московскихъ русиновъ, потому что тѣ выступаютъ врагами экономическаго захвата и эксплуатаціи пановъ. По поводу арестовъ молодыхъ русиновъ, а потомъ и политическихъ процессовъ, вѣнская и мадьярская журналистика прокричали на всю Европу о подпольной работѣ русскаго панславизма. Для австрійской журналистики панславизмъ — слово очень растяжимое. Ей некогда разузнать хорошенько: находятся ли русинскіе народники въ какой-нибудь связи съ панславизмомъ, *какъ* они его разумѣютъ? Но нѐчего особенно надъ

этимъ смѣяться: и наша публика валитъ все въ одну кучу и врядъ ли даетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что происходитъ въ интеллигенціи самаго близкаго къ намъ славянскаго племени? Нельзя сказать, чтобы въ нашей публицистикѣ ничего не появлялось въ послѣднее время о Галиціи и галицкихъ русскихъ. Были даже весьма замѣчательныя статьи на эту именно тэму, гдѣ разбирались отношенія русиновъ къ полякамъ. Но общество наше отличается крайнею забывчивостью. Отдѣльный изслѣдователь броситъ свѣтъ на извѣстный вопросъ; но онъ не въ состояніи вызвать иниціативу въ обществѣ, когда оно равнодушно. Поэтому-то я и нахожу столько фальши въ возгласахъ о славянской «идеѣ». Ужь если въ дѣлѣ русинскаго движенія не видно никакихъ крупныхъ результатовъ, то чего ждать для остального славянскаго міра? А русинская молодёжь, учащаяся въ Вѣнѣ, продолжаетъ между собою ту же вражду. Приверженцы «московскихъ идей», образующіе общество «Основа», по прежнему должны страдать двойственностью своего положенія и отсутствіемъ средствъ даже въ выработкѣ себѣ порядочнаго литературнаго языка. Прежде, т. е. лѣтъ девять тому назадъ, еще было коекакое «радѣніе» обрусительнаго характера; но теперь при русской церкви давненько уже все притихло и съёжилось. Мнѣ лично, въ теченіи цѣлаго лѣта, не удалось напасть ни на одного русскаго, который находился бы въ постоянныхъ сношеніяхъ съ галицкой интеллигенціей—отъ имени ли славянскаго комитета, или по собственному почину. И выходитъ какая-то игра во взаимную мистификацію: и русская публика, и австрійская журналистика воображаютъ, что великорусскіе славянолюбцы организовали цѣлый заговоръ или, по крайней мѣрѣ, оцѣпили всю Галицію своими агентами. Какъ только какой-нибудь русскій туристъ—будь онъ директоръ департамента, или профессоръ московскаго университета—попадетъ въ Галичъ, Львовъ или въ любую русинскую деревушку, его сейчасъ же арестуютъ подъ тѣмъ предлогомъ, что у него не визированъ паспортъ, и держатъ въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока ему не удастся засвидѣтельствовать свою личность. Въ этихъ арестахъ сказывается гораздо болѣе непріязненность поляковъ, чѣмъ подозрительная боязнь австрійскаго правительства. Производить хотя бы только пропаганду великорусскаго языка въ самой Галиціи — въ теперешнее время было бы очень и очень неудобно; но въ теченіи болѣе пятнадцати лѣтъ и въ Львовѣ, и въ Вѣнѣ можно было бы воспитать въ средѣ галицкой интеллигенціи здоровую, честную и просвѣтительную солидарность съ передовой долею нашего общества.

Вотъ первый итогъ московско-русскаго славянолюбія. Онъ представляетъ собою отрицательную величину. Мы увидимъ, что и въ другихъ славянскихъ центрахъ повторится почти то же самое съ прибавкой новыхъ недоразумѣній, противорѣчій и пререканій.

VI.

Въ русской публицистикѣ послѣднихъ двухъ лѣтъ есть выдающаяся замѣтка о Вѣнѣ, какъ центрѣ славянской пропаганды въ предѣлахъ Австріи. Она помѣщена въ третьемъ письмѣ книжки князя В. Мещерскаго, весьма смѣло озаглавленной: «Правда о Сербіи». Выдается она ложнымъ и пустымъ резюмированіемъ многолѣтней дѣятельности тамошняго посольскаго священника о. Раевскаго, на котораго князь Мещерскій взглянулъ до комизма наивнымъ и сентиментальнымъ взглядомъ. Читатель проститъ мнѣ довольно большую выписку, гдѣ говорится и о славянскомъ радѣніи отца Раевскаго, и объ антиславянскомъ духѣ русскаго посольства въ Вѣнѣ:

«Много протекло времени съ тѣхъ поръ, какъ онъ (т. е. посольскій священникъ) поступилъ на это мѣсто молодымъ, бодрымъ, энергичнымъ, полнымъ прекрасныхъ стремленій, духовныхъ задачъ, полезныхъ для русскаго дѣла цѣлей — и что же? Годы шли за годами и привели къ нынѣшнему премени...

«А нынѣшнее время, что это такое?

«Утѣшительный итогъ, подведенный подъ полезную дѣятельность, что ли?

«Вѣнецъ долго и систематично веденнаго дѣла?

«Право отдыхать на лаврахъ, что ли?

«Нѣтъ, это такое время, когда съ болью и съ жгучею болью на сердцѣ оставшимся русскимъ (?!) приходится сознаться, что пока годы шли впередъ, пока русскія газеты трубили о прогрессѣ, русское дѣло во всѣхъ фазисахъ Восточнаго вопроса шло назадъ и назадъ и, наконецъ—пришло къ нынѣшнему положенію, когда не знаешь какому Богу молиться...

«Жаль мнѣ было глядѣть на этого еще не состарѣвшагося старика. Всякій человѣкъ, работавшій извѣстный періодъ своей жизни, имѣетъ право просить у Бога чувства спокойной совѣсти. При мысли, что вѣдь я столько-то работалъ, то-то сдѣлалъ и вотъ плоды моей работы такіе-то, а онъ (это должно по мнѣнію автора относиться не къ Богу, а къ отцу Раевскому) бѣдняга не имѣетъ этого чувства — и не можетъ его имѣть, ибо выходитъ, что онъ, русскій священникъ, въ теченіе 20-ти лѣтъ (слѣдовало бы сказать сорока лѣтъ) своего служенія въ центрѣ славянскихъ идей, интересовъ, схватокъ съ врагами славянства — ничего не могъ сдѣлать.

«А почему не могъ сдѣлать?

«Почему—разсказывать долго, да и трудно; довольно если скажешь: потому не могъ сдѣлать, что за нимъ былъ всегда, и есть теперь, строжайшій полицейскій надзоръ со стороны австрійскаго правительства—за что? Понятно каждому русскому, — за то, что онъ горячо любитъ Россію, горячо вѣруетъ въ ея будущность,

горячо преданъ славянскимъ братьямъ, помогаетъ кому можетъ изъ нихъ, направляетъ ихъ совѣсть, даетъ совѣты, призрѣваетъ бѣдныхъ, словомъ ведетъ себя такъ, какъ по долгу своего служенія и совѣсти долженъ вести себя русскій священникъ въ Вѣнѣ.

«Однажды въ воздухѣ вѣетъ такъ: стойте за славянскіе интересы, ищите популярности между славянами, дѣлайте (?!) русскую пропаганду.

«Годъ спустя вѣтеръ шепчетъ: воздерживайтесь отъ всякихъ сношеній со славянами и ограничивайтесь только наблюденіемъ.

«Еще годъ спустя вѣтеръ говоритъ: не наблюдайте, а служите только въ церкви.

«Года два спустя, лозунгъ такой — славянство, славянство, и славянство!

«Годъ спустя: Боже насъ сохрани вмѣшиваться въ славянскія дѣла...

«При такомъ перемѣнчивомъ климатѣ, весьма напоминающемъ барометрическія явленія и колебанія въ Петербургѣ — полагаю живется не легко. Отъ того бывали и бываютъ времена, когда помочь какому нибудь славянину также бываетъ опасно, какъ совершить какое либо преступленіе.

«Даже возмущаться тѣмъ, какъ не деликатно иногда поступаетъ австрійское правительство съ славянами и русскими—бываетъ не совсѣмъ безопасно, а изливать свои впечатлѣнія въ письмахъ все равно, что трубить съ крыши, во всеуслышаніе цѣлой Вѣны: такъ много есть лицъ, имѣющихъ уши, чтобы слышать, такъ много есть людей, имѣющихъ глаза, чтобы видѣть.»

О теперешнемъ же вѣнскомъ посольствѣ *лѣтописецъ сердца* говоритъ дальше:

«Бѣдный русскій человѣкъ, пріѣзжая въ Вѣну, ожидаетъ—вотъ сейчасъ *повѣетъ* на него благодатнымъ *вѣяніемъ* русской національной политики.

«Предоставляю вамъ судить како (во) его изумленіе, когда вѣтры доносятъ до него слѣдующіе звуки: русскіе съ ума сошли,— всѣхъ надо въ сумасшедшій домъ... На газеты надо надѣть желѣзныя рубахи, Черняева надо повѣсить, славянскій комитетъ закрыть, всякаго русскаго, кто противъ Турціи, надо сослать въ Сибирь; добровольцевъ надо вернуть по этапу, славянъ надо отдать туркамъ на исправленіе; восточный вопросъ, это — бредъ. Никакого славянскаго вопроса нѣтъ; все это выдумали газеты,— надо вѣрить одному только графу Андраши и проч. и проч.

«Такъ какъ эти звуки гуляютъ очень свободно, и ихъ слышатъ всѣ русскіе, и раздаются они, т. е. эти звуки—на русскомъ языкѣ, то всѣ эти звуки далеко не государственный секретъ и я могу занесть ихъ въ свою книжку впечатлѣній.

«Какъ видитъ читатель, положеніе наше въ Вѣнѣ продолжаетъ быть cette glace fragile, sur laquelle on glisse...

«Не правда ли странно, читатель?

«И если принять въ соображеніе, что точь въ точь то же самое говоритъ графъ Андраши на счетъ Россіи, русскихъ и русскихъ газетъ, то невольно, съ свойственною русскому человѣку добродушною наивностью, приходишь къ разнымъ вопросамъ, не получающимъ разрѣшенія...

«Не нашему брату, простому смертному, рѣшать столь мудрые вопросы; намъ остается лишь замѣтить и констатировать мимоходомъ, что если двадцать одинъ годъ назадъ, политика наша была Нессельродевская и Меттерниховская, то есть, австро-русская, то двадцать одинъ годъ спустя, въ Вѣнѣ, она далеко не та, чѣмъ она есть въ Петербургѣ.»

Не моя вина, что я принужденъ цитировать прозу князя Мещерскаго. Въ текущей публицистикѣ не попадалось мнѣ ничего такого, чѣмъ бы я могъ лучше воспользоваться, какъ исходною точкой для собственныхъ обобщеній. Все, что̀ тутъ говорится по поводу дѣятельности вѣнскаго посольскаго священника и самого посольства, можетъ служить однимъ изъ образцовъ той пустой болтовни, которая характеризуетъ московскихъ и петербургскихъ славянолюбцевъ.

Князь Мещерскій, въ этомъ смыслѣ—совсѣмъ не исключеніе. Пріѣхать въ Вѣну, сходить въ посольскую церковь, потолковать съ отцомъ Раевскимъ, принять все за чистую монету, безъ малѣйшей провѣрки, настрочить задорно-чувствительныхъ фразъ — на это способенъ всякій русскій корреспондентъ изъ лагеря нашихъ шовинистовъ. А трезвыя, фактическія оцѣнки заставляютъ себя ждать по цѣлымъ десятилѣтіямъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, въ послѣднія десять лѣтъ не попадалось ни одной статьи, въ которой бы правдиво и точно изображенъ былъ вѣнскій мірокъ славяно-русской пропаганды.

Гостинная посольскаго священника въ Вѣнѣ сдѣлалась, дѣйствительно, въ шестидесятыхъ годахъ (а можетъ быть, и раньше) тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сходились въ Вѣнѣ русскіе и славяне. Самъ по себѣ этотъ фактъ уже показываетъ, ка̀къ мало наша интеллигенція пользовалась такимъ славянскимъ центромъ, какъ Вѣна. Будь это иначе, священникъ посольской церкви, конечно, никогда не могъ бы играть выдающейся роли. Сдѣлалось это на безлюдьи. И пріѣзжіе въ Вѣну русскіе не могли или не хотѣли приложить свой починъ къ дѣлу сближенія съ славянами, да и посольскій персоналъ ограничивался всегда чиновничьимъ исполненіемъ своихъ обязанностей. За то священникъ посольства могъ дѣйствовать на свой страхъ и придавать славянскому дѣлу въ Вѣнѣ тотъ или иной характеръ. Жалобы, надъ которыми такъ расчувствовался авторъ «Правды о Сербіи», по моему — одинъ отводъ и маскировка. Я очень хорошо помню, что въ концѣ шестидесятыхъ годовъ посольство нисколько не мѣшало г. Раевскому приручать къ себѣ братьевъ-славянъ и хлопотать въ интересахъ славянскаго дѣла. И со стороны австрійскаго правительства что-то незамѣтно было особыхъ преслѣдованій и приди-

рокъ. А между тѣмъ, истинно-полезной дѣятельности не замѣчалось, о чемъ я уже достаточно говорилъ выше.

Объ австрійскихъ преслѣдованіяхъ, право, совѣстно было бы и говорить. Надо быть и въ этомъ дѣлѣ хоть сколько нибудь справедливымъ. Еслибы въ центрѣ русской имперіи студенты инородческаго происхожденія занимались настолько антинаціональнымъ и антигосударственнымъ движеніемъ, какъ это было въ Вѣнѣ съ шестидесятыхъ годовъ, то, конечно, съ ними обходились бы нѣсколько иначе... Мало того, что правительство допустило образованіе въ средѣ славянской молодежи нѣсколькихъ обществъ, въ томъ числѣ двухъ русскихъ, оно разрѣшило даже всеславянскія студенческія сходки или «коммерши». Одна изъ такихъ сходокъ, бывшая въ 1869 году, особенно свѣжо сохранилась въ моей памяти. По приглашенію членовъ русской «Основы», я тоже принималъ въ ней участіе, и полицейскій комиссаръ, присутствовавшій на сходкѣ, не воспротивился произнесенію рѣчи русскимъ писателемъ. И надо было послушать, что̀ говорилось тогда различными славянами: русинами, хорватами, сербами, чехами! О такой свободѣ слова всѣмъ этимъ братьямъ-славянамъ нѐчего было бы и мечтать въ другомъ государствѣ. Наконецъ, я изъ личнаго опыта могу привести еще одинъ фактъ: въ теченіи двухъ зимъ я находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ разными славянами, преимущественно съ русинами, и въ обществѣ «Русская Основа» прочелъ цѣлый курсъ исторіи новой русской литературы. И никогда меня никто не безпокоилъ; изъ чего вытекаетъ или довольно добродушная безпечность австрійской полиціи, или же отсутствіе придирчивости. Разъ только со мной желалъ познакомиться комиссаръ той части города, гдѣ я жилъ; но и его вопросы оказались весьма непритязательными. Желалъ бы я также знать, какой корреспондентъ за послѣднія десять лѣтъ былъ высланъ изъ Вѣны? А кажется, никто изъ нихъ не церемонился (да и теперь не церемонится) въ своихъ отзывахъ объ австрійскомъ правительствѣ и въ выраженіяхъ своихъ славянскихъ симпатій, которыя, съ австрійской точки зрѣнія, имѣютъ прямой противогосударственный характеръ? Австрійскіе нѣмцы доказываютъ даже, что вѣнская полиція въ шестидесятыхъ годахъ была неизмѣримо строже съ нѣмецкими студентами, чѣмъ съ славянами. Извѣстный писатель фельётонистъ Карлъ-Эмиль Францо̀зъ напечаталъ въ «Neue Freie Presse», въ октябрѣ 1877 года, нѣсколько фельётоновъ, посвященныхъ воспоминаніямъ объ одной выдающейся фигурѣ изъ славянскихъ студенческихъ кружковъ его времени—какъ разъ той эпохи, когда я пріѣхалъ въ первый разъ въ Вѣну. Личность эту онъ назвалъ «Martin der Rubel» и въ текстѣ приводитъ его вымышленное или настоящее имя. Это былъ вожакъ святогорской партіи, русинъ, принявшій русское подданство, который, по увѣреніямъ автора, дѣйствовалъ не однимъ краснорѣчіемъ, но и русскими рублями, и находился въ непримиримой враждѣ съ другимъ вожакомъ федеративно-соціаль-

ной партіи, уже настоящимъ великорусскимъ «нигилистомъ», къ которому авторъ съ разными оговорками относится весьма симпатично, какъ къ энтузіасту и безсребреннику. Вражда двухъ вожаковъ повела ихъ къ дуэли; но святоюрецъ донесъ на федералиста и авторъ увѣряетъ, что только по этому поводу полиція узнала кое-что о той пропагандѣ, какая производилась въ то время между славянскимъ студенчествомъ. Точно также извѣстно мнѣ, что, за послѣднія десять лѣтъ, полиція никого изъ русскихъ не преслѣдовала и не высылала изъ Праги. Съ 1870 года, цѣлыхъ семь лѣтъ жилъ тамъ, между прочимъ, русскій, писавшій постоянно корреспонденціи въ петербургскія газеты, и въ нихъ онъ весьма свободно говорившій нетолько о чешскихъ партіяхъ и порядкахъ, но и о дѣйствіяхъ богемскаго штатгальтера, барона Келлера. Этимъ же русскимъ было сдѣлано многое для знакомства съ нашимъ языкомъ и литературой: онъ издалъ христоматію для чеховъ съ отрывками изъ лучшихъ произведеній русской поэзіи и прозы и въ разное время давалъ уроки русскаго языка чехамъ и даже нѣмцамъ всякаго званія: студентамъ, профессорамъ, женщинамъ, купцамъ, офицерамъ. Онъ мнѣ самъ лично передавалъ, что его разъ въ семь лѣтъ пригласилъ полицейскій комиссаръ и также наивно, какъ меня въ Вѣнѣ, спрашивалъ: чѣмъ онъ занимается въ Прагѣ и не имѣетъ ли намѣренія производить политическую пропаганду? И въ то же время въ Прагѣ перебывали десятки посланцевъ славянскаго комитета и подолгу жили разные молодые слависты съ командировками отъ университетовъ, почти исключительно принадлежа къ направленію московскихъ обрусителей. Никто не мѣшалъ всѣмъ этимъ господамъ производить свою византійскую пропаганду и, если они этого не дѣлали, то, вѣроятно, вслѣдствіе обще-русской замашки браниться и болтать, а не брать на себя черновую работу. Мнѣ сообщали даже люди вполнѣ свѣдущіе, что наши слависты ограничиваются обыкновенно двумя-тремя археологами и словесниками, ни куда не ходятъ и не стараются вовсе сближаться съ живыми элементами мѣстной ивтеллигенціи. Сказать мимоходомъ, меня это нисколько не удивляетъ: всегда и вездѣ русскіе студенты, магистранты и докторанты, на двѣ трети своего состава, ведутъ себя точно также, куда бы ихъ ни послали: въ Берлинъ или Гейдельбергъ, въ Вѣну или Парижъ.

Единственный случай, надѣлавшій шуму на всю Европу, была высылка изъ Праги генерала Черняева. Объ этомъ «скандалѣ» я могу судить по отзыву очевидцевъ, и русскихъ, и чеховъ. Цислейтанское правительство, конечно, лучше бы поступило, еслибъ не придало уличнымъ оваціямъ такого серьёзнаго характера. Оваціи эти были организованы, какъ меня увѣряли, издателемъ главнаго старочешскаго органа; другіе вожаки этой партіи были уже потомъ какъ бы вынуждены принять участіе въ демонстраціи. Но никто изъ чеховъ, сколько нибудь искреннихъ, не скрывалъ того, что пріемъ Черняеву былъ «удѣланъ» (слѣдуя чеш-

ской фразеологіи), съ исключительною цѣлью взбѣсить правительство. И тѣ же свидѣтели сообщали мнѣ, что всей исторіи преданъ былъ слишкомъ театральный характеръ. Словомъ, генералъ Черняевъ явился тутъ однимъ лишь поводомъ, а на сценѣ разыгрался новый эпизодъ безконечной распри между чехами и нѣмцами. И развѣ не элементарная справедливость заставляетъ признать, что всякое правительство въ Европѣ (за исключеніемъ, быть можетъ, англійскаго) постаралось бы также съ бо̀льшимъ или меньшимъ тактомъ, удалить изъ центра населенія, враждебно настроеннаго къ себѣ — поводъ непріятной агитаціи?

Былъ еще случай, но уже не съ русскимъ, а только съ корреспондентомъ московскихъ газетъ—чехомъ, издателемъ журнала, печатавшагося въ Прагѣ на русскомъ языкѣ. Этого чеха я когда-то довольно хорошо зналъ, сколько помнится, занимался съ нимъ даже немного русскимъ языкомъ въ Вѣнѣ, въ зиму 1868—1869 года. Такъ какъ онъ теперь умеръ, то и нѣтъ надобности прикрывать его анонимомъ. Назывался онъ докторъ Гюнтеръ. Къ этому имени онъ еще прибавлялъ сфабрикованное имъ самимъ прозвище Прелучевъ. Познакомился я съ нимъ въ студенческомъ чешскомъ «Спольк̀ѣ». Тогда этотъ славянинъ находился въ остромъ періодѣ руссофильства и страстно желалъ выучиться поскорѣй по-русски. Потомъ онъ отправился въ Россію, работалъ въ какихъ-то редакціяхъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ и даже слушалъ въ военной академіи лекціи профессора Драгомирова, съ цѣлью, какъ онъ мнѣ сообщалъ, преуспѣть въ теоріи «уличной» войны, что̀ онъ врядъ ли нашелъ въ лекціяхъ генерала Драгомирова. Изъ Россіи ему удалось, кажется, вывести кое-какія деньжонки и на нихъ основать въ Прагѣ ежемѣсячный журналецъ «Славянскій Свѣтъ» на русскомъ языкѣ. Говоря откровенно, этотъ руссолюбивый агитаторъ былъ, по моему, безъ царя въ головѣ, шумно, безтолково повторявшій общія мѣста нашего и западнаго славянофильства, болѣзненно нервный, болтливый и смѣшной, хотя и способный на такъ называемую «лихорадочную дѣятельность», умѣвшій въ то же время обдѣлывать свои дѣлишки и наивный до послѣдняго предѣла. Передъ смертью онъ кончилъ сумасшествіемъ, и врядъ ли бы психіатръ, знававшій его, удивился такому исходу. Вотъ этотъ-то докторъ Гюнтеръ-Прелучевъ, уже въ званіи редактора «Славянскаго Свѣта», во время уличныхъ сценъ, бывшихъ въ 1872 году (по поводу выборовъ въ богемскій ландтагъ), послалъ телеграмму гг. Каткову и Гилярову-Платонову, въ которой выдумалъ стрѣляніе солдатами въ народъ и взывалъ отъ имени «побіенныхъ братьевъ» о присылкѣ «казаковъ»-освободителей. Телеграмма была задержана, Гюнтеръ и сотрудникъ его, сербъ Дьордьевичъ, арестованы. Подробности процесса извѣстны читателямъ нашихъ газетъ. Но мнѣ лично сообщали люди, которымъ я привыкъ вѣрить, что Гюнтеръ, сидя въ тюрьмѣ, уговорилъ своего сотрудника взять на себя вину. Гюнтеръ былъ освобожденъ по недостатку уликъ, а Дьордьевичъ

приговоренъ къ шестилѣтней тюрьмѣ, съ изгнаніемъ потомъ изъ предѣловъ Австріи—наказаніе, которое, по амнистіи, сокращено было до четырехъ съ небольшимъ лѣтъ. Прибавлю (какъ пикантную иллюстрацію къ біографіи чешскаго руссофила), что онъ передъ своимъ сумасшествіемъ работалъ по славянскому отдѣлу въ нѣсколькихъ руссофобскихъ газетахъ Вѣны и даже доставлялъ переводы съ русскаго въ военное министерство.

Теперь, можетъ ли кто нибудь изъ насъ, русскихъ, кричать, даже по поводу такого дѣла, о возмутительномъ насиліи австрійскаго правительства? Представьте себѣ, что какой нибудь редакторъ — русскій подданный — издающій въ Петербургѣ (или еще лучше, въ Варшавѣ) журналъ на иностранномъ языкѣ, послалъ бы такую телеграмму политическимъ дѣятелямъ въ Австрію или въ Пруссію, какъ вы думаете: погладили-ли бы его по головкѣ?... Конечно, въ Англіи никогда бы не было политическаго процесса изъ-за такой водевильной телеграммы; но надо сравнивать двѣ подходящія дѣйствительности, чего наши славянолюбцы обыкновенно не дѣлаютъ.

Вотъ извѣстные мнѣ факты. Имъ рѣзко противорѣчатъ только аресты и высылки за границу — въ Галиціи, потому, главнымъ образомъ, что тамошняя администрація состоитъ изъ поляковъ.

VII.

Перейдемъ теперь къ посольству, при чемъ я опять возьму исходной точкой характеристики автора «Правды о Сербіи». Еслибы, вмѣсто князя Мещерскаго, говорилъ публицистъ политически развитый, имѣющій здоровое національное чувство, онъ могъ бы сказать то же самое только съ другой подкладкой и былъ бы по своему правъ. И въ 1876 году, во время сербской войны, и годъ спустя, въ время войны русско-турецкой, въ русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ царилъ духъ строгаго нейтралитета или, лучше сказать, соглашенія съ политикой Андраши, и братья славяне до сихъ поръ имѣютъ поводъ считать русскаго посла болѣе чѣмъ равнодушнымъ къ ихъ интересамъ. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ говорить не о «посольствѣ», а просто о личности и образѣ дѣйствія посла. Въ моихъ корреспонденціяхъ я старался ознакомить нашу публику съ умственной физіономіей г. Новикова и думаю, что отнесся къ нему нѣсколько безпристрастнѣе моихъ собратовъ по газетному дѣлу, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, у кого русскій шовинизмъ слишкомъ ужь не продуманъ. По научнымъ антецеденціямъ русскаго посла въ Вѣнѣ, избравшаго когда-то Гусса предметомъ своей диссертаціи, можно было бы, конечно, ожидать, что въ немъ живутъ гораздо бо̀льшія симпатіи къ славянскимъ народностямъ. Но г. Новиковъ промѣнялъ ученую карьеру на чиновничью, и къ тому времени, когда онъ достигъ

виднаго положенія въ дипломатіи, въ немъ, по всей вѣроятности, сложились такіе охранительные и осторожные принципы, что ему въ славянскомъ «движеніи» можетъ мерещиться нѣчто *красное*, революціонное, разрушительное. Даже *дѣльцы* славянской агитаціи (и съ такими мнѣ пришлось сталкиваться въ Вѣнѣ, въ послѣднюю поѣздку) — изъ тѣхъ, которые съумѣли сдѣлаться «своими людьми» въ посольствѣ—считаютъ г. Новикова слишкомъ ужь консервативнымъ, хотя бы и съ московско-государственной точки зрѣнія. Отъ нашего дипломатическаго представителя начальство и русское общественное мнѣніе, сочувствующее славянству, требуютъ двухъ, совершенно противоположныхъ вещей. Какъ посолъ, г. Новиковъ долженъ хлопотать о наилучшихъ отношеніяхъ съ австрійскимъ дворомъ и министерствомъ; какъ человѣкъ, признающій значеніе народныхъ и общественныхъ симпатій, г. Новиковъ долженъ поддерживать между австрійскими славянами идею славянскаго единенія, агитацію, направленную противъ нѣмцевъ и мадьяровъ. Нашъ посолъ предпочелъ выполненіе первой задачи и добился своего; а это было не такъ легко. До его назначенія въ Вѣну, русское посольство стояло и ко двору, и къ министерству въ очень натянутыхъ отношеніяхъ. Можно прямо сказать, что, еслибы Россія двинулась на Турцію при предшественникахъ г. Новикова, австрійское правительство повело бы себя значительно иначе. Та уступчивость, какую Австрія показала въ эту войну въ разныхъ вопросахъ, возможна только при прекрасныхъ отношеніяхъ русскаго посла съ дворомъ и министерствомъ, иначе говоря—съ графомъ Андраши. Тутъ нельзя не признать положительной національной заслуги г. Новикова. Но упреки, какіе дѣлаются съ разныхъ сторонъ нашему послу, далеко не безосновательны. Къ чему вдаваться въ крайности исключительно дипломатической программы и вести себя безъ пониманія того, что̀ въ симпатіяхъ русскаго народа и общества къ славянству есть хорошаго? Эти два вопроса и общественное мнѣніе, и отдѣльные друзья славянства могутъ обратить къ г. Новикову, нисколько къ нему не придираясь. Но въ томъ-то и дѣло, что наши дипломаты не умѣютъ держаться благой середины: или черезъ-чуръ агитируютъ, или же вдаются въ брезгливую осторожность и безъ всякой нужды выставляютъ себя недоброжелателями родственныхъ намъ народовъ. Въ обличеніи князя Мещерскаго, направленномъ на русскаго посла по вопросу прошлогодней сербской войны, врядъ ли много преувеличеннаго. И годъ спустя, лѣтомъ 1877 года, мнѣ въ Вѣнѣ не мало разсказывали о томъ, ка̀къ г. Новиковъ *боится* славянскаго движенія, и опять-таки изъ-за своего консерватизма. Въ то же время, мнѣ лично извѣстны факты, показывающіе, что нашъ посолъ допускаетъ въ свою интимность нѣкоторыхъ частныхъ агентовъ славянскаго дѣла. Такъ, напримѣръ, достаточно знакомый русской публикѣ г. Божидаровичъ - Веселитскій находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ г. Новиковымъ. Кромѣ того, перего

воры съ бѣлградскимъ правительствомъ о военной субсидіи шли, сколько слышно, черезъ вѣнское же посольство, а такія дѣла не обходятся безъ непосредственныхъ совѣщаній нетолько съ оффиціальными, но и съ частными агентами. Событія сдѣлали то, что дипломатическій формализмъ г. Новикова, долженъ былъ значительно податься. Да и вообще слѣдовало бы держать себя одинаково хорошо и съ представителями славянскихъ народностей, и съ нѣмцами. и съ мадьярами, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ частныхъ сношеній. Тогда нашъ посолъ давнымъ бы давно устранилъ ту политическую травлю, какую устроилъ противъ него, между прочимъ, умный и талантливый пражскій журналистъ I. С. Скрейшовскій. Въ этихъ безцеремонныхъ и часто совершенно вздорныхъ нападкахъ нашъ посолъ виноватъ на половину. Его никто достаточно не знаетъ, потому что онъ живетъ слишкомъ замкнуто, боится славянъ, имѣющихъ имя, и вообще дѣлаетъ изъ посольства такое мѣсто, куда и русскіе-то ходятъ неохотно; а славяне и совсѣмъ не дерзаютъ являться.

Требованія публицистовъ, въ родѣ князя Мещерскаго, лишены, конечно, всякой серьёзности, потому что въ немъ говоритъ вздорный русскій шовинизмъ съ прибавкою самыхъ антипатичныхъ обрывковъ ученія московскихъ византійцевъ. Было бы весьма печально, еслибъ наши дипломаты на видныхъ пòстахъ руководствовались мнѣніями и симпатіями именно такой публицистики. Но можно безъ всякой придирчивости сказать, что наша дипломатія вообще не считаетъ себя нисколько нравственно обязанной представлять собою хоть немного русское общество—не то общество, которое болтаетъ по-французски и дѣлаетъ карьеру, а лучшую долю образованныхъ русскихъ, работающихъ надъ прогрессомъ своей страны.

До сихъ поръ наша дипломатія, т. е. персоналъ заграничныхъ миссій и посольствъ, ускользала отъ анализа общественнаго мнѣнія. Пресса считала ее почему-то почти неприкосновенной. Въ то время, какъ всѣ наши министерства, въ предѣлахъ цензурной возможности, давали поводъ газетамъ и журналамъ высказаться и о характерѣ данной администраціи, и о тѣхъ или иныхъ оффиціальныхъ личностяхъ, заграничная наша дипломатія укутана была въ какой-то туманъ. Еще кое когда въ корреспонденціяхъ говорится о посольствахъ, послахъ и посланникахъ, и то больше въ репортерскомъ тонѣ, или же хвалебномъ; а сами редакціи въ передовыхъ статьяхъ и отдѣльныхъ этюдахъ не считаютъ нужнымъ или возможнымъ задѣвать вопросъ о нашей дипломатіи. Французы—на что уже шовинисты; но послѣ франко-прусской компаніи спохватились, что въ ихъ дипломатіи далеко не все ладно. Даже самыя консервативныя газеты печатали статьи на эту тэму. Французское общество сознало, что дипломатія въ эпоху второй имперіи (да и послѣ того) сдѣлалась рутинной, легкой, безъидейной; что въ нее набирались молодые люди безъ основательнаго образованія, иногда просто невѣже-

ственные, только бы они были хорошихъ фамилій и свѣтски полированные; что молодые дипломаты, даже и самые даровитые, проходятъ въ министерскихъ канцеляріяхъ, а потомъ въ посольствахъ, одну формальную выучку; что они слишкомъ мало изучаютъ тѣ страны, гдѣ живутъ, недостаточно работаютъ надъ исторіей, литературой, этнографіей этихъ странъ и ограничиваются обыденными сношеніями въ свѣтскомъ и дипломатическомъ кружкѣ; что ихъ нельзя, наконецъ, поставить (за самыми малыми исключеніями) на одну доску съ хорошими нѣмецкими, англійскими и американскими дипломатами. Если французы нашли нужнымъ задѣть такой вопросъ, то, право, не мѣшало и намъ немного разобраться въ немъ, не для вздорныхъ обличеній, а, по крайней мѣрѣ, для знанія фактической правды. Минута для этого болѣе подходящая, чѣмъ когда-либо Россія выступила передъ Европой нетолько съ народно-русской, но и съ народно-славянской политикою. Надо же привести въ общественномъ сознаніи къ нѣкоторому единству и послѣдовательности задачи государства и стремленія общества съ одной стороны, и уровень дипломатическаго персонала—съ другой. Каждое наше вѣдомство болѣе изучено и знакомо публикѣ, особливо тѣ отрасли государственной службы, гдѣ таланты и знанія стоятъ на первомъ планѣ. А можемъ ли мы сказать, чѣмъ наша дипломатія выше или ниже французской, какой въ ней преобладаетъ духъ, черезъ хорошую или недостаточную школу проходятъ наши дипломаты, серьёзно ли занимаются изученіемъ тѣхъ странъ, гдѣ живутъ—словомъ, можно ли примѣнить и къ нимъ большинство тѣхъ критическихъ замѣчаній, съ какими французская пресса уже обращалась къ своей дипломатіи?

Каждый изъ насъ, кто заговоритъ объ этомъ предметѣ, на основаніи личныхъ (хотя бы и многолѣтнихъ) наблюденій, рискуетъ натолкнуться на обвиненія въ голословности и въ личныхъ мотивахъ. У него нѣтъ почти никакой почвы подъ ногами. Все онъ долженъ черпать изъ своего практическаго знакомства съ нашими политическими представителями и посольскими чиновниками и рискуетъ, конечно, вдаться въ личности, не желая того. Поневолѣ приходится дѣлать *отрицательныя* оцѣнки, т. е. заявлять, чего до сихъ поръ не видно въ русской заграничной дипломатіи, что̀ объ ней неизвѣстно, какія желанія вправѣ было бы русское общество предъявлять ей, особенно въ политикѣ, связанной съ славянскимъ вопросомъ. Гдѣ печатные труды нашихъ дипломатовъ, какіе не трудно встрѣтить въ англійской, американской, нѣмецкой и французской литературѣ? Въ новѣйшее время, по славянскому міру, едва ли не одинъ покойный Гильфердингъ показалъ своей книгой, что онъ не даромъ занималъ свое консульское мѣсто. Но развѣ мало было, да и теперь состоитъ, въ славянскихъ центрахъ, начиная съ Вѣны, пословъ, политическихъ агентовъ и простыхъ консуловъ? По западно-европейской дипломатіи еще бо̀льшій недочетъ. Едва ли

не въ одной Южной Америкѣ два русскіе дипломата составили каждый по книгѣ, вышедшія въ послѣднія десять или пятнадцать лѣтъ: это гг. Глинка и Смирновъ; да и то ни одна изъ нихъ не носитъ на себѣ спеціально-дипломатическаго характера: г. Смирновъ написалъ этюдъ о русско-бразильской торговлѣ; а г. Глинка выпустилъ на французскомъ языкѣ опытъ о соціальной наукѣ, только впослѣдствіи переведенный по-русски. Сколько могло бы появиться съ эпохи крымской кампаніи интереснѣйшихъ книгъ, статей, брошюръ; но наши и крупные, и мелкіе дипломаты пишутъ только по обязанности службы, а въ публицистику пускаются развѣ тогда, когда выкажутся по службѣ слишкомъ рьяными. Главными принадлежностями каждаго дипломата должны быть діалектика и умѣнье писать. Дипломатическая служба требуетъ особаго экзамена, не существующаго въ другихъ отрасляхъ администраціи. Но степень общаго умственнаго развитія, начитанности, наблюдательности, практическихъ знаній и литературныхъ талантовъ дипломатическаго персонала, вѣроятно, долго еще будетъ для русскаго общества «канцелярской тайной». Въ Англіи, напримѣръ, молодые attachés и секретари посольства обязаны каждый годъ представлять обстоятельные этюды о внутренней политикѣ, учрежденіяхъ, соціальномъ и экономическомъ бытѣ тѣхъ странъ, гдѣ они служатъ. Эти изслѣдованія печатаются обыкновенно въ ежегодныхъ прибавленіяхъ къ «Синей Книгѣ». Не мало попадается очень дѣльныхъ этюдовъ. Стòитъ только вспомнить, что Джонъ-Стюартъ-Миль, въ своей книгѣ «О представительномъ правленіи», воспользовался для практическаго обсужденія вопроса «о представительствѣ *меньшинства*» запиской тогда еще молодого дипломата Гэра (это было въ сороковыхъ годахъ), состоявшаго въ званіи attaché при одномъ изъ скандинавскихъ посольствъ. Если не ошибаюсь, наши русскіе attachés и секретари тоже обязаны представлять въ извѣстные сроки записки по разнымъ вопросамъ, но онѣ никогда не печатаются, и русская читающая публика продолжаетъ быть совершенно разобщенной съ умственною дѣятельностью тѣхъ молодыхъ людей, которые, черезъ десять, пятнадцать лѣтъ, назначаются на видные дипломатическіе пòсты. Еще на магометанскомъ Востокѣ дѣло нѣсколько иначе обставлено. Существуетъ спеціальная школа при азіатскомъ департаментѣ; въ секретари и въ дипломатическіе консулы попадаютъ люди гораздо болѣе подготовленные, даже съ высшими учеными степенями, попроще, посерьёзнѣе, не зараженные свѣтскою и чиновническою суетностью. Да и надъ ними нѣтъ никакого общественнаго контроля опять-таки потому, что наша пресса обходила эту привилегированную сферу администраціи. Въ русскихъ посольскихъ канцеляріяхъ Европы, можно смѣло сказать (за исключеніемъ константинопольской, которой я не знаю), господствуетъ духъ брезгливаго бюрократизма и замѣчается полное отсутствіе національнаго чувства—не того чувства, о которомъ мечтаютъ по-

винисты во вкусѣ князя Мещерскаго, а чувства, связаннаго съ самобытной народной физіономіей, съ извѣстными идеями, пріемами и формами, присущими національной интеллигенціи. Есть, конечно, кое-какія исключенія между личностями, занимающими видные посты, люди серьёзнаго образованія, *по своему* убѣжденные и даже оригинальные Но, вообще говоря, развитому русскому человѣку въ каждой посольской и консульской канцеляріи становится чрезвычайно жутко. Сошлюсь прямо на всѣхъ моихъ соотечественниковъ, не утратившихъ хорошей стороны національнаго чувства или просто любящихъ видѣть въ каждомъ дѣлѣ искренность, серьёзность, жизнь, умственную иниціативу. Развѣ они не были поражаемы всею этою антипатичною внѣшностью: обязательнымъ французскимъ языкомъ, сухостью и пустотой, чиновничьимъ важничествомъ и барской спѣсью, а еще чаще: крайнею нелюбезностью, уклончивостью, третированіемъ всѣхъ, какъ надоѣдливыхъ просителей? Ничего подобнаго вы не найдете ни въ одной посольской канцеляріи другихъ странъ: въ нихъ, при всѣхъ недостаткахъ, чувствуется одна черта—нація и обязанность служить ея интересамъ.

Наивно было бы и удивляться тому, что наша дипломатія въ Австріи не имѣла никакихъ прочныхъ традицій, что въ вѣнскомъ посольствѣ вѣтеръ дуетъ то въ ту, то въ другую сторону. Несмотря на то, что Австрія, какъ главное славянское государство послѣ Россіи, представляетъ для насъ первенствующій политическій интересъ, дипломаты, служившіе въ ней, уже совершенно пренебрегали такими работами, которыми они могли бы послужить русскому обществу. Гдѣ въ нашей политической литературѣ изслѣдованія или даже брошюры, написанныя дипломатами о внутренней политикѣ Австро Венгріи, о различныхъ славянскихъ народностяхъ дуалистической имперіи, объ ихъ національномъ, культурномъ и политическомъ движеніи? А, кажется, можно было бы собрать матеріалъ и коснуться всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ отношеніемъ русскаго государства и общества къ австрійскимъ славянамъ. Тоже самое видимъ мы и относительно княжества Сербіи. Даже много-критикованные въ послѣднее время французскіе дипломаты оказываются гораздо состоятельнѣе и въ этомъ дѣлѣ Въ то время, когда наши генеральные консулы въ Пештѣ и Бѣлградѣ «отбывали свои чиновничьи обязанности», ихъ собратъ напечаталъ обстоятельную статью о сербахъ въ Транслейтаніи, состоя генеральнымъ консуломъ въ Пештѣ. А другой ихъ собратъ и сверстникъ, бывшій австро венгерскимъ генеральнымъ консуломъ въ Бѣлградѣ, выпускаетъ теперь заново обработанную исторію Сербіи. Частные труды отдѣльныхъ дипломатовъ не говорятъ, конечно, о той или иной дипломатической системѣ даннаго правительства, но они даютъ обществу возможность судить хоть сколько-нибудь о томъ, какіе люди занимаютъ дипломатическіе посты. А такъ какъ у насъ оффици-

альная дѣятельность этихъ людей тоже покрыта канцелярскою тайной, то никакого нравственнаго контроля быть и не можетъ. По славянскому вопросу, вплоть до нынѣшней войны, все сводилось къ случайнымъ и личнымъ вліяніямъ. Общественное мнѣніе, несмотря на отсутствіе настоящей солидарности съ славянами, все-таки высказалось съ прошлой весны въ извѣстномъ направленіи и, конечно, имѣло право желать, чтобы наши дипломатическіе дѣятели въ Константинополѣ, Вѣнѣ и Бѣлградѣ выказывали извѣстное единство въ своемъ поведеніи. А этого далеко не было, да и до сихъ поръ нѣтъ. Личности окрашиваютъ дѣятельность посольствъ и генеральныхъ консульствъ въ тотъ или иной колоритъ. Теперь въ вѣнскомъ посольствѣ славяне—въ загонѣ; но и при прежнихъ послахъ, когда отношенія съ австрійскимъ дворомъ и министерствомъ бывали довольно натянуты, тоже не видно было строго опредѣленной программы, въ которую славянскія симпатіи входили бы серьёзною составною частью.

Изъ того, что̀ я сказалъ о Вѣнѣ по отношенію къ славянскому вопросу, читатель можетъ легко заключить, что и въ другихъ центрахъ дѣйствительность даетъ болѣе отрицательные, чѣмъ положительные итоги. А не нужно забывать, что Вѣна—ближайшій пунктъ, что въ него изъ Петербурга попадаешь въ двое сутокъ, что здѣсь нашлись бы всевозможные рессурсы для дѣятельной работы надъ славянскимъ движеніемъ въ какихъ угодно направленіяхъ.

П. Боборыкинъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ОТВѢТЪ ГГ. БѢЛОВУ, КОСТОМАРОВУ И МИЛЛЕРУ.

Въ 706 нумерѣ «Новаго Времени» г. Буренинъ, сдѣлавъ вскользь мистическое замѣчаніе, что статья моя «Объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига», напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ», «есть своего рода плодъ тоскующаго либерализма», отказался отъ дальнѣйшихъ по ней обвиненій, предваривъ, что по немъ, г. Буренинѣ, грядетъ грозный судія—спеціалистъ-историкъ, который и сдѣлаетъ надлежащую оцѣнку моей статьѣ. Не мало, однако, удивило меня, когда черезъ нѣсколько дней послѣ этого извѣщенія, въ «Новомъ Времени» появился разборъ моей статьи, написанный г. Е. Бѣловымъ, который такимъ образомъ явился спеціалистомъ-историкомъ, но редакція «Новаго Времени» устранила возникшее при этомъ недоразумѣніе, заявивъ въ сноскѣ, что завтра, по поводу статьи моей, будетъ напечатана статья г. Костомарова, такъ что г. Бѣловъ оказался только предтечею этого дѣйствительнаго спеціалиста.

Сдѣлалъ г. Костомаровъ надлежащую оцѣнку первой части моей статьи; по появленіи же второй ея части, выступилъ снова съ короткой замѣткой г. Буренинъ, а спустя не много времени, заговорилъ о ней въ двухъ фельетонахъ «Новаго Времени» г. Ор. Миллеръ. Такимъ образомъ, мнѣ приходится теперь отбиваться разомъ отъ трехъ противниковъ, къ которымъ, быть можетъ, примкнутъ еще новые, нѣсколько запоздавшіе рецензенты.

Не видя въ исторіи стародавней Москвы самостоятельнаго возникновенія идеи объ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига и находя только извѣстія о приносѣ ея туда представителями Западной Европы—въ то время, когда цари московскіе желали жить «въ братской любви и крѣпкой дружбѣ» съ поработителями православнаго славянства, я, какъ кажется, основательно могъ придти къ тому заключенію, что упомянутое освобожденіе не составляло нашей исторической задачи и что мысль о ней возникла уже позднѣе, подъ вліяніемъ постороннихъ внушеній. Въ этомъ отрицательно убѣждало меня отсутствіе всякаго проявленія такой мысли, и положительно тотъ фактъ, что въ Москвѣ

предположенію о войнѣ съ Турціею за освобожденіе христіанъ сочувствовали только тѣ люди, которые отличались стремленіемъ къ западно-европейскому строю. Такими людьми были: Борисъ Годуновъ, Лжедмитрій, Ордынъ-Нащокинъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ и, наконецъ, Петръ Великій. Этихъ слишкомъ вѣскихъ доводовъ не только не опровергъ никто изъ моихъ противниковъ, но даже всѣ они обошли ихъ безусловнымъ молчаніемъ, потому, разумѣется, что у нихъ не нашлось никакихъ возраженій.

Затѣмъ другими главными фактами, подтверждающими западное происхожденіе такъ называемой нынѣ у насъ исторической задачи Россіи, выставлены были мною: отреченіе Москвы отъ покровительства донскимъ казакамъ—этимъ борцамъ противъ магометанства; поголовная ихъ выдача на расправу туркамъ такими представителями и политическихъ, и религіозныхъ стремленій Москвы, какими были царь Михаилъ Ѳедоровичъ и отецъ его, патріархъ Филаретъ, и царское повелѣніе донцамъ поступить подъ начальство турецкихъ пашей. Обо всѣхъ этихъ слишкомъ знаменательныхъ фактахъ не промолвили ни полслова ни г. Бѣловъ, ни г. Костомаровъ; ихъ, какъ это будетъ сказано ниже, коснулся только г. Миллеръ. Далѣе я указалъ на то, что на земскомъ соборѣ 1642 года никто нетолько не принесъ рублевика или алтына въ пользу единовѣрныхъ съ Москвою христіанъ, порабощенныхъ турками, но даже и не вспомнилъ о нихъ. Я указалъ также на то вліяніе, какое могло имѣть присоединеніе къ Москвѣ Малороссіи, на которую, еще до этого присоединенія, турецкіе христіане смотрѣли какъ на свою будущую избавительницу. Переходя ко времени Петра Великаго, я упомянулъ о значеніи, какое онъ, при первомъ же сближеніи Россіи съ Западной Европою, придавалъ участію первой въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига. Далѣе я замѣтилъ, что въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, когда вся наша государственная обстановка была вполнѣ національно-православная, вопросъ о нашихъ единоплеменникахъ и единовѣрцахъ въ Турціи былъ въ совершеномъ забросѣ. По поводу этого явленія, слишкомъ бросающагося въ глаза, я не встрѣтилъ со стороны моихъ противниковъ ни возраженій, ни разъясненій. Затѣмъ мнѣ пришлось указать на то, что въ царствованіе Екатерины II, вопросъ объ освобожденіи христіанъ, подвластныхъ Турціи, былъ поднятъ въ Россіи со стороны Запада—Вольтеромъ, и что впослѣдствіи Екатерина, исключительно съ политическими—даже вѣрнѣе сказать съ династическими цѣлями, занялась планомъ о возстановленіи Греческой Имперіи, не обращая никакого вниманія на судьбу славянъ, на которыхъ она смотрѣла только, какъ на орудіе для осуществленія своихъ славолюбивыхъ мечтаній. Гг. Бѣловъ и Костомаровъ не коснулись этой эпохи, такъ какъ они поспѣшили высказать свои мнѣнія до появленія окончанія моей статьи. Съ своей же стороны, г. Миллеръ не сдѣлалъ возраженій

на эту часть моей статьи и даже, какъ надобно заключить изъ нѣкоторыхъ его строкъ, онъ относительно образа дѣйствій Екатерины II по славяно-турецкому вопросу сходится отчасти съ моимъ мнѣніемъ.

Критическіе пріемы, употребленные моими противниками, были различны. Изъ нихъ г. Бѣловъ пустилъ въ ходъ такіе, что если-бы онъ явился одинъ, то я счелъ бы совершенно неумѣстнымъ входить съ нимъ, какъ съ лицомъ, не имѣющимъ понятія о приличіи, въ какія либо объясненія и не обратилъ бы ни малѣйшаго вниманія на его выходки...

Не видя исторической послѣдовательности въ ходѣ вопроса объ освобожденіи силою русскаго оружія христіанъ, подвластныхъ Турціи, и находя, что вопросъ этотъ поднимался у насъ только урывками и подъ западно-европейскимъ вліяніемъ и клонился постоянно къ завоевательнымъ цѣлямъ, я не признавалъ, да и теперь не признаю его нашею историческою задачею, но въ предпріятіи осуществить его нынѣ вижу порывъ, проявившійся лишь въ наше время, независимо отъ предшествовавшихъ событій и прежнихъ стремленій. Смотря такъ на это дѣло, я въ первой части моей статьи коснулся вообще вопроса объ историческихъ задачахъ, будто бы непреодолимо тяготѣющихъ надъ народами, и высказалъ мысль, что едва ли даже существуютъ такія задачи въ дѣйствительности, такъ какъ ходъ историческихъ событій обусловливается, помимо ихъ, разными случайностями. О такихъ задачахъ начинаютъ обыкновенно говорить тогда, когда являются подходящія къ нимъ событія, при чемъ пускаются въ предъугадыванія насчетъ политической будущности—въ предъугадыванія слишкомъ туманныя, представляющія что-то среднее между величавыми пророчествами апокалипсиса и игривыми прорицаніями Калхаса.

По поводу моего мнѣнія объ историческихъ задачахъ выступилъ г. Бѣловъ, объясняя крайне безтолково—что̀ такое историческія задачи и говоря, что случайностей, похожихъ на падающую съ крыши глыбу снѣга, въ исторіи не бываетъ. Я же, и послѣ всѣхъ разсужденій г. Бѣлова, скажу, что случайности, совершенно сходныя съ приводимымъ имъ уподобленіемъ, встрѣчаются въ исторіи безпрестанно. Развѣ, напримѣръ, Австрія, которая имѣла, имѣетъ и, по всей вѣроятности, еще долго будетъ имѣть сильное вліяніе на ходъ политическихъ событій въ Европѣ, не случайность? Развѣ доходившія въ разное время до габсбургскаго дома территоріальныя наслѣдства, составившія даже громадную монархію Карла V, не были глыбы снѣга, падающія съ крыши? Развѣ всѣ войны за наслѣдства, обагрявшія кровью Европу, измѣнявшія нетолько взаимныя отношенія государствъ, но и судьбу народовъ, не были самыми простыми случайностями? Сколько разъ, потому только, что какой-нибудь владѣтельной особѣ не приводилось имѣть дѣтей, начинались въ Европѣ кровопролитныя и продолжительныя войны. Вѣроятно, г. Бѣлову не

извѣстна война за юлихъ-клевское наслѣдство, начавшаяся потому только, что у какого-то мелкаго герцога юлихъ-клевскаго было пять дщерей и не было ни одного сына. А войны за испанское и австрійское наслѣдства, обусловленныя только бездѣтностію нѣкоторыхъ высокихъ особъ—войны, произведшія существенные перевороты въ Европѣ и давшія во многихъ отношеніяхъ совершенно иное направленіе европейской политикѣ, развѣ эти войны были историческими задачами, а не ничѣмъ инымъ, какъ только случайностями? Такія случайности предотвратились бы очень просто—чадородіемъ разныхъ маркграфовъ и маркграфинь, принцевъ и принцессъ, курфирстовъ и курфирстинъ, герцоговъ и герцогинь, королей и королевъ. Или же слѣдуетъ полагать, что произвожденіе на свѣтъ дѣтей составляло историческую, а не физическую задачу?..

Съ особенною яростью напалъ на меня почему то г. Бѣловъ за мое мнѣніе о томъ, что Пруссія настоящимъ своимъ величіемъ обязана случайностямъ. «Какіе тонкіе намеки!» восклицаетъ г. Бѣловъ по поводу такого мнѣнія, высказаннаго мною. Съ своей же стороны, я, когда литературный противникъ начинаетъ заговаривать о «тонкихъ намекахъ» Богъ вѣсть какого свойства, предпочитаю уступить ему первенство, а потому и избѣгаю пререкаться съ г. Бѣловымъ о причинахъ возвышенія Пруссіи...

Я не привожу другихъ, не столь рѣзко выдающихся въ исторіи случайностей. Достаточно, какъ кажется, сдѣланныхъ мною сейчасъ указаній для того, чтобъ возвратить г. Бѣлову буква въ букву сдѣланное имъ обо мнѣ замѣчаніе по поводу непониманія мною историческихъ задачъ. Поэтому, я, указавъ теперь на примѣры историческихъ случайностей, скажу, въ свою очередь, что «г. Бѣловъ могъ бы понять все это, еслибы обладалъ каплею историческаго смысла, безъ чего его фактическія знанія—если они у него есть—одинъ только хламъ».

Упоминаніе мною о крестовыхъ походахъ съ цѣлью указать различіе въ характерѣ той борьбы, какую вели съ магометанствомъ какъ Западная Европа, такъ и Россія, вызвало возраженія со стороны трехъ союзниковъ: гг. Бѣлова, Костомарова и Миллера.

Первый изъ нихъ говоритъ, что я «не хочу знать, что крестовые походы имѣли въ виду главнымъ образомъ освобожденіе святыхъ мѣстъ, а не людей». Г. Костомаровъ нетолько поддакнулъ въ этомъ случаѣ г. Бѣлову, но пошелъ еще далѣе, говоря, что я смѣшиваю разныя времена и разныя цѣли и что я заговорилъ о крестовыхъ походахъ—какъ онъ выразился—«ни къ селу, ни къ городу». Г. Миллеръ подобной неумѣстности упоминанія о крестовыхъ походахъ не нашелъ, но замѣтилъ, что «еще при взятіи крестоносцами Константинополя въ XIII вѣкѣ, разъ навсегда предопредѣлилась вовсе не освободительная, а хищническая роль Европейскаго Запада на греко-славянскомъ Востокѣ».

Замѣтимъ однако, прежде всего, что г. Бѣловъ не отвергаетъ безусловно цѣли крестовыхъ походовъ для освобожденія христіанъ, но только заявляетъ, что «главнымъ образомъ» цѣль эта состояла въ освобожденіи св. мѣстъ. Значитъ все-таки зачатокъ освобожденія христіанъ, даже и по мнѣнію г. Бѣлова, былъ присущъ цѣлямъ крестовыхъ походовъ, и, слѣдовательно, положенъ Западною Европою. Я не считалъ прежде нужнымъ входить въ какія либо подробности о связи этихъ походовъ съ политикою Россіи по освобожденію христіанъ отъ турецкаго ига, но теперь будетъ кстати, въ поученіе моимъ противникамъ, сказать и объ этомъ.

Благодаря успѣху оружія западныхъ крестоносцевъ, италіанскія республики еще въ XIII вѣкѣ начали заключать съ магометанскими владѣтелями такъ называемыя «капитуляціи», т. е. договоры, которые давали представителямъ этихъ республикъ при магометанскихъ правительствахъ—консуламъ—право суда надъ ихъ соотечественниками-христіанами, даже и въ такомъ случаѣ, когда одною изъ сторонъ, участвовавшихъ въ процессѣ, былъ туземный житель-мусульманинъ. Немедленно послѣ взятія турками Константинополя, Греція и Венеція заключили съ Магометомъ II капитуляціи съ такимъ же важнымъ преимуществомъ для христіанъ. Такого покровительства надъ ними въ областяхъ, подвластныхъ султану, достигли еще въ XVI и XVII столѣтіяхъ Франція и Англія. Мы же въ этомъ отношеніи только въ исходѣ XVIII столѣтія послѣдовали примѣру Западной Европы. До какой степени западные европейцы успѣли прежде насъ поставить христіанство среди магометанства въ благопріятное для перваго положеніе можно судить потому, что, напримѣръ, еще въ 1207 году пизанцы, участвовавшіе въ крестовыхъ походахъ, принудили египетскаго султана, ни болѣе ни менѣе, какъ къ тому, чтобы онъ въ своей столицѣ содержалъ католическую церковь на свой собственный счетъ, а имя «франка», т. е. христіанина изъ западно-европейскихъ народовъ издавна пользовалось на всемъ магометанскомъ Востокѣ преобладающимъ значеніемъ.

Считая болѣе удобнымъ покончить прежде всего особыя возраженія г. Бѣлову, какъ первовыступившему противнику, я вынужденъ предварительно сообщить ему, что если ошибочность мнѣній, незнаніе фактовъ и даже задорныя выходки могутъ быть такъ или иначе извинительны, то явная недобросовѣстность, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ быть позволительна, а между тѣмъ и она допущена г. Бѣловымъ.

Такъ онъ говоритъ:

1) «Въ борьбѣ нашей съ татарами, по Карновичу, нѣтъ и слѣдовъ религіознаго элемента». Между тѣмъ, въ первой моей статьѣ, на страницахъ 130 и 131, говорится: «Конечно, и въ борьбѣ Москвы съ магометанствомъ примѣшивалось религіозное чувство», а затѣмъ приводятся подтвердительныя тому цитаты. Далѣе у меня сказано: «побѣды надъ татарскими ордами имѣли

въ глазахъ русскихъ значеніе торжества православной вѣры надъ ученіемъ Магомета», и

2) что я «не прозрѣлъ постоянной матеріальной помощи, которую Россія оказывала Восточной церкви», тогда какъ у меня, на страницѣ 138, сказано: «до того времени въ христіанско-турецкія области шли пожертвованія только на аѳонскій и нѣкоторые другіе монастыри, а также раздавалась въ Москвѣ милостыня пріѣзжавшимъ за нею греческимъ монахамъ».

Такимъ образомъ, здѣсь у г. Бѣлова оказывается не ошибочность мнѣній и не разность взглядовъ, которые всегда могутъ быть болѣе или менѣе спорны, а наглядно обнаруживаются критическіе его пріемы.

Останавливаясь на моихъ замѣчаніяхъ о политикѣ московскихъ государей, въ отношеніи турецкихъ султановъ, г. Бѣловъ пишетъ: «Братанье царей съ султанами г. Карновичъ прозрѣлъ изъ того, что московскіе цари называли султановъ братьями въ своихъ граматахъ. Бѣда—остритъ г. Бѣловъ:—если кто въ письмѣ къ г. Карновичу подпишется вашъ покорнѣйшій слуга—онъ сейчасъ приметъ такую подпись за желаніе подписавшаго чистить ему сапоги». По поводу этого, приходится сказать слѣдующее:

Во-первыхъ, по собственному своему тупоумію, никакъ нельзя судить о другихъ; во-вторыхъ, что г. Бѣловъ, заговаривая въ своихъ критическихъ статьяхъ о сапогахъ, наводитъ на мысль заговорить весьма кстати, при разборѣ его произведеній, о старыхъ, никуда негодныхъ подошвахъ, и, наконецъ, въ-третьихъ, что братанье царей съ султанами я вывожу не изъ подписи, а изъ постоянно заявляемаго первыми желанія—жить въ братской любви и крѣпкой дружбѣ съ послѣдними, а также изъ того заискиванія и изъ той угодливости передъ султанами, какими отличалась старо-московская политика.

Этими объясненіями, вызванными самимъ г. Бѣловымъ, противъ всякаго съ моей стороны желанія, я, оканчиваю мои съ нимъ одиночныя пререканія, и перехожу къ такимъ возраженіямъ, которыя не вызываютъ уже балаганныхъ состязаній.

Г. Костомаровъ выводитъ начало исторической задачи Россіи по отношенію къ народамъ Балканскаго Полуострова, подпавшимъ подъ иго чужеземныхъ завоевателей, слишкомъ издалека. Онъ говоритъ, что «задача эта кроется» въ древнемъ знакомствѣ и духовномъ и умственномъ, а частью и въ племенномъ родствѣ Россіи съ этими народами; указываетъ на то, что «сперва шелъ рядъ воинственныхъ набѣговъ варварскаго народа въ одномъ и томъ же направленіи, какъ будто какая-то невѣдомая сила въ IX и X столѣтіяхъ тянула Русь на Балканскій Полуостровъ». Думается, однако, что при всемъ искуствѣ г. Костомарова по части исторіи, едва ли удастся ему связать, хотя бы на живую нитку, набѣги Руси съ покровительствомъ христіанъ Россіею. Указываемая г. Костомаровымъ тяга свидѣтельствуетъ не объ

освободительныхъ, а, напротивъ, о завоевательныхъ историческихъ стремленіяхъ русскаго народа, и еслибы дѣло шло объ этихъ послѣднихъ, то къ нимъ только и могло бы быть пріурочено замѣчаніе г. Костомарова. Кромѣ того, извѣстно, что русскій народъ тянуло невѣдомою силою во всѣ стороны, и на сѣверъ и на востокъ, и на югъ вообще, помимо Балканскаго Полуострова, т. е. въ такія мѣста, гдѣ не представлялось никогда, да и теперь не представляется надобности ни въ покровительственныхъ, ни въ освободительныхъ подвигахъ.

Что касается духовной и умственной нашей связи съ христіанскими обитателями Балканскаго Полуострова, то связь эта нетолько не укрѣпилась, но даже, напротивъ, все болѣе и болѣе ослаблялась къ тому именно времени, когда для Москвы открывалась возможность принять участіе въ освобожденіи балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига. Въ исходѣ XVI столѣтія, церковь наша выдѣлилась изъ вѣдѣнія константинопольскаго патріарха, причемъ одною изъ причинъ такого іерархическаго выдѣленія выставлялось то именно обстоятельство, что патріархъ константинопольскій—данникъ султана. Въ исходѣ XVII столѣтія, единовѣрныхъ намъ грековъ встрѣчали въ Москвѣ не особенно ласково, о чемъ свидѣтельствуетъ греческій монахъ Серафимъ, замѣчая, что въ Москвѣ ставятъ грековъ ниже всѣхъ иноземцевъ; да и являлись они туда преимущественно торгашами, т. е. такими дѣятелями, которые бываютъ не слишкомъ пригодны для утвержденія религіозно-умственной связи. Въ ту же самую пору, какъ мы уже говорили, коренная масса русскаго народа—раскольники, стали смотрѣть на грековъ, какъ на еретиковъ. Они прямо заявляли, что «греческими книгами испортили истинную вѣру». Между тѣмъ, расколъ былъ весьма почтенной и самобытной народной силою. Въ добавокъ къ этому, греческіе митрополиты распускали на счетъ Москвы «политическую ересь», «внушая, что жить подъ преславнымъ русскимъ царствомъ хуже турецкаго мучительства».

При всѣхъ этихъ слишкомъ вліятельныхъ условіяхъ, ни покрой царскихъ одеждъ, заимствованный отъ грековъ, ни устройство московскаго двора на подобіе византійскаго, не могли имѣть, вопреки мнѣнію г. Костомарова, объединительнаго значенія, тѣмъ болѣе, что народъ, не входя въ археологическія изысканія, не зналъ даже откуда взялись и царскія одежды, и обстановка государева двора, и, просто-на-просто, считалъ все это исконно-русскимъ.

Съ своей стороны, пастыри нашей церкви не заботились вовсе о распространеніи среди своей паствы свѣдѣній касательно духовной связи русскаго народа съ христіанами Балканскаго Полуострова, да и сами они, при своей прежней необразованности, при отсутствіи у нихъ историческихъ и этнографическихъ познаній, не могли сознавать такой связи. Не восходя къ далекимъ временамъ, вспомнимъ только, что даже мы, здравствующія нынѣ

чада православной церкви, не слыхали отъ нашихъ законоучителей, духовныхъ отцовъ и вообще отъ представителей церкви, уроковъ, толкованій и проповѣдей, въ которыхъ проводилась бы мысль о духовномъ нашемъ единеніи съ христіанами, подвластными Турціи. Сама церковь наша удержала лишь весьма слабые способы для всенароднаго оглашенія такой связи. Въ ежедневныхъ ея молитвословіяхъ слышится только: «еще молимся о приснопамятныхъ святѣйшихъ патріарсѣхъ православныхъ, благовѣрныхъ царѣхъ и царицахъ», и т. д.; по кому же изъ предстоящихъ богомольцевъ приходитъ на мысль, что здѣсь упоминаются и патріарси славяно-греческой церкви? Затѣмъ, только трижды въ годъ, а именно на рождественскомъ и богоявленскомъ повечеріяхъ, да въ праздникъ православія «выкрикивается» многолѣтіе, а въ послѣднемъ случаѣ и вѣчная память патріархамъ: константинопольскимъ, антіохійскимъ, александрійскимъ и іерусалимскимъ, но едва ли и эти возглашенія заставляютъ слушающаго подумать о духовной связи нашей съ христіанами Балканскаго Полуострова. Знали и знаютъ о ней, вѣроятно, лишь немногіе граматѣи. Желательно было бы, чтобы наши глашатаи историческихъ задачъ, толкующіе о распространеніи сознанія о такой связи среди русскаго народа, отказавшись отъ общихъ, ничего не значущихъ и избитыхъ фразъ, вникли въ сущность дѣла и указали бы тѣ пути, которыми сознаніе объ этой связи проводилось въ народъ. Только указаніе на практическіе, клонившіеся къ тому способы, а не пустое риторическое многоглагольствованіе можетъ убѣдить въ достовѣрности этого факта.

Что касается сознанія племеннаго единства, то даже среди великорусскаго народа оно весьма слабо еще и теперь, не говоря о старомъ времени: новгородецъ, напримѣръ, не думаетъ вовсе о калужанинѣ, а некнижные люди едва ли и знаютъ одинъ о другомъ. Вспомнимъ также и о Малороссіи: великоруссы весьма недружелюбно относились къ хохламъ, а эти послѣдніе, въ свою очередь, не слишкомъ благосклонно посматривали на «москалей». Можно ли, въ виду подобныхъ фактовъ, говорить серьёзно о какомъ-то историческомъ сознаніи племеннаго единства между русскими и невѣдомыми имъ болгарами? Такое сознаніе могло быть проведено, при отсутствіи житейскихъ сношеній, только путемъ школъ и печати, но извѣстно, что такихъ средствъ въ ходу у насъ не было.

Г. Костомаровъ отвергаетъ высказанное мною положеніе, что мысль объ освобожденіи нашихъ единовѣрцевъ, подпавшихъ подъ иго турокъ, пришла къ намъ впервые съ Запада. Въ подтвержденіе своего возраженія онъ указываетъ на то, что хотя западныя державы когда-то много толковали о взаимномъ походѣ всѣхъ христіанъ противъ мусульманъ для изгнанія турокъ изъ Европы, а папы провозглашали о необходимости новаго крестоваго похода противъ османлисовъ, но что во всемъ этомъ оказывалось болѣе риторики, чѣмъ дѣла и что въ сношеніяхъ

будто бы начинаемыхъ по этому вопросу, проглядывали почти всегда постороннія цѣли. Все это можетъ быть вполнѣ вѣрно, но все это доказываетъ только то, что мысль о походѣ противъ турокъ не осуществлялась въ Москвѣ, но вовсе не опровергаетъ того, чтобы она не заносилась туда съ Запада. Никто изъ моихъ противниковъ не опровергъ того факта, что о такомъ походѣ заговорилъ въ Москвѣ впервые кардиналъ Виссаріонъ, а также и того, что впослѣдствіи постоянно склоняли русскихъ государей къ такому же походу послы римско-нѣмецкихъ императоровъ, королей польскихъ, французскихъ и даже короля шведскаго, что испанскій король Филиппъ II прислалъ съ этою цѣлью въ Москву артиллерійскіе снаряды и артиллеристовъ. Ни г. Бѣловъ, ни г. Костомаровъ, ни г. Миллеръ нетолько не доказали, чтобы ранѣе или даже хоть одновременно со всѣми этими побужденіями, шедшими въ Москву извнѣ, тамъ возникла самостоятельная мысль о походѣ противъ турокъ для освобожденія подвластныхъ имъ христіанъ. Никто изъ упомянутыхъ лицъ не опровергъ также и того весьма важнаго факта, что первое денежное приношеніе, сдѣланное московскимъ государствомъ при Борисѣ Годуновѣ, не для поддержанія только восточной церкви, но съ политическою цѣлью въ пользу балканскихъ христіанъ, было сдѣлано по настоятельнымъ представленіямъ цесарскаго посла Варкоча, т. е. подъ вліяніемъ внушеній, пришедшихъ въ Москву съ Запада. Кажется, что, въ виду всего этого, правда остается на моей сторонѣ, а не на сторонѣ моихъ противниковъ.

Что касается г. Миллера, то онъ въ двухъ фельетонахъ «Новаго Времени» помѣстилъ статью, подъ заглавіемъ «Земскій Соборъ 1642 года». Статья эта, несмотря на ея спеціальное заглавіе, посвящена, однако, мнѣ. Въ ней г. Миллеръ начинаетъ съ того, что я «не рѣшилъ представлявшейся мнѣ нелегкой задачи—раскрыть тотъ процессъ, въ силу котораго потомки крестоносныхъ рыцарей, эти первые наши наставники въ дѣлѣ сочувствія христіанамъ Турціи, по мѣрѣ того, какъ Россія пріобрѣтала способность показать себя въ этомъ отношеніи достойною ихъ ученицею, вмѣсто поощренія, стали оказывать ей все болѣе и болѣе ободрявшееся противодѣйствіе». Скажу г. Миллеру, что къ рѣшенію этого вопроса я и не думалъ приступать потому, что онъ вовсе не входилъ въ программу моей статьи. Кромѣ того, я полагаю, что вообще толковать объ этомъ вопросѣ съ должнымъ прямодушіемъ едва ли и возможно въ виду оппонентовъ, подобныхъ г. Бѣлову. Они, чего добраго, прозрятъ тутъ такіе «тонкіе намеки» и наскажутъ такихъ любезностей, что преградятъ всякую охоту сдѣлать возраженія и тогда поле литературнаго боя останется, къ вящшему ихъ торжеству, за ними, какъ за побѣдителями...

Собственно—и можно даже сказать исключительно—статья г. Миллера написана для того только, чтобы показать, какъ я не

понялъ постановленій собора 1642 года, и даже исказилъ относящіеся къ нему факты, такъ какъ на этомъ соборѣ выразилось, вопреки моимъ заявленіямъ, сочувствіе русскаго народа къ христіанамъ Балканскаго Полуострова. Правда, что этого послѣдняго вывода г. Миллеръ сдѣлать буквально не рѣшился, но, конечно, еслибы онъ не подразумѣвалъ его, то нѣзачѣмъ бы было наполнять всю его статью опроверженіями, направленными имъ противъ меня, такъ какъ я ограничился только упомянутымъ вопросомъ.

Въ статьѣ г. Миллера оказывается, впрочемъ, нѣкоторый расколъ между ополчившимися противъ меня союзниками, такъ какъ авторъ ея удивляется тому, что и г. Костомаровъ не совсѣмъ вѣрно отнесся къ собору 1642 года, но за то г. Миллеръ взялъ себѣ въ союзники г. профессора Сергѣевича, отъ имени котораго онъ собственно и повелъ со мною полемику.

Г. Миллеръ довольно вѣрно угадалъ мои отношенія къ изслѣдованію г. Сергѣевича. Изслѣдованіе это я только читалъ, какъ читаю вообще все появляющееся въ печати по русской исторіи, но изслѣдованіемъ этимъ не руководился при составленіи моей статьи, такъ какъ не видѣлъ въ этомъ никакой надобности, да кромѣ того, изслѣдованіе это возбуждаетъ сомнѣніе, не разъясненное г. Миллеромъ [1].

Сдѣланные же въ изслѣдованіи г. Сергѣевича частные выводы даже и въ истолкованіяхъ г. Миллера нисколько не противорѣчатъ тому общему значенію собора, какое я ему придалъ. Заговоривъ о соборѣ, г. Миллеръ выписываетъ изъ моей статьи слѣдующія строки: «объ избавленіи христіанъ отъ магометанскаго ига на соборѣ не было промолвлено ни полслова, хотя о бѣдственной ихъ участи и было извѣстно въ Москвѣ». По поводу этихъ строкъ, онъ не указываетъ на то, чтобы фактъ этотъ противорѣчилъ истинѣ, но только объясняетъ его тѣмъ, что «до тѣхъ поръ, пока крымская орда сохраняла свою независимость, сами русскіе не могли считать себя совершенно свободными отъ магометанскаго плѣна.» Спросимъ, однако, почему же позднѣе, при управленіи князя В. В. Голицына государственными дѣлами и затѣмъ при Петрѣ Великомъ, когда крымская орда продолжала, какъ и прежде, сохранять свою независимость, было выражено нетолько сочувствіе къ участи христіанъ, подвластнымъ Турціи,

---

[1] Такъ, при указаніи г. Миллеромъ числа голосовъ, считается присутствовавшихъ на соборѣ, кромѣ духовныхъ, 181 человѣкъ, а въ актѣ собора, напечатанномъ въ «Собраніи государственныхъ граматъ и договоровъ», 195 человѣкъ названы поименно. Кромѣ того, г. Миллеромъ не посчитаны бояре, окольничіе и думные люди, имѣвшіе также голосъ на соборѣ. Численность духовенства показана гадательно и, очень возможно, что это сдѣлано въ уменьшенномъ размѣрѣ. При такихъ условіяхъ, нельзя придавать раздвоенію голосовъ на соборѣ того значенія, какое придаютъ ему г. Сергѣевичъ, а по слѣдамъ его и г. Миллеръ.

но и высказано было, при сношеніяхъ съ Западной Европой, о намѣреніи освободить ихъ отъ бусурманскаго ига? Очевидно, что умолчаніе объ этомъ вопросѣ на земскомъ соборѣ 1642 года зависѣло вовсе не отъ существованія независимой крымской орды, но отъ другой причины, а именно отъ того, что на этотъ соборъ не проникло постороннихъ внушеній съ Запада, а соборяне сами по себѣ не вспомнили о своихъ единовѣрцахъ и соплеменникахъ, угнетенныхъ турками. Въ подтвержденіе этой догадки сдѣлаемъ такое предположеніе. Допустимъ, что въ 1642 году, во время засѣданій собора, въ Москву пріѣхалъ одинъ изъ западно-европейскихъ пословъ, которые являлись суда съ предложеніемъ московскимъ государямъ принять участіе въ войнѣ противъ Турціи для освобожденія христіанъ и затронулъ нетолько—какъ это дѣлали его предшественники—вопросъ о религіозной, но, какъ это сдѣлалъ Комуловичъ—и вопросъ о религіозной связи балканскихъ славянъ съ русскими. Несомнѣнно, что о такомъ сподручномъ въ ту пору для Москвы предложеніи было бы заявлено соборянамъ, которые, вслѣдствіе этого, и были бы наведены на мысль о своихъ единовѣрцахъ и единоплеменникахъ, страдавшихъ подъ игомъ невѣрныхъ. Но этого не случилось, и потому упомянутая мысль вовсе не возникла на соборѣ безъ посторонняго на него воздѣйствія.

Далѣе г. Миллеръ, на основаніи изслѣдованія г. Сергѣевича, говоритъ довольно пространно о состояніи Московскаго Государства во время происходившаго во Москвѣ земскаго собора, о равномѣрномъ разложеніи, по опредѣленію собора, въ случаѣ войны, тяготы на всю государеву землю и объ устройствѣ помѣстно-дворянской службы. Все это вполнѣ вѣрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ все это нисколько не опровергаетъ моего главнаго положенія о равнодушіи собора къ участи турецкихъ христіанъ. И послѣ всѣхъ этихъ указаній, фактъ, приведенный мною, нетолько остается несомнѣннымъ, но даже подверждается еще болѣе потому, что, сколько ни рылся въ соборныхъ документахъ г. Сергѣевичъ, онъ все-таки не отыскалъ въ нихъ никакихъ слѣдовъ тѣхъ освободительныхъ стремленій, которыя желалъ бы приписать собору г. Миллеръ. Наконецъ, послѣдствіемъ собора было все-таки возвращеніе туркамъ Азова и внушеніе казакамъ жить съ турками въ мирѣ.

Я не могу не замѣтить, что г. Миллеръ повелъ со мною полемику съ полною добросовѣстностью; онъ нигдѣ не исказилъ моихъ словъ и если порою, впрочемъ, въ весьма немногихъ случаяхъ, онъ передаетъ несовсѣмъ точно мои мнѣнія, то это, безъ сомнѣнія, происходитъ только отъ разности взглядовъ. Вообще же г. Миллеръ не скрываетъ и не измѣняетъ сущности основныхъ моихъ положеній Такъ онъ не утаиваетъ, напримѣръ, выставленнаго мною чрезвычайно рѣзкаго факта, о предоставленіи царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ турецкому султану на волю, побить донскихъ казаковъ хоть въ одинъ часъ,

съ прибавкою, что онъ, царь, не стоитъ за этихъ воровъ и хочетъ быть съ султанскимъ величествомъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви. Гг. Бѣловъ и Костомаровъ обошли молчаніемъ этотъ чрезвычайно важный фактъ, но г. Миллеръ остановился на немъ и постарался объяснить его нормальность, отличая правительственную политику Москвы въ отношеніи къ Турціи отъ народнаго чувства. Онъ подкрѣпилъ свой взглядъ ссылкою на обстоятельства, сопровождавшія освобожденіе Руси отъ монгольскаго ига, когда Иванъ III уклонялся отъ борьбы съ татарами, а народъ и духовенство требовали этой борьбы. Съ такою паралелью двухъ событій, хотя въ сущности и весьма различныхъ между собою, легко было бы согласиться въ томъ лишь случаѣ, еслибы на соборѣ 1642 года было бы хоть какое нибудь заявленіе сочувствія къ христіанамъ, порабощеннымъ турками, и еслибы, несмотря на это, московское правительство не обратило на него вниманія, но такого заявленія въ наличности не оказывается. Кромѣ того, самъ г. Миллеръ, ссылкою на лѣтопись, указываетъ, что отступленіе Ивана передъ татарами вызвало въ Москвѣ взрывъ народнаго негодованія, тогда какъ отказъ царя Михаила Ѳедоровича отъ помощи турецкимъ христіанамъ не могъ быть даже предметомъ обсужденія со стороны народа, такъ какъ на такую помощь и соборъ вовсе не вызывалъ царскаго правительства. Въ виду всего этого, слѣдуетъ сказать, что если историкъ будетъ писать объ освобожденіи Руси отъ монгольскаго ига, то онъ въ правѣ будетъ указать на проявившіяся въ народѣ стремленія къ сверженію этого ига. Если же онъ, разсматривая такъ называемую историческую задачу Россіи по освобожденію христіанъ, подвластныхъ Турціи, скажетъ при этомъ о проявленіи въ половинѣ XVII вѣка сочувствія къ нимъ русскаго народа, то онъ уже слишкомъ замечтается...

Указывая на приводимый мною фактъ о приказаніи, данномъ изъ Москвы донскимъ казакамъ—нетолько не воевать съ турками, но даже соединяться съ ними подъ начальствомъ ихъ пашей для похода противъ Польши — фактъ, пройденный молчаніемъ и г. Бѣловымъ, и г. Костомаровымъ—г. Миллеръ говоритъ: «все это совершенно вѣрно приводится у г. Карновича, только онъ не подумалъ при этомъ спросить себя: ужь и они, эти воры-донцы, чтобъ придти къ заключенію о невозможности стоять за одно съ турками, не должны ли были предварительно поучиться на Западѣ»?

И должны и не должны были — отвѣчу я на этотъ искушающій вопросъ. Не должны были потому, что неустанная борьба казачества съ магометанствомъ могла зародиться у нихъ самостоятельно изъ того же самого религіознаго фанатизма, который нѣкогда побуждалъ къ борьбѣ съ магометанствомъ и западные народы. Но такого воинственно-религіознаго фанатизма въ Москвѣ, допускавшей къ себѣ на службу некрещенныхъ магометанъ и дозволявшей татарамъ строить мечети даже по коренной рус-

ской землѣ, заискивавшей дружбы съ правовѣрными калифами и даже дошедшей до соединенія своего христолюбиваго воинства съ «поганскою» ратью, никогда не было. Должны же были и даже вѣроятно учились донскіе казаки ненависти къ магометанству у Западной Европы и вотъ почему именно. Вообще казачество не сложилось исключительно изъ однихъ только великорусскихъ элементовъ. Польскій элементъ, подчинявшійся вліянію Запада, въ немъ долженъ былъ имѣть большое значеніе, если, напримѣръ, по розысканіямъ думнаго дьяка Григорія Кунакова въ одномъ только войскѣ Богдана Хмѣльницкаго было 6,000 польскихъ баннитовъ. Наконецъ, приходится сказать, что донцы-казаки не оставались въ этомъ случаѣ безъ вліянія на нихъ Западной Европы и въ силу другихъ условій: они нетолько соприкасались съ тѣми мѣстностями, которыя свидѣтельствовали о перевѣсѣ западныхъ европейцевъ—генуэзцевъ—надъ магометанами, но даже имѣли съ Западомъ непосредственныя сношенія по вопросу о борьбѣ съ турками. Такъ еще въ 1583 году папскій нунцій Ганберини входилъ съ донцами въ соглашеніе о войнѣ съ Турціей, слѣдовательно, и на нихъ по этой части было вліяніе со стороны Западной Европы, и казаки не уклонялись отъ такого предложенія, требуя только оружія.

О зачаткѣ освободительныхъ стремленій Россіи по освобожденію турецкихъ христіанъ, г. Миллеръ высказывается такимъ образомъ. Онъ говоритъ, что въ статьѣ моей «сами факты, безъ вѣдома автора, доказываютъ ни больше, ни меньше, какъ вотъ что: казаки—эта народная сила, были зачинщиками въ восточномъ вопросѣ, а за ними, наконецъ, пошла Москва». Если дѣйствительно говорятъ это факты, безъ моего вѣдома, то пусть говорятъ они сколько угодно, тѣмъ болѣе, что такой ихъ говоръ, и въ истолкованіи г. Миллера, подтверждаетъ первую часть моего главнаго положенія, а именно: что мысль объ освобожденіи турецкихъ христіанъ не зародилась самостоятельно въ Москвѣ, но пришла туда извнѣ. Если же казаки и на самомъ дѣлѣ были зачинщиками по этому вопросу, то и это не устраняетъ нисколько другой части моего главнаго положенія, а именно, что все-таки первая мысль о подобномъ предпріятіи пришла въ Москву, и помимо казачества, съ Запада, и что тамъ ей, независимо отъ толчка, даннаго казаками-зачинщиками, сочувствовали люди съ западно-европейскими стремленіями. Этотъ историческій фактъ неопровержимъ и его не отвергалъ никто изъ моихъ противниковъ, а между тѣмъ, удачный подкопъ подъ него нетолько бы пошатнулъ, но, пожалуй, и повалилъ бы всю мою историческую постройку.

Въ возраженіе противъ моихъ указаній на то, что въ нашей литературѣ до возникновенія славянофильства не высказывалась идея объ «освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига», г. Миллеръ заявляетъ, что «между нашими резидентами въ Царьградѣ никогда не переводились люди, руководившіеся старою «казац-

кою» смѣлостію и даже умѣлостію, сколько ни тормозились ихъ дѣйствія въ Петербургѣ. Шила въ мѣшкѣ не утаишь — замѣчаетъ г. Миллеръ:—и нѣкоторые изъ нихъ оказались выставленными у г. Карновича. Тотъ же самый духъ, добавляетъ вслѣдъ затѣмъ г. Миллеръ:—никогда не переводился и въ нашей литературѣ и чтобъ отрицать это, какъ дѣлаетъ г. Карновичъ, надо или мало знать, или же не хотѣть знать».

Не рѣшаюсь вступать съ г. Миллеромъ въ голословныя пререканія по части литературныхъ вопросовъ, но позволяю себѣ заявить г. профессору по поводу строкъ, выписанныхъ мною изъ его статьи, слѣдующее:

Во-первыхъ, у насъ рѣчь идетъ не о частной дѣятельности того или другого русскаго резидента, но о вопросѣ по освобожденію христіанъ отъ турецкаго ига Россіею, такъ что въ общей системѣ дѣйствій «казацкая» смѣлость дипломата—не слишкомъ, впрочемъ, для него пригодная,—можетъ служить только чертою личнаго его характера, а не направленіемъ политики и не проявленіемъ народныхъ чувствъ той страны, представителемъ которой онъ состоитъ. Во-вторыхъ, г. Миллеръ не обратилъ вниманія на то, что эти самые резиденты, отличавшіеся «казацкою» смѣлостію, и напоминали Россіи, что ей въ отношеніи покровительства христіанамъ въ Турціи слѣдуетъ подражать Франціи, Италіи и Австріи. Изъ этого видно, что даже казаки-дипломаты и притомъ во время православно-русскаго царствованія Елизаветы, ставили намъ въ образецъ подражанія западно-европейскія государства по отношенію ихъ къ христіанамъ, подвластнымъ Турціи. Въ-третьихъ, г. Миллеръ говоритъ, что тотъ же духъ—вѣроятно, «казацкая» смѣлость—не переводился и въ нашей литературѣ, но что бы стоило г. Миллеру подтвердить эту голословную фразу хоть какими нибудь положительными указаніями. Вообще же духъ литературы — предметъ неосязаемый и о немъ говорить можно много отвлеченностей, не договорившись ни до чего положительнаго. Другое дѣло, еслибы г. Миллеръ представилъ плоть, т. е. рядъ произведеній, подтверждающихъ присутствіе предполагаемаго имъ духа. Съ своей же стороны я указалъ на то, что даже такіе видные представители нашей литературы, какъ Ломоносовъ, Державинъ и Пушкинъ, были далеки отъ той идеи, которая выставляется нынѣ у насъ, какъ историческая задача.

Что же касается г. Миллера, то онъ, въ подтвержденіе присутствія въ нашей литературѣ чуемаго имъ духа, могъ фактически сослаться на одного только непоименованнаго мною Петрова. «Этотъ—по словамъ г. Миллера—бездарный лирикъ временъ Екатерины, въ своихъ надутыхъ одахъ, выражалъ поразительно вѣрное пониманіе нашего призванія на Востовѣ, а равно и той двусмысленной и даже вовсе не двусмысленной роли, которую разыгрываетъ на немъ Европа». Позволяю себѣ не совсѣмъ согласиться съ мнѣніемъ г. Миллера. Что касается духа

произведеній Петрова, то трехтомное ихъ собраніе не что иное, какъ стихотворное кадило съ удушливымъ ладономъ. Это кадило онъ возноситъ передъ богинею Екатериною и полубогами Румянцевымъ и Потемкинымъ. Положимъ, что такое воскуриваніе было и въ нравахъ и во вкусѣ того времени, но развѣ въ какую бы то ни было пору лесть вообще можетъ быть предвозвѣстницею освободительныхъ идей? Напротивъ, она всегда бываетъ первымъ и несомнѣннымъ признакомъ рабства. Духъ лести не можетъ быть духомъ свободы.

Притомъ мы говоримъ о Петровѣ по поводу вопроса объ освобожденіи нашихъ единовѣрцевъ подъ вліяніемъ религіозно-христіанскихъ чувствъ, а у Петрова язычество безпрестанно перемѣшивается съ христіанствомъ: у него, на ряду съ громами божіими, являются «турецкіе Гекторы» и чуть ли не весь персоналъ нынѣшней «Прекрасной Елены». Кромѣ того, Петровъ не вносилъ самъ новыхъ идей, а, напротивъ, только запасался ими подъ вліяніемъ «великой затѣи» Екатерины о возстановленіи Греческой Имперіи и прилаживался къ славолюбивымъ стремленіямъ царицы. О славянахъ, порабощенныхъ турками, у него нѣтъ вовсе помину, даже въ строфѣ, обращенной къ Потемкину и пророчествующей ему:

Ты внидешь въ плескахъ въ храмъ Софіи,

участниками этого торжества являются лишь россы, да греки, а славяне туда не допускаются или, по крайней мѣрѣ, совершенно забыты приглашеніемъ. Наконецъ, Петровъ вообще гордится завоевательными, а не освободительными подвигами россовъ — «отъятьемъ морь и рѣкъ».

Что касается вѣрнаго пониманія Петровымъ нашего положенія и дѣйствій Европы на Востокѣ, то его можно видѣть, напримѣръ, и въ слѣдующихъ строкахъ:

Отъ галловъ ослѣпленъ покойный Мустафа
Возмнилъ, что выше троновъ всѣхъ есть мать его Софа.

Чѣмъ же, однако, стихи эти лучше, и по фактурѣ и по мысли и по мебельному каламбуру, стиховъ гарнизоннаго полковника Маркова, прямо обращенныхъ къ султану съ угрозою, гласящей:

Мы диванъ твой разнарядный,
Какъ скамейку повернемъ
И тебя въ чалмѣ парадной
Изъ Европы вонъ швырнемъ!

И за что же обрушился на меня г. Буренинъ, когда я указалъ въ моей статьѣ на возможность ссылки на эти стихи, черезъ двѣсти лѣтъ, какъ на проявленіе сознанія о нашей исторической задачѣ? Между тѣмъ, какъ г. Миллеръ, при меньшей еще давности, дѣлаетъ ссылку на надутые вирши Петрова, какъ на поразительно вѣрное пониманіе цѣлой политической системы?

Упомянувъ о Пушкинѣ и о г. Буренинѣ, я долженъ добавить

слѣдующее. Въ своей фёльетонной замѣткѣ по поводу статьи моей, г. Буренинъ заявилъ, что я просмотрѣлъ у Пушкина «Пѣсни юго-западныхъ славянъ», и что «Пѣсни» эти для меня какъ будто не существуютъ. Трудновато мнѣ просмотрѣть что-нибудь у Пушкина, котораго я давнымъ-давно знаю отъ доски до доски, такъ что эта часть замѣчанія не вѣрна, но за то вполнѣ вѣрна другая его часть, потому что дѣйствительно упомянутыя «Пѣсни» для меня какъ бы не существуютъ, такъ какъ въ нихъ не высказывается ни сочувствія самого поэта къ славянамъ, ни освободительной идеи Россіи. Этимъ, впрочемъ, отрицательнымъ качествомъ значеніе «Пѣсней» не ограничивается. Вѣроятно, самъ г. Буренинъ просмотрѣлъ тѣ строки въ письмѣ французскаго писателя Мериме, напечатанномъ въ «Собраніи сочиненій Пушкина»—тѣ строки, въ которыхъ Мериме пишетъ въ отвѣтъ на письмо Соболевскаго слѣдующее: «faites mes excuses à Mr. Pouschkine, je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé». Поводомъ же къ этому извиненію со стороны Мериме передъ Пушкинымъ послужило то, что Мериме, въ 1827 году, застрявшій, по неимѣнію деньженокъ, въ Венеціи, вздумалъ самъ сочинять славянскія народныя пѣсни, на основаніи брошюрки какого-то французскаго консула, въ которой были разсѣяны иллирійскія слова. Пушкинъ былъ введенъ въ заблужденіе этими поддѣлками, помѣщенными въ книжонкѣ, изданной Мериме подъ заглавіемъ «La Gouzla». Онѣ понравились ему и онъ вздумалъ частію подражать имъ, частію переводить ихъ, не прибавляя отъ себя ни сочувствія къ славянамъ, ни пророчествъ объ ихъ судьбѣ, ни намековъ на освобожденіе ихъ Россіею.

Спрашивается: кстати ли было бы при этихъ условіяхъ дѣлать какую-либо ссылку на произведенія великаго славянскаго поэта, какъ на выраженіе его сочувствія къ его родному племени? Вотъ почему, еслибы даже въ «Пѣсняхъ» этихъ высказывалось самое горячее сочувствіе къ славянамъ, порабощеннымъ турками, то и тогда на нихъ нельзя было бы ссылаться безъ насмѣшки надъ памятью Пушкина, котораго въ этомъ случаѣ опередилъ бы находчивый французъ, не знавшій даже ни одного славянскаго слова.

Когда я писалъ мою статью для «Отечественныхъ Записокъ», я очень хорошо предвидѣлъ, что она вызоветъ негодованіе со стороны глашатаевъ историческихъ задачъ. Ожиданіе мое сбылось, но чѣмъ же, однако, порѣшили дѣло появившіеся доселѣ мои противники? Въ сущности, они поставили вопросъ о происхожденіи якобы исторической нашей задачи по освобожденію христіанъ отъ турецкаго ига въ такое и даже еще въ болѣе неопредѣленное положеніе, нежели то, въ какомъ находится вопросъ о происхожденіи варяго-руссовъ.

Г. Костомаровъ выводитъ начало этой задачи изъ сѣдой древности, — отъ временъ походовъ Олега и Игоря на христіанскій Константинополь; г. Миллеръ ведетъ ея начало отъ народ-

ной русской силы—казачества, а г. Бѣловъ оказался до того неподготовленнымъ къ дачѣ отвѣта на этотъ вопросъ, что, наговоривъ много неидущаго къ дѣлу, оставилъ происхожденіе упомянутой задачи покрытымъ мракомъ неизвѣстности.

Е. Карновичъ.

Г-нъ КОСТОМАРОВЪ ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАДАЧѢ.

Недавно г. Карновичъ, въ своей статьѣ «Объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ» («Отеч. Запис.» № 1, 1878 г.), высказалъ такую мысль, что стремленіе къ освобожденію христіанъ изъ подъ турецкаго ига, выставляемое задачею современной Россіи, было занесено къ намъ съ Запада, не составляло вовсе нашей исторической миссіи, и вообще высказалъ сомнѣніе на счетъ историческаго перста, который будто бы указываетъ путь народамъ. Ограничиваясь въ первой статьѣ допетровскою Русью и указывая на многократныя предложенія, дѣлавшіяся со стороны западныхъ державъ о принятіи участія въ освобожденіи христіанъ и оставлявшіяся Россіей безъ послѣдствій, г. Карновичъ довольно обстоятельно доказывалъ, что стремленіе это зародилось вовсе не въ Москвѣ и долгое время было тамъ чуждо, какъ религіозному ея настроенію, такъ и направленію ея внѣшней политики. Опроверженію этого сколько новаго въ нашей литературѣ, столько же вѣрнаго взгляда г. Карновича, г. Костомаровъ посвятилъ («Нов. Время» 15 февраля) особую статью, въ которой усиливается доказать, что историческая задача Россіи по отношенію къ народамъ Балканскаго Полуострова не подлежитъ сомнѣнію и «кроется въ древнемъ знакомствѣ и духовномъ родствѣ Россіи съ этими народами». Приводимыя почтеннымъ историкомъ доказательства по этому поводу вовсе не новы: сначала идетъ, разумѣется, рѣчь о появленіи Руси подъ Царь-градомъ, затѣмъ о принятіи отъ Византіи начатковъ высшей культуры, о крещеніи, о зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патріархата, о славянскихъ литературахъ и архитектурахъ и проч., о чемъ наши читатели, вѣроятно, давно уже знаютъ изъ учебниковъ исторіи и

въ особенности изъ славянофильскихъ литературныхъ радѣній. Говоря о рядѣ воинственныхъ набѣговъ русскихъ дикарей на Византію, кончившихся духовнымъ подчиненіемъ ихъ Византіи, г. Костомаровъ говоритъ, что эти набѣги «повторялись почти въ одномъ и томъ же направленіи, какъ будто какая невѣдомая сила въ IX и X ст. тянула Русь на Балканскій Полуостровъ...» Что̀ это была за невѣдомая сила, историкъ не объясняетъ, а говоритъ, что происходило это точно такъ же, «какъ въ болѣе ранніе вѣка народовъ тевтонскаго племени, разныхъ бургундовъ, франковъ, лонгобардовъ такая же невѣдомая сила тянула въ Галлію, Италію, Испанію, *въ наслѣдіе западной Римской Имперіи*». Любопытны, право, эти невѣдомыя силы, эти предопредѣленные историческіе пути къ предопредѣленнымъ наслѣдіямъ: одни народы идутъ наслѣдовать римскую цивилизацію, другіе — византійскую. Все это составляетъ секретъ историковъ. Разъясненій по этому поводу г. Костомаровъ, конечно, не даетъ (невѣдомая сила! и конецъ), да по всей вѣроятности и не дастъ, потому что импульсы, двигавшіе, и силы, управлявшія переселеніемъ народовъ, тонутъ въ историческомъ туманѣ и недостаточно выяснены историками, хотя, если судить о тѣхъ временахъ по позднѣйшимъ передвиженіямъ народныхъ массъ, совершавшимся вслѣдствіе политическаго гнета и причинъ соціально-экономическихъ, можно предполагать, что и тогда руководили народами не историческіе персты и теологическія размышленія, а все тѣже роковые вопросы жизни и свободы, вопросы, можетъ быть, теперь не понятные для насъ, но тогда имѣвшіе свое значеніе. Такъ напр., причины, руководившія крестовыми походами (мы не беремъ исторію европейской эмиграціи въ Америку, которая, конечно, могла бы служить болѣе подходящимъ примѣромъ), для насъ уже болѣе понятны: мы знаемъ почему громадныя голодныя и оборванныя толпы бѣжали изъ Европы; мы знаемъ почему князья, папы и рыцари, бывшіе причиной народной нищеты и страданій, сами проповѣдывали походъ за походомъ. Даже и въ позднѣйшія времена, какъ говоритъ самъ же г. Костомаровъ, во всѣхъ проповѣдяхъ на Западѣ объ изгнаніи османлисовъ изъ Европы «почти всегда проглядывали постороннія цѣли». Не въ родѣ ли этихъ постороннихъ цѣлей были и тѣ причины, которыя обусловливали наше движеніе для борьбы съ мусульманскимъ міромъ? Вотъ какъ самъ же г. Костомаровъ превосходно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Говоря, что только съ присоединенія къ Москвѣ Малороссіи «стала яснѣе уразумѣваться» наша историческая задача и «опредѣлительно выступили на сцену» — борьба съ турками, онъ, между прочимъ, высказываетъ слѣдующее: «Собственно эта борьба явилась логическимъ послѣдствіемъ прежнихъ отношеній къ мусульманскому Востоку казаковъ. Въ Малороссіи, прежде чѣмъ эта страна съ своимъ народомъ успѣла *втѣлеситься* въ русскую державу, естественно явилась партія недовольныхъ возникшимъ порядкомъ вещей, особенно до-

говоромъ, заключеннымъ съ Польшею въ Андрусовѣ. Гетманъ Дорошенко обратился къ Турціи, предложивъ взять подъ протекцію малорусскій край. Это повлекло къ нашествію турокъ и къ войнѣ разомъ съ Польшею и Россіей». Тогда-то именно Алексѣй Михайловичъ и разослалъ уже самъ къ европейскимъ державамъ окружное посланіе, призывавшее ихъ на враговъ креста и послужившее началомъ цѣлому ряду войнъ съ турками. «Вотъ когда, говоритъ Костомаровъ:—первый разъ громко заговорила Россія и заявила, что она сознала свою историческую задачу!» Да, какъ разъ съ тѣхъ поръ, когда, по прекрасному выраженію Костомарова, обстоятельства побудили Малороссію *втѣлеситься* въ русскую державу, когда интересы ея сдѣлались нашими интересами и когда, черезъ посредство ея, мы пришли въ болѣе непосредственное соприкосновеніе съ крымскою ордою, и безъ того часто безпокоившею насъ своими набѣгами; но задача эта, надо полагать, была нѣсколько отлична отъ задачи, выставляемой г. Костомаровымъ. Не мнѣ, конечно, разсказывать почтенному историку, что причины раздора между Малороссіей и сосѣднимъ магометанскимъ міромъ были соціально экономическія, принимавшія зачастую религіозно-политическій характеръ и во всякомъ случаѣ проистекавшія не изъ поведенія турокъ на Балканскомъ Полуостровѣ. Знаетъ онъ также и исторію Украйны и Запорожья, исторію возникновенія нашего казачества и исторію малорусской распри съ Великороссіей и Польшей въ связи съ стремленіемъ на югъ, знаетъ онъ, говоримъ мы, что причины тогдашнихъ событій были опять таки не отвлеченныя, а исполненныя жизненнаго значенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всегда почти выступалъ на сцену и религіозный элементъ, то одушевлявшій казаковъ и русскихъ въ борьбѣ съ невѣрными, то поднимавшійся между казачествомъ и Польшей изъ-за Уніи, но онъ никогда не былъ преобладающимъ и тѣмъ болѣе исключительнымъ элементомъ раздора.—Гетманъ Дорошенко обратился за протекторатомъ къ Турціи, конечно, не ради религіозныхъ цѣлей. Да и въ самыхъ нашихъ войнахъ, наконецъ, съ Турціей, направлявшихся преимущественно на очищеніе нашего юга отъ татарской орды, можно видѣть совсѣмъ иное направленіе и совсѣмъ иную послѣдовательность.

Первая война, кончившаяся при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, въ 1681 г., навсегда утвердила за нами Украйну и Запорожье. Вторая война, начатая Софьей Алексѣевной, направлялась уже въ Крымъ. Петръ I и Анна Іоанновна продолжали идти въ томъ же направленіи на югъ, юго-востокъ и юго-западъ, беря Азовъ, Перекопъ, Очаковъ и др. Войны Екатерины имѣли результатомъ пріобрѣтеніе азовскихъ и черноморскихъ береговъ и пространства между Бугомъ и Днѣстромъ. При Александрѣ I турки оттѣсняются еще дальше по направленію къ Балканамъ, и по букурештскому миру къ намъ отходитъ Бессарабія. Во всемъ этомъ видно одно: оттѣсненіе Турціи; по мѣрѣ того, какъ Россія полити-

чески объединяется и крѣпнетъ, она расширяетъ свои предѣлы. Россія, конечно, прежде была слаба для борьбы съ Турціей. Это совершенно вѣрно, хотя къ этому необходимо добавить, что она и при Алексѣѣ Михайловичѣ была гораздо слабѣе Турціи, а въ союзѣ съ другими европейскими государствами могла уравновѣсить свои силы. Дѣло въ томъ, что тогдашніе интересы ея не затрогивались близко, а тогдашніе политики смотрѣли слишкомъ близко въ землю, въ противуположность позднѣйшимъ, которые смотрѣли слишкомъ вдаль. Мимоходомъ, разумѣется, освобождались и христіанскія населенія и народы. Изъ всѣхъ нашихъ войнъ наиболѣе идеальною, начатою для наиболѣе отдаленныхъ цѣлей, хотя собственно политическія комбинаціи и тутъ были, была первая война, начатая Николаемъ Павловичемъ за независимость Греціи. То было время возвышенныхъ мечтаній: тогда всѣ государственные и великіе люди, начиная съ Николая Павловича и кончая Байрономъ, мечтали о возстановленіи классическаго міра.—Даже разочарованный поэтъ занимался склеиваніемъ старой посуды. Турецко-египетскій флотъ сожгли въ наваринскомъ сраженіи, какъ помните, соединенныя эскадры Россіи, Англіи и Франціи. Затѣмъ уже пошла рѣчь о дѣйствительномъ покровительствѣ Молдавіи, Валахіи, Сербіи и т. д. Я говорю о дѣйствительномъ покровительствѣ, потому что мало ли о чемъ мы толковали и мечтали? Но неужели же трудно отличить во всѣхъ этихъ войнахъ два направленія, рѣзко отличныя другъ отъ друга: одно, такъ сказать, непосредственно-народное, вызванное необходимостью, другое—внѣшнее, направляемое сверху, вызываемое высшими политическими соображеніями то для расширенія владѣній и округленія границъ, то для освобожденія народовъ или, какъ говорилось въ одно время, для исполненія какого-то духовнаго завѣщанія? Неужели трудно отличить борьбу съ Крымомъ отъ борьбы съ Турціей и со всѣмъ магометанскимъ міромъ, борьбу за Малороссію отъ борьбы за Грецію и Румынію? Мы говоримъ все это, какъ видитъ читатель, вовсе не для защиты г. Карновича, а для того, чтобы сказать, что мысль объ освобожденіи христіанъ, дѣйствительно, раздалась впервые съ Запада, что объ этомъ только мечтали высшіе классы (въ то время, какъ русскій народъ находился въ крѣпостномъ состояніи), что сочувствіе народа борьбѣ съ Турціей прежде опредѣлялось совершенно особаго рода причинами, что послѣдующія наши войны вовсе не были народными и что въ бо̀льшей части этихъ войнъ даже самая политика наша вовсе не руководствовалась идеею освобожденія славянскихъ земель и Греціи, а обыкновенными государственными соображеніями. Въ мотивахъ, выставлявшихся въ качествѣ поводовъ для войны, могли, конечно, являться и мысли объ освобожденіи балканскихъ христіанъ, но это ничего не доказываетъ. Когда Алексѣй Михайловичъ посылалъ къ европейскимъ дворамъ свое окружное посланіе, призывая ихъ на враговъ креста, то развѣ не примѣшивалось у него къ этому «по-

стороннихъ цѣлей?» Когда подобныя же причины выставлялись мотивами послѣдующихъ войнъ, не исключая и крымской, то развѣ также обходилось дѣло безъ этихъ «постороннихъ цѣлей», бывшихъ собственно главною цѣлью? Можетъ быть, подобный ходъ нашей исторіи и эгоистиченъ, но со стороны народа онъ вполнѣ естественъ, а со стороны политики—составляетъ несомнѣнный фактъ. И къ чему же, спрашивается, уснащивать вопросы и затемнять настоящій смыслъ событій? Г. Костомаровъ говоритъ о вліяніи Византіи на Россію: это вліяніе, по его словамъ, «было такъ велико и разнообразно, что требовались бы многіе томы на его объясненіе». Именно многіе томы, сообразно съ трудностью доказательствъ, въ особенности доказательствъ того, что вліяніе это сохранилось и до сихъ поръ и распространяется нетолько на культурные слои, но и на народную массу. Это вліяніе, это духовное родство наше, обратившееся въ труизмъ и употребляемое по бо̀льшей части по преданію, давно бы уже было пора снести въ архивъ. Г. Костомаровъ приводитъ, въ доказательство родства, константинопольскій патріархатъ и архіереевъ изъ грековъ, и балканскихъ славянъ, бывшихъ когда-то въ Кіевѣ; но скажите на милость: кто изъ народа помнитъ о столь отдаленномъ прошломъ и не забылъ еще балканскихъ архіереевъ? Онъ приводитъ вліяніе кодекса церковнаго законоположенія, остающагося до сихъ поръ основою церковнаго правосудія; но кто изъ народа знаетъ, что это—византійскій кодексъ и что у грековъ, болгаръ и другихъ славянъ тотъ же кодексъ? Да и у всѣхъ ли, наконецъ, славянъ тотъ же кодексъ? Г. Костомаровъ говоритъ о священныхъ книгахъ, но кто изъ народа (благодаря, разумѣется, недостаточности народнаго образованія) знаетъ эти книги и знаетъ то, что у славянъ тѣ же книги? Г. Костомаровъ говоритъ, что «византійскіе обычаи долго были у насъ признаками культурности въ общежитіи, начиная отъ живописнаго и архитектурнаго искуствъ до княжескихъ и боярскихъ одеждъ» и что «даже послѣ паденія Византіи, московскій дворъ представлялъ собою сколокъ съ бывшаго константинопольскаго двора». Все это несомнѣнно вѣрно, такъ же вѣрно, какъ и то, что Кириллъ и Меѳодій перевели Евангеліе на славянскій языкъ; но скажите пожалуйста: кто изъ народа знаетъ о византійской архитектурѣ и живописи, кто строилъ себѣ избы въ византійскомъ стилѣ и носилъ византійскія одежды? Мы знаемъ, что объ этомъ много писано книгъ, въ которыхъ какъ дважды два доказывается византійское происхожденіе зипуна, но думаемъ, что эти вопросы, помимо бездоказательности многаго, потеряли уже всякое жизненное значеніе и пригодны развѣ только какъ матеріалъ для антикварскихъ бесѣдъ и препирательствъ. Вѣдь выйдя на этотъ путь, можно будетъ зайти Богъ знаетъ куда: можно дойти до кровнаго родства русскаго народа съ Палеологами, до духовнаго родства со Спартою, а пожалуй и еще дальше, и это въ то время, когда у насъ есть болѣе

близкія родства съ европейскими государствами и цивилизаціями. Неудовлетворительны эти цивилизаціи—постараемся пойти дальше; постараемся воспользоваться тѣми задатками, которые есть въ нашемъ народѣ, которые приближаютъ насъ къ высшему гражданскому типу и которые позволяютъ намъ стать на высшую культурную ступень; воспользуемся опытомъ Западной Европы и не будемъ повторять ея ошибокъ. Во всякомъ случаѣ, европейскія цивилизаціи выше античныхъ, выше уже по одному тому, что въ нихъ нѣтъ рабства и человѣческая личность болѣе защищена; во всякомъ случаѣ, надо двигаться впередъ новыми путями, а не по античнымъ тропинкамъ. Г. Костомаровъ говоритъ еще, что мы, находясь со всѣми балканскими христіанами въ духовномъ родствѣ, съ половиною ихъ находимся еще въ родствѣ племенномъ. Этого рода родство, заключающееся, разумѣется, не въ крови, а въ обычаяхъ и нравахъ, въ обычномъ правѣ, въ порядкѣ общественнаго устройства и соціально-экономическихъ воззрѣній, дѣйствительно могло бы послужить объединяющимъ и связующимъ звеномъ между Россіей и западными славянами; но представьте себѣ, что на эту-то сторону меньше всего и обращено вниманія нашею литературою и самимъ г. Костомаровымъ. По этому поводу, если не считать прежнихъ скудныхъ историческихъ изысканій, въ нашей прессѣ за все время войны никто обстоятельно даже не обмолвился. Кто у насъ изучалъ экономическую и бытовую жизнь Герцеговины, Болгаріи, Сербіи, кто изслѣдовалъ задругу и сопоставлялъ ее съ русскою и, положимъ, швейцарскою общиною, кто изучалъ политическія воззрѣнія западныхъ славянъ и сопоставлялъ ихъ съ воззрѣніями русскаго народа? За исключеніемъ немногихъ сухихъ спеціалистовъ, въ родѣ г. Будиловича, подвизающагося въ «Гражданинѣ», отъ которыхъ для жизни получается столько же пользы, какъ отъ козла молока, наши газетчики и общество хорошенько не знали даже географіи славянскихъ земель и этнографіи славянскихъ народовъ. Большинство у насъ, подобно Гр. Бланку (№ 2 «Гражданина», 1878 г.), понимало племенное родство именно въ смыслѣ кровнаго родства, примѣрно въ родѣ того, какъ двѣ дворянскія фамиліи, обитающія въ разныхъ губерніяхъ, происходятъ отъ одного корня, хранящагося въ шестой книгѣ. Можно думать, что г. Костомаровъ, говоря о духовномъ родствѣ, также понимаетъ подъ этимъ гораздо больше родство священнаго писанія, архитектуры, живописи и т. п., чѣмъ что-либо другое, такъ какъ объ этомъ другомъ въ статьѣ ни слова. Все это, впрочемъ, и къ лучшему, потому что самый маленькій осколочекъ истины въ рукахъ нашей прессы былъ бы опаснѣе, чѣмъ цѣлые громадные хлопчато-бумажные тюки чувствъ и мыслей, которыми она разсчитывала пробить народную скалу и извлечь оттуда такой потокъ, который затопилъ бы Турцію, а если подошла бы линія, то и всю Европу. Но и то родство, о которомъ мы говоримъ, слишкомъ слабо между русскими и бал-

канскими славянами: раздѣленные отъ насъ вѣками и находясь въ общеніи и подъ властью турокъ, они, какъ это свидѣтельствуютъ многіе наблюдатели, по складу характера, взглядамъ на жизнь, убѣжденіямъ и обычаямъ, гораздо больше подходятъ къ туркамъ, чѣмъ къ намъ, хотя нѣкоторые обычаи и общіе слѣды патріархальнаго быта еще и сохранились. Не отличаясь отъ турокъ ни одеждой, ни нравственной физіономіей, они не имѣютъ, въ тоже время, русскаго прямодушія и отличаются вѣроломствомъ, хитростью и вообще качествами народовъ, находившихся подъ долгимъ гнетомъ, въ чемъ, разумѣется, нисколько не виноваты; они во многихъ отношеніяхъ даже уступаютъ туркамъ, т. е. собственно турецкому народу, который вовсе не такой чортъ, какъ его размалевывали газеты, неумѣвшіе отличать солдата и башибозука отъ крестьянина и смѣшивавшія турецкихъ чиновниковъ съ народомъ.—Когда турки держались, наши историческіе братья-болгары явно тяготѣли къ нимъ, когда мы побѣждали — они отдавали свои симпатіи намъ. Газеты не разъ писали о холодности болгаръ и сербовъ къ русскимъ, объясняя это тѣмъ, что это, молъ—только частные факты, что нельзя, молъ, требовать, чтобы всѣ поголовно сочувствовали и т. п., хотя подобное объясненіе, съ одинаковымъ удобствомъ, можно приложить и къ выраженіямъ сочувствія, сочувствія нетолько какъ къ освободителямъ, но и какъ къ кровнымъ и духовнымъ родственникамъ. Когда приходилось, то балканскіе христіане совершали надъ турками не меньшія звѣрства, чѣмъ тѣ совершали надъ ними. Словомъ, родства духовнаго и бытоваго между нами мало; что же касается до родства кровнаго, какъ его понимало большинство, то оно еще непонятнѣе для нашего народа. Все это надо ему еще разсказывать, внушать, втолковывать, надо убѣждать его, что это родство нѣсколько ближе, чѣмъ по Адаму. Противъ разсказовъ, какъ и вообще противъ сообщенія народу историческихъ свѣдѣній, мы, конечно, ничего не имѣемъ; но противъ втискиванія въ него религіозной нетерпимости, племенныхъ симпатій и антагонизмовъ высказываемся со всею силою прочныхъ убѣжденій. Эти вопросы гораздо чаще служатъ орудіемъ эксплуатаціи народовъ и отвлекаютъ ихъ отъ дѣйствительныхъ задачъ, чѣмъ становятся источникомъ ихъ счастія. Кромѣ того, эти вопросы далеко не выяснены, не переварены еще самими нашими славянофилами и далеко не согласованы съ требованіями современной жизни, а при такихъ условіяхъ, они должны производить въ народномъ сознаніи не малый сумбуръ: представьте себѣ, что мы говоримъ о кодексѣ церковнаго законоположенія, о священныхъ книгахъ и проч., подразумѣвая духовное родство всѣхъ славянъ, а И. Аксаковъ, въ письмѣ къ «*достопочтенному господину*» Ригеру («достопочтенный господинъ» славянофилы пишутъ вмѣсто «милостивый государь»), восклицаетъ: «Чехи, чехи! такъ ли, какъ должно, чтите вы память вашего Гуса?.. Чехи, чехи! Констанцскій соборъ не расходился—

онъ пребываетъ и поднесь, мѣняя только названія... Костеръ Гуса не угасъ, онъ продолжаетъ пылать, но уже не въ Констанціи только, а въ самой Прагѣ. Кто же поддерживаетъ пламя? Кто подкладываетъ дрова въ костеръ? Всѣ, всѣ связанные духовными узами съ Римомъ, всѣ пребывающіе въ духовномъ единеніи съ убійцами Гуса... Угасите же костеръ Гуса»[1] и т. д. Что̀, во-первыхъ, можетъ подумать о чехахъ русскій народъ, что̀, во-вторыхъ, могутъ подумать чехи о насъ и что̀, наконецъ, въ-третьихъ, скажетъ, смотря на все это, княгиня Марья Алексѣевна, т. е. Европа, въ лицѣ, положимъ, Австріи, безъ которой, надо полагать, погашеніе костра Гуса не состоится? Но, не доходя даже до Европы, вы видите, что сейчасъ уже готова вспыхнуть братоубійственная борьба между самимъ славянствомъ, между И. Аксаковымъ и пребывающими въ духовномъ единеніи съ убійцами Гуса. Сейчасъ я приведу еще примѣръ, примѣръ болѣе свѣжій, относительно политическихъ стремленій балканскихъ христіанъ, насколько таковыя успѣли выразиться. Сербія и Румынія, какъ извѣстно, выразили неудовольствіе по поводу границъ, имѣющихъ быть проведенными послѣ заключенія мира: Румынія не желаетъ, чтобы отъ нея была отрѣзана Бессарабія; Сербія недовольна за то, что, въ обмѣнъ на Бессарабію, мы предлагаемъ Румыніи Добруджу и Виддинскій Вилайетъ, чѣмъ границы Сербіи по Дунаю ухудшаются и, кромѣ того, между нею и Болгаріей вставляется румынскій клинъ, въ видѣ Виддинскаго Вилайета, въ которомъ нѣтъ даже румынскаго населенія, и порождается опасеніе насчетъ вліянія Румыніи на восточную Сербію. Едва замолкли пушечные громы, какъ уже поднялся этотъ роковой вопросъ племеннаго антагонизма между бывшими дотолѣ братьями и союзниками. Побѣждать народы и словесно имъ сочувствовать, видите ли, гораздо легче, чѣмъ ихъ устраивать и дѣйствительно имъ сочувствовать. Что думала по этому поводу наша пресса? какъ она разсчитывала устроить Болгарію, Сербію, Герцеговину? Приходило ли ей въ голову, что наши братушки могутъ за что нибудь остаться на насъ недовольны, а, пожалуй, и обратиться въ нашихъ враговъ? Мы, кажется, совсѣмъ не думали по этому поводу, предполагая, конечно, что все, что̀ бы мы ни сдѣлали для этихъ несчастныхъ народовъ, должно вызывать въ нихъ только благодарность и восторги, подобно тому, какъ нищій долженъ благодарить насъ за всякое подаяніе. Проэктовъ, пожалуй, было не мало: тутъ были и присоединенія, и руссификаціи, и автономіи, и самостоятельности, и федеративные союзы, и южно-славянское государство съ принцемъ европейской крови во главѣ и проч., и проч.; но все это говорилось словно съ просонокъ, говорилось какъ-то между прочимъ и было набросано въ такую кучу, въ которой все перемѣшалось въ настоящій хаосъ. Гово-

[1] См. «Новое Время» № 447, 1877 г.

ря это, мы, конечно, оставляемъ въ сторонѣ соображенія нашей политики, которыхъ никто не зналъ и въ которыхъ, вѣроятно, заключался извѣстный планъ, а говоримъ о русской печати и русскомъ обществѣ, которыя никакого опредѣленнаго плана не имѣли. Представьте себѣ, что по окончаніи войны былъ бы поставленъ слѣдующій вопросъ: ну, госпожи газеты и господа вольные политики, что же мы теперь сдѣлаемъ для народовъ?! Тутъ, вѣроятно, произошло бы нѣчто въ родѣ столпотворенія вавилонскаго, произошло бы настоящее смѣшеніе языковъ, а, въ концѣ концовъ, мы посовѣтовали бы народамъ не быть слишкомъ требовательными. Конечно, у насъ нашлось бы при этомъ не мало доводовъ и насчетъ черной неблагодарности, и насчетъ фактической силы для подавленія протеста, и насчетъ того, что Пруссія, совершая дѣло германскаго объединенія, не церемонилась съ мелкими нѣмецкими государствами, половину территоріи которыхъ, по выраженію Гейне, можно унести въ грязную погоду на калошахъ и которыя не понимаютъ, конечно, соображеній высшей политики. Все это, въ той или иной формѣ, уже говорилось и говорится нашею прессой по поводу заявленныхъ Сербіей и Румыніей неудовольствій. Развѣ «Новое Время» не называло протеста румынской газеты «Telegraful»'а противъ отчужденія Бессарабіи—«образчикомъ глупостей»? развѣ оно дипломатическими устами г. Скальковскаго не доказывало, что съ румынскимъ населеніемъ въ Бессарабіи нѣчего церемониться, потому что все это «проходимцы», что на всю Румынію нѣчего обращать вниманія, потому что мы имѣемъ дѣло съ ея сюзереномъ—Турціей, а не съ нею, что самыя даже прославленныя «широкія гарантіи личной свободы» и абсолютная свобода печати, которыя мы находимъ въ Румыніи, не стоятъ выѣденнаго яйца, потому что «въ странѣ такъ мало граматныхъ» и потому что «очевидно, что болгары, нѣмцы, русскіе раскольники и другіе осѣдлые жители южной Бессарабіи далеко не въ силахъ оцѣнить различія страны свободной отъ несвободной»? («Нов. Вр.» 17-го февраля 1878 г.). Мы, повидимому, и не подозрѣвали даже, чтобы въ такихъ маленькихъ земляхъ могли быть какія нибудь самостоятельныя политическія стремленія, кромѣ тѣхъ, какія мы укажемъ. А между тѣмъ, стремленія эти оказались... Румынія нетолько заявила претензію на полную самостоятельность европейской державы, но и на присоединеніе къ себѣ округовъ, населенныхъ сербами. Сербія заявила претензію на роль Балканскаго Піемонта, на объединеніе сербовъ, на присоединеніе Болгаріи, Босніи и другихъ славянскихъ земель, т. е. вообще на основаніе подъ своимъ главенствомъ «большого южно-славянскаго государства, которое простиралось бы отъ Дуная до Эгейскаго Моря и отъ береговъ Искера до Моря Адріатическаго». Болгарія, разумѣется, не желаетъ этого, желаетъ быть самостоятельной и не хочетъ даже «допустить надъ собой на долгій срокъ опеку Россіи» («Нов. Вр.», № 731, 1878). Вѣроятно, того же самаго

желаютъ и остальныя, меньшія славянскія земли, голосъ которыхъ игнорируется и не доходитъ до европейскихъ кабинетовъ [1]. Какъ смотрите вы, г. Костомаровъ, на всѣ эти партикуляризмы съ одной стороны и на политическія претензіи главенствовать надъ другими племенами — съ другой? Намъ кажется, что все это наполняетъ жизнь ненужною борьбою и создаетъ лишь сотню-другую честолюбивыхъ мечтателей о министерскихъ портфеляхъ и цѣлыя тысячи національ-спекулянтовъ всовозможныхъ видовъ и оттѣнковъ; намъ кажется, что все это не двигаетъ впередъ ни цивилизацію, ни науку (что̀ такое, напримѣръ, взятыя въ отдѣльности — сербская или болгарская наука?) и, главное, принося народу сомнительную пользу и закрывая ему глаза на дѣйствительное зло, дѣлаетъ его игрушкою политическихъ интригъ, жертвою честолюбія, своекорыстія и борьбы высшихъ сословій. А между тѣмъ, все это непосредственно вытекаетъ изъ тѣхъ самыхъ началъ племеннаго и духовнаго обособленія и исключительности, которыя вы берете подъ свою просвѣщенную защиту и которымъ подыскиваете историческую и, главное, народную санкцію, чего въ особенности дѣлать не слѣдовало бы. Правда, вы проводите религіозный и племенный антагонизмъ подъ флагомъ духовнаго родства и говорите только о борьбѣ противъ Турціи и иноплеменниковъ; но согласитесь, что основное міровоззрѣніе и тамъ, и тутъ одно и тоже, согласитесь, что антагонизмъ маленькихъ групъ также законенъ, какъ и антагонизмъ большихъ групъ. И посмотрите, что̀ говорилъ, напримѣръ, недавно Ристичъ въ совѣтѣ министровъ: «Если, говорилъ онъ: — самымъ законнымъ стремленіямъ сербскаго народа суждено не осуществиться, благодаря своекорыстной политикѣ Россіи, добивающейся обрусенія всѣхъ балканскихъ славянъ», то мы будемъ слѣдовать политикѣ Іосифа II, австрійскаго, и при его помощи оснуемъ южно-славянское государство. «Только такимъ путемъ можно положить предѣлъ безграничному русскому произволу и поставить подъ мощную охрану габсбургской монархіи наше національное достояніе, нашъ языкъ, литературу, вѣру и въ особенности нашъ конституціонный образъ правленія» («Нов. Вр.» № 713, 1878 г.). Болгаре также обнаруживаютъ тяготѣніе къ Австріи, которая, даже въ случаѣ присоединенія къ ней Болгаріи, «не можетъ нанести никакого удара ихъ національности» («Нов. Вр.» № 731, 1878 г.). Въ Босніи раздаются тѣ же самые голоса, и «все болѣе и болѣе укореняется убѣжденіе» въ необходимости присоединенія къ Австріи («Бирж. Вѣд.» № 72, 1878 г.). У братушекъ, какъ видите, все, начиная съ вѣры и кончая литерату-

---

[1] Въ газетахъ уже были извѣстія, что въ Босніи говорятъ о независимости подъ покровительствомъ Австріи, что изъ Албаніи предполагается образовать отдѣльное княжество подъ протекторатомъ Италіи. Пишутъ еще, что Далмація также хочетъ самостоятельности и не хочетъ присоединенія къ Хорватіи («Нов. Время», № 737, 1878 г.).

рой, оказывается настолько особеннымъ отъ насъ, что является нужда въ охраненіи отъ насъ. Но судьбы Балканскаго Полуострова, какъ извѣстно, тѣсно связаны еще съ Греціей, съ которою у насъ «такое большое духовное родство» и которая больше, чѣмъ кто либо другой, мечтаетъ о Константинополѣ и панэллинизмѣ. Вотъ что̀ высказываетъ газета «Картерія», газета, издающаяся въ той самой странѣ, которая, въ теченіи двухъ лѣтъ, каждый день собиралась объявить войну Турціи.

«Слѣдя за тріумфальной колесницей панславизма и служа интересамъ своихъ неумолимыхъ враговъ, мы, говоритъ аѳинская газета:—потеряли бы и то, что̀ пріобрѣли съ такимъ трудомъ—независимую политическую дѣятельность, довѣріе и сочувствіе европейскихъ націй, принимающихъ желанія и стремленія панславизма. Какихъ дѣйствительныхъ выгодъ могли мы ожидать, ставши глупыми пресмыкающимися орудіями русской политики, которая явно гонится за всецѣлою гибелью нашей политической будущности, ищетъ съ преисподнею настойчивостью обулгарить Ѳракію и Македонію? Воюя объ руку съ русскими войсками, имѣли-ль мы развѣ надежду, что русская политика оставитъ свои противоэллинскія цѣли и намѣренія? Глупы и слѣпы, по истинѣ, тѣ, которые убаюкиваютъ себя такими идеями и убѣжденіями. Мы знаемъ, къ несчастью, что есть еще между нами люди, жалко заблуждающіеся и вѣрящіе, что мы многое пріобрѣли бы, или пріобрѣтемъ въ будущемъ, дѣйствуя за одно съ славянами и служа преданно державному хотѣнію святой Россіи. Но всѣ эллины должны убѣдиться изъ того, что̀ дѣлается теперь, что прошло невозвратно то время безполезныхъ жертвъ для Россіи. Надобно, чтобы хорошо поняли, что эллинская стихія имѣетъ своимъ неумолимымъ врагомъ Россію и что въ будущемъ судьба греческаго народа связывается неразрывно съ судьбою враждебно расположенныхъ къ Россіи европейскихъ націй, коихъ расположенія и покровительства надобно домогаться всякими жертвами» («Нов. Вр.» № 713, 1878 г.).

Вотъ ка̀къ заговорила битая посуда, которую мы когда-то склеивали! И развѣ можно разубѣдить Грецію въ томъ, что претензія на Константинополь и на возстановленіе ея прежняго величія связаны съ большими препятствіями и неудобствами для другихъ народовъ, что претензіи эти даже неосновательны? Конечно, нѣтъ: у нея и преданіе, и историческія права, и совершенное забвеніе того, что прежде греки удивляли міръ храбростью, а теперь удивляютъ его трусостью, что прежде греки были мыслители, поэты и ученые, а теперь—торгаши, что прежде греки, по крайней мѣрѣ, не эксплуатировали грековъ-гражданъ, а теперь греческій народъ въ экономическомъ рабствѣ у торгашей и совершенно замѣнилъ собою древнихъ рабовъ. Конечно, газета «Картерія» не есть еще вся Греція: ея политическіе представители, разные эти Попандопуло и Трикуписы, будутъ, разумѣется, выражаться нѣсколько сдержаннѣе (хотя думаютъ, ко-

нечно, тоже самое), а народъ, вѣроятно, и не залетаетъ даже такъ высоко въ политическія облака; но штука въ томъ, что она стоитъ на той же самой почвѣ узкаго національизма, на какой стоитъ и Сербія и Румынія, и другія государства, на почвѣ, на которой было пролито такъ много народной крови и слезъ и на которой для народа ничего не выросло. Газеты наши, разумѣется, ругаются; прежде всего говорится, конечно, Греція «неблагодарна»; затѣмъ, что претензіи ея похожи на «маленькаго человѣчка, заказывающаго большія каблуки» («Совр. Изв.»); что кругозоръ сербскихъ политиковъ и «ограниченъ», и «жалокъ» и проч. («Нов. Вр.»). «Новое Время» совѣтуетъ Ристичу меньше заниматься «иллюзіями» и больше заботиться объ охраненіи сербской конституціи «отъ произвола чиновниковъ и отъ подтасованныхъ выборовъ въ скупштину» (№ 713, 1878 г.). Это, дѣйствительно, было бы гораздо лучше. «Новое Время» утѣшаетъ себя также еще мыслью, что Ристичъ вовсе еще не выражаетъ собою мнѣнія «цѣлаго сербскаго народа», который, вѣроятно, такихъ глупостей не желаетъ и не пойдетъ «продавать себя никому» (т. е. Австріи), или, другими словами: что Ристичъ—самъ по себѣ, а сербскій народъ—самъ по себѣ. А это дѣйствительно такъ вѣрно, какъ не можетъ быть вѣрнѣе. Я даже не ожидалъ этого отъ «Новаго Времени». Вотъ ужь именно истина говоритъ иногда устами неразумныхъ младенцевъ. Впрочемъ, сказано это имъ второпяхъ, въ нуждѣ и, главное, по отношенію къ Ристичу. Но точно также мы думаемъ и насчетъ того, что «Новое Время»—само по себѣ, а русскій народъ—самъ по себѣ, что вообще въ вопросахъ войны, которую наши газеты объявили народною, русскій народъ, былъ самъ по себѣ, а газеты сами по себѣ. О «подъемѣ народнаго духа» («Русскій Міръ»), о томъ, что русскій народъ возсталъ, «какъ одинъ человѣкъ» («Собесѣдникъ»), что «чувства народа полились, какъ лава изъ огнедышащей горы» («Совр. Изв.), что русскій народъ не хочетъ мира и непремѣнно требуетъ, чтобы мы взяли Константинополь и добили Турцію «какъ волка» (Гр. Бланкъ, въ «Гражданинѣ»), какъ «змѣю» (Иловайскій въ «Моск. Вѣд.») и проч..—заговорили газеты и люди, нетолько имѣющіе мало общаго съ народомъ, но зачастую игнорировавшіе его и даже относившіеся къ нему враждебно. Отъ лица народа говорили «Гражданинъ», который недавно еще восклицалъ, что Некрасовъ былъ «пѣвцомъ какихъ-то современныхъ народныхъ скорбей», «плакальщикомъ надъ какими-то фальшивыми страдальцами» (№ 1, 1878), и «Москов. Вѣдом.», симпатіи которыхъ къ народу слишкомъ извѣстны. Наибольшимъ патріотизмомъ пылали у насъ гг. Гофманы, Моллеры, Миллеры и Зиссерманы. А Зиссерманъ такъ тотъ, по случаю проливовъ, когда зашла рѣчь, что съ ними связаны европейскіе интересы, даже прямо обращался къ народу: «Русскій народъ, восклицалъ онъ:—ты слышишь, что̀ тебѣ говорятъ!..» («Москов. Вѣд.» № 30, 1878). Но мало ли что̀ говорили русскія

газеты. Онѣ утверждали, что русскій народъ питаетъ вѣковую и непримиримую ненависть къ туркамъ и «христопродавцамъ» — англичанамъ (какъ ихъ называлъ г. Иловайскій въ «Моск Вѣд.»); онѣ увѣряли, что малыя крестьянскія дѣти въ утреннихъ своихъ молитвахъ молятся за Черняева («Нов. Вр.»), что русскій народъ не желаетъ видѣть Биконсфильда во главѣ англійскаго министерства и т. д. Надо только удивляться этой смѣлости, этой удивительной развязности, которыя возможны только благодаря полной безгласности народа. Г. Потапкинъ, который, въ прошломъ году, потребовалъ отъ «Neue Freie Presse» удовлетворенія («печатнаго», конечно) за оскорбленія, которыми эта газета «надѣляла русскій народъ и русскую политику», стоитъ, безъ сомнѣнія, гораздо выше многихъ газетъ: тотъ говорилъ — «*Я требую*», и выходило только комично, а эти говорили — «народъ требуетъ», «народъ хочетъ» и т. д. Слушая это, невольно являлся вопросъ: насколько вѣрны эти «народъ требуетъ», «народъ хочетъ» и насколько вѣроятны данныя народомъ полномочія, на что̀ г. Костомаровъ не обратилъ никакого вниманія? Вы, г. Костомаровъ, просто были введены въ заблужденіе этою удивительною газетною смѣлостью. Вы никакъ не могли представить себѣ, что газета, имѣющая какихъ-нибудь 10 — 20,000 подписчиковъ, еще не можетъ говорить отъ лица всей Россіи, точно такъ же, какъ не можетъ одинъ какой-нибудь петербургскій житель предъявлять отъ имени Петербурга требованій, заключать контракты и проч. Среди немногочисленныхъ подписчиковъ нашихъ газетъ можетъ быть много дураковъ, можетъ быть много людей, заинтересованныхъ въ дѣлѣ лично, можетъ, наконецъ, не быть ни одного человѣка изъ народа. Гдѣ, когда и какимъ образомъ народъ самъ заявлялъ о войнѣ противъ Турціи? Не примете же вы ту массу воинственныхъ стиховъ по случаю нашихъ побѣдъ, которыми, говорятъ, заваливались редакціи, за произведеніе народнаго творчества? не назовете же вы тѣ банальныя лубочныя картинки, которыя Москва распространяетъ въ милліонныхъ экземпляровъ, за народную живопись? Помните вы о тѣхъ массахъ, которыя двигались, по нашимъ газетамъ, въ Сербію. Считая ихъ, можно было устать отъ счета: 200 чел., 500 чел., 1,000 чел. и т. д. Но вотъ что̀ пишетъ Черняевъ въ своемъ письмѣ изъ Пятигорска, отъ 6 декабря 1877 года: «Подъ моимъ начальствомъ въ Сербіи, отъ начала войны до заключенія перемирія, было русскихъ добровольцевъ 646 офицеровъ и 1,806 рядовыхъ». Въ ибарской и дринской арміяхъ, добавляетъ Черняевъ, «добровольцевъ было немного». Это менѣе чѣмъ немного для 95 милліоннаго народа, возставшаго, «какъ одинъ человѣкъ» и чувства котораго полились, «какъ лава изъ огнедышащей горы». Это, въ особенности, немного послѣ газетной агитаціи и послѣ того, какъ мы припомнимъ, что шли въ Сербію больше отставные солдаты, по бо̀льшей части безродные бобыли, на которыхъ не лежало ни семейныхъ, ни податныхъ обязанностей и которые несомнѣнно

прихватили во время службы военнаго духа, что шли туда больше офицеры, то прогулявшіеся въ отставкѣ, то съ оскорбленнымъ по службѣ самолюбіемъ, то не находившіе дѣла, разочарованные... Можетъ быть, послѣдніе, составлявшіе, какъ увидимъ ниже, совершенно законный продуктъ нашей жизни послѣ 19 февраля 1861 года, и искренно были заинтересованы въ судьбахъ балканскаго населенія, но они, во всякомъ случаѣ — не народъ, положеніе котораго совсѣмъ особое и у котораго совсѣмъ особыя жизненныя и историческія задачи. Вѣковой племенной и религіозной ненависти къ туркамъ у русскаго народа не было и нѣтъ. Относительно прошедшихъ вѣковъ это превосходно доказано г. Карновичемъ (въ особенности, во 2-й его статьѣ), доказавшимъ тоже самое и относительно турокъ по отношенію къ намъ и христіанству вообще. Что же касается не до умершаго, а до живаго нашего народа, то онъ никогда не видѣлъ ни турокъ, ни болгаръ, ни сербовъ, ни герцеговинцевъ, ни грековъ (послѣднихъ, можетъ быть, и видѣлъ кое-гдѣ въ качествѣ разносителей разныхъ священныхъ предметовъ съ Аѳонской Горы, которыхъ очень часто преслѣдовала за обманъ наша полиція). Газеты переполнены извѣстіями, что даже цѣлые губернскіе города, сбѣгавшіеся подивиться на плѣнныхъ, никогда не видѣли ни одного турка; гдѣ-то даже ощупывали плѣнныхъ, чтобы убѣдиться «все ли у нихъ такъ, какъ и у насъ» [1], а въ Ревелѣ, когда разнесся слухъ, что одинъ турокъ родилъ, то весь городъ переполошился и многіе, говорятъ, повѣрили, что турки рожаютъ. Но привезите вы въ наши города и села партію грековъ или болгаръ, и навѣрное будетъ тоже самое. Спрашивается: какъ, при такихъ условіяхъ, могутъ являться симпатіи къ однимъ и антипатіи къ другимъ? И эти симпатіи и антипатіи, непосредственно связанныя съ политическими интересами и дурнымъ изученіемъ исторіи, дѣйствительно составляютъ достояніе высшихъ классовъ и какъ-то скользятъ надъ головою народа, который руководствуется болѣе непосредственнымъ чувствомъ. Вездѣ принимаетъ народъ плѣнныхъ вовсе не враждебно, видя въ нихъ прежде всего людей несчастныхъ; высшіе классы подаютъ руку пашамъ, проявившимъ храбрость и военные таланты; дамы тѣмъ офицерамъ, которые покрасивѣе, а народъ подаетъ не руку, а кусокъ хлѣба и грошъ — несчастнымъ. И это, повторяю опять, послѣ тѣхъ многочисленныхъ поджиганій противъ турокъ, которыя не могли не вліять на народъ и, конечно, въ извѣстной степени въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ повліяли. «Гражданинъ» жалуется, что нельзя было еще писать особенно возбудительныхъ статей. Но, Боже мой, что писалось! Руганью начинались передовыя статьи и руганью же кончались фельетоны; патріотическая сивуха лилась и разсылалась во всѣ концы Россіи въ такомъ изобиліи, что могла бы залить русскую землю. У меня нѣтъ те-

[1] Подобное любопытство проявляли не одни низшіе классы, но и высшіе.

перь подъ руками старыхъ газетъ по вотъ что̀, напримѣръ, писалъ г. Зиссерманъ, обратившійся по поводу претензій Европы на проливы съ вышеуказаннымъ возгласомъ: «русскій народъ! ты слышишь, что тебѣ говорятъ?» «Это, писалъ онъ:—отвѣтъ на вопли замученныхъ твоихъ раненыхъ, на вопли, можетъ быть, 100,000 зарѣзанныхъ, посаженныхъ на колъ, распятыхъ, заживо зарытыхъ, сожженныхъ, повѣшенныхъ, изнасилованыхъ христіанъ всѣхъ возрастовъ и половъ!» (Моск. Вѣд.» № 30, 1878 г.). Тутъ очевидно, нѣкоторое изнасилованіе фактовъ. Жестокости, разумѣется, были (кто ихъ отрицаетъ?); но, во 1) происходили ли эти жестокости и въ мирное время? 2) не позволяли ли себѣ, когда началась война, такихъ же жестокостей и балканскіе христіане? и въ 3) ка̀къ европейскія претензіи на проливы вяжутся съ турецкими жестокостями? Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что изъ 18 мил. населенія Европейской Турціи на долю природныхъ турокъ приходилось только 2,100,000 чел.; что, если взять за мѣрило религію и считать всѣхъ, даже номинальныхъ послѣдователей ислама, то и тогда оказалось бы только немного болѣе $4^1/_2$ мил., тогда какъ исповѣдывавшихъ православную греческую вѣру было 12 мил. и около $1^1/_2$ мил. католиковъ, уніатовъ, армянъ, евреевъ и др. [1]. Затѣмъ не мѣшаетъ помнить: что въ мирное время ни о какихъ жестокостяхъ въ Турціи не было слышно; что турецкіе налоги были гораздо меньше европейскихъ; что экономическое положенія народа было во многихъ отношеніяхъ лучше положенія европейскихъ рабочихъ; что, если населеніе страдало отъ произвола турецкихъ чиновниковъ, среди которыхъ было много славянъ, то отъ нихъ одинаково страдалъ и турецкій народъ; что, если населеніе страдало отъ капиталистовъ и спекулянтовъ, среди которыхъ было гораздо меньше турокъ, чѣмъ славянъ, грековъ и иностранцевъ, то страданія эти были опять таки общими, и что собственно турецкій народъ не обнаруживалъ въ мирное время ни ненависти, ни племенной и религіозной нетерпимости къ славянамъ. Слѣдуетъ, наконецъ, помнить: что жестокости начались со времени возстанія въ Герцеговинѣ; что совершались онѣ преимущественно черкесами, баши-бозуками и турецкими солдатами; что наибольшее число жертвъ въ Болгаріи было уже послѣ того, какъ возстала Сербія, и даже послѣ того, какъ мы начали войну. Жестокости были ужасныя, грабежи и пожары превосходили всякое описаніе; но развѣ не дѣлали того же самаго сербы, болгаре и румыны, когда сила переходила на ихъ сторону? Вотъ еще недавно писали о мученической смерти турецкихъ плѣнниковъ въ Румыніи; вотъ на дняхъ телеграфировали «Агентству Рейтера», о «многочисленныхъ безпорядкахъ, совершаемыхъ болгарами въ мечетяхъ и въ турецкихъ домахъ въ

[1] Мы взяли эти цифры изъ календаря Суворина за 1877 годъ и считаемъ нужнымъ замѣтить, что число природныхъ турокъ и послѣдователей ислама у него еще нѣсколько преувеличено.

*

Филиппопольскомъ и Самаковскомъ округахъ («Голосъ» № 64, 1878 года); вотъ корреспондетъ «Новаго Времени» изъ Адріанополя пишетъ, что братушки теперь «занялись положительно дневнымъ грабежомъ» и «въ свою очередь обираютъ турокъ», что въ этомъ обираніи не прочь принять участіе даже болгарскія духовныя особы и что при этомъ «и до крови дѣло доходитъ» и даже «очень часто» (№ 719, 1878 года). Наконецъ, самая война есть жестокость, и гуманные пріемы убійства, право, мало отличаются отъ негуманныхъ. Въ военное время нетолько на самомъ театрѣ сраженія, но и внѣ сраженія, часто трудно бываетъ соблюдать гуманность. Вотъ, напримѣръ, что писалъ недавно корреспондентъ «Голоса» изъ Зимницы объ участи турецкихъ плѣнныхъ: «они гибнутъ десятками на каждомъ переходѣ, всѣ госпитали переполнены ими По ночамъ, надъ ихъ становищемъ стоитъ сплошной стонъ. Вы слышите, какъ они дрожатъ отъ холода, до васъ долетаютъ какіе-то безсвязныя слова, быть можетъ, молитва, жалоба; другіе явно бредятъ; иные, какъ бревна, недвижно лежатъ или какъ овцы сбились въ одну кучу». Князь Мещерскій сообщалъ изъ подъ Карса въ «Моск. Вѣд.» еще болѣе ужасныя вещи: плѣнные умирали по 300 чел. въ день, падали отъ истощенія силъ, отъ голода и холода, а другіе были доведены до такого состоянія, что бросались на падавшихъ товарищей и еще живыхъ обирали ихъ до гола.

Но возвратимся къ главному предмету нашей рѣчи. Народъ вообще враждовать и воевать изъ-за вопросовъ происхожденія и вѣры не любитъ: въ первомъ человѣкъ не виноватъ, второе — дѣло совѣсти. Это явленіе весьма общее всѣмъ народамъ и всѣмъ государствамъ. И дѣйствительно, религіозныя и племенныя войны обыкновенно возбуждались и направлялись высшими классами, которые или доводили гоненіе на вѣру, языкъ и обычаи подвластныхъ народовъ до крайней степени, чѣмъ вызывали возстаніе, или же открыто возбуждали ненависть и презрѣніе въ одномъ народѣ къ другому. Такъ это было прежде, такъ это и теперь. Война проповѣдывалась въ славянскихъ земляхъ преимущественно людьми достаточными и въ особенности національ-спекулянтами: въ Болгаріи и Сербіи созрѣла уже партія буржуазной интелигенціи, которая мечтаетъ проводить желѣзныя дороги, заводить фабрики и прочіе аттрибуты промышленности, разсчитывая забрать этими новыми клещами народъ въ свои руки. Конечно, эта партія имѣетъ и либеральныхъ, и очень искреннихъ представителей; но они въ цѣлой партіи составляютъ только лѣвую сторону; правая же сторона и центръ, хотя въ мечети и не ходятъ, но отличаются сильнымъ космополитизмомъ. «Они умѣли нетолько жить, но даже капиталы наживать подъ турецкимъ игомъ», говоритъ А. Молчановъ, указывая на множество разныхъ прожектёровъ изъ братушекъ, появившихся въ Санъ-Стефано и Константинополѣ и устремляющихъ свои взоры на будущее болгарское государство. «De facto, говоритъ онъ:—

они были властью, они руководили и поддерживали тотъ гнетъ, подъ которымъ находились ихъ соотчичи.» («Новое Время.» № 731, 1878 г.). Изъ нихъ выходили турецкіе чиновники; они были доносчиками и потомъ вдругъ сдѣлались рьяными патріотами. Имъ, конечно, хорошо жилось и при старомъ порядкѣ вещей, но, при новомъ, понятное дѣло, будетъ лучше: они тогда не могли подняться на высшія чиновничьи ступеньки, теперь они могутъ сдѣлаться сановниками; они тогда не получали крупныхъ подрядовъ, теперь они будутъ строить желѣзныя дороги, будутъ устроивать акціонерныя компаніи и т. д. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что можетъ выиграть отъ освобожденія изъ подъ турецкаго ига и простой народъ: но не ляжетъ ли на него это новое иго болѣе тяжелымъ гнетомъ? будетъ ли его свобода дѣйствительною свободою? не лишится ли онъ, черезъ какія нибудь 20—30 лѣтъ, своихъ мирныхъ полей, чтобы направиться на фабрики, чему есть многочисленные примѣры въ Западной Европѣ и у тѣхъ же западныхъ славянъ, имѣющихъ честь принадлежать къ австрійской коронѣ? Все это еще вопросы, вопросы очень тяжелые и далеко не разрѣшенные настоящей войной. Но идемъ далѣе: манифестъ англійской ассоціаціи National Reform Union, изданный въ концѣ прошлаго года, говоритъ, что война противъ Россіи въ Англіи также «пропагандируется большинствомъ господствующаго класса, лично заинтересованнаго въ арміи, флотѣ и другихъ подобныхъ занятіяхъ, правительственными подрядчиками, землевладѣльцами и обширной частью духовенства англиканской церкви, которые поддерживаютъ тѣхъ, кто пользуется привилегіями подобно имъ». Вторятъ этимъ голосамъ нѣсколько тысячъ фабричныхъ рабочихъ, а собственно англійскій народъ къ русскому народу, конечно, не питаетъ никакой ненависти. Что касается собственно русскаго народа, то онъ отличается также весьма высокою племенною и религіозною терпимостью: онъ живетъ рядомъ съ старообрядцемъ, хлыстомъ, молоканомъ, штундистомъ, живетъ рядомъ съ нѣмцемъ, латышемъ, калмыкомъ, лопаремъ и не ссорится, не притѣсняетъ ихъ и не подчиняется имъ. Онъ выдѣляетъ изъ племени и религіи человѣка: прежде всего несчастнаго человѣка, затѣмъ хорошаго и дурного. Это вовсе не низшая ступень религіознаго развитія и національнаго сознанія, какъ думаютъ нѣкоторые писатели изъ высшихъ классовъ, которымъ, какъ мы видѣли, слѣдовало бы вообще поменьше говорить о религіозности и патріотизмѣ, ибо сами они ими не отличаются и пріурочиваютъ ихъ зачастую къ совершенно особымъ соображеніямъ. Возражая г. Карновичу, Костомаровъ говоритъ, что война съ турками вовсе не противорѣчила религіознымъ воззрѣніямъ русскаго народа, что народъ смотрѣлъ на эту войну, какъ на дѣло «богоугодное», и говоритъ о смерти за други своя. Если народъ нашъ и прежде, какъ теперь, не видѣлъ въ войнѣ дѣла богоугоднаго, то, конечно, онъ былъ ближе къ истинному пониманію христіан-

ской религіи. Что же касается до смерти за други своя, то дѣйствительно нѣтъ выше этой смерти и нѣтъ выше этой любви; но тутъ весь вопросъ въ томъ — кого считать врагомъ и кого другомъ? вопросъ въ томъ—кто мать моя и кто братія мои? не найдется ли враговъ среди друзей и друзей среди враговъ моихъ? — Мнѣ припоминается по этому поводу, какъ печать наша не разъ упрекала въ эгоизмѣ и жестокосердіи тѣхъ, кто заговаривалъ во время войны о нашихъ внутреннихъ вопросахъ. Ахъ, эти внутреннія вопросы! Право, они вовсе не такъ низменны, какъ кажется, въ особенности, если говорятъ о нихъ не гг. Полетики и Бліохи. Если у человѣка умираетъ подъ бокомъ съ голоду братъ, другъ, ребенокъ, если у него нѣтъ одежды, обуви и денегъ, чтобы заплатить за проѣздъ по бліоховскимъ желѣзнымъ дорогамъ въ Сербію, то я нетолько не осужу его за то, что онъ не ѣдетъ сражаться за расширеніе политическихъ правъ, нетолько не осужу его за занятіе внутренними вопросами, но и скажу ему, что эти вопросы болѣе настоятельны. Еслибы мы высчитали, что въ Европѣ въ мирное время умираетъ ежегодно больше людей, чѣмъ на Балканскомъ Полуостровѣ во время войны, то вещи получили бы нѣсколько иное освѣщеніе. Мало того: ставъ на иную точку зрѣнія, мы, вѣроятно, увидѣли бы, что внутренніе вопросы гораздо болѣе возвышенны и общи, что они сами могутъ представлять собою историческую задачу, разрѣшеніе которой гораздо вѣрнѣе приведетъ къ освобожденію народовъ. Да, г. Костомаровъ, есть задачи, хотя на первый взглядъ и не столь блестящія, но, смѣю васъ увѣрить, болѣе широкія, болѣе объединяющія и болѣе соотвѣтствующія современному историческому періоду. И не заваливайте вы ихъ, пожалуйста, историческимъ мусоромъ, потому что потока исторіи все равно не остановите, а только замедлите его теченіе и оконфузите себя передъ потомствомъ. Мы привыкли сочувствовать и толковать о страданіяхъ, которыя отъ насъ далеко, и привыкли въ то же время не замѣчать страданій, которыя къ намъ близко. Мы трогаемся только тогда, когда слышимъ, что человѣку распарываютъ брюхо или снимаютъ съ него голову, и глухи къ страданіямъ молчаливымъ, медленнымъ и не имѣющимъ драматической обстановки. Мало ли мы плакали и писали стиховъ о кандіотахъ, неграхъ, индійцахъ? Тоже самое повторилось и въ настоящую войну, когда мы или совершенно забыли о внутреннихъ вопросахъ, или же связывали ихъ съ войною совсѣмъ особымъ образомъ. Г. Суворинъ то объявлялъ, что никакихъ внутреннихъ вопросовъ у насъ нѣтъ, то говорилъ, что они будутъ и какъ-то сами собою придутъ послѣ войны. Какъ придутъ и откуда придутъ—не говорилось. Г. Суворинъ, вѣроятно, и самъ не зналъ этого, потому что, имѣя откровенный характеръ и газету съ откровеннымъ направленіемъ, онъ, вѣроятно, не скрылъ бы секрета. Другіе, совсѣмъ уже откровенные, какъ кн. Мещерскій, находили связь войны съ нигилистами и реалистами, находили, что война прежде всего

необходима для «возвращенія нашихъ нигилистовъ и реалистовъ Богу и народу». («Гражд.» № 48, 1877 г.). Третьи, менѣе откровенные, говорили какими-то экивоками, хотя и съ твердою увѣренностью возвѣщали, что война непремѣнно расчиститъ атмосферу и даже выяснитъ идеалъ... Что̀ это была за душная атмосфера, какіе носились въ ней міазмы, что̀ это былъ за идеалъ и ка̀къ вязалось все это съ войною? Дѣйствительно, было довольно душно: человѣкъ привилегированный томился, не находилъ себѣ дѣла и предметовъ для любви и вѣры. Если мы внимательнѣе всмотримся въ положеніе вещей, то увидимъ, что причины духоты заключались прежде всего въ насъ самихъ: когда порваны были крѣпостныя узы и мы очутились съ нашими привычками лицомъ къ лицу съ новою жизнью, когда теоретики наши рѣшали важнѣйшіе вопросы этой жизни, и намъ, при практическомъ выполненіи этихъ рѣшеній, предстояло лишиться нашихъ привилегій, которыя были главнымъ тормазомъ дальнѣйшаго прогресса—то, охъ! ка̀къ тяжело и душно стало намъ! Все, и ручей, и шопотъ листьевъ, говорили намъ, что съ старыми привилегіями нельзя болѣе оставаться при новомъ порядкѣ вещей. На нѣкоторое время насъ оживили и заняли акціонерныя общества, банки, желѣзныя дороги, биржевая игра и проч.; но все это было дѣломъ временнымъ, скоропроходящимъ, а когда оно окончилось, то мы опять очутились лицомъ къ лицу съ роковымъ вопросомъ и опять остались безъ занятій. Намъ, конечно, все равно—чѣмъ бы ни заниматься: строить ли дороги, заниматься ли гдѣ нибудь преподаваніемъ русскаго языка и руссификаціей, лишь бы было дѣло, соотвѣтствующее нашему положенію, дѣло веселое, пріятное, и, главное—выгодное. Такого дѣла не оказывалось, а ручей и листья продолжали шептать: нельзя оставаться съ старыми привилегіями, при новомъ порядкѣ вещей. Между тѣмъ, мы знали, что на западѣ придуманы средства благополучно и даже очень хорошо жить и при такихъ обстоятельствахъ. Замѣнить старыя привилегіи новыми и, такъ сказать, консолидировать ихъ—вотъ былъ идеалъ томившагося привилегированнаго человѣка. Этотъ самый идеалъ рисовался намъ и тогда, когда мы выступали съ проэктомъ всесословной волости и съ проэктомъ уничтоженія общины. Этотъ же самый идеалъ рисовался намъ и тогда, когда мы проповѣдывали войну и забыли для нея все, даже деревню, которую только-что открыла-было «Недѣля» и затѣмъ снесла на задворки.—И, въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какіе внутренніе вопросы интересовали насъ мимоходомъ во время войны: мы говорили о необходимости увеличенія косвенныхъ налоговъ, относясь къ подоходному налогу, только какъ къ подспорью, считая его нарушеніемъ здравой финансовой политики и не сочувствуя обложенію чиновниковъ, пенсіонеровъ и проч. на томъ основаніи, что они «всегда несли и несутъ на себѣ послѣдствія разстройства денежной системы», такъ какъ доходы ихъ «сокращаются пропорціонально паденію валюты» (Сѣвер. Вѣстн. № 35, 1878);

мы сочувствовали прусскому трехклассному налогу, ложащемуся, какъ извѣстно, далеко не пропорціонально на большія, среднія и мелкія состоянія и находящемуся въ непосредственной связи съ трехкласснымъ представительствомъ, лишающимъ неимущихъ и малоимущихъ голоса; мы защищали протекціонную политику и разносили тѣхъ, кто въ ней сомнѣвался («Нов. Вр.» февр. 15, 1878 г.) и т. д. Все это, какъ видите, больше на счетъ расширенія правъ для тѣхъ, кто ихъ достаточно уже имѣетъ, и не въ пользу тѣхъ, у кого ихъ нѣтъ. Вотъ съ какими внутренними вопросами мы связывали войну. Какъ практически могли разрѣшиться эти вопросы послѣ войны, какіе были по этому поводу разсчеты и надежды—мы не знаемъ, да и знать это намъ не особенно нужно. Можетъ быть, и были какіе нибудь разсчеты, а можетъ быть, и совсѣмъ не было никакихъ, и томившійся привилегированный человѣкъ просто метался въ разныя стороны. Но кончу.

Вы, г. Костомаровъ, пожалуйста, извините меня за эти замѣчанія, которыя, можетъ быть, будутъ для васъ непріятны или покажутся вамъ легкомысленными, но которыя, увѣряю васъ, мнѣ диктуетъ больше всего любовь къ истинѣ и затѣмъ мое уваженіе къ вамъ. Участіе людей, подобныхъ вамъ, участіе льстящее и дающее научную санкцію шовинизму, мы считаемъ вреднымъ для общественнаго сознанія, такъ какъ это придаетъ большую силу той нравственной мизерности и дряни, все назначеніе которой заключается только въ ловленіи рыбы въ мутной водѣ. Сами ловить рыбу вы, конечно, никогда не станете, но не мутите же и воды. Мы вѣдь ни слова не говоримъ о такихъ профессорахъ, какъ Ор. Миллеръ, Градовскій и Иловайскій (кажется, и онъ профессоръ?): тѣмъ дано по одному таланту—вамъ дано ихъ десять. Ор. Миллеръ до того договорился, что его теперь уже не слушаютъ; даже газеты не печатаютъ, что̀ онъ говоритъ—«говорилъ и баста!», предполагая, конечно, что всякому уже извѣстно, что̀ онъ можетъ говорить. Васъ же всѣ слушаютъ. Съ вами будетъ справляться будущій историкъ. И вы представьте себѣ только, что̀ онъ нагородитъ объ участіи народа въ настоящей войнѣ, если будетъ руководствоваться газетами и вашею статьею...

С. К—о.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Выборы 3—17-го марта. — Два главныхъ охранительныхъ законопроэкта и противодѣйствіе реакціонеровъ.—Принятіе сенатомъ закона о разносной продажѣ произведеній печати.—Продолженіе провѣрки полномочій въ палатѣ.—Выходка Поля де-Касаньяка, скандалы, и дуэли за ней воспослѣдовавшіе.—Дѣло Жанта. — Недовольство и раздоры конституціоналистовъ. — Пренія въ сенатѣ объ осадномъ положеніи.—Рѣчь Дюфора.—Заявленіе Боше.—Поправка конституціоналистовъ. — Почти полное признаніе закона — Годовщина 18-го марта.—Бюджетъ расходовъ въ сенатѣ и попытка ультрамонтановъ.—Начало реформъ, полезныхъ для народа.—Побѣда Фрейсинэ и общественныя работы.—Нѣсколько словъ о стачкахъ.

3-го марта происходили выборы депутатовъ въ 17-ти округахъ. Въ 14-ти—дѣло обошлось безъ перебаллотировки и было выбрано десять республиканцевъ и четыре депутата изъ бонапартистовъ и легитимистовъ, полномочія которыхъ были отвергнуты палатою при повѣркѣ. Перебаллотировка трехъ кандидатовъ происходила 17-го марта и побѣдили два республиканца и одинъ роялистъ. Вообще же, даже въ тѣхъ округахъ, гдѣ еще сохранилось реакціонное большинство, оно значительно уменьшилось, такъ что повсюду выразилось, при пособіи свободной всеобщей подачи голосовъ, порицаніе жалкой попытки 16-го мая, подтасовать всеобщее голосованіе. Самою непріятною неудачею для демократовъ былъ новый выборъ герцога де-Ларошфуко Бизаччіа въ Мамерскомъ Округѣ, но и она произошла только отъ того, что республиканцы округа, вслѣдствіе мѣстныхъ несогласій, долго не могли остановиться на выборѣ одного какого-нибудь лица, и, наконецъ, согласились на такомъ кандидатѣ, который, не будучи жителемъ Сартскаго Департамента, не былъ поэтому достаточно извѣстенъ мѣстному населенію. Возвращеніе этого депутата въ палату не лишено нѣкоторой доли комизма. Никто еще не забылъ, какъ онъ послѣ того, какъ его полномочія не были признаны, сказалъ, что вмѣняетъ себѣ въ честь не принадлежать къ «подобной палатѣ», и вотъ онъ снова входитъ въ ея среду, потому только, что его друзьямъ не удалось провести его въ пожизненные сенаторы.

Счастливый дуэлистъ-радикалъ Кловисъ Гюгъ, получившій, при первой баллотировкѣ во второмъ Марсельскомъ Округѣ, большинство голосовъ, былъ, при перебаллотировкѣ, побѣжденъ Аматомъ, бывшимъ депутатомъ умѣренной лѣвой. Неуспѣхомъ своимъ онъ обязанъ тому, что далъ обѣщаніе пятистамъ ультрарадикаламъ дѣйствовать въ видахъ освобожденія изъ заключенія извѣстнаго Бланки, что̀, при настоящемъ настроеніи умовъ во Франціи, было нѣсколько несвоевременно.

Читатели, конечно, еще не забыли, что въ посланіи маршала Макъ-Магона, съ которымъ кабинетъ 14-го декабря явился въ парламентъ, было заявлено о двухъ новыхъ законахъ, долженствовавшихъ служить обезпеченіемъ, что формальное обѣщаніе президента республики не злоупотреблять болѣе своимъ конституціоннымъ правомъ распущенія палаты съ согласія сената—не будетъ имъ нарушено. Оба эти закона: о разносной продажѣ произведеній печати и объ осадномъ положеніи были тотчасъ же внесены министромъ народнаго просвѣщенія Барду и приняты палатою. Теперь настала очередь представленія ихъ для утвержденія и сенату. Понятно, что, въ случаѣ неутвержденія ихъ сенаторами, долженъ былъ бы снова начаться конфликтъ между общественными властями.

Разумѣется, что знаменитое тріо интригановъ: Брольи, Бюффѐ, Батби возлагало всѣ свои упованія на такое возобновленіе конфликта и пустило въ ходъ всякія хитрости для его осуществленія. Они не осмѣлились, однако же, начать прямо борьбу по поводу закона о разносной продажѣ, и произошло это по разнымъ причинамъ. Во-первыхъ, законъ этотъ рѣшились поддерживать бонапартисты, считавшіе верхомъ безразсудства его отвергнуть и этимъ дать возможность префектамъ де-Марсэра такъ же не стѣсняться относительно реакціонныхъ газетъ, какъ префекты де-Фурту не стѣснялись съ газетами демократическими. Съ другой стороны, для дѣятелей нравственнаго порядка, еслибы имъ снова удалось захватить власть, не было бы особеннымъ неудобствомъ освобожденіе разносной продажи отъ административнаго произвола, при условіи, что существующій законъ объ осадномъ положеніи не измѣнится, т. е., что однимъ объявленіемъ осаднаго положенія можно сразу произвести запрещеніе всѣхъ непріятныхъ газетъ. Кромѣ того, интриганы считали не безвыгоднымъ для себя усыпить подозрительность палаты успѣхомъ дѣла второстепеннаго и побудить этимъ министерство вытребовать у своихъ друзей утвержденія бюджета расходовъ—этого важнѣйшаго орудія защиты республиканцевъ. Тогда, и только тогда, по соображенію лукавыхъ политиковъ, можно было бы безопасно свергнуть министерство 14-го декабря, такъ какъ въ рукахъ кабинета, который его замѣнитъ, будутъ всѣ матеріальныя и легальныя средства, необходимыя для управленія страной.

Вслѣдствіе случайности жеребьевки, произведенной въ февралѣ,

при составленіи сенатскихъ отдѣленій, въ пять изъ девяти попали республиканцы, и докладъ объ этомъ законопроэктѣ былъ составленъ въ смыслѣ благопріятномъ и согласномъ съ желаніями депутатовъ. На докладъ этотъ напалъ прежде всѣхъ ничтожный сенаторъ Шерскаго Департамента, Фурнье, наболтавшій всякаго рутинно-клерикальнаго вздора о вредныхъ идеяхъ и пагубныхъ доктринахъ. Послушать его, такъ слѣдовало бы нетолько уничтожить разносную продажу произведеній печати, но и запретить всѣмъ французамъ даже самую граматность! Талантливому публицисту было достаточно прочитать только выборки изъ списковъ книгъ какъ дозволенныхъ, такъ и запрещенныхъ въ разносной продажѣ комиссіями, назначенными для этого при имперіи, чтобы всѣмъ ясно бросилось въ глаза, что ничто съ нравственной точки зрѣнія не дѣйствуетъ такимъ развращающимъ образомъ на массы, какъ отсутствіе свободы. Такъ были запрещены писатели, подобные Монтескьё и даже самая библія, и въ тоже время свободно обращались къ публикѣ, въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ книги, поддерживающія въ массахъ предразсудки и суевѣрія, какъ то: всевозможные сонники, гадательныя книжки и росказни о духахъ и привидѣніяхъ, такъ же какъ и самыя скабрёзныя и соблазнительныя сочиненія любовнаго свойства, способныя развратить юношество до мозга костей. Три знаменитыхъ юрисконсульта Берто, Лероэ и Герольдъ, опровергли жалкую аргументацію де-Бараньона, Пелепорта, Бюре и де Ларенти усиливавшихся поддержать ограничительную поправку закона, названнаго ими образно закономъ «свободнаго распространенія яда». Президентъ совѣта, Дюфоръ, открыто взялъ подъ защиту свою мелкую прессу и листки, обращающіеся въ народѣ. Онъ отозвался съ особенной похвалой о газетѣ «Petit Journal», который съ тѣхъ поръ, какъ сталъ республиканскимъ, сдѣлался гражданскимъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Газета эта, какъ извѣстно, не поддалась на подкупъ де-Фурту, который во время его всемогущества желалъ сдѣлать ее главнымъ своимъ органомъ для подготовленія выборовъ нравственнаго порядка. Ни одна изъ подобныхъ газетъ, по словамъ министра, не распространяетъ по деревнямъ никакихъ «ложныхъ или опасныхъ доктринъ». Еслибы, сказалъ министръ юстиціи:—мы были министерствомъ политической партіи, мы, конечно, сохранили бы за собой то орудіе, какимъ дѣйствовали противъ насъ наши предшественники и, можетъ быть, вамъ пришлось бы терпѣть такія же притѣсненія, какимъ подвергались мы при послѣднихъ выборахъ. Но мы думаемъ, что поступаемъ вполнѣ безпристрастно и сообразно съ здравой политикой, когда вмѣсто того, чтобы просить для себя въ даръ пагубное право уничтожать изданія нашихъ противниковъ и распространять только наши, мы предлагаемъ вамъ принять ясный, правильный и опредѣленный законъ, который разъ навсегда запрещаетъ власти дѣлать то, что могли бы сдѣлать и мы, еслибы были

только людьми партіи. На такое ясное заявленіе министра, дѣятелямъ 16-го мая было бы слишкомъ безстыдно возражать; имъ нельзя было не понять этого, и законъ въ его общности, съ весьма ничтожной поправкой относительно того, чтобы продавцы и разнощики были французами по происхожденію, былъ принятъ большинствомъ 164 голосовъ противъ 95. Палата, разумѣется, охотно приняла поправку, законъ немедленно былъ опубликованъ и свободное во всей Франціи обращеніе изданій всякихъ мнѣній водворилось къ крайнему неудовольствію тѣхъ немногочисленныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, которые, подчиняясь вліянію реакціонеровъ и духовенства, до тѣхъ поръ имѣли еще возможность противодѣйствовать своимъ административнымъ гнетомъ пропагандѣ республиканскихъ идей во Франціи.

Республиканское большинство палаты не было, однако же, ослѣплено этой первой капитуляціей сената до того, чтобы попасть въ западню, какъ того желали интриганы. Палата послѣ этого успѣха нисколько не стала торопиться обсужденіемъ всего бюджета расходовъ, несмотря на то, что министръ финансовъ, страдающій избыткомъ оптимизма, и очень хлопоталъ передъ Гамбеттой и бюджетной комиссіей, чтобы какъ можно скорѣе заполучить этотъ бюджетъ. Палата стала продолжать, какъ ни въ чемъ не бывало, провѣрку полномочій и дошла, наконецъ, до Воклюзскаго Департамента, давшаго четырехъ самыхъ невозможныхъ оффиціальныхъ кандидатовъ, такъ какъ, при выборѣ ихъ, дѣло уже не ограничивалось одними бѣлыми афишами или лживыми печатными заявленіями мѣстныхъ властей, но были пущены въ ходъ открытое насиліе, поддѣлка и утайка биллютеней. Хотя Воклюзскій Департаментъ не бонапартистскій, и депутатъ, о которомъ прежде другихъ зашла рѣчь, Билліоти — легитимистъ, однакожь, Поль-де-Касаньякъ рѣшился выступить на защиту этого лица и оффиціальной кандидатуры вообще. Цѣлыхъ два часа безъ устали, несмотря на то, что Греви чуть не при каждой его фразѣ останавливалъ его, онъ высказалъ всякія нелѣпости, какія только приходили ему въ голову, противъ республики и республиканцевъ. Лѣвые уже заранѣе согласились не прерывать его и молча выслушать всѣ его бѣшенныя тирады. Но если старые республиканцы и выдержали себя, то едва ли слѣдуетъ обвинять болѣе молодыхъ и горячихъ ихъ товарищей, которые не могли удержаться отъ громкихъ заявленій своего негодованія. Такъ алжирскій депутатъ Томсонъ, при одной фразѣ Касаньяка, почти инстинктивно воскликнулъ: «вы просто шутъ», на что ораторъ, съ сжатыми кулаками отвѣтилъ: «а вы—нахалъ». Понятно, что Томсонъ, по окончаніи засѣданія, отправилъ къ Касаньяку секундантовъ, а на слѣдующее утро, въ небольшой Венсенской Рощѣ произошла между ними дуэль. Касаньякъ, человѣкъ большого роста и отлично владѣетъ шпагой, почему и нанесъ своему противнику до-

вольно значительную рану въ шею, чуть не задѣвъ лица. Но одною дуэлью дѣло не ограничилось. Ліонскій депутатъ Андріё, разбирая статью Касаньяка-отца о рѣчи Касаньяка-сына, для отличія послѣдняго отъ перваго, назвалъ Касаньяка-сына «Касаньякомъ-авантюристомъ». «Pays» за это обрушилось на Андріё съ самою непристойною и оскорбительною статьею, почему и Андріё также вынужденъ былъ отправить къ Полю де-Касаньяку секундантовъ. Хотя выборъ оружія принадлежитъ обиженному, но такъ какъ секунданты не могли согласиться между собою, кого считать обидчикомъ въ этомъ дѣлѣ, то для рѣшенія этого вопроса выбрали изъ своей среды суперъ-арбитра—Анатоля де-ла-Форжа. Де-ла-Форжъ призналъ обидчикомъ Касаньяка. Андріё выбралъ пистолеты; тѣмъ не менѣе, хотя противники стрѣлялись на довольно близкомъ разстояніи, они оба сдѣлали промахъ, чѣмъ дѣло и кончилось.

При защитѣ своего кліента, Билліоти, Поль де Касаньякъ покушался начать разсказывать какую-то скандальную исторію про его соперника, республиканца Альфонса Жанта, требовавшую, по его выраженію, засѣданія съ закрытыми дверями, но былъ остановленъ при этомъ Греви. Однако, на слѣдующій же день, онъ поспѣшилъ напечатать въ «Фигаро», а потомъ и перепечатать въ «Pays» отрывокъ изъ юридической хроники одной изъ газетъ 1836 года, въ которой разсказывалось, что нѣкто Таландье, женатый на сестрѣ Жанта, изучавшаго въ то время въ Парижѣ право, уличилъ его въ адюльтерѣ со своей женою. «Если, прибавляетъ газета того времени:—г. Жантъ не подвергся за это судебному приговору, то только потому, что въ кодексѣ нѣтъ статьи, которая предусматривала бы подобное безобразное преступленіе». Далѣе, Касаньякъ разсказываетъ, что, на основаніи этого факта, Жанту было отказано въ мѣстѣ, когда онъ хотѣлъ поступить въ нимскій судъ, и, разумѣется, скрываетъ, что онъ былъ принятъ въ составъ авиньонской прокуратуры и даже былъ избранъ въ ней членомъ дисциплинарнаго совѣта. Нечего и говорить, что статья была переполнена всевозможныхъ оскорбительныхъ коментаріевъ и всяческой брани. Жантъ послалъ къ Касаньяку своихъ секундантовъ, Алена Тарже и Кадэ, но Поль де-Касаньякъ отказался наотрѣзъ допустить ихъ до переговоровъ съ своими друзьями, говоря, что онъ не считаетъ нужнымъ драться съ человѣкомъ, который могъ быть членомъ учредительнаго собранія 1848 года и депутатомъ собранія 1871 и палаты 1876 года. Тогда Жантъ напечаталъ письмо, оканчивающееся такими выраженіями: «Мнѣ не остается ничего, прежде чѣмъ я представлюсь снова передъ своими избирателями, передъ которыми я являлся уже восемь разъ, и которымъ уже болѣе тридцати лѣтъ извѣстны клеветы, распространяемыя на меня и давно ими вполнѣ оцѣненныя, кромѣ заявленія моего полнѣйшаго презрѣнія человѣку, отказывающемуся со мною драться, послѣ оскорбленія имъ мнѣ нанесеннаго». Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, герцогъ

Омальскій, встрѣтившійся въ салонѣ г-жи де Ренневиль съ Одиффре-Пакье, Боше, Ламберомъ Сент-Круа и другими вліятельными орлеанистами, порѣшилъ съ ними, что имъ пора перестать идти въ хвостѣ безсильной и компрометирующей себя на каждомъ шагу реакціи, и что подобная перемѣна въ политикѣ необходима даже въ видахъ возможности замѣщенія послѣ 1880-го года герцогомъ Омальскимъ поста Мак-Магона. Послѣ этого, въ первыхъ числахъ марта, стало извѣстно, что група 35 сенаторовъ-конституціоналистовъ, собиравшаяся въ важныхъ случаяхъ на совѣщаніе у де Бонди, распалась. Въ «Soleil» появилась замѣтка, заявлявшая оффиціально о расколѣ, возникшемъ въ средѣ орлеанистовъ, и объяснявшая его значеніе. 20 сенаторовъ отдѣлялось отъ праваго центра, составляющаго систематическую оппозицію правительству, для того, чтобы сдѣлать возможнымъ принятіе сенатомъ, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, представленныхъ министерствомъ новыхъ политическихъ законовъ. Диссиденты, «вѣрные тѣмъ принципамъ, которые обусловливали ихъ образъ дѣйствій въ декабрѣ мѣсяцѣ», когда герцогъ Одиффре-Пакье вынужденъ былъ на дѣятельное вмѣшательство въ политическія интриги, для спасенія Мак-Магона отъ участія въ кровавыхъ безумствахъ, а Боше и Ламберъ Сент-Круа воспрепятствовали нелѣпости вторичнаго распущенія палаты — исполняютъ этимъ, по словамъ замѣтки «Soleil», только свой долгъ. Они доказываютъ этимъ свою послѣдовательность и то, что «они, какъ люди свободные, умѣренные, одушевленные самыми примирительными намѣреніями и считающіе себя вполнѣ независимыми какъ отъ вліяній власти, такъ и отъ узкаго духа партій, настолько же готовы защищать консервативные интересы, какъ и облегчать правильный ходъ исполненія конституціи».

Реакціонная пресса придала своимъ озлобленіемъ преувеличенное значеніе этому, въ сущности, неважному внутреннему раздору въ средѣ конституціоналистовъ. 20 этихъ сенаторовъ, рѣшившихся на поддержку конституціи съ оговорками, вмѣсто того, чтобы во всемъ противодѣйствовать ей, подверглись всевозможнымъ нападкамъ ретроградной печати. «Défense sociale» прозвала ихъ «трусами», «Monde réligieux» — «лицемѣрами», «Univers» — «измѣнниками», а «Paris Journal» — «продавшимися»; за то, съ другой стороны, растроганный «Journal des Débats» открылъ имъ въ умиленіи дружескія объятія, а «République française» стала ихъ защитникомъ отъ нападеній бывшихъ единомышленниковъ и назвала ихъ заявленія «смѣлымъ и достойнымъ всякихъ похвалъ гражданскимъ дѣломъ». Какъ бы то ни было, но осязательнымъ результатомъ всего этого было то, что коварный планъ Бюффе, Брольи и Батби сталъ неосуществимымъ. Напрасно первый изъ витязей этого тріумвирата воспрепятствовалъ сенату приступить къ обсужденію бюджета расходовъ до тѣхъ поръ, пока палата не приступитъ къ обсужденію бюджета поступленій,

напрасно и Батби, докладчикъ комиссіи, разсматривавшей законопроэктъ объ амнистіи, потратилъ на составленіе этого доклада весь запасъ своей хитрости—всѣ ихъ манёвры пропали даромъ.

На первомъ изъ засѣданій, на которомъ открылись пренія по поводу закона объ осадномъ положеніи, три сенатора лѣвой стороны вывели на свѣжую воду все коварство, съ какимъ составленъ докладъ объ этомъ законѣ Дельсолемъ, и разбили въ пухъ и прахъ роялистовъ Дуге и Люсьена Брёна, пытавшихся защищать право правительства объявлять произвольно повсюду, гдѣ бы ни вздумалось, осадное положеніе для стѣсненія избирательной свободы и запугиванія избирательныхъ учрежденій. На второмъ засѣданіи, докладчикъ, задѣлъ самого Дюфора, какъ одного изъ составителей закона 1849 года, за что и навлекъ на себя весьма сильную головомойку со стороны хранителя государственной печати. Раздраженный неприличнымъ намекомъ, министръ юстиціи не удовольствовался одной этой головомойкой, но, въ качествѣ либеральнаго юрис-консульта, изложилъ, въ ясныхъ и сжатыхъ выраженіяхъ, всѣ пагубныя послѣдствія для населенія отъ объявленія мѣстности въ осадномъ положеніи, заставляющаго гражданъ подчиняться тяжелымъ строгостямъ военной расправы, отнимающаго у каждаго всѣ самыя дорогія политическія его гарантіи и самую неприкосновенность жилища, не говоря уже о потерѣ свободы печати, подчиняющаго, однимъ словомъ, временно всякое право грубой силѣ. Что такое тяжелое дѣло можетъ быть необходимо иногда въ исключительныхъ обстоятельствахъ, Дюфоръ никогда не отрицалъ, какъ призналъ это и въ 1849 году. Но необходимость настоящаго закона, по его словамъ, именно тѣмъ и обусловливается, что законодательство 1849 года не могло даже предвидѣть, что такимъ грознымъ орудіемъ, какъ осадное положеніе, необходимымъ для спасенія общества во время дѣятельнаго мятежа, и для страны при внѣшней войнѣ—станутъ играть по произволу. Если онъ сопротивляется, чтобы въ ясный и опредѣленный текстъ законопроэкта, принятаго имъ и депутатами, не было внесено важныхъ измѣненій, то для того только, чтобы помѣшать въ будущемъ возможности обращенія осаднаго положенія въ средство для подготовленія новаго 2-го декабря, или для фальсификаціи выборовъ. «Что подобное направленіе избирательнаго движенія возможно, закончилъ министръ:—доказательствомъ служитъ то, что мы сейчасъ слышали отъ одного изъ самыхъ жаркихъ сторонниковъ 16-го мая, позволившаго себѣ громко здѣсь высказать, что выборная борьба при тѣхъ условіяхъ, при какихъ она была на нашихъ глазахъ ведена, привела бы къ успѣху, а не къ пораженію, направлявшую ихъ партію, еслибы маршалъ-президентъ, не испугавшись угрозы «неизбѣжной погибели Франціи», могъ подѣйствовать на гражданъ, призванныхъ къ урнамъ, вліяніемъ военнаго управленія».

Вслѣдъ за Дюфоромъ, вошелъ на трибуну Боше, но не за-

тѣмъ, чтобы ему возражать, а чтобы снять нравственную отвѣтственность съ группы конституціоналистовъ, за то, что въ рѣчи де Брольи могло быть принято за высказанное съ ихъ согласія. Онъ торжественно заявилъ, что онъ и друзья его отвергаютъ поправку Дельсоля и готовы принять первую статью закона въ томъ видѣ, какъ она прошла палату, но подъ условіемъ, что они представятъ свою поправку къ 3-й статьѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, первая и вторая статьи закона прошли при большинствѣ 162 и 140 голосовъ противъ 118 и 130. Ламберъ де-Сент-Круа тотчасъ же внесъ упомянутую поправку. Ею сохраняется за президентомъ право объявленія осаднаго положенія даже и во время распущенія палаты, но только подъ условіемъ, чтобы: 1) избиратели были созваны немедленно и новая палата организована въ наискорѣйшій срокъ, и 2) чтобы въ случаѣ объявленія осаднаго положенія во время открытаго мятежа, осадное положеніе ограничивалось только мѣстностью возстанія. Послѣ обсужденія въ министерствѣ юстиціи, Дюфоръ ее принялъ, но, опредѣливъ въ ней несравненно яснѣе то, какихъ правъ не должно ни въ какомъ случаѣ нарушать объявленіе осаднаго положенія, такъ что поправка въ редакціи Дюфора состояла изъ пяти слѣдующихъ статей: 1) осадное положеніе не должно нарушать свободы печати; 2) избирательныя собранія должны при немъ совершаться свободно; 3) оно не можетъ прекращать дѣйствія новаго закона о разносной продажѣ; 4) оно не можетъ ограничивать свободнаго заявленія всякихъ мнѣній въ манифестахъ кандидатовъ, и 5) объявленное въ возставшихъ мѣстностяхъ, оно снимается не позже пяти дней по прекращенію возстанія.

Понятно, что въ комиссіи поправка въ этомъ видѣ не могла быть принята реакціонерами, но, отвергнувъ ее, реакціонерные члены, изъ злобы на конституціоналистовъ и чтобы воспрепятствовать ихъ преобладающему вліянію въ сенатѣ, отвергли и поправку въ томъ видѣ, какъ она предложена была Ламберомъ Сент-Круа. Такимъ образомъ, Дюфоръ, выказавъ въ достаточной мѣрѣ свою уступчивость, могъ уже требовать простого принятія статьи, какъ она была принята депутатами. На основаніи же ея, «во время распущенія и до конца новыхъ выборовъ, осадное положеніе даже временно не можетъ быть декретировано президентомъ республики, за исключеніемъ случая внѣшней войны, и то только въ мѣстностяхъ, подвергнувшихся нашествію непріятеля», и въ этомъ видѣ она была принята 150 голосами, въ числѣ которыхъ оказалось только три или четыре голоса конституціоналистовъ, такъ какъ всѣ остальные изъ нихъ отстранились отъ голосованія. Послѣ самыхъ ничтожныхъ исправленій и дополненій относительно осаднаго положенія въ Алжиріи и укрѣпленныхъ мѣстностяхъ, осаждаемыхъ непріятелемъ, законъ въ его общности прошелъ при большинствѣ 153 голосовъ противъ 100. При этомъ, почти всѣ диссиденты-конституціоналисты воздержались отъ голосованія, а голосовали вмѣстѣ съ республиканцами бонапартисты, не желавшіе

упустить случая выказаться передъ своими избирателями болѣе, либеральными, нежели орлеанисты, и, благодаря этому, кабинетъ Дюфора могъ получить большинство вдвое большее, чѣмъ получилъ его де-Брольи при распущеніи.

53 голоса большинства въ сенатѣ! Это была дѣйствительно неожиданная побѣда, и когда Леонъ Сэ заявилъ объ этой новости съ министерской скамьи въ палатѣ, то онъ весь сіялъ отъ радости, и тотчасъ же взошелъ на трибуну, съ требованіемъ немедленнаго голосованія бюджета доходовъ. На это требованіе, отъ имени крайней лѣвой, сталъ ему возражать Мадье-де-Монжо, повторивъ снова, что отказъ въ бюджетѣ составляетъ всемогущее орудіе для противодѣйствія реакціонерамъ, и что страна не совершенно еще увѣрена, что реакціонеры не станутъ дѣлать новыхъ для этого попытокъ; но, на этотъ разъ, въ защиту требованій министра выступилъ самъ предсѣдатель бюджетной комиссіи. Гамбетта сказалъ, что если во время кризиса необходимо было наложить руку на бюджетъ, то наступилъ часъ, когда правительству можно возвратить безопасно всѣ средства, необходимыя для его дѣятельности, и тѣмъ показать какъ самой странѣ, такъ и всей Европѣ, что республика отнынѣ считаетъ свою будущность упроченной и что Франція, за исключеніемъ нѣсколькихъ представителей невозможныхъ партій, вся примкнула къ существующему порядку вещей, который на столько окрѣпъ, что справится со всякими единичными покушеніями. Лѣвые съ энтузіазмомъ и рукоплесканіями приняли это заявленіе, и бюджетъ расходовъ былъ внесенъ въ очередной порядокъ засѣданія 21-го марта послѣ голосованія, при которомъ въ меньшинствѣ оказалось всего на всего 34 голоса.

Двойное это торжество министерства Дюфора, которое казалось ознаменовало собою конецъ кризиса, начавшагося 16-го мая прошлаго года, произошло 18-го марта; въ это же число какъ разъ годовщина возстанія, народившаго коммуну. На одномъ частномъ собраніи было предположено произвести въ этомъ день манифестацію рабочихъ, которые должны были массами отправиться на кладбище, на могилу Распайля и возложить на нее вѣнокъ изъ иммортелей, съ надписью «амнистія». Ту же мысль поддерживала и новая, только что появившаяся наканунѣ газета «Освобожденная Коммуна», названіе которой было окружено траурной каймой. Но газета эта позволила себѣ заявить, что она издается подъ непосредственнымъ вліяніемъ Феликса Піа, почему и была въ тотъ же день конфискована, а отвѣтственный ея редакторъ, преданный суду, поплатился, по приговору этого суда, 5,000 франковъ штрафа и годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Несмотря, однакоже, на рѣшеніе частнаго собранія, парижское населеніе рабочихъ разсудило, что какова бы ни была демонстрація, долженствовавшая напомнить объ ужасахъ 1871 года, она послужила бы только во вредъ еще неокрѣпшей республикѣ, почему на кладбищѣ въ этотъ

день и не произошло ровно ничего, такъ что полиціи не было надобности посылать туда для охраненія спокойствія своихъ агентовъ. Наблюдательные люди замѣтили, что въ этотъ день даже къ общимъ могиламъ, гдѣ свалены трупы жертвъ страшной майской репрессаліи, приходило меньшее противъ предшествовавшихъ годовъ число вдовъ и сиротъ, такъ что не мало парижанъ рѣшились въ этотъ день сдержать свое вполнѣ естественное чувство скорби, чтобы не послужить какъ-нибудь интересамъ бонапартистовъ и клерикаловъ. Такимъ образомъ, день этотъ не напомнилъ нисколько о нашемъ послѣднемъ междоусобіи, и общественное мнѣніе выражало только свою радость о томъ, что такъ долго существовавшее несогласіе между двумя палатами, наконецъ, исчезло; народъ же, своею политическою сдержанностью, какъ бы заявлялъ благодарность новому сенатскому большинству и желаніе, чтобы никакія новыя разногласія между палатами уже не возникали.

21 марта, палата почти безъ преній въ одно засѣданіе утвердила бюджетъ поступленій. Сенатъ же, напротивъ, употребилъ четыре дня на разсмотрѣніе бюджета расходовъ и сдѣлалъ въ немъ нѣсколько измѣненій, которыя должны были вызвать новыя пренія между двумя палатами и помѣшать тому, чтобы до конца мѣсяца полный финансовый порядокъ могъ быть возстановленъ. Бо̀льшая часть этихъ измѣненій относилась до бюджета исповѣданій, жалованія полковыхъ священниковъ и семинарскихъ стипендій. На защиту клерикализма выступилъ прежде всѣхъ Шенелонъ, произнесшій дерзкую рѣчь о поруганныхъ республикою интересахъ духовенства. На его сторонѣ оказался чуть не весь лѣвый центръ. Ободренный этимъ, ультрамонтанизмъ попытался, при посредствѣ своихъ сенатскихъ сторонниковъ, вознаградить себя за пораженіе въ палатѣ своего оратора, кирасира де-Мёна, въ дѣлѣ обсужденія 10 й статьи финансоваго закона, поступившей въ сенатъ въ такомъ видѣ: «прекращаются стипендіи, производившіяся тѣмъ семинаріямъ, профессорами или учителями которыхъ состоятъ члены религіозныхъ ассоціацій или конгрегацій, не разрѣшенныхъ правительствомъ». Статья эта прямо поражала іезуитовъ, почему они, еще до поступленія закона въ сенатъ, и постарались вызвать противъ немногочисленные протесты епископовъ. Когда законъ поступилъ въ сенатскую комиссію, то она сочла необходимымъ смягчить эту статью относительно епископовъ, оставивъ въ ней лишь неодобреніе недозволенныхъ корпорацій. Въ комиссіонной редакціи, статья эта приняла такой видъ: «при распредѣленіи стипендій между семинаріями, ихъ будутъ лишены тѣ семинаріи, управленіе которыми такъ же, какъ и обученіе, ввѣрено религіознымъ ассоціаціямъ, неутвержденнымъ закономъ». Люсьенъ Брёнъ возсталъ противъ этой поправки и внесъ въ засѣданіе сената свою, составленную такимъ образомъ, что статья эта теряла свое всякое противо-іезуитское значеніе, такъ какъ въ силу ея лишались стипендій семи-

наріи только «такихъ епархій, гдѣ епископы отказывались быть отвѣтственными заправителями и судьями преподаваемыхъ доктринъ». Противъ Брёна выступилъ сенаторъ Дофинъ, одинъ изъ членовъ лѣваго центра, перешедшій на сторону правыхъ при послѣднемъ голосованіи. Онъ сталъ поддерживать право государства противодѣйствовать неразрѣшеннымъ корпораціямъ и оказывать поддержку доктринамъ галликанской церкви, и достигъ того, что поправка комиссіи была принята большинствомъ одного голоса абсолютнаго и тремя относительнаго большинства. При настоящемъ составѣ сената, какимъ онъ останется впредь до декабрьскаго возобновленія 1/3 сенаторовъ — и это уже значительная побѣда. Должно думать, что она уменьшитъ недовольство палаты на измѣненіе, произведенное въ бюджетѣ сенатомъ, и обусловитъ то, что палата утвердитъ его въ томъ видѣ, какъ онъ снова поступилъ въ нея изъ сената, оговорившись, что въ принципѣ она считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ — высказывать въ дѣлѣ бюджета свое послѣднее рѣшающее слово. Тогда, по крайней мѣрѣ, не будетъ надобности уже снова выдавать на апрѣль 1/12 кредитныхъ суммъ. Парламентская сессія должна быть вскорѣ закрыта, такъ какъ 8 апрѣля имѣютъ быть созваны департаментскіе генеральные совѣты, да и прежде всего необходимо, чтобы ко времени открытія всемірной выставки, всякія внутреннія неурядицы уладились. Какъ бы то ни было, министерство достигло въ парламентѣ такого положенія, что можно сказать навѣрное, что выставка будетъ открыта при республиканскомъ министерствѣ, а де-Брольи не удастся принимать отъ лица Франціи, какъ онъ еще недавно хвастался, европейскихъ гостей. Макъ-Магонъ слишкомъ «подчинился», чтобы могъ что нибудь предпринять въ враждебномъ для республики смыслѣ, особливо при настоящихъ обстоятельствахъ. Республика завоевала себѣ полгода несомнѣнной прочности. Въ случаѣ надобности, въ бюджетѣ на 1879 годъ, она снова получитъ орудіе для противодѣйстія новой попыткѣ захвата власти реакціей, еслибы таковая снова возникла. Если же сенатскіе выборы произойдутъ при свободныхъ условіяхъ, то республика, заручившись большинствомъ въ обѣихъ палатахъ, произведетъ въ 1880 году, безъ всякихъ волненій, смѣну президента и получитъ такимъ образомъ возможность приступить къ тѣмъ великимъ реформамъ, осуществленія которыхъ такъ терпѣливо и такъ давно ожидаетъ отъ нея народъ, имѣющій на нихъ полнѣйшее право. Палата даже ужъ приступила къ коекакимъ попыткамъ въ этомъ родѣ, начавъ, разумѣется, съ наиболѣе осуществимыхъ; какъ, напримѣръ, съ почтовой реформы, понижающей значительно тарифъ за пересылку писемъ и журналовъ. Кромѣ того, она занялась регламентаціей винныхъ погребковъ и мѣстъ продажи крѣпкихъ напитковъ въ томъ смыслѣ, чтобы, наконецъ, изъять эти единственныя мѣста собраній простолюдиновъ отъ произвола администраціи и вѣдѣнія политической

полиціи, какъ было предусмотрительно это устроено имперіалистами еще со времени подготовленія къ декабрьскому перевороту. Въ комиссіяхъ палаты депутатовъ торопятся съ изслѣдованіемъ всѣхъ реформъ, относящихся до народнаго образованія, и неутомимый министръ народнаго просвѣщенія, Барду, успѣлъ въ одинъ годъ доставить матеріальныя средства для открытія сельскихъ школъ въ самыхъ захолустныхъ мѣстностяхъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ предшественники его успѣвали это дѣлать въ цѣлыя десятилѣтія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ самомъ скоромъ времени будетъ повсюду введено дѣйствительное даровое и обязательное образованіе. Точно также республиканское большинство доставило возможность предпріимчивому и просвѣщенному министру общественныхъ работъ, Фрейсинэ, заняться продолженіемъ дѣла, остановленнаго войною, усовершенствованія и доведенія до конца правильной сѣти путей сообщенія всѣхъ родовъ желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и шоссейныхъ дорогъ. Весьма важныя пренія, продолжавшіяся почти цѣлую недѣлю о выкупѣ правительствомъ шести небольшихъ компанейскихъ желѣзнодорожныхъ линій—доставили республиканскому министру блистательную побѣду надъ самимъ Руэромъ, пользующимся, въ качествѣ дѣлового человѣка, первостепеннымъ авторитетомъ, и котораго за это враги республики, желающіе, во что́ бы то ни стало, помѣшать республиканцамъ улучшить экономическое положеніе Франціи и поднять благосостояніе рабочихъ—избрали своимъ какъ бы оффиціальнымъ ораторомъ. Несмотря на то, что въ средѣ самихъ лѣвыхъ находится не мало сторонниковъ системы большихъ промышленныхъ компаній, что нѣкоторые изъ нихъ отнеслись съ излишнею робостью къ грандіознымъ проэктамъ Фрейсинэ, Руэръ выказалъ въ своихъ рѣчахъ столько дурно, замаскированнаго коварства, что заставилъ ихъ всѣхъ присоединиться при голосованіи къ предложеніямъ правительства. Они поняли, что прежде всего необходимо возбуждать и поддерживать всякое усиленіе національной рабочей дѣятельности, чтобы отвлечь трудовое населеніе отъ пагубнаго вліянія сомнѣній, вызываемыхъ нуждою. Точно также былъ принятъ и новый типъ 3% ренты, погашаемой въ 75 лѣтъ, и почти безъ преній прошелъ выпускъ новыхъ желѣзнодорожныхъ облигацій, капиталъ которыхъ предназначенъ сначала для выкупа небольшихъ линій, а потомъ на введеніе необходимыхъ улучшеній въ систему общественныхъ путей сообщенія вообще.

Въ настоящую минуту, вопросомъ первостепенной важности, вслѣдствіе промышленнаго кризиса, переживаемаго всею Европою, а въ особенности Франціею, на которой чрезвычайно пагубно отразилось неожиданное развитіе американской промышленности, представляется необходимость устройства значительнаго числа обширныхъ мастерскихъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ рудокопныхъ мѣстностяхъ, также какъ и въ мануфактурныхъ центрахъ, возникло одновременно нѣсколько стачекъ. Въ бонапартистахъ стач-

ки эти вызвали не малую радость, а правительство вынуждено было обратить вниманіе на то, не скрывается ли подъ этими одновременно возникшими проявленіями какихъ-нибудь политическихъ махинацій. Въ настоящую минуту, когда я оканчиваю эту корреспонденцію, надѣлалъ очень много шума арестъ нѣсколькихъ иностранцевъ и французовъ, судебное преслѣдованіе противъ которыхъ начато на основаніи закона 1872 года, какъ противъ агентовъ интернаціонали. Пока я не успѣлъ еще собрать объ этомъ щекотливомъ дѣлѣ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, почему и оставляю всякое сообщеніе объ этомъ дѣлѣ до слѣдующей корреспонденціи.

Со стачками, о которыхъ остается сомнительнымъ, не вызваны ли онѣ какимъ-нибудь общимъ лозунгомъ, не слѣдуетъ смѣшивать также возникшей на дняхъ стачки парижскихъ типографовъ. Въ стачкѣ этой не участвуютъ типографщики газетные, она составилась только между типографщиками, печатающими книги, мѣсячныя обозрѣнія и роскошныя изданія, плата которымъ производится еще по тарифу 1868 года. Тарифъ этотъ рѣшительно не соотвѣтствуетъ тому повышенію цѣнъ на необходимые продукты потребленія, которое произошло въ послѣднее десятилѣтіе, и, конечно, еще усилится съ открытіемъ выставки. Опытъ 1867 года не прошелъ даромъ для типографщиковъ, представляющихъ собою цвѣтъ рабочей парижской интелигенціи, и они естественно заблаговременно принимаютъ мѣры предосторожности. У кого хватитъ духу обвинять ихъ за это въ то время, какъ само правительство, въ виду дороговизны, долженствующей возникнуть съ выставкой, требуетъ экстраординарныхъ суммъ какъ на увеличеніе на 10% жалованья всѣхъ служащихъ чиновниковъ, живущихъ въ Парижѣ, такъ и на усиленіе суммъ, отпускаемыхъ на представительство каждаго изъ министровъ, на 100,000 фр., а маршала Мак-Магона—на 500,000 фр.

II.

Оживленіе Парижа по случаю близости открытія всемірной выставки. — Конгрессы. — Приготовленіе къ празднованію столѣтней годовщины дня смерти Вольтера. — Театры: «Обыватели города Понтарси» Викторьена Сарду на сценѣ театра Водевиля. — Жалкая заоблачная фантазія Фердинанда Дюге.— Неудача Дюма на сценѣ «Одеона». — «Les Misérables» Шарля Гюго на сценѣ театра Сен-Мартенскихъ Воротъ и отзывъ объ этой пьесѣ Вакерй. — «Старые общественные слои» комедія Гондинэ. — «Maître Peronilla» Оффенбаха. – Оперныя новости.

Близость открытія всемірной выставки даетъ себя чувствовать. Парижъ съ началомъ весны принаряжается, и украшается, чтобы принять съ должнымъ приличіемъ европейскихъ гостей; по улицамъ замѣчается усиленное движеніе, дома ремонтируют-

ся, окна магазиновъ убираются съ особеннымъ тщаніемъ. Вездѣ и во всемъ видна чрезвычайная дѣятельность и оживленіе. На самомъ мѣстѣ выставочныхъ построекъ работа кипитъ день и ночь съ лихорадочною поспѣшностью. Къ 1-му мая рѣшительно всѣ архитектурныя работы будутъ окончены, а внутри зданій все будетъ приведено въ порядокъ и симетрію, выставляемые предметы будутъ на своихъ мѣстахъ, по витринамъ, и публикѣ уже не придется, какъ во время выставки 1867 года, бродить первые дни открытія международнаго промышленнаго праздника между кучами сору, грязи и невывезеннаго мусора. Должно думать, что красотой и изяществомъ своихъ построекъ, вкусомъ убранства витринъ и артистическимъ расположеніемъ предметовъ настоящая выставка затмитъ выставку 1867 года и, если первая представляла собою нѣчто грандіозное, то вторая представитъ собою нѣчто невиданное и поразительное. Искуство во всѣхъ его отрасляхъ, несомнѣнно, будетъ особенно полезно и разнообразно представлено. Разрѣшеніе, данное, впрочемъ, нѣсколько поздно Германіей нѣмецкимъ скульпторамъ, художникамъ и артистамъ участвовать своими произведеніями на нашей выставкѣ, принято здѣсь весьма сочувственно, какъ знакъ того, что республиканская дипломатія побѣдила, наконецъ, сердце желѣзнаго канцлера, и онъ тоже началъ вѣрить, что выставка осуществится на перекоръ его же пророчеству, предвѣщавшему, что въ маѣ въ Парижѣ будетъ происходить не выставка, а пушечная пальба. Участіе Германіи особенно ободрило и обрадовало музыкантовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ трокадерскомъ дворцѣ устроены такія громадныя и роскошныя музыкальныя залы для оффиціальныхъ торжествъ и частныхъ концертовъ, что было бы обидно, еслибы разнообразныя германскія музыкальныя учрежденія не прислали намъ своихъ представителей для исполненія какъ классическихъ симфоній Бетховена, музыки Гайдна и Моцарта, такъ и грандіозныхъ и любопытныхъ во всякомъ случаѣ, какъ бы кто ни смотрѣлъ на музыку будущаго, композицій Вагнера. Во все время существованія выставки будутъ происходить всевозможные конгрессы. Ихъ будетъ такъ много, что и не оберешься. Чуть не каждый день въ газетахъ появляются заявленія то о конгрессѣ литераторовъ, предсѣдательствовать на которомъ будетъ Викторъ Гюго, то о конгрессѣ рабочихъ, то о конгрессѣ учителей, то о конгрессѣ табакофобовъ и т. д. Викторъ Гюго, кромѣ предсѣдательства на литературномъ конгрессѣ, приглашенъ еще предсѣдательствовать на международномъ конгрессѣ поэтовъ, увѣнчанныя произведенія участниковъ котораго, въ подлинникахъ и переводахъ на французской языкъ, предполагается издать въ одномъ томѣ, съ неслыханной типографской роскошью. Виктору же Гюго предстоитъ предсѣдательствовать и на торжествѣ по поводу столѣтія со дня смерти Вольтера. Праздникъ этотъ предполагаютъ обставить съ такимъ великолѣпіемъ, чтобы онъ затмилъ всѣ другіе выставочные праздники; но такое предположеніе мо-

жетъ еще и не осуществиться, такъ какъ учредители его до сихъ поръ не могутъ согласиться между собою въ самой его программѣ. Иниціатива этого праздника вышла въ прошломъ году изъ лагеря непримиримыхъ, и извѣстный Менье пожертвовалъ значительную сумму на его осуществленіе. Теперь же въ число учредителей вошло множество гамбеттистовъ, и такъ какъ въ томъ же 1778 году, въ которомъ умеръ Вольтеръ, умеръ въ Женевѣ и Жанъ-Жакъ Руссо, то большинство полагаетъ соединить чествованіе памяти обоихъ этихъ мыслителей въ одномъ праздникѣ. Меньшинство же стоитъ за то, чтобы, вмѣстѣ съ памятью Вольтера и Руссо, почтить память Дидро и Д'Аламбера и всѣхъ участниковъ энциклопедіи, т. е. придать празднику характеръ признательнаго воспоминанія обо всѣхъ представителяхъ философіи восемнадцатаго столѣтія. Осуществленію послѣдней мысли нельзя не сочувствовать; она, конечно, нисколько не уронила бы достоинства Вольтера, а между тѣмъ послужила бы хорошимъ прецедентомъ для учрежденія, черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ, торжества въ память всѣхъ первыхъ провозвѣстниковъ и устроителей современныхъ демократическихъ учрежденій.

Вслѣдъ за общимъ одушевленіемъ, начала оживляться и французская сцена. Директора театровъ начинаютъ мало-по-малу вынимать изъ подъ спуда и ставить тѣ пьесы, которыя они припрятывали до выставочнаго времени. Разсчётъ ихъ состоитъ въ томъ, чтобы до выставки собрать жатву съ парижанъ, а во время выставки—съ гостей иностранцевъ. Первою изъ такихъ пьесъ появилась долго жданная пьеса Викторьена Сарду: «Обыватели города Понтарси». Что это, драма или комедія—рѣшить трудно, да едва ли это знаетъ и самъ Сарду. По своему началу, это комедія нравовъ; по концу, это драма. Какъ всѣ произведенія Сарду, это нѣчто изысканное, дѣланное, манерное и вычурное, но весьма вѣрно разсчитанное на эффектъ, почему и производящее его. Сарду вѣренъ своей всегдашней манерѣ, да и зачѣмъ сталъ бы онъ ей измѣнять послѣ того, какъ она его привела въ академію. Хотя по замыслу автора, пьеса его должна представлять собою самую животрепещущую современность, такъ какъ дѣйствіе ея происходитъ во время послѣднихъ выборовъ, но, по исполненію, она носитъ характеръ чуть не пятидесятилѣтней давности, такъ какъ выставленная въ ней буржуазія, желающая во что бы то ни стало затмить блескомъ своей роскоши и силою своего вліянія аристократію, не списана съ дѣйствительности, а сочинена по шаблонамъ старыхъ и забытыхъ романовъ. Дѣйствующія лица хотя и одѣты по современной модѣ, но представляютъ собою такіе отжившіе типы, какихъ уже нынѣ не встрѣтишь, и говорятъ такимъ языкомъ, который настолько же далекъ отъ нашего живого языка, на сколько, напримѣръ, фіакръ добраго стараго времени отъ современнаго восьми-рессорнаго ландо. Въ этомъ нельзя не видѣть умысла Сарду; онъ зналъ,

что пишетъ свою пьесу для выставки, что большую часть зрителей его произведенія будутъ составлять иностранцы, большинство которыхъ только думаетъ, что оно хорошо знаетъ по французски, и сочувствіе котораго, слѣдовательно, легче завоевать внѣшнею эффектностью, нежели тонкостями исполненія и языка. Въ смыслѣ сценическомъ въ пьесѣ есть два, три драматическихъ положенія, которыя были бы превосходны, еслибы были сколько-нибудь естественно мотивированы, а весь четвертый актъ былъ бы даже замѣчательно хорошъ, еслибы сцѣпленіе случайностей, какими онъ обусловленъ, было бы мало-мальски менѣе нелѣпо.

Постараюсь разсказать вамъ содержаніе пьесы. Въ Понтарси мэромъ нѣкто Трабю, котораго судьба наградила тщеславною и легкомысленною женою. Въ округѣ идетъ избирательная борьба. Кандидатъ, за котораго стоитъ Трабю, имѣетъ всѣ шансы на избраніе. Но жена его, для того, чтобы выдать замужъ свою кузину, очень богатую и красивую дѣвушку, Беренжеру Дезормуа, а главное, чтобы получить возможность блистать въ высшемъ обществѣ своими необычайными туалетами, создаетъ новаго кандидата и соперника кандидату, поддерживаемому ея мужемъ, въ лицѣ молодого Фабриса де-Сент-Андре. Бракъ этотъ — острый ножъ для всей партіи Трабю, и ему необходимо, во что бы то ни стало, помѣшать; и вотъ въ одно прекрасное утро, въ главную гостинницу города пріѣзжаетъ изъ Парижа незнакомка, требующая свиданія у Сент-Андре, по Фабрисъ, вмѣсто того, чтобы явиться къ ней въ гостинницу, почему-то таинственно назначаетъ ей свиданіе вечеромъ у себя въ домѣ, гдѣ онъ живетъ вмѣстѣ съ своею матерью. Оказывается, что незнакомка, модистка Марсель Обри, нѣкогда соблазненная покойнымъ отцомъ Сент-Андре, появилась, вынужденная необходимостью и преслѣдуемая кредиторами, требовать отъ сына уплаты значительной суммы, по обязательству, выданному его отцомъ. Росписка эта служила гарантіею ея долга, и кредиторъ ея угрожаетъ, въ случаѣ неполученія уплаты, воспользоваться своимъ правомъ привлеченія къ суду вдовы Сент-Андре. Г-жа Сент-Андре, ничего не зная объ измѣнѣ мужа, весьма чтитъ его память, и вполнѣ увѣрена, что онъ одну только ее при жизни и любилъ. Открыть ей правду значитъ навсегда разбить ея сердце, и вотъ Фабрисъ, убѣдившись въ виновности своего отца, какъ для спасенія честной памяти послѣдняго, такъ и для спокойствія матери, рѣшается вынуть изъ наслѣдственной шкатулки 50,000 франковъ и проводить Марсель тайнымъ образомъ черезъ садъ на дебаркадеръ желѣзной дороги, такъ чтобы ни мать, ни враги его, которыми кишитъ Понтарси, ни о чемъ происшедшемъ не могли догадаться. Но на его бѣду, мать его входитъ въ комнату, гдѣ онъ находился съ Марселью, тотчасъ по его уходѣ, и наскоро запертая шкатулка даетъ ей понять, что произошло нѣчто необычайное. Съ другой стороны, на дебаркадерѣ, агенты Трабю арестовываютъ

модистку по подозрѣнію въ воровствѣ значительной, находящейся при ней суммы. Вслѣдствіе всего этого, Фабрису приходится признать Марсель своею любовницею и этимъ разстроить какъ бракъ свой, такъ и возможность сдѣлаться депутатомъ. Фабрису стòитъ только сказать одно слово или показать письмо своего отца, чтобы истина раскрылась, но, ради сыновней любви, чтобы не видѣть горя и слезъ матери, онъ рѣшается на самоотверженіе.

Г-жа де Сент-Андре, по своему происхожденію, принадлежитъ буржуазіи. Она рѣшительно не можетъ понять образа дѣйствій своего сына, а когда, черезъ брата своего, адвоката Брошà, наведя справки о Марсели, и узнавъ, что эта дѣвушка поведенія образцоваго и живетъ только для своего ребенка, утверждая, что онъ—«вылитый отецъ», то проникается крайнимъ сочувствіемъ къ жертвѣ соблазна своего сына. Она достаетъ фотографію ребенка, которая расшевеливаетъ въ ней чувства бабушки, заклинаетъ своего сына усыновить его и загладить свою поступокъ, женившись на Марсели. Встрѣчая въ Фабрисѣ противодѣйствіе такому плану, она разочаровывается въ его честности, а когда Марсель говоритъ ей, что ребенокъ не отъ Фабриса, но въ то же время отказывается назвать имя настоящаго его отца, то выгоняетъ изъ своего дома бѣдную дѣвушку, какъ безпутницу. Фабрисъ въ отчаяніи, и единственное его вознагражденіе за всѣ вынесенныя имъ страданія состоитъ въ томъ, что ему удается однимъ словомъ, или лучше сказать, безъ слова, однимъ жестомъ убѣдить свою невѣсту Беренжеру, что онъ никого и никогда, кромѣ ея, не любилъ, и упросить ее, чтобы она нѣкоторое время, во имя этой любви, не вѣрила ничему изъ того, что она видитъ своими глазами и слышитъ своими ушами. Сценой этой, полной довѣрчивости любви, мастерски заканчивается 4-й актъ, веденный вообще живо и бойко и съ такимъ успѣхомъ, что у зрителей одно впечатлѣніе смѣняется другимъ, и вниманіе во все время дѣйствія крайне напряжено и заинтересовано судьбою дѣйствующихъ передъ нимъ лицъ.

Пятый актъ служилъ только для того, чтобы г-жа Сент-Андре могла узнать тайну своего сына. Конечно, Брошà могъ бы весьма удобно разсказать ей все и въ третьемъ актѣ, но это помѣшало бы Викторьену Сарду написать свою пьесу.

Пьеса поставлена съ чрезвычайною роскошью и туалеты артистокъ поразительны по своему богатству и вкусу. Всѣ вводныя роли выполняются настоящими артистами. Делапортъ великолѣпно создала трудную роль г-жи Сент-Андре, Барте до нельзя граціозна въ роли Беренжеры, Пирсонъ такъ же хороша въ роли самоотверженной Марсели, какъ и въ роли блестящей Доры. Парадъ, Пьеръ Бертонъ, Делануà и т. д., способствуютъ полному ансамблю исполненія. Однимъ словомъ, пьеса, въ литературномъ смыслѣ не выдерживающая даже и весьма снисходительной критики, какъ, впрочемъ, и всѣ произведенія Сарду, будетъ навѣрное имѣть значительный успѣхъ во время выставки.

Я вамъ какъ то уже писалъ, что попытка географической пьесы Жюля Верна «Путешествіе вокругъ свѣта» вызвала себѣ усерднаго подражателя въ лицѣ нѣкоего Фердинанда Дюге. Съ годъ тому назадъ, онъ, въ сотрудничествѣ съ извѣстнымъ географомъ Кортамберомъ, написалъ «Драму въ морской пучинѣ», дѣйствіе которой происходитъ на самомъ днѣ моря, среди коралловыхъ рифовъ, морскихъ звѣздъ и т. д. Затѣя его не имѣла никакого успѣха, и онъ появился съ новою пьесою «Аэростатъ Мореля» (Balon Morel), дѣйствіе которой происходитъ на воздухѣ, а одинъ актъ, для разнообразія, подъ землей въ рудникахъ. Всѣ ухищренія автора, однако, пропали даромъ, и пьеса, очевидно, написанная только для выставки, улетучитси навѣрное до ея открытія. Содержаніе ея до того безсмысленно, что она даже отчасти выигрываетъ отъ того, что публика ничего въ немъ не можетъ понять.

Давно извѣстно, что родственныя чувства и отношенія въ литературной и драматической области не приносили никогда ничего, кромѣ вреда. Истина эта подтвердилась недавно пьесою Дюма-сына «Жозефъ Бальзамо», передѣланной имъ изъ романа Дюма-отца. Родительская любовь ослѣпляетъ, сыновняя тоже, и Дюма II долженъ былъ потерять всякій смыслъ, прежде чѣмъ отважиться на сценическую передѣлку фельётонной дребедени литературно-промышленной фабрики романовъ Дюма-Макэ и компаніи. Можно было бы еще понять, еслибы драматургъ-академикъ сталъ передѣлывать для сцены такіе романы своего отца, гдѣ все дѣло въ неудержимомъ полетѣ воображенія, какъ напримѣръ «Монте-Кристо», что, впрочемъ, раньше его сдѣлано другими, но брать для передѣлки его якобы историческія произведенія, въ которыхъ исторія извращена до послѣдняго нельзя—просто верхъ неприличія. Покойный Дюма-отецъ, когда его кто-либо упрекалъ за черезчуръ безцеремонное искаженіе исторіи и насиліе надъ ней, отдѣлывался обыкновенно одною и тою же остротою: «да, я насилую исторію, но за то всякій разъ дарю ей ребенка». Дюма-сынъ своей попыткою окончательно убилъ ребенка своего отца. Если онъ имѣлъ въ виду составить цѣлую серію подобныхъ передѣлокъ, продолжая, напримѣръ, «Жозефа Бальзамо» Анжемъ Питу и т. д. до самаго Шевалье-де-Мезонъ-Ружъ, то его предпріятіе неудалось съ самаго пролога. Публика отвыкла отъ болтовни Дюма I, и чѣмъ болѣе Дюма II старался придать ей пикантный характеръ, тѣмъ она оказалась неудобоваримѣе для нашего времени. Дюма-отецъ отличался увлеченіемъ, и о чемъ бы ни начиналъ говорить, не стѣснялся ни послѣдовательностью, ни погонею хотя бы за тѣнью вѣроятности—было бы лишь то, что онъ говоритъ, смѣшно и весело. Дюма-сынъ-академикъ задумалъ придать его легкомысленнымъ фразамъ значеніе глубокихъ афоризмовъ, и вышло нѣчто чудовищное. То, что сходило съ рукъ безпритязательному болтуну, въ академической оправѣ пріобрѣло характеръ вопію-

щихъ нелѣпостей. О характерахъ дѣйствующихъ лицъ я уже и не говорю. Не смѣшно ли въ наши дни, шарлатана Каліостро видѣть въ качествѣ серьёзнаго мыслителя, или вполнѣ разъясненныя историческія личности, превращенныя фантазіей автора, въ совершенно ничтожные типы. Людовикъ XV, напримѣръ, обращенъ семьею Дюма въ какого-то барона Гюло, Бальзака, а знаменитая Дюбарри, развратная наединѣ и сохранявшая, какъ это всѣмъ и каждому извѣстно, строжайшую сдержанность и приличіе, когда она являлась въ общество, выставлена имъ въ видѣ самой безшабашной публичной женщины низшаго разбора. Пьесы двухъ Дюма не спасла на этотъ разъ даже и такая обстановка, которая не могла не поразить даже самыхъ требовательныхъ и привыкшихъ къ роскошнымъ обстановкамъ парижанъ. Трудно вообразить себѣ что-либо роскошнѣе въ декоративномъ смыслѣ декораціи зеркальной галлереи версальскаго дворца въ день представленія ко двору Дюбарри. Площадь Людовика XV вечеромъ, въ день знаменитаго народнаго праздника, по случаю бракосочетанія Маріи-Антуанетты — превосходитъ все, что только Парижъ видѣлъ въ дѣлѣ декоративнаго искуства. Фейерверкъ, пожаръ и кавалерійскій натискъ на массы народа, обезумѣвшаго отъ страха — можно принять за дѣйствительность. Появленіе на площади, среди раненыхъ и убитыхъ, Марата, отказывающагося подавать помощь жантильомамъ и помогающаго сочувственно однимъ пролетаріямъ — производитъ потрясающій сценическій эффектъ, хотя, къ сожалѣнію, въ этомъ появленіи, по ходу пьесы, нѣтъ никакой надобности. Говоря вообще, при такой необычайной обстановкѣ, пьеса оказалась совершенно излишнею и дѣло значительно выиграло бы, еслибы поставленъ былъ только рядъ живыхъ картинъ. Артистамъ же, да еще такимъ, какъ Лафонтенъ и Марэ, въ «Жозефѣ Бальзамо» рѣшительно нечего дѣлать и ихъ могли замѣнить простые манекены, Возмутительнѣе же всего то, что Одеонъ, этотъ второй французскій театръ, получающій значительную субсидію отъ государства для постановки произведеній молодыхъ авторовъ, которые не могутъ быть сразу приняты на сцену театра Французской Комедіи, вмѣсто способствованія этимъ прогрессу драматической литературы во Франціи — расходуетъ значительныя суммы на декоративныя ухищренія, долженствующія служить оправой вздору, какимъ Дюма-сынъ оказалъ медвѣжью услугу памяти Дюма-отца.

Гюго-отецъ, переживший своего сына Шарля Гюго, тоже захотѣлъ почтить его память. Но въ этомъ случаѣ дѣло вышло удачнымъ, такъ какъ онъ поставилъ на сцену театра Сен-Мартенскихъ Воротъ драму Шарля Гюго, передѣланную изъ знаменитаго романа Гюго-отца «Les Misérables». Драма эта написана еще въ 1862 году, но императорская цензура запретила ея постановку на всѣхъ парижскихъ театрахъ. Играна она была въ первый разъ, въ январѣ 1863 года, въ Брюсселѣ на сценѣ Театра

галлерей Св. Губерта» и съ тѣхъ поръ обошла всю Европу, начиная отъ Люттиха и Женевы до Стокгольма и Пешта. Давали ее также въ Италіи, Испаніи и Португаліи. Драма эта въ 2 частяхъ и представленіе ея должно занимать два вечера. Шарль Гюго оставилъ ее неоконченною и за его смертью дописалъ её Поль Мёрисъ. Въ Парижѣ шла только первая ея часть, подъ названіемъ «Фантина». Сцены на баррикадахъ принадлежатъ уже ко второй части и, такимъ образомъ, никакого политическаго характера эта пьеса, какъ она поставлена въ Парижѣ, если не считать того, что она написана на спеціальную тэму— не имѣетъ. Но значеніе ея тѣмъ не менѣе весьма важно. «Les Misérables», говоритъ извѣстный поэтъ-журналистъ Огюстъ Ваккерй, въ «Rappel'ѣ»:—это вся жизнь XIX столѣтія. Всѣ горькія проблемы и всѣ кровавые вопросы нашего времени олицетворены здѣсь въ живые типы, навсегда запечатлѣвшіеся въ памяти всѣхъ. Всѣ бѣдствія человѣчества тутъ на лицо и, что составляетъ главнѣйшее достоинство и высшую красоту этого произведенія, вопросъ, положенный въ его основаніе, состоитъ не въ томъ, какъ быть счастливымъ? а въ томъ, какъ быть честнымъ? Какъ, подъ тяжелымъ гнетомъ фатализма, подъ тягостными, а порою и невыносимыми условіями среды, удержаться, не согнуться, не впасть въ порокъ или преступленіе? Этотъ грозный, громадный вопросъ олицетворенъ Жаномъ Вальжаномъ — и имъ же разрѣшается. Этотъ «несчастный», въ полномъ смыслѣ этого слова, выноситъ всѣ бѣдствія, какія только могутъ выпасть на долю человѣка, и выходитъ изъ всѣхъ нихъ побѣдоносно, очистившись и обновясь духомъ... Въ романѣ Жанъ Вальжанъ выведенъ во весь ростъ, въ драмѣ— типъ его не полонъ, но и того, какъ онъ выведенъ въ драмѣ достаточно, чтобы произвести на публику благотворное впечатлѣніе... Главнѣйшее достоинство произведенія состоитъ въ томъ, что среди массы всевозможныхъ бѣдствій, важнѣйшимъ и наиболѣе грознымъ бѣдствіемъ выставлено собственное сознаніе... Вальжанъ силенъ, онъ выдерживаетъ борьбу со всѣми бѣдствіями и изъ всѣхъ выходитъ побѣдителемъ, но онъ безсиленъ противъ собственнаго сознанія... Другой несчастный, обладающій внѣшнимъ сходствомъ съ нимъ, схваченъ вмѣсто него... и Жанъ Вальжанъ самъ отдается въ руки правосудія!»

И пьеса, дѣйствительно, производитъ на публику весьма сильное и благотворное впечатлѣніе. Надобно видѣть, какъ все стихаетъ въ театрѣ, напримѣръ, во время сцены, когда маленькая Козетта въ лохмотьяхъ пробирается за водою въ зеленую и цвѣтущую монфермельскую рощу, или когда Жану Вальжану удается нетолько спастись отъ преслѣдованій Жавера, но спасти вмѣстѣ съ тѣмъ и Козетту, которую онъ прячетъ въ монастырь, чтобы понять, какъ увлечены драмою зрители.

Повредило полному успѣху пьесы отчасти то, что даровитая и своеобразная Тайльяндьера, долженствовавшая исполнять

роль Фантины, захворала и роль эта передана была Жанѣ Эсслеръ, далеко не обладающей талантомъ первой, да еще и принужденной выйти на сцену почти безъ репетиціи. Дюмэнъ нѣсколько тученъ и мало подвиженъ для роли Жана Вальжана, но за то Талльадъ создалъ неподражаемаго Жавера. Лакрессоньеръ съумѣлъ, въ роли епископа, для сцены обращеннаго цензурою въ богатаго землевладѣльца, сдѣлать то, что въ каждомъ его словѣ и жестѣ публика видѣла епископа.

На долю Палерояльскаго Театра тоже выпалъ успѣхъ, за которымъ онъ такъ долго и такъ напрасно гонялся въ послѣдніе годы. Успѣхъ этотъ доставила ему новая комедія или, вѣрнѣе, водевиль неутомимаго Гондинэ: «Старые общественные слои» (Les vieilles couches), названіе заимствованное изъ извѣстнаго выраженія Гамбетты о новыхъ общественныхъ слояхъ. Политическаго элемента въ пьесѣ, впрочемъ, почти нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, такъ мало, что среди постояннаго смѣха, возбуждаемаго пьесой его никто не въ состояніи уловить. Содержаніе ея слѣдующее: Нѣкто Мираду, несмотря на свои преклонныя лѣта, не прочь повеселиться и пожуировать. Вкусы его въ этомъ смыслѣ раздѣляютъ и два его неразлучныхъ товарища: Воболланъ и Ла-Бригатьеръ, тоже лица, давно перешедшія зрѣлый возрастъ. Однажды, когда вся эта компанія предавалась благодушному бражничанію въ квартирѣ Мираду, вмѣстѣ съ двумя модистками и одной молодой замужней дамой, пиршество ихъ было нарушено появленіемъ клерка отъ нотаріуса, одѣтаго въ чорный фракъ, наглухо застегнутый. Лицо это явилось потому, что узнало, что въ домѣ нанимаетъ квартиру нѣкто Мираду, а оно уже болѣе года день и ночь розыскиваетъ Мираду, которому необходимо сообщить весьма важныя свѣдѣнія по дѣламъ, находящимся у нотаріуса. Увидавъ веселую компанію, злосчастный клеркъ смущается; онъ, очевидно, снова не попалъ на слѣдъ того Мираду, котораго отъискиваетъ. «Мираду, необходимый мнѣ — земледѣлецъ, разсуждаетъ вслухъ оторопѣвшій клеркъ:—если же между этими лицами и есть Мираду, то этотъ Мираду, очевидно—человѣкъ свѣтскій, а не мой земледѣлецъ.—А для чего бы вамъ былъ нуженъ именно земледѣлецъ Мираду? спрашиваетъ его хозяинъ.—«Для того, чтобы передать ему значительное наслѣдство, оставленное по завѣщанію».—Такъ не стѣсняйтесь и отдавайте его мнѣ, говоритъ ему Мираду и объясняетъ клерку, что онъ 11 мѣсяцевъ въ году пашетъ землю, какъ простой крестьянинъ, въ одной изъ самыхъ земледѣльческихъ мѣстностей Франціи, и только на 12-й является въ Парижъ вкусить плоды трудовъ своихъ. Я родился дворяниномъ, но давно отказался ставить частицу de передъ своей фамиліей, сбросилъ фракъ и бѣлый галстухъ, надѣлъ блузу и сабо, женился на настоящей сельчанкѣ и воспитываю великолѣпныхъ индѣекъ. Я понялъ, что время дворянства прошло и настала эпоха нарожденія новыхъ общественныхъ слоевъ.

Клеркъ притворяется слушающимъ со вниманіемъ его разсказъ, но, въ сущности, не вѣритъ ни одному его слову. Чтобы убѣдить его, Мираду приходится пригласить клерка къ себѣ на ферму, гдѣ клеркъ изо всего окружающаго готовъ убѣдиться, что его не обманываютъ, но, къ несчастію для Мираду, Лабриготьеру и Вобаллону тоже приходитъ мысль посѣтить его въ его сельскомъ уединеніи, и все съ тѣми же двумя модистками и молодой женщиной, пиръ съ которыми былъ прерванъ появленіемъ клерка. Чтобы не возбудить новыхъ подозрѣній клерка, Мираду не оставалось ничего другого, какъ предложить всему этому веселому обществу переодѣться крестьянами и крестьянками. Несмотря на такое переодѣваніе, опытный взглядъ законника распознаетъ, что это тѣ самыя лица, которыхъ онъ мелькомъ видѣлъ въ Парижѣ, почему и полагаетъ, что Мираду просто разыгрываетъ съ нимъ комедію. Недоумѣніе его переходитъ въ отчаяніе и ужасъ, когда онъ замѣчаетъ, что молодая женщина, которой онъ не успѣлъ разглядѣть въ Парижѣ, некто иная, какъ его собственная жена.

Въ третьемъ актѣ, если супругѣ клерка и не удается увѣрить своего мужа, что она—вѣрнѣйшая изъ всѣхъ существующихъ и когда-либо существовавшихъ женъ, то онъ убѣждается, по крайней мѣрѣ, что она весьма основательно вдоль и поперегъ знаетъ Мираду, и что Мираду—сельчанинъ и Мираду—свѣтскій человѣкъ—одно и тоже лицо, имѣющее всѣ законныя права на хранящееся у его патрона наслѣдство. Такимъ образомъ Мираду получаетъ наслѣдство и, съ легкимъ сердцемъ, рѣшается продолжать свою двойную жизнь.

Жоффруа, Жиль Пересъ, Леритье и Мильеръ передаютъ съ неподражаемымъ совершенствомъ этотъ не особенно мудреный, но безконечно веселый фарсъ. Жоффруа просто создалъ типъ изъ Мираду, достойный занять мѣсто на сценѣ театра французской комедіи. Еслибы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фарса онъ не уступалъ легкомысленному увлеченію остальныхъ дѣйствующихъ лицъ и не впадалъ, вслѣдствіе этого, слегка въ шаржъ, то создалъ бы цѣльный и чисто мольеровскій типъ богача безъ убѣжденій, дѣлающагося, безъ всякой любви къ народу, республиканцемъ при существованіи республики.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ сряду, во всѣхъ газетахъ мелкой прессы, «Парижскіе Буффы» помѣщали объявленіе, которымъ приглашали явиться авторовъ либретто и музыки якобы весьма замѣчательной оперетки, оставленной кѣмъ-то у портье этого театра. Только недавно, когда Поль-Феррье разрѣшилъ это сомнѣніе, справившись, не то ли это либретто, которое онъ отдалъ Оффенбаху, чтобы положить его на музыку, оказалось, что это дѣйствительно «Maitre Peronilla»; но для чего Оффенбаху понадобилась таинственность — такъ-таки и осталось покрыто для всѣхъ мракомъ неизвѣстности. Едва ли это «много шуму изъ ничего» не было умышленно произведено Оффенба-

хомъ, въ видѣ рекламы. Неужели же, по сознанію самого, нѣкогда столь избалованнаго судьбою маэстро, фонды его упали въ публикѣ такъ низко, что ему приходится прибѣгнуть къ подобному шарлатанству? Во всякомъ случаѣ, гора родила мышь. Какъ музыка — 1-й и 2-й акты до нельзя банальны, и только третій актъ замѣчателенъ по своему одушевленію и по блистательной оркестровкѣ двухъ заключающихся въ немъ народныхъ мотивовъ. Какъ либретто—оперетка также весьма незавидна,

Въ видахъ же будущей выставки, театръ «Комической Оперы» собирается ставить съ хорами, собранными изъ лучшихъ учениковъ консерваторіи, возобновленную «Психею» Амбруаза Тома, которая будетъ чередоваться съ поставленною уже возобновленною «Сѣверною Звѣздою» Мейербера. Въ «Большой Оперѣ» идутъ дѣятельныя приготовленія къ постановкѣ «Поліевкта» Гуно, пьесы, долженствующей представлять собою самую крупную новость опернаго свойства на выставкѣ. На амплуа Фора подготовленъ дирекціей Лассаль, и, кромѣ того, она собирается выпустить новаго тенора, Сеельé, уже дебютировавшаго въ «Вильгельмѣ Теллѣ». Голосъ этого пѣвца, дѣйствительно, замѣчательно хорошъ, но, увы! въ наши дни для пѣвца одного хорошаго голоса недостаточно.

Людовикъ.

Парижъ, 29-го марта 1878 г.

НОВЫЯ КНИГИ.

Публичныя лекціи *Ореста Миллера.* Изданіе второе, дополненное шестью лекціями, не вошедшими въ первое изданіе. Спб. 1878.

«Лекціи» г. Ореста Миллера—далеко не литературная новинка: нѣкоторыя изъ нихъ были прочтены и напечатаны авторомъ еще въ 1871 году, и для *читателей* интересъ новизны могутъ представить только три лекціи о «Войнѣ и Мирѣ» гр. Толстого, «остававшіяся ненаписанными и воспроизведенныя для настоящаго изданія по сохранившемуся конспекту». Въ свое время, лекціи г. Миллера усердно посѣщались публикою, а книга его вышла нынѣ уже вторымъ изданіемъ. Мы отмѣчаемъ этотъ самъ по себѣ очень утѣшительный фактъ, какъ прямое доказательство того, что если наша литературная критика, по общему мнѣнію, давно ставшему общимъ мѣстомъ, въ настоящее время находится въ упадкѣ, тѣмъ не менѣе, на нее чувствуется среди

читающей публики сильный запросъ. Съ этой точки зрѣнія, книга г. Миллера представляетъ значительный интересъ, т. е. если строго различать намѣреніе отъ исполненія. Г. Миллеръ далъ то, что̀ имѣлъ, и далъ такъ, какъ умѣлъ, но мы пока подчеркиваемъ только тотъ фактъ, что книга г. Миллера, по своему сюжету, по замыслу, отвѣчаетъ очень живой и серьёзной умственной потребности общества. Мы далеко не свели счетовъ съ нашимъ ближайшимъ литературнымъ прошлымъ, которое еще цѣликомъ соприкасается съ настоящимъ; итоги нашихъ умственныхъ богатствъ не подведены, а богатства эти не призрачны. Къ сожалѣнію, задаться прекраснымъ замысломъ и прекрасно исполнить замыселъ—два дѣла различныя. Въ предисловіи автора къ лекціямъ о «русской литературѣ послѣ Гоголя», читатель съ перваго же шагу встрѣчаетъ прекурьёзный пассажъ, который неминуемо долженъ сильно поколебать его довѣріе даже къ *фактической* компетентности его патентованнаго критическаго руководителя. Г. Миллеръ «просилъ снисхожденія» у своей аудиторіи, проситъ его теперь и у читателей—и не даромъ: «дѣло въ томъ—такъ извиняется г. Миллеръ—что къ систематическому чтенію произведеній нашей новѣйшей литературы я обратился весьма недавно. Приступая къ курсамъ, я предупреждалъ, что, при моихъ долголѣтнихъ спеціальныхъ занятіяхъ народною словесностью, я не могъ не отстать отъ новаго періода нашей литературы, а потому и просилъ снисхожденія къ курсу, который, можно сказать, слагался передъ самими слушателями изъ только-что осиленнаго матеріала. Но и приступая къ настоящему курсу, я былъ болѣе или менѣе въ такомъ же положеніи...» (161—162). Какъ вамъ это нравится? Намъ, конечно, не привыкать стать къ тому величественному равнодушію, съ какимъ наши, такъ называемые, жрецы науки, смотрятъ на «житейскія волненія, корысти и битвы». Но, воля ваша, даже для насъ диковинное дѣло, чтобы человѣкъ образованный—мало того—литераторъ, мало того—профессоръ словесности, т. е. архи-спеціалистъ литературныхъ дѣлъ, «могъ отстать» (или даже лучше—«не могъ не отстать») отъ всего новѣйшаго періода литературы, того періода, который заключаетъ въ себѣ—легко сказать—всю гоголевскую школу, всю современную беллетристическую «плеяду» нашу. Въ чемъ же это такомъ состояли многотрудныя занятія г. Миллера, принудившія его, профессора, отстать отъ мало-мальски развитаго гимназиста? Въ изслѣдованіи о происхожденіи нашихъ былинъ? Въ изысканіяхъ по вопросу о нравственной стихіи въ поэзіи? Или, быть можетъ, въ писаніи барабанной палкой, обмокнутой въ квасъ, «жгучихъ» статей для «Новаго Времени»? Какъ, однако-же, ни наивно и, смѣемъ сказать, ни неприлично признаніе лектора-профессора, въ упоръ своимъ слушателямъ (а, мимоходомъ сказать, «дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали—спасибо»), что онъ «*только-что осилилъ*» тотъ предметъ, о которомъ намѣревается говорить, за всѣмъ тѣмъ, мы охотно готовы признать,

что г. Миллеръ хотя виновенъ, но по обстоятельствамъ дѣла заслуживаетъ снисхожденія, о которомъ онъ такъ усерднѣйше проситъ. Дѣйствительно, достаточно познакомиться поближе со всѣми обстоятельствами дѣла, т. е. всею книгою г. Миллера, чтобы убѣдиться, что эти неряшливо халатныя отношенія къ своей задачѣ, со стороны нашего автора, отнюдь не преднамѣренны. Онъ видитъ вещи на выворотъ—вотъ его бѣда. Онъ, очевидно, принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ не отъ міра сего, для которыхъ наука и архивная пыль — почти синонимы и которые всегда готовы предпочесть гомункула настоящему живому человѣку. Естественно, послѣ этого, что для г. Миллера вопросъ, напримѣръ, о происхожденіи нашихъ былинъ долженъ былъ казаться вполнѣ заслуживающимъ «долголѣтнихъ спеціальныхъ занятій», а анализъ типовъ нашихъ лучшихъ художниковъ можно было преудобно произвести на почвѣ той подготовки, которая сводится къ «осиливанію», къ семинарскому пропиранію, безъ всякой руководящей и сколько нибудь самостоятельной идеи. Впрочемъ, при чрезвычайной простотѣ того взгляда на роль и значеніе литературной критики, который отличаетъ г. Миллера, онъ дѣйствительно имѣлъ всѣ основанія надѣяться привести свой «курсъ» къ благополучному окончанію. «Критика, говоритъ г. Миллеръ: — по бо́льшей части является у насъ потерявшею всякую руководящую нить; привычка говорить очень много по *поводу* литературныхъ произведеній, чрезвычайно мало вникая въ *собственную ихъ сущность*, дошла до крайнихъ предѣловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней развилась нетерпимость и нетерпимость нерѣдко такого свойства, что на нее бы самымъ неблагосклоннымъ образомъ посмотрѣли Бѣлинскій и Добролюбовъ. Дѣло въ томъ, что нетерпимость эта вытекаетъ очень часто не изъ *идей* — въ этомъ смыслѣ она была бы понятна, пожалуй, даже почтенна—а просто изъ взглядовъ кружка, изъ узкихъ интересовъ литературнаго прихода. А между тѣмъ, въ виду различнаго рода «ташкентцевъ» особенно нужно было сойтись всѣмъ вообще честнымъ людямъ. Долженъ же, наконецъ, быть положенъ предѣлъ той печальной розни, которая такъ давно обезсиливаетъ общественныя наши средства. Вмѣсто того, чтобы ее поддерживать, литературная критика должна содѣйствовать, по мѣрѣ своихъ средствъ, ея искорененію. Только въ такомъ случаѣ она достигнетъ своей лучшей цѣли—будетъ содѣйствовать развитію у насъ того, что намъ особенно нужно—здоровой общественной силы» (396—397). Не будемъ говорить о странности упрека, сдѣланнаго нашей критикѣ въ «чрезвычайно маломъ вниканіи въ собственную сущность» художественныхъ произведеній со стороны человѣка, только наканунѣ своихъ критическихъ импровизацій догадавшагося «осилить» эти произведенія, а обратимъ вниманіе на ту двойную роль, которую рекомендуетъ г. Миллеръ критикѣ. По его мнѣнію, критика, во-первыхъ, по отношенію къ беллетристикѣ, не должна говорить *по поводу* представляемыхъ беллетристами данныхъ,

во-вторыхъ, по отношенію къ литературѣ вообще, должна «содѣйствовать искорененію печальной розни». Объ этихъ рецептахъ г. Миллера справедливо можно сказать, что они «оба лучше». Что Бѣлинскій и Добролюбовъ были лучшими нашими критиками—это безспорно, но безспорно и то, что критика Бѣлинскаго пріобрѣла особенную силу именно въ послѣдній періодъ своего развитія, когда Бѣлинскій отъ вопросовъ чисто литературнаго и эстетическаго свойства обратился къ вопросамъ общественнымъ. Относительно же критики Добролюбова нечего и говорить: во всѣхъ статьяхъ, безъ исключенія, Добролюбовъ являлся критикомъ-публицистомъ, вездѣ онъ ставилъ на первый планъ интересы дѣйствительности, а не художественности, характеризовалъ не художника, со всѣми оттѣнками его таланта, а явленія жизни, послужившія тэмою для беллетриста. А все это именно и значитъ говорить о жизни *по поводу* искуства. Требовать отъ критики исключительно анализа «собственной сущности» беллетристическихъ произведеній—значитъ подчинять ее беллетристикѣ, а это ни съ чѣмъ не сообразно. Беллетристика имѣетъ свои опредѣленныя функціи, критика—тоже свои, и позвольте же критику смѣть свое сужденіе имѣть о значеніи тѣхъ данныхъ, которыя даетъ беллетристъ.

Желаніе «искоренить печальную рознь» — другой рецептъ г. Миллера—вообще говоря, очень добродѣтельно, но совершенно непонятно—при чемъ же тутъ литературная критика собственно? Не хочетъ ли г. Миллеръ этимъ сказать, что критика извѣстнаго направленія должна относиться мягко къ беллетристамъ всѣхъ лагерей и цвѣтовъ, памятуя, что всѣ они—собраты, члены одной и той же république des lettres? Г. Авсѣенко будетъ слагать хвалебные гимны Некрасову, а критика «Отеч. Зап.» строить глазки героямъ и героинямъ разныхъ «Млечныхъ путей»? Мы бы назвали желаніе г. Миллера безнравственнымъ, еслибы оно не было такъ маниловски-наивно. Литература—не корпорація и ужь ни въ какомъ случаѣ не теплица-академія, члены которой и въ службу, и въ дружбу комплиментируютъ другъ другу. Дѣло житейское — дѣло грубое. Г. Миллеръ объясняетъ «нетерпимость» нашихъ литературныхъ партій не рѣзкою рознью ихъ принциповъ, а «узкими интересами литературнаго прихода», т. е. кумовствомъ и алтынничествомъ. Но если такъ, если наши литераторы, всѣ вообще—не болѣе, какъ барышники и кулаки, то стоитъ-ли хлопотать объ уничтоженіи между ними «розни» и есть ли какой-нибудь смыслъ въ надеждѣ, что, уничтоживши эту рознь, мы, какъ завѣряетъ г. Миллеръ, создадимъ тѣмъ самъ «здоровую общественную силу»? Да пусть, на радость всѣмъ честнымъ людямъ, они поѣдаютъ другъ друга, какъ пауки въ стклянкѣ, и пропадай пропадомъ эта литература, всѣ помыслы которой сосредоточены на рублѣ! Но г. Миллеръ говоритъ объ объединеніи «всѣхъ вообще честныхъ людей». Что же разъединяетъ *этихъ* людей? Если опять таки алтынъ, то какіе

же они послѣ этого «честные»? Если же ихъ взаимная «нетерпимость» вытекаетъ изъ коренныхъ принципіальныхъ разнорѣчій, то вѣдь г. Миллеръ самъ же признаетъ такую рознь «почтенной». Очевидно, хлопоча объ оживленіи и обновленіи литературы путемъ какого то невозможнаго «объединенія», онъ самъ не знаетъ, что̀ говоритъ и чего хочетъ. Литература живится идеалами, а идеалы черпаются исключительно изъ жизни, и только та литература достойна своей высокой миссіи, и только та партія заслуживаетъ уваженія, которая не поступается своими идеалами, но бережно и ревниво проноситъ ихъ какъ среди лакеевъ алтына, такъ и среди рыцарей компромисса, въ родѣ г. Ореста Миллера. Не знать такихъ азбучныхъ истинъ — стыдно, а профессору—вдвойнѣ.

Въ сущности, всѣ подобные проэкты «объединенія» —не что иное, какъ мертворожденныя дѣтища вялаго индифферентизма или просто «недоумѣніе нулей къ какой пристать имъ единицѣ». Г. Миллеръ — не первый и, конечно, не послѣдній изъ прожектеровъ этой категоріи. Г. Гайдебуровъ, какъ человѣкъ, гораздо болѣе практичный, нежели нашъ простодушный профессоръ, пропагандируетъ, какъ извѣстно, это «объединеніе» путемъ такъ называемыхъ литературныхъ обѣдовъ. Согласить гастрономическіе вкусы, безъ сомнѣнія, гораздо легче, нежели принципы, и, принявъ на себя столь идущую къ нему роль мэтръ д'отеля петербургской журналистики, г. Гайдебуровъ избралъ себѣ благую часть. Рекомендуемъ г. Миллеру этотъ путь: если—что несомнѣнно—онъ потерпитъ фіаско на литературной аренѣ, то, при нѣкоторой ловкости, онъ навѣрное достигнетъ цѣли, хотя бы, напримѣръ, въ обѣденной залѣ малоярославецкаго трактира. Bonne chance.

Въ практическомъ примѣненіи своего взгляда на роль и значеніе литературной критики, г. Миллеръ совершенно послѣдователенъ—въ этомъ надо отдать ему справедливость. Точно пораженный всѣми египетскими язвами, онъ не смѣетъ сдѣлать ни одного свободнаго движенія и послушно плетется въ хвостѣ *разбираемаго* писателя, все равно кто бы онъ ни былъ, Толстой или Достоевскій, Некрасовъ или Писемскій. Онъ скромно довольствуется коментаріями, обладающими, такъ сказать, чичиковскою наружностью, т. е. не очень старыхъ, но и не очень новыхъ, не слишкомъ наивныхъ, но и не такъ, чтобы ужь очень глубокомысленныхъ, причемъ неизмѣнно, для поддержанія своего мнѣнія и съ чисто проффессорскимъ безпристрастіемъ, ссылается на Бѣлинскаго и на Страхова, на Добролюбова и на Аполлона Григорьева, на Писарева и на Николая Соловьева. Изрѣдка онъ позволяетъ себѣ ласково попенять разбираемому автору, какъ попенялъ, напримѣръ, г. Щедрину за «Исторію одного города», оскорбившую г. Миллера, во первыхъ, помому что, по его мнѣнію, подкрѣпленному мнѣніемъ критика «Вѣстника Европы», историческая сатира—ложный родъ, во-вторыхъ, потому,

что, въ двойномъ званіи яраго патріота и яраго спеціалиста-историка, онъ не можетъ допустить отрицательнаго отношенія къ нашему историческому прошлому. Современность онъ выдаетъ головою, но Гостомысла проситъ не обижать: хорошій былъ человѣкъ, покойникъ! Такъ какъ у него рѣшительно нѣтъ другого критерія, кромѣ эстетическаго, то естественно, что всѣ разбираемые имъ писатели совершенно одинаково удовлетворяютъ его: хорошо пишутъ! Насколько такая критика опредѣлила критику того гоголевскаго героя, который говаривалъ о любимыхъ писателяхъ: «славно, канашка, пишетъ, бойкое перо!»—этотъ вопросъ мы оставляемъ на благоусмотрѣніе читателя. Какъ бы то ни было, г. Миллеръ цѣли, несомнѣнно, достигъ. Такъ какъ и Достоевскій, и Щедринъ, и Писемскій, и Гончаровъ—всѣ, оказывается, «славно пишутъ» и обладаютъ «бойкимъ перомъ», то этимъ именно и доказывается, наглядно, возможность той «объединяющей» и «примиряющей» критики, девизъ которой—вали въ кучу и всякое даяніе благо.

Петербургскій полусвѣтъ. Романъ *М. А. Филипова.* Изданіе третье. Спб. 1878.

Тайны великосвѣтской женщины. *Кн. А. Кочубей.* Спб. 1878.

Мы ничего не имѣемъ сказать объ этихъ двухъ произведеніяхъ, потому что, откровенно говоря, не читали ихъ. Мы хотимъ только обратить вниманіе многочисленныхъ потребителей романовъ съ пикантными заглавіями, выходящихъ отдѣльнымъ изданіемъ, на слѣдующее обстоятельство. Перелистывая романы гг. Филипова и Кочубей, вы найдете внизу, на каждомъ листѣ «Петербугскаго полусвѣта» таинственную помѣтку—«Разсвѣтъ», а на листахъ «Тайны великосвѣтской женщины» не менѣе таинственное слово—«Камилль». Кабалистика эта объясняется очень просто. Былъ когда-то (въ 1875 г.) изданъ переводный романъ кн. Кочубей «Рукопись мадмуазель Камилль». Романъ не пошелъ. Издатель придѣлалъ ему новое заглавіе, вставилъ въ новую обертку и выпустилъ въ 1878 г. за новое произведеніе. Издатель романа г. Филипова сдѣлалъ тоже самое, перекрестивъ «Разсвѣтъ» въ «Петербугскій полусвѣтъ», но онъ предпочелъ выдавать этого перекрещенца не за новое произведеніе, а за третье изданіе. Помѣтки «Камилль» и «Разсвѣтъ», свидѣтельствуютъ, что «Тайны великосвѣтской женщины»—не новость, а «Петербургскій полусвѣтъ»—не третье изданіе. Хотя намъ, признаться, нѣтъ особенной заботы о потребителяхъ романовъ съ пикантными заглавіями, но все-таки имъ незачѣмъ дважды, трижды и многажды покупать одинъ и тотъ же романъ, являющійся время отъ времени въ новой обертке и съ новымъ заглавіемъ.

Путешествія и разсказы. *А. А. Тишанскаго.* Спб. 1878.

Наше время, что бы тамъ, за горами, за долами (а то, пожалуй, и поближе гдѣ) ни происходило—прежде всего веселое время. Не все намъ слезы горькія лить о бѣдствіяхъ существен-

ныхъ и чтобы вамъ, читатель, угодить—веселѣй надо быть. Литература наша, беллетристика по преимуществу, поняла это отлично. Оставимъ пессимистамъ доказывать, что въ литературѣ изсякла будто бы какая-то «струя», погасла какая-то «искра» —все это, какъ выражался Гамлетъ, «слова, слова, слова». Не только не изсякла, не только не погасла, но, наоборотъ, отыскались новые родники и зажглись новыя, невиданной яркости искры. Взять для примѣра хотя бы извѣстную часть нашей беллетристики. Вообще говоря, мы никогда не отличались ни разнообразіемъ художественныхъ школъ, ни обиліемъ литературныхъ партій, такъ что, напр. хоть бы въ той же беллетристикѣ до недавняго времени существовала, строго говоря, только одна, такъ называемая, натуральная школа. Но эта школа, видимо, отживаетъ свой вѣкъ. Извѣстная беллетристическая «плеяда», тускло мерцающая на небосклонѣ нашей литературы, превращается, кажется, въ туманное пятно, совершенно неспособное освѣщать окружающій мракъ. Г. Тургеневъ окончательно «положилъ перо» (по нашему счету—въ шестьсотъ шестьдесятъ шестой разъ; неужели и теперь не утерпитъ?), гр. Толстой взялъ таковое для того, чтобы написать «Анну Каренину», г. Гончаровъ оборвался уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. Достоевскій не то замужъ вышелъ, не то ногу сломалъ, не то духовъ кличетъ, не то въ Царь-градъ ѣдетъ— что-то вродѣ этого; наконецъ, г. Писемскій, во образѣ если не златой, то иллюстрированной «Пчелы», летая вокругъ самыхъ пышныхъ цвѣтковъ отечественнаго вертограда, скромно прожужжалъ своихъ «Мѣщанъ» и съ задняго двора журналистики прямымъ трактомъ отправился въ Лету. Однимъ словомъ, куда ни кинь, все, повидимому, выходитъ клинъ. Но не будемъ падать духомъ. Жизнь прогрессируетъ, литература не отстаетъ отъ нея, и если мы имѣли до сихъ поръ просто натуральную школу, то теперь имѣемъ школу натуральную во всѣхъ отношеніяхъ, обнаженную съ ногъ до головы, до виноградного листка включительно. Въ этомъ отрицаніи традиціоннаго листика именно и оказывается высокое преимущество новой школы нашей беллетристики. Мы говоримъ это не въ судъ и не въ осужденіе литературы—она только исполняетъ свою миссію общественной служительницы. Извѣстно, съ нея чего хочешь, того и просишь, и если мы, читатели, покупатели и подписчики, говоримъ журналисту, какъ, бывало, поручикъ Пироговъ говаривалъ своимъ жертвамъ вечернимъ: «ты мнѣ *момо*-то не разводи, а подавай настоящее дѣло», то очень естественно, что Незнакомецъ и К° немедленно постараются удовлетворить нашъ аппетитъ поднесеніемъ въ фельетонномъ романѣ требуемаго «настоящаго дѣла» въ видѣ кокоточной эпопеи. Святое искуство! Гдѣ твоя святость? «Бѣдная Лиза! гдѣ твоя невинность?»

Да, «прошли годы и наступили времена», какъ кто-то и гдѣ-то выражался. Не литература, а просто малина! Читаешь ро-

манъ какой-нибудь литературной Бланшъ Гандонъ въ родѣ, напр. графа Саліаса и только диву даешься. Припомните, напр. въ «Пугачевцахъ» сцену изнасилованія Уздальскимъ Любуши—«вѣдь это что-жь такое!» воскликнулъ бы Глумовъ. Оно, конечно, у насъ и прежде были своего рода «княжескіе пассажи», маститыя Шнейдерши; но граціозный шикъ, съ какимъ онѣ, бывало, умѣли se gratter les jambes et les hanches, давнымъ давно пересталъ удовлетворять насъ: все это не дѣло, а только ненужныя *момо*, разводить которыя намъ некогда. И вотъ, подчиняясь нашимъ вкусамъ, является къ нашимъ услугамъ какая нибудь газетная Альфонсина, которая прямо начинаетъ съ того, что поднимаетъ ножку выше, чѣмъ должно. Да, мы далеко пошли и прогрессъ нашъ несомнѣненъ. Если, напр. г. Тургеневъ ставилъ точку послѣ того, какъ его Елена сказала Инсарову: «такъ возьми-жь меня», то графъ Саліасъ описалъ бы весь актъ «взятія», а какая нибудь г-жа Га—ни не ограничилась бы и этимъ, а къ сугубому нашему удовольствію довела бы «дѣло» до конца концовъ. Помнится намъ, Бѣлинскій, въ одной изъ своихъ рецензій, просто изъ себя выходилъ, разбирая какой-то переводный романишко Поль де-Кока. «Мы трепещемъ при мысли, что это грязное, подлое произведеніе можетъ попасть въ руки дѣвушки или юноши», свирѣпствовалъ онъ. И это говорилось о Поль де-Кокѣ, наивный и добродушный цинизмъ котораго вращается, главнымъ образомъ, около разныхъ авантюръ съ ночными вазами и т. д. Какія же, спрашивается, выраженія употребилъ бы Бѣлинскій теперь, въ виду того скандальнаго апоѳеоза «настоящаго дѣла», которымъ съ такимъ истинно кокоточнымъ безстыдствомъ и съ такимъ истинно либеральнымъ мѣднолобіемъ занимаются наши сіятельные и несіятельные журналисты? «Неистовый Виссаріонъ», навѣрное, задохся бы въ этой атмосферѣ, если бы только ему не удалось изобрѣсти какую нибудь своего рода ждановскую жидкость.

Наше вступленіе вышло на столько длинновато для рецензіи, что читатель, вѣроятно, ожидаетъ встрѣтить въ г. Тишанскомъ очень замѣчательную литературную новинку. Его ожиданія не оправдаются. Г. Тишанскій—писатель очень скромный и незамѣтный; но его книги замѣчательны тою непосредственностью, тою простотою и прямотою, съ какою mot d'ordre извѣстной фракціи современной беллетристики отразился на ней. Г. Тишанскій много путешествовалъ, и разсказы о его путешествіяхъ, съ добавленіемъ одной порядочной повѣсти, да четырехъ незначительныхъ беллетристическихъ этюдовъ, находятся теперь передъ нами. Какъ же онъ разсказываетъ? Памятуя, что по нынѣшнему времени писателю «веселѣй надо быть» и понимая эту «веселость» въ суворинско-сальясовскомъ духѣ, г. Тишанскій считаетъ долгомъ подробно сообщать намъ о своихъ любовныхъ приключеніяхъ на всѣхъ точкахъ земнаго шара. Пріѣзжаетъ онъ напр. въ Маниллу и—«я недолго созерцалъ общую картину. Я

очень скоро былъ увлеченъ одной ея милѣйшею частностью, частностью съ большими, черными, какъ угли, глазами» (115). Далѣе слѣдуетъ повѣствованіе о веселыхъ похожденіяхъ автора съ черноглазою частностью. Въ тотъ же вечеръ, вѣтренникъ-авторъ сводитъ другую интрижку и «страстно приникаетъ къ роскошному и благоухающему плечу» (121). На 146 стр. и все въ той же Маниллѣ, «она (ужъ право не знаемъ которая), судорожно сжавъ руками мою голову, порывисто стала цѣловать меня въ лобъ нервными жгучими поцѣлуями. Мнѣ страшно сдѣлалось.... я совершенно растерялся». Въ Батавіи, г. Тишанскій, улегшись въ постель съ серьёзнымъ опасеніемъ быть заживо иссосаннымъ вампирами, просыпается отъ «прелестнаго ощущенія дивной прохлады» и вмѣсто ожидаемаго вампира видитъ у своей кровати «восхитительный женскій призракъ». Между авторомъ и призракомъ начинается обычная мимика и дѣло кончается многоточіемъ (198). Посмотрѣлъ г. Тишанскій на танцы баядерокъ и обязательно сообщаетъ: «я былъ доведенъ до такого нервнаго состоянія, что легъ спать съ страшною головною болью» (201). Въ Таити съ авторомъ произошелъ такой пассажъ: одна туземная красавица «вдругъ и безъ чиновъ, какъ говорится, бросила въ сторону фрукты и обвила мою шею красивыми своими руками. За ней послѣдовала вторая, а тамъ и третья,—я растерялся....» (302). И такъ далѣе. Букетецъ, собранный нами, далеко не полонъ, но уже и по немъ съ достаточною вѣроятностью можно судить о г. Тишанскомъ. Для того, кто прочелъ книгу г. Тишанскаго—его искренность несомнѣнна, и мы прежде всего отмѣтимъ тотъ фактъ, что почти во всѣхъ своихъ амурныхъ похожденіяхъ г. Тишанскій разыгрываетъ совершенно пассивную роль: его цѣлуютъ, обнимаютъ, а ему-то «страшно» сдѣлается, то онъ «растеряется». Этотъ фактъ, характеризующій, конечно, гораздо болѣе человѣческую, нежели литературную личность г. Тишанскаго, важенъ для насъ потому, что въ совершенномъ соотвѣтствіи съ нимъ находятся и всѣ тѣ черты литературной физіономіи г. Тишанскаго, которыя можно подмѣтить въ его книгѣ. Въ его описаніяхъ разныхъ цѣлованій и обниманій рѣшительно нигдѣ и никогда не замѣчается того самоуслажденія, того поганаго слюнотеченія, которое отличаетъ опытныхъ аматёровъ по этой части. Онъ даетъ эти описанія не изъ любви къ искуству, не какъ спеціалистъ, даже не какъ диллетантъ, а какъ будто по долгу, по обязанности, вслѣдствіе, очевидно, того убѣжденія, что «такъ надо», что только анекдотами *такого* рода можно сообщить своему разсказу пикантную литературную игривость—чего г. Тишанскому несомнѣнно очень хочется.

Видите ли что, г. Тишанскій. Въ храмъ нашей литературы («храмъ разрушенный — все храмъ, куміръ поверженный — все богъ») дѣйствительно набралось много продающихъ и купующихъ, людей барыша и успѣха во чтобы то ни стало, людей съ мѣднымъ лбомъ и броненосною совѣстью. Здѣсь не мѣсто гово-

рить о причинахъ этого факта и достаточно только констатировать его. Но, какъ ни безспоренъ этотъ фактъ, изъ него, однако же, ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ, что литература и въ *принципѣ* должна быть тѣмъ, чѣмъ она оказывается на фактѣ. Отъ начинающихъ писателей мы въ особенности въ правѣ требовать, чсобы они смотрѣли на литературу серьёзно, не какъ на общественную прихвостницу и потатчицу, а какъ на общественную руководительницу. Не литераторамъ унижать призваніе литературы и ея достоинство — на это и безъ нихъ даже слишкомъ много охотниковъ. Надо понимать вещи. Если есть люди, которые ведутъ себя въ храмѣ, какъ въ домѣ терпимости, то ихъ нужно стараться выгнать оттуда, а не подражать имъ. Если въ одномъ углу этого храма раздается молитвенное пѣніе, а въ другомъ идетъ бѣшеная вакханалія, то человѣкъ съ свѣжимъ религіознымъ чувствомъ ни на одно мгновеніе не усомнится, куда ему слѣдуетъ идти и въ какіе ряды подобаетъ стать. Вы увлеклись, конечно, примѣромъ разныхъ скандальныхъ знаменитостей нашей журналистики, вы подражали имъ. Но неужели такъ трудно понять, что эти господа столько же достойны называться писателями, сколько трубочистъ достоинъ называться художникомъ? Это просто, употребляя выраженіе «Свода Законовъ» — «явные прелюбодѣи», которые и къ свидѣтельству не допускаются; это люди, которые, не умѣя дѣйствовать на чувство, дѣйствуютъ на чувственность, не умѣя или не желая будить мысль читателя, шевелятъ его низменные, животные инстинкты. Наступятъ для литературы лучшіе дни — потому что должны же они когда нибудь наступить! — и вся эта грязь, съ двухъ концовъ жгущая всѣ завѣтныя преданія нашей литературы, будетъ выметена вмѣстѣ съ своими вольными или невольными, сознательными или безсознательными подражателями и послѣдователями. Неужели мы пали такъ низко, что для насъ только и свѣта можетъ быть, что изъ окошка какой нибудь литературной проститутки? Міръ Божій великъ и широкъ, и въ немъ ли мыслящему человѣку не найти явленій, на которыхъ достойно могло бы остановиться его вниманіе. Даже г. Тишанскій доказываетъ это своею повѣстью «Матросъ Акинфъ Акинфіевъ», изъ которой видно, что и ему случалось задумываться не надъ юпками только и что, развивай онъ свою мысль въ томъ же серьёзномъ и честномъ направленіи, изъ него вышелъ бы не бардъ благоухающихъ плечъ, а настоящій писатель, хотя и второстепенный, несомнѣнно.

Но для этого г. Тишанскому нужно прежде всего учиться и много учиться: онъ, вонъ, вампировъ боится, объ очковыхъ змѣяхъ разсказываетъ такія небылицы, что уши вянутъ (208), онъ, морякъ, приводитъ своихъ спутниковъ въ изумленіе своими наивными вопросами объ акулѣ (183) и т. д. И г. Тишанскому стòитъ учиться, потому что, когда онъ не гонится за тѣмъ, что онъ считаетъ литературнымъ достоинствомъ, за скабрёзною игри-

востью, онъ пишетъ толково, ясно и просто. Таковъ, напримѣръ, его этнографическій очеркъ «Эскалерія и Эскальдинаки». А впрочемъ, «какъ угодно съ».

Вильямъ Карпентеръ. Месмеризмъ, одилизмъ, столоверченіе и спиритизмъ съ исторической и научной точекъ зрѣнія. Лекціи, читанныя въ декабрѣ 1876 года въ лондонскомъ институтѣ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1878.

Умственная жизнь европейскаго Запада течетъ широкою и глубокою рѣкою; высоко подымающіяся волны главнаго фарватера этой рѣки несутъ свѣжую и живительную струю; но вдоль береговъ, по мелкимъ мѣстамъ не можетъ не попадаться муть, илъ и грязь. Съ давнихъ временъ уже, русская жизнь сложилась такъ, что мы ее и представить себѣ не можемъ безъ примѣси западнаго вліянія; но только во вліяніи этомъ замѣчаемъ мы очень слабое участіе живительной струи главнаго фарватера, едва просачивающейся сквозь множество плотинъ и дамбъ, а большею частью видимъ дѣйствіе гнилостно-болотистаго мелководья. Муть эта, разливаясь по всей обширной поверхности нашего отечества, входитъ здѣсь въ самыя разнообразныя комбинаціи съ мѣстными подходящими элементами и образуетъ тѣ удивительные аггрегаты мракобѣсія, которые процвѣтали и процвѣтаютъ къ вящшему нашему умопомраченію и уморазвращенію.

Мутныя струи отечественно-заморскихъ и заморско-отечественныхъ заразныхъ теченій прорывали себѣ въ разное время разныя русла и сосредоточивались по очереди то въ томъ, то въ другомъ. Въ настоящее время, какъ всякому одаренному зрѣніемъ извѣстно, главнымъ ихъ русломъ стало такъ называемое приватъ-звонарство, удачно соединившее въ себѣ логику западнаго прилавка съ этикой русскаго холопства и подвизающееся въ разныхъ формахъ съ неутомимостью и упорствомъ вьючнаго животнаго. Побочныя русла на время позаросли, но не изсякли окончательно и при первомъ удобномъ случаѣ могутъ опять стать весьма замѣтными.

Русская натура удивительно вынослива во всѣхъ отношеніяхъ. Пусть приватъ звонари безстыдно провозглашаютъ себя пророками своей земли, пусть изобрѣтаютъ они отвѣты за тѣхъ, которые не слышали вопроса или не поняли его. Все это мы воспримемъ и ассиммилируемъ и затѣмъ будемъ преисполнены готовностью прослушать хоть 120 чтеній Ивана Яковлевича о томъ, «како безсмысліе ручательствомъ истины явиться можетъ и каковыя отъ працы сія изойти могутъ кололацы», и, осѣненные этими кололацами, мы съ свирѣпымъ восторгомъ кинемся въ объятія перваго попавшагося странствующаго рыцаря спиритизма, съ полнымъ самоотреченіемъ сдѣлаемся его покорнѣйшими Санчо Пансами, не пожалѣемъ ни трудовъ, ни издержекъ для пріумноженія славы и капитала нашего мимолетнаго господина. Новымъ странствующимъ рыцаремъ спиритизма явился въ послѣднее время пресловутый Слодъ, успѣвшій обратить на себя

всеобщее вниманіе даже и при оглушительномъ трезвонѣ, производимомъ приватъ-звонарями. Слэду не удалось, конечно, еще разъ поднять спиритизмъ на самую поверхность нашей общественной жизни, какъ то имѣло мѣсто въ недавнее еще время, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ значительно поднялъ уровень той медіумической клоаки, чрезъ которую проникаютъ къ намъ съ Запада интеллектуальныя нечистоты мистико-престидижитаторскаго свойства, и обогатилъ приватъ-звонарскую атмосферу придаточными міазмами, почти уже изъ нея исчезнувшими.

Неожиданное осложненіе умственной эпидеміи вызываетъ, конечно, и чрезвычайныя санитарныя мѣры. Этому обстоятельству мы и обязаны, конечно, появленіемъ новаго обличенія медіумическихъ шарлатанствъ и спиритистическаго недоумія, почти уже забытаго въ нашей наукѣ и литературѣ прежними обличителями. Новое разслѣдованіе о спиритизмѣ принадлежитъ извѣстному Карпентеру и появляется въ первый разъ въ хорошемъ русскомъ переводѣ, на который мы считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе читателей.

Самою поучительною частью лекцій Карпентера слѣдуетъ считать ту, въ которой онъ даетъ анализъ психологическихъ основаній вѣры въ спиритистическія явленія. Главная причина этой вѣры заключается, по его мнѣнію, «въ страстномъ *желаніи* человѣческаго сердца (эмоціональной природы человѣка) получить какія-нибудь завѣренія относительно продолженія существованія нашихъ усопшихъ друзей, а слѣдовательно и нашего собственнаго будущаго существованія» (5). Въ связи съ этою мыслью, онъ разсматриваетъ значеніе *ожиданія*, которое, являясь какъ результатъ увѣренности въ исполнимости и бо́льшей или меньшей близости осуществленія *желанія*, представляется намъ тѣмъ же желаніемъ въ извѣстномъ фазисѣ своего развитія и напряженія. Еслибы Карпентеръ, не увлекаясь слишкомъ долгою остановкою надъ почти забытыми теперь месмеризмомъ, одилизмомъ и столоверченіемъ, сосредоточилъ все свое вниманіе на очень вѣрно намѣченной имъ психологической сторонѣ вопроса, то лекціи его несомнѣнно много бы отъ этого выиграли. Ему бы необходимо слѣдовало выяснить основную роль *желанія* (хотѣнія, стремленія, побужденія, точнѣе и опредѣленнѣе—*воли*) и показать значеніе *чувства*, какъ момента, обусловленнаго удовлетвореніемъ или неудовлетвореніемъ желанія (отсюда двѣ категоріи: чувство пріятное и непріятное), и опредѣлить вліяніе этихъ факторовъ на *мышленіе* и *познаваніе*. При обстоятельномъ анализѣ такимъ образомъ поставленнаго принципіальнаго вопроса, неизбѣжность мистическихъ заблужденій и измѣняемость ихъ въ исторіи представилась бы съ бо́льшею легкостью и опредѣленностью и многіе малохарактерныя или однородныя подробности стали бы совершенно излишни. Самъ Карпентеръ, впрочемъ, замѣчая нѣкоторую незаконченность обработки своихъ лекцій, обѣщаетъ новое улучшенное ихъ изданіе, которое слѣдовало бы

непремѣнно перевести на русскій языкъ даже и въ томъ случаѣ, если для того не явится поводъ въ лицѣ новаго Слэда или Бредифа.

Книжка Карпентера, кромѣ лекцій, содержитъ еще весьма интересное приложеніе, названное авторомъ «Психологическими (?) курьёзами спиритизма». На первый планъ между курьёзами эти ми слѣдуетъ поставить разоблаченіе отступленій отъ научнаго метода, замѣченное авторомъ у двухъ совратившихся въ спиритизмъ англійскихъ ученыхъ: Уоллеса и Крукса. Разоблаченія эти могутъ служить превосходнымъ дополненіемъ къ такого же рода замѣчаніямъ профессора Петрушевскаго на псевдо научныя работы Крукса о спиритизмѣ («Отеч. Записк. 1872, № 3). Затѣмъ заслуживаетъ еще особеннаго вниманія глава о «спиритическихъ откровеніяхъ», ярко раскрывающая ту сторону спиритизма, которая бросается всего прежде всякому, кто читалъ спиритистическія сочиненія или присутствовалъ на сеансахъ медіумовъ—безсодержательность, безцвѣтность, пошлость и крайнее ничтожество мысли во всѣхъ спиритистическихъ словоизверженіяхъ. Для всякаго безпристрастнаго наблюдателя во всякомъ медіумѣ легко открывается идіотъ, и вся спиритистическая литература проникнута идіотствомъ,т. е. духомъ ея истинныхъ авторовъ, исключающимъ всякую нужду въ поискахъ за инымъ какимъ-либо духомъ. Карпентеръ приводитъ цитату изъ какого-то «Свѣточа спиритизма», которую мы выпишемъ, какъ весьма краснорѣчивое подтвержденіе только что высказаннаго мнѣнія: «Авторы духи этого произведенія, по увѣренію издателя «Свѣточа»—не какія нибудь мелкія личности, это ни болѣе, ни менѣе, какъ двѣнадцать апостоловъ христіанства. Издатель серьёзно увѣряетъ насъ, что они продиктовали разновременно это несравненное произведеніе одной личности, которая напечатала его въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Содержаніе его составляетъ жизнь Христа. Вся книга представляетъ почти невѣроятную смѣсь наглости, безстыдства, сумасшествія и нелѣпостей. Одинъ изъ апостоловъ милостиво сообщаетъ намъ слѣдующія подробности, касательно ежедневной жизни двѣнадцати учениковъ Христа: «Мы всегда брали съ собой мальчика, чтобы чистить намъ башмаки. Учитель любилъ, чтобы мы были одѣты хорошо; въ особенности же онъ любилъ, чтобы наши башмаки были хорошо вычищены. Обыкновенное одѣяніе Христа состояло изъ широкой верхней одежды и ярко-голубыхъ сапоговъ. Однажды онъ былъ оскорбленъ евреями, называвшими Его обманщикомъ». Это происшествіе описывается слѣдующимъ образомъ: «Какъ можете вы называть Меня обманщикомъ»? сказалъ Учитель, обратившись къ нимъ.—Развѣ вы не видите Моихъ кудрявыхъ золотистыхъ волосъ и Моихъ прелестныхъ голубыхъ сапоговъ? Неужели вы полагаете, что Я бы могъ имѣть подобныя вещи, еслибы былъ обманщикомъ?» Одинъ изъ апостоловъ приводитъ различные факты касательно послѣдняго путешествія Іисуса въ Іерусалимъ: «Мы были тогда очень

бѣдны и продавали по дорогѣ маленькія брошюрки о жизни и дѣлахъ Іисуса, чтобы добыть денегъ. Мы очень торопились достигнуть до Іерусалима изъ опасенія, чтобы газеты не пронюхали о нашемъ прибытіи и не раструбили бы о немъ по всему городу». Надѣюсь, говоритъ Карпентеръ, что этихъ цитатъ совершенно довольно. Но еслибы кто-нибудь захотѣлъ еще бо́льшаго, и притомъ гораздо худшаго сорта (въ родѣ того, напримѣръ, что «послѣ ужина, Учитель присоединился къ хороводу, на которомъ плясали Его апостолы и Марія Магдалина»), то онъ найдетъ кое-что въ этомъ родѣ на 300 страничкѣ «Свѣточа спиритизма», нѣкоторыя части котораго «просто невозможно цитировать» (стр. 311—312).

Общее заключеніе, на которое наводитъ книжка Карпентера, заключается въ томъ, что всѣ случаи искренняго совращенія въ спиритизмъ неизбѣжно предполгаютъ такое состояніе субъекта, которое для всякаго, не смѣшивающаго ума съ ученостью, не требуетъ опредѣленія. Спиритизмъ, сведшійся въ настоящее время главнымъ образомъ на медіумизмъ, т. е. на особаго рода телеграфное сообщеніе между міромъ реальнымъ, насъ окружающимъ, и міромъ духовъ, можетъ быть характеризованъ совершенно также, какъ и тотъ, никогда не существовавшій и невозможный телеграфъ, слухъ о которомъ былъ ловко распущенъ какимъ-то остроумнымъ мистификаторомъ и который получилъ потомъ названіе папазиническаго или всеослинаго телеграфа (стр. 83). И въ самомъ дѣлѣ, кто обратитъ серьёзное вниманіе на способы сообщенія, представляемые спиритизмомъ, и на характеръ доставляемыхъ ими съ того свѣта депешъ, тотъ ни на минуту не поколеблется признать за нимъ полное и несомнѣнное всеослиное значеніе.

Надя. Поэма. *Н. Чаева.* Москва. 1878.

Если мы добросовѣстно прочли до самой послѣдней строчки эту, такъ называемую, «поэму», то мы имѣемъ право поставить себѣ этотъ подвигъ въ особенную заслугу. Нешуточное дѣло — прочитать поэму, въ которой три тысячи стиховъ и двѣ съ половиной мысли. Собственно, въ поэмѣ нѣтъ никакой «Нади» (т. е. положимъ, фигурируетъ дѣвочка этого имени, но г. Чаевъ очень легко могъ бы обойтись и безъ нея), а есть рядъ картинъ изъ стародворянской, крѣпостной жизни, изображаемой, какъ и слѣдовало отъ г. Чаева ожидать, въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Старая исторія, какъ видитъ читатель. Эти «дворянскія мелодіи» намъ очень хорошо знакомы — г. Евгеній Марковъ еще такъ недавно угостилъ насъ «Барчуками» — и если прежде эти мелодіи иныхъ сердили, иныхъ смѣшили, то теперь ничего, кромѣ свинцовой скуки, онѣ принести читателю не могутъ. Какъ психологическое, вѣрнѣе сказать, патологическое явленіе — поэма г. Чаева, пожалуй, не лишена интереса. Какимъ завиднымъ душевнымъ спокойствіемъ, какою «атласистостью сердечною» необходимо обладать для того, чтобы написать три тысячи

стиховъ на тэму, какъ веселились, потѣшались, пировали круглый годъ наши дѣды и отцы! Счастливая Москва! Какимъ, скажи матушка, секретомъ обладаешь ты, что твои «сыны» могутъ въ одно и то же время быть и «питомцами славы», и архиваріусами, писать драмы и романы, отъ патріотическаго пламени которыхъ коробится бумага, на которой они написаны, и писать «поэмы», въ водныхъ пучинахъ которыхъ безслѣдно тонутъ даже всѣ археологическія диковинки, вдохновившія архивно-поэтическое чувство твоихъ «сыновъ»? Вся поэма, какъ уже сказано, состоитъ изъ описанія разныхъ бытовыхъ сценъ жизни, безвозвратно ушедшей въ прошлое, но надо знать, *какъ* описываетъ г. Чаевъ, для того чтобы оцѣнить весь объемъ нашего рецензентскаго самопожертвованія, претерпѣвшаго до конца. Г. Чаевъ вдается въ такія подробности, которыя были бы утомительны даже въ прозаическомъ изложеніи, а въ «поэмѣ» онѣ просто невыносимы. Г. Чаевъ и самъ понимаетъ это, но нисколько не смущается.

Подробности пишу я эти вамъ *нарочно*;
Вы скажете: «зачѣмъ? Вѣдь это просто *тошно*»
Что-жь дѣлать, помнится и чай, и разговоръ... (49).

И онъ описываетъ всѣ «чаи» и всѣ пустѣйшіе «разговоры», какіе только помнитъ, а помнитъ онъ ихъ, на бѣду читателя, многое множество. До «тошноты» читателя ему нѣтъ совершенно никакого дѣла, какъ нѣтъ дѣла кукушкѣ до унынія, которое она наводитъ на людей своимъ однообразнымъ кукованіемъ. Изъ всѣхъ трехъ тысячъ стиховъ, прокукованныхъ г. Чаевымъ, мы нашли только три, имѣющихъ отношеніе къ современности, которые и представляемъ читателю:

Несчастье въ томъ, весь міръ вѣдь выжилъ изъ ума
Состарѣлся онъ, что-ль? Рассорясь съ красотою,
Вдругъ (?) молится мѣшку съ начинкой золотою (31).

Если г. Чаевъ надѣялся способствовать своею поэмою примиренію «выжившаго изъ ума» міра съ красотою, то, судя по личному нашему впечатлѣнію, врядъ ли ему достичь такого результата. Нѣтъ, нѣтъ! Мы не поклонники «мѣшка», но мы согласимся ежедневно читать «биржевую хронику» сразу трехъ какихъ угодно газетъ, согласны углубиться въ балансы всѣхъ нашихъ уже разворованныхъ и еще не разворованныхъ банковъ, обществъ, конторъ и проч. Согласны, наконецъ, на всякую другую эпитимію, но только оставьте насъ по прежнему въ ссорѣ съ тѣмъ, что̀ г. Чаевъ называетъ «красотою»!

Экономическіе опыты *В. Трирогова*. Основанія для изслѣдованія явленій экономической жизни.—Сельское общество. Жизнь государственная сельскаго общества. Податная душа. Спб 1878.

Мы уже имѣли случай указывать на появленіе за послѣднее время нѣсколькихъ весьма почтенныхъ провинціальныхъ трудовъ, посвященныхъ детальному статистико-экономическому изслѣдованію той или другой мѣстности или даже одной какой нибудь стороны мѣстной жизни. Безъ всякаго сомнѣнія, мы чрез-

вычайно нуждаемся въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода. Наша литература очень долго занималась преимущественно поверхностью, видимыми, наружными признаками общественной жизни, почти не спускаясь къ болѣе глубокимъ слоямъ этой жизни. Поэтому, всякій трудъ, проливающій свѣтъ на эти слои—хотя бы онъ и ограничивался небольшимъ пространственнымъ райономъ—долженъ быть принятъ съ великою благодарностью.

Г. Трироговъ тоже принадлежитъ къ числу изслѣдователей, задавшихся изученіемъ небольшаго района, но изученіемъ *интенсивнымъ*, которое должно освѣтить всѣ частныя стороны предмета. Брошюра, заглавіе которой выписано выше, и нѣсколько слѣдующихъ выпусковъ «опытовъ» г. Трирогова предназначаются имъ для характеристики экономической жизни одного сельскаго общества, избраннаго г. Трироговымъ, какъ ближайшій предметъ наблюденій. Пока г. Трироговымъ опубликованы только наблюденія надъ распредѣленіемъ въ данномъ обществѣ подушной подати. Данныя, сообщаемыя имъ въ этомъ отношеніи, крайне любопытны. Они приводятъ къ выводу, что, въ сущности, подушной системы изслѣдуемое общество къ взиманію податей не примѣняетъ. «Если оно и сохранило названіе *душа и подушное*, то подъ этимъ словомъ оно разумѣетъ не объектъ подати, не податную единицу въ каждой семьѣ, какъ значится въ ревизской сказкѣ, и не наличную рабочую силу или живое существо, а $^1/_{212}$ долю *всякаго сбора* (въ обществѣ 212 ревизскихъ душъ), какое бы названіе онъ ни носилъ и на какія бы потребности ни назначался, временно или постоянно». Общество соединяетъ всѣ денежныя повинности, съ него слѣдующія, въ одну общую сумму и затѣмъ распредѣляетъ ихъ между отдѣльными дворами, принимая при этомъ долю, причитающуюся на одну ревизскую душу, какъ счетную единицу. Платежная сила каждаго двора приравнивается къ извѣстному числу такихъ единицъ. «Общество ежегодно обсуждаетъ самымъ внимательнымъ образомъ раскладку общей суммы повинностей по дворамъ, при чемъ принимаетъ во вниманіе не голый дворъ, не одно только число работниковъ по возрасту, но оно входитъ по возможности подробно въ условія семейнаго положенія, принимая при этомъ въ соображеніе умственныя и физическія способности лицъ, его составляющихъ, возрастъ, отправленіе какихъ либо общественныхъ должностей и т. п.» [1] Въ слѣдующихъ выпускахъ г. Трироговъ обѣщаетъ заняться прочими сторонами экономической жизни изслѣдуемаго имъ общества. Затѣмъ рядъ этюдовъ будетъ посвященъ изученію

---

[1] Г. Трироговъ приводитъ, между прочимъ, такой примѣръ. Дворъ состоитъ изъ двухъ совершеннолѣтнихъ, взрослыхъ работниковъ; «по примѣру другихъ дворовъ, ему слѣдовало бы платить за 4 души, общество же обложило въ $2^1/_2$ души, въ томъ вниманіи, что работникъ Ѳедоръ слабъ зрѣніемъ и глухъ, а братъ его Василій говоритъ сиплымъ и едва только вблизи слышнымъ голосомъ».

другихъ общественныхъ единицъ: ремесленнаго цеха, церковнаго прихода, городскаго общества, дворянскаго общества.

Но г. Трироговъ не ограничивается ролью простаго изслѣдователя и наблюдателя непосредственныхъ фактовъ мѣстной народной жизни. Онъ желаетъ быть новаторомъ въ экономической наукѣ. По крайней мѣрѣ, бо̀льшая часть изданной нынѣ книжки занята теоретическими, методологическими разсужденіями, въ которыхъ г. Трироговъ пытается установить «основанія для изслѣдованія явленій экономической жизни». Къ сожалѣнію слѣдуетъ сознаться, что въ разсужденіяхъ этихъ гораздо болѣе претензій и напыщенности, нежели дѣйствительно «новаго свѣта». Можно даже сказать, что справедливо въ словахъ г. Трирогова только то, что не ново.

Г. Трироговъ находитъ современное состояніе экономической науки крайне неудовлетворительнымъ. «Въ послѣднее время, говоритъ онъ (стр. 9):—экономисты, вмѣсто того, чтобы дать намъ разрѣшеніе насущнѣйшихъ вопросовъ, возбужденныхъ государственными и общественными учрежденіями, даютъ намъ рядъ трактатовъ по поводу однихъ только разногласій и споровъ относительно понятій о богатствѣ, трудѣ, производительности, капитала, цѣнѣ и т. п. Открытіе цѣлесообразныхъ системъ представляетъ въ политической экономіи простую счастливую случайность, а сама наука вращается среди нерѣдко совершенно праздныхъ умозаключеній; вотъ отчего она такъ безплодна.» Чтобы выйти изъ такого состоянія, экономическая наука должна стать на почву чистаго опыта и притомъ опытныя изслѣдованія должны производиться съ соблюденіемъ тѣхъ же пріемовъ, какими они обставлены въ другихъ, болѣе научно поставленныхъ сферахъ знанія. Политическая экономія должна опираться на статистику, а статистика должна изучать общественный организмъ такъ же, какъ физіологія изучаетъ живой организмъ. Въ общественномъ организмѣ нужно отличать ткани этого организма, въ тканяхъ ихъ клѣточки; эти клѣточки и подлежатъ микроскопическому изслѣдованію. Клѣточками разныхъ тканей государственнаго организма Россіи г. Трироговъ считаетъ: дворянское общество губерніи, купеческое и мѣщанское общество одного города, церковный приходъ, ремесленный цехъ, крестьянское общество. Извѣстное количество *типическихъ* клѣточекъ этого рода должно быть подробно изучено; такое изученіе и должно доставить основаніе для экономическихъ выводовъ.

Вотъ главная суть соображеній г. Трирогова, если мы ихъ вѣрно поняли. Прибавляемъ эту оговорку потому, что, при манерѣ изложенія г. Трирогова, впасть въ недоразумѣніе очень легко. Дѣло въ томъ, что онъ любитъ облекать самыя простыя вещи въ очень кудреватую форму [1] и вообще имѣетъ пристра-

[1] Вотъ, напримѣръ, какъ говоритъ г. Трироговъ о томъ, что крестьяне, не имѣющіе надѣловъ, не вводятся сельскимъ обществомъ въ общую раскладку по-

стіе къ высокому слогу, не особенно способствующему ясности изложенія. Насколько можно разсмотрѣть сквозь этотъ высокій слогъ, г. Трироговъ желаетъ выставить необходимость для экономической науки спуститься къ изслѣдованію дѣйствительныхъ, конкретныхъ явленій и единственнымъ путемъ къ этому считаетъ предлагаемый имъ методъ изученія *типическихъ единицъ*. Насколько первое положеніе вѣрно (хотя и не ново), настолько же второе подлежитъ сомнѣнію (хотя, быть можетъ, въ этомъ мысль г. Трирогова болѣе оригинальна). Для того, чтобы вывести экономическіе законы индуктивнымъ путемъ, необходимы очень широкія наблюденія; изслѣдованіе, такъ сказать, *экстенсивное* играетъ при этомъ самую существенную роль. Конечно, нельзя отрицать, что и другой родъ наблюденій, направленныхъ на изученіе отдѣльныхъ бытовыхъ единицъ, крайне важенъ, но придавать ему такое исключительное значеніе, какъ это дѣлаетъ г. Трироговъ, было бы совершенно ошибочно. Затѣмъ, нельзя признать удачнымъ и самый выборъ единицъ для изслѣдованія, предлагаемый г. Трироговымъ. Конечно, крестьянское общество представляетъ дѣйствительно жизненную бытовую единицу; но какую «клѣточку» можно усмотрѣть въ дворянскомъ обществѣ губерніи? Вообще способъ сближеній и аналогій—способъ опасный; а съ идеей чистаго эмпиризма, которую проповѣдуетъ г. Трироговъ, *предвзятая* аналогія общества съ живымъ организмомъ совсѣмъ не вяжется. Между тѣмъ, на аналогію эту г. Трироговъ особенно напираетъ. Мы нетолько встрѣчаемся съ «тканями» и «клѣточками» государственнаго организма, но даже жизнь сельскаго общества уподобляется движенію свѣтилъ небесныхъ.

«Дворы крестьянскіе, говоритъ г. Трироговъ:—какъ совершенно особыя тѣла на пространствѣ общественной земли, слѣдуютъ въ своемъ жизненномъ пути, какъ бы по указанію особой силы. Въ каждомъ дворѣ семьи происходитъ *ежедневно* экономическое движеніе, по выраженію самихъ хозяевъ—*кругъ двора*. Въ самомъ же обществѣ, въ избранномъ пунктѣ, происходитъ *ежемѣсячное* особое общественное движеніе по дѣламъ общественнымъ. Независимо отъ этого, на общественномъ сходѣ обсуждаются *ежедно*. дѣла по обложенію и раскладкѣ повинностей государственныхъ и отправленію воинской повинности. Такимъ образомъ, намъ представляется, что порядокъ, усматриваемый въ движеніи тѣлъ въ этомъ политическомъ зданіи, есть какъ бы дѣйствіе всеобщаго міроваго закона, закона взаимнаго притяженія тѣлъ. Эти политическія тѣла имѣютъ какъ бы вращательное движеніе вокругъ своихъ жизненныхъ интересовъ и въ тоже время совершаютъ

датей: «дворы семейственныхъ союзовъ, не получающіе земельныхъ участковъ, слѣдовательно, не обусловленные вполнѣ космическою средою, коихъ платежная способность опредѣлилась какъ 1:0, никакихъ повинностей не платятъ». (стр. 35). Подобныхъ примѣровъ можно бы привести много.

движеніе вокругъ интересовъ центральнаго тѣла большой величины».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобныя сближенія ничего не объясняютъ и способны только вносить путаницу. Во всякомъ случаѣ, было бы нѣсколько смѣло видѣть въ ихъ употребленіи какой нибудь «новый пріемъ». Они практикуются еще со временъ блаженной памяти натуръ-философской школы и нѣкоторыми изъ представителей этой школы были доведены до своеобразнаго совершенства. Въ данномъ случаѣ ново только то, что г. Трироговъ примѣняетъ обветшалый хламъ, который давно уже пора бы сдать вовсе въ архивъ, къ отрасли изслѣдованія, только-что возникающей у насъ и по самому существу своему нуждающейся въ болѣе трезвомъ отношеніи къ дѣлу. Нельзя не пожелать, чтобы въ слѣдующихъ выпускахъ своего труда г. Трироговъ, по возможности, воздержался бы отъ всякихъ космическихъ и гистологическихъ фантазій, такъ же какъ и отъ попытокъ реформированія научныхъ методовъ, невполнѣ ему, повидимому, ясныхъ, а ограничился бы непосредственными наблюденіями изслѣдуемыхъ явленій. Читатели, конечно, отъ этого были бы только въ выигрышѣ.

КОПЕЕЧНАЯ СВѢЧКА ВЪ ПАМЯТЬ О НЕКРАСОВѢ.

(*Дополненіе*).

1861.

1. Въ указаніяхъ подъ 1861 годомъ, при «Русскомъ Словѣ», № 11, вмѣсто «Современная Лѣтопись» нужно поставить «*Дневникъ темнаго человѣка*».

1866.

2. Н. А. Некрасовъ, «Живоп. Обозр.» №№ 13 и 14, стр. 193 и 215, В. Быкова.

3. «Спб. Вѣдомости» № 78 («Пѣсни о свободномъ словѣ»).

4. «Всемірный Трудъ», № 4, статья П. Соловьева, «Критика направленій», стр. 105.

1869.

5. 6. (Объ отношеніяхъ Некрасова къ Бѣлинскому) Воспоминанія И. С. Тургенева, «Вѣст. Евр.» 1869, № 4 (Сочиненія Тургенева т. 1); объ этихъ воспоминаніяхъ — «Космосъ» 1869, 2-е полугодіе, приложеніе № 1, стр. 84 — 102; письма Бѣлинскаго, «Спб. Вѣд.» 1869, №№ 187 и 188; по поводу письма Бѣлинскаго,

«Космосъ» 1869 г., 2 е полугодіе, стр. 113—120; «Спб. Вѣдом.» 1869 № 211, фельетонъ Незнакомца; «Заря», 1869, Грановскій въ стихахъ Некрасова, «Заря» 1869, № 7, стр. 169 — 173, № 9 207—209. (Въ этой же статьѣ сведены отзывы А. Григорьева о Бѣлинскомъ). См. также письмо Некрасова къ Тургеневу, гдѣ онъ убѣждалъ Тургенева отдать въ «Современникъ» — романъ «Отцы и Дѣти»—въ «Спб. Вѣдом.» 1863 г., апрѣльскіе нумера.

1870.

7. Отзывъ Тургенева—въ письмѣ его въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 1870, № 8.

1873.

8. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ, изд. Гербеля Спб. стр. 536 – 538.

1877.

9. «Всемірная Иллюстрація» № 435, стр. 350.

10. «Свѣтъ», вып. 5, стр. 105—108, Ор. Миллера («Послѣднія пѣсни»).

Стихотворенія, посвященныя Некрасову.

11. На смерть Некрасова, «Недѣля» 1878, № 2, стр. 55, Вячеслава.

12. Владиміра Д—на, «Кіевскій Листокъ» 1878, № 3.

13. На смерть Некрасова, М. Ватсонъ, «Бирж. Вѣдом.» 1877 г. № 336.

14. Надъ могилой Некрасова, Н. Курочкина, «Бирж. Вѣдом.» 1878, № 1.

15. Надъ могилой Некрасова, К. Арсеньева, «Пчела» 1878, № 2.

16. Памяти Некрасова, Л. Пальмина, «Будильникъ» 1878, № 2.

17. Неизвѣстнаго стихотвореніе, «Недѣля» № 3, стр. 110.

18. Къ портрету Некрасова, экспромтъ Я. Полонскаго, «Биржев. Вѣдом.» № 4; «Пчела», № 2.

19. Некрасову посвящены «Подлиповцы,» соч. Рѣшетникова, Спб. 1867.

20. Эпиграмма-пародія, П. Павлова, «Граждан.» 1874, № 52, стр. 1336.

21. Памяти Некрасова, соч. Вл. Андерсона, и Его судьямъ, А. Боровиковскаго, «Слово» 1877, № 3, стр. 78.

22. Некрасовъ, Н. Курочкина, «Свѣтъ» 1878, вып. 2, стр. 43.

Портреты Некрасова.

23. Каррикатурный портретъ, «Маляръ» 1871, № 7, мая 16, по поводу поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

24. Портретъ, раб. Грачева, «Пчела» № 7, 1878.

25. Портретъ, съ фотографіи Бергамаско, рис. П. Борель, гравир. А. Сѣряковъ, «Всемірн. Иллюстр.» 1877, № 435, апрѣля 30, стр. 348. Тотъ же портретъ перепечатанъ во «Всемірн. Иллюстр.» 1878, № 470, января 7. стр. 32.

26. Портретъ больного поэта, съ фотографіи Каррика, рис. И. Т. Михайловъ, въ сборникѣ «На память «Н. А. Некрасовѣ», Спб. 1878.

27. Портретъ его въ гробу, рис. М. Микѣшинъ, «Пчела», 1878, № 2, особое приложеніе.

28. Похороны Некрасова, 30 декабря, рис. А. Бальдингеръ, грав. Крыжановскій, «Всемірн. Иллюстр.» 1878, № 471, января 14.

Рисунки.

29. «Морозъ—красный носъ». Шесть картинъ, сочинила и рисовала Елизавета Бемъ. «Спб. Вѣд.» 1872 (о нихъ—«Спб. Вѣдом.» 1872, № 151, статья В. С. Стасова).

Автографы и его псевдонимы.

30. Намъ извѣстенъ только одинъ, подаренный студентамъ Спб. университета и хранящійся въ студенческой читальнѣ, см. «Бирж. Вѣдом.» 1877, № 329.

31. Ему принадлежали псевдонимы «Ив. Ив. Грибовниковъ», «Ѳеоклистъ Бобъ».

Пародія на его стихи.

32. На его сатиры. Выборскаго пустынника», «Спб. Вѣдом.» 1866, № 102.

33. На поэму «Кому на Руси жить хорошо», «Искра» 1873, № 12, стр. 7. (Въ «Искрѣ» того же года, № 1, помѣщены строфы, невошедшія въ поэму «Княгиня Т—ая»).

Некрологи и посмертныя статьи.

34. «Бирж. Вѣдом.», № 334; здѣсь же статья А. Плещеева о Некрасовѣ.

35. Панихиды по Некрасовѣ, «Бирж. Вѣдом.» 1877, № 335.

36. Похороны Некрасова, «Бирж. Вѣдом.» 1877, № 336.

37. «Голосъ» 1877, № 320. стр. 3; похороны—№ 321.

38. Памяти Некрасова, «Спб. Вѣдом.» 1877, № 358; о смерти его, № 360, стр. 4.

39. «Голосъ» 1878, № 1, «Листокъ» г. Волны.

40. «Петерб. Листокъ» 1877, дек. 29; перепеч. въ «Современ. Извѣстіяхъ», дек. 31.

41. «Церковн. Вѣстн.» 1878, № 1.

42. «Церковно-Обществ. Вѣстникъ» 1878, №№ 1 и 3 (перепечатки изъ другихъ газетъ).

43. «Рижскій Вѣстникъ» 1878, № 7, письмо изъ Петербурга.

44. «Кіевлянинъ», № 4.

45. «Кіевскій Листокъ» №№ 1 и 3.

46. «Елисаветградскій Вѣстникъ», № 2.

47. «Обзоръ», № 2.

48. «Одесск. Вѣстникъ», № 2.

49. Некрасовъ какъ поэтъ, «Правда», № 2, статья S. S.

50. Рѣчь свящ. М. Горчакова у гроба Некрасова въ сборникѣ «На память о Некрасовѣ», Спб. 1878, стр. 144.

51. «Биржев. Вѣдом.» 1878, № 1, фелиетонъ г. Буквы.

52. Некрасовъ, какъ человѣкъ, поэтъ и редакторъ, А. Скабичевскаго, «Биржев. Вѣдом.», № 6.

53. Нѣсколько словъ о томъ, выше ли Некрасовъ своихъ предшественниковъ, статья его же, «Бирж. Вѣдом.», № 27.

*

54. Поэзія Некрасова, Недѣля», № 1, стр. 28—30.

55. Поэзія Некрасова, статья Евг. Маркова, «Голосъ» 1878, № 42, 46, 47, и 54... (продолженіе обѣщано).

56. Н. А. Некрасовъ—В. Чуйко, «Пчела» № 2, приложеніе.

57. Изъ воспоминаній о Некрасовѣ—М. Микѣшина, «Пчела», № 2, приложеніе.

58. О поэмѣ «Кому на Руси жить хорошо», Успенскаго, «Пчела», № 2, приложеніе.

59. Н. А. Некрасовъ, «Всем. Иллюстр.» 1878, №№ 470 и 471, стр. 27 и 46.

60. Н. А. Некрасовъ, «Недѣля» 1878, № 1, стр. 26 (изъ VII т. «Р. Библіот.»).

61. (Комнаты Некрасова), «Недѣля» 1878, № 1, стр. 36—40, П. Гайдебурова.

62. На память о Н. А. Некрасовѣ, Спб., 1878. Въ 16 д. л 147 и III стр., съ портретомъ поэта.

63. «Р. Старина» 1878, № 2, на оберткѣ («Русск. Библіотека, кн. VII).

64. Н. А. Некрасовъ. Литературный портретъ, «Недѣля», № 10 и 314, С. Венгерова (обѣщано продолженіе).

65. Фельётоны Маркова о Некрасовѣ въ «Голосѣ»—«Биржевыя Вѣдом» 1878, № 75, Зауряднаго Читателя.

66. Н. А. Некрасовъ. Біографія по матеріаламъ до нынѣ извѣстнымъ.—Критическій обзоръ поэзіи, въ связи съ тѣми отзывами, какіе уже даны русскою критикою.—Собраніе всѣхъ стихотвореній, посвященныхъ памяти Некрасова. — Портретъ его, исполненный съ печати фотографа Левицкаго фотографіею Лемерсье въ Парижѣ. Цѣна 1 р. 25 к. Чистый сборъ съ изданія назначается на образованіе капитала для устройства народной школы имени Некрасова. Спб. 1878.

Къ музыкѣ.

67. «*Какъ ты кротка*», фонъ-Фохта (I, 102).

68. «*Ѣду ли ночью по улицѣ темной*», (I, 54).

69. «*Поражена потерей невозвратной*», (I, 148).

С. Пономаревъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Рѣчь предсѣдателя московскаго славянскаго общества о князѣ Черкасскомъ.— Наше странное отношеніе къ мужику. — Военная постановка нашего общества. — Оправданіе г-жи Засуличь.— Отвѣтъ г. Суворину.

Въ прошедшемъ моемъ обозрѣніи я сказалъ, что надъ свѣжею могилою каждой знаменитости надобно крѣпко держаться извѣстной древней пословицы: de mortuis aut bene, aut nihil. На этомъ основаніи мнѣ не слѣдовало бы вовсе говорить о покойномъ князѣ Черкасскомъ, о которомъ хорошаго я ничего не могу сказать, не потому, конечно, чтобы князь Черкасскій не дѣлалъ ничего хорошаго—вѣроятно, онъ дѣлалъ немало и хорошаго—а потому, что я не знаю этого хорошаго въ его дѣятельности. О худомъ я не долженъ бы былъ говоритъ. И я искренно желалъ бы не говорить. Но какъ умолчать, когда друзья покойнаго именно это худое выставляютъ какъ какую-то доблесть въ князѣ Черкасскомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бросаютъ грязью въ тѣхъ достойныхъ людей, которые въ свое время сочли своимъ нравственнымъ долгомъ указать князю Черкасскому на это худое и назвать худое худымъ? Въ рѣчи, говореной 5 марта, въ публичномъ засѣданіи московскаго славянскаго благотворительнаго общества, предсѣдатель этого общества разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ изъ жизни князя Черкасскаго.

Когда, въ концѣ 1857 года, Высочайше было разрѣшено образовать въ губерніяхъ комитеты для обсужденія способовъ къ освобожденію крестьянъ или «къ улучшенію ихъ быта», какъ это называлось тогда на оффиціальномъ языкѣ, князь Черкасскій поступилъ въ члены тульскаго дворянскаго комитета. Вмѣстѣ съ нѣсколькими другими членами комитета, составлявшими меньшинство, онъ настаивалъ на надѣленіи крестьянъ землею, «громя большинство своими блистательными и, правду сказать, нѣсколько язвительными рѣчами». Это приводило въ бѣшенство тульское дворянство до того, что оно рѣшилось исключить князя Черкасскаго, какъ недостойнаго, изъ числа тульскихъ дворянъ, и на выборахъ въ тульскомъ губернскомъ собраніи по вопросу объ исключеніи Черкасскаго изъ числа дворянъ два дня шли бурные дебаты, которые, само собою разумѣется, должны были кончиться ничѣмъ, за не-

имѣніемъ у дворянства ни права, ни основанія для подобнаго исключенія. «Но, продолжаетъ предсѣдатель:—въ то самое время, когда партія крѣпостниковъ пыталась подвергнуть князя Черкасскаго такому остракизму, противъ него неистово бѣсновалась — забавно, но и стыдно вспомнить—либеральная, т. е. наша претендующая на либерализмъ журналистика за то, что въ одной изъ своихъ по крестьянскому благоустройству статей въ журналѣ А. И. Кошелева: «*Сельское Благоустройство*» Черкасскій предполагалъ предоставить въ селеніяхъ старшинамъ право наказывать провинившихся крестьянъ, за неимѣніемъ другихъ мѣръ взысканія, нѣсколькими ударами розогъ. Не вѣдая никакихъ условій народной жизни, не принимая никакого участія въ тяжкихъ трудахъ по крѣпостному вопросу, нисколько не соображаясь съ положеніемъ самихъ борцовъ за дѣло крестьянской свободы, только вскарабкавшись на ходули «цивилизаціи», наши арлекины либерализма и гуманности, вмѣстѣ съ ругательствами, присылали по почтѣ цѣлые пуки розогъ въ редакцію «Сельскаго Благоустройства»,—о томъ же, какъ рѣшался вопросъ о надѣлѣ, пустоголовымъ крикунамъ не было дѣла. Не удивляйтесь, заключаетъ предсѣдатель:—что я упомянулъ объ этомъ, послѣднемъ ничтожномъ, мелочномъ обстоятельствѣ: еще недавно, послѣ двадцати лѣтъ, въ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналахъ (и самыхъ значительныхъ) возобновленъ покойному дѣятелю тотъ же шутовской упрекъ!»

Въ этомъ краткомъ извлеченіи, сдѣланномъ мною изъ рѣчи предсѣдателя московскаго славянскаго общества, содержатся четыре обвинительные пункта противъ петербургской журналистики:

1) будто петербургскіе журналисты, порицая проэктъ князя Черкасскаго о сѣченіи крестьянъ, изложенный имъ въ «Сельскомъ Благоустройствѣ», вмѣстѣ съ тѣмъ присылали по почтѣ (?!) цѣлые пуки розогъ (!?) въ редакцію: «Сельскаго Благоустройства».

2) будто тѣ же петербургскіе журналисты не просто порицали проэктъ князя Черкасскаго, а съ ругательствами,

3) будто имъ, этимъ петербургскимъ «пустоголовымъ»—по не ругательному, конечно, а самому галантному выраженію предсѣдателя—«крикунамъ не было никакого дѣла до того, какъ рѣшался вопросъ о надѣлѣ и что они, «эти арлекины либерализма и гуманности»—тоже, конечно, не ругательное выраженіе—могли порицать проэктъ князя Черкасскаго, развѣ только потому, что «не вѣдали никакихъ условій народной жизни, непринимали никакого участія въ тяжкихъ трудахъ по крѣпостному вопросу и нисколько не соображались съ положеніемъ самихъ борцовъ за дѣло крестьянской свободы».

На первый изъ этихъ пунктовъ я ничего не буду отвѣчать. Я буду считать этотъ пунктъ сплетнею или даже клеветою до тѣхъ поръ, пока г. предсѣдатель московскаго славянскаго общества не назоветъ по имени тѣхъ петербургскихъ журналистовъ,

которые будто бы посылали пуки розогъ въ редакцію «Сельское Благоустройство». Изъ всѣхъ журналистовъ того времени, которыхъ я зналъ—а я зналъ очень многихъ—я не думаю, чтобъ нашелся хоть одинъ, который былъ бы способенъ нетолько самъ совершить подобный дикій поступокъ, но который одобрилъ бы его въ другихъ. Если же въ Петербургѣ находились такіе сумасброды изъ приверженцевъ той или другой журнальной партіи, которые теоретическое разсмотрѣніе вопроса считали нужнымъ комментировать подобными недостойными практическими иллюстраціями, то петербугская журналистика и журналисты тутъ ни причемъ, и ихъ обвинять за это никакъ нельзя. Очень можетъ быть, что было и есть не мало такихъ дворянъ изъ приверженцевъ славянофильскаго ученія, которые, слѣдуя твердо проэкту князя Черкасскаго, что мужику 18 розогъ дать иногда очень пользительно, держались прежде, держатся и теперь, насколько могутъ, этого правила относительно своихъ барщинныхъ крестьянъ, то вѣдь тутъ ни славянофильское міросозерцаніе вообще, ни князь Черкасскій въ частности рѣшительно ни причемъ.

Относительно второго пункта, будто бы петербургскіе журналисты осыпали ругательствами князя Черкасскаго за проэктъ его о сѣченіи, я также сильно сомнѣваюсь. По крайней мѣрѣ, въ «Современникѣ», который суровѣе всѣхъ другихъ журналовъ относился къ любителямъ тѣлесныхъ наказаній, при обозрѣніи 8 № «Сельскаго Благоустройства», просто переданы были предположенія, означенныя въ статьѣ князя Черкасскаго о будущемъ сельскомъ управленіи. Относительно предоставленія участковому старостѣ права наказывать крестьянъ за проступки 18-ю ударами розогъ, независимо отъ наказанія, какое можетъ быть имъ присуждено за тотъ же проступокъ (а надобно сказать, что въ проэктѣ князя Черкасскаго крестьянскому суду предоставлялось право тѣлеснаго наказанія до 50 ти ударовъ розгами), было сдѣлано только слѣдующее замѣчаніе: «мы не понимаемъ необходимости и справедливости предоставлять участковому старостѣ права произвольнаго тѣлеснаго наказанія, тѣмъ болѣе, что въ барщинныхъ имѣніяхъ староста этотъ, по смыслу предположенія князя Черкасскаго, будетъ не что иное, какъ господскій прикащикъ» (потому что выбирается не міромъ, а назначается самимъ помѣщикомъ). Вотъ и все замѣчаніе. Другое предположеніе изъ того же проэкта князя Черкасскаго, о предоставленіи помѣщикамъ наказывать своихъ дворовыхъ до 18 ти ударовъ розгами—передано просто, безъ всякаго замѣчанія. Въ апрѣльской книжкѣ «Современника», въ слѣдующемъ 1859 году, Добролюбовъ, въ статьѣ своей: «Литературныя мелочи прошлаго года», перебирая разные вопросы, поднятые въ прошедшемъ году, въ шутливомъ тонѣ разсказываетъ, что былъ поднятъ вопросъ и о розгахъ, но не объ отмѣнѣ розогъ, а о количествѣ ударовъ, какое можетъ давать помѣщикъ своимъ крестьянамъ, что «журналъ землевладѣльцевъ

высказалъ гуманную мысль, что не слѣдуетъ отстаивать 40 ударовъ, а можно спуститься до 20-ти», что «князь Черкасскій поступилъ еще гуманнѣе: онъ спустилъ еще 10% и согласился уменьшить число ударовъ, предоставляемыхъ въ вѣденіе дворянства, до 18-ти». «Но, продолжаетъ Добролюбовъ:—тутъ-то (не знаемъ ужь почему — потому, должно быть, что въ послѣдовательныхъ уступкахъ увидѣли слабость противниковъ) и возстали благородные рыцари, совершенно разбившіе князя Черкасскаго. Кончилось тѣмъ, что онъ отказался и отъ 18-ти ударовъ въ пользу дворянства и уступилъ ихъ сельскому управленію. Но тутъ рыцари ободрились еще болѣе и начали пускать грязью въ бѣгущаго съ поля битвы князя Черкасскаго и въ друзей его. Но бѣглецы скрылись, а рыцари оказались перепачканными въ грязи. Затѣмъ все стихло». Можно ли эту шутку назвать ругательствомъ? А если это ругательство, то какъ же назвать такія выраженія самого г. предсѣдателя московскаго славянскаго общества, какъ: «наши арлекины либерализма и гуманности» «пустоголовые крикуны», и какъ назвать вообще всю ту выдержку, которую мы сдѣлали изъ рѣчи г. предсѣдателя? Я думаю даже: архиругательствомъ назвать будетъ мало. А, впрочемъ, можетъ быть, г. предсѣдатель встрѣчалъ дѣйствительно въ какихъ-нибудь журналахъ ругательства на князя Черкасскаго, не уступающія вышеозначеннымъ его собственнымъ, то ему слѣдовало назвать эти журналы, а не взваливать ихъ вину на всю журналистику.

Что касается пункта третьяго, то прежде всего я долженъ замѣтить, что г. предсѣдатель московскаго славянскаго общества напрасно усиливается возвысить заслуги «борцовъ за дѣло крестьянской свободы», т. е. членовъ дворянскихъ комитетовъ насчетъ журналистики. И заслуги *оныхъ*, скажемъ мы, очень почтенны, но и заслуги *сей*, если не въ нѣсколько разъ болѣе, то ужь никакъ не менѣе почтенны. Не будь журналистики, даже самые крѣпкіе изъ борцовъ за дѣло крестьянской свободы, бывшіе всегда въ меньшинствѣ въ дворянскихъ комитетахъ, ничего не сдѣлали бы съ подавлявшимъ ихъ большинствомъ крѣпостниковъ, хотя бы всѣ они—борцы за дѣло крестьянской свободы—одарены были способностью громить своихъ противкиковъ рѣчами втрое болѣе блистательными и язвительными, чѣмъ рѣчи князя Черкасскаго. Г. предсѣдатель совершенно несправедливо говоритъ, что «пустоголовые крикуны», т. е. журналисты, нисколько не заботились о томъ, какъ рѣшался вопросъ о крестьянскомъ надѣлѣ. Напротивъ, вопросъ нетолько о надѣлѣ, но и о непремѣнно достаточномъ надѣлѣ, и если не даровомъ, то возможно облегченномъ въ цѣнѣ, сообразно скуднымъ средствамъ крестьянина — этотъ вопросъ явился въ журналистикѣ немедленно съ появленіемъ вопроса объ освобожденіи крестьянъ, занималъ ее болѣе всѣхъ другихъ вопросовъ, нетолько до самаго освобожденія, но постоянно поднимался въ журналистикѣ и послѣ освобожденія и жи-

ветъ до сихъ поръ. О чемъ чаще всего говоритъ и нынѣ журналистика, какъ не о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ, о необходимости ихъ увеличить?—Г. предсѣдатель говоритъ, что журналисты не принимали никакого участія въ тѣхъ тяжкихъ трудахъ по крѣпостному вопросу, которые несли члены дворянскихъ комитетовъ. Но вѣдь и члены дворянскихъ комитетовъ не принимали также участія въ трудахъ журналистовъ по крѣпостному праву, которые доставались журналистамъ иногда еще болѣе тяжко, чѣмъ членамъ дворянскихъ комитетовъ ихъ труды. Каждый дѣлалъ то, что̀ долженъ былъ дѣлать, и поступалъ совершенно резонно; потому что при такомъ только раздѣленіи труда и могло успѣшно пойти великое дѣло крестьянскаго освобожденія. Упрекъ журналистикѣ, дѣлаемый г. предсѣдателемъ, въ этомъ случаѣ, по меньшей мѣрѣ, упрекъ странный!

Обращаясь къ вопросу о сѣченіи, я еще могу согласиться, что князь Черкасскій, обсуждавшій этотъ вопросъ во время крѣпостного права, подъ вліяніемъ вообще существовавшаго тогда всюду страха, что съ уничтоженіемъ помѣщичьей власти мужикъ выйдетъ изъ всякаго повиновенія и съ нимъ невозможно будетъ справиться, могъ думать, что для острастки мужика нужно оставить розги хотя въ умѣренномъ количествѣ ударовъ на каждый разъ, и потому могъ, по своему, съ этой крѣпостной точки зрѣнія, предоставить въ своемъ проэктѣ участковому старостѣ право тѣлеснаго наказанія крестьянъ до 18-ти ударовъ. Но вѣдь мы находимся въ настоящее время совершенно въ другомъ отношеніи къ вопросу, который затруднялъ князя Черкасскаго. Сама практика вполнѣ разрѣшила за насъ этотъ вопросъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Всѣ боялись, что съ уничтоженіемъ тѣлесныхъ наказаній по судебнымъ приговорамъ число преступленій увеличится до того, что жить будетъ страшно.—Оно не увеличилось.—Всѣ боялись, что съ уничтоженіемъ наказаній въ арміи дисциплина въ войскахъ падетъ.—Нынѣшняя война доказала, что армія, при новомъ, болѣе человѣчномъ отношеніи къ солдату, стала гораздо лучше, чѣмъ была прежде.—Для насъ теперь очевидно, что не журналистика того времени ошибалась, отрицая необходимость розги, а ошибался князь Черкасскій, когда доказывалъ, что мужика нельзя не посѣчь хоть немножко, иначе съ нимъ, дескать, не справишься. Поэтому очень странно видѣть, что г. предсѣдатель московскаго славянскаго общества и въ настоящее время обвиняетъ журналистику за то, что она отнеслась неодобрительно къ проэкту князя Черкасскаго о сѣченіи, проэктъ же князя выставляетъ не какъ ошибку, а какъ мѣру очень похвальную, потому что другихъ мѣръ взысканія, дескать, не имѣлось. Странно; но вѣдь князь Черкасскій писалъ проэктъ, въ которомъ вмѣсто розогъ могъ пріискать другія мѣры. А, впрочемъ, какія же мѣры и могли быть предоставлены участковому старостѣ, который, по справедливому замѣчанію рецензента «Современника», назначался отъ по-

мѣщика для охраненія собственно помѣщичьихъ интересовъ и былъ властію чисто хозяйственною, а не полицейскою? Въ случаѣ проступковъ крестьянъ, онъ могъ имѣть единственное право представлять ихъ на усмотрѣніе крестьянскаго міра или крестьянскаго суда. Вѣть эта же единственная мѣра предоставлена въ настоящее время даже полицейскимъ сельскимъ старшинамъ. Или г. предсѣдатель находитъ, что это и теперь non sufficit, что мужика иногда нельзя не посѣчь...

Вообще нельзя не сказать, что наши отношенія къ мужику, къ черному народу, очень странныя. Въ нашей беллетристикѣ, публицистикѣ, ученыхъ даже сочиненіяхъ о Россіи, этотъ мужикъ, этотъ народъ—обожаемое существо. Всѣ въ восторгѣ отъ него и всѣ единогласно вторятъ, что это—самое здоровое ядро Россіи, ея несокрушимая сила, залогъ ея великаго будущаго. Недавно, по поводу процесса Засуличъ, «Московскія Вѣдомости» сдѣлали такую оцѣнку мужика и народа нашего въ сравненіи съ нашей интеллегенціей. «Основы нашего народнаго быта, говорятъ они:—непоколебимы и здравы, точно также какъ силы нашего народа неистощимы и могущественны... Гдѣ въ нашей народной жизни выступаютъ ея живыя силы, тамъ совершаются чудеса, тамъ чувствуется благодать Божія. Но какъ только заговоритъ и начнетъ дѣйствовать наша интеллигенція, мы падаемъ».. Какъ прославлялись сыны народа, находящіеся въ арміи, за все время нынѣшней войны—это извѣстно всѣмъ. Они превознесены до небесъ и нашими, и иностранными корреспонтами. Генералы, совершившіе самыя блистательныя и самыя трудныя военныя дѣла, какъ, напримѣръ, Гурко, открыто заявляли, что они могли совершить все это, только благодаря русскому солдату, что всю нынѣшнюю войну вынесъ солдатъ на своихъ плечахъ.

Казалось бы послѣ всего этого, о чьемъ благосостоянія мы должны были бы болѣе всего заботиться, какъ не о благосостояніи мужика? Кого беречь, кого стараться охранять отъ разныхъ несправедливостей и притѣсненій, какъ не его? А между тѣмъ, когда являются тѣ или другіе самаго возмутительнаго свойства факты, свидѣтельствующіе о плачевномъ, пригнетенномъ положеніи мужика въ экономическомъ ли отношеніи, или въ отношеніи управленія, никто на это не обращаетъ никакого вниманія. Случайныя корреспонденціи, доводящія до общаго свѣденія путемъ печати, по всей вѣроятности, одинъ изъ ста подобныхъ фактовъ, прочитываются какъ не значущія обыкновенныя вещи, не производя никакого впечатлѣнія. Въ сущности, они, если угодно—и дѣйствительно незначущія, обыкновенныя вещи. Потому что всѣмъ извѣстно, что подати и повинности часто далеко превышаютъ доходъ, получаемый мужикомъ нетолько отъ своего скуднаго надѣла, но вмѣстѣ и отъ заработковъ, что онъ всегда въ недоимкахъ и не можетъ не быть въ недоимкахъ, что. забитый и невѣжественный, онъ или не знаетъ своихъ правъ, или не въ состояніи поль-

зоваться ими, что только лѣнивый изъ его ближайшаго начальства его не эксплуатируетъ или не притѣсняетъ, что, при такомъ его положеніи, само-собою разумѣется, не можетъ не быть тѣхъ прискорбныхъ явленій, о которыхъ время отъ времени извѣщаютъ случайные корреспонденты. Очень многіе, конечно, сочувствуютъ такому положенію мужика, но сочувствіе это остается чисто пассивнымъ; а есть не мало и такихъ, у которыхъ, какъ скоро пойдетъ рѣчь о бѣдности мужика, его недоимкахъ, мужикъ сейчасъ изъ обожаемаго существа превращается въ существо никуда негодное. Мужикъ нашъ, говорится въ такихъ случаяхъ, грубъ, нерадивъ, лѣнивъ, пьяница; онъ самъ виною своихъ бѣдствій, и его иногда нельзя не посѣчь.

Это наше странное, двойственное отношеніе къ народу происходитъ оттого, что мы, что̀ бы мы ни говорили о нашемъ быстромъ движеніи впередъ за послѣднее время,—въ массѣ цѣлаго общества, ни на волосъ не подвинулись впередъ противъ того, чѣмъ были до крестьянской реформы. Какъ до реформы мы—одни инстинктивно, другіе ясно сознавали, что наше видное положеніе въ Европѣ основывается ни на чемъ другомъ, какъ на нашей военной силѣ, что добились мы такого положенія ни чѣмъ другимъ, какъ этой же военной силой, на этомъ же сознаніи мы остаемся и теперь. Наша національная гордость и тщеславіе, естественно, должны страдать, какъ только въ Европѣ является сомнѣніе въ нашемъ военномъ могуществѣ или какъ только мы даже подозрѣваемъ, что въ ней можетъ возникнуть такое сомнѣніе. Многочисленныя внутреннія реформы, произведенныя въ нынѣшнее царствованіе, указали намъ другой, болѣе достойный путь, на которомъ мы должны искать удовлетворенія нашей національной гордости и тщеславію. Но пройдетъ много времени, пока эти реформы обратятся въ плоть и кровь нашей жизни; тогда только мы будемъ стараться не урѣзывать этихъ реформъ, ка̀къ онѣ ни умѣрены въ существѣ своемъ, но будемъ стараться возможно расширить ихъ; тогда мы только поймемъ, что намъ надобно стараться опередить Европу на пути мирнаго труда, промышленности и науки, что для національной гордости даже обидно чувствовать и сознавать, что нашъ вѣсъ въ Европѣ основывается единственно на нашей численности и на нашей военной силѣ. Теперь же именно только на нашемъ могуществѣ, на нашей военной силѣ снуется наша національная гордость и тщеславіе; одною этою силою она и питается. Съ точки зрѣнія этой силы мы оцѣниваемъ все, въ томъ числѣ и нашъ народъ. Онъ дорогъ для насъ, во-первыхъ, какъ матеріялъ, годный для войны, во вторыхъ, какъ тяглая сила, способная, несмотря на свое бѣдственное положеніе, выноситъ тягости войны! Когда онъ исполняетъ эти двѣ существенныя для насъ свои обязанности, мы имъ довольны, расхваливаемъ его; а затѣмъ, ка̀къ онъ перебивается со дня на день самъ, ка̀къ ухитряется при этомъ исполнять лежащую на немъ непосильную тягу—это насъ не

интересуетъ. Замѣчательно, что и въ настоящую войну тѣ самыя газеты, которыхъ передовыя статьи посвящались исключительно вопросамъ о проливахъ, о необходимости взятія Константинополя, о ковахъ Биконсфильда, о вѣроломствѣ Австріи и т., д. и т. д., а передніе столбцы занимались похвалами корреспондентовъ русскому солдату, на заднихъ своихъ листахъ печатали такія вопіющія извѣстія о положеніи народа въ разныхъ мѣстахъ, что уже самое вниманіе ихъ къ подвигамъ русскаго солдата и расточаемыя ему ежедневно похвалы должны бы были заставить ихъ, хотя два раза въ недѣлю въ передовыхъ статьяхъ, вмѣсто ковъ Биконсфильда и вѣроломства Австріи, указывать на это положеніе народа съ настоятельнымъ поясненіемъ, что народъ, сыны котораго совершаютъ такіе блестящіе подвиги за Балканами, заслуживаетъ лучшей участи. Но никакія нужды и бѣдствія народа ни на минуту во время войны не могли отвлечь нашего вниманія отъ проливовъ, Константинополя, Биконсфильда и т. д., и т. д.

Но вотъ война кончилась; заключенъ прелиминарный договоръ о мирѣ, который встрѣтилъ протестъ со стороны Англіи и Австріи. Договоръ и названъ былъ прелиминарнымъ, конечно, потому, что предполагалось, что, въ случаѣ несогласія Европы на нѣкоторыя его статьи, онъ можетъ подвергнуться пересмотру и измѣненію. Иного договора и заключить было нельзя, во-первыхъ, въ силу прежнихъ европейскихъ трактатовъ, которыми утверждено было существовавшее территоріальное и политическое устройство Балканскаго Полуострова; а во-вторыхъ—потому что Балканскій Полуостровъ представляетъ такой уголъ въ Европѣ, гдѣ перекрещиваются разнообразные интересы нѣсколькихъ государствъ, такъ что дать ему другое территоріальное и политическое устройство нельзя, не примиривъ и не уладивъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, эти разнообразные интересы. Если война ведется для того, чтобы пріобрѣсти миръ, то миръ заключается уже никакъ не для того, чтобы начать снова войну. А прочный миръ въ данномъ случаѣ никогда невозможенъ безъ соглашенія съ Европой. Какъ же отнеслась наша газетная пресса къ договору, который само правительство назвало прелиминарнымъ, т. е. неокончательнымъ, подлежащимъ измѣненію? Отнеслась такъ, какъ прилично было отнестить прессѣ военнаго государства. Кромѣ «Биржевыхъ Вѣдомостей», кажется, всѣ газеты настаивали на томъ, чтобы изъ прелиминарнаго договора не уступать ни одной іоты. А если Австрія и Англія на это не согласятся, начинать новую войну, идти, идти даже въ Индію; на случай похода въ Индію, г. Пашино даже въ полководцы себя предлагалъ, требуя только, чтобы ему дали милліардъ. Германія вела съ Франціей войну всего нѣсколько мѣсяцевъ, но когда нѣмцы стояли подъ Парижемъ, во всей Германіи являлся уже ропотъ, что война затянулась очень долго, что и страна, и войско страдаютъ отъ такого долговременнаго похода. Мы воюемъ уже болѣе

года и, когда зашелъ вопросъ о томъ: уступить ли намъ что нибудь изъ прелиминарнаго договора или нѣтъ? то ни у кого не явилось мысли о томъ, что нашъ солдатъ истомленъ, что вся страна и народъ бѣдствуютъ. Нѣтъ, мы не уступимъ ни іоты изъ нашего прелиминарнаго договора, кричитъ наша пресса, мы будемъ биться, чего бы намъ это ни стоило. Я уже не буду говорить о томъ, что въ тѣхъ ли границахъ останется территорія Болгаріи, какія проэктированы прелиминарнымъ договоромъ, или онѣ значительно будутъ меньше; такое ли мы дадимъ устройство Болгаріи, какое предположили въ этомъ договорѣ, или нѣсколько иное—во всемъ этомъ нѣтъ никакихъ для насъ кровныхъ интересовъ, а есть только отдаленные политическіе виды, и притомъ весьма ненадежные, потому что въ будущемъ все, представляющееся намъ теперь въ розовомъ цвѣтѣ, можетъ подъ различными вліяніями совершенно измѣниться и принять окраску прямо непріязненную для насъ. Предположимъ, мы начали войну съ Англіею и Австріею, одержали блистательную побѣду надъ ними и принудили ихъ противъ воли подписать тотъ самый прелиминарный договоръ, который мы теперь составили. — Что̀-жъ вы думаете, это будетъ прочный, окончательный миръ?—Никогда.—Это будетъ только болѣе или менѣе короткое перемиріе, во время котораго мы будемъ напрягать всѣ свои силы опять къ новой войнѣ. Потому что силой, безъ соглашенія съ Европой, нельзя дать ни прочнаго территоріальнаго, ни прочнаго политическаго устройства Балканскому Полуострову.

А, впрочемъ, что̀ намъ за дѣло до того, что это повлечетъ за собою величайшія бѣдствія для страны и всего народа, что страна лишится многихъ сотенъ тысячъ рабочихъ рукъ, что народъ истощится до невозможности, что множество пахатныхъ земель превратятся въ пустыри, что и безъ того очень незначительная промышленность вообще, а фабричная въ частности, падетъ на 100, на 200 процентовъ, что нашъ рубль превратится въ гривенникъ и т. д. За то мы побѣдимъ! А наша національная гордость и тщеславіе на томъ, какъ мы уже сказали, и стоитъ, чтобы показывать наше военное могущество, побѣждать, побѣдами увеличивать территорію, вводить обрусеніе въ пріобрѣтенныя области, до внутренняго же управленія, до внутреннихъ дѣлъ, ка̀къ они идутъ—у насъ нѣтъ интереса. Съ самымъ постыднымъ равнодушіемъ, а иногда и прямо съ негодованіемъ, мы, какъ и подобаетъ людямъ военнаго духа, относимся къ нашимъ самымъ лучшимъ учрежденіямъ, хотя бы, напримѣръ, къ суду присяжныхъ, какъ и доказало это оправданіе г-жи Засуличъ.

Оправданіе это въ нѣкоторыхъ кругахъ произвело сильную бурю. И подобная буря по поводу оправдательнаго вердикта—у насъ вовсе не исключительный случай. Напротивъ, почти каждый разъ, когда суду приходится рѣшать какое нибудь дѣло, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, обыкновенно является много недоволь-

ныхъ, которые начинаютъ кричать, что судъ присяжныхъ никуда негодится, что его надобно уничтожить. А надобно сказать, что районъ юрисдикціи суда присяжныхъ у насъ еще очень урѣзанъ; изъ его юрисдикціи исключена цѣлая область политическихъ дѣлъ, которыя въ другихъ странахъ рѣшаются судомъ присяжныхъ. Что же было бы, еслибы у насъ политическія дѣла были предоставлены суду присяжныхъ?—навѣрное, тогда стоялъ бы постоянный стонъ и скрежетъ зубовъ противъ суда присяжныхъ, и онъ, очень можетъ быть, уже давно былъ бы уничтоженъ. Оно, по правдѣ сказать, судъ присяжныхъ дѣйствительно намъ не ко двору: судъ присяжныхъ не всегда можетъ ладить съ условіями многихъ изъ тѣхъ порядковъ, какіе остались у насъ отъ прежняго времени военной постановки общества и, вѣроятно, долго еще не умрутъ. Судъ присяжныхъ есть судъ по совѣсти; это совсѣмъ не то, что судъ, довольствующійся для обвиненія одними формальными доказательствами. Передъ послѣднимъ субъектъ не можетъ остаться невиновнымъ, разъ доказано, что субъектъ этотъ совершилъ тотъ или другой фактъ преступленія съ намѣреніемъ. Но судъ присяжныхъ, какъ судъ по совѣсти, на этомъ успокоиться не можетъ. Для него важнѣе всего знать: въ какихъ условіяхъ дѣйствовалъ совершившій преступленіе субъектъ и насколько эти условія имѣли на него вліяніе въ данномъ случаѣ. Разъ совѣсть присяжныхъ удостовѣрится, что, не будь извѣстныхъ условій, тяготѣвшихъ надъ личностью въ томъ или другомъ случаѣ, не было бы и преступленія, она натурально отвергнетъ самый фактъ преступленія, какъ и было въ дѣлѣ г-жи Засуличъ. Этимъ отрицаніемъ самаго факта преступленія, провозглашеніемъ, какъ выражаются «Московскія Вѣдомости» «бывшаго небывшимъ», главнымъ образомъ, и возмущаются всѣ недовольные оправдательнымъ вердиктомъ присяжныхъ относительно Засуличъ и нападаютъ на личность присяжныхъ и даже на ихъ народность, на то, что они — русскіе: дескать, въ европейскомъ государствѣ подобный случай былъ бы невозможенъ. Иностранецъ такъ не сдѣлалъ бы. Можетъ быть, и дѣйствительно не сдѣлалъ бы потому, что онъ живетъ и судитъ въ другихъ условіяхъ, совершенно непохожихъ на наши.

Вообще, искать причины оправдательнаго приговора г-жи Засуличъ нетолько въ народности, но и въ личности присяжныхъ, весьма странно. Что мы можемъ предположить объ этихъ мирныхъ, надворныхъ, титулярныхъ совѣтникахъ, купцахъ и т. п., судившихъ г-жу Засуличъ? Что они сочувствуютъ той расправѣ Линча, къ которой прибѣгла эта дѣвушка, желаютъ, чтобы эта расправа вошла у насъ въ обычай, или что они—люди не благонамѣренные, которые готовы оправдывать всякое насиліе надъ начальствомъ? Кажется, выборъ въ присяжные засѣдатели у насъ такой тщательный, какой едва ли еще есть гдѣ-нибудь; устраняются отъ званія присяжныхъ нетолько всѣ состоявшіе и состоящіе подъ судомъ и слѣдствіемъ, но и всѣ тѣ, которые почему-нибудь администра-

тивною властію признаются неудобными для этого. При такой фильтровкѣ выборовъ, развѣ можетъ что-нибудь неблагонамѣренное проникнуть въ составъ присяжныхъ? Если признавать неблагонамѣреннымъ тотъ или другой составъ присяжныхъ, то всю Россію надобно признать неблагонамѣренною—ту самую Россію, которая оказываетъ нетолько безусловное повиновеніе, но и искреннюю преданность и самоотверженіе во всѣхъ начинаніяхъ правительства, хоть бы въ нынѣшнюю войну.

Очевидно, что причины оправданія г-жи Засуличъ надо искать не въ личности присяжныхъ, а въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они должны были разсматривать преступленіе, совершенное этой дѣвушкой. Условія же эти, какъ объяснилъ на судѣ защитникъ г-жи Засуличъ, Александровъ, были таковы:

Передъ присяжными предстала дѣвушка, которая, вслѣдствіе случайнаго знакомства съ Нечаевымъ, была заподозрѣна въ политическомъ преступленіи, была, на 17-мъ году своей жизни, арестована, выдержана въ тюремномъ заключеніи годъ въ Литовскомъ Замкѣ и годъ въ Петропавловской Крѣпости. Въ эти два года тюремнаго заключенія ее опросили всего два раза и, не находя никакого основанія предать ее суду, выпустили—но, черезъ десять дней свободы, снова арестовали, помѣстили въ пересыльную тюрьму и на пятый день содержанія тамъ объявили, что она немедленно отправляется въ городъ Крестцы, подъ надзоръ полиціи! Несмотря на то, что г-жа Засуличъ и сама была убѣждена, и увѣряла тѣхъ, которые ей объявили это, что тутъ должно быть какое нибудь недоразумѣніе, что она признана ни въ чемъ невиновною, и просила дать знать объ отправленіи ея роднымъ, чтобы разсѣять это недоразумѣніе или, по крайней мѣрѣ, достать теплаго платья на дорогу—у ней не было ничего, кромѣ платья и легкаго бурнуса—ей отвѣчали, что этого нельзя, и отправили, въ чемъ она была, съ двумя жандармами. Это было въ апрѣлѣ, но было такъ холодно, что, когда оставили желѣзную дорогу и поѣхали въ кибиткѣ, одинъ изъ жандармовъ долженъ былъ снять шинель и укутать «барышню». Со дня отправленія г-жи Засуличъ въ Крестцы началась скитальческая жизнь ея подъ надзоромъ полиціи. Изъ Крестцовъ она была отправлена въ Тверь, изъ Твери въ Солигаличъ; оттуда въ Харьковъ. Какъ у находящейся подъ надзоромъ полиціи, «у ней, говоритъ ея защитникъ:—дѣлали обыски, призывали для разныхъ спросовъ, подвергали иногда задержаніямъ не въ видѣ арестовъ». Въ концѣ 1875 года, т. е. шесть лѣтъ спустя со времени ея перваго ареста, надзоръ за нею былъ нѣсколько облегченъ, именно—ей дано было право отлучаться изъ мѣста жительства; воспользовавшись этимъ, она отправилась въ Петербургъ, потомъ съ дѣтьми сестры своей въ Пензенскую Губернію, гдѣ и жила послѣднее время.

Вотъ въ краткомъ, сухомъ очеркѣ исторія жизни г-жи Засуличъ, переданная ею и ея защитникомъ. Чтобы понять, какое

впечатлѣніе должна была сдѣлать эта исторія на присяжныхъ, мы должны стать на ихъ точку зрѣнія. Всякій отецъ и братъ понимаетъ очень хорошо, что для дѣвушки въ 18 ть и 19-ть лѣтъ просидѣть два года въ тюрьмѣ значитъ нетолько лучшіе годы своей жизни, вмѣсто удовольствія, провести въ разнообразныхъ лишеніяхъ, физическихъ и моральныхъ страданіяхъ, въ постоянномъ душевномъ угнетеніи, но и иногда потерять всю будущность, убить всю свою жизнь, потому чтоэто—такіе годы, въ которые завязываются отношенія и связи въ обществѣ, опредѣляется и устроивается такъ или иначе вся ея будущность. Даже и по суду за доказанную вину, такое наказаніе для дѣвушки этихъ лѣтъ, два года тюрьмы, было бы наказаніемъ тяжкимъ, очень тяжкимъ. Затѣмъ высылка изъ мѣста жительства, удаленіе отъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, разрывъ всѣхъ связей, скитальчество по незнакомымъ людямъ, съ ярлыкомъ поднадзорной—развѣ все это не продолженіе того, что̀ начато двухгодичнымъ содержаніемъ въ тюрьмѣ? Развѣ это не разбитая навсегда жизнь, не потерянное навсегда счастье?

Вотъ точка зрѣнія, съ которой долженъ былъ смотрѣть на г-жу Засуличъ каждый присяжный, въ особенности каждый изъ нихъ, кто былъ отцемъ и братомъ, и каждый изъ нихъ долженъ былъ понимать и чувствовать, что въ женщинѣ, проведшей такъ свою молодость, какъ г-жа Засуличъ, весьма естественно могло зародиться желаніе отдать остатокъ своихъ молодыхъ силъ на то, чтобы собственною своею гибелью вывести наружу, довести до общаго свѣдѣнія всю ненормальность того порядка, отъ котораго разбивается жизнь, уничтожается будущность людей, иногда, можетъ быть, ни въ чемъ неповинныхъ.

Случай съ Боголюбовымъ, даже въ нашей жизни, даже при тѣхъ порядкахъ, отъ которыхъ пострадала сама г-жа Засуличъ, былъ явленіемъ такимъ экстраординарнымъ, что, еслибъ означенное желаніе въ ней было только неопредѣленнымъ, болѣе мечтательнымъ, чѣмъ серьёзнымъ, то этотъ случай долженъ былъ превратить его въ намѣреніе рѣшительное, твердое, безповоротное. Я не буду разсказывать здѣсь подробности сѣченія Боголюбова, подробности возмутительныя во всѣхъ отношеніяхъ—всѣ, кто читалъ рѣчь Александрова, знаютъ ихъ. Я замѣчу только одно, что этотъ случай остался нетолько безъ преслѣдованія правосудіемъ, какъ не бывшій, но объ немъ не рѣшилась ясно высказаться ни одна газета. Только двѣ газеты глухо извѣстили о немъ.

Не должны ли были изъ всего этого присяжные ясно понять и почувствовать, что, при нашихъ условіяхъ, человѣкъ пострадавшій, сознающій себя совершенно невиннымъ, иногда не имѣетъ вовсе никакой возможности высказать свою жалобу и найти удовлетвореніе?

Вотъ гдѣ истинная причина оправданія г-жи Засуличъ! Оправданіе г жи Засуличъ было въ сущности не отрицаніемъ совершен-

умѣнье обдѣлывать свои дѣла, но и только, а затѣмъ спѣшатъ съ оправданіями, «онъ-де страдалъ, онъ съ дѣтства былъ заѣденъ средой», онъ вытерпѣлъ еще юношей въ Петербургѣ, безпріютнымъ, брошеннымъ, много горя, а слѣдовательно и сдѣлался «практичнымъ» (т. е. какъ будто и не могъ ужь не сдѣлаться). Другіе идутъ даже дальше, намекаютъ, что безъ этой-то вѣдь «практичности» Некрасовъ, пожалуй, и не совершилъ бы столь явно полезныхъ дѣлъ на общую пользу, напримѣръ, не совладалъ бы съ изданіемъ журнала и проч. и проч. Что же? для хорошихъ цѣлей оправдывать, стало быть, дурныя средства?.. Конечно, все это говорится, чтобы извинить, но мнѣ кажется, Некрасовъ не нуждается въ такомъ извиненіи. Въ извиненіяхъ на подобную тэму всегда заключается какъ бы нѣчто принизительное и какъ бы затемняется и умаляется образъ извиняемаго чуть не до пошлыхъ размѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ, чуть я начну извинять «двойственность и практичность» лица, то тѣмъ какъ бы и настаиваю, что эта двойственность даже естественна при извѣстныхъ обстоятельствахъ, чуть не необходима. А если такъ, совершенно приходится примириться съ образомъ человѣка, который сегодня бьется о плиты родного храма, кается, кричитъ: «я упалъ, я упалъ». И это въ безсмертной красотѣ стихахъ, которые онъ въ туже ночь запишетъ, а на завтра, чуть пройдетъ ночь и обсохнутъ слезы, и опять примется за «практичность», потому что-де она мимо всего другого и *необходима*. Да что же тогда будутъ означать эти стоны и крики, облекшіеся въ стихи? Искуство для искуства не болѣе, и даже въ самомъ пошломъ его значеніи, потому что эти стихи онъ самъ похваливаетъ, самъ на нихъ любуется, ими совершенно доволенъ, ихъ почитываетъ, на нихъ разсчитываетъ: придадутъ, дескать, блескъ изданію, взволнуютъ молодыя сердца. Нѣтъ, если все это оправдывать, да не разъяснивъ, то мы рискуемъ впасть въ большую ошибку и порождаемъ недоумѣніе, и на вопросъ: «кого вы хороните?» мы, провожавшіе гробъ его принуждены были бы отвѣтить, что хоронимъ самаго яркаго представителя искуства для искуства, какой только можетъ быть».

Этимъ своимъ разсужденіемъ о несовмѣстимости тои «практичности», которую оправдывалъ г. Суворинъ, въ Некрасовѣ, съ поэзіей и о томъ, что всякое извиненіе подобной практичности заключаетъ въ себѣ нѣчто принизительное для извиняемаго и умаляетъ образъ извиняемаго чуть не до пошлыхъ размѣровъ, г. Достоевскій, такъ сказать, припираетъ г. Суворина къ стѣнѣ. Отвѣчай, дескать, прямо, что такое былъ Некрасовъ: поэтъ-гражданинъ или стихослагатель-комедіантъ, самый яркій представитель искуства для искуства? Что могъ отвѣчать на этотъ вопросъ г. Суворинъ (а этотъ именно вопросъ поставленъ былъ и мною, когда я говорилъ объ уничтоженіи исповѣдью Некрасова значенія его дѣятельности, при чемъ, какъ я уже сказалъ, и заключеніе сдѣланной мною сейчасъ выдержки изъ статьи г. Достоевскаго была приведено дословно)?

Ему отвѣчать было нечего: сказать, что Некрасовъ былъ поэтъ-гражданинъ онъ не могъ, потому что въ своей статьѣ наговорилъ уже съ три короба разныхъ прелестей о практичности Некрасова, и оправданій этой практичности изъ русской жизненной философіи. Сказать, что Некрасовъ былъ яркій представитель искуства для искуства, комедіантъ—у него языкъ не поворачивался. Г. Суворину надобно было найти какой-нибудь выходъ изъ этого неудобнаго положенія и онъ нашелъ слѣдующій. Мнѣ на мои слова, что разъ мы допустимъ согласно съ переданною г. Суворинымъ исповѣдью Некрасова, что Некрасовъ не имѣлъ никакой другой цѣли въ своей дѣятельности, кромѣ наживы, мы должны будемъ допустить и то, что еслибы выгоднѣе было пѣть во славу сытыхъ и угнетающихъ, то Некрасовъ пѣлъ бы пѣсни совсѣмъ иного рода,—г. Суворинъ отвѣчаетъ, какъ обыкновенно отвѣчаетъ «Новое Время», за неимѣніемъ пороху, нахальствомъ и пошлостію: «Такія, дескать, предположенія напоминаютъ собою знаменитую чепуху: «еслибы да кабы, да во рту росли грибы», заканчиваетъ же это нахальство и пошлость, также по обычаю «Нов. Врем.», обращеніемъ къ тещѣ (но о этомъ рѣчь будетъ ниже), затѣмъ дѣлая видъ, что вопросъ о томъ: кто былъ Некрасовъ поэтъ, гражданинъ или яркій представитель искуства для искуства, какъ будто ему и не былъ предлагаемъ, начинаетъ прямо доказывать, что еслибы Некрасовъ пѣлъ и для наживы, то результатъ его поэтической дѣятельности не можетъ быть уничтоженъ, хотя этого вопроса я вовсе не касался, да не было и нужды его касаться. Не было нужды касаться потому, что всякій понимаетъ, что какія бы открытія по этому предмету изъ интимныхъ бесѣдъ своихъ съ Некрасовымъ г. Суворинъ ни передавалъ, имъ никто не дастъ вѣры: будутъ говорить, что или г. Суворинъ передаетъ не такъ, какъ ему было сказано, или что Некрасовъ обронилъ слова необдуманно, а, быть можетъ, и приспособительно ad hominem для цѣлей, которыхъ, конечно, никто знать не можетъ. Даже и предполагаемая г. Суворинымъ собственноручная росписка поэта въ томъ, что онъ пѣлъ свои пѣсни исключительно для наживы, никого бы не разувѣрила въ искренности его пѣсенъ. Объяснили бы ее болѣзненнымъ состояніемъ поэта. Что же, однакожъ, это можетъ доказывать, кромѣ того, что вѣра въ искренность и честность поэта сильно утвердилась при его жизни, и утвердилась не внутреннею лишь силою и искренностію его твореній, но и тѣмъ, что поэтъ всю жизнь свою нетолько не колебалъ этой вѣры, а, напротивъ, старался всѣми силами утвердить ее и усилить—потому не сомнѣваются въ искренности и честности не только тѣхъ его стихотвореній, которыя своею внутреннею силою и искренностью доказываютъ это, но и стихотвореній, такъ называемыхъ дѣланныхъ, ходульныхъ, потому что убѣждены, что хотя сила вдохновенія здѣсь и измѣнила ему, но его мысль и симпатіи одинаково искренни и честны, какъ и въ его лучшихъ стихотвореніяхъ.

Представимъ себѣ, однако, другой случай. Предположимъ, что кто-нибудь въ самомъ дѣлѣ имѣлъ бы такую волшебную силу, что могъ бы съ корнемъ вырвать у почитателей и читателей Некрасова всякую вѣру въ честность и искренность поэта, убѣдить ихъ, что поэзія Некрасова была не болѣе, какъ шутовство, что поэтъ цинически издѣвался надъ тѣмъ, что онъ пишетъ и надъ легковѣріемъ публики, какъ вы думаете, г. Суворинъ, не швырнулъ бы стихотвореній Некрасова каждый изъ тѣхъ почитателей и читателей, который искалъ въ этихъ стихотвореніяхъ не забавы и развлеченія, а смотрѣлъ на нихъ какъ на свое знамя, какъ на лучшее выраженіе идей и стремленій лучшей части общества, сдѣланное человѣкомъ, котораго онъ считалъ нѣкоторымъ образомъ вождемъ этого общества? Я думаю, непремѣнно швырнулъ бы. Для такого читателя и почитателя никакъ не все равно: былъ ли Некрасовъ поэтъ искренно сочувствовавшій тому, что онъ пѣлъ, или онъ былъ только комедіантъ, шутъ, шарлатанъ, сдѣлавшій изъ поэзіи аферу. Есть разница между отношеніемъ интеллигентной публики къ поэту-гражданину и къ поэту чисто-художественнаго пошиба. Въ первомъ она видитъ не поэта только, но нѣкоторымъ образомъ вождя своего, передоваго человѣка. Она не можетъ изолировать здѣсь произведѣній поэта отъ лица. Они сливаются для нея въ одно неразрывное цѣлое; произведенія поэта понимаются ею какъ выраженіе его души, того, къ чему онъ привязанъ всѣмъ своимъ существомъ, что составляетъ смыслъ его внутренней жизни. Поэтому и неособенно значительное въ художественномъ отношеніи произведеніе въ его устахъ получаетъ для нея такую силу, какой въ устахъ другого не можетъ имѣть въ десятеро художественнѣйшее произведеніе, одинаковое по содержанію. У Некрасова есть, напримѣръ, слабая поэма подъ названіемъ: «*Несчастные*» и, однакожъ, и эта слабая поэма многими цѣнится очень высоко и читается съ восторгомъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы было открыто самое пренаихудожественнѣйшее произведеніе такого содержанія, написанное, напримѣръ, Шешковскимъ, Аракчеевымъ и т. д., то оно провалилось бы самымъ позорнымъ образомъ. Никакая «сила, ни блескъ вдохновенія, ни бичъ сатиры, ни стоны, ни слезы» и т. д. ничто бы его не спасло; оно возбудило бы только смѣхъ въ однихъ и негодованіе въ другихъ. Все это показываетъ, что и для прочности результатовъ поэтической дѣятельности, вѣра въ честность и искренность поэта необходима.

«Что мнѣ за дѣло, пишетъ г. Суворинъ:—чѣмъ внушена поэту пѣснь о бѣдности? Можетъ быть, онъ излагалъ ее съ такимъ чувствомъ подъ вліяніемъ большого проигрыша въ карты; можетъ быть, не гражданскія слезы текли изъ его глазъ, когда онъ вызывалъ у меня гражданскія чувства, а слезы ревности къ измѣнницѣ женщинѣ. Мнѣ это все равно: дѣятельность его не исчезла, его собственноручное признаніе (что онъ былъ комедіан-

томъ и шарлатаномъ) только матеріалъ для сужденія о немъ, какъ о человѣкѣ, только психологическая задача для разрѣшенія которой еще нѣтъ фактическихъ матеріаловъ».—Нѣтъ, г. Суворинъ, это не такъ. Разъ въ человѣкѣ, который видитъ въ поэзіи не забаву только и развлеченіе, съ корнемъ будетъ вырвана вѣра въ честность и искренность поэта, разъ онъ убѣдится, что поэтъ былъ только комедіантомъ и шарлатаномъ, ему представится отвратительнымъ нетолько образъ поэта, поэзіею которого онъ когда-то увлекался и надъ которою проливалъ искреннія и горячія слезы, но у него явится досада на то, что онъ былъ такъ одураченъ, выбравъ себѣ въ учители и вожди ни болѣе, ни менѣе, какъ репетиловскаго *умнаго плута*, который

Когда о честности высокой говоритъ—
Какимъ-то демономъ внушаемъ—
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ.

Со времени Репетилова много утекло воды и краснобаи-шарлатаны съ глазами въ крови, съ пылающимъ лицомъ, слезами нетолько не производятъ эффекта, какъ въ былыя времена, но сдѣлались явленіемъ пошлымъ. Въ обществѣ народилось очень много людей, которые знаютъ имъ цѣну. Требованія честности и искрености становятся въ наше время со дня на день все болѣе и болѣе обязательными нетолько для поэтовъ, но и для нашего брата, публицистовъ. Если ваша газета, г. Суворинъ, расходится, какъ вы увѣдомляете, въ милліонахъ листовъ, если всѣ славянскіе народы, какъ объ этомъ также вы увѣдомляете, шлютъ вамъ благодарственные адресы, то только потому, что они вполнѣ увѣрены въ искренности и честности вашихъ драгонадъ противъ Агарянъ. Получи они такое убѣжденіе, что для васъ все равно: крестъ ли восторжествуетъ надъ луною, луна ли надъ крестомъ, что вы если пишете за торжество креста, то потому только, что это для васъ выгоднѣе, что отъ этого газета раскупается въ милліонахъ экземпляровъ—они отворотились бы отъ васъ. Вся внутренность ихъ перевернулась бы, если-бы вы имъ сказали, что ваши статьи о страданіяхъ болгаръ вы пишете подъ вліяніемъ проигрыша въ карты, а статьи о насиліяхъ Турціи, подъ вліяніемъ слезъ ревности къ измѣнницѣ женѣ.

Г. Суворинъ говоритъ, что онъ счелъ бы глупымъ и пошлымъ отвергнуть художественное произведеніе только потому, что оно написано извѣстнымъ шарлатаномъ и вмѣсто него читать Пигаева и Ферапонтьева, потому что они искренни и правдивы, къ наживѣ никогда не стремились, братались съ народомъ за штофомъ вина и спали въ избахъ между телятами и свиньями. Читать Пигаева и Ферапонтьева, за неимѣніемъ дѣйствительныхъ поэтовъ, нѣтъ никакой надобности, потому что поэзія не хлѣбъ насущный, безъ нея очень легко обойдтись. Но они не заслуживаютъ и того, чтобы относиться къ нимъ съ тѣмъ презрѣніемъ, съ какимъ относится г. Суворинъ. Это во всякомъ слу-

чаѣ люди почтенные и если даютъ немного свѣта, потому что дѣйствуютъ въ очень тѣсномъ кругу, то все-таки распространяютъ свѣтъ въ обществѣ, а не помрачаютъ и развращаютъ его смысла, какъ это не рѣдко случается дѣлать людямъ, живущимъ въ роскошныхъ помѣщеніяхъ, пьющимъ заморскія вина и считающимъ своихъ читателей десятками тысячъ. Что касается до того, что многія интеллигентныя лица отвернутся съ презрѣніемъ отъ наихудожественнѣйшаго произведенія, написаннаго завѣдомымъ шарлатаномъ, то тутъ я не вижу нетолько ничего ни глупаго, ни пошлаго, а вижу, напротивъ, великую нравственную силу, которая не хочетъ мириться съ компромиссомъ, которая требуетъ, чтобы человѣкъ служилъ идеѣ сердцемъ, а не осквернялъ ея своимъ фиглярствомъ. Г. Суворинъ держится какъ разъ противоположнаго воззрѣнія. По его мнѣнію, поэтъ то же, что актеръ. Разъ онъ имѣетъ настолько большой талантъ, что можетъ живо прочувствовать то состояніе, которое изображаетъ и воспроизведеніемъ его сдѣлать сильное впечатлѣніе, его задача исполнена. Г. Суворинъ забываетъ, что съ нравственной точки зрѣнія наискуснѣйшее притворство актера есть его величайшее достоинство, тріумфъ, и, напротивъ, наискуснѣйшее притворство поэта-гражданина есть его величайшее преступленіе, позоръ, такъ сказать, прямое его уничтоженіе. Даже въ драматическихъ произведеніяхъ, гдѣ поэтъ долженъ быть также объективенъ, какъ и актеръ, ихъ задачи совершенно различны; актеръ не отвѣчаетъ за нравственную основу піэсы. Онъ останется равно великимъ актеромъ, если умѣетъ живо воспроизводить дѣйствующихъ лицъ, будетъ ли Хлестаковъ, Сквозникъ-Дмухановскій и т. п., изображенъ симпатично или антипатично; но поэтъ, который сталъ бы изображать эти лица въ видѣ общественныхъ идеаловъ, былъ бы преступникомъ передъ обществомъ, омрачителемъ общественнаго смысла, врагомъ общественнаго развитія.

Теперь я долженъ обратиться къ личнымъ объясненіямъ съ г. Суворинымъ. По обычаю «Новаго времени», которое въ полемикѣ не ограничивается одними литературными средствами, а чтобы докапать противника не гнушается ни инсинуаціями на счетъ «измѣны» или «интриги (такихъ случаевъ было уже много; самый недавній изъ нихъ съ г. Карновичемъ см. его «отвѣтъ), ни обращеніемъ, подобно гоголевской слесаршѣ, ко всѣмъ роднымъ, даже до тещи включительно, и г. Суворинъ обращается въ сферу той спеціальной литературы, которою я занимался назадъ тому слишкомъ тридцать лѣтъ, когда носилъ стихари, говорилъ проповѣди, когда по моей каѳедрѣ и по особымъ порученіямъ, занимался разработкою исторіи мѣстныхъ дѣятелей церкви и мѣстныхъ святынь—отыскиваетъ тамъ составленное мною жизнеописаніе первыхъ казанскихъ святителей и приходитъ въ восторгъ: вотъ говоритъ, что онъ писалъ. Но въ особенности нѣтъ мѣры его восторгу, когда онъ передаетъ посвященіе этой книжки казанскому преосвященному, гдѣ я трудъ свой называю ма-

лой лептой моего дѣланія и прошу принять его съ снисхожденіемъ, да ободрится къ большимъ трудамъ недостоинство трудящагося. Г. Суворинъ нетолько подчеркиваетъ слова: моего дѣланія, и недостоинство трудящагося, но еще и въ особенномъ примѣчаніи считаетъ нужнымъ пояснить, что это подлинныя мои слова. Вотъ дескать до какого сервилизма доходилъ онъ; то ли дескать я, Суворинъ. Г. Суворинъ думаетъ, что ужасно пристыдилъ меня. Напрасно; нетолько я не стыжусь моихъ прежнихъ трудовъ, а вспоминаю объ нихъ съ удовольствіемъ, нисколько не смущаясь приведеннымъ г. Суворинымъ моимъ посвященіемъ. Во всякомъ сословіи есть принятыя въ подобныхъ случаяхъ формы чиноночитанія, но истинный сервилизмъ никогда не скрывается въ такихъ общихъ формахъ; мы поищемъ его гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, но объ этомъ потомъ, а теперь нѣсколько словъ о тѣхъ выводахъ, которые г. Суворинъ дѣлаетъ изъ моихъ прежнихъ трудовъ.

«Я не знаю, говоритъ онъ:—когда г. Елисеевъ былъ искреннимъ человѣкомъ, тогда ли, когда въ немъ кипѣла юношеская кровь и онъ писалъ «малыя ленты», или теперь, когда опытъ жизни умудрилъ его и онъ пишетъ внутреннее обозрѣніе; во всякомъ случаѣ, если онъ былъ актеромъ тогда и теперь, то цѣна его произведеніямъ и ихъ вліяніе опредѣляется силой таланта: большой талантъ—большое значеніе, маленькій талантъ—малое и значеніе».

Сфера моей прежней спеціальной литературной дѣятельности въ существѣ своемъ вовсе не находится въ такомъ противорѣчіи съ моею нынѣшнею литературною дѣятельностью, чтобы нужно было радикальное нравственное измѣненіе для перехода изъ первой въ послѣднюю. Да я думаю, что не много можно указать людей (если только можно даже), которые въ своемъ развитіи не проходили бы фазиса увлеченія религіознымъ міросозерцаніемъ, которое, смотря по средѣ, къ которой они принадлежали, выражалось въ разныхъ соотвѣственныхъ формахъ и дѣятельности, но которое съ теченіемъ времени дѣлалось пройденною ступенію развитія, смѣнялось другимъ міросозерцаніемъ, не сопровождаясь при этомъ никакимъ существеннымъ противорѣчіемъ въ міросозерцаніи нравственномъ. Точно также съ лѣтами должно было болѣе или менѣе видоизмѣниться мое теоретическое религіозное міросозерцаніе, но нравственное міросозерцаніе осталось тоже самое: тѣ моральныя истины, которымъ я училъ въ проповѣдяхъ, которыя имѣлъ въ виду или излагалъ въ своихъ лекціяхъ студентамъ, которыя проводилъ въ историческихъ трудахъ, тѣже самыя истины я излагаю или имѣю въ виду и въ моихъ внутреннихъ обозрѣніяхъ. Мои внутреннія обозрѣнія никогда не были ни училищемъ для канкана или разврата грубаго (чего никакъ не можетъ сказать о себѣ «Новое Время»), ни училищемъ для разврата общественной мысли (чего также не можетъ сказать о себѣ «Новое Время»), ни училищемъ для растлѣнія юношества (чего также не

можетъ сказать о себѣ «Новое Время»). Точно также оба тѣ журнала, въ которыхъ я писалъ, то есть «Современникъ» и «Отечественныя Записки», во всѣхъ своихъ отдѣлахъ и статьяхъ, держались всегда самаго строгаго нравственнаго принципа, что несомнѣнно составляло ихъ силу.

Изъ этого вы видите, г. Суворинъ, что я не имѣлъ надобности быть актеромъ и не былъ имъ ни въ то время, когда во мнѣ кипѣла юношеская кровь, ни послѣ, когда опытъ жизни умудрилъ меня. А вотъ не лучше ли вамъ, г. Суворинъ, обратиться къ вашей собственной литературной дѣятельности и не на такихъ большихъ стадіяхъ, какъ вы берете мою дѣятельность, а на разстояніи всего послѣднихъ десяти лѣтъ, и уяснить ее, по крайней мѣрѣ, для себя, *во первыхъ понедѣльно*: въ которыхъ изъ вашихъ «недѣльныхъ очерковъ и картинокъ», которые бо̀льшею частію состоятъ въ прямомъ противорѣчіи между собою, вы являетесь актёромъ и въ которыхъ не актеромъ, а потомъ и *по годамъ:* когда вы были подлиннымъ Суворинымъ—въ то ли время, когда участвовали въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», теперь ли, когда издаете свое «Новое Время» съ откровеннымъ направленіемъ, или въ промежутокъ между «Петербургскими Вѣдомостями» и «Новымъ Временемъ».

Вы выставляете, г. Суворинъ, напоказъ употребляемыя мною формы чинопочитанія, выдавая за доказательство моего сервилизма. Я уже замѣтилъ выше, что настоящій сервилизмъ никогда не является нетолько въ такихъ формахъ, но и въ никакихъ формахъ. Онъ не любитъ формъ, потому что форма обнаружитъ присутствіе его и скомпрометируетъ и его самого и то лицо, къ сердцу котораго онъ ползетъ. Истинный сервилизмъ всегда дѣйствуетъ такъ, что куреніе его является неожиданно, сюрпризомъ для того лица, которому оно назначено. Даже и алтарь, съ котораго восходитъ ѳиміамъ ставится вовсе не передъ тѣмъ лицомъ, для котораго онъ назначенъ, и воздвигается не ради него. Онъ ставится передъ богомъ общей правды, общей пользы и въ честь этого бога и т. д., но на этомъ алтарѣ сожигаются такія специи, что тотъ, кому предназначено благовоніе отъ нихъ, сейчасъ пойметъ, что все это и алтарь, и сожиганіе и специи — все это устроено для него одного, что богъ общей правды, общей пользы и т. п. тутъ не причемъ, такъ сказать, грибъ съѣлъ. Очень жаль, что моей аллегоріи я не могу пояснить примѣромъ, потому что могу, пожалуй, кого нибудь обидѣть. Но вѣдь вы, г. Суворинъ, и не нуждаетесь въ такихъ поясненіяхъ. Вы очень хорошо знаете, что образцовъ истиннаго, беззавѣтнаго сервилизма, самыхъ совершенныхъ нигдѣ, въ настоящее время, нельзя найдти, кромѣ вашихъ статей.

Вы г. Суворинъ, вытаскиваете изъ моихъ литературныхъ трудовъ за тридцать слишкомъ лѣтъ назадъ составленное мною жизнеописаніе первыхъ казанскихъ архіереевъ, людей даже и съ гражданской точки зрѣнія достойныхъ всякаго уваженія, потому что

они для культуры и развитія края сдѣлали болѣе, чѣмъ сколько дѣлали нетолько тогдашніе воеводы, но чѣмъ сколько дѣлаютъ и нынѣшніе генералы. Но подумайте, г. Суворинъ: какихъ ничтожныхъ людей вы не прославляете теперь, въ настоящее время, сегодня, вчера, каждый день? Какихъ гнусностей вы не выдаете за доблести?

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Все имѣетъ свою исторію. Имѣетъ ее и хвастовство: нынѣ люди хвастаютъ не тѣмъ, чѣмъ они хвастали двадцать лѣтъ тому назадъ, а тогда хвастали не тѣмъ, чѣмъ хвастали за двѣсти лѣтъ. Какъ ни мизеренъ кажется на первый взглядъ этотъ предметъ, но онъ заслуживаетъ полнаго вниманія. Исторія хвастовства, еслибы кто-нибудь взялся написать ее добросовѣстно и съ серьёзнымъ убѣжденіемъ въ важности тэмы, могла бы составить прелюбопытную и препоучительную книгу. Степень умственнаго и нравственнаго развитія какъ цѣлыхъ обществъ, такъ и отдѣльныхъ личностей, ничѣмъ, можетъ быть, не выражается такъ ярко, какъ предметомъ и характеромъ хвастовства. Дикарь, измѣряющій свое достоинство количествомъ съѣденныхъ или, по крайней мѣрѣ, убитыхъ имъ людей; инквизиторъ, хвастающій числомъ сожженныхъ имъ еретиковъ и вѣдьмъ; кутилапомѣщикъ, хвастающій количествомъ истребленныхъ имъ напитковъ; купецъ, хвастающій тѣмъ, что ловко надулъ покупателя, и проч., и проч.—всѣ эти люди разсчитываютъ на одобреніе болѣе или менѣе обширнаго круга людей, и, слѣдовательно въ нихъ хвастовствѣ отражается умственный и нравственный складъ всего этого круга. Дѣло это историческое, то есть постоянно измѣняющееся вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ личности и общества. Значитъ, и судить хвастуна можно только съ точки зрѣнія данной ступени развитія. Само по себѣ, хвастовство—не добродѣтель, конечно, не достоинство, но и не богъ знаетъ какой недостатокъ. Смотря по содержанію, характеру и обстановкѣ, хвастовство можетъ быть очень наивнымъ, даже добродушнымъ; можетъ свидѣтельствовать о кое-какихъ общественныхъ инстинктахъ, потому что, какъ ни какъ, а хвастунъ дорожитъ уваженіемъ тѣхъ, передъ кѣмъ хвастаетъ; можетъ свидѣтельствовать, наконецъ, иногда даже объ очень тонкомъ умѣ, если разсчеты хвастуна оказываются вѣрными. Но точно также оно можетъ свидѣтельствовать и о глупости, и о полной нравственной дрянности. Какой-нибудь дикарь, гордо увѣшивающій себя скальпами

враговъ, можетъ быть для своего времени и мѣста вполнѣ передовымъ человѣкомъ, цвѣтомъ и красой своего племени. Но еслибы среди насъ народился человѣкъ, способный хвастать скальпами, онъ былъ бы просто глупый звѣрь, котораго пришлось бы тотчасъ же устранить за совершенною невозможностью имѣть съ нимъ какое бы то ни было общеніе. И такова всегда [illegible] людей, хвастающихъ тѣмъ, что̀ перестало составлять для [illegible]ющихъ предметъ удивленія или уваженія, хотя, само собою [illegible]умѣется, далеко не всегда требуется устраненіе подобныхъ [illegible] оздалыхъ хваступовъ. Напримѣръ, у насъ въ старину поль[illegible]ся почетомъ блѣдный поэтъ съ вѣчною печатью вдохновен[illegible] челѣ, съ глазами, устремленными къ небу, самъ весь стр[illegible]ійся куда-то горѣ, а потому не видящій, что̀ творится на[illegible]ѣ. Эта по теперешнему странная фигура, не шутя, хвасталась [illegible]мъ отчужденіемъ отъ житейскихъ треволненій и битвъ, съ пр[illegible]іемъ смотрѣла на мелкихъ мошекъ и букашекъ, борющихся з[illegible]нь, и находила свою аудиторію, своихъ поклонниковъ, г[illegible]пихся честью знакомства съ ротозѣемъ-поэтомъ. Предста[illegible]ебѣ, что среди насъ явился бы такой ротозѣй. Устранять [illegible] конечно, нѣтъ резона, но дѣла съ нимъ никакого нельзя и[illegible] потому что, если онъ не понимаетъ своей запоздалости, котор[illegible]акъ несомнѣнна, то, значитъ, онъ ровно ничего не понимает[illegible] старые годы, даже очень умный человѣкъ могъ хвастаться [illegible]тическимъ ротозѣйствомъ, но теперь для этого нужно обла[illegible] значительнымъ скудоуміемъ. Точно также надо быть очен[illegible]орбнымъ главою, чтобы считать за честь знакомство съ так[illegible] мастодонтомъ, случайно проявившимся среди совсѣмъ не[illegible]одящей фауны, и хвастать этимъ знакомствомъ. Теперь всяк[illegible] мало-мальски смыслящій человѣкъ требуетъ отъ поэта нетолько [illegible]стія въ житейскихъ треволненіяхъ, а еще участія съ совершенно[illegible]редѣленнымъ характеромъ. Если поэтъ провозгласитъ, напримѣр[illegible] что, дескать, «на этихъ людей, государь Пантелѣй, палк[illegible]ты не жалѣй суковатыя», то однимъ это очень понравится, а [illegible]угіе, пожалуй, и не хорошимъ словомъ поэта обзовутъ; одни будутъ гордиться рукопожатіемъ творца суковатой палки, а другіе—стыдиться. Съ этимъ, я думаю, и «Недѣля» согласится.

А причемъ тутъ «Недѣля»—тому слѣдуютъ пункты.

Все, сказанное о поэтѣ приложимо и къ писателю вообще. Можетъ быть, гдѣ-нибудь въ дальнихъ уголкахъ великой и обильной земли нашей еще хранится представленіе о «литературномъ человѣкѣ», писателѣ вообще, какъ о странномъ какомъ-то знатномъ иностранцѣ, вызывающемъ благоговѣйное отношеніе къ себѣ, совершенно независимо отъ содержанія его писаній. Писатель, литераторъ—и конецъ: значитъ, какой-то особенный человѣкъ, на котораго даже посмотрѣть любопытно; а представляетъ ли онъ изъ себя Богу свѣчу или чорту кочергу—это въ разсчетъ не берется. Съ перваго взгляда кажется, что въ та-

комъ отношеніи къ писателю сквозитъ глубокое уваженіе. На самомъ же дѣлѣ, тутъ уваженія нѣтъ ни капли, а есть только полная отчужденность: ты, молъ, не нашъ, намъ съ тобой не дѣтей крестить, не пиво варить, а посмотрѣть на знатнаго иностранца ничего, любопытно—можетъ быть, у него какіе узоры на лицѣ разрисованы. Отчужденность особенно выражается этим нежеланіемъ или неумѣніемъ проникнуть во внутреннюю жизнь писателя, посмотрѣть, чѣмъ именно живетъ его душа, каком[illegible] богу молится. Въ дальнихъ уголкахъ это очень естественно, [illegible]въ такихъ мѣстахъ, гдѣ писатель не есть rara avis, такое [illegible]неніе къ нему просто нелѣпо. Я осмѣливаюсь утверждать, [illegible] тѣ дикіе люди, которые гонятъ какого-нибудь несчастнаг[illegible] корреспондента, раскрывшаго губернскія тайны, и рекутъ н[illegible] о всякъ золъ глаголъ, много ближе къ правильному пониманію [illegible]ей, чѣмъ тѣ, кто смотритъ на литератора, какъ на знатн[illegible] иностранца. Они дики и звѣрообразны—это правда, но они, [illegible]айней мѣрѣ, видятъ въ литературѣ нѣкоторую общественн[illegible]лу, съ которой надо считаться, которая можетъ нанес[illegible]ъ ущербъ, которая имъ, слѣдовательно, хоть и враждебна, [illegible] все-таки близка.

«Недѣля» съ этимъ, конечно, не согласится, [illegible]а почтенная газета, сама, наконецъ, соскучившись, наводить т[illegible] на своихъ читателей, завела у себя двухъ фёльетонистовъ, [illegible]едающихся игривости по обязанности. Они чередуются, эт[illegible]ва бѣдные человѣка, и одну недѣлю одинъ, другую недѣлю [illegible]угой стараются занимать общество. Оба они такъ другъ н[illegible]руга похожи, что только опытный глазъ нашего брата, журн[illegible]листа, можетъ различить въ одномъ нѣсколько больше старче[illegible]й сентиментальности, въ другомъ—нѣсколько больше наивн[illegible] самодовольства. Эта пара сапогъ проникнута чрезвычайнымъ [illegible]аженіемъ къ литераторамъ. Одинъ (сентиментальный старичек[illegible]) вспоминаетъ:

«Помню маленькій домикъ въ [illegible]ри окошечка съ мезониномъ, на Карповкѣ; въ этомъ домѣ [illegible] *она* провела свою молодость. Теперь въ этомъ домѣ, кажется, [illegible] фабрика Гризара, а тогда жилъ редакторъ одного извѣстнаго журнала и извѣстный переводчикъ Донъ-Кихота, не съ французскаго, а съ испанскаго. Въ этомъ домѣ свершилось мое первое литературное крещеніе. Я помню эти вечера, когда съ какимъ-то робкимъ чувствомъ вступалъ я въ этотъ домъ; внизу танцовала молодёжь, и молодёжь была умная. *Она* блистала своей красотой и какой-то особенной, привлекательной, молодящей граціей, чѣмъ-то такимъ хорошимъ, что становилось необыкновенно весело, тепло и уютно. Отецъ ея, редакторъ, работалъ на верху въ мезонинѣ и сходилъ сверху только въ 2 часа ночи. Своимъ появленіемъ онъ наводилъ на меня какое-то робкое смущеніе; онъ мнѣ казался необыкновеннымъ человѣкомъ, и я чувствовалъ себя какимъ-то маленькимъ. Я мечталъ походить на него, желалъ сдѣлаться писателемъ, но дерзкая мысль стать редакторомъ никогда даже и близко не подходила ко мнѣ» (1878, № 8).

Другой (наивно самодовольный) вспоминаетъ:

«У меня еще съ юныхъ лѣтъ сохранилось какое-то инстинктивное уваженіе къ писателямъ. Помню, какъ я еще студентомъ первый разъ входилъ къ И. С. Тургеневу. Когда я остановился у его двери, мое сердце колотилось такъ сильно, что я нѣсколько минутъ долженъ былъ ждать, чтобы успокоиться и придти въ себя. Эту минуту я помню очень отчетливо. Но когда я дрожащей рукой робко потянулъ колокольчикъ и вошелъ въ переднюю, когда обо мнѣ доложили и я увидѣлъ его—*его самого*!—меня вдругъ охватилъ такой благоговѣйный трепетъ, что зазвенѣло въ ушахъ, закружилась голова — и этотъ моментъ представляется мнѣ теперь въ какомъ-то туманѣ» (1877, № 44).

Для очень молодыхъ людей, робко мечтающихъ о литературной дѣятельности, это естественныя чувства. Но маленькая собачка—до старости щенокъ, а фѣльетонисты «Недѣли» изъ маленькихъ. Одинъ изъ нихъ побывалъ въ александринскомъ театрѣ въ бенефисъ г. Монахова, когда шла пьеса г. Потѣхина «Выгодное предпріятіе». Онъ напалъ тамъ на толпу литераторовъ. «И вотъ какъ онъ объ ней разсказывалъ въ семьѣ своей». Да добро бы еще въ самомъ дѣлѣ въ семьѣ—семейное дѣло закрытое дѣло—а въ газетѣ:

«Я вошелъ въ партеръ, и первый, кто попался мнѣ на глаза, былъ Петръ Исаевичъ Вейнбергъ.

— А, и вы показались? говорилъ онъ, протягивая руку.

— Какъ же! Нельзя!

— Тутъ уже есть кой-кто изъ «рѣдкихъ». Да и случай то рѣдкій.

Вотъ и Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ.

— Что, батюшка, и вы заглянули?

— Да случай такой—нельзя!

Вотъ Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ.

— А вы-то какъ? Давно ли изъ Вѣны?

— Только вчера.

— Говорятъ, пьеску написали?

— Не пьесу, а такъ себѣ—сценки.

— Посмотримъ!

Боже! Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ!

— Ну, ужь васъ-то я не ожидалъ здѣсь встрѣтить.

— Какъ видите.

Вотъ и Николай Васильевичъ Максимовъ, авторъ талантливыхъ корреспонденцій съ театра войны.

— Что ваша рана?

— Благодарю васъ—зажила совсѣмъ.

Василій Аполлоновичъ Полетика.

— Какими судьбами?

— Да тѣми же, что и вы.

Евгеній Валентиновичъ Де-Роберти.

— Эге! И господа позитивисты сегодня пожаловали.

— Еще бы!

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— А вотъ и еще кто-то, а вонъ въ ложѣ тоже «свои». Да сегодня настоящій «смотръ»! Это тѣмъ пріятнѣе, что литераторы только и встрѣчаются, что на похоронахъ, да изрѣдка въ главномъ управленіи по дѣламъ печати.

— А гдѣ же *самъ-то*—бенефиціантъ?

— Монаховъ?—На сценѣ, разумѣется.

— Какое Монаховъ!—Потѣхинъ!

— А!... Онъ тоже, должно быть, тамъ же. А пожалуй это и вѣрно, что сегодня не Монахова, а *его* бенефисъ» (1877, № 44).

Столь наивное самодовольство по случаю знакомства съ литераторами имѣетъ себѣ параллель только въ самодовольствѣ г. Зиссермана, который со всѣми кавказскими генералами служилъ, всѣхъ ихъ знаетъ по имени и отчеству и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ докладываетъ объ этомъ читателямъ «Русскаго Вѣстника» и «Новаго Времени». Но, надо правду сказать, г. Зиссерманъ имѣетъ немаловажное преимущество передъ фельетонистомъ «Недѣли». Онъ всегда все-таки хоть какой нибудь воинскій подвигъ своихъ знакомыхъ генераловъ разскажетъ и не ограничивается простымъ «здравствуйте» Алексѣя Сергѣевича и «еще бы!» Михаила Матвѣича. Фельетонисту «Недѣли» и вообще ни до какихъ подвиговъ дѣла нѣтъ. Онъ жметъ руку Алексѣя Сергѣича и Сергѣя Алексѣича, самодовольно оглядываясь—видятъ ли, дескать, окружающіе, что я со всѣми сочинителями знакомъ, а что Алексѣй Сергѣичъ есть вывороченный на изнанку Сергѣй Алексѣичъ—до этого ему дѣла нѣтъ. Онъ больше о томъ желаетъ повѣдать міру, что гулялъ однажды по Невскому съ Ѳедоромъ Михайловичемъ Достоевскимъ, пилъчай съ Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ и, изъ постороннихъ литературѣ лицъ согласенъ допустить въ этотъ священнодѣйствующій кругъ только Дарью Михайловну Леонову, у которой онъ тоже пилъ чай. При этомъ оказывается, впрочемъ, что Дарья Михайловна много серьёзнѣе понимаетъ свои гражданскія обязанности, чѣмъ Иванъ Сергѣевичъ. (№ 11, 1878). Но одна ласточка весны не дѣлаетъ: Дарья Михайловна—особь статья. Соль земли составляютъ сочинители. Фельетонистъ даже такъ выражается: «Я много видѣлъ... но чувство уваженія къ писателямъ, особенно «заслуженнымъ», все таки осталось. Мало сказать: осталось—оно такъ сильно, что заявляетъ себя даже тамъ, гдѣ ему совсѣмъ бы не мѣсто. Видишь, напримѣръ, человѣка, отъ котораго, по настоящему, слѣдовало бы отворачиваться (съ *политической* точки зрѣнія), а все-таки даешь ему руку и даже слышишь, какъ внутренній голосъ, шепчетъ тебѣ: э, брось къ чорту эту политику! Какая у насъ политика! Жми крѣпко ему руку, потому что онъ, при всѣхъ своихъ спотыканіяхъ, все-таки въ милліонъ разъ выше многихъ,

которые въ обыденной жизни считаются наичестнѣйшими и наиполезнѣйшими гражданами». О, да, конечно, какая у насъ политика! У насъ Полетика (Василій Аполлонычъ), какъ сострилъ однажды, кажется, г. Суворинъ (Алексѣй Сергѣичъ). Жмите-же, крѣпче жмите руку, написавшую знаменитый стихъ: «палки ты не жалѣй суковатыя»; жмите руку г. Каткова (онъ вѣдь Михаилъ Никифоровичъ), г. Болеслава Маркевича (и у него вѣрно отецъ былъ); жмите, не разбираючи лица, всякую руку, держащую перо, хотя бы перо это не выводило на бумагѣ ничего, кромѣ гнусностей и мракобѣсія. А мало вамъ живыхъ сочинителей, обратитесь къ Бредифу или иному медіуму—онъ вамъ вызоветъ тѣни Булгарина и Бѣлинскаго, и ничто не помѣшаетъ вамъ одинаково крѣпко жать имъ руки. Хвастайте себѣ на здоровье всякимъ «еще бы!» Алексѣя Сергѣича. Онъ *все таки* въ милліонъ разъ выше наичестнѣйшихъ и наиполезнѣйшихъ гражданъ, а потому что сочинитель. Какая у насъ политика! У насъ Полетика!

Пара сапогъ «Недѣли», ея сентиментальный старичекъ и ея наивный самодоволецъ, проникнуты чрезвычайнымъ уваженіемъ къ литераторамъ. Значитъ ли это, что они уважаютъ литературу, признавая за ней какую нибудь общественную силу? Конечно, нѣтъ; они говорятъ: какая у насъ политика! «къ чорту политику!» Они—просто запоздалые хвастуны. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ даже какъ будто и самъ понимаетъ это: уваженіе, говоритъ, къ писателямъ, такъ во мнѣ сильно, что заявляетъ себя даже тамъ, «гдѣ ему совсѣмъ бы не мѣсто»; отъ иного, говоритъ, надо бы «отворачиваться». Не не могу, говоритъ, не заявить во всеуслышаніе—потому—лестно, что пилъ чай съ Иваномъ Сергѣевичемъ, гулялъ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, обѣдалъ съ Петромъ Дмитріевичемъ, жалъ руку Алексѣя Сергѣевича и выслушалъ милостивое «э!» отъ Василія Аполлоновича. Наивный самодоволецъ хвастаетъ тѣмъ, что̀, къ счастію, давно уже перестало быть предметомъ уваженія общества: абстрактнымъ, оторваннымъ отъ жизни и «политики» литераторствомъ. Въ старые годы, когда сочинители и не помышляли объ томъ, чтобы производить какое нибудь опредѣленное давленіе на своихъ читателей, когда они просто сочиняли, такъ же просто, «какъ соловей поетъ и роза благоухаетъ», въ тѣ годы сочинитель былъ человѣкъ не отъ міра сего. Толпа готова была видѣть вокругъ головы этого чуждаго ей, далекаго, неопредѣленнаго, туманнаго образа какое-то сіяніе. Знакомство съ нимъ, возможность приблизиться къ нему считалось особенною, хотя и довольно двусмысленною честью. Нынѣ люди не расположены смотрѣть такъ на сочинителя, ибо видятъ въ немъ дѣятеля и, значитъ, сортируютъ сочинителей по ихъ дѣятельности. Поэтому хвастать абстрактнымъ литераторствомъ значитъ быть хвастуномъ запоздалымъ. А такое запоздалое хвастовство ведетъ за собой свои обычныя послѣдствія. Не понимая своей запоздалости,

очевидной для всѣхъ, хвастунъ не понимаетъ ровно ничего и мелетъ разный вздоръ, не умѣя справиться нетолько съ политикой, а даже съ логикой и даже съ граматикой.

Сентиментальный старичекъ и наивный самодоволецъ, такъ строго соблюдающіе культъ «литературнаго человѣка», не могли, разумѣется, оставить безъ вниманія мои скромныя разсужденія о вымираніи этого типа. Они, приватъ-звонари храма Аполлона и музъ, такъ твердо знающіе имена и отчества настоящихъ священнослужителей, не обмолвились, однако, ни однимъ словомъ о настоящемъ предметѣ моихъ разсужденій. Они, блаженные бѣдные люди (блаженны нищіе духомъ), съ замѣчательнымъ единодушіемъ ухватились за мои нѣсколько словъ о литературныхъ обѣдахъ, хотя это учрежденіе было помянуто мною только въ качествѣ иллюстраціи. Уже одно это обстоятельство характеризуетъ умонастроеніе фёльетонистовъ «Недѣли». Сентиментальный старичекъ даже расплакался («плачетъ старый камень, въ прудъ роняя слезы», по незабвенному выраженію г. Фета): гордости, говоритъ, въ васъ много, сердца нѣтъ, а съ логикой далеко не уѣдешь — вотъ вы и не понимаете, какъ пріятно пообѣдать вмѣстѣ съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ и княземъ Владиміромъ Петровичемъ! Философъ, говоритъ, вы и больше ничего. Наивный самодоволецъ, тотъ не расплакался. Напротивъ, онъ молодцовато разсказалъ, какъ онъ записывался въ думѣ въ «ополченскіе офицеры», пожелалъ видѣть меня въ ополченскомъ мундирѣ (покорнѣйше благодарю) и ужь какъ-то съ этой стороны приплелъ литературные обѣды. Однако, тоже не похвалилъ: искренности, говоритъ, мало, смиреніе фальшивое на себя напускаете; философъ, говоритъ, вы и больше ничего.

Милые люди, право, съ вами ужасно трудно разговаривать. Но вотъ крупица чего-то, за что можно, по крайней мѣрѣ, ухватиться. Сентиментальный старичокъ, удержавъ на минуту слезы, весьма ехидно спрашиваетъ: отчего вы на литературныхъ обѣдахъ не бываете, а въ комитетѣ литературнаго фонда засѣдаете? Это непослѣдовательно. Въ самомъ дѣлѣ, почему я, получая постоянно приглашенія на литературные обѣды, ни разу на нихъ не былъ, а, будучи выбранъ въ члены комитета литературнаго фонда, не уклонился? Я съ большимъ удовольствіемъ объясню это сентиментальному старичку, потому что это можетъ повести къ правильной постановкѣ общаго вопроса. Говоря о литературныхъ обѣдахъ, я замѣтилъ, что есть, конечно, такого рода вопросы, которые могли бы составить любопытный предметъ собесѣдованія всѣхъ писателей, безъ различія цвѣта и направленія. Это вопросы объ общемъ положеніи литературы, политическомъ и экономическомъ, но они исключены изъ программы обѣденныхъ дебатовъ. Остается, слѣдовательно, только «сближеніе», а сближеніе Алексѣя Сергѣевича съ Сергѣемъ Алексѣевичемъ я считаю невозможнымъ и ненужнымъ. Литературный фондъ поставленъ совсѣмъ иначе. Тамъ ни о какомъ сближеніи

людей, не подлежащихъ сближенію, нѣтъ и рѣчи, тамъ просто помогаютъ «нуждающимся литераторамъ и ученымъ». И это — хотя не большое, не важное, но все-таки дѣло. Вотъ вамъ и все разъясненіе, мой сентиментальный старичекъ; оно очень просто.

Однако, я долженъ повиниться. На одномъ изъ литературныхъ обѣдовъ обсуждался вопросъ, для разрѣшенія котораго не требуется единства политическаго образа мыслей конвивовъ. Одинъ мой пріятель говоритъ, что судьба литературныхъ обѣдовъ напоминаетъ ему слѣдующій анекдотъ. Нѣкто купилъ по случаю (очень уже дешево продавалась) двуспальную кровать, а, купивъ ее, серьёзно уже сталъ пріискивать невѣсту. Такъ и господа обѣдающіе. Собравшись безъ всякой опредѣленной цѣли, они уже потомъ стали пріискивать цѣль. И пріискали, между прочимъ, вопросъ о нашихъ литературныхъ нравахъ и полемическихъ пріемахъ. На что̀, кажется, лучше! Что̀ тутъ было говорено, я хорошенько не знаю, да оно и не важно. Любопытно бы только знать, ка̀къ отразились на дѣлѣ разсужденія (вѣроятно, прекрасныя) о необходимости приличія въ полемикѣ. Я не говорю: post hoc, ergo propter hoc; но, во всякомъ случаѣ, обѣденныя разсужденія о приличіяхъ, по малой мѣрѣ, не помѣшали выработаться полемическому пріему, кажется, новому въ нашей литературѣ, но совершенно неприличному. За образцами недалеко ходить. Они есть и въ «Недѣлѣ», въ фельетонахъ паладина обѣдовъ, наивнаго самодовольца. Этотъ человѣкъ говоритъ, что, по моему «увѣренію», г. Суворинъ «былъ когда-то простымъ уѣзднымъ учителемъ» (№ 13, 1878). Понадобилось это г. фельетонисту для того, чтобы всадить мнѣ нѣкоторую шпильку, которая, однако, не могла бы причинить серьёзнаго укола даже въ томъ случаѣ, еслибы была вполнѣ справедлива. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что наивный самодоволецъ солгалъ. Былъ ли г. Суворинъ, «простымъ» уѣзднымъ учителемъ или нѣтъ—это мнѣ совершенно неизвѣстно; да еслибы и было извѣстно, то было бы совершенно безразлично. Г. Суворинъ могъ быть уѣзднымъ учителемъ и затѣмъ, работая надъ самимъ собой, достигнуть учености Гумбольда; паладинъ обѣдовъ могъ послѣдовательно кончить курсъ въ десяти университетахъ и пятнадцати академіяхъ и тѣмъ не менѣе дойти до настоящаго состоянія его умственныхъ способностей. Я сказалъ только, что г. Суворинъ напрасно читаетъ нотаціи технологическимъ студентамъ насчетъ пользы ученія, такъ какъ самъ онъ, будучи человѣкомъ весьма мало образованнымъ, ничто же сумняся, стоитъ во главѣ большой газеты. Господа обѣдающіе, вѣроятно вознегодуютъ за употребленное мною слово «солгалъ» и ничего не будутъ имѣть противъ самодовольца за самую ложь. Сказать «солгалъ», изволите ли видѣть, неприлично, а солгать—ничего, можно. Въ этой-то лжи и состоитъ новый полемическій пріемъ, быстро прививающійся къ нашей литературной почвѣ и въ короткое время сдѣлавшій невѣроятные успѣхи. Онъ разсчитанъ на то

что нельзя же всякій разъ справляться; повѣрятъ и на слово, особенно когда ложь произносится съ достаточнымъ апломбомъ, а апломбъ — это по-русски почти тоже, что̀ мѣдный лобъ, отъ котораго всякая пуля отскочитъ.

Въ № 57 «Петербургскаго Листка» читатель можетъ найти очень любопытное письмо нѣкоего г. Трозинера, изъ котораго видно слѣдующее. Въ одномъ изъ воскресныхъ фёльетоновъ «Новаго Времени» г. Суворинъ описывалъ общее собраніе общества взаимнаго кредита. Рѣчь на этомъ собраніи шла о расхищеніи изъ кассы общества немалаго количества денегъ—милліонами считаютъ. Г. Суворинъ имѣетъ, по предположенію г. Трозинера, отнюдь не идеальный интересъ замять эту исторію. И вотъ онъ набрасывается на г. Трозинера, находящагося въ совершенно иномъ положеніи. Онъ разсказываетъ эпизодъ изъ прошлой жизни г. Трозинера, а именно: ка̀къ онъ однажды, будучи защитникомъ г-жи Гандонъ, обвинявшейся въ появленіи на сценѣ «почти безъ костюма», принесъ въ судъ, въ доказательство невинности своей кліентки, ея триковые панталоны. Ну, тутъ идутъ, разумѣется, разныя шуточки и прибауточки: «въ настоящемъ случаѣ г. Трозинеръ, вмѣсто триковыхъ панталонъ, держалъ въ рукахъ отчеты взаимнаго кредита», и т. д. Человѣкъ осмѣянъ, въ памяти читателя вызывается непривлекательный эпизодъ изъ прошлаго этого человѣка; цѣль достигнута: одинъ изъ противниковъ забросанъ грязью. Извольте рыться въ старыхъ газетахъ, справляться, такъ ли было дѣло, ка̀къ разсказываетъ г. Суворинъ, приносилъ ли г. Трозинеръ въ судъ панталоны г-жи Гандонъ; да еслибы кому нибудь и пришло въ голову наводить справки, такъ дѣло уже сдѣлано, извѣстное впечатлѣніе произведено. Но вотъ оказывается, что г. Суворинъ солгалъ: г. Трозинеръ заявляетъ въ своемъ письмѣ, что никогда онъ г-жи Гандонъ не защищалъ, а, слѣдовательно, и панталонъ ея не предъявлялъ, а защищалъ ее г. Крюковскій. Я, признаюсь, питалъ надежду, что г. Суворинъ извинится передъ оболганнымъ имъ человѣкомъ или, по крайней мѣрѣ, подтвердитъ, что дѣйствительно, дескать, ошибся. Ни чуть не бывало. Новый полемическій пріемъ восторжествовалъ до конца.

Или еще г. ла-Серда. Будучи мною фактически уличенъ во лжи, онъ напечаталъ въ № 4 «Слова» новую отповѣдь. Это такое море наглости, лжи, изворотовъ, отпирательствъ отъ собственныхъ словъ, которое, очевидно, разсчитано на то, что у порядочнаго человѣка опустятся, наконецъ, руки. Г. ла-Серда какъ бы говоритъ: ну, да, я солгалъ, и вотъ опять лгу, и еще буду лгать, что̀ съ меня возьмешь?! Конечно, что̀ съ васъ возьмешь! идите своей дорогой. Притомъ же, нужные въ настоящемъ случаѣ документы (книги и статьи) такъ немногочисленны, что всякій граматный человѣкъ легко и самъ доберется до истины. Я только одну частность подчеркну, потому что тутъ документы не у всѣхъ могутъ быть подъ руками. Предполагая, что «ла-Сер-

да» есть псевдонимъ, и зная, что по-испански la cerda значитъ «свинья», я подивился шутовству человѣка, избирающаго такой псевдонимъ. Г. ла-Серда утверждаетъ, что «любой» испанскій лексиконъ опровергнетъ мой переводъ. Я справлялся съ лексиконами и могу только еще разъ подтвердить, что по-испански el cerdo значитъ кабанъ, а la cerda—свинья. Если ла-Серда не псевдонимъ, такъ чего же тутъ стыдиться, отчего отпираться? Надо только стараться, чтобы родовая кличка не по личной шерсти пришлась.

Кстати о г. ла-Сердѣ. Редакція «Слова», въ своемъ объясненіи, напечатанномъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», говоритъ между прочимъ: «Такъ какъ г. де-ла-Серда нетолько намъ, но и всей русской литературѣ извѣстенъ съ такой стороны, что статьи его съ фактической стороны не подвергаются провѣркѣ, то мы напечатали его рецензію, не справляясь съ книгой г. Лесевича». Почтенная редакція хотѣла, вѣроятно, сказать, что г. ла-Серда *былъ* извѣстенъ съ такой стороны, потому что теперь-то ужь онъ, конечно, совсѣмъ съ другой стороны извѣстенъ. Но и за всѣмъ тѣмъ, я былъ заинтересованъ: когда и кому г. ла-Серда былъ извѣстенъ вообще и со стороны его добросовѣстности и познаній въ особенности? Я обратился съ этимъ вопросомъ къ одному записному библіографу, имѣющему охоту и способность помнить всѣхъ, даже мельчайшихъ мошекъ и букашекъ русской литературы. Онъ такое мнѣ сказалъ, что я не повѣрилъ и потребовалъ доказательствъ, Тогда онъ принесъ мнѣ «С.-Петербургскія Вѣдомости» за 1873 г., гдѣ я нашелъ нѣсколько корреспонденцій изъ Рима, подписанныхъ «Е. де-ла-Серда». Въ № отъ 10 декабря, этотъ добросовѣстный и многознающій корреспондентъ, извѣстный «всей русской литературѣ» съ такой стороны и проч., пишетъ о пріемѣ, который встрѣтили въ Италіи агитаторы идеи «международнаго посредничества». По мнѣнію самого г. ла-Серды, они полны «вѣры въ осуществимость знаменитой утопіи Бернардена-де-С.-Пьера». Г. ла-Серда смѣшалъ автора проэкта вѣчнаго мира, аббата С.-Пьера, съ авторомъ «Павла и Виргиніи», Бернарденомъ де-С. Пьеромъ... Ну, что же, это пустяки, конечно.

Такъ идите же, я говорю, г. ла-Серда, своей дорогой; а своимъ собратамъ по ремеслу я повторю прежній совѣтъ: когда г. ла-Серда принесетъ вамъ статью, ищите прежде всего—гдѣ въ ней «ошибка». Ищите и вы, гг. редакторы «Слова», потому что «ошибки» могутъ, наконецъ, и на васъ отозваться...

Итакъ, вотъ какіе полемическіе пріемы выработались у насъ со времени обѣденныхъ разсужденій о приличіи въ полемикѣ: возьметъ человѣкъ, да и налжетъ на своего противника все, что ему вздумается, а потомъ вѣдь и промолчать можно, въ случаѣ ежели уличатъ, или отпереться: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Этому пріему можно предсказать блестящую будущность. Можно будетъ такъ писать: г. Суворинъ, судившійся за поджогъ

мельницы, застрахованной въ сумму выше ея дѣйствительной стоимости, и т. д. Или: г. Гайдебуровъ утверждаетъ въ № такомъ-то «Недѣли», будто земля на трехъ китахъ стоитъ и проч. Или: г. ла-Серда, всему міру извѣстный своимъ умомъ, знаніями и благородствомъ, и проч. Очень весело и, главное, прилично можетъ пойти дѣло. И когда всѣ другъ на друга достаточно налгутъ, не представится уже ровно никакихъ затрудненій для совмѣстныхъ обѣдовъ въ «Маломъ Ярославцѣ».

Вернемся къ «Недѣлѣ». Есть въ ней разныя статьи: порядочныя и пустыя, но все это ужасно блѣдно и не характерно. Девизъ «Недѣли»: малымъ довольна. До какой степени она дѣйствительно малымъ довольна, это лучше всего видно изъ фѣльетона «Литературно-житейскія замѣтки» въ № 5 за нынѣшній годъ. Тамъ говорится о выстрѣлѣ г-жи Засуличъ. Это такой адамантъ, который я смѣло могу рекомендовать вниманію каждаго любителя драгоцѣнностей. Впрочемъ, и въ восклицаніи: къ чорту политику! тоже не дурно отражается девизъ почтенной газеты.

Къ чорту политику и да здравствуютъ обѣды! Своеобразное пониманіе «Недѣлею» задачъ и достоинства литературы сводится къ охраненію литературы отъ политики. Но у нея есть еще другая, не менѣе великая миссія — охраненіе чувства отъ разума. Почтенная газета исповѣдуетъ, что, какъ говорится гдѣ то у Щедрина, была бы вѣра, а разумъ и на запяткахъ постоитъ! Сентиментальный старичокъ, все еще волнуясь изъ-за литературныхъ обѣдовъ, читаетъ мнѣ такую нотацію: «Измышленія ваши чисто книжныя, насиженныя и выдуманныя въ четырехъ стѣнахъ, придуманныя не сердцемъ, а выкрученныя изъ головы. Если стать на точку зрѣнія автора, то въ логичности его измышленія, пожалуй, и не найдется перерывовъ. Но вѣдь логика—вещь условная... Хотя я и никогда не сомнѣвался въ вашихъ, философствующій собратъ, книжныхъ знаніяхъ, но... ничто не создается головой». Старичокъ безъ боя уступаетъ умъ, логику и знаніе и даже вообще голову выдаетъ головой, памятуя, что и въ положеніи акефала онъ все-таки силенъ, какъ Геркулесъ, чувствомъ, сердцемъ. Онъ не можетъ прибрать для «измышленій» болѣе оскорбительнаго эпитета, какъ «выкрученныя изъ головы». Голова для него—совсѣмъ лишній инструментъ, безполезно поглощающій часть пластическаго матеріала, вырабатывающагося изъ питательныхъ веществъ, подаваемыхъ на литературныхъ обѣдахъ. У него есть мысли, «придуманныя сердцемъ». Готовъ вѣрить, что это мысли прекраснѣйшія, много лучшія, чѣмъ тѣ, которыя, по законамъ природы, изготовляются головой, но понимать ихъ не дано обыкновенному смертному, не осмѣливающемуся попирать законы природы съ такимъ презрѣніемъ. Поэтому пусть сердечныя мысли сентиментальнаго старичка остаются въ полной неприкосновенности.

«Недѣля» давно уже затянула пѣсню о необходимости держать разумъ на запяткахъ. Но все это были легкіе кавалерій-

скіе наѣзды по разнымъ побочнымъ поводамъ. Это были случайныя пробы силы надъ разумомъ, въ родѣ того, какъ прохожій пытаетъ свою мощь на силомѣрѣ, который кстати часто устраивается въ формѣ головы. Треснетъ прохожій кулакомъ по такой головѣ и отойдетъ прочь. Но въ нынѣшнемъ году «Недѣля» пожелала заняться этимъ дѣломъ вплотную, основательно, и напечатала статью «Умъ и чувство, какъ факторы прогресса» (№№ 6 и 7).

Статья заканчивается такимъ выводомъ: «самымъ важнымъ факторомъ прогресса есть чувство». Впрочемъ, авторъ согласенъ, кажется, выразить свою мысль въ не столь грубой и болѣе точной формѣ словами Милля: «духъ усовершенствованія является результатомъ возрастающей силы соціальныхъ инстинктовъ, въ связи съ развитіемъ умственной дѣятельности». Еслибы авторъ ограничился развитіемъ и доказательствами этого положенія, то я бы рѣшительно ничего не имѣлъ сказать о статьѣ «Умъ и чувство», кромѣ развѣ того, что мысль эта развивалась уже много разъ и обставлялась много лучше. Ничего не могъ бы я сказать и въ томъ случаѣ, еслибы авторъ старался доказать, что одно образованіе и даже вообще одна умственная дѣятельность не гарантируетъ ни личнаго добропорядочнаго поведенія, ни глубины общественнаго развитія. Несомнѣнно, что умные и образованные люди могутъ быть негодяями, а люди, умственно слабые, могутъ обладать значительной нравственной силой. Но статья «Недѣли» построена такъ, что даетъ поводъ къ различнымъ недоразумѣніямъ, особенно принимая въ соображеніе одну рѣзкую черту нашего россійскаго темперамента.

Казалось бы, умъ, логика, знаніе, наконецъ, вообще «голова», это безспорно такая прекрасная вещь, которая, если и можетъ чѣму нибудь помѣшать, такъ только глупости и невѣжеству. Можно разсуждать объ томъ, умъ или чувство составляетъ наиболѣе важный факторъ прогресса, хотя это разсужденіе всегда будетъ безплодно. Можно утверждать, и совершенно основательно, что бываютъ условія, когда знаніе и логическая способность оказываются недостаточными; точно такъ же, какъ бываютъ условія, гораздо болѣе обыкновенныя, когда недостаточно чувство. Но мѣрять умъ и чувство, подгонять ихъ подъ рекрутскую мѣрку, послѣ которой кто нибудь изъ нихъ долженъ оказаться «годнымъ» для службы человѣчеству, а кто нибудь—«негоднымъ»—это просто дико. Еще болѣе дико презирать бѣдную «голову» такъ, какъ презираетъ ее сентиментальный старичекъ «Недѣли». И замѣтьте вотъ что: если это дѣйствительно человѣкъ почтеннаго возраста, то легко можетъ быть, что лѣтъ пятнадцать, двадцать тому назадъ, онъ зачитывался блестящими статьями Писарева и тусклыми статьями г. Шелгунова, въ родѣ «Убыточности незнанія» и т. п. Очень вѣроятно, что онъ и самъ пописывалъ что нибудь на тэму объ убыточности незнанія и о величіи разумнаго эгоизма. А теперь онъ согласенъ быть аке-

фаломъ, лишь бы сохранить сердце. Это для насъ характерно. Кажется, и бури никакой не было, а насъ носитъ въ утлой ладьѣ нашей жизни изъ стороны въ сторону, отъ одного борта къ другому, отъ носа къ кормѣ и обратно. То люди, кромѣ книжки, ничего знать не хотятъ, то не могутъ произнести слово «книжка» безъ, смѣю сказать, нелѣпой ироніи. «Недѣля» находится теперь уже не первый годъ въ этомъ ироническомъ настроеніи, которое отразилось и на статьѣ «Умъ и чувство, какъ факторы прогресса».

Впрочемъ, статья эта больше бросается въ глаза своимъ педантизмомъ и доктринерствомъ, особенно пикантнымъ въ устахъ паладина чувства, «сердца». Она испещрена ссылками на Спенсера, Дарвина, Милля, Маудсли, Бокля, Льюиса, Лекки, опять Спенсера, опять Дарвина, Бэна, Вундта и т. д. и не содержитъ въ себѣ указанія ни на одинъ житейскій фактъ. При этомъ цитаты набираются какъ-то совсѣмъ ни къ селу, ни къ городу. Напримѣръ, почтенному автору нужно сказать, что всякая способность развивается упражненіемъ и глохнетъ отъ неупражненія. Положеніе это до такой степени общеизвѣстно, что его можно поставить аксіомой и дѣлать прямо какіе слѣдуетъ, выводы. Но авторъ счелъ нужнымъ сдѣлать, при семъ удобномъ случаѣ, цитаты изъ Вундта, Карпентера, Спенсера, Милля и Маудсли! Слишкомъ много цвѣтовъ! Далѣе, самый способъ выбора цитатъ необыкновенно страненъ. Писатель, въ подтвержденіе своей мысли, ссылается на слова другого писателя или потому, что въ словахъ этихъ выражена какая нибудь новая цѣнная мысль, или потому, что самыя слова удачно передаютъ мысль, или потому, что ими сообщается фактъ, или, наконецъ, потому, что цитата характерна для того именно писателя, у котораго она заимствована. Всѣ эти поводы для нашего автора не существуютъ. Напримѣръ, важность упражненія для развитія способностей могла бы быть подтверждена множествомъ чрезвычайно любопытныхъ фактовъ, которые приводятся и излюбленными писателями нашего автора. Но фактовъ онъ не приводитъ, а беретъ только общія положенія. Что же касается характерности его цитатъ, то, если ему будетъ угодно, я подберу у тѣхъ же самыхъ писателей цитаты совершенно противоположнаго свойства. Если ряды цитатъ что-нибудь доказываютъ, то мой рядъ долженъ быть признанъ не менѣе доказательнымъ, чѣмъ рядъ автора статьи «Умъ и чувство, какъ факторы прогресса». Напримѣръ, онъ съ торжествомъ приводитъ слѣдующія слова Спенсера: «*Вѣра въ нравственное дѣйствіе умственнаго образованія, опровергаемая фактами, нелепа и a priori.* Какую связь можно представить себѣ между знаніемъ, что извѣстные знаки, написанные на бумагѣ, означаютъ извѣстныя слова, и пріобрѣтеніемъ болѣе высокаго пониманія долга? Какое вліяніе можетъ оказать умѣнье выражать знаками звуки на усиленіе желанія поступать справедливо? Какимъ образомъ знаніе таблицы умноженія или умѣнье

быстро дѣлать сложеніе и дѣленіе можетъ увеличивать сердечную доброту въ такой степени, чтобы удержать отъ стремленія вредить своимъ ближнимъ? Какимъ способомъ умѣнье писать, знаніе граматики и проч. можетъ сдѣлать чувство справедливости болѣе сильнымъ? Почему отъ увеличенія запаса географическихъ свѣдѣній, добытаго усидчивымъ трудомъ, можно ожидать и увеличенія уваженія къ правдѣ? Несоотвѣтствіе между такими причинами и такими слѣдствіями почти также велико, какъ между упражненіемъ пальцевъ рукъ и увеличеніемъ силы въ ногахъ. Тотъ, кто, преподавая латинскій языкъ, надѣялся бы передать знаніе геометріи, или сталъ бы ожидать, что умѣнье рисовать придастъ выразительность исполненію какой нибудь сонаты, *былъ бы, по всей вѣроятности, сочтенъ за сумасшедшаго; между тѣмъ, онъ едва ли судитъ болѣе неосновательно, чѣмъ тотъ, кто надѣется образовать болѣе высокія чувствованія путемъ развитія умственныхъ способностей... Вѣра въ книжные уроки и въ знаніе составляетъ одно изъ суевѣрій нашего времени*». Прекрасно. Но, съ позволенія «Недѣли», я тоже приведу слова Спенсера: «*Наука есть лучшее средство нетолько для умственной дисциплины, но и для нравственной*... Наука постоянно прибѣгаетъ къ индивидуальному разуму. Ея истины принимаются не на основаніи одного авторитета; всякому предоставляется свобода испытывать ихъ, а во многихъ случаяхъ, ученику приходится самому додумываться до заключеній. Каждый шагъ въ научномъ изслѣдованіи подлежитъ его обсужденію. Человѣкъ не обязанъ тутъ принимать истину, не провѣривъ ея. Нарождаемая же этимъ вѣра въ собственныя силы возрастаетъ еще вслѣдствіе единообразія, которымъ природа оправдываетъ его заключенія, если они вѣрно выведены. *Изъ всего этого вытекаетъ независимость, составляющая наиболѣе цѣнный элементъ характера.* И это вовсе не единственная нравственная выгода, получаемая путемъ научныхъ занятій. Когда изслѣдованіе дѣлается надлежащимъ образомъ (т. е., насколько это возможно, въ формѣ оригинальнаго изслѣдованія), оно упражняетъ настойчивость и искренность. Профессоръ Тиндаль говоритъ объ индуктивномъ изслѣдованіи: «оно требуетъ терпѣливаго прилежанія и смиреннаго, сознательнаго принятія откровеній природы. Первое условіе успѣха есть честная воспріимчивость и готовность оставить всѣ предвзятыя понятія, противорѣчащія истинѣ, какъ бы дороги они ни были. Повѣрьте мнѣ, въ частныхъ изслѣдованіяхъ истиннаго служителя науки нерѣдко высказывается такое благородное самоотреченіе, о которомъ свѣтъ понятія не имѣетъ» (Опыты, т. III, «Умственное, нравственное и физическое воспитаніе», стр. 60).

Вотъ. Мнѣ, обливаемому мутной водой ироніи «Недѣли» за пристрастіе къ книжкамъ, было, признаться сказать, скучно дѣлать эти выписки изъ Спенсера. Но я сдѣлалъ это для автора статьи «Умъ и чувство», который, несмотря на свое недовѣріе

къ книжкамъ, строитъ цѣлую статью изъ книжныхъ цитатъ. Заключается ли въ двухъ приведенныхъ выпискахъ одно изъ тѣхъ противорѣчій и виляній, которыми такъ богаты сочиненія Спенсера, или они могутъ быть какъ нибудь согласованы — это въ настоящемъ случаѣ безразлично. Дѣло только въ томъ, что цитатамъ «Недѣли» можно противопоставить цитаты тѣхъ же самыхъ авторовъ, на которые и она ссылается, а про тѣхъ, на кого она не ссылается, и говорить нечего. А такъ какъ въ статьѣ «Умъ и чувство» нѣтъ ничего, кромѣ цитатъ, то, значитъ, она и не подлежитъ обсужденію по существу. Я позволю себѣ только одинъ вопросъ: зачѣмъ авторъ читалъ Милля, Спенсера, Льюиса, Дарвина, Маудсли, Карпентера, Вундта, Бэна? зачѣмъ онъ написалъ свою статью; зачѣмъ вообще издается «Недѣля», если правда, что вѣра въ книжные уроки и чтеніе есть не болѣе, какъ предразсудокъ? Я ужь и не спрашиваю; какъ вяжется презрѣніе «Недѣли» къ книжкѣ съ ея холопскимъ уваженіемъ къ тѣмъ, кто пишетъ книжки—къ Алексѣю Сергѣевичу и Сергѣю Алексѣевичу? Мы, грѣшники, думающіе, что книжка, въ принципѣ—дѣло полезное (именно *дѣло*), хотя фактически иная книжка можетъ оказаться дѣломъ вреднымъ, мы можемъ, не противорѣча себѣ, съ чистою совѣстью читать, писать и цитировать. А для «Недѣли»—все это неприлично.

Есть, однако, точка зрѣнія, съ которой раздирающее бѣдную «Недѣлю» противорѣчіе исчезаетъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, на эту исторію вотъ съ какой стороны. «Недѣля», въ сущности, остается вѣрна своему правилу придерживать разумъ на запятакхъ, когда громоздитъ горы цитатъ изъ Маудсли и Бэна и Спенсера и проч., потому что, приводя доказательства исключительно книжныя, она тѣмъ самымъ предлагаетъ на слово вѣрить цитируемымъ авторамъ. Она и сама *вѣритъ*, и другимъ предлагаетъ *вѣрить*, что, если Спенсеръ или Дарвинъ сказали что нибудь, такъ ужь собственному разуму читателя надо по добру, по здорову убираться куда нибудь подальше. Умственныя способности читателей не особенно разовьются отъ такого упражненія, но чувство довѣрія къ книжкѣ разовьется, напротивъ, настолько сильно, насколько могутъ этому способствовать силы «Недѣли». А результаты слѣпого довѣрія очень непрочны. Сегодня такой слѣпой человѣкъ находится въ однѣхъ рукахъ, завтра онъ можетъ перейти въ другія и также слѣпо окраситься въ совсѣмъ иной цвѣтъ. Долженъ, впрочемъ, оговориться: двѣ изъ цитатъ автора «Ума и чувства» (одна изъ Бокля, другая изъ Милля) сопровождаются нѣкоторыми критическими замѣчаніями. И за то спасибо.

Какіе же практическіе выводы слѣдуютъ изъ положенія, что чувство есть важнѣйшій факторъ прогресса? А вотъ какіе. Напримѣръ, существующія націи «различаются между собой неодинаковою степенью любви къ независимости: однѣ терпѣливо переносятъ стѣсненіе, другія совсѣмъ не переносятъ его»

(цитата!); поэтому человѣкъ, который бы видѣлъ вредъ, происходящій изъ недостатка чувства независимости въ національномъ характерѣ, обязанъ направить свою дѣятельность такъ, чтобы побуждать своихъ согражданъ къ поступкамъ, внушаемымъ имъ чувствомъ независимости, потому что это единственный способъ развить это чувство, т. е. единственный способъ избавиться отъ вреда, происходящаго отъ недостатка чувства независимости. *Не распространеніе идей о независимости, а только поступки*, внушаемые чувствомъ независимости, развиваютъ и усиливаютъ это чувство». Еслибы авторъ говорилъ отъ лица своего «сердца», тогда разговоръ съ нимъ былъ бы дѣломъ довольно мудренымъ, но мы имѣемъ разсужденіе, логическій выводъ или нѣчто, выдаваемое за логическій выводъ. Значитъ, и требованія ему надлежитъ предъявить соотвѣтственныя. Надо замѣтить, что передъ тѣмъ авторъ, по обычаю, раздѣлялъ чувства на эгоистическія и альтруистическія и, по обычаю же, рекомендовалъ культивировать послѣднія и подавлять первыя. Но чувство независимости есть чувство эгоистическое (это и по Спенсеру такъ выходитъ). Почему же отъ недостатка его можетъ получиться вредъ? Другому я бы не задалъ такого вопроса; но авторъ «Недѣли» напичканъ Миллемъ, Бэномъ и проч.; онъ опредѣляетъ относительное значеніе чувства и ума, классифицируетъ чувства, подтверждаетъ каждое слово свое кучей цитатъ, онъ является во всеоружіи доктрины. Ему можетъ быть заданъ подобный вопросъ. Далѣе, признавъ чувство независимости благомъ (я не сомнѣваюсь что оно—благо), надо еще знать, исчерпаны ли авторомъ аргументы за и противъ рекомендуемаго имъ способа распространенія этого блага. Конечно, нѣтъ. Чтобы недалеко ходить, напомню сдѣланную мною выше выписку изъ излюбленннаго авторомъ Спенсера. Тамъ, какъ мы видѣли, доказывается, что чувство независимости воспитывается даже не «распространеніемъ идей», а просто привычкой критически мыслить. И въ этихъ доказательствахъ есть значительная доля справедливости. Несомнѣнно, что критическая работа мысли освобождаетъ отъ слѣпого довѣрія къ авторитетамъ, а, слѣдовательно, вырабатываетъ чувство независимости. Наконецъ, общественная жизнь представляетъ такую сложную сѣть, что примѣръ, взятый нашимъ авторомъ, рѣшительно немыслимъ, какъ конкретный случай. Немыслимо такое состояніе общества, въ которомъ вредъ отъ отсутствія или малаго развитія чувства независимости не осложнялся бы другими условіями. Представимъ себѣ, что дѣло идетъ о болгарахъ подъ турецкимъ владычествомъ до нынѣшней войны. Можетъ быть, картина выйдетъ не вполнѣ соотвѣтствующею дѣйствительному положенію вещей въ Болгаріи, но мы говоримъ только примѣрно. Чувство независимости въ болгарахъ очень слабо, такъ что имъ и въ голову не приходитъ мысль о полной возможности сбросить турецкій гнетъ, благодаря огромному ихъ численному перевѣсу надъ турецкими угнетателями. И вотъ

является какой-нибудь болгарскій патріотъ или горсть патріотовъ, убѣжденная, что только поступками, внушенными чувствомъ независимости, можетъ быть устраненъ соотвѣтственный вредъ. Горсть патріотовъ можетъ сама совершать подобные поступки и не добиться ровно ничего, если, дѣйствительно, въ массѣ болгарской націи чувство независимости слабо. Сама нація должна совершать поступки, чтобы развить и усилить въ себѣ чувство независимости. А спрашивается: какъ же этого добиться, какъ не распространеніемъ идей, не разъясненіемъ болгарской націи всего ужаса и позора ея положенія подъ магометанскимъ владычествомъ? И развѣ такое распространеніе идей не есть «поступокъ»? Турки, вѣроятно, не задумались бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Но тутъ встрѣтились бы еще и другія обстоятельства. Болгаре нетолько непосредственно слабы чувствомъ независимости, они невѣжественны и потому естественно находятся подъ гнетомъ авторитета и съ покорностью судьбѣ несутъ свое ярмо. Они изолированы другъ отъ друга, сидятъ каждый подъ тощей смоковницей своей и не имѣютъ даже поползновенія сойтись съ сосѣдомъ, который тоже сидитъ подъ смоковницей и подъ такой же тощей. Для того, чтобы они признали силу свою, они должны объединиться, а объединеніе можетъ быть совершено только подборомъ единомышленниковъ, т. е. опять-таки только распространеніемъ идей. Наконецъ, вѣка рабства и насилія привили болгарской націи не мало положительныхъ пакостей, кромѣ отсутствія чувства независимости, и всѣ эти пакости требуютъ своихъ особенныхъ противоядій. Въ концѣ концовъ, еслибы даже «поступки», и только они, могли устранить вредъ, причиняемый болгарской націи отсутствіемъ чувства независимости (а это не вѣрно), то не бывало на памяти исторіи такого случая, чтобы вредныя стороны положенія общества исчерпывались однимъ этимъ вредомъ.

Странное дѣло: приходится защищать «распространеніе идей» отъ писателя, отъ человѣка, на котораго распространились идеи многихъ европейскихъ ученыхъ и который самъ распространяетъ идеи! Читатель можетъ сказать, что статья «Умъ и чувство, какъ факторы прогресса» совсѣмъ не требовала столь длиннаго объ ней разговора. Это отчасти—правда, но только отчасти. Не въ самой статьѣ тутъ дѣло, а въ читателяхъ, въ тѣхъ особенностяхъ нашего темперамента, о которыхъ рѣчь шла выше. Если авторъ перегибаетъ лукъ въ извѣстную сторону, то читатели, при извѣстныхъ условіяхъ, перегибаютъ его еще сильнѣе. Хорошій поступокъ прекрасенъ и желателенъ, хорошее чувство тоже прекрасно и желательно, но предавать изъ-за этого всесожженію мысль, знаніе, логику, «голову», «книжку»—отнюдь не приходится. Это совсѣмъ не такіе предметы, которые не могутъ ужиться рядомъ. Тяжба между умомъ и чувствомъ безобразна и не имѣетъ рѣшительно никакого raison d'être. Оставимъ это нелѣпое дѣло слезливымъ старичкамъ, изнывающимъ по женихѣ

дѣвицамъ, да еще тѣмъ рыцарямъ чувства, которые имѣютъ дѣйствительные резоны бояться свѣта знанія и искры ума.

Какіе непривлекательные поступки можно совершать при содержаніи разума на запяткахъ, это очень наглядно показываетъ статья «Либералъ о сѣромъ мужикѣ», напечатанная въ № 9 «Недѣли». Рѣчь въ ней идетъ объ очеркахъ г. Иванова. Объ этомъ же предметѣ трактовалъ и наивный самодоволецъ, но тотъ такое занесъ, что пословица: «въ огородѣ лебеда, а въ Кіевѣ дядька»—сама премудрость въ сравненіи съ его разсужденіями. Что же касается автора статьи «Либералъ о сѣромъ мужикѣ», то вотъ одинъ изъ упрековъ, дѣлаемыхъ имъ г. Иванову: «Г. Ивановъ узналъ, чего ждетъ и проситъ мужицкая душа: денегъ, денегъ, денегъ... Что же пожелаетъ онъ нашему народу? Если онъ будетъ логиченъ, то пожелаетъ «просвѣщенныхъ администраторовъ», которые бы своими мѣрами, во-первыхъ, не дали возможности мужику выучиться «обобщать», иначе изъ этого мужика сдѣлается порядочная свинья, какъ ясно доказалъ г. Ивановъ; а во-вторыхъ — твердыми и неуклонными мѣрами поставили бы этого мужика въ невозможность нарушать права окружающихъ сѣрыхъ мужиковъ—на случай, еслибы онъ и выучился обобщать, несмотря на препятствія, созданныя просвѣщенными администраторами».—Кто подумаетъ, что авторъ и въ самомъ дѣлѣ только договариваетъ недоговоренное самимъ г. Ивановымъ. Зачѣмъ, однако, автору понадобилось рѣшать за г. Иванова, чего онъ долженъ пожелать народу, когда тотъ самъ очень ясно формулировалъ свои пожеланія? Въ томъ самомъ очеркѣ, по поводу котораго авторъ находитъ нужнымъ и возможнымъ сравнивать г. Иванова даже со становымъ приставомъ, говорится: «Придетъ ли когда-нибудь въ русскую глухую деревню такой человѣкъ, который рѣшился бы отдать ей свои знанія, стать, несмотря на эти знанія, въ общія условія бѣдности крестьянской жизни, рѣшился бы не «благодѣтельствовать», а существовать на тѣ, только на тѣ средства, которыя безъ принужденій волостного начальства, а по силѣ помочи, дадутъ ему «за его трудъ» сами крестьяне, и только тѣ крестьяне, которыхъ онъ помогъ, пособилъ, научилъ? Когда-нибудь такой человѣкъ непремѣнно придетъ въ деревню, теперь же его покуда что-то не видно. Мѣсто его занимаетъ человѣкъ служащій, чужой, нанятой, какой случится, какой попался». Кажется, ясно? Вы можете считать пожеланія г. Иванова утопическими или исполнимыми, цѣлесообразными или нецѣлесообразными, достаточными или недостаточными, но приплести сюда «просвѣщенныхъ администраторовъ» не представляется, казалось бы, никакой возможности. Однако, «Недѣля приплела. Одно издъ двухъ. Или это прямая, совершенно дрянная недобросовѣстность, которая должна быть просто зачислена въ списокъ полемическихъ подвиговъ самоновѣйшаго чекана, или это плодъ недоразумѣнія. Только объ этомъ послѣднемъ случаѣ и стоитъ говорить. Держа разумъ на запяткахъ и сохраняя

лишь вѣру, авторъ счелъ нужнымъ заступиться за народъ, слишкомъ, дескать, черными красками изображаемый г. Ивановымъ. Я имѣлъ уже случай говорить о значеніи подобнаго заступничества, т. е. когда человѣкъ заступается зря, не понявъ точки зрѣнія того, чьи якобы нападки онъ отражаетъ. Не говоря уже о томъ, что всѣ наблюденія г. Иванова относятся къ одной опредѣленной мѣстности, что̀ онъ и самъ оговариваетъ, г. Ивановъ указываетъ и причины подмѣченныхъ имъ непривлекательностей мужика. Причины эти лежатъ не въ самомъ мужикѣ, а въ его обстановкѣ, въ тяжеломъ его положеніи. Еслибы мужикъ былъ истуканъ, не имѣющій никакого нравственнаго содержанія, то, конечно, никакая обстановка не могла бы его изуродовать, потому что и уродовать-то было бы нечего. Но, такъ какъ мужикъ—не истуканъ, не бревно, то его положеніе не могло не помять и не искалѣчить его нравственнаго облика. Утверждая, что народъ безусловно хорошъ, всегда и при всякихъ обстоятельствахъ хорошъ, «Недѣля» и не подозрѣваетъ, до какой степени она этотъ самый народъ оскорбляетъ, какую деревянность и нечувствительность ему усвоиваетъ. Не подозрѣваетъ она также какую, говоря словами Зола̀, «пощечину человѣчеству» даетъ она, отрицая возможность нравственной порчи мужика, а, слѣдовательно, и пагубность условій, въ которыхъ ему жить приходится. Держа разумъ на запяткахъ, она не можетъ, конечно, благополучно выбраться изъ бездны противорѣчій, въ которыя попадаетъ, и, сильная (сильна ли?) только чувствомъ, разрѣшается клеветой на человѣка, добросовѣстно и съ щемящей болью въ сердцѣ передающаго свои наблюденія. «Надѣля», очевидно, не Чацкій и горе ея—не горе отъ ума.

Мой отчетъ о «Недѣлѣ» былъ бы не полонъ, еслибы я не упомянулъ о приложеніяхъ, которыя она съ нынѣшняго года ежемѣсячно выдаетъ своимъ подписчикамъ. Приложенія эти состоятъ изъ маленькихъ книжекъ, содержащихъ оригинальные и переводные повѣсти и разсказы. Приложенія, повидимому, сильно поправили дѣла «Недѣли». Это видно по тому радостному, лоснящемуся, такъ сказать, тону, съ которымъ расшаркивается передъ новыми подписчиками фельетонистъ «Недѣли» — не сентиментальный старичокъ, конечно, (тутъ плакаться не о чемъ)— а молодцоватый, вседовольный, всезнакомый, наивный самодоволецъ. Впрочемъ, это его хвастовство, хвастовство подписчиками и сочувственными письмами, несмотря на свой высокій комизмъ, по крайней мѣрѣ, вполнѣ натурально.

Что̀ касается содержанія ежемѣсячныхъ приложеній къ «Недѣлѣ», то я откладываю его разборъ до слѣдующаго раза, когда буду вообще трактовать о современной шаблонной беллетристикѣ. Одно только замѣчаніе позволю себѣ сдѣлать сегодня.

Беллетристика Москвы и петербургскаго отдѣленія Москвы, то-есть произведенія гг. Клюшниковыхъ, Лѣсковыхъ, Авсѣенокъ, Маркевичей и проч., вся построена на одинъ ладъ. Дѣвица,

прелестная, какъ ангелъ, кроткая, какъ голубь, и мудрая, какъ змій, попадаетъ въ кружокъ петербургскихъ литераторовъ или петербургскихъ нигилистовъ, отличающихся разными недоброкачественностями и преимущественно пьянствомъ, сладострастіемъ и вольнымъ обращеніемъ съ женщинами. Первоначально дѣвица увлекается, иногда при этомъ падаетъ, иногда же нетолько, съ божіей помощью, невинность соблюдаетъ, но и капиталъ пріобрѣтаетъ. Однако, во всякомъ случаѣ, она томится. Не для нигилистовъ она рождена. Ея эфирная душа просится въ иныя, высшія сферы, ея лазурныя очи ищутъ иныхъ, болѣе изящныхъ картинъ и образовъ. Притомъ же, она, обыкновенно, въ глубинѣ души одеколонъ и духи любитъ. Въ концѣ концовъ, она, такъ или иначе, отрясаетъ прахъ отъ ногъ своихъ. Шаблонъ этотъ, помимо его нравственной цѣнности, уже тѣмъ дуренъ, что страшно надоѣлъ. Кромѣ того, авторы не подозрѣваютъ, до какой степени пошла та кукла-героиня, которую они, какъ дѣти, рядятъ въ полинялые лоскутки всѣхъ цвѣтовъ. Къ сожалѣнію, шаблонъ этотъ начинаетъ перебираться изъ Москвы и петербургскаго отдѣленія ея въ Петербургъ. Таковъ именно мало ароматическій букетъ повѣсти г. Полонскаго «Нечаянно», напечатанной въ приложеніяхъ «Недѣли», и повѣсти г-жи Стацевичъ «Идеалистка», печатающейся въ «Словѣ». Это печально.

А, впрочемъ, кругомъ столько печалей и радостей поважнѣе, что объ этихъ дрязгахъ писать такъ не хочется, такъ не хочется, что я кончаю...

Н. М.

В. А. СЛѢПЦОВЪ.

НЕКРОЛОГЪ.

23-го прошлаго марта, въ 9 часовъ вечера, въ городѣ Сердобскѣ (Саратовской Губерніи), скончался извѣстный литераторъ Василій Алексѣевичъ Слѣпцовъ. Болѣзнь, сломившая его, имѣла приблизительно тѣ же внѣшніе признаки, какъ и та, которая свела въ могилу Некрасова; съ точностью, однако-жь, она опредѣлена не была. Первые симптомы недуга показались еще пять лѣтъ тому назадъ, но Слѣпцовъ имѣлъ такія ничтожныя матеріальныя средства (или, лучше сказать, совсѣмъ ничего не имѣлъ), что серьёзное и правильное леченіе представлялось для него недоступною роскошью. Не разъ приходилось ему обращаться за помощью къ обществу литературнаго фонда, но скудныя средства послѣдняго—что̀, впрочемъ, и самъ Слѣпцовъ хорошо понималъ — не давали возможности оказать пособіе существенное. Больной перемогался, кое-какъ тянулъ надломленное существованіе, но въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ недугъ усилился настолько, что надежда на возстановленіе силъ сдѣлалась уже крайне сомнительною. Наконецъ, развилась сильнѣйшая чахотка и образовался нарывъ на легкихъ—больного не стало. Ему былъ 41 годъ.

Слѣпцовъ началъ свою литературную дѣятельность очень рано—въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда ему было не больше двадцати лѣтъ, разсказами изъ народной жизни, изъ которыхъ въ особенности замѣчена была его «Питомка», напечатанная въ «Современникѣ» 1863 года. Впослѣдствіи, онъ пробовалъ свои силы и на болѣе обширномъ поприщѣ романа, написалъ довольно большую вещь: «Трудное Время», и, наконецъ, началъ новый романъ: «Хорошій человѣкъ»—и не кончилъ его. Что̀ помѣшало ему довершить этотъ трудъ? начавшійся ли недугъ, или что-нибудь другое?

Слѣпцовъ умеръ въ одномъ изъ нашихъ захолустьевъ, безпомощный, почти забытый, благодаря болѣе нежели пятилѣтнему прекращенію его литературной дѣятельности.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНГРЕССЪ.

Мы получили отъ комитета парижскаго Общества Литераторовъ (Société des gens de lettres) слѣдующее заявленіе:

«Комитетъ парижскаго общества литераторовъ рѣшилъ, что въ Парижѣ, во время всемірной выставки, будетъ устроенъ литературный конгрессъ. Задача этого конгресса, къ которому приглашаются всѣ иностранные писатели, должна главнымъ образомъ состоять въ разрѣшеніи вопросовъ, относящихся къ праву международной литературной собственности, и въ признаніи непререкаемости этого права, до сихъ поръ, несмотря ни на какія дипломатическія конвенціи, не пользующагося никакими надежными гарантіями.

«Мы сочувственно относимся къ этому рѣшенію, такъ какъ результаты его могутъ принести несомнѣнную пользу литературѣ и искуству; большое количество литераторовъ уже отвѣтило на посланныя приглашенія, и нѣтъ сомнѣнія, что громадная литературная сходка, на которой будутъ присутствовать всѣ современныя литературныя знаменитости, представитъ одну изъ самыхъ привлекательныхъ сторонъ предстоящей выставки.

«Мы имѣемъ основаніе думать, что правительство республики относится къ этой идеѣ весьма симпатично и что оно уступитъ въ распоряженіе Конгресса залъ въ одномъ изъ зданій, принадлежащихъ государству».

А вотъ и программа конгресса:

Вторникъ 4-го іюня (нов. ст.). *Засѣданіе закрытое.* Повѣрка именного списка членовъ конгресса. Распредѣленіе работъ. Назначеніе комиссій.

Четвергъ 6-го іюня. *Засѣданіе публичное.* Рѣчь Виктора Гюго.—Общія пренія.—О правѣ литературной собственности.—Объ условіяхъ этого права.—О продолжительности его.—Можетъ ли литературная собственность быть приравнена другимъ видамъ собственности, или же, для обезпеченія ея, потребны особые законы?

Суббота 8-го іюня. *Засѣданіе публичное.* О воспроизведеніяхъ.—О переводахъ.—О переложеніяхъ и усвоеніяхъ.—О правѣ литературной собственности.—О недостаточности дипломатическихъ конвенцій въ видахъ гарантированія этого права.—О затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ при соблюденіи формальностей, требуе-

мыхъ существующими нынѣ конвенціями. — Отысканіе точной формулы, которая могла бы быть на будущее время введена въ торговые договоры, взамѣнъ прежнихъ устарѣлыхъ формулъ.

Воскресеніе 9-го іюня. *Засѣданіе публичное.* Предложеніе на рѣшеніе членовъ конгресса выработанной формулы.—Проэктъ литературной конвенціи, въ силу которой всякій иностранный писатель будетъ сравненъ съ писателями туземными въ пользованіи правами на принадлежащее ему произведеніе.

Вторникъ 11-го іюня. *Засѣданіе публичное.* Условія дѣятельности писателей въ наше время.—О литературныхъ ассоціаціяхъ.—Свѣденія о различныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ въ виду улучшеніе положенія литераторовъ, во всѣхъ странахъ.—Изложеніе желательныхъ по этому предмету улучшеній.

Четвергъ 13-го іюня. *Засѣданіе закрытое.* Работы комиссій.—Голосованіе по этимъ работамъ.—Назначеніе постоянной международной комиссіи.

Суббота 15-го іюня. *Засѣданіе публичное.* Чтеніе предложеній, принятыхъ Конгрессомъ. Заключеніе работъ.

Со всѣми сообщеніями, относящимися до конгресса слѣдуетъ адресоваться такъ: à M. Pierre Zaccone, Vice-Président du Comité de la Société des Gens de Lettres, 5, rue Geoffroy-Marie, Paris.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1878 г.

(По общей нумераціи тома CCXXXIII).

Мартъ № 3.

СТРАН.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ. VI. **А. Энгельгардта** 5
ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ Н. А. НЕКРАСОВА. «Мужъ и жена». 43
АВТОБІОГРАФІЯ СТАРАГО ЧАРТИСТА. 45
ТРИ ПИСЬМА. (Изъ воспоминаній Долбежникова). **Г. Иванова.** 101
ПРОИСШЕСТВІЕ. **Всеволода Гаршина** 129
ОБРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. **Герберта Спенсера** . . . 156
ИСТОРІЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ. Соч. Виктора Гюго . 159
Стихотворенія. **Алексѣя Жемчужникова.** 198
РАЦІОНАЛИЗМЪ НА ЮГѢ РОССІИ. 1. Почва малорусской штунды. 203
СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛІЯ. IV—VI. **Н. Щедрина** 225
КАПИТАНСКАЯ КАЮТА. Святочный разсказъ **Эдуарда Дженкинса**, автора «Джиксова Младенца». (Приложеніе въ концѣ книги. *Окончаніе*).

Апрѣль № 4.

ЗА ДУНАЕМЪ. (Изъ воспоминаній о войнѣ) **Н. Максимова.** 247
ИЗЪ ИСТОРІИ МОЕГО ХОЗЯЙСТВА. **А. Энгельгардта** . . 286
ОБРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. **Герберта Спенсера** . . . 323
ТРИ ПИСЬМА. (Изъ воспоминаній Долбежникова). IV. **Г. Иванова** 349
ПИРЪ ДРУЗЕЙ. (*Стихотвореніе*). **Александра Арсеньева.** . 369
ДИТЯ ГОСУДАРСТВА. Разсказъ. Изъ американской жизни. 371
ПІЙ IX. Какъ папа, государь и человѣкъ. 391
ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ Н. А. НЕКРАСОВУ. С—ву. Отрывокъ. Старость 417
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ—ДОМА. (Изъ записокъ провинціальнаго адвоката). **В. Кроткова.** 419
ИСТОРІЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ. Соч. Виктора Гюго. (*Окончаніе перваго тома*). 459
СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛІЯ. VII. **Н. Щедрина** 517

стран.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Мартъ № 3.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ НА 1878 Г. **А. Головачова**. 1
КАВКАЗСКІЙ БЕРЕГЪ ЧЕРНАГО МОРЯ. 34
ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Отношеніе Франціи къ восточному и римскому вопросамъ.—Смерть папы Пія IX.—Образъ дѣйствій обѣихъ палатъ по поводу этой смерти.—Торжественныя заупокойныя мессы въ Парижѣ и Версали. — Губернаторъ Ладмиро и его преемникъ Эмаръ.—Кандидатъ въ папы каррикатуриста Жиля.—Адресъ новому папѣ восьми клерикальныхъ газетъ и милліонъ ленты св. Петра.—Погребеніе Клода Бернара и національныя почести наукѣ. — Либеральные адвокаты и судьи ультрамонтаны. — Приготовленія къ празднованію столѣтія памяти Вольтера.—Дуэль въ Марсели по поводу гражданскаго брака.—Вызовъ де-Мёна Рошфоромъ.—II. Выборы 27-го января.—Избирательный циркуляръ де-Марсэра. — Вопросъ военному министру. — Вопросъ хранителю государственной печати.—Ораторская дуэль между Руэромъ и Гамбеттой.—Запросъ Лоржериля.—Четыре предохранительные закона и бюджетъ. — Заявленіе Буассе объ отдѣленіи церкви отъ государства.—Неудача де-Мёна и отвѣтъ министра Барду.—Безсиліе сената.—Новое требованіе одной двѣнадцатой бюджетныхъ суммъ.—24-е февраля и открытіе памятника Ледрю-Роллена.—III. Празднованіе карнавала и театральныя новости—Большая Опера.—Итальянская опера и представленія Сальвини.—«Эрнани» В. Гюго.—«Раздѣлъ», драма академика Легуве. — «Знаменитый процессъ», мелодрама Деннери и Кормона. — «Прекрасная госпожа Донисъ» и «Блаксоны» —Чисто парижскіе фарсы: «Клубъ», «La Cigale» и «Niniche», «Цыганка», оперетка Штрауса.—«Маленькій Герцогъ», оперетка Лекока —Банкротство «третьяго лирическаго театра».—Смерть художника Шарля Добиньи. **Людовика** 56
НОВЫЯ КНИГИ. Общинное землевладѣніе. А. Посникова.—Причина ненависти англичанъ къ славянскимъ народамъ. Соч. Платона Лукашевича.—Черноземныя поля Романъ Евгенія Маркова.—Очеркъ исторіи русской

сцены въ біографіяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Сост. С. Бураковскій. — Некрещенный попъ. Н. С. Лѣскова 81
КОПЕЕЧНАЯ СВѢЧКА ВЪ ПАМЯТЬ О НЕКРАСОВѢ. **С. П—ва** 100
ОТГОЛОСКИ ИЗЪ ЗАХОЛУСТЬЕВЪ ВСЕРОССІЙСКАГО ЦАРСТВА. **Михаила Маркова** 111
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Книжка на смерть Н. А. Некрасова. — Исповѣдь Некрасова, переданная г. Суворинымъ.—Измышленный г. Достоевскимъ, въ объясненіе этой исповѣди, демонъ *самообезпеченія*.—Страданія отъ него Некрасова и успокоеніе и очищеніе его въ любви и правдѣ народной и на плитахъ сельскаго храма.—Справедливо ли мнѣніе г. Достоевскаго, «Гражданина» и друг., что Некрасовъ, по недостатку образованія, всю жизнь состоялъ подъ чужимъ вліяніемъ и что подъ этимъ вліяніемъ написаны всѣ его (яко бы) фальшивыя, т. е. тенденціозныя стихотворенія.—О критикахъ-эстетикахъ Некрасова вообще и въ частности о г. Марковѣ.—Истинная точка зрѣнія для оцѣнки поэзіи Некрасова.—Составляетъ ли, съ этой точки зрѣнія, монотонность стихотвореній Некрасова недостатокъ? — Бургіевскій пріемъ г. Маркова для оцѣнки художественной стороны стихотвореній Некрасова.—Неудачное приложеніе г. Марковымъ патріотическаго элемента къ критикѣ . . 116
ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. **Н. М.** 142

Апрѣль № 4.

КРЕСТЬЯНСКІЕ НАДѢЛЫ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. (Нѣсколько замѣчаній на книгу князя Васильчикова «Землевладѣніе и земледѣліе» и на его отвѣтъ критикамъ и рецензентамъ). **П. Костычева** 171
НА СЛАВЯНСКОМЪ РАСПУТЬѢ. (Мотивы и выводы). **П. Боборыкина**. 193
ОТВѢТЪ ГГ. БѢЛОВУ, КОСТОМАРОВУ И МИЛЛЕРУ. **Е. Карновича** 223
Г-нъ КОСТОМАРОВЪ ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАДАЧѢ. **С. К—о.** 239
ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Выборы 3—17-го марта. — Два главныхъ [illegible]ительныхъ законопроэкта и [illegible]ионеровъ. — Принятіе сенатомъ [illegible] разносной продажѣ произведеній печати.—Продолженіе провѣрки полномочій въ палатѣ. — Вы-

СТРАН.

ходка Поля де-Касаньяка, скандалы и дуэли за ней воспослѣдовавшіе. Дѣло Жанта.—Недовольство и раздоры конституціоналистовъ. — Пренія въ сенатѣ объ осадномъ положеніи.—Рѣчь Дюфора.—Заявленіе Боше.—Поправка конституціоналистовъ. — Почти полное признаніе закона.—Годовщина 18-го марта.—Бюджетъ расходовъ въ сенатѣ и попытка ультрамонтановъ.—Начало реформъ, полезныхъ для народа. — Побѣда Фрейсинэ и общественныя работы.—Нѣсколько словъ о стачкахъ.—II. Оживленіе Парижа по случаю близости открытія всемірной выставки.—Конгрессы.—Приготовленіе къ празднованію столѣтней годовщины дня смерти Вольтера.—Театры: «Обыватели города Понтарси» Викторьена Сарду на сценѣ театра Водевиля.—Жалкая заоблачная фантазія Фердинанда Дюге.—Неудача Дюма на сценѣ «Одеона». — «Les Misérables» Шарля Гюго на сценѣ театра Сен-Мартенскихъ воротъ и отзывъ объ этой пьесѣ Вакерй.—«Старые общественные слои» комедія Гондинэ.—«Maître Peronilla» Оффенбаха.—Оперныя новости. Людовика. 259

НОВЫЯ КНИГИ: Публичныя лекціи Ореста Миллера.—Петербургскій полусвѣтъ. Романъ. М. Филипова.—Тайны великосвѣтской женщины. Кн. А. Кочубей. — Путешествія и разсказы А. А. Тишанскаго.—Вильямъ Карпентеръ.—Надя. Поэма Н. Чаева.—Экономическіе опыты В. Трирогова. 281

КОПЕЕЧНАЯ СВѢЧКА ВЪ ПАМЯТЬ О НЕКРАСОВѢ. (Дополненіе). **С. Пономарева** 299

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Рѣчь предсѣдателя московскаго славянскаго общества о князѣ Черкасскомъ. — Наше странное отношеніе къ мужику.—Военная постановка нашего общества.—Оправданіе г-жи Засуличъ.—Отвѣтъ г. Суворину. 303

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Н. М. 328

А. В. СЛѢПЦОВЪ. Некрологъ. 348

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНГРЕССЪ . . 349

1-го апрѣля вышла и разослана подписчикамъ IV-я, апрѣльская, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ: I. **Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій**, гл. вторая, историко-біографическій очеркъ.—II. **Кн. Ксаверій Друцкой-Любецкій**, министръ финансовъ Царства Польскаго и членъ Русскаго Госуд. Совѣта, воспоминаніе О. А. Пржецлавскаго. — III. Записки артистки **Л. П. Никулиной-Косицкой** (окончаніе).—IV. **Иванъ Константиновичъ Айвазовскій** и его художественная сорока-двухъ-лѣтняя дѣятельность, 1836 — 1878 гг. (разсказы и воспоминанія). — V. **Записки о Восточной войнѣ**, доктора А. А. Генрици, 1854—1856 гг.—VI. **Родословіе царствующаго въ Россіи дома Романовыхъ.**—VII. Библіографическій листокъ новыхъ книгъ. — VIII. Указатель личныхъ именъ въ XXI-мъ томѣ «Русской Старины».

Хромолитографическій портретъ Н. В. Гоголя—вполнѣ точное воспроизведеніе подлинника, писаннаго знаменитымъ художникомъ А. А. Ивановымъ, въ 1841 г., въ Римѣ, печатается подъ наблюденіемъ академика Л. А. Сѣрякова въ Парижѣ г-мъ Лемерсье. Портретъ этотъ, какъ извѣщаетъ г. Сѣряковъ, будетъ вполнѣ отпечатанъ только въ концѣ апрѣля, а потому разошлется не ранѣе, какъ при майской книгѣ «Русской Старины». Подписчики «Русской Старины» изд. 1877 г., не возобновившіе подписки на 1878-й годъ, также получатъ портретъ Гоголя, если доставятъ нынѣшніе свои адреса.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ»

1878 г.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ «Русской Старины» **1878** г., съ портретами и проч. приложеніями, съ пересылкою **восемь** рублей.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ «Русской Старины», при книжномъ магазинѣ **Н. И. Мамонтова**, на Невскомъ Проспектѣ, д. № 46 (противъ Гостиннаго Двора). Въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ Бульварѣ, д. Алексѣева, и **Н. И. Мамонтова** (на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова).

☛ Гг. иногородные подписчики имѣютъ высылать свои требованія исключительно: *въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Русская Старина»*, у Екатерининскаго канала, по Большой Подъяческой, д. № 7.

Изъ прошедшихъ годовъ изд. «Русской Старины» можно получить—изд. 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.) и 1877 г. Каждаго года всѣ 12 книгъ съ портретами 8 руб. съ пересылкой.

Изд.-ред. «Русской Старины» **М. Семевскій.**

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. И. МАМОНТОВА.

С.-Петербургъ, Невскій пр., противъ Гостиннаго двора № 46.

Бывшій **А. И. ГЛАЗУНОВА.**

Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова.

За послѣднее время поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

Златовратскій, Н. Среди народа. Крестьяне-присяжные. Бытовые очерки. Спб. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 1 ф.

Адальбертъ. За семи печатями. Романъ. Перев. съ нѣмецк. М. Ц. 1. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Додэ, Э. Преступленіе Жана Малори. Романъ. Перев. съ франц. Спб. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 1 ф.

Законэ, П. Парижскіе Авантюристы. Романъ. Спб. Ц. 1 р.; вѣс. 1 ф.

Ульбахъ, Л. Который изъ всѣхъ? Романъ. Спб. Ц. 1 р. 25 к.; вѣс. 1 ф.

Минаевъ, Д. Пѣсни, Сатиры и Комедія Либералъ. Спб. Ц. 1. р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

— Евгеній Онѣгинъ нашего времени. Романъ въ стихахъ. 3-е исправл. изд. съ прибавленіемъ новой главы и эпилога. Спб. Ц. 1 р.; вѣс. 1 ф.

Михневичъ. Всего понемножку. Фельетонно-юмористическіе наброски. Спб. 1865 г. (поступило въ продажу только теперь). Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Боллью. Кашмиръ и Кашгаръ. Дневникъ англійскаго посольства въ Кашгарѣ въ 1873—1874 гг. Спб. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Тролле. Блокадопрорыватель у береговъ Финляндіи. Переводъ съ шведскаго. Спб. Ц. 60 к.; вѣс. 1 ф.

Крестовскій. Петербургскія Трущобы. Романъ. 4 тома. Спб. Ц. 5 руб.; вѣс. 6 ф.

Зеленый Островъ. Разсказъ о томъ, что такое деньги, торговля и трудъ. Изданіе журнала «Воспитаніе и Обученіе». Спб. Ц. 15 к.; съ перес. 35 к.

Прейеръ. О причинѣ сна. Перев. съ нѣмецк. М. Ц. 40 к.; вѣс. 1 ф.

Полный Сборникъ Оффиціозныхъ Телеграммъ Восточной войны 1877—1878 гг. Выпускъ 2-й. Цѣна 30 к.; вѣс. 1 ф. Тоже оба выпуска. Ц. 90 к.; вѣс. 2 ф.

Львовъ, кн. В. В. Сѣрый Армякъ, или исполненное обѣщаніе. Повѣсть для дѣтей. М. Ц. 1 р.; вѣс. 1 ф.

Лоди. Польскія пасхальныя печенія въ подарокъ русскимъ хозяйкамъ. Спб. Ц. 20 к.; съ перес. 40 к.

Гарнакъ, А. Волостной Судъ, Законы, распоряженія правительства и циркуляры для крестьянъ. М. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Уставъ Уголовнаго Судпроизводства для Германской Имперіи съ закономъ о введеніи его въ дѣйствіе 1-го февраля 1877 г. Переводъ И. Соболева. Спб. Ц. 1 р; вѣс. 1 ф.

Мельниковъ, Н., технологъ. Производство суррогатовъ кофе. Свекловичнаго, морковинаго, ячменннаго, желудинаго, овсянаго, пшеничнаго, ржаного, каштановаго, финиковаго, рожковаго, спаржеваго, пырейнаго и др. кофе. Съ политипажами. Спб. Ц. 1 р.; вѣс. 1 ф.

— Производство съѣдобной желатины. Съ чертежами и планомъ завода. Спб. Ц. 1 р.; вѣс. 1 ф.

— Производство сахарнаго кулера. Пивнаго, виннаго, уксуснаго, ромоваго, водочнаго, ликернаго, кофейнаго, араковаго и др. сортовъ кулера. Съ политипаж. Спб. Ц. 1 р.; вѣс. 1 ф.

Преображенскій, П. Бесѣды о современномъ земледѣліи со всѣми его отраслями. Для начинающихъ, крупныхъ, среднихъ, мелкихъ землевладѣльцевъ, арендаторовъ, управляющихъ таксаторовъ, учащихъ и учащихся. Часть 1-я, выписки 1-й и 2-й. М. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

ГАСТОНЪ БУАСЬЕ (BOISSIER).

РИМСКАЯ РЕЛИГІЯ,

отъ Августа до Антониновъ. Переводъ *Маріи Корсакъ*. Изданіе *К. Т. Солдатенкова*. М. Ц. 5 руб.; вѣс. 4 ф.

ГЕОМЕТРІЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ и ПРАКТИЧЕСКАЯ,

съ примѣненіемъ къ линейному черченію, архитектурѣ, землемѣрію, съемкѣ плановъ, гномоникѣ, перспективѣ, тѣнямъ и проч., и главнѣйшія начала начертательной геометріи **Соннэ**. Съ перваго франц. изд. перевелъ В. Н. Травинъ. Съ 98 полит. въ текстѣ. Выпускъ V: о поверхностяхъ и линіяхъ (начала начертательной геометріи и поверхности). Изд. Н. И. Мамонтова. М. Ц. 1 р.; вѣс. 1 ф.

СТРАН.

Рѣчь Дюфора.—Заявленіе Боше.—Поправка конституціоналистовъ.—Почти полное признаніе закона.—Годовщина 18-го марта. — Бюджетъ расходовъ въ сенатѣ и попытка ультрамонтановъ. — Начало реформъ, полезныхъ для народа.—Побѣда Фрейсинэ и общественныя работы.—Нѣсколько словъ о стачкахъ.—II. Оживленіе Парижа по случаю близости открытія всемирной выставки. — Конгрессы.—Приготовленіе къ празднованію столѣтней годовщины дня смерти Вольтера.—Театры: «Обыватели города Понтарси» Викторьена Сарду на сценѣ театра Водевиля.—Жалкая заоблачная фантазія Фердинанда Дюге.—Неудача Дюма на сценѣ «Одеона».—«Les Misérables» Шарля Гюго на сценѣ театра Сен-Мартенскихъ воротъ и отзывъ объ этой пьесѣ Вакерй.—«Старые общественные слои» комедія Гондинэ.—«Maître Peronilla» Оффенбаха.—Оперныя новости. **Людовика**. 259

XVII. — НОВЫЯ КНИГИ. Публичныя лекціи Ореста Миллера.—Петербургскій полусвѣтъ. Романъ. М. Филипова —Тайны великосвѣтской женщины. Кн. А. Кочубей.—Путешествія и разсказы А. А. Тишанскаго.—Вильямъ Карпентеръ. — Надя. Поэма Н. Чаева.—Экономическіе опыты В. Трирогова. . . . 281

XVIII. — КОПЕЕЧНАЯ СВѢЧКА ВЪ ПАМЯТЬ О НЕКРАСОВѢ. (Дополненіе). **С. Пономарева** 299

XIX. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Рѣчь предсѣдателя московскаго славянскаго общества о князѣ Черкасскомъ. — Наше странное отношеніе къ мужику.—Военная постановка нашего общества.—Оправданіе г-жи Засуличъ.—Отвѣтъ г. Суворину . . . 300

XX. — ЛИТЕРАРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. **Н. М.** 328

XXI. — А. В. СЛѢПЦОВЪ. Некрологъ. 338

XXII. — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНГРЕССЪ 349

Объявленія: о выходѣ апрѣльской книжки «Русской Старины». Отъ книжнаго магазина И. И. Мамонтова. При этомъ № прилагается всѣмъ подписчикамъ объявленіе: Указатель по дѣламъ печати.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ въ 1878 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ

въ С.-Петербургѣ безъ доставки: **15** р. **50** к., *съ доставкою:* **16** р. сер., *съ пересылкою:* **17** руб. серебромъ.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Данію, Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію, Америку, во Францію 19 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ: *Въ Главной Конторѣ* Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Басейной, домъ № 2.

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **исключительно** *въ Главную Контору* «Отечественныхъ Записокъ».

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ

Н. А. НЕКРАСОВА.

Стих. 1874—77 гг.

Цѣна 2 руб.

Книгопродавцамъ обычная уступка. Обращаться за экземплярами къ г-жѣ Викторовой (Литейная, № 38, кв. № 4)

Гг. иногородные могутъ обращаться въ главную контору «Отечественныхъ Записокъ».

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. НЕКРАСОВА.

ШЕСТЬ ЧАСТЕЙ, ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

Цѣна за всѣ три тома (до ста печатныхъ листовъ) **6 руб.**, вѣс. за 6 ф.

Отдѣльно: часть VI — 1 р. 50 к.; части IV и V по 2 р.

Выписывающіе «Стихотворенія» черезъ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ» (Басейная, 2) за пересылку ничего не прилагаютъ.

Редакторъ **М. Е. Салтыковъ.**

BOUND BY
HNM

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 117963493